



Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

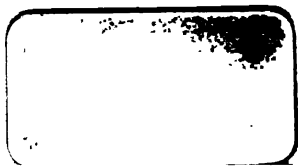
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

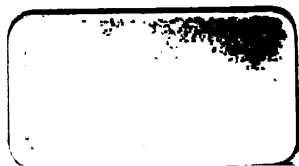
About Google Book Search

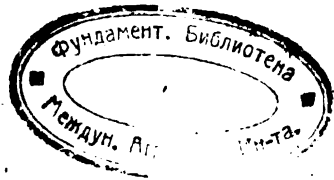
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80



Per. 278975 d. 80





ОТЪ РЕДАКЦІИ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“.

(Отвѣтъ новымъ подписчикамъ на 1866 годъ).

Въ объявленіи объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1866 году было обѣщано новымъ подписчикамъ *бесплатное приложение* первыхъ четырехъ частей романа г. Вс. Крестовскаго *Петербургскія труппы*, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 и 1865 гг. (Большой томъ, въ сорокъ печатныхъ листовъ или около 650 страницъ, формата «Отечественныхъ Записокъ»). Редакція просила «заблаговременно, и никакъ не позже 1-го марта, увѣдомить ее, кто изъ подписывающихся въ 1866 году [не подписывался въ 1865, дабы избѣжать затрудненій отъ слишкомъ запоздалыхъ требованій] и своевременно выслать приложение.

Согласно этому заявленію редакціи, обѣщанное приложение бесплатно выслано всѣмъ подписавшимся до 1-го марта и заявившимъ при подпискѣ, что они не получали «Отечественныхъ Записокъ» въ 1865 году. !

Видѣтъ съ этимъ и *всѣ заготовленные экземпляры приложения разошлись*.

Между тѣмъ, подписка продолжается и въ редакцію поступаютъ просьбы, отъ вновь подписывающихся послѣ 1-го марта, выслать и имъ *бесплатныя* приложения. Также и отъ новыхъ подписчиковъ, приславшихъ свои требованія еще до марта, поступаютъ письма такого рода, что они хотя и новые подписчики, но забыли *заблаговременно* объявить о томъ, и потому просятъ выслать и имъ приложение.

Хотя, согласно своему заявленію, редація и могла бы уклониться отъ исполненія запоздалыхъ требованій, но такъ-какъ многіе, дѣйствительно, не читая объявленія, могли подписаться на «Отечественныя Записки» или не обративъ вниманія на сдѣланное редакціею условіе (такъ, по крайней мѣрѣ, они объявляютъ въ своихъ письмахъ), то редація вынуждена приступить ко второму изданію первыхъ четырехъ частей «Петербургскихъ трущобъ». Она проситъ только всѣхъ незаявившихъ своевременно требованій или подписавшихся послѣ 1-го марта, обождать, пока будетъ отпечатано это второе изданіе. Приняты мѣры, чтобъ оно было отпечатано возможно скоро. Вторымъ изданіемъ «Петербургскихъ трущобъ» будутъ бесплатно удовлетворены и тѣ, которые подписались до 1-го марта, но не заявили, что они новыя подписчики, и тѣ, которые подпишутся ввредъ, до конца года.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАНІИ

А. КРАВСКИМЪ и С. ДУДЫШЕВНЫМЪ.

ТОМЪ СLXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.



Л Ъ Ш І Й.

СКАЗОЧНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродить,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ.

А. Пушкинъ.

(Посвящается М. П. П.).

Тебѣ, лѣсовъ страны полночной житель —
(Хоть и прискучили тебѣ лѣса,
Зане ты подневольный ихъ хранитель) —
Тебѣ я посвящаю чудеса,
Которыхъ при Горохѣ міръ былъ зритель.
Тебѣ понятны: дивная краса
Дубравъ, и ихъ мохнатый покровитель,
И гулкіе лѣсные голоса!

Люблю я лѣсъ; смертельная охота
Забраться въ глушь, чтобъ душу освѣжить!
Среди одѣтаго въ гранитъ болота,
Невесело и даже подло жить:
Вокругъ прогресь, да карты, да забота,
Какъ бляжпаго, что липку, облупить!

Января 30, 1866 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Памфилова изба.

Л И Ц А:

Памелъ Ильичъ Бовровъ, посадскій.
Ольга Марковна, жена его.
Аннушка, Ольгина младшая сестра.
Ванька Гора, живецъ у Памфила въ причащникахъ, вольный человѣкъ.
Мартинъ Ефремичъ, мельникъ, Памфиловъ куpezъ.

Т. CLXVI. — Отд. I.

1

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ.

Поляна въ лѣсу.

ЛИЦА:

ЛѢШІЙ.

ЛѢШЧИХА.

ПАМФИЛЪ БОВРОВЪ.

ОЛѢНА.

АННУШКА.

ВАНЬКА.

КУМЪ МАРТИНЪ.

ЕРѢЙКА { Памфиловы батраки.

СТѢНКА {

1 } лѣсными русалки.

2 }

Русалки; Памфиловы батраки.

Дѣйствіе происходитъ при царѣ Горохѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Памфилова изба.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АННУШКА, собираетъ на столѣ; входитъ ВАНЬКА.

АННУШКА. — Чего тебѣ?

ВАНЬКА. —

Чего? пора обѣдать.

АННУШКА. — Впередъ хозяина за столъ не сядешь.

ВАНЬКА. — Я развѣ лѣзу?

АННУШКА. — Такъ чего-жъ пришолъ?

Пождалъ бы, парень, какъ придетъ хозяинъ.

ВАНЬКА. — Ты вѣрно нонѣ лѣвою ногой

Съ постели встала?

АННУШКА. — А и врешь, не лѣвой,

На обѣ сразу стала.

ВАНЬКА. —

Такъ съ чего-жъ

Облаяла меня, чуть въ избу глянулъ?

АННУШКА. — Съ того-же, безъ толку всегда суешься.

Тебѣ смѣшки, а дѣвкѣ достается,

Журять-бранять Анютку за тебя.

ВАНЬКА. — Кто смѣетъ?

АННУШКА. — А кому охота есть. (*Помолчавъ*).

Извѣстно, всё сестра; проходу нѣту;

Всё за тебя: «бадуешь-де съ Ванюшкой».

ВАНЬКА. — Ишь, чортъ какой живетъ!

АННУШКА. — Зубастый, парень.

ВАНЬКА. — Да ей-то что? Аль завидки берутъ?

АННУШКА. — Должно, что такъ. Тебя все хвалятъ.

«Не ты бы», баеть, «онъ и не подумалъ».

«Онъ парень смиренный, хотъ веревки веи».

«Черезъ тебя совсѣмъ перемѣнился:

«Не хочеть знать, что я въ дому хозяйка;

«Коль встрѣтится, такъ нѣтъ чтобъ поклониться;

«Я на него гляжу, а онъ воротить

«Свое лицо-де отъ меня».

ВАНЬКА. — Куда

Пошло! Должно, я приглянулся

Твоей сестрѣ. — И то сказать, Анюта,

Хозяинъ нашъ куда противъ нее:

И старъ, и сѣдъ, да нравный вышелъ, дьяволь.

Чуть не по немъ, сейчасъ зацѣзеть въ рыло.

АННУШКА. — Ты пожалѣй ее; поплачь, разрымся.

ВАНЬКА. — А ты не пожалѣешь?

АННУШКА (*Насмѣливо*). — Больно жалко!

За стараго пошла, вѣкъ загубила!

ВАНЬКА. — Чего смѣешься?

АННУШКА. — Аль жалѣть ее?

Насильно, что-ли, дѣвку отдавали?

Къ вѣнцу тянули на веревкѣ, сважешь?

Сама пошла: польстилась на богатство.

Не захотѣла съ человѣкомъ жить,

Живъ съ богатствомъ.

ВАНЬКА. — Такъ-то такъ, Анюта.

А все же жалко, баба молодая,

Красивая!

АННУШКА. — Хвали, хвали побольше!

ВАНЬКА. — Что хорошо, не стать же, дѣвка, хаять?

АННУШКА. — Ужь и она тебя хвалила, парень,

Немало выхвалять-то принималась:

«Пригожь-де, бѣлъ, румянъ, разумный, дошлый».

Чего-чего не прибирала только!

«Жаль», баеть, «смотреть волкомъ на меня,

«А я его душевно любила!»

Ванька. — Ты что жь сердчаешь?

Аннушка. — А чего сердчать?

Попритчалось тебѣ, — я рада, парень.

Тебя похвалять, на сердцѣ веселье.

Ванька. — И хвалить-то пригожая молодка:

Кровь съ молокомъ! Спасибо ей, спасибо!

Аннушка. — Не кровь, жаль, на щекахъ-то половѣеть,

Не молоко въ лицѣ-то разыгралось —

Заповѣли алыя румяна,

Бѣлилами лицо себѣ бѣлила,

Да брови соболинныя сурмла.

Охъ, писана красавица!

Ванька. — Ой, врешь!

Аннушка. — Да ты поди, попробуй, поцалуйся!

Да послѣ приходи — я, такъ и быть,

Уважу парня — дамъ воды умыться.

А то нехорошо: лицо замажешь,

А мужъ увидить да подыметъ драку.

Ванька. — И злой же у тебя языкъ!

Аннушка. — Недобрый,

Да и не злой; охоча просто, парень,

Я посмѣяться; нравъ такой весѣлый.

Ванька. — Я сколько дѣвокъ ни любилъ — такой

Какъ ты, не видывалъ.

Аннушка. — А много, парень,

Ты на своемъ вѣку любилъ?

Ванька. — Да какъ

Тебѣ сказать, не то, чтобъ больно много —

Такъ, баловался больше.

Аннушка. — Надсмѣешься

Да и повинешь? Поминная, какъ звали!

Ванька. — Ты слушай...

Аннушка (*перебивая его*). — То-то ты сестру и хвалишь!

Ты не любви, молодки, парень, пишешь.

Ванька. — Сказать нельзя, сейчасъ и закипѣла!

Ишь, кипятокъ какой!

Аннушка. — Да мнѣ-то что?

Люби, люби сестру, — поди, цалуйся!

Ванька. — Ты не бранись, а то и поцалую.

На зло тебѣ разъ двадцать обойму.

Аннушка. — И поцалуй! Ты такъ-то, парень?

А я вѣдь думала: «какой душевный!»

Спасибо, парень, надоумилъ дѣвку.

ВАНЬКА. — Да что ты? Нѣшто я и вправду стану?

АННУШКА. — А кто тебѣ знаетъ! Также надсмѣяться
И надо мной хотѣлъ, какъ надъ другими,
Да я не изъ поддамливыхъ. Подай
Сюда кольцо. Подай!

ВАНЬКА. — Еще что скажешь!
Что подарила, не бери назадъ.

АННУШКА. — Я какъ дарила, думала, что любишь.
А за издѣвку не дарятъ кольцомъ.

ВАНЬКА. — Ну, полно-тѣ; — съ другими баловался,
Тебя люблю.

АННУШКА. — А похвалилъ Олѣну?
Съ ней цаловаться-миловаться хочешь?

ВАНЬКА. — Тѣфу, пропасть! Бѣлены объѣлась!

АННУШКА. — Полно,
Не ты ль объѣлся? Ты шутить гораздъ,
Да я догадлива. Любила парня,
Не захочу, и брошу, не заплачу.
А надсмѣюсь тебѣ въ глаза, голубчикъ:
И видить-моль собака молово,
Да рыло коротко.

ВАНЬКА. — Дуришь ты, дѣвка.
Я на тебѣ хотѣлъ жениться; думалъ
Во всемъ тебѣ, Анютка, повиниться,
Вылое бросить.

АННУШКА. — Подавай кольцо.

ВАНЬКА. — Гляди же, дѣвка, не пѣнай потомъ.
Чу, сердце колыхливое у парня,
Какъ разколышится — бѣда!

АННУШКА. — Подай... (Входитъ Олѣна).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же; Олѣна.

Олѣна (входя). — Ну, такъ и есть! Ищу ее, ищу;
За дѣломъ, думаю, сидитъ, анъ вышло,
Что передъ парнемъ дѣвка лебезить: —
Аль замужъ хочется?

АННУШКА. — Ни ты хозяйка,
Ни я работница твоя-батрача,
Пріѣхала гостить, и прочь поѣду. (Съ поклономъ).
Соскучилась по матушкѣ, сестрица.

Олѣна. — Никто не держить. Поѣзжай себѣ.

Немного проку отъ тебя, злодѣйки;

Что съ мужемъ-то съ монмъ сидишь въ потѣмкахъ,

Да онъ тебѣ колечко подарилъ,

Да всё тобою попрекаетъ — только

И есть. — Прощай, я голосить не стану.

Аннушка. — Всѣ врѣшь, всё врѣшь! И какъ тебѣ не стыдно?

Просила я, чтобъ мужа своего

Ты уняла, — такъ ты не хочешь слышать,

Чтобы самой вольготнѣй было.

Олѣна. — Ты?

Ты? ты просила? Хвастала парокомъ:

«Гляди-молъ, я какая пава вышла,

«Что мужа у тебя отбила!»

Аннушка. — Такъ-то?

Олѣна. — Чтò такъ-то? ась? Сама всёмъ рада виснуть

На шею. Стыдь-отъ потеряла вовсе,

Да на меня сворачивать! Гляди-кась!

Аннушка. — Сама ты знаешь, что со злости врѣшь.

Да чтò съ тобою говорить — простинешь,

Тогда поговоримъ. *(Хлопнувъ дверью, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ванька и Олѣна.

Олѣна. — Чтò, видѣлъ, парень?

Нѣтъ, видѣлъ, какова? Охъ, королевна!

По величанью королевна просто! *(Передразнивая ее).*

«По матушкѣ соскучилась, поѣду».

Чѣмъ матушкѣ кормить — не спросить.

Ванька. — Съ чего ты взѣлась на нее? Ты плюнь.

Олѣна. — И то что плюнуть. Да обидно только,

Предъ всѣми-то, предъ всѣми гордыбачить.

Чуть не по ней, и хлопнула дверьми.

Дивлюсь я, парень, на тебя немало,

Съ чего ты это привязался къ ней?

Ванька. — Я развѣ привязался? Приглянулась;

Такъ, позабавиться со скуки думалъ.

Олѣна. — Чтò въ ней хорошаго? Тебя полюбить

Любая дѣвка, али молодница.

Да я сама — лихъ, Ильича боюсь —

А то бы полюбила, право.

ВАНЬКА. —

Ой-ли?

ОЛЁНА. — Чего смѣешься? Нѣшто самъ не знаешь,
Что уродился парень кудреватый,
Всѣмъ миль-пригожъ.

ВАНЬКА. —

Ужъ больно хвалишь!

Не сглазь, гляди.

ОЛЁНА. —

Не бойся: у меня

Хорошій глазъ; не то, что у другихъ.
Вотъ у Анютки, такъ дурной-пресверный,
Какъ взглянуть на ребѣнка,—окривѣть.

ВАНЬКА. — Далась тебѣ Анютка.

ОЛЁНА. —

Охъ, постыла!

Взгляну, такъ всё нутро-то и воротить.
Боясь, не сглазила-бъ тебя. А ты
На братца нашего похожъ на Васю,
Такой же бѣлый былъ голубчикъ, добрый,
Любила я его. Охъ-охъ!

ВАНЬКА. —

Что жъ, померъ?

ОЛЁНА. — Охъ, померъ, бѣдный! На тебя гляжу

И ровно онъ живой передо мною

Стоитъ. Дай я тѣ поцалую, Ваня. *(Цалуетъ)*.

ВАНЬКА. — Эге! Да ты охоча цаловаться!

Другую просишь, просишь, не дается,

А ты сама! Вѣтъ-на!

ОЛЁНА. —

Да ты не думай, —

Я такъ тебя люблю, замѣсто брата.

Про братца вспомнила, поцаловала.

Ты не подумай что худое.

ВАНЬКА. —

Такъ-ли?

Поди, в братца припела нарокомъ?

ОЛЁНА. — И нѣтъ же, нѣтъ! Кабы чего хотѣла,

Жеманиться бы стала, Ваня; право.

А то я просто. Что жъ? тутъ нѣтъ грѣха.

Я и вдругорядъ поцалую. *(Хочетъ поцаловать)*.

ВАНЬКА. —

Ну, ты! *(Хочетъ увернуться; Олёна цалуетъ таки; уходитъ Памфилъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВАНЬКА, ОЛЁНА, ПАМФИЛЪ.

ПАМФИЛЪ *(входя)*. — Ба, ба! Ай-да жена! Спасибо, ловко!
Невидана новинка завелась!

Давно ль такой обычай проявился?

Олѣна. — Что жь, я, Памфилъ Ильичъ...

Памфилъ. — Молчи,

Не то бока переломаю. Смирно.

И ты, Ванюха, эти шутки брось.

Я не люблю.

Ванька. — Да нѣшто я причиненъ?

Сама пристала.

Памфилъ. — Махонькой ребѣнокъ, —

Чу, съ бабой справиться не смогу.

Ванька. — А ты бы

Ея ротъ завязываль, когда уходишь.

Я, не во гнѣвъ тебѣ сказать, хозяинъ,

На бабъ не воинъ.

Памфилъ. — Экой богатырь!

Не воинъ, и не надо. А слыхаль:

Я не люблю.

Ванька. — А не глухой жпву,

Чего кричишь?

Памфилъ (*тише*). — Молчи. (*Жест*). Давай обѣдать. (*Садится*)

Гдѣ Аннушка?

Олѣна. — Хоть расказнй меня,

А я молчать не стану.

Памфилъ. — Чтѣ? не станешь?

Олѣна. — Довольно я напраслины терѣбла,

Повластвовавль довольно надо мной,

Пришла пора съ тобою посчитаться...

Памфилъ (*спокойно, съ полнымъ сознанимъ силы и власти*).

Молчи. Мнѣ драться нонѣ не охота. —

Да ты не бойся, даромъ не пролѣдѣтъ:

Какъ провинишься, я тогда припомню,

За всѣ вины сторицею воздамъ.

Олѣна. — Ты мастеръ выговаривать да драться,

А по самоу давно, чай, палка плачетъ.

Памфилъ. — Да ты откуда силси набралася?

Гдѣ научилася такимъ рѣчамъ?

Олѣна. — Ты думаль, я молчала до поры,

Такъ у меня языкъ приросъ? Ты думаль,

Я всѣхъ твоихъ злыхъ умысловъ не знаю?

Не вѣдаю, за что меня тиранишь?

За что со свѣта божьяго-то гонишь?

Памфилъ. — Чтѣ за анаѣема? Четвертый годъ

Женать живу, — такихъ рѣчей не слыхаль.

Аль курица запѣла пѣтухомъ?

Олѣна. — Что, правда, видно, колется? Не вкусно?

Памфилъ. — Да что, она пьяна, Ванюха, что ли?

Аль съ жиру бѣсится?

Ванька. — Свои собаки;

Грызните, какъ хотите.

Памфилъ (*точно в сторону*). — Знать, сбѣсилась.

Придется на цѣпь посадить.

Олѣна. — Сажаи!

Тебѣ жена, собака ль, — все одно.

Охъ, знаю, горемышная я, знаю,

Что радъ не то, что на цѣпь посадить,

На стрѣчную на дѣвку промѣнять.

Памфилъ. — И промѣнялъ бы, не возьметъ никто.

Олѣна. — Недолго ждать; мнѣ мѣяться недолго,

Дай сребъ, умру, — потащишь на погостъ.

Памфилъ. — Погостъ погостомъ, а придется, видно,

И за косы маленько потаскать.

Олѣна. — Ты осердчалъ небось, что я Ванюшку

Поцаловала? Я его нарокомъ —

Увидѣла, идѣшь — поцаловала.

Памфилъ. — Придумывай отвѣтки, прибирай,

А я послушаю.

Олѣна (*продолжая*). — Небось, озлился? (*Начинает съез-
ка реветъ*).

Ты и почувствуй вотъ теперь, Ильичъ,

Легко ли глазынькамъ моимъ то видѣть,

Какъ ты Анютку день-деньской ласкаешь,

Въ потѣмочкахъ-сумеричкахъ цалуешь,

Да держишь уговоръ...

Памфилъ. — Охъ, дура, дура!

Великій грѣхъ — ребѣнка приласкать!

Анютка мнѣ, — ну, всё одно, багъ дочка,

Я такъ ее и понимаю.

Олѣна. — Ладно!

А врадучись зачѣмъ подарки носишь?

Колечко подарилъ да ожерелье...

Памфилъ. — Тебѣ, знать, жалко? подлая душа!

Олѣна. — Ты думаешь, не слышала, багъ ты

Ей сказывалъ: «ты только полюби,

«Олѣну силой прикручу, за мѣсто

«Батрачекъ станетъ жить у насъ въ дому,.

«А ты хозяйкой будешь полномочной...»

Памфилъ. — Змѣя ты подколодная! Молчи.

Вперёдъ и заняться не подумай —

Не то!...

Олѣна. — Убей, коль Бога не боишься!

Что сраму натерпѣлась отъ людей!

Послушай-ка, что бають на посадѣ!

Пройти нельзя; всё про тебя съ Анюткой...

Памфилъ. — Не ты-ль въ народъ и сплѣтку-то пустила?

Олѣна. — Не вѣришь, построшай Ванюшку, что-ли.

Чай, тоже слышала.

Ванька. —

Я тебѣ не послухъ;

Меня не путай; ничего не слышала;

Твой мужъ, — и вѣдайся, какъ знаешь, съ нимъ.

Я сторона.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тъ же; *входитъ Аннущка.*

Олѣна (*набрасываясь на нее*). — Чего тутъ не видала?

На сѣстринъ срамъ бѣжала любоваться?

Ишь, стала, не шелѣхнется; постой,

Послушай, какъ меня ругнѣ ругаютъ,

Все за тебя, разлучницу-змѣю.

Чего молчишь? Ишь, чортовъ тихій омутъ!

Памфилъ. — Плюнь на нее, Анютка, плюнь.

Олѣна. — Учи,

На старшую сестру плевать, учи.

Добру научишь. (*Съ рѣвомъ*). Я того и жду,

Что воду станешь на женѣ таскать,

Да спать велишь въ хлѣву какомъ съ свиньями,

Чтобъ вамъ съ Анюткою вольнѣе было

Тутъ забавляться. .

Аннущка. — Ты опять, сестрица?

Вѣдь я тебѣ сказала, что уѣду —

Соскучилась по матушкѣ — и полно!

Олѣна. — И съ Богомъ! Лучше, чѣмъ семью мутить.

Памфилъ (*недоволенъ исходомъ дѣла, но скрываетъ это*).

Ещо что скажете? Молчите обѣ. —

Аль ты забыла мой наказъ, Олѣна?

Давай обѣдать; я голодный лють.

Поѣмъ, и дѣло разсужу по правдѣ. (*Потыжеть*).

Не слушай, Аннущка, ее. Садися. (*Женѣ*).

Давай обѣдать. (*Та хлопочетъ*). Ну, садися, Ванюха.

Ты не сердися; какъ было домекнуться,

Что Марковна сбѣсилась безъ меня?! (*Женѣ*).

Давай вина. (*Пьетъ*). На, выпей на здоровье.

ВАНЬКА. — Спасибо, выпью. (*Пьетъ*). (*Нѣкоторое время обьдаютъ молча*).

ПАМФИЛЪ. — Дай-ка мнѣ еще:

Ругался съ бабой, въ горлѣ пересохло. (*Пьетъ еще; черезъ нѣкоторое время, мякно*).

Ты, Аннушка, рѣчей ея не слушай.

Да и сама пустого не мели,

Въ сердцахъ сказала: «къ матушкѣ поѣду».

Отдумать надо; поживи у насъ,

Я жениха тебѣ найду.

АННУШКА. — Нѣтъ, братецъ,

Чѣмъ мнѣ сестру родную съ мужемъ ссорить,

Мутить чужую семью, да попрѣки

Напрасные самой терпѣть, — я лучше

Поѣду къ матушкѣ.

ПАМФИЛЪ. — Охота слушать,

Что наша дурища наврала нонѣ —

Сама, поди-ка, позабудетъ завтра.

АННУШКА. — Другіе тоже бають.

ПАМФИЛЪ (*съ нетерпимымъ движеніемъ*). — Ну — всѣ врутъ.

АННУШКА. — Уѣду, перестанутъ врать. Опять съ хозяйкой

Совѣтно да любовью заживѣте.

ПАМФИЛЪ. — Заладила одно: уѣду. Нѣтъ, постой.

Я не пушу. Подумають, и вправду

Ты ссорила меня съ хозяйкой.

ОЛЕНА. — Охъ!

Смотрѣть-то тошно! Полно тѣ просить!

Останется безъ просьбы безъ поклонной;

Кобынется теперь нарокомъ — надо

Себя, вишь, показать, не уронить.

ПАМФИЛЪ. — Опять шипишь, змѣя!

АННУШКА. — Вотъ видишь самъ.

Пошто у васъ я стану оставаться?

ПАМФИЛЪ (*Олени, строю*). — Сказалъ, что по обѣдѣ разсужу.

До той поры не смѣй и слова пненуть.

ОЛЕНА. — Ротъ полный наберу воды. Да только,

Какъ судъ начнешь, не позабудь, Ильичъ,

Свою милую поспросать построже...

ПАМФИЛЪ. — Чьи шибче затрещать бока — услышишь.

ОЛЕНА. — Построже построшай: куда милѣя

Колечко задѣвала, твой подарокъ?

Кому она рѣзное подарила?

Памфилъ. — Колечко? Поважи сюда, Анюта!

Аннушка. — Не гнѣвайся ты, братецъ, не сердчай.

Катила я колечко по крылечку,

Катила я рѣзное по крутому, —

Колечко подѣ крылечко укатилось,

Рѣзное подѣ крутое завалилось.

Олѣна. — Охъ, на отверточки куда горазда!

Вели-ка завтра доски приподнять, —

Не дальше-ли колечко забатилось,

У парня на мизинцѣ очутилось?

Памфилъ. — А вотъ Ванюхѣ приважу, подыметъ.

Аннушка (*взглянувъ на Ванюху*). — Гдѣ убраться! Тамъ, должнѣ, лежить.

Ты понци, Ванюша, хорошенько.

Ванюха (*тихо Олѣнѣ*). — Молчи, — не то про всё я расскажу.

Какъ цаловала, что мнѣ говорила.

Олѣна (*присмирѣвъ*). — Ну, можетъ, и лежить.

Ванюха. — Вотъ то-то!

Памфилъ. — Ну, не змѣя-ли ты?

Олѣна. — Я такъ сказала.

Памфилъ. — Тебѣ безъ брани, надо думать, скучно;

Безъ драки и того тошнѣй. — Постой!

Нивагъ стучится кто-то. Поглядѣ-ка,

Кого тамъ Богъ даетъ, Ванюха.

Ванюха. — Ладно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Олѣна, Памфилъ, Аннушка.

Памфилъ. — Скажи ты мнѣ по совѣсти, Олѣна,

Не стыдно, не грѣшно порочить дѣвку

При парнѣ молодомъ? Не свой, чужой.

Со злости брешешь — неравно повѣрять?

Какая глава про сестру пройдетъ?

Олѣна. — Охъ, дурава и въ церкви учать.

Памфилъ. — Вѣрно.

Жаль, я тебя не поучилъ сегодня,

А надо-бы. — Ступай-ка отъ грѣха,

Встрѣчай гостей. Не то, неладно выйдетъ:

Гость въ дверь, а мужъ жену таскаетъ.

Олѣна (*вставая*). — Вижу,
Хоть на минуточку остаться хочешь
Вдвоёмъ съ Анюткой. (*Движеніе Памфила; быстро уходя, доло-
вариваетъ:*)
Охъ, мѣшать не стану! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Памфилъ и Аннушка.

Памфилъ (*помолчавъ*). — Ты, что-жь, въ заправду вздумала
отъ насъ

Совсѣмъ уѣхать?

Аннушка. — Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Памфилъ. — Да полно тѣ! Что слушаешь Олѣну.

Ты слово только мнѣ скажи: сотру

Въ музу ее, провятую.

Аннушка. — Э, полно!

Стыдись, Памфилъ Ильичъ, стыдись! Грѣшно.

Памфилъ. — Ты мнѣ повѣрь; люблю тебя, Анютка,

Жалѣть ее не стану...

Аннушка. — Полно!

Памфилъ. — Слушай:

Уѣдешь, такъ убью Олѣну; вѣрно.

Грѣхъ на тебя падѣтъ.

Аннушка. — Какой ты, право!

А старый человѣкъ, пора бы бросить...

Памфилъ (*язвительно*). — Тебѣ, небось, хотѣлось молодого?

Олѣна, зная, сказала правду? Видно,

Колечко подарила?

Аннушка (*строю*). — Не спрошу

Кого любить, кого дарить колечкомъ.

Памфилъ (*мрачно*). — Ну, слушай-же. Уѣдешь ты, — запыю;

Ерошью весь домъ; Олѣну стану мучить;

Тиранить буду каждый божій день. —

Вотъ, видишь, кружка полная стоитъ.

Скажи: «не любишь», и учну буянить.

Сейчасъ запыю, какъ только слово молвишь.

Войдѣтъ Олѣна, и полѣзу въ драку. (*Берѣтъ кружку и прямо
пѣтъ изъ нея*).

Аннушка (*про себя*). — Пожалуй, вправду драку сочинить?
Что мнѣ ему сказать?

Памфилъ (*не выпуская изъ рукъ кружки*).—Полюбишь, что-ли?
(*Громко, помолчавъ*) Олёна, эй! Иди! Учить начну.

Охота драться. (*Пьётъ снова*).

Аннушка. — Полно, погоди.

Памфилъ. — Н-ну, — погожу. (*Зажмётся*).

Аннушка (*про себя*). — Охъ, надо принаудить.

Не то сестра подумаетъ, что я

Его нарочно научила?

Памфилъ. — Что-же?

Полюбишь, али нѣтъ меня, Анюта?

Аннушка. — Не станешь драться, полюблю.

Памфилъ (*оставляя кружку*). — Гляди!

Что повелѣшь — все сдѣлаетъ Памфилъ. (*Поюдя*).

Цалуй меня.

Аннушка. — Постой; идутъ, важися.

Памфилъ. — Цалуй же, говорятъ.

Аннушка (*про себя*). — Что заведёшь?

Съ вина-то охмѣлѣлъ, блаждѣй!

Памфилъ. — Цалуй...

Аннушка. — Сейчасъ, сейчасъ. (*Быстро и неохотно цалуетъ*)

Памфилъ. — Не то, —убью Олёну.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же; *входятъ* Олёна, Ваньга и кумъ Мартынъ.

Памфилъ. — Кого-то Богъ даётъ? А, куманёкъ
Любезненькій!

Кумъ. — Памфилу Ильичу!

Хлѣбъ вамъ да соль.

Памфилъ. — Спасибо. Хлѣба кушать.

Жена, проси.

Олёна. — Садися, не побрезгай.

Кумъ. — А для-че брезгать? Сядемъ, похлѣбаемъ (*садится*).

Замѣшбался у васъ я на посадѣ,

Тебя, искалъ. «На берегу», сказали.

Я на берегъ, ищу — и слѣдъ простылъ!

«Въ ряды, должно, пошолъ». Махнулъ въ ряды.

Не видно кума. «Знать домой обѣдать

Пошолъ». Заѣду-молъ. А тутъ въ ворѣтахъ,

Савраска задурилъ. Ни тпру, ни ну.

Довольно билися, сладили одначе.

Памфилъ (*подвигая къ нему кружку и чарку*).

Хлѣбни-ка чарочку.

Кумъ. — Хлѣбну, да прежде

Путь укажи.

Памфилъ. — А безъ тебя, кумъ, што.

Кумъ. — Чтò што — што-крыто, не видалъ.

Не погнѣвнися, повтори, Ильичъ.

Памфилъ. — Инъ, будь по твоему (*нѣтъ*). — Жена, проси.

Олѣна. — А просимъ милости, Мартынъ Ефремичъ,

Отвѣдай зеленѣ-вина, откушай

Ты нашей хлѣба-соли, куманѣкъ. (*Подаетъ*).

Кумъ. — Какъ не отвѣдать, кумушка! Умилно,

По христіански просишь. (*Цалуетъ ее и нѣтъ*). — На здоровье!

Памфилъ. — Къ намъ на посадъ пожаловалъ зачѣмъ?

Кумъ (*съ кускомъ во рту*). — По дѣлу, куманѣкъ; къ тебѣ по дѣлу.

Памфилъ. — Какое дѣло?

Кумъ (*все приклавываясь*). — Знаю, осердчаешь, —

Да не могу; ей-богу, не могу.

Какъ передъ Истиннымъ, бѣда лихая.

И тагъ, и сягъ я думалъ, — не могу. (*Встаетъ и съ поклономъ*).

Ты не сердчай. (*Садится*).

Памфилъ. — Чтò за бѣда такая?

Кумъ. — А и немалая бѣда, велика.

Хоть въ петлю полѣзай. Совсѣмъ пропалъ,

Деньжонками совсѣмъ понстерялся. (*Стоитъ и съ поклономъ*).

Должка пришолъ просить; отдай, пожалуй!

Осталось за тобою за помоль. (*Садится*).

Памфилъ. — Ну, тагъ тебѣ я и повѣрю, кумъ.

У мельника, чу, денегъ, не хватило!

У васъ, кумъ, неразмѣнныя живутъ;

Съ воденникомъ въ шабрахъ живѣшь недаромъ,

Таскаеть, бають, деньги изъ пруда.

Кумъ. — Кабы таскалъ! Я самъ про это слышалъ.

Пыталъ высматривать, да лихъ не видно.

Ужъ я-бъ его бородѣнку спапалъ,

Оброкъ примучилъ-бы платить, собаку. (*Стоитъ и съ поклономъ*).

А до оброка ужъ отдай должокъ. (*Садится*).

Памфилъ. — Вѣстимо, сказывать нельзя, боишься:

Разсердится, оброку не доставить.

Кумъ. — Вонъ бабы, знать, помудренѣе будутъ.

Тѣ видѣли, посадскія-те ваши:

«На камень», бають, «вылѣзъ да учаль»

«Расчесывать, чу, частымъ гребешкомъ»

«Себѣ головушку». — Что-жь, говорю,
Не изловили, дуры? — «Гдѣ поймать-де,
«Мы какъ увидѣли, давай Богъ ноги!»

Памфилъ. — Толкуй съ Оомой! А мы кой-что, вумъ, знаемъ.

Кумъ. — Коля знаешь, уважи. Скажу спасибо,
Оброку половину уступлю. (*Стоя и съ поклономъ*).

А ужъ теперъ отдай должокъ, желанный! (*Садится*).

Памфилъ. — Ты выпей лучше, разважи языкъ;
Проврнись!

Кумъ. — И! у меня языкъ во рту

Болтается, безъ привази живеть:

Мелю, что мелево, — не даромъ мельникъ.

Памфилъ. — Боишься — гм — провраться, куманѣтъ.

Кумъ. — Чего провраться? Чтѣ безъ дѣла пить? (*Стоя и съ по-
клономъ:*)

Отдай должокъ, Памфилъ Ильичъ, болѣзненный! (*Садится*).

Порадуй ты меня — я, такъ и быть,

На радостяхъ хвачу медку маленько.

Памфилъ. — Жена, порадуй куманьва. Медку

Подай.

Олѣна. — А нацѣжу сейчасъ, Ильичъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Олѣны.

Памфилъ. — На что тѣ деньги, кумъ? Досыпать, что-ли,
Кубышку хочешь, да подъ дубъ снести?

Которую снесешь?

Кумъ (*сокрушенно*). — Охъ, снёсь бы, снёсь бы,

Да лпхъ, боюсь, не разнесло бы прахомъ

Всю мельницу. Лѣску-бы искупить...

Памфилъ. — Тагъ деньги-те на лѣсъ пойдуть?

Кумъ (*также*). — На лѣсъ.

Памфилъ. — Чего-жь ты раньше не сказала, проклятый?

Кумъ. — Вотъ-ны! Ты лаяться никакъ задумалъ?

Памфилъ. — Да какъ тебя, скажи, не лаять, кумъ?

Я думалъ вправду деньги нужны. Сердце

Изныло все; боялся, не пришлось бы

Должокъ повыложить на столъ.

Кумъ. — Да вѣшто

Его даромъ лѣсу дастъ?

Памфилъ. — Да у меня

Бери. Хоть весь бери, — сочтемся послѣ.

Кумъ. — Да у тебя откуда лѣсъ вьздася?

Памфилъ. — Хватилса! Черезъ лѣсъ частенько ѣздишь,
Чей лѣсъ, — доселева не поспрошалъ.

Кумъ (*недовѣрчиво*). — Когда-жъ онъ сталъ твоимъ?

Памфилъ. — Давно-не-давно.

Какъ захотѣлъ Памфилъ Бобровъ, — и сталъ!

Аль я не сказывалъ?

Кумъ. — Не приходилось. (*Олёна приноситъ мѣдъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ же и Олёна.

Памфилъ. — Постою-ка, мѣдъ Олёна принесла.

Мы наперво медку съ тобою выпьемъ.

Проси, жена. (*Олёна подноситъ и кланяется*).

Кумъ. — На радостяхъ хвачу. (*Оба пьютъ*).

Памфилъ. — Теперь всё слушайте. Ты, слушай, кумъ,

И ты, Олёна, слушай; ты, Анютка —

Ты тоже, Ванька, слушай, да на усъ

Себѣ мотай.

Олёна. — Послушаемъ, Ильичъ.

Памфилъ. — Жена, молчи. — Вы думаете, малый

На свѣтѣ человекѣ Пафимилка есть?

Тагъ врѣте всё; не малый, а великій —

Такого, можетъ, нѣтъ въ самой ордѣ.

Кумъ (*слезка трясеть его по плечу*). — Не захмѣлѣлъ ли, кумъ?

Памфилъ. — Еще, кумъ, выпью,

А все не захмѣлѣю. Видишь, лѣшій

Меня водилъ всю ночьку осенью,

Я и заклился отомстить. Пошолъ

Къ подъячему: «спороворь мнѣ это дѣло.

«Не пожалѣю никакихъ поминковъ.

«Какъ хочешь сдѣлай, а доставь лѣсовъ,

«Чтобъ лѣшаго въ дугу согнуть, собаку».

Состряпалъ мнѣ подъячій челобитье

Къ царю Гороху, и послали мы

Въ приказъ дѣяку поминки, въ стольный городъ,

Во красный во Котѣль. Челомъ ударилъ,

И грамоту такую пулучилъ,

Что «володѣть-де дѣ вѣау Памфилу».

Кумъ. — Ой, кумъ, нѣ—ты, нѣ—хмѣль джо завралса.

Какого лѣшаго сюда припуталъ?

Т. СЛXVI. — Отд. I.

Памфилъ.—Такого же, въ моемъ лѣсу хозяйтъ.
Теперь его я, шельму, изловлю,
И руки-ноги перебью.

Кумъ (*насмѣшливо*). — Чудно!

Да ты поди, какъ изловить не знаешь.

Памфилъ. — Ты думаешь, что ты воденника

Доселѣ изловить не смогъ, — такъ всѣ

Такіе жь дураки живутъ, болваны.

Кумъ (*обидлся*). — Болванъ ли, вѣтъ, а вотъ меня еще
Ни разу лѣшій не водилъ.

Памфилъ. — Не стоншь.

Велика-ль лѣшему корысть въ тебѣ?

На мелюзгу, чу, лѣшій не польстится.

Кумъ. — Ты и великъ, — остался въ дуракахъ,

А я хоть малъ, да видно дорогъ вышелъ;

А потому—такую штуку знаю:

Какъ заплутаешься, рубашку надо

Перевернуть, чу, на изнанку.

Памфилъ. — Эва!

Отъ старыхъ бабъ, поди, понаучился.

Кумъ (*язвительно*). — Куда намъ до тебя, Ильичъ, далеко!

А ты и зналъ, — не догадался только.

Памфилъ. — Не догадался! Просто лѣнь напала.

Ты лѣшаго дойми своимъ умомъ,

Какъ я теперь, — тогда и величайся!

Ванька. — А хошь, хозяйнъ, научу тебя,

Какъ лѣшаго поймать живого?

Памфилъ. — Вывезъ!

Да я его въ лѣсу спалю.

Ванька. — Шалишь!

Перебѣжить въ другой.

Кумъ (*трясѣтъ по плечу Памфила*). — Поди его

Лови! Эхъ, кумъ, расхвастался раненько!

Памфилъ. — Ахъ, дьяволы! Да вы никакъ смѣяться!

Я всѣхъ васъ!

Ванька. — Полно, не дури, хозяйнъ.

Что за наукъ дашь, лѣшаго поймать?

Кумъ. — Ты дѣшево, Ванюха, не бери.

Олѣна. — Вѣстимо, не бери.

Памфилъ. — Ай-да Олѣна!

Ай-да жена! Учи, учи, какъ парню

Почище мужа облупить, учи. (*Помолчавъ*).

А много ли возьмешь, Ванюха?

Ванька. — Много.

А пуще то, завѣта не исполнишь,
Бѣда тебѣ отъ лѣшаго придетъ.

Памфилъ. — Ну, говори, исполню.

Ванька. — Слушай ухомъ:
Чтобъ дома не буянить круглый годъ.

Кумъ. — Придумалъ, парень.

Ванька. — Что жъ, пойдетъ, хозяинъ?

Памфилъ. — Да развѣ я когда буяню дома?
Я—никогда! Жену порой учу,
Такъ бабѣ безъ науки мочно-ль жить?

Ванька. — Какъ знаешь, только не дерись.

Олѣна. — Чудесно!

Памфилъ. — Жена, молчи.

Олѣна (*опасливо*). — Буянить, чу, нельзя.

Памфилъ (*Ванькѣ*). — И лаяться нельзя?

Ванька. — Да надоть бросить.

Памфилъ. — Ишь, дьяволъ! (*Подумавъ*) Говори, не стану драться.

Ванька. — Гляди же, помни. Научился я,
Чу, этому далеко, на Украинѣ.
Придѣшь ты въ лѣсъ, молоденькихъ берёзокъ
Сруби, и положи въ вѣршокъ, да тѣмъ,
Чтобъ корешками врозь онѣ глядѣли,
Верхушками сходились. Стань въ серѣдку
И лѣшаго повличь: «поди, молъ, дѣдко!»
Онъ и придетъ.

Памфилъ. — А тутъ и бить его?

Ванька. — Ну, тамъ какъ знаешь.

Памфилъ. — Ладно. — Кумъ, идёмъ.

Кумъ. — Куда зовѣшь?

Памфилъ. — А въ лѣсъ.

Кумъ. — Зачѣмъ, про што?

Памфилъ. — Ты поглядишь, какого лѣсу надо,
А я ловить лѣсного дѣда стану.

Кумъ. — И полно, кумъ, покинь: шальное дѣло.

Памфилъ. — Не разговаривай меня. Давно,
Давно я лѣшаго побить собираюсь.
Ещё боюся: забуяню дома —
Хиѣль разыгратья, чую, хочеть — скверно,
Тогда бѣда отъ лѣшаго придетъ. —
Пей на дорогу посошокъ. — Жена,
Проси. (*Та подноситъ; кумъ и Памфилъ пьютъ*). Поѣдемъ, кумъ.
(*Ванькѣ*). А по дорогѣ

Захватить можно на бужало, вышить?

Ванька. — Какъ знаешь.

Памфилъ (*подумавъ*). — Ну, заѣдемъ. Провожай, Жена. — Твой, чуръ, кумъ, могарычи.

(*Уходятъ: Памфилъ, кумъ и Олёна*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

АННУШКА И ВАНЬКА.

Аннушка. — Насилу убрался проклятый дьяволъ! Спасибо, парень. (*Хочетъ уйти*).

Ванька. — Ты куда-жь, Анютка? (*Помолчавъ*)

Подумать надо о тебѣ, Анюта.

Какое здѣсь твое житье—бѣда!

Я за хозяиномъ не зналъ доселѣ

Такого дѣла; ты не говорила,

А на Олёнины слова плевать

Хотѣлъ. Теперь сердчать не время; надо

Придумать, выручить тебя, голубку.

Аннушка. — Какъ выручить? Подай назадъ болечко,

А то, пожалуй, за тебя побѣтъ.

Ванька. — Колечко подъ крылечко положу.

Ты только не сердчай; люби, какъ прежде.

Анютка. — А ты по новому? Олёну станешь?

Ванька. — Какаа ты! Такъ давѣ пошутнлъ,

Не знаючи про эту про невзгоду,

А ты въ заправду приняла.

Анютка. — Охъ, парень!

Не знаешь, какъ и повести себя.

Тебя любить—Олёна съѣстъ живую,

А разлюбить—не знаю какъ придумать.

А тутъ Памфилъ проходу не даѣтъ.

Вонъ давѣ—вы пошли встрѣчать Мартына—

Стагъ приставать: «уѣдешь-де, убью

Олёну.» Цаловать себя велить.

Ванька. — Ахъ, старый хрѣнн! Туда жъ кусаться лѣзеть!

Пряровитный, надо быть, старикъ. (*Помолчавъ*).

Ты что жъ придумала?

Аннушка. — А вотъ что, парень.

Добромъ меня отселѣ не отпустить.

Устрой, какъ въ матушкѣ попасть скорѣй,

Тогда повѣрю, что заправду любишь.

ВАНЬКА. — Ну, слушай же. Давно тебѣ хочу
Я объявить, что я за человекъ.
Ты отпросись-ка по грибы сегодня,
Да подъ вечеръ приди ко мнѣ въ лѣсокъ.
Я все тебѣ тамъ объявлю, и вмѣстѣ
Подумаемъ, какъ это дѣло сладить,
Какъ бѣ матушкѣ тебѣ отсель уѣхать.

АННУШКА. — Ужь, право, я не знаю.

ВАНЬКА. — Аль боишься?

АННУШКА. — Напугана, всего бояться стала.

ВАНЬКА. — Да вотъ тѣ врестъ.

Голосъ Олѣны, за сценой. — Анютка, а, Анютка!

ВАНЬКА. — Зовѣтъ тебя Олёна. — Что жь, придѣшь?

АННУШКА. — Ичѣ, такъ и быть, приду. (*Уходитъ*).

ВАНЬКА, *ей вслѣдъ*. — Спасибо, дѣвка.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ВАНЬКА, потомъ Олёна.

Голосъ Олѣны, за сценой. — Что шляешься безъ дѣла, ротозѣйка!
Ступай батрачкѣ помогать.

Голосъ Аннушки, за сценой. — Пойду.

(*Олёна входитъ*).

Олёна, *входя*. — Ты, парень, здѣсь одинъ?

ВАНЬКА. — А съ кѣмъ мнѣ быть?

Олёна, *запрывая*. — Я думала, съ Анюткой.

ВАНЬКА. — Тѣфу ты, дьяволъ!

Ну, что она тебѣ далася? Брось,
Пренебреги. Ко мнѣ вонъ тоже лѣзла,
Я взялъ да плюнулъ.

Олёна, *рада*. — Полно, правда-ль, парень?

ВАНЬКА. — Съ чего мнѣ лгать? Ты на нее вричишь,
А на тебя за то орѣтъ хозяйнишь.

Олёна. — Эхъ, парень, хочется мнѣ ихъ разровнить,
Услалъ бы къ матушкѣ ее, змѣю.

Вольнѣе будетъ безъ нее.

ВАНЬКА. — Не трожь,

Пушай балуютъ. Мужа только сердшишь,
Того-гляди въ сердцахъ когда пристукнешъ.

Олёна. — Охъ, не пужай.

ВАНЬКА.— Чего пужать? Не слушай,
Коль не́ люблю. Жалѣючи сказалъ.

ОЛѢНА.— Ну, вотъ спасибо, что меня жалѣешь.
Послушай, Ваня: мой Памфилъ Ильичъ
Теперь до ночи съ вумомъ прогуляетъ,
А ты со мной-бы на свободѣ, знаешь,—
Все брань да крикъ, — п слова не съ кѣмъ молвить,—
Такъ ты со мной-бы, ... посидѣлъ маленько (*Льзетъ къ нему*).

ВАНЬКА (*про себя*).— Чего, чу, захотѣла! Ай-да, баба!
(*Вслушь*) Нельзя, Олѣна Марковна, нельзя,—
Того-гляди, Анютка подвернется,
Аль кто изъ батраковъ: Нельзя.

ОЛѢНА — Ты слушай:
Подъ вечеромъ, приди-ка ты въ лѣсочникъ—
Я тоже часикъ улучу. (*Запирываетъ*)

ВАНЬКА.— Да какъ связать?

ОЛѢНА (*прижимаясь къ нему*).— Приди, голубчикъ.

ВАНЬКА (*подумавъ*).— Ладно. А теперь
Ступай куда подалъ отъ меня.

ОЛѢНА.— Пойду, пойду, дай разикъ поцалую.

ВАНЬКА.— Въ лѣсу и поцалуешь.

ОЛѢНА.— Нѣтъ, теперь.

Прощай, соколикъ (*цалуетъ*).

ВАНЬКА (*отбиваясь*).— Ну, прощай. Ступай-ка.
(*Олѣна — еще цалуетъ и уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ВАНЬКА (*одина*). — Насилу убралась. Ну, вѣдьма-баба!
И какъ тутъ быть? Сказалъ притти Анюткѣ,
И эта дѣволица увязалась.

Ну, я ее куда нибудь спроважу,—
Объ этомъ думать нечего. Важнѣй
Есть дѣло. Полно тѣ боятаться, парены!
Анютку любишь, а дѣвчонкѣ горе,
А ты придумай, горе прогони,—
Удалимъ млодцомъ недаромъ будешь.
Не вѣтъ-же мотылѣмъ тебѣ мотаться.

(*Конецъ перваго дѣйствія*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Полянка въ лѣсу. Направо, впереди, шалашикъ изъ вѣтвей; въ серединѣ большая, душистая и вѣтвистая ель; нагѣво дерево лежитъ, повалилось; вдали дорога.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣшечиха, въ зеленомъ одѣтѣ; выходитъ изъ шалашика; Лѣшій, борода и волосы зеленые, весь мохнатый, ноги на козлиныя смазываютъ, въ рукахъ дубинка, идѣтъ изъ глубины лѣса. Вдали слышно телега тарохтитъ, ульжсаетъ.

Лѣшій, входя. — Постой ты, дьяволъ! Я тѣ похваляюся.

Лѣшечиха. — Кого бранишь?

Лѣшій. — А есть таковой посадскій.

Лѣшечиха. — Какой такой?

Лѣшій. — Такой, что не скажу.

Лѣшечиха. — Что такъ? Али какой завѣтный вышелъ?

Лѣшій. — Завѣтный, не завѣтный, — не скажу.

Лѣшечиха. — А ты скажи: я, можетъ, что и знаю.

И помощь окажу тебѣ какую.

Лѣшій. — Почомъ ты можешь знать, что у меня

На мысли?

Лѣшечиха. — Дѣло, скажешь?

Лѣшій. — Точно, дѣло.

Лѣшечиха. — Какое дѣло? Обойти задумалъ,

Да вдоволь надсмѣяться надъ посадскимъ—

Велико дѣло!

Лѣшій. — Мало-ли, велико,—

Да дѣло бабѣ можно-ль рассказать?

Лѣшечиха. — Что такъ?

Лѣшій. — А то, что недругу расскажешь.

Лѣшечиха. — Отколь ты мудрости такой набрался?

Аль челоувѣкъ какой понаучилъ?

Лѣшій. — И не простой. А нѣкій мудрый старецъ

Разсказывалъ,—я близко пригодился.

Лѣшечиха. — Ну, расскажи про челоувѣчью мудрость,—

Какая тамъ такая, погляжу.

Лѣшій (садится на повалившееся дерево). — Давно, чу, было.

Не за нашу память —

И пращуръ на вредъ видали это,—

Была по всей землѣ потопа; только

Жилъ нѣкій мудрыйъ мужъ, и онъ узналъ,
 Что неминуемая бѣда подходитъ...
 Лѣшечиха.—Тагъ что-жъ тутъ баба?
 Лѣшій.— Погоди маленько,
 Сейчасъ разсказъ пойдѣтъ про эту бабу.
 Какъ эта мудрыйъ мужъ узналъ, что будетъ
 По всей землѣ потопа, онъ и началъ
 Судѣнно строить, чтобъ спастись съ семейю.
 Бѣсъ запримѣтилъ: ходитъ мудрыйъ мужъ
 Куда-то за лѣсъ, каждый день, и что-то
 Тамъ строить, и не могъ никакъ узнать—
 Чтѣ онъ такое строить?

Лѣшечиха.— Ну, а баба?
 Лѣшій.—Да погоди! У мудраго-то мужа
 Была жена,—извѣстно, баба-дура.
 Вотъ бѣсъ къ ней и подѣхалъ мелкимъ бѣсомъ:
 «Спроси, молъ, мужа, чтѣ такое строить?»
 «Гляжу-де я гляжу, а ничего
 «Не вижу.» Та спросила мужа. Долго
 Тотъ мудрыйъ мужъ не отрывался жонкѣ,
 Такъ выпытала, шельма. Чтѣбъ увидѣтъ
 То судно, надо было глянуть, чу,
 Промежду ногъ назадъ. Бѣсъ такъ и сдѣлалъ.
 Увидѣлъ судно, взялъ да растаскалъ
 По брѣвнушку.

Лѣшечиха.— Ты чтѣ-жъ затѣялъ строить?
 Лѣшій.—Затѣялъ я не строить, а Памфила...
 Да нѣтъ, постой—пожалуй, разболтаешь.
 Лѣшечиха.—Ни ты мудрецъ, ни а возуса съ бѣсомъ.
 Аль думаешь, кодь мнѣ не скажешь, лѣшій,
 Такъ мудрымъ станешь?

Лѣшій.— Не скажу, и полно!
 Лѣшечиха.—Не говори, не надо. Только вотъ чтѣ:
 Я про Памфила кое чтѣ узнала,
 Такъ ты не спрашивай. Сказать не хочешь,
 И самъ не спрашивай.

Лѣшій.— Скажи,
 Я мужъ тебѣ. Кодь мнѣ придется плохо,
 Тебѣ, гляди, не миновать бѣды.

Лѣшечиха.— Ты напередъ скажи, чтѣ ты затѣялъ?

Лѣшій.— Нѣтъ, ты впередъ, а послѣ разскажу.

Лѣшечиха.— Врѣшь, не повѣрю: хочешь омануть
 Меня.

Лѣшій. — Хошь повлянусь?

Лѣшечиха. — Надуешь, лѣшій.

Сперва скажи, тамъ отъ меня узнаешь.

Лѣшій. — Тебя не переспоришь! Такъ и быть,

Скажу. Памфилъ ходилъ тутъ съ кумомъ,

Хвалился дѣсь повырубить до корня.

Пни-кореньё, чу, хочеть попалить,

Поднять новну да посѣять жито.

«Чтобъ лѣшему пришлось-де удавиться,

«Довольно-де ему честныхъ людей

«Морочить.»

Лѣшечиха. — Ахъ, онъ пѣсь проклятый! Этакъ

Намъ съ голоду придется поколѣть.

Лѣшій (*остава*). — Ну, сказывай, что знаешь про Памфила.

Лѣшечиха (*съ поклономъ*). — Ужь ты прости меня; вѣдь я на-
рокомъ

Сказала, будто знаю; мнѣ хотѣлось

Повыпытать, что ты задумалъ дѣлать.

Лѣшій. — Недаромъ говорятъ: хитрѣе бабы

На бѣломъ свѣтѣ твари нѣту; бѣсь

На что хитѣрь, а баба похитрѣе.

Лѣшечиха. — Ты не сердчай; тебя я надоумлю,

Какъ отъ лѣсу Памфила отучить,

Закается не только что рубить,

И носа показать къ намъ не посмѣеть.

Лѣшій. — Да, чорта съ два!

Лѣшечиха. — Я говорю тебѣ.

Лѣшій. — Да чѣмъ его отучишь?

Лѣшечиха. — А скажи-ка,

За што, про што онъ на тебя сердчаетъ?

Лѣшій. — За то сердчаетъ: осеньё его

Я обошолъ, да цѣлую-то ночку

Водилъ. Кабы я зналъ, что этакъ будетъ,

Такъ я бы утопилъ его въ болотѣ.

Лѣшечиха. — Зачѣмъ топить? Топить нехорошо,

Худая слава про лѣсогъ пройдетъ.

Ты лучше пострадай его порядкомъ,

Такого страху напусти, чтобъ онъ

И внукамъ заказалъ рубить отдумать.

Лѣшій. — Хотѣлъ сейчасъ учить, да осердчалъ,

Всѣ страхи ажно позабылъ съ досады.

Мнѣ за великую обиду стали

Его слова; а я, сама ты знаешь,

Какъ разсѣржусь, всѣ думы разбѣгутся
 И дуракомъ такимъ хожу, что чудо!
 Спасибо надоумила. Задамъ же
 Ему я нонѣ страху. Будеть помнить.
 Лѣшечиха. — А я тебѣ чѣмъ хочешь помогу.
 Лѣшій. — И ладно. Онъ вернется скоро; кума
 Поѣхалъ провожать; поди, напѣется
 На радости, что лѣсъ ронить собрался:
 Онъ пить-то лють, а съ пьянымъ легче
 Управиться.
 Лѣшечиха. — Вѣстимо легче.
 Лѣшій. — Тверёзные догадливы бѣда!
 Того гляди и самого отдюютъ... *(внезапно умолкаетъ и ошлядывается)*.
 Чу, духомъ человѣческимъ запахло.
 Лѣшечиха *(высматривая)*. — Дѣвчонка нѣкая идѣтъ. Припрячься.
 Лѣшій. — Эхъ, дура! Нѣшто лѣшаго увидить?
 Не захочу, и во-вѣкъ не примѣтитъ.
 Лѣшечиха. — А все посторонись, вѣрнѣе будетъ.
 Идѣтъ-идѣтъ, да на тебя наткнѣтся,
 Да перекрестится—поди, возися съ нею *(ещо высматриваетъ)*.
 Эге! да это Аннушка, съ родни
 Памфилу будетъ; не его ли ищеть?
 Лѣшій. — И то посторонюсь. Да надо слушать,
 Чтѣ станетъ говоритъ *(хормятся оба подѣ средней елю)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Лѣшій и Лѣшечиха, подѣ елю; Аннушка.

Аннушка *(входя и озираясь)*. — Ау, Ванвша!
 Чтѣ жь это нѣтъ его? Сказалъ: приду,
 А вотъ ищу ищу, а все задаромъ.
 Ау-ау, Ванюша! *(идѣтъ въ глубину)*.
 Лѣшій *(выходя)*. — Думалъ дѣло —
 А дѣва про Ванюшбу говорить.
 Чтой люди-те какъ глупы! Право слово!
 Который годъ въ лѣсу живу, — то дѣвка
 Въ лѣску гдѣ парня поджидаетъ-бродить,
 То парень дѣвку.
 Лѣшечиха *(подѣ елю)*. — Ты и самъ такой же.
 Жаль, ждатель-то некого.
 Лѣшій. — Не ври, жена.
(Возвращается Аннушка, Лѣшій хоронится).

АННУШКА. — Что попусту бродить; вотъ здѣсь прилягу
Въ шалашнѣ; придѣтъ, аукнетъ, выйду (*входитъ въ шалашикъ*).
ЛѢШІЙ (*выходя изъ-подъ ели*). — Ну, это врѣшь! ты парня не
дождѣшься;

Того гляди, Памфиля Ильичъ прибудеть,
А ты возмѣшь, да уведѣшь его.
Пойду, да поманю ее (*хочетъ идти*).
ЛѢШЕЧИХА (*подъ елью*). — Ступай-ка.

Да ты гляди, на дѣвву не позарься,
Не то Памфила прозѣваешь.

ЛѢШІЙ (*идя*). — Эва!

Памфила прозѣвать, не быть мнѣ лѣшнимъ.

(*Уходитъ; черезъ нѣсколько времени
слышится точно Ванькинъ голосъ*).

Голосъ. — Ау, ау, Анюта!

АННУШКА (*прислушиваясь*). — Онъ.

Голосъ. — Ау!

АННУШКА. — Пойду на голосъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛѢШЕЧИХА, одна; потомъ Ванька и Олёна.

ЛѢШЕЧИХА (*выходя изъ-подъ ели*). — А ступай, голубка!

Охъ, дура, лѣшаго не распознала

Отъ милаго дружка! теперь проищешь

Долгонько по лѣсу. — Ступай, побѣгай! (*прислушивается*).

Еще идутъ. Ишь, расходились черти!

Добро-бъ, проклятые, за дѣломъ, шлялись,

Лѣсь только пакостятъ, балуютъ. Тьфу! (*плюетъ и прячется въ
шалашъ*).

ВАНЬКА (*входя*). — Кажись, удралъ отъ Марковны. Анюта!
(*Озирается*).

Нѣтъ, не видать; куда запропастилась? (*Олёна входитъ*).

ОЛЁНА (*бѣгомъ бѣжитъ*). — Ты что жъ бѣжишь? Наслу догнала.

Охъ, бабушки! одышка задушила.

ВАНЬКА. — Да это ты? Мнѣ поваясь чужая.

ОЛЁНА (*замрываетъ*). — Меня-то не призналъ? Охъ, стыдно, парень!

ВАНЬКА. — Ну, догнала. Чего кричишь?

ОЛЁНА. — Да развѣ

Я на тебя кричу, голубчикъ Ваня?

Куда пошолъ?

ВАНЬКА (*отходя*). — Пожди. (*Про себя*) Куда бы тутъ

Припрятаться, чтобъ не сыскала вѣдьма?

А то Анютеа повстрѣчаетъ, северно.

Олѣна (*идя къ нему*). — Ты что тамъ смотришь?

Ванька (*еще шагъ дальше*). — Показалось мнѣ,

Какъ будто кто идѣтъ. Дай, погляжу-ка. (*Отходитъ*).

Олѣна (*стпшитъ за нимъ*). — Да вѣту никого, не бойся. Лучше,

Дай я тебя на волю поцалую. (*Наровитъ поцаловать*).

Ванька (*увѣртываясь*). — Постой.

Олѣна (*хватаетъ его за руку*). — Нѣтъ, Ваня, не пущу тебя.

Пойдѣшь да заплутаешься, пожалуй.

Я боязливая; въ лѣсу-то страшно:

И человекъ недобрый попадѣтся,

И звѣрь рыскачій, да и дѣдъ сѣдой.

Ванька. — Какого дѣда вспомнила?

Олѣна (*неохотно*). — Самъ знаешь.

Ванька. — Ахъ лѣшаго боншься?

Олѣна (*торопливо*). — Чуръ меня!

Не поминай ты про него—онъ лѣгокъ,

Чу, на поминѣ.

Ванька (*съ стороны*). — Погоди жь ты, баба!

Сейчасъ тебя я лѣшимъ застращаю

И удеру. Да гдѣ Анютеа только?

Голосъ Памфила (*за сценой изъ лубины*). — А что мнѣ лѣ-
шій? Я плевать хотѣлъ.

Олѣна. — Охъ, батюшки, никакъ Памфилъ Ильичъ.

Голосъ Памфила (*также*). — Да, мнѣ плевать! Велика пти-
ца:—лѣшій!

Ванька. — И то что онъ. Бѣги сюда скорѣе,

А я сюда. А тамъ аукни шибче,

Я прибѣгу къ тебѣ.

(*Разблываются; Длшечиха выодитъ изъ шалашика;
за сценой смеино, упало что-то*).

Голосъ Памфила (*ближе*). — Охъ, чтобъ тѣ дьяволъ!

Подсунулъ подъ ноги бревно, проклятый!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣшечиха; *сходитъ изъ лубины* Лѣшій.

Лѣшечиха. — Ну, что тамъ?

Лѣшій. — А завѣлъ въ труппу дѣвку.

Иду назадъ, глажу—Памфилъ бредѣтъ,

Я на дорогѣ взялъ бревномъ свалился,

Памфилъ запнулся, и хватился носомъ.

Лѣшечиха. — А тутъ Памфилова была хозяйка;

Къ Ванюшкѣ—знаешь, у него живеть —

Все приставадала, лѣзеть цаловать.

Лѣшій. — Куда жъ они дѣвались?

Лѣшечиха. — Услыхали,

Какъ началъ самъ-отъ голосить,—бѣжать.

Онъ въ сторону, она въ другую.

Лѣшій. — Скверно.

Ихъ надо бы свести. *(Подходитъ къ шалашику).*

Ступай-ка ты

Возьми вотъ эту вѣтку *(берётъ вѣтку съ шалашика)*

Подѣрадися

Ты наперво къ Ванюшкѣ сзади,

Да по спинѣ и погоняй легонько.

Увидишь, что прибавилъ шагу парень,

Ты къ бабѣ—погоняй ее пошибче.

Управишься, бѣги сюда скорѣй

И становися вонъ за той берёзой

И слушай: воль приказывать что́ буду стану,

То дѣлай.

Лѣшечиха. — Погонять-то ихъ зачѣмъ?

Лѣшій. — Чтобъ разойтиса не могли никакъ.

Онъ отъ нее—анъ глянь, она на стрѣчу.

Ступай скорѣй. Вонъ и Памфилъ валить.

Насилу поднялся.

Лѣшечиха. —

Давай же вѣтку!

(Берётъ и уходитъ; Лѣшій становится подъ сляю)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Памфилъ — *пьянъе вина*; Лѣшій — *подъ сляю*.

Памфилъ. — Тьфу! что за чортъ! Запнулся за бревно;

Самъ видѣлъ, что бревно лежало; всталъ,

Нѣтъ ничего. Аль лѣшій шутить? Слушай,

Гой, духъ лѣсной, ты не шути, гляди.

Памфилъ куда мудрѣнъ. Да, вѣрно!

Лѣшій *(эхо)*. — Вѣрно!

Памфилъ. — Что за анаема?—какъ ровно кто

Отвѣтилъ? Не шути-гляди съ Памфиломъ.

Лѣсъ будетъ мой, и ты мнѣ же ставеши!

Поймаю, берегись. Заставлю воду

Таскать, дрова рубить, работой всякой
Тебя измучу. Понялъ?

Лѣшій (эхо). — Понялъ!

Памфилъ. — Тьфу!

Аль лишнее у кума было пито?

Чтѣ ни скажу — сейчасъ отвѣтъ готовъ.

Семь-ка попробую ещо. Ты, лѣшій,

Памфила не страшай, а лучше, старый,

Самъ берегись!

Лѣшій (эхо). — Самъ берегись!

Памфилъ. — Ахъ, дьяволы!

Да ты никакъ шутить со мной задумаешь?

Я здѣсь хозяинъ, цыцъ!

Лѣшій (эхо). — Хозяинъ, цыцъ!

Памфилъ. — А, коли такъ, коль угомону нѣтъ

На лѣшаго, — такъ я съ тобою, пѣсь,

И говорить не стану, а возьму

Да лягу тутъ; сосну; чтѣ хочешь дѣлай,

Небось, не струшу. (*Присккиваетъ мѣсто, идтѣ бы лечь*).

Лѣшій. — Ладно, спи-храпи.

Мнѣ соннаго вольнѣе обойти.

Памфилъ (*укладываясь*). — Охъ-охъ! дремá такъ вотъ и вло-
нить ъ земь.

(*Ложится и засыпаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Памфилъ, спитъ; Лѣшій, обходитъ его.

Лѣшій. — Давай-ка обойду тебя теперь..

(*Выходитъ изъ-подъ ели и трижды обходитъ
околоу Памфила, приговаривая*):

Обойду я дважды,
Обойду я трижды.
Спи себѣ ваййся,
Страху набирайся! (*Начинаетъ обходить*)

Чтѣбъ тебѣ Памфилу,
Пасконному рылу,
Во лѣсу всю ночьку
Сидѣть до свѣточку.
На мѣстѣ сидѣти,
Повсюду бродити.
Конному ли, пѣши,
Какъ похочетъ Лѣшій. (*Первый обходъ конченъ*).

Чтобъ тебѣ Памфилу,
Пасконному рылу,
Глядѣть да не видѣть,
Слушать да не слышать.
Только тебѣ видѣть,
Что Лѣшій покажетъ,
Только тебѣ слышать,
Что Лѣшій прикажетъ. *(Конецъ второго обхода).*

Ходятъ мимо люди,
Памфила не видятъ;
Ходятъ мимо люди,
Памфила не слышатъ;
Разъ, и дважды, трижды,
Кумаръ — нихъ — выжди! *(Три раза обошелъ).*

А ну-ка, кумомъ покажусь Памфилу. *(Подходитъ, толкаетъ Памфила и говоритъ голосомъ кума).*

Ты это что жѣ, куманѣкъ, улгса?

Аль дома тѣсно?

Памфилъ. — Не замай, лежу.

Лѣшій. — Да полно тѣ, вставай! Садись-ка лучше
Да покалякаемъ маленько.

Памфилъ. — Экой!

Что банный листъ пристагъ! *(приподымается).*

Откуда?

Лѣшій. — А съ мельницы. Приѣхалъ я домой

Да и раздумался: и вправду, можетъ,
Задумалъ съ лѣшнимъ потягаться, кумъ.

Семь-ка пойду да помогу.

Памфилъ. — Поможешь?

Чѣмъ станешь помогать, Мартынъ Ефремычъ?

Лѣшій. — А помнишь давѣ, угощаль меня

И посмѣялся: «ты-де кумъ съ чертями

«Самъ знаешься: недаромъ мельникъ будешь;

«На мельницѣ-де роденникъ живетъ».

Памфилъ. — Такъ что жъ?

Лѣшій. — А то, что не хотѣлось давѣ

Мнѣ говорить съ тобой объ этомъ, кумъ:

Народу много было.

Памфилъ. — Значить, правда,

Съ воденникомъ въ ладу живѣшь?

Лѣшій. — Вѣстимо.

Памфилъ. — А мнѣ-то чѣмъ можешь, куманѣкъ?

Лѣшій. — А тѣмъ, что нонѣ вышелъ, чу, увазь:

Что съ Петровѣ дни быть воденику

По всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ воеводой,
И по прудамъ, озерамъ и болотамъ,
А коли рѣчка по лѣсу бѣжить,
Али бодото гдѣ въ лѣсу случится —
По тѣмъ лѣсамъ тянуть бы миромъ къ рѣчкѣ,
Гдѣ воденникъ на воеводствѣ сидеть.
И лѣшнимъ всѣмъ съ товарищи служить
Безъ послушанья воеводѣ.—Слышалъ?

Памфилъ. — Такъ что жъ?

Лѣшій. — А то же, что въ лѣсу пришлось
Болото—знаешь самъ—а воевода
На мельницѣ живётъ; и лѣшій, значить,
Чинить должонъ всё по его приказу
И изъ его, воденниковой, воли
Не выходить. А воденникъ-отъ, кумъ,
Благопріятель мнѣ.

Памфилъ. — Да ты не врѣшь?

Лѣшій. — Съ чего мнѣ врать? я колдуномъ недаромъ
Слышу въ народѣ. Станетъ воденникъ
Упрямиться, да лѣшему поблажку
Творить какую — мы его приструнимъ.

Памфилъ. — Охъ, кумъ, не вѣрится! Смѣлся давѣ
«Какой-де я колдунъ».

Лѣшій. — Ома невѣрный!

Ну, хошь, сейчасъ тѣ поволдую?

Памфилъ. — Нутка!

Лѣшій. — Задумай что—и явится сейчасъ.

Повѣришь ли?

Памфилъ. — Какъ не повѣрить будеть?

Лѣшій. — Задумывай.

Памфилъ (*трѣтъ лобъ*). — Охъ, что бы мнѣ такое
Мудреное задумать? (*подумавъ*): Стой-ка, слушай.

Аль нѣтъ, не то; помудренѣй что падо.

Что-бъ мнѣ придумать?

Лѣшій. — Ты скорѣй, кумъ.

Памфилъ (*рѣшительно*). — Да что — тащи вина и дѣвокъ!

Лѣшій. — Эва!

Я думалъ, что мудреное прикажешь,
А этого добра вездѣ довольно.

Памфилъ. — Рассказывай, довольно! Ну, вина
Достать нетрудно, точно; только дѣвокъ
Никакъ вотъ залучить не удаётся:

Та говоритъ плѣшивъ, другая—старый,
А третья—напросто мурло воротить.

Лѣшій.—А вѣдь я думалъ, кумъ, что дѣвки
Такъ за тобой и бѣгаютъ.

Памѣнлѣ.— Поди ты,
Столуй съ проклятыми. Кажись, всѣмъ взялъ
И ростомъ, и дородствомъ; на подарки
Я тоже таровать; опричь жены,
Ни для кого не пожалѣю. Только
Ничѣмъ, никакъ не приманю, проклятыхъ.

Лѣшій.— Ну, я-то приманю. Го-го! Сюда! *(хлопаетъ въ ладоши)*.
У насъ женихъ—собой молодецъ.

Богатый, золото гребѣтъ лонатой,
Охочъ до дѣвокъ, подарить лебѣдовъ. *(Считаетъ)*.

Постой, сейчасъ придутъ. А мы покуда
Хлѣбнемъ винца. *(Подаетъ ему какое-то мучошко съ поклономъ)*
Пей на здоровье, кумъ.

Памѣнлѣ *(пьетъ)*. — Да у тебя вино, знать, не простое?

Лѣшій.— А что?

Памѣнлѣ.— Да больно, куманѣтъ, хмѣльное.

Ты берегись—я во хмѣлю буянъ,

Я захмѣлѣю,—удержу не знаю.

Я во хмѣлю—на короля полѣзу!

Лѣшій.— Ты не буянъ. Я не люблю буяновъ.

Коль забуянишь—сдѣлаю такое,

До смерти не забудешь. Вотъ и дѣвки;

Спѣшать сюда, чу, съ пѣсней. Глянь-ка, кумъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Памѣнлѣ, Лѣшій; *входитъ* Лѣшечиха и лѣсныя русалки.

КРУГОВАЯ ПѢСНЯ.

(Народная)

За лѣсомъ, лѣсомъ,
За перелѣсомъ,
Тамъ дѣвки играли,
Красныя плясали.
Меня молодѣшеньку
Въ три голоса влечутъ—
Чуть не въ четыре,
Пятый-то голосъ,
Чуть тамъ наносить:
Свекоръ домой влечеть,

Ёсть-нить проситъ.
 Ёсть-нить подавала,
 Свекра прокинула:
 Чтобъ тебѣ, свекоръ,
 Ёсть-подавиться,
 Ёсть-подавиться,
 Нить-задабнётся.

(При повтореніи, послѣ строки «чуть такъ наноситъ»):

Свекровь домой илкнуть —
 Постелишку слали.
 Постелишку слали
 Свекровь прокинула.
 Чтобъ тебѣ, свекровь,
 Лечь да не встать,
 Голову не снять!

ЛѢШІЙ (подводитъ Памфила). — Здорово, дѣвцы! Вотъ
 позабавьте кума,

Повеличайте вы его — онъ любить.

Памфилъ. — Да, дѣвки, величайте! Я люблю.

И подарю васъ; денегъ хватить, дѣвки!

Которая изъ васъ меня полюбитъ,

Табъ ту и вдвое подарю. Я добрый.

ЛѢШЕЧИХА. — Ты всѣмъ намъ любъ; люблю выбирай.

Не то передерѣмся за тебя!

Памфилъ. — Ужъ будто всѣмъ?

ЛѢШЕЧИХА. — Ещо бы, парень, нѣ любъ,

Пригожій да богатый — молодой.

Памфилъ. — А наши дѣвки-дурн, тѣ смѣются:

Плѣшатый, молъ, да старый.

ЛѢШЕЧИХА. — Ну, ужъ дурн!

Памфилъ. — Спасибо, кумъ. Какикъ ты предоставилъ,

Что всѣ во мнѣ души не чають!

ЛѢШІЙ (отводя его). — То-то.

А вѣрить не хотѣлъ, что я колдую.

Я дѣвкамъ чарами глаза отвѣлъ,

Глядятъ-то на тебя, а видятъ, кумъ,

Другого.

Памфилъ. — Ай-да кумъ, спасибо, право!

ЛѢШІЙ. — Ты выбирай люблю. Только помни,

Коль хочешь, чтобъ тебя поцаловала,

Да приголубила какая, — сплюнь

Да про себя скажи: закламъ бада.

Памфилъ. — А ты куда?

Лѣшій. — Мѣшать тебѣ не стану,
Я тутъ въ шалашикѣ пока прилягу. (*Идѣтъ. Памфилъ прово-
жаетъ его и становится, опершись, у шалашика*).

Памфилъ (*самъ съ собою*).—Постойте-жь дѣвки. Вы теперь мои.
Давай-ка погляжу, какую выбрать. (*Глядитъ*)

Ну, выбралъ. А теперь-то что?—да, сплунуть! (*Сплёвываетъ*).
Теперь давай: зачаламъ баба. (*Лѣшечиха идѣтъ къ нему*).

Ловко!

Сама ко мнѣ подходитъ. Слушай, дѣвка,
Цалуй меня.

Лѣшечиха, *цалуетъ*. — Охъ, мой соволикъ ясный!

Памфилъ, *про себя*.—Поцаловала! Ай-да кумъ, спасибо! (*Вслухъ*).
Теперь пошла! (*Толкаетъ ее; Лѣшечиха отходитъ*).

Дай выберу другую.

Что сдѣлать-то? Да, сплунуть — ладно! (*Сплёвываетъ*).

Теперь сказать — анъ слово и забылъ! (*Припоминаетъ*).

Каръ... нѣтъ, не каръ... бабъ... ахъ, дьяволь!

Забылъ! — Ну, какъ премолвится, — и ладно. (*Домо силится выво-
ворить и наконецъ съ великимъ трудомъ произноситъ*)

Дурагъ Памфилика! (*Радъ, что выговорилъ*)

Ну, вахисъ, что тагъ!

Что-жь не идѣтъ? (*кричитъ*) Эй дѣвки, живо, шельмы!

(*Всѣ русалки подходятъ и обступаютъ его*).

1-я русалка. — Чего тебѣ?

Памфилъ. — Цалуйте!

Вторая. — Больно ловокъ!

Памфилъ. — Я говорю, цалуйте!

Первая. — Погодишь!

Памфилъ. — Ну, ты, цалуй! Цалуй-же, говорятъ!

Первая. — Ишь, старый хрычъ! Туда-же цаловаться!

Памфилъ. — Кто старый хрычъ? Я старый хрычъ? Аль бѣльмы

Заволокли глаза у дуры-дѣвки?

Ахъ, шельма желтоглазая!

Первая. — Не лайся!

Русалки (*съ перемежку, приступая къ нему*). — И впрямь не
лайся! Щекотать начнемъ,

Такъ не уйти отъ насъ!

Памфилъ. — Да что вы, дѣвки!

Лѣшечиха. — Ну, откупайся, что-ли, а не то

Разсердимся, — такъ на-смерть защекочемъ.

Памфилъ. — Да что вы, дѣвки?

Вторая. — Мы не дѣвки вовсе.

Памфилъ. — Да кто-же вы?

Первая. — А вольныя русалки.
 Лѣшечиха (*толкая Памфила*). — Ну, откупайся!
 Памфилъ (*торопливо мзетъ въ карманъ*). — На-те, на-те, на-те!
 Отстаньте только. (*Сыплетъ изъ кармана черепки*).
 Лѣшечиха. — Э, да ты смѣяться?
 За мѣсто денегъ черепками платишь?
 Памфилъ (*жалостно*). — А были деньги... кто ихъ подмѣнилъ?
 Лѣшечиха. — Ну, берегися! Начинай, сестрицы!
 Подъ пѣсенку Памфила защекочемъ. (*Толкаетъ его. Русалки составляютъ кругъ около Памфила*).
 Памфилъ (*стараясь высвободиться*). — Да я... да какъ-же?...
 кумъ, а куманѣкъ!
 Постой... сейчасъ... Шарында!... вѣтъ, не то!

РУСАЛКИ, ХОРОМЪ.

Дѣвицы-красавицы,
 Вольныя русалочки
 Сторожать гѣсокъ.

Встрепенитесь, дѣвицы,
 Чуткимъ ухомъ слушайте.
 Чужанинъ идеть.

Кто идеть? — молоденькій,
 Миленькій, пригоженькій.
 Цаловать его!

(Начинаютъ цаловать Памфила)

Мы заманимъ молодца,
 Запалуемъ до смерти:
 Любо цаловать!

Обознались, дѣвицы,
 Не пригожій молодець —
 Старый хрытъ зашолъ.

Охъ, базыга старая,
 Старая, пѣшатая —
 Вѣсь тебя завѣсь!

Попляши-тка старенькій,
 Взвесели русалочекъ:—
 Щекоти его!

(Начинаютъ щекотать)

Ха, ха, ха! Погляньте-ка
 Распыхался старенькій!
 Охъ, хо, хо—бѣда!

(Толкаютъ и всячески тербятъ Памфила; тотъ падаетъ)

Лѣшечиха. — Спасибо вамъ, русалочки, за помощь!

Вторая. — Повеселился, — спасибо и тебѣ.

Первая. — Красавицы-сестрицы, разбѣжися,
Что вольныя пичужки разлетиса! (*Разбѣгаются*).

Памфилъ (*барахтается на травѣ*). — Охъ, охъ! охъ, чтобъ тѣ,
лѣшій! Охъ, умру!

Постой, постой, деревья заплесали —

Держи, держи—трава бѣжить—держи! (*Хочетъ изловить
траву и падаетъ навзничь*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Памфилъ лежитъ; Лѣшечиха; Лѣшій вылазить изъ шалашка.

Лѣшечиха. — Что, каково Памфила проучила?

Лѣшій. — Спасибо, Лѣшечиха, удружила.

Лѣшечиха. — Давай еще надсмѣшку сотворимъ.

Лѣшій. — Ты что задумала?

Лѣшечиха. — А вотъ послушай.

Возьму, ему Анюткой покажуся, —

Спать уложу съ бревномъ, а головой

На пень его уважу.

Лѣшій. — Ладно. Дѣлай.

Лѣшечиха, (*наклонясь къ Памфилу*). — Что ты, Памфилъ
Ильичъ, куда улегся?

Ступай-ка на постель.

Памфилъ (*соннымъ голосомъ*). — Пошла, русалка!

Лѣшечиха. — Опомнись.

Памфилъ. — Знаю. Ты русалка. Хочешь...

Защекотать меня.

Лѣшечиха. — Опомнись, милый.

Я Аннушка.

Памфилъ. — А, Аннушка! Добрѣ.

Лѣшечиха. — Ложись сюда, на мягкую подушку.

Памфилъ. — А лягу, помоги.

(*Лѣшій и Лѣшечиха укладываютъ его головой на пень*).

Вотъ такъ.

Лѣшечиха. — Что, мягко?

Памфилъ. — Лебяжій пухъ. Такъ голова и тонеть.

А ты-бы подь бочокъ.

Лѣшечиха. — Сейчасъ прилягу. (*Лѣшиму*).

Давай бревно.

Памфилъ. — Ты съ кѣмъ тамъ говоришь?

ЛѢШЕЧИХА. — Почудилось тебѣ. *(При помощи Лѣшино, кладётъ Памфилу подъ бока бревно).*

Ну, вотъ легла.

ПАМФИЛЪ. — Ты подалуй, да обойми покрѣпче.

ЛѢШЕЧИХА. — Самъ подалуй.

ПАМФИЛЪ. —

Лебѣдушка моя!

(Цалуетъ и обнимаетъ бревно).

ЛѢШЕЧИХА. — Что, сладко-ли?

ПАМФИЛЪ *(облизываясь)*. — Послаще меду будетъ.

ЛѢШЕЧИХА. — Ну, спи-же, спи. Прикройся одѣяльцемъ.

(Набрасываетъ съ Лѣшино хвороста на Памфила).

ПАМФИЛЪ. — Тепло да мило! Ай-да кумъ, спасибо! *(Засыпаетъ).*

ЛѢШІЙ. — Нѣтъ, это что, пустыя шутки, баба!

Теперь бы надо постращать пошибче. *(Вдали громъ).*

ЛѢШЕЧИХА. — Чу, прогремѣло!

ЛѢШІЙ. —

А гроза идѣтъ.

ЛѢШЕЧИХА. — Бѣгутъ сюда. Припрячемся подъ ёлку.

(Становятся подъ ёлку).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ПАМФИЛЪ, *подъ хворостомъ*; ЛѢШІЙ съ ЛѢШЕЧИХОЙ, *подъ ёлкой*; ВАНЬКА, *потомъ* ОЛѢНА.

ВАНЬКА. — Тѣфу! весь взопрѣлъ! Куда ни поверну,

Какъ шишъ торчитъ Олѣна передъ носомъ,

И словно въ воду канула Анютка.

(Громъ ближе).

Гроза идѣтъ. — Должно, прождала дѣвца

Да и домой пошла.

(Опрямѣтью вбѣгаетъ Олѣна).

ОЛѢНА. —

Охъ, охъ, голубчикъ!

Куда ты отъ меня бѣжишь?

ВАНЬКА. —

Опять!

Какъ ни пойду, съ тобою разоюдся,

А разоудемся — глянь, на мѣстѣ кружимъ.

Должно, надъ нами старій подшутилъ. *(Молнія и громъ).*

ОЛѢНА *(пряча голову въ Ванькинъ кафтанъ)*. — Охъ, охъ,

гремятъ! Припрячь меня, Ванюша!

ВАНЬКА. — Куда тебя припрятать! Самому

Куда бы схорониться!

(Громъ).

ОЛѢНА. —

Охъ, Ванюша,

Пойдемъ домой.

ВАНЬКА. —

И то домой пойти. *(Быстро уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Налетаетъ гроза. Быстро темнѣетъ. Молнія и громъ.

Памфилъ, Лѣшій, Лѣшечиха, по своимъ мѣстамъ. *Входитъ*
Аннушка.

Аннушка. — Ну, вотъ и догуляла до грозы!

Куда теперь? Домой? да гдѣ дорога?

Ишь, темъ какая! Молонья и прыщеть,

Да по блискучей не найти дороги.

Охъ, посвѣти маленечко Аняуткѣ! *(Сильная молнія).*

А, вонъ шалашикъ. Тутъ и перебуду. *(Входитъ въ шалашикъ).*

Неужто оманулъ меня Ванюшка?

Неужто онъ съ Олёной заодно?

Неужто? — Нѣтъ! Глядѣлъ любовно парень —

Съ чего ему на дѣвку нападать?

Должно, Памфилъ его позадержалъ. *(Удары грома).*

Какъ божья-то гроза гремитъ! Чудесно! *(Первая капля дождя).*

Пряжку-ка, подъ дождичекъ сосну. *(Съ поклономъ).*

Охъ, Лѣшенькій, не трогай ты меня!

Велика-ли корысть пужать дѣвчонку!

Отъ дождика меня ты скорони —

Скажу тебѣ я, дѣдушка, спасибо;

Голубчикомъ, да милымъ назову. *(Дождитя. Дождь чаще. Молнія почти непрерывно блещетъ и ослѣпляетъ Лѣшико и Лѣшечиху подъ деревомъ; Лѣшій хочетъ выйти изъ-подъ дерева).*

Лѣшечиха *(удерживая его)*. — Куда ты лѣзешь? На дождѣ замкнешь!

Лѣшій. — Да я свернуся, подъ лопухъ забьюся.

Лѣшечиха. — Къ Аняуткѣ, знать, поближе захотѣлось?

Лѣшій. — Боюсь, Памфилъ уйдѣтъ.

Лѣшечиха. — Хмѣленъ лежить.

Лѣшій. — Да все же...

Лѣшечиха. — Все же стой подъ ѣлкой, лѣшій.

(Божья гроза во всей красѣ).

Лѣшій. — Ишь, дождикъ-отъ шумить. Ему отвѣтно

Деревья всѣ хвоею зашумѣли.

Перкуль-отъ заливается-хохочетъ,

Должно, на радости какой великой!

А молонья-то по небу летаетъ,

Какъ словно частый дождь погоняеть.

Что любо, Лѣшечиха?

Лѣшечиха. — Больно любо!

Лѣшій. — А по грозѣ, гроза Памфилу будетъ.

Лѣшечиха. — Ну, я вздремну подъ дождичекъ маленько.

(Дремлетъ).

Лѣшій. — Эхъ дура! разыгралася гроза:

Не спать, грозою любоваться надо. *(Дождикъ шумитъ).*

(Концы втораго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Тѣмная, тѣплая ночь. Тишь великая. Дрема царитъ. Аннушка спитъ подъ шалашкомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Памфилъ подъ хворостомъ; Лѣшій сидитъ на повалившемся деревѣ.

Лѣшій. — Какъ по грозѣ лѣсокъ-отъ оживился!

Дерева пообмылись; веселѣи

Глядятъ; помолодѣли, словно дѣти.

И мелкая муравка прибробрилась:

Туда-же тянется, подняться хочеть,

Вдаль поглядѣть. — Дышать вольнѣе. — Любо!

Спасибо дождику! Спасибо грому!

И молонѣ блискучей, тожь спасибо!

Промежь деревьевъ тѣма-потѣма легла.

А и любезнѣи ночи тѣмной нѣту

На бѣломъ свѣтѣ ничего. Забьешься

Въ глушь непроходную, и ляжешь:

А ночка тихая, какъ смоль черна,

И смотришь, смотришь — нѣтъ ли гдѣ свѣточку?

Глянь, анъ гнидушка гдѣ блестяеть - засвѣтитъ,

Аль волчьи очи. А и то бываетъ,

Что смотришь, смотришь вверхъ, — примѣтишь,

На небѣ звѣздочка проглянетъ ясно

Да тихо таково!

Чудесно лѣшнимъ

На вольномъ свѣтѣ жить, прохладно.

Хозяйничай въ лѣсу; всего довольно:

И ягодъ всякихъ сочныхъ, и кореньевъ,
 Грибовъ, орѣховъ, мѣду и всего!
 Пойдешь, осмотришь, всё ль деревья цѣлы,
 Начнешь считать — стучишь, гремишь дубинкой,
 А гуль-отъ по лѣсу стоитъ великій!
 Соскучишься, — пойдешь дурить по лѣсу:
 То мужика какого водишь-водишь;
 То волчьими глазами ночью свѣтишь
 Да лошаденку въ чащу загоняешь:
 То пугачомъ кричишь, то волкомъ воешь,
 Не то ребѣнкомъ малымъ заревѣшь.
 Коль дѣвки по грибы придуть — аукнешь,
 Отманишь дуру, станешь миловать.
 А на досугѣ хлопаешь въ ладони
 Да съ лѣшечихой на полянѣ плясешь.
 Житье такое — умирать не надо!
 А люди глупые всего боятся
 Да лѣшаго бранять. Постой, я было
 Забылъ, что у меня Памфилъ гостить.
 Дай, пострадаю гостя дорогого,
 Не то искать его, какъ разъ, нагрнуть:
 Немалый на посадѣ челоуѣкъ! *(Встаетъ)*.
 А что-то Аннушка? *(Замыливается въ шалашикъ)*.

Заснула брѣвно.

Ее не трону. Какъ ложилась спать,
 Такъ лѣшаго просила не пугаль бы,
 Голубчикомъ да милымъ назвала.
 Ну, спи себѣ. *(Отходитъ и идетъ къ Памфилу)*.

А ты, Памфилъ, вставай-ка.

Пора съ тобой путемъ разсчестся. *(Снимаетъ часть хвороста)*.

Эва!

Хранить-сонить. Поди-ка, хмѣль шальной
 Не вылетѣлъ, гуляетъ по башнѣ.

Дай постучу. Да огонькамъ блудачимъ —
 Чтобъ попугать его — плясать велю.

Гу-гу! Вставай, Памфилъ Ильичъ, вставай!

(Стучитъ дубинкой; гуль по тѣсу).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Памфилъ, просыпается; Лѣшій, становится къ сторонѣ.

Памфилъ *(притодымаясь)*. — Фу-фу! Долгонько я проспалъ, до
 ночи!

Жена! Эй, Марковна, подай кваску!
 Съ похмѣлья, видно, въ горлѣ пересохло.
 Да что за чортъ тутъ колется? (*Осматривается и отшмыгивается*).

Эге!

Да я въ лѣсу заночевалъ. Тыфу, дьяволы!
 Весь перемокъ. Подъ хворостомъ улѣгся,
 А головой на пенъ — башка трещить.
 А подъ бокомъ-то кто? Кажись, Анютка.
 Вечоръ въ лѣсу бродила. Эй, вставай! (*Толкаетъ бревно*).
 Кой чортъ! бревно — бревно лежить. Ай, лѣшій!
 Израдио подшутилъ. — А лѣсъ-отъ выжгу;
 Какъ ни хитри, — спалю огнѣмъ лѣсокъ.
 Да и не страшень лѣшій! Поводилъ
 Вечоръ меня, да отсмѣялъ издѣвку:
 Съ бревномъ подъ хворостъ уложилъ. Бонтся,
 Бонтся, чтó худое сдѣлать, шельма.
 А лѣсъ-отъ выжгу. Вѣрно. Какъ сказалъ.
 Лѣшій (*сталъ съ сторону*). — Не надо-ль огоньку, Памфилъ
 Ильичъ? (*Хлопаетъ съ ладоши*).

Памфилъ. — Кто тамъ? Аль мнѣ послышалось? Съ похмѣлья
 Въ ухахъ такой трезвонъ, что въ свѣтлый праздникъ.
 Домой пойти! (*пробуетъ придвинуться*). Да нога что-то, словно
 Какъ деревянныя. (*Огоньки показываются*). А это чтó?

Ай, огонёкъ бѣжить сюда. Ещó.

И съ этой стороны. И прямо, прямо
 Ко мнѣ бѣгутъ, палить меня хотятъ.

Лѣшій. — А славно огонёчки расплясались —
 Смотрѣть-то любо. Ишь, какой проворный,
 Чуть бороду Памфилу не спалилъ.

Ха-ха-ха-ха! (*мълъ пò лѣсу*).

Памфилъ. — Ой, страшно! Ой, боюсь!

Лѣшій. — Чтó перетрусился? Палить не станешь?

А ну-ка, огонёчекъ, побѣги

Къ сторонкѣ, да за дерево припрядься,

Чтòбъ вѣтви-те торчали словно руки,

Сучокъ выглядывалъ страшенной харей.

Памфилъ. — Ай, батюшки! Какая харя смотреть!

Зажмурюсь лучше (*зажмуривается*). Охъ, неладно этакъ —

Пожалуй, огонёкъ какой шальной

И бороду спалить.

Лѣшій (*зхо*). — Спать.

Памфилъ. — Ой, лихо!

Дай, погляжу сюда. И тутъ бѣда:

Ещё страшнѣе харя. Головища
 Съ пивной котёлъ — а носъ-отъ длинный-длинный,
 Чтò бѣсовъ кровя! Ой, клюнеть, клюнеть!
 ЛѢШІЙ (*эхо*). — Клюнеть!
 Памфилъ. — И руки танутся — живныя руки —
 Тыфу, чортъ! Чуть за носъ, чуть не ухватилъ! (*Дрожитъ —
 тѣлая лихорадка промѣла*).

Ой, лихоманка принялась трасти.
 Тагъ и колотить, тагъ вотъ и колотить.
 Не попадетъ никакъ зубъ-на-зубъ. Охъ! (*Жалобно*).
 А огоньки-то мечутся въ очахъ,
 Да мелкіе какіе. (*Чуть не плачетъ*). Нѣтъ водицы,
 Залить-то нечѣмъ! Охъ, бѣда моя!
 Попробую бѣжать (*Пробуетъ и не можетъ; въ отчаяніи*):
 Не служить ноги.

Знать, тутъ въ лѣсу и поколѣтъ придется.
 Недаромъ огонѣчки заметались,
 А какъ притухнуть — и конецъ придетъ.
 ЛѢШІЙ. — Чтò, струсилъ? Станешь лѣсъ палить?
 Памфилъ. — Не буду.
 Закаюся на вѣчныя на вѣки,
 И дѣтямъ - внукамъ закажу палить,
 Лишь душу отпуща на покаянье. (*Притихаетъ на время*).
 Опять ознобъ! Какъ лихоманка мучить.
 Аль тагъ озябъ? Слыхалъ я, бають люди,
 Что лихоманка бродить по ночамъ.
 Кому хворать — возьметъ и поцалуетъ;
 Ко мнѣ не приходила, не видалъ.
 Знать, тагъ ознобъ пробралъ.
 ЛѢШІЙ. — Чтò, огонѣчки?
 Устали, чай, плясать? Аль есть охота?
 Ступайте, попляшите на просторѣ,
 Памфила бросьте. Гу-гу-гу, гуляй! (*Гуль бѣжитъ по тѣсу*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛѢШІЙ, Памфилъ, потомъ ЛѢШЕЧИХА, вся въ бѣломъ.

Памфилъ. — Ишь, лѢШІЙ-то гудить! (*Входитъ ЛѢШЕЧИХА*).
 А это кто тамъ?

Сюда идетъ! Охъ, охъ, ознобъ пробралъ!
 Не лихоманка-ли бредѣтъ? Отлеивнись!
 Кто бродить по лѣсу? Ау!

ЛѢШІЙ (*эхо*).—

Ау!

Памфилъ. — Всё ближе, всё подходить. Стой, скажись:

Ты человекъ, аль духъ какой нездѣшній?

ЛѢШЕЧКА (*наклонясь надъ Памфиломъ*). —

Злая Лихоманна,
Зовуся Ледихой.
Кинуть меня люди,
Злая проклинають.

Полюби, голубчикъ,
Ты меня. Ледиху!
Я тебѣ спою,
Постелю постельку,
Тѣшу, горячу,
Съ дубовою крышкой.

Знобить тебя стану,
По сту разъ на день,
По сту разъ на ночь,
Студёной водою,
Кипяткомъ горячимъ.
На печь загѣзешь—
Ноги отморозишь.

Изсушу ты въ щепку,
Въ щепку-лучину,
На погостѣ вину.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Памфилъ (*одинъ*). — Охъ, смерть пришла! И огонь погасил.
Загѣзу-ка подь хворость: всё теплѣй.

И дѣдъ лѣсной не такъ-то скоро сыщеть. (*Залазитъ*).

Голоса (*за сценой*). — Ау, Памфилъ Ильичъ! Ау! Анютка!

Памфилъ. — Кричи, кричи. Небось, не выйду. Нѣтъ,

Вдругорядъ не надуешь. Какъ же!

Голоса. —

Гой,

Памфилъ Ильичъ!

Памфилъ (*себѣ подь носъ, но злобно*).—Ори пошибче, дьяволъ!

Чтобъ глотку тѣ пордзорвало, шельмѣ!

Я тутъ запрячусь, да сосну авось.

Во снѣ-то страхъ, не то что на яву.

Дай, уши мхомъ позатыкаю (*отъласть*). Такъ вотъ.

(*Съ головою залазитъ подь хворостъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Лѣшечиха и Лѣшій, *входятъ съ сразныхъ сторонъ.*

Лѣшечиха. — Памфила ищутъ.

Лѣшій. — Ну, нескоро съищутъ!

Со страху самъ подъ хворостъ скоронился.

Лѣшечиха. — А этихъ нешто обходить не станешь?

Лѣшій. — Пошто ихъ обходить? Олёну развѣ

Маленько поужать.

Голоса *(за сценой, ближе)*. — Ау! Памфилъ!

Памфилъ Ильичъ!

Лѣшій. — Пойдѣмъ, въ сторонкѣ станемъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Черезъ некоторое время, входятъ Ванька, Олёна, Ерѣмка, Стѣпка и еще нѣсколько человекъ, съ фонарями и дубинами.

Ванька. — Ну, ребята! искать не плошать. Должно, въ болотѣ завязъ, аль пьяный гдѣ свалился.

Ерѣмка. — Я пойду, Ванюха — мѣстечко тутъ такое есть — дрябъ, трущоба — небывалый зайдѣтъ, днѣмъ не выгѣзеть. Не туда-ли угодили хозяинъ?

Ванька. — Поди. А вы разснитесь по лѣсу. Да глядите, сами не заплутайтесь.

Стѣпка. — Гдѣ заплутаться! Не слѣпы!

Ванька. — Кто найдѣтъ, голосъ подай — а самъ не отходи, тутъ надъ нимъ и стой.

Ерѣмка. — Тутъ, ребята, и стой, не отходи.

Стѣпка. — Дя-ча стоять? — не убѣжить.

Ерѣмка. — А пойдѣшь, потеряешь — ищи потомъ, дура-голова!

Ванька. — На болото кто пойдѣтъ?

Голоса. — Кто на болото? — Стѣпка, ты, что-ли?

Стѣпка. — Ладно, схожу.

Голоса. — И я съ тобой. — Мы со Стѣпкой. — Ладно.

Олёна *(подойдя къ Ванькѣ)*. — А я ужъ съ тобой, Ванюша, останусь.

Ванька *(ей, тихо и скороговоркой)*. — Полно-ка. Народу много; еще кто Памфилу шепнѣтъ, пожалуй. Послѣ сойдѣмся, а теперь врозь. *(Вслухъ)*. За вумомъ на мельницу послали?

Ерѣмѣа. — Андрюха поѣхалъ.

Стѣпка. — Гдѣ Андрюха? Андрюха тутъ.

Ерѣмѣа. — То бишь, Семѣнъ.

Стѣпка. — Семѣнъ! а, Семѣнъ?

Ерѣмѣа. — Говорятъ, поѣхалъ.

Голоса. — И то поѣхалъ. — Мы видали. — Сенька-то Давно уватилъ; на мельницѣ, чай, теперь.

Ванька. — Ладно. Ты бы, Ерѣмѣа, хозяйку съ собой взялъ.

Олѣна. — Да, голубчикъ Ерѣмушка, возьми. Чуетъ мое сердце, чуетъ, въ труппѣ застрялъ Памфилъ Ильичъ. Лежитъ онъ, голубчикъ, пьяненькій!

Ерѣмѣа. — Не голеси, найдемъ.

Ванька. — Ты ее за руку крѣпче держи. Не то отобьется, заплутается.

Ерѣмѣа. — У меня рука — все одно клещи. Попадешь, не вырвешься. Давай, Марковна, руку. *(Беретъ ее за руку)*.

Олѣна. — Ой-ой! Да ты потише, рученьку всю изломалъ.

Ерѣмѣа. — Небось, цѣла будетъ. Снялъ развѣ вскочить.

Ванька. — Ну, расходись, ребята! Съ Богомъ!

Голоса. — На болото-то кто? — А ты со Стѣпкой! — Нѣшто я на болото? я въ дрябъ. Самъ сказалъ. — Ну, иди; не все одно куда. — Ну? — Э, дьяволъ!

Ванька. — Ладно. Ступайте. *(Всѣ расходятся въ разные стороны, кромя Ваньки)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Ванька *(одна)*. — Куда Анютка это запропала?

Аль вправду увязалась за Памфиломъ?

Да съ нимъ въ лѣсу заночевала? — Полно!

Олѣнины слова — врала нарочно —

Сталъ повторять. Не вѣрь Олѣнѣ, парень:

Задумала съ Анюткой разлучить.

Да врѣшь, не разлучишь! И не такихъ

Разлучницъ въ зашей прогоню. Не стану

Чертовку вовсе слушать. Порѣшилъ

Гульбу чтобъ бросить, и повиную. Время

Пожить, какъ люди всѣ живутъ. Пойду,

Авось на счастье гдѣ Анютку встрѣчу. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Свѣтать начинается.

ЛѢШІЙ, потомъ ЛѢШЕЧИКА.

ЛѢШІЙ (*подходя къ шалашику*).—Ну, дѣвица-красавица, пора Тебѣ вставать. Милѡй взыскался.—Сладко Какъ на зарѣ-то утренней заснула, А надо побудить. Вечоръ меня Ужъ больно жалобно молила дѣвка, Чтобъ не пужать. (*Срывая стжку*).—Пужать тебя не стану, Возьму-ка вѣточку душистую сорву, Да свѣжей, съ запахомъ медвяннымъ, тихо По бѣлому лицу тебя поглажу, Проснулась бы ты весело да мирно. (*Хочетъ побудить стжкой; выходитъ Лѣшечика и схватываетъ его за руку*).

ЛѢШЕЧИКА.—Эге, да ты неага съ Анюткой, старшій, Затѣялъ шапни. Берегись, гляди!

ЛѢШІЙ.—Охъ, дура! Побудить хотѣлъ маленько, Чтобъ съ нарнемъ дѣвка повстрѣчалась.

ЛѢШЕЧИКА.— Не съ тобой-ли?

Ты вѣдь куда охочь до бабъ и дѣвокъ!

ЛѢШІЙ.—Все пакости у бабы на умѣ.

ЛѢШЕЧИКА (*тащитъ его*).—Пойдемъ-ка лучше отъ грѣха подадѣ.

ЛѢШІЙ.—Ты не кричи, Анютку испужаешь.

ЛѢШЕЧИКА.—Не важность; испужается, проснется.

ЛѢШІЙ.—Да дай ее я вѣткой побужу.

ЛѢШЕЧИКА.—И такъ проснется.

ЛѢШІЙ (*отодвигая ее*).—Ну, посторонись. (*Дотрогивается лезюнько стжкой до Аннужкина лица*).

Проснись, красавица, на радость новѣ,

На счастье, на веселье. (*Лѣшечика теревитъ его за руку*).

ЛѢШЕЧИКА.— Ну, иди!

ЛѢШІЙ.—Иду. Проснулась покойно дѣвка,

Пойти да парня поманить сюда. (*Уходятъ оба*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Все свѣтлѣеть — къ концу явленія совсѣмъ разсвѣло.

АННУШКА, потомъ ВАНЬКА.

АННУШКА (*просыпается въ шалашикѣ*).—Какъ сладко мнѣ въ шалашикѣ спалось!

Хорошіе привидѣлися сны!

А что-то на яву придется видѣть? (*Выглядываетъ изъ шалашика*).
Свѣтаеть. Никого не видно. Тихо.

Стой, будто кто идетъ сторонкой. Нѣтъ. —

Чу, хрустнуло. — Идетъ.

Ванька (*въ любви*). — Ау, Анюта!

Аннушка. — Да это Ваня. Онъ и есть голубчикъ!

Ванька (*все въ любви*). — Ау, Анюта!

Аннушка. —

Стало быть разыскался.

А какъ чужой? — Постой. Подамъ-ка голосъ

Да потихохоньку. Коль это Ваня,

Услышитъ. — Ваня, а, Ванюша!

Ванька (*останавливаясь*). —

Стой!

Анюта словно крикнула. — Не слышно. —

Должно, почудилось. Не въ первый разъ,

Мнѣ слышится въ ночи Анюткинъ голосъ.

Аннушка (*иромко*). — Ванюша! Ваня!

Ванька. —

Объявился Анюта!

Гдѣ ты?

Аннушка (*выходя изъ шатра*). — Иди сюда, голубчикъ. Вправо.

Ванька (*подбѣгая*). — Гдѣ ты, скажи, всю ночь пропадала?

Аннушка. — Ждала тебя вѣчьоръ въ лѣсочкѣ, Ваня;

Весь тѣмный лѣсъ, голубчикъ, исходила —

Нигдѣ тебя не видно!

Ванька. — Охъ, Анюта!

И я бродилъ довольно, и нашолъ-бы,

Да Марковна за мною увязалась.

Не смогъ избыть проклятой до конца.

А тутъ гроза неожиданно набѣжала,

Подумалъ, ты пошла домой, Анюта!

Гдѣ отъ дожда, голубка, хоронилась?

Отъ молоньи блискучей укрывалась?

Аннушка. — Бродила я, Ванюша, по лѣсочку, —

Сумеречки младую пристигали,

Гроза съ дождемъ ревучимъ нагоняли.

Потѣмъ въ лѣсу; что молонья блестятъ,

То и иду. Во тѣмѣ ни зги не видно.

Спасибо, на шалашикъ набрела,

Отъ непогоды скоронилась; дождикъ

Меня баюкать — проспала покойно.

Ванька. — А вѣдь у насъ въ дому бѣда, Анюта.

Аннушка. — Какое лихо?

- ВАНЬКА. — А пропала Ильичъ,
 Поѣхалъ съ кумомъ, ждѣмъ-пождѣмъ, не ѣдетъ.
- АННУШКА. — Да гдѣ же онъ?
- ВАНЬКА. — А вѣрно запутался.
 Теперь его по лѣсу ищуть-рыщуть.
 Тутъ на бѣду и ты пропала, дѣвка.
 Ужъ я чего-чего не передумалъ.
- АННУШКА. — Аль думалъ, за Памфиломъ увязалась?
- ВАНЬКА. — Ну, что ни думалъ! — А теперь, Анята,
 Какъ передъ образомъ, скажи-повѣдай,
 Въ заправду любишь, за меня пойдешь?
- АННУШКА. — Аль самъ не вѣдаешь, люблю-ли, парень?
- ВАНЬКА. — А любишь, слушай. Обѣщаль открыть,
 Чтò я за человекъ. — Ты, чай, слыхала,
 У васъ — гдѣ матушка твоя живѣтъ —
 Есть гость богатый Анкудинъ Шаруповъ?
- АННУШКА. — Слыхала.
- ВАНЬКА. — А слыхала-ль ты, у гостя
 У этого былъ сынъ Ванюшка; этотъ
 Въ гульбу отъ мачихи отъ злой пошолъ —
 Двѣнадцать лѣтъ, какъ мѣлодецъ гуляетъ.
- АННУШКА. — Слыхала, Ваня.
- ВАНЬКА. — Ну, такъ знай, Анята,
 Я этотъ самый Ванька предъ тобой.
- АННУШКА. — Неужто?
- ВАНЬКА. — Ты не бойся. Я провѣдалъ,
 Что мачиху стащили на погостъ.
 Я къ батюшкѣ пойду, челомъ ударю,
 Благословенье у него возьму,
 И заживѣмъ съ тобой домкомъ, Анята!
 Идѣтъ?
- АННУШКА. — Охъ, парены!
- ВАНЬКА. — Ты скажи: идѣтъ?
- АННУШКА. — Любила я тебя, какъ былъ Ванюшкой,
 Иваномъ Анкудинычемъ не бросить...
- ВАНЬКА. — И ладно. Стало, по рукамъ ударимъ?
 Просватана за парня дѣвка.
- АННУШКА. — Вѣрно!
- ВАНЬКА. — Цалуй меня.
- АННУШКА. — Сейчасъ и цаловаться?
- ВАНЬКА. — Аль не повѣрила?
- АННУШКА. — Охъ, вѣрю, вѣрю! *(цалуетъ его)*

ВАНЬКА. — Ну, слушай: къ матушкѣ теперѣ собирайся,
Коль отпустить тебя Памфилъ не станеть,
Заставимъ силой. Поцалуй ещо,
Да и пойдемъ искать ребятъ съ Памфиломъ. (*Цалуются*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ же; *бѣжитъ* Олѣна; *за ней* Лѣшій и *гонитъ ее* прямо на
Памфила.

Олѣна. — Ой, ой, бѣда! Ой, цаловаться гдѣзнить. (*Падаютъ на
Памфила. Лѣшій убѣгаетъ*)

ВАНЬКА. — Олѣна!

Олѣна. — Батюшки! медвѣдь лежитъ. (*Ванька и Ан-
нушка подходятъ*)

Подъ хворостомъ медвѣдь зашевелился.

ВАНЬКА (*разбирая хворостъ*). — Какой медвѣды Памфилъ Ильичъ
лежить.

Олѣна (*толкая мужа*). — Ильичъ! Да это ты! Охъ, мой болѣзненный!
Памфилъ (*сквозь сонъ*). — Чего тебѣ?

Олѣна (*воетъ*). — Наслу-то сыскала,
Боялася, совсѣмъ-бы не пропасть.

Памфилъ (*озираясь*). — Ванюха, ты? И ты Анютка? Диво!

Олѣна. — Меня-то нешто не призналъ, Ильичъ?

Памфилъ. — Да это ты? Съ чего-жь ты, вѣдьма,
Верхомъ усѣлася? Я нешто вонь
Дался тебѣ? Пошла. Не то побью.

Олѣна (*припадая къ нему*). — А я-то убивалась-разливалась,
Гдѣ мой Ильичъ? Гдѣ запропалъ, желанный?

Памфилъ. — Не время голосить. Пошла-же, встану (*Толкаетъ
ее и встаетъ при помощи Ваньки*)

Олѣна. — Ой, батюшки! Ты весь въ грязи!

Памфилъ. — Молчи.

Не въ банѣ былъ, въ грозу въ лѣсу ваялся.

Ты, Аннушка, отволь взялась?

Аннушка. — Какъ ты-же,

Въ лѣсу заночевала.

Памфилъ. — Гм, въ лѣсу.

А кумъ-отъ гдѣ?

ВАНЬКА. — На мельницу послали.

Того-гляди, и пригатишь сюда.

Памфилъ.—Аль мало? Какъ стоялъ, и грохнулся о мать сырѹ-землю. — Ты, можетъ, околѣлъ-бы со страху, а я нѣтъ.

Кумъ.— И пьянъ-же ты былъ вѣчоръ, кумъ. Пьянѣй вина домо-мой пошолъ.

Памфилъ.— Да ты не вѣришь?

Кумъ.— Съ пьяныхъ глазъ, мало-ль что пригрезить.

Памфилъ (*сердито*).— Самъ ты врешь!

Кумъ.— Ну, а лѣшаго изловилъ? Поважи-ка, куманѣкъ, каковъ собой на видъ, себака.

Памфилъ.— Стану я руки марать, за всякимъ за дьяволомъ лѣшнимъ бѣгаты!

Кумъ.— А рожу-то гдѣ вымазаль, куманѣкъ,—аль гонячусь за лѣшнимъ, упаль? (*Опять хохотъ*)

Памфилъ.— Я еще и разговаривать съ тобой не хочу.

Кумъ.— Гдѣ-жь лѣшій-то? Вѣчоръ наловить хвалился.

Памфилъ.— Ну, ты храбѣрь,—ноди-ка, полови.

Кумъ.— Ты хвалился, не я. Которые умные мужики, тѣ, бають, бивали лѣшихъ.

Ерѣмка.— На что-тѣ умнаго. У насъ на деревнѣ — мужиченко, такъ, ледащій,—и тотъ побилъ. Вѣрно.

Памфилъ.— Гдѣ побилъ? когда побилъ? Врешь ты!

Ерѣмка.— Вѣрно, хозяинъ; побилъ. Еще какъ отдулъ. На весь лѣсъ благимъ матомъ лѣсной ревлѣ. На деревнѣ слышать было.

Кумъ (*съ нѣжной укоризной*).— А ты, кумъ, оплошалъ!

Памфилъ.— Да вы что-же? Думаете, струсилъ Памфилъ Воробъ, отъ лѣшаго подъ хворостъ залѣзъ?

Кумъ.— Похоже на то.

Памфилъ.— А вотъ-же не струсилъ. Струсилъ, убѣгъ-бы. А я не убѣгъ, въ лѣсу започеваль, потому не трусь. Да вотъ на этомъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ вѣчоръ водилъ меня, плясать стану. Смотрите, сколько есть народу! Ребята, валай пѣсню.

Кумъ (*модмигуетъ*).— Эка храбрость напала! Плясать не боится. (*Хохотъ*)

Памфилъ (*разгорься*).— Не боюсь. А ты струсишь. Лѣшій-то, можетъ, тутъ гдѣ въ траву забился, а я по немъ да по немъ, попляшу да поскачу. Знай нашихъ.

ПЛЯСОВАЯ ПѢСНЯ.

(*Народная*)

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,

Захотѣлось государинѣ
 Станомъ пожить —
 Матушка торъ на базаръ,
 Купила матушка курочку.
 Курочка низка-пюска,
 По горенкѣ ходитъ,
 Тыръ - тыренѣтъ.

Захотѣлося матушкѣ
 Домомъ пожить,
 Захотѣлось государинѣ
 Станомъ пожить —
 Матушка торъ на базаръ,
 Купила матушка утицу.
 Утица метчи-метчи,
 Курочка низка-пюска,
 По горенкѣ ходитъ
 Тыръ - тыренѣтъ.

Захотѣлося матушкѣ
 Домомъ пожить,
 Захотѣлось государинѣ
 Станомъ пожить —
 Матушка торъ на базаръ
 Купила матушка козличка.
 Козличекъ меке-меке,
 Утица метчи-метчи,
 Курочка низка-пюска,
 По горенкѣ ходитъ
 Тыръ-тыренѣтъ!

Памфилъ. — Валяй ещо!

Ерѣмка. — Что-жь, ребята, потѣшимъ Памфила Ильича,—уго-
 щенье будетъ.

Памфилъ. — Валяй! Будеть! Ноги расхотились. Валяй ещѣ!

ПОЮТЬ (и некоторые сбиваются).

Захотѣлося { матушкѣ
 } дѣшему,
 Домомъ пожить,
 Захотѣлось государину
 Станомъ пожить—
 Матушка { торъ на { посадь
 Лѣшій } базаръ
 Тащитъ лѣшій Памфилушку
 Памфилушка сѣдять-плѣшать,
 По лѣсу воетъ
 Охъ, охъ, охъ, охъ!

Памфилъ.—Стой. Это вы что жь, ребята? Кто про лѣсного
 завель?

РѢВЯТА. — Не я. — Не мн. — Не лѣсной ли шутить?

ПАМФИЛЪ. — Лѣсной! А вотъ поглядимъ. Валяя еще.

КУМЪ. — Не ребята-ль подшутили?

ЕРѢМКА. — Что, Мартынъ Ефремычъ, напраслину вклепелъ, угощенье только отбиваешь.

ПАМФИЛЪ. — Не ври, кумъ. Валяй!

РѢВЯТА начинаютъ и сбиваются.

Матушка торъ на базаръ,
Тащить лѣшій Памфилушку...

ПАМФИЛЪ. — Стой. Ахъ, дьяволъ! Ну, лѣшій, путай не путай, не боюсь тебя. Чтобъ тѣ...

ОЛѢНА (*удерживая его*). — Полно, Памфилъ Ильичъ, съ кѣмъ шутишь! Опомнись!

ПАМФИЛЪ. — А съ лѣшнимъ! Чтобъ тѣ, чтобъ тѣ... купишь съ масломъ приснился, провлятый!

КУМЪ (*приснувъ со смѣху*). — Ай-да кумъ, удружилъ! Лѣшій, поди, со страху подъ земь ушолъ. (*Всѣ хохочутъ*).

ПАМФИЛЪ (*недоволенъ*). — Чего горло распустили? Рады! А на работу пора; забыли? (*идетъ, за нимъ Олѣна*).

ЕРѢМКА. — Вотте и угощенье, ребята!

КУМЪ (*постынно догоняетъ его*). — Постой, куманѣкъ. Лѣсъ-отъ станешь ронить?

ПАМФИЛЪ (*сердито*). — Тебѣ на чтѣ?

КУМЪ. — А не станешь, должокъ подай.

ПАМФИЛЪ (*возвращаясь*). — Какой такой должокъ, куманѣкъ? ась?

КУМЪ. — Вечоръ, помнишь, при Ванькѣ общалъ—вонъ живой человекъкъ стоитъ.

ВАНЬКА. — Вѣрно, хозяинъ, общалъ.

ПАМФИЛЪ (*куму*). — Да ты чего присталъ? Нѣшто я говорю, не общалъ?

КУМЪ. — А общалъ, подай.

ПАМФИЛЪ. — Ну, это погодишь! Не будетъ тебѣ долга. Ты вѣдунъ. Вечоръ съ лѣшнимъ меня водилъ, обобралъ.

КУМЪ. — Перекрестись, Ильичъ, — аль хмѣль еще не вышелъ?

ПАМФИЛЪ. — Хмѣль! Не ты ли хмѣленъ? У меня и послухъ есть—Анютка, въ лѣсу ночевала, всѣ знаютъ. — (*Повелительно*) Анютка, говори: вѣдовство кумъ творилъ?

АННУШКА. — Еще чтѣ скажешь!

ПАМФИЛЪ. — Здѣсь была, впдала. Говори!

АННУШКА. — Во сняхъ пригрезилось, а я послухомъ будь.
(*Хохотъ*).

Олѣна. — Ахъ ты, еретица проклятая! Прислушайте, народъ честной, прислу...

Памфилъ (*перебивая ее*). — Жена, молчи. (*Аннушкѣ, зѣвно и поведительно*) Ты это что же, ахъ голоса моего не слышишь, а? За любовь-то мою при всемъ народѣ срамить меня? Говори: видѣла кума. Говори! (*Та молчитъ; она бѣшено и бросаая на нее*). Говори же, говори! Не то...

Ванька (*удерживая его*). — Погоди, хозяинъ, повремени маленько. — Ребята, что онъ озорничаетъ? Дѣвку бить хочется.

Ерѣмка. — И впрямь, что за воевода такой! Съ пытки ему говори, что видѣла.

Ревята. — Ишь, пьяница! — Ахъ онъ чортъ эдакой! — Связать его да къ воеводѣ. — Какого лѣшаго видѣлъ, пусть допросить.

Ерѣмка. — Народъ сомущаетъ только. Къ воеводѣ его!

(*Приступаютъ къ Памфилу*).

Памфилъ. — Ну васъ, пошутилъ! — А ты, Анютка, я тебѣ благодѣтель былъ, а ты — съ глазъ моихъ долой, чтобъ духу твоего...

Ванька. — Да ты опять!

Аннушка. — Ну его! Сама сегодня уѣду.

Памфилъ. — И чортъ съ тобой. Жена, пойдемъ.

(*Идетъ съ женой*).

Кумъ (*вслѣдъ ему*). — За должкомъ, кумъ, когда притти прикажешь?

Памфилъ (*отойдя зрится*). — Я еще на тебя челобитье подамъ. На тебя царю челомъ, самому Гороху ударю. Я васъ всѣхъ! Я тѣ допеку! Озорники! Черти! Рады, что въ дѣсу. Будь дѣло на посадѣ, а бы васъ приврутилъ. (*Уходитъ съ Олѣной*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Памфила и Олѣны.

Кумъ. — Чего добраго, не отдастъ, дьяволь.

Ерѣмка. — Не смѣяться было давѣ, а то себя безъ денегъ, васъ безъ угощенья поставилъ. Видно, лѣшій попуталъ. Вотъ какъ гѣсню же.

Ванька (*куму*). — Небось, отдастъ, заставимъ. — Ерѣмка, Стѣпка, ребята, бросай Памфила, види жить за меня.

Ерѣмка. — Да ты давно-ль кормильцемъ сталъ?

Ванька. — Мѣсяцъ погода, стану.

Ерѣмка. — Не врешь, Ванюха?

ВАНЬКА. — Чего врать? Вотъ (*указываетъ на Аннушку*) и хозяйка молодая.

Кумъ. — Аль женишься?

ВАНЬКА. — На свадьбу милости просимъ.

ЕРЁМКА. — Что жь ребята? Онъ добрый, а къ нему!...

РЕВЯТА. — Ну, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь. — Твои работнички, Иванъ Анкудиннычъ.

ЕРЁМКА. — А что, ребята, съ новаго хозяина угощение стянуть бы! — Иванъ Анкудиннычъ, ты бы доброту свою показаль, угостилъ ребятъ.

ВАНЬКА. — Идите на кружечный дворъ. — Я слѣдомъ.

ЕРЁМКА. — Ну, вотъ спасибо!

РЕВЯТА. — Спасибо тѣ! — Вались за мной, ребята! — Что бѣ-лугой реवेशь — не пьянь ещо. (*Идутъ*).

Кумъ (*который все это время чувствовалъ некоторый зудъ въ ногахъ и никакъ не могъ на мѣсть постоять*). — И мнѣ пора. Прощенья просимъ (*уходя*). Охъ, должножь-отъ, должножь! Не смѣяться было давѣ. Видно, лѣшій попуталь. Охъ, охъ, охъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ВАНЬКА И АННУШКА.

АННУШКА. — Вотъ лѣшаго бранять, что водить, Ваня: кому напакоститъ — а намъ добро.

Спасибо, лѣшенькій, тебѣ, спасибо!

ВАНЬКА. — И то спасибо. Не вяжися лѣшій,

Пришлось-бы намъ съ Памфиломъ повозиться.

АННУШКА. — Пойдемъ-ка, Ваня!

ВАНЬКА. — А пойдемъ, Анютка.

Да на походъ подалуй меня! (*Цалуются*). (*Уходя кричитъ*)

Ну, духъ лѣсной, спасибо тѣ! (*уходятъ*).

Лѣшій (*это, вслѣдъ имъ*). — Спасибо!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ЛѢШІЙ И ЛѢШИЧКА.

ЛѢШІЙ. — Всѣ убрались. Опять свободно стало.

Давай на радости попляшемъ.

ЛѢШИЧКА. —

Ладно.

ЛѢШІЙ (*поѣтъ и приплясываетъ*).

Давай, Лѣшечиха,
Попляшемъ, поспачемъ,
Ай, люлюшки-люли,
Памфила надули!

Л ъ ш е ч и х а (*также*).

Поспачемъ, попляшемъ,
Себя позабавимъ!
Ай, люленьки и т. д.

Л ъ ш і й (*поётъ*).

Слушай-ка, жонка,
Народи мнѣ дѣтокъ,
Елокъ колючихъ,
Берёзокъ кудрявыхъ,
Горькихъ осинокъ.

Л ъ ш е ч и х а (*поётъ*).

Ладно-ка, старшій,
Нарожи тѣ дѣтокъ,
Елокъ колючихъ,
Берёзокъ кудрявыхъ,
Горькихъ осинокъ.

Л ъ ш і й (*также*).

Станутъ наши дѣтки,
Рости-подростати.
Рости-подростати,
Старыхъ ублажати.

Л ъ ш е ч и х а (*также*).

Разростутся дѣтки
Зелёной рощей,
Зелёной рощей
Дремучимъ лѣсомъ.

О Б А В М Ъ С Т Ъ (*приплясывая*).

Станемъ мы плясати,
Себя забавляти.

Ай, люленьки-люли,
Памфила надули!

Лѣшій. — А что, Лѣшечиха? не пугнуть-ли всѣхъ порядкомъ

Лѣшечиха. — Полно тѣ дурить! Будетъ на сегодня.

Лѣшій. — А будетъ, такъ будетъ. — Шабашъ!

(*Конецъ третьяго дѣйствія*).

Д. А В Е Р К І Е В Ъ .



ИЕЗУИТЬ И МОНАХЪ.

LE JÉSUITE.—LE MOINE. Аббата *** , автора Le Maudit и La Religieuse.

Статья четвертая и последняя.

Въ царствованіе Григорія XVI образовалась въ Папской Области тайная секта, имѣвшая цѣлью травлю либераловъ. Папа ей благопріятствовалъ. Ею начальствовали: монсиньоръ Морини, знаменитый бандитъ Вирджиніо-Альпи и центуріонъ Бишини. Морини былъ честолюбецъ, задушенный Меттернихомъ, чтобъ поддерживать смуты въ делегаціяхъ, и тѣмъ дѣлать необходимымъ присутствіе австрійскихъ войскъ. Вирджиніо Альпи, изъ Фаэнцы, былъ сынъ Джованни Альпи, начальника банды въ Форли, обвиненнаго въ растратѣ суммъ; Вирджиніо, хотя разбойничалъ, но принадлежалъ къ папской полиціи и сумѣлъ оправдать отца; но когда, позднѣе, отецъ получилъ откуда-то большое наслѣдство, Вирджиніо, все чрезъ полицію, устроилъ, что папа Григорій XVI лишилъ отца всѣхъ правъ—и Вирджиніо самъ принялъ наслѣдство. Бишини былъ изъ тѣхъ знаменитыхъ *центуріоновъ*, которые выбирались для защиты алтарей и престоловъ, и которые въ царствованіе Григорія XVI били и убивали безнаказанно. Въ 1835, въ Фаэнцѣ, подъ предводительствомъ одного прелата и священниковъ, они убили до тысячи человекъ. Въ свою очередь, полатились и они, послѣ избранія Пія IX. Таковы были начальники «Общества Фердинанда»; что же до остальныхъ, то были самые отвѣщенные санфедисты, разбойники, австрійскіе наемные, священники, угождавшіе папскому правительству изъ своихъ видовъ. Григорій XVI никогда не зналъ цѣли Меттерниха и агентовъ герцога моденскаго. А цѣль ихъ была—довести жителей делегацій и Романьи до желанія покориться Австріи. Ее не достигли, но народъ выходилъ изъ терпѣнія.

По смерти Григорія XVI, Ламбрускини и нашъ отецъ-генералъ выдумали подѣйствовать на умы страхомъ этихъ людей. Санфе-

дистамъ было приказано притвориться либералами и обѣщать громко, что, при первомъ объявленіи свободныхъ мѣръ, они примутся за грабежъ. Этими надѣялись заставить всѣхъ желать выбора папы строгаго и притѣснителя, каковъ былъ Григорій XVI. Почти всѣ сбирь правительства были изъ «общества Фердинанда».

Я узналъ, что къ этому обществу принадлежалъ и нашъ отецъ-генералъ. Однажды я былъ у него, когда онъ собирался ѣхать въ засѣданіе этого общества. Мы говорили о положеніи Рима. Мнѣ хотѣлось видѣть и знать все. Я иезуитски польстилъ ему относительно его знанія людей и умѣнья ими править, и онъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ.

«— Вы увидите общество, воюющее съ врагами папской власти и церкви; посмотрите, какъ энергичны эти люди, и какъ сильно наше дѣло. Вы не либераль-ли, отецъ Сен-Моръ? Не будьте скептикомъ: кто не за насъ, тотъ противъ насъ».

Мы выѣхали за городъ, на пустыри, и вышли изъ кареты. Я слыхалъ, что эта часть Рима небезопасна и не былъ совершенно покоенъ. Мѣсто было за воротами св. Павла. Мы шли между стѣнами садовъ; много людей пробирались по одному съ нами направленію и шептались между собою. Отецъ-генералъ научилъ меня условнымъ знакамъ, безъ которыхъ меня могли принять за переодѣтаго шпіона и убить. Мы вошли въ развалины древняго водопровода, и послѣ долгихъ переходовъ, встрѣчая много часовыхъ, смотрѣвшихъ на насъ внимательно, очутились въ залѣ подземелья, освѣщенной нѣсколькими римскими лампадами. Отецъ-генералъ занялъ свое мѣсто подлѣ президента собранія и помѣстилъ меня близъ себя. Фердинандисты приходили одинъ за другимъ съ важнымъ видомъ заговорщиковъ, что было забавно, потому что три четверти ихъ были мелкіе чиновники или полицейскіе сбирь. Они назывались братьями. Монсеньоръ Морини, бандитъ Альпи и центурионъ Бишини были тамъ же. Отецъ-генералъ пожалъ имъ руки. Одинъ изъ нихъ сказалъ рѣчь о положеніи Рима, о добродѣтеляхъ покойнаго папы Григорія XVI, о необходимости выбрать папою кардинала Ламбускини, включилъ ловко во все это похвалу иезуитамъ и былъ принятъ рукоплесканіями. За нимъ говорилъ простой трансверинецъ, изъ иезуитскихъ кліентовъ, потому что въ новомъ Римѣ, какъ въ древнемъ, по слову Югурты—«все продажно». Онъ такъ расхвалилъ иезуитовъ, и говорилъ такъ остроумно и ловко, что увлекъ бы и меня, и я былъ бы готовъ кричать вмѣстѣ съ санфедистами: «Смерть карбонарамъ!», еслибъ не помнилъ, что эти карбонары—люди свободы Италіи и мученики. Наконецъ, была рѣчь одного рынаго санфедиста, взывавшаго къ противодѣйствию всякимъ нововведе-

нілмъ, всякої реформѣ. Тутъ поднялись радостныя восклицанія: «Да здравствуютъ іезуиты! Смерть либераламъ! Долой свободу! Спасемъ святую вѣру! Да здравствуетъ Австрія! Да здравствуютъ палачи!» и проч. Торжество кардинала Ламбускини было подготовлено.

Между тѣмъ, клубъ св. Іоанна Латеранскаго, по предложенію отца Вентурны, принялъ своимъ кандидатомъ кардинала Мастан. Тамъ тоже начали интриговать. Разослали своихъ людей посплетничать въ монастыряхъ, палацахъ, кардинальскихъ домахъ, что худо будетъ кардиналамъ конклава, если они выберутъ папу, несклоннаго на реформы. Эту новость разсѣяли по всему Риму; увѣрили, что составилъ заговоръ, что въ немъ участвуютъ молодые люди знатныхъ фамилій, что придутъ крестьяне изъ окрестностей, будетъ рѣзня въ Квириналѣ; а напротивъ, если конклавъ выберетъ по желанію народа, народъ устроитъ ему неслыханныя оваціи. Запугивали чрезъ прислугу, и страхъ взялъ свое.

Въ пѣвныя вѣка свои, христіанская церковь всѣмъ народомъ избирала себѣ главу, преемника апостоловъ. Позднѣе, это перемѣнили сами папы, но папы честные, въ года варварства и распущенности страстей, во избѣжаніе подкуповъ и интригъ. Чтобъ прекратить этотъ позоръ, честные папы установили церемоніаль, стѣсненія, конклавъ. Времена еще разъ измѣнились. Когда же настанетъ день, что это избраніе будетъ совершаться всенародно, и когда папѣ будетъ предлагаться только власть и вѣнецъ Христа, а не слава и тіара Сикста V и Пія IX, когда священство возвратится въ преданія апостольскія и тѣмъ спасетъ католицизмъ?...

Не въ такомъ направленіи, конечно, дѣйствовалъ конклавъ, избравшій Пія IX; онъ былъ хорошъ только тѣмъ, что длился всего три дня: отъ 14-го до 17-го іюня 1846. Правда, его торопили подметныя записки. Кардиналъ Мастан, состоявшій у подачи голосовъ, самъ провозгласилъ себя двадцатью- семью голосами противъ одиннадцати за Ламбускини. На послѣдней подачѣ, Мастан, читая постоянно одно свое имя, былъ такъ взволнованъ, что просилъ другого кардинала замѣнить его; но такъ-какъ, по правиламъ конклава, этимъ уничтожался выборъ, то Мастан уговорили продолжать. Съ нимъ сдѣлался нервическій припадокъ; два кардинала держали его подъ руки; онъ, въ слезахъ, тридцать-шесть разъ прочелъ свое имя—и Риму и міру явился папа Пій IX. Какъ будто въ дополненіе чудеснаго, бѣлая голубка, залетѣвшая въ этотъ часъ въ часовню Квиринала, вилась надъ головою кардинала Мастан...

Кардиналь-дьяконъ Ріаріо-Сфорца провозгласилъ съ балкона народу о избраніи папы; поднялись восклицанія; съ ерѣпости Св. Ангела раздались пушечные выстрѣлы; папа явился благословить народъ. Я былъ среди этой шумной толпы, привѣтствуя тоже человѣка, котораго мы избрали, какъ менѣе другихъ затерявшася въ старой рутинѣ бюрократическаго правленія. Впослѣдствіи, говоря съ нимъ, слыша отъ него самого рассказы о заговорахъ отсталой партіи, я нашелъ въ немъ человѣка хорошаго: душу любящую, но не болѣе — а вѣбу былъ нуженъ геній смѣлый и настойчивый...

Въ Gesù, отецъ-генераль былъ мраченъ какъ полководецъ, котораго, проигравъ сраженіе, замышляетъ отмстить за него.

«— У насъ папа-революціонеръ, сказалъ онъ и прибавилъ:— я все знаю...

Слова: «папа-революціонеръ» облетѣли клубы фердинандистовъ и санфедистовъ, монастыри, сакрестіи, и въ то время, какъ Европа голосомъ журналовъ объявляла, что избраніе Піа IX открываетъ новую эру для церкви—въ духовныхъ домахъ Франціи уже шептали; «У насъ папа революціонеръ»... Это была клевета. Разумъ и доброта Піа IX указывали ему, что стѣснительныя мѣры Григорія XVI и его министра Ламбускини не ладны съ правленіемъ патриархальнымъ, каковымъ представляется вообще папство. Въ томъ состоялъ весь либерализмъ Піа IX. Что же до серьезныхъ реформъ, до высокихъ политическихъ идей—онъ не входилъ въ благородную, прямую душу епископа имольскаго, благочестиваго, щедраго на милостыни, святого и тѣмъ самымъ далекаго отъ царствованія надъ новымъ Римомъ, особенно когда его обязанностью въ пастоящую минуту было поднять знамя итальянской свободы. — Итальянцы какъ разъ это поняли. Въ клубѣ св. Іоанна Латеранскаго былъ предложенъ вопросъ, какъ держаться въ отношеніи новаго владыки. Отецъ Вентура присовѣтовалъ выказывать столько преданности и любви, чтобы дѣйствуя на его мягкое и нѣжное сердце, вовлечь его въ реформы. Впрочемъ, отецъ Вентура и его аристократическій клубъ были невзыскательны, и папѣ было бы легко выполнить всю программу ихъ реформъ. Клубъ карбонаровъ, задавъ себѣ тотъ же вопросъ и такъ же на него отвѣтивъ, устроилъ противъ папы «заговоръ овацій». Журналы и народъ прославляли папу, пророчили ему имя Великаго, шумно окружали его. Въ главѣ народныхъ овацій былъ Чичероваккіо. Папа далъ нѣкоторыя льготы прессѣ, обѣщалъ административныя реформы, далъ нѣсколько открытыхъ аудіенцій, разослалъ нѣсколько прелатовъ по церковной области освѣдомиться о нуждахъ населенія, обѣщалъ устроить нѣчто въ

родъ государственнаго совѣта. Европа испугалась этого дыханія свободы. Луи-Филиппъ воскликнулъ: «Папа меня губить».—Онъ предчувствовалъ февральскую революцію.

Въ Gesù, отецъ Г. и я не оставались безъ дѣла. Необходимо было вести очень осторожно нашу пропаганду новыхъ идей; а нашъ отецъ-генераль былъ дальновиденъ. Хорошо, что занятый римскими дѣлами, интригами съ Ламбускини и другими кардиналами, противниками реформъ, онъ не воображалъ, чтобы въ Gesù могло происходить что нибудь подобное. Намъ все улыбалось. Наши отцы радовались воскресенію Рима, общему энтузіазму, любви народа къ папѣ: они не подозрѣвали, что оваціи были дѣломъ разсчета. Такихъ людей было нетрудно убѣдить, что если ужъ папство рѣшается на реформы, то іезуитству тѣмъ болѣе надо переформироваться, потому что, отъ вѣка, іезуитство управляло папствомъ.

Повуда мы такъ торжествовали, Ламбускини, нашъ отецъ-генераль и другіе побѣжденные устраивали противодѣйствіе и старались унизить папу въ общемъ мнѣніи. Въ то время, когда Пія IX вышелъ на балконъ къ народу, собравшемуся для изъявленія ему преданности, и благословлялъ его—Ламбускини не побоялся сказать громко: «Вотъ Черито!» — Этого мало: вмѣстѣ съ Меттернихомъ, онъ и нашъ отецъ-генераль задумали заставить папу отказаться отъ престола. Что же? въ исторіи есть этому примѣры. Потому, общество фердинандистовъ получило отъ Меттерниха приказаніе возмутить наиболѣе преданныхъ папѣ провинціи, въ особенности ближайшія къ Ломбардіи, чтобы дать австрійцамъ предлогъ вступиться и, въ случаѣ надобности, пойти на Римъ, проучить легкомысленнаго Пія IX.

Вотъ на это историческій документъ — манифестъ общества фердинандистовъ, разосланный въ папскихъ провинціяхъ:

«Возлюбленные братья. Вѣра Христова въ опасности. Ее тѣснить вскочка Масаи и, какъ глава юной Италіи, желаетъ ея конечнаго истребленія. Это доказывается фактами. Братья и всѣ поклонники истиннаго Бога, не потерпите этого позора. Мы сильны и многочисленны; за насъ Фердинандъ I, за насъ Фердинандъ II. Должно искоренить либерализмъ въ зародышѣ. Беритесь за оружіе и мстите. Васъ предупредить, когда настанетъ день и, въ потомствѣ, онъ отмѣтится какъ день великой славы и страшнаго правосудія».

Этотъ манифестъ, работа клуба, о которомъ я говорилъ, былъ разсыпанъ въ Романьѣ и делегаціяхъ, и за нимъ послѣдовало множество политическихъ убійствъ. Романскіе бандиты и санфедисты изъ Фаэнцы взяли за оружіе и защищались противъ папскихъ

посланныхъ. Радецій готовился вступить въ провинціи «для укрощенія мятежа.»

Дипломатія работала тоже. Французскій посланникъ, графъ Росси, зная страхъ Луи-Филиппа, старался, какъ онъ говорилъ, «умѣрять юношескій пылъ Пія IX». Австрійскій, графъ Лутцовъ, въ замѣчаніямъ началъ прибавлять угрозы. Кардиналь Джидзи—министръ, честно помогавшій папѣ въ его начинаніяхъ, утомленный всѣмъ этимъ, подалъ въ отставку. Его замѣнилъ кардиналь Феррети, однофамилецъ, но не родня папѣ, больше человѣкъ дѣйствія, нежели дипломатъ. По его знакомству когда-то съ моею матерью, я разсчитывалъ на него для переворота, который я замышлялъ въ орденѣ. Я сообщалъ ему мои планы; онъ былъ отъ нихъ въ восхищеніи, взялся разсказать ихъ папѣ, и чрезъ три дня доставилъ мнѣ у него аудіенцію.

Папа принялъ меня въ 8 часовъ вечера, въ маленькомъ, скромномъ рабочемъ кабинетѣ. Когда я подаловалъ его руку, онъ меня обнялъ. Я, какъ почтительный сынъ, принялъ эти объятія царя-первосвященника, чувствуя его двойное величіе.

«— Поговоримъ, сказалъ онъ, и посадилъ меня.—У васъ великія намѣренія; Феррети въ восторгѣ, вы его очаровали. Мое сердце за васъ, но мой разумъ, мой разумъ!...

Онъ остановился.

«— Для меня уже много, что за насъ ваше сердце, отвѣчалъ я.

«— Потому что вы человѣкъ сильный, сынъ мой, продолжалъ онъ.—Но легче было моему предшественнику, Пію V, обѣщаться низвергнуть съ престола турецкаго султана, нежели переменить самую малость въ Gesù. Если вы можете, тѣмъ лучше: вы будете сильнѣе папы. Но не хочу отнимать у васъ мужества; разскажите мнѣ ваши мысли.

Я развилъ ту основную мысль свою, что орденъ иезуитовъ не можетъ существовать въ новомъ обществѣ, если будетъ продолжать ему противиться или будетъ считаться его противникомъ; но что сила ордена—въ реставраціи религіозныхъ идей, и для того онъ долженъ убѣдить народы, что сочувствуетъ всѣмъ идеямъ цивилизаціи и прогресса, составляющимъ славу нашего столѣтія.

«— Такъ думаетъ и отецъ Вентура! Прекрасная программа! сказалъ папа:— но исполненіе? Ахъ, сынъ мой, въ немъ все и дѣло! Теорія — такъ; а приложенія?

«— Святѣйшій отецъ, для ордена это вопросъ жизни и смерти. Не смѣю сказать того же и о папской власти, которую вы такъ хорошо новали, начавъ съ счастливыхъ реформъ...

Онъ прервалъ меня.

«— Да, но не утопн-ли это у меня, какъ и у васъ? я окруженъ упрямыми, отсталыми и ненасытными революціонерами. Какой будетъ исходъ?»

Я свободно рассказалъ ему мои мысли. Разговора я не помню, но папа казался мнѣ безконечно добръ, желать блага, сомнѣвался, колебался предъ энергическими мѣрами, къ которымъ чувствовалъ себя неспособнымъ; это дало мнѣ нѣкоторое предчувствіе о будущемъ. Онъ обрадовался, когда я рассказалъ ему, какъ мы съ отцомъ Г. уже много успѣли въ нашей пропагандѣ въ Gesù.

«— Продолжайте, сказалъ онъ: — благословляю васъ обоимъ. Мысль моя будетъ съ вами въ этой твердой, Gesù, куда развѣ самъ Господь чудомъ ниспошлетъ какую-нибудь новую идею.

Онъ много жаловался, но кратко, на поведеніе нашего отца-генерала.

«— Онъ прежде поддерживалъ его эминенцію, Ламбускини; такъ и слѣдовало: они воють на одинъ ладъ; но послѣ моего избранія, приходитъ ко мнѣ съ поклоненіями, а тайно работать съ моими противниками, чтобы довести меня до отреченія — это ужъ черезчуръ поіезуитски.

«— Я страдаю отъ этого, святѣйшій отецъ; но Господь не благословитъ такихъ нехрстіанскихъ поштовъ.

«— Да, но дьяволъ можетъ помочь имъ исполниться. Я, впрочемъ, не перемѣнюсь ни для ордена, ни для вашего отца-генерала. Можетъ быть, вы, сынъ мой, свыше назначены спасти ихъ. Я не долженъ скрывать отъ васъ: мои либеральные друзья требуютъ изгнанія ордена изъ монхъ владѣній, утверждая, что намъ не успѣть ни въ чемъ, покуда іезуиты и Ламбускини управляютъ реакцію. Это, можетъ быть, и справедливо.

«— Святѣйшій отецъ, сдѣлаемъ лучше такъ: вмѣсто того, чтобы изгонять орденъ, доведемъ его до того, чтобы онъ полюбилъ васъ, помогалъ вамъ. Сдѣлайте вотъ что: соберите общее собраніе всей конгрегациі, и представьте ему рѣшительно вопросъ о реформѣ. Отъ васъ, этотъ вопросъ, для большинства, покажется приказаніемъ. Это будетъ государственное дѣло, но успѣхъ впереди.

«— Подумаю, дѣло трудное, сказалъ папа: — посмотрю. Мы еще съ вами поговоримъ.

Онъ отпустилъ меня. Прощаясь, я еще разъ цаловалъ руку, благословляющую Римъ и міръ.

Въ Римѣ всегда бываютъ пророчицы; жаркое воображеніе итальянцевъ заставляетъ предполагать, что тамъ долго еще не

пройдетъ страсть къ чудесному. Сивиллы только переѣнили имя, не пишутъ стихами на летучихъ листахъ, но предсказываютъ во имя Бога и мадонны, впадаютъ въ экстазъ, показываютъ на себѣ знаменія. Извѣстно, какъ враги папы Климента XIV, послѣ изгнанія иезуитовъ, заставили пророчествовать крестьянку изъ Валентано, Бернардину Беруцци. Отъ этихъ предсказаній происходили безпорядки, и многія монахини сошли съ ума, покуда не вступило правительство, и бѣдную пророчицу не посадили въ монастырь, въ Монтефьясконе.

Въ наше время, французскіе журналы рассказывали, что духовный судъ осудилъ молодую крестьянку, Катаринеллу. Она тоже впадала въ экстазъ, разговаривала съ Иисусомъ и Богородицей, съ ангелами; къ ней приходили совѣщаться изъ всей римской Кампаньи, даже изъ Рима. Однажды, изъ Рима таинственно явилось духовное лицо и посѣтило Катаринеллу; она была въ припадкѣ, въ «бесѣдѣ съ Иисусомъ» и стояла на постелѣ, окаменѣлая какъ камень. Эти припадки и бесѣды не всегда подлогъ, какъ полагаютъ: душа, подъ вліяніемъ чувства, переносится въ сферу любви, точно также, какъ въ болѣзненномъ бреду впадаетъ въ экстазы другого рода. Но духовное лицо, хотя и было расположено видѣть въ Катаринеллѣ новую св. Терезу, думало о другомъ и едва дождалось конца «бесѣды».

«— Дочь моя, мнѣ нужно многое сказать вамъ. Господь сдѣлалъ для васъ то же, что для своихъ пророковъ: открылъ вамъ будущее. Благодать не дается даромъ: вы должны содѣйствовать благу, словомъ—поддерживать слабыхъ, утѣшать добрыхъ, поражать злодѣевъ и обращать ихъ. Я пришелъ васъ ободрить. Мы живемъ въ дурныя времена и Господу угодно, чтобы слова ваши раздалися и у подножія папскаго престола. Защитите, дочь моя, защитите святое дѣло, духовные ордена, которые хотятъ уничтожить, благія основы, которыя хотятъ подорвать въ нашемъ любезномъ отечествѣ и замѣнить преступленіемъ, грабительствомъ и развратомъ. Я принадлежу къ великой семьѣ иезуитовъ. Мы васъ научимъ, что дѣлать, мы васъ поддержимъ. Вы небогаты, а у насъ есть друзья...

Мать Катаринеллы поняла это сразу. Почтенный отецъ посѣщалъ ее, настроивъ какъ это было нужно, описалъ несчастіе, что не выбранъ Ламбускини, что Пій IX—революціонеръ и такъ далѣе. Пророчицу стали посѣщать знатныя изъ Рима; дамы находили, что она прелестна; подарки такъ и сыпались. Катаринелла давно вошла въ роль и даже, сама не подозревая на сколько ее настроивали, не умоляла хвалить иезуитовъ. Въ это время Пій IX писалъ свое посланіе восточнымъ церквамъ, предлагая

соединеніе. Катаринелла предсказывала, что весь Востокъ обратится, и когда ее спрашивали, какимъ образомъ, она отвѣчала:

«— Черезъ іезуитовъ.

Покуда она говорила только о нихъ, ею еще не очень озабочивались. Но вдругъ она начала пророчествовать. Ея пророчества печатались на грубыхъ лоскуткахъ бумаги и расходились въ народѣ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Бѣлый человѣкъ отмѣченъ печатью гнѣва небеснаго. Онъ пришелъ къ стаду яко тать и часть его съ убійцами. Онъ антихристъ и будетъ изверженъ. Да проклянуть его всѣ вѣрные сыны церкви. Цари придутъ и помолятся о его низложеніи. И будетъ въ Римѣ плачь, и кровь, ради бѣлаго человѣка. Но святой коллегіумъ восторжествуетъ, и вѣрные утѣшатся. Папа крѣпкій и сильный противъ злыхъ будетъ избранъ на мѣсто бѣлаго человѣка, котораго свергнуть и заключать въ монастырь».

Эти пророчества расходились при помощи фердинандистовъ и санфедистовъ; священники принимали ихъ за чистую монету; нѣкоторые даже съ кафедръ говорили противъ Піа IX. Позднѣе, когда реакція овладѣла Піемъ IX, Катаринеллой пожертвовали не задумавшись: на нее донесли инвизиціи, которая приговорила ее къ десятилѣтнему заключенію. Отъ этого не перевелись пророчицы въ Римѣ, только онѣ пророчествуютъ побѣду «бѣлому человѣку» надъ революціей...

Прошелъ годъ. Моя партія въ Gesù была сильна, но нуженъ былъ рѣшительный ударъ. Исторія говорила мнѣ, что ничто не дѣлается безъ энергическаго потрясенія одной воли... Я еще разъ видѣлся съ папой. Онъ былъ попрежнему добръ и довѣрчивъ.

«— О, сынъ мой, сказалъ онъ, поднявъ руки къ небу:—если совершится ваша реформа между упрямыми іезуитами, я буду спасенъ!

«— Вамъ все возможно, святѣйшій отецъ.

«— Вы ошибаетесь. Заодно съ Ламбрускіни, Австріей и Неаполемъ, вашъ отецъ-генераль составилъ противъ меня заговоръ. Мы знаемъ, что этотъ заговоръ существуетъ, но какъ захватить его?...

Я настаивалъ, чтобы папа вступился въ наше дѣло, если ужъ признавалъ его полезнымъ.

«— Мы въ состояніи вризиса, сказалъ онъ:— продолжайте ваше мирное дѣло. Если я восторжествую, настанетъ и ваша очередь.

Признаюсь, мнѣ невѣрилось, чтобы нашъ отецъ-генералъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Пія IX. Я считалъ это ложнымъ слухомъ, но вскорѣ убѣдился.

Разъ вечеромъ, собрался кружокъ нашихъ отцовъ, приверженцевъ Ламбрускини и отца-генерала. Отецъ Г., хитрый какъ итальянецъ, былъ между ними; я подошелъ тоже и прислушивался. Говорили, что 17 іюля 1847, въ годовщину амнистій, папа учредить національную гвардію.

«— Нечего сказать: умно сдѣлаетъ! Кардиналъ Джидзи говорилъ ему, что едва онъ чѣмъ-нибудь не угодитъ народу, народъ прогонитъ его тѣми самыми штыками, которые онъ имъ раздастъ.

«— Не успѣютъ! замѣтилъ другой.

«— Не успѣютъ? Почему?

«— Потому что готовится важное дѣло; нешута, освобождение отъ папн-либерала.

«— Неужели, въ самомъ-дѣлѣ? Какимъ образомъ?

Разскащикъ объяснилъ, очень обстоятельно, что въ самомъ правительствѣ уже образовалась контр-революція, долженствующая спасти церковь. Гросселлини, римскій губернаторъ, былъ преданъ Ламбрускини и врагъ новаго порядка. Таковъ же былъ и полковникъ Фредди, начальникъ римскихъ жандармовъ. Городъ былъ, слѣдовательно, обезпеченъ. Къ тому же, Нардони, когда-то неаполитанскій каторжникъ, а при Григоріѣ XVI начальникъ римской полиціи, отставленный и высланный Піемъ IX, подъ рукою, чрезъ шпиона Минарди, устроилъ новую тайную полицію, какъ она бывала прежде, и эта полиція, натурально, помогала дѣлу. Все готовилось къ 17-му іюля. Папу намѣревались схватить; зачинщикамъ-нововводителямъ готовилась смерть. Списки изгнанниковъ были уже написаны, въ главѣ ихъ стоялъ отецъ Вентура. Схвативъ папу, его заставили бы отречься, и новый конклавъ избралъ бы Ламбрускини... Нашъ отецъ-генералъ принималъ во всемъ дѣятельное участіе и заранѣе радовался успѣху.

Я отошелъ въ безпокойствѣ, припоминая слова Пія IX: «Мои злѣйшіе враги — иезуиты...»

На другой день, отецъ-генералъ позвалъ меня.

«— Отецъ Сен-Моръ, поѣзжайте въ Парижъ. Революція готовится вездѣ. Папа, увлеченный утопіями Вентуры, поощряетъ свободное движеніе въ Италіи... Папы непогрѣшимы, но не въ политикѣ!... Я боюсь за нашихъ въ Швейцаріи. Вы, въ Парижѣ, повѣдайтесь съ г. *** и извѣщайте меня обо всемъ; узнайте, что думаютъ о швейцарскихъ дѣлахъ, о *Sunderbund*. Пишите мнѣ чаще...

Точно-ли ему было необходимо мое присутствіе въ Парижѣ, или это былъ только предлогъ выслать меня изъ Рима? Онъ предлагалъ мнѣ всегда и обо всемъ свободно выражать ему мои мнѣнія; не была-ли это ловушка? Я обѣщалъ себѣ быть осторожнѣе. Отецъ Г. оставался въ Gesù главою новаго движенія; я уѣхалъ, прося его продолжать работать.

Въ Парижѣ, конечно, я прежде всѣхъ видѣлъ Маргариту, съ которой постоянно переписывался, продолжая ея воспитаніе, съ дозволенія ея матери, считавшей, что серьезныя идеи, которыми я занималъ дѣвушку, только способствовали ея планамъ.

Потомъ я видѣлся съ г.***, республиканскимъ агентомъ. Онъ прямо выразилъ свою мысль:

«— Пій IX могъ бы, патриотически и рѣшительно содѣйствуя народному итальянскому движенію, освободить Италію до Тироля; и поставить папство въ главѣ новой Европы; но Пій IX колеблется, онъ пропадетъ. Все кончится ничѣмъ. Что же до вашего ордена, скажите вашему отцу-генералу, что онъ можетъ рассчитывать на полную свободу во Франціи. Покуда мы готовимся, устраиваемъ патриотическіе банкеты. У насъ скоро революція.

Выходя отъ него, я встрѣтилъ Густава Флавіана. Онъ рассказывалъ, что образумился, исправился; что отецъ Монгазень рекомендовалъ его одному банкиру, который взялся сохранить его небольшое состояніе, остатокъ наслѣдства, котораго дѣдъ лишилъ его, наградивъ имъ іезуитовъ, что онъ день и ночь работаетъ въ банкирской конторѣ; что банкиръ не прочь отдать дочь за него, все-таки маркиза, но что онъ, Густавъ, любитъ Маргариту и непременно женится на ней.

Изъ Рима я получалъ письма отъ отца Г. Онъ извѣстилъ меня, что заговоръ противъ папы неудался: тотъ, кого назначили убить Чичероваккіо, самъ все открылъ ему; потомъ явилось анонимное письмо, гдѣ все объяснялось еще подробнѣе. Отецъ Вентура извѣстилъ папу, а тотъ, чтобъ избѣжать скандала, приказалъ сказать начальникамъ заговора, что онъ все знаетъ. Ламбусквини, Гросселини и Нардони бѣжали, Фредди и Альпи были задержаны. Папа былъ очень гнѣвенъ на нашего отца-генерала. Отецъ Г. соображалъ изъ этого, что въ такую минуту было бы всего удобнѣе папѣ вступить въ дѣло преобразования нашего ордена, но папа побоялся. Черезъ нѣсколько времени, отецъ Г. писалъ, что папа чрезвычайно подружился съ отцомъ-генераломъ. Въ родѣ іезуитовъ ненавидѣли и удивлялись безпрестанному присутствію нашего отца-генерала въ Ватиканѣ. Папа благосклонно принялъ и письменно благодарилъ отца Пероннъ за посвященіе ему книги о Пресвятой Богородицѣ. Въ сентябрѣ, въ журналѣ

Contemporneo, явилась статья, оуждающая дѣйствія иезуитовъ въ Швейцаріи. Отецъ-генераль жаловался на нее папѣ; духовникъ укорилъ за нее папу на исповѣди, и Пій IX выслалъ изъ Рима монсиньора Гаццола, автора статьи, отставилъ цензора Бетти и приказалъ сдѣлать на статью официальное опроверженіе. На другой день, въ Римѣ, будто по уговору, прекратились всѣ газеты; народъ, который привыкъ къ нимъ и къ свободному разговору о своихъ интересахъ, былъ недоволенъ и принудилъ Пія IX взять назадъ его стѣснительныя мѣры.

Эти извѣстія меня пугали; я видѣлъ ясно, что однимъ моимъ словомъ я не повалю этого стараго колосса, нашъ орденъ. Дѣло было гигантское. И чѣмъ ближе подходила минута обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ членамъ ордена, тѣмъ болѣе я чувствовалъ, что мнѣ недоставало самовластной руки главы церкви. — Я, однако, продолжалъ свою пропаганду въ Швейцаріи, довольно удачно въ Бельгіи, даже въ Польшѣ, и всего менѣе удачно во Франціи. Наши французскіе иезуиты были погружены въ политическій индифферентизмъ; не исключаю изъ нихъ и отца Равиньяна, отвѣчавшаго на мои убѣжденія весьма неглубокомысленно и тономъ ханжи. — Въ ноябрѣ 1847 года, былъ взятъ Люцернъ и шліаніе иезуитовъ въ Швейцаріи рушилось. Французскій посланникъ помогъ мнѣ выбраться изъ страны, и тѣмъ кончилась эта несчастная кампанія, стыдъ нашего ордена, если только возбужденіе къ междоусобной войнѣ не высшее преступленіе людей проповѣдниковъ мира.

Я былъ въ отчаяніи: письма отца Г. изъ Рима не могли много меня утѣшить; тамъ также рушились всѣ надежды на Пія IX. Отецъ-генераль приказывалъ мнѣ оставаться въ Парижѣ и льстить республиканцамъ, въ виду переворота.

Этотъ переворотъ—февральская революція 1848 года—совершился. На другой день, по наставленію отца-генерала, я пошелъ къ г. " , редактору журнала «L'Univers». Я увѣрилъ его, что наши римскіе иезуиты уже предупреждены, что намъ обѣщана свобода во Франціи, если органы католической прессы не будутъ противорѣчить республиканскимъ идеямъ. Г. " отдалъ мнѣ визитъ въ тотъ же день и принесъ статью, готовую для «Univers», совершенно въ моемъ духѣ и желаніяхъ. Я благодарилъ его, но онъ объяснилъ мнѣ, что это—готовыя фразы, и что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, при необходимости, онъ напишетъ совсѣмъ противоположное.

«—Иезуитамъ для него, чтобъ существовать, нельзя мѣняться, сказалъ онъ: — *Sint sicut sunt*. Повуда, намъ нуженъ въ Римѣ не папа, а иезуитскій генераль—и мы стоимъ за него...

1848 годъ еще не весь прошелъ, а намъ, іезуитамъ, ужь было возможно открыто жить во Франціи; мы торжествовали. Правда, чтобы склонить къ себѣ республиканцевъ, я общалъ имъ, что іезуиты готовы во многомъ взмѣниться, что вмѣсто помѣхи новому порядку они будутъ его поддержкой. Я невольно ввелъ демократовъ въ заблужденіе. Орденъ водворялся торжественно и великолѣпно, и хотя онъ остался неблагодаренъ мнѣ, я все-таки сознаю, что оказалъ ему услугу. Меня съ ними разсудить Богъ!— Отецъ-генераль былъ ловчѣе меня и, чрезъ другое лицо, сносился съ реакціонерами. Онъ разсчиталъ вѣрно. Демократы оказались обманутыми, а я — ребѣнкомъ.

Въ Римѣ Пій IX сначала писалъ наивное письмо австрійскому императору, совѣтуя ему оставить Сѣверную Италію, гдѣ не желалъ его владчества, и однако отказался принять участіе въ движеніи Италіи, требовавшей войны съ Австріей. Демократическая партія росла; Пій IX сначала объявилъ въ коллегіумѣ, что не отвѣчаетъ ни за чтò имѣющее случиться въ Римѣ, и между тѣмъ, вскорѣ потомъ бѣжалъ, взывая къ иностраннымъ властямъ... Понятно, что злоба демократіи обращалась и на Gezzù. Отецъ-генераль не видѣлъ ни откуда спасенія.

Узнавъ, что народъ требовалъ изгнанія іезуитовъ, онъ объявилъ папѣ, что они выѣдутъ немедленно и посовѣтовалъ бѣжать и ему. Выѣздъ іезуитовъ изъ Рима совершился торжественно.

«— Мы возвратимся, когда возвратится папство, говорили они провожавшимъ ихъ, вѣрнымъ транстеверинцамъ.

Казалось, было совсѣмъ не время думать о monkъ планахъ реформы, однако, я рѣшился ихъ, наконецъ, обнародовать. Я думалъ, что настало время поразить удивленіемъ нашего отца-генерала, человѣка, испугавшагося революціи, отступившаго твердо и, конечно, неожиданнаго отъ меня ничего подобнаго. Я осмѣлился думать, что, спокойный предъ грозой извѣй, онъ не такъ легко вынесетъ грозу, выходящую изъ самыхъ нѣдръ Gezzù.

Въ простой формѣ меморандума я изложилъ мои основанія для переформирования общества Іисуса, представляя причины, о которыхъ уже говорилъ не разъ, и разбирая подробно всѣ недостатки учрежденія. Я говорилъ о выгодѣ этой реформы и указывалъ, что время для нея самое благоприятное, что Франція, передовая во всѣхъ начинаніяхъ цивилизаціи, готова намъ сочувствовать, что мы встрѣтимъ общее сочувствіе въ мірѣ, которому необходимо разумное руководство въ его отношеніяхъ съ міромъ сверхъестѣственнымъ. Я предлагалъ ордену разобрать все это на общей конгрегаціи.

Чтобы отецъ-генераль не могъ дознаться, откуда появилось это

сочиненіе, я напечатать его въ Англіи, чрезъ посредство вѣрныхъ друзей, и разослать всѣмъ членамъ ордена, даже въ иностранныя миссіи. Я получилъ много тайныхъ и сочувственныхъ писемъ. Трудно разсказать, какъ много въ два года истратилъ я дѣятельности, благоразумія, хитрости на это дѣло. У меня были враги, шпіоны; знали, что я въ довѣренности у отца-генерала — мнѣ завидовали, особенно французскіе іезуиты. Малѣйшая неосторожность могла погубить меня. Въ средѣ самаго ордена раздался чрезъ меня страшный крикъ реформы; мой меморандумъ былъ видимо написанъ не легкомысленнымъ человѣкомъ, какіе встрѣчаются въ корпораціяхъ между низшими, но человѣкомъ съ значеніемъ, знаніемъ всѣхъ тайнъ и участіемъ въ дѣйствіяхъ.— Отецъ Г. писалъ мнѣ, что отецъ-генералъ въ бѣшенствѣ, разъяскивалъ какъ только могъ сочинителя книги и, не найдя, рѣшилъ, что это самъ сатана...

Отецъ-генералъ пріѣхалъ въ Парижъ; современъ св. Игнатія, это былъ первый іезуитскій генералъ, посѣтившій Францію. Я видѣлся съ нимъ. Онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе за все, что я сдѣлалъ для ордена съ провозглашенія республики.

«— Но вы ничего не говорите мнѣ о еще болѣе важномъ, сказалъ онъ, наконецъ: — объ этой брошюрѣ, о меморандумѣ.

И онъ посмотрѣлъ на меня такъ пронизательно, что я испугался. Я подумалъ, что онъ знаетъ все. Мой ужасъ понятенъ. Неужели мнѣ измѣнили? или это случайность, и онъ смотритъ такъ на многихъ? Малѣйшее неосторожное движеніе, замѣшательство, краска на лицѣ—и я погибъ. Я овладѣлъ собою.

«— Ахъ, да, почтеннѣйшій отецъ, эта книжонка...

Я сказалъ это такъ наивно, лицо мое выражало такое добродушіе, что подозрительный старикъ почти устыдился, что могъ одну минуту считать меня виноватымъ, и перемѣнилъ разговоръ.

«— Редакторъ L'Univers—человѣкъ смѣлый, онъ спасъ насъ своими фразами; но его надо беречься—онъ скоро будетъ сильнѣе насъ.

«— Вы знатокъ въ людяхъ, и угадываете возможное, почтеннѣйшій отецъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся комплименту, и мы разстались: онъ, кажется, въ убѣжденіи, что я не участвую ничѣмъ въ меморандумѣ, а я—довольный, что легко отдѣлался...

Но эти заботы были только моя внѣшняя жизнь. Слажу нѣсколько словъ и о внутренней.

Маргарита выросла на моихъ глазахъ, и стала красавицей. Я

любилъ ее. Богъ свидѣтель, я могу не краснѣть отъ своего чувства: мнѣ никогда не входила мысль его, обнаружить и заставить его раздѣлить. Я бессознательно уступала потребности любить, такъ безумно стѣсненной моей монашеской жизнью. Я самъ боялся заглянуть глубже въ свое сердце.

Я видался съ Густавомъ Флавіакъ. Банкиръ, взявшій его въ долю, лишился своей единственной дочери, а вскорѣ и самъ умеръ, оставивъ Густаву все свое состояніе... Густавъ выкупилъ помѣстье своей фамиліи, великолѣпно возстановилъ свой замокъ, и затѣмъ письменно просилъ у графини де-Флавіакъ руки Маргариты. Графиня отказала, подъ предлогомъ, что дочь ея намѣрена вступить въ монастырь.

По всей вѣроятности, партія была прекрасная; но Маргарита не разъ говорила и мнѣ, что не хочетъ идти замужъ, хотя бы и не пошла, въ угоду матери, въ монастырь. Мать серила отъ нея предложеніе Густава, и просила и меня сдѣлать то же, что я легко исполнилъ.

Маргарита встрѣчала Густава въ немногихъ родственныхъ домахъ, гдѣ мать постоянно бывала съ нею. Она просто и пріятно разсказывала мнѣ объ этихъ встрѣчахъ, и ея чувство къ Густаву было такъ спокойно, что не могло измѣнить ея предположеній относительно будущаго, хотя она знала о планахъ дѣда насчетъ ихъ брака. Смѣясь, она вспоминала, что въ Римѣ Густавъ звалъ ее «женой», когда они оставались одни.

«— Будь у меня братъ, я не могла бы любить его сильнѣе, говорила она: — но все-таки это не тотъ человѣкъ, котораго я желала бы назвать мужемъ. Я не пойду замужъ.

Только однимъ она была похожа на мать: твердостью характера и рѣшительностью. Густавъ просилъ меня переговорить съ графиней и съ нею. Я отвѣчалъ ему, что это будетъ напрасно.

«— Вы все-таки монахъ, возразилъ онъ: — и находите прекраснымъ, что эту дѣвушку постригутъ. Конечно, не вы внушили ей это намѣреніе—довольно одной ея маменьки. Но вы могли бы помочь мнѣ. Я не посмѣлъ бы просить ея руки, еслибъ остался бѣденъ; но я богатъ, и доказалъ, что могу быть порядочнымъ человѣкомъ. Вы не хотите мнѣ помочь—я самъ себѣ помогу. Ея призванію къ затворничеству я не вѣрю... Кстати, черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ въ Парижъ отецъ Монгазень.

На другой день Маргарита сказала мнѣ, немного взволнованная, что получила письмо отъ Густава, и показала мнѣ его. Говоря, что любить ее, онъ спрашивалъ: «не какъ влюбленный, но какъ братъ», точно ли она желаетъ постричься, и умолялъ ее не спѣшить. Я находилъ, что писать, съ его стороны, было не-

простительно. Она улыбалась моему гнѣву, но, казалось, была имъ довольна.

«— Надѣюсь, вы не отвѣчали? спросилъ я.

«— Отвѣчала, и отнала у него всякую надежду.

Я вздохнулъ свободнѣе. Признаюсь, я боялся романтической прелести тайной переписки. Развѣ дружба сестры не могла, безвѣдомо для самой Маргариты, скрывать другое, болѣе нѣжное чувство? Маргарита часто задумывалась и на мои вопросы не давала положительныхъ отвѣтовъ... Но чего мнѣ было бояться, если она отнала всякую надежду у Густава? Я ничѣмъ не вмѣшивался въ ея судьбу—это было дѣло ея матери. Но мнѣ было невозможно не радоваться, что эта судьба будетъ сходна съ моею, что мы пойдемъ однимъ путемъ, что въ будущемъ будемъ работать вмѣстѣ надъ реформой воспитанія женщины... Боже, если я согрѣшилъ этими мечтами, какъ жестоко за нихъ я наказанъ!

Чтобы скорѣе кончить съ Густавомъ, графиня де-Флавиакъ рѣшила, что вступить вмѣстѣ съ дочерью въ Sacré Coeur 6-го января 1850, полугодомъ ранѣе срока, который назначала прежде; Маргарита должна была пробыть годъ пансіонерой.

4-го января я получилъ записку отца Монгазена; онъ пріѣхалъ наканунѣ и остановился въ нашемъ домѣ rue des Postes. Его вызвали, чтобъ предложить ему начальство надъ училищемъ, которое хотѣли основать въ Парижѣ. Отецъ Монгазенъ отказывался, сознавая, что иезуиты неспособны къ образованію юношества и считая ихъ причиною неудачи благихъ начинаній Піа IX.

Я читалъ эту записку, когда за мной прислала графиня де-Флавиакъ. Я нашелъ ее не въ горести, но въ бѣшенствѣ.

«— Знаете ли, что сдѣлалъ вашъ Густавъ? вскричала она:— онъ увезъ мою дочь!

Я былъ пораженъ, какъ громомъ.

«— Вы не вѣрите? продолжала она:— вотъ его письмо.

Она показала мнѣ письмо Густава. Отчаявшись добиться отъ нея благопріятнаго отвѣта, онъ подкунилъ ея горничную, ради ея «благочестія» рекомендованную иезуитами, и она увезла Маргариту къ своей родственницѣ, куда Густавъ приглашалъ пріѣхать графиню и просилъ пріѣхать и меня:

«— Мы объяснимся свободнѣе, писалъ Густавъ:— и я узнаю, точно ли Маргарита желаетъ оставить свѣтъ; это скажетъ она сама. Что до меня, я увѣренъ, что нѣтъ, и не стерплю, чтобъ вы ее принудили. Ей самой я вѣрю мою участь. Я просилъ пріѣхать и ея опекуна, графа де-Леренъ, и онъ, я увѣренъ, прі-

ѣдетъ; онъ не любитъ монаховъ и монахинь и, я знаю, будетъ за меня. Жду васъ въ полдень.»

«— Пора ѣхать, сказала графиня.

Мы поѣхали. Я молчалъ всю дорогу. Меня мучили мысли, а сердце билось отъ предчувствованій, что прелестный сонъ нѣсколькихъ годовъ сейчасъ разлетится предъ ужасной истиной. Неужели, самъ того не сознавая, я былъ сообщникомъ этой жестокой матери, которой корыстолюбивые фанатики внушили, что она должна принести въ жертву Господу дочь, для искупленія своего грѣха, и тѣмъ упредить ордену ея огромныя богатства! Если я слабо возставалъ противъ намѣренія Маргариты; если я думалъ, что шестнадцатилѣтняя дѣвушка, какъ бы развита она ни была, въ состояніи располагать собою—мысль, которая руководила мною, не была ли преступна?

Мы пріѣхали и вошли. Вслѣдъ за нами и въ ту же дверь вошелъ Густавъ и съ нимъ отецъ Монгазень, а изъ другой двери явилась Маргарита. Она была блѣдна, взволнована и такъ поразительно похожа на отца Монгазена, что мой несчастный другъ, казалось, понялъ, что преемство его предположеніе имѣетъ основаніе.

«— Зачѣмъ вы призвали меня, не объяснивъ мнѣ ничего заранѣе? сказала она Густаву.

Графиня не смутилась, увидя отца Монгазена послѣ столькихъ лѣтъ, но бросила на дочь взглядъ ужасающей ненависти.

«— Увѣряю васъ, маменька, я ни въ чемъ невиновата, сказала Маргарита.

«— Я такъ и думаю, отвѣчала графиня:—потому не у тебя и спрашиваю объясненій.

Она обратилась къ Густаву. Онъ не казался нисколько въ затрудненіи; напротивъ, онъ смотрѣлъ спокойно и гордо, и я болѣе нежели когда нибудь былъ пораженъ его благородной красотою.

«— Графиня, сказалъ онъ холодно:—пригласивъ сюда васъ и отца Монгазена и Сен-Моръ, которыхъ вы и я равно уважаемъ, я хотѣлъ доказать вамъ чистоту монаховъ намѣреній. Они будутъ между нами судьями.

«— Такъ объясните, сказалъ я:—зачѣмъ здѣсь Маргарита?

«— Затѣмъ, отвѣчалъ онъ:—что завтра графиня и она намѣревались вступить въ монастырь, а выручить оттуда Маргариту было бы трудно.

«— Объясните цѣль этой комедіи! сказала графиня.

«— Маргарита, сказалъ Густавъ, нѣсколько взволнованный:—вы мнѣ простите, если я открою вашу тайну? Это необходимо и для васъ и для меня.

«— Тайну? вскричала графиня: — у моей дочери есть тайна, известная вамъ?»

«— Да, отвѣчалъ онъ: — Маргарита чувствуетъ отвращеніе къ монастырю, и... Не бойтесь, Маргарита, ваша тайна не изгнѣхъ, отъ которыхъ краснѣютъ. Вы довѣрили ее брату; простите, если онъ выдастъ ее. Я васъ люблю, и думаю, я не покажусь тщеславнымъ, если осмѣлюсь сказать, что и вы меня любите.

При этихъ словахъ я почувствовалъ столь невыразимое горе, гнѣвъ, ревность, какія только можетъ почувствовать человѣкъ; это было точно электрическое потрясеніе. Для меня не оставалось больше сомнѣній: я любилъ Маргариту, и этотъ человѣкъ, увѣрающій, что она его любитъ, сталъ мнѣ ненавистенъ. Я бросился къ нему.

«— Она васъ любитъ? Осмѣльтесь повторить эту клевету!

Отецъ Монгазенъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихо:

«— Успокойтесь, несчастный! Вы губите ее и себя!

Маргарита была блѣдна и неподвижна. Густавъ казался удивленъ моимъ словомъ, но отвѣчалъ попрежнему спокойно:

«— Отецъ Сен-Моръ, вотъ ее записка.

Я прочелъ громко:

«Густавъ, вы хотите правды, какъ братъ отъ сестры? — Я поступаю въ монастырь въ угоду матери, чтобы она любила меня: вотъ отвѣтъ на вашъ первый вопросъ. — Вы хотите узнать, свободно ли мое сердце? Нѣтъ; но съ тѣмъ, кого я люблю, меня раздѣляетъ неодолимое препятствіе. Оставьте меня въ моей участи; въ ней, можетъ быть, еще найдется счастье».

«— Скажите, милая Маргарита, сказала Густавъ, взявъ ее холодную руку: — не меня ли вы любите? Нашего брака хотѣлъ покойный дѣдъ. И онъ, умирая и уже не вѣря клеветамъ недостойнаго иезуита, еще разъ повторилъ это желаніе. При этомъ былъ отецъ Сен-Моръ. Вы всегда жили какъ затворница, и никого не знали кромѣ меня; кого же больше вамъ любить?»

«— По какому праву вы ее допрашиваете? вскричалъ я: — это непростительное фатство, непростительная дерзость!

«— Не понимаю, что съ вами, возразилъ Густавъ: — и почему вы какъ будто держите сторону матери противъ дочери? Я фать и дерзокъ тѣмъ, что истолковываю въ свою пользу выраженія Маргариты? «Непреодолимое препятствіе» — это воля ея матери! Еслибъ вы были не монахъ, я сказалъ бы: она любитъ васъ или меня...

«— Меня? повторилъ я.

«— Васъ! Вы старше меня, конечно, но будь вы. человѣкъ

свѣтскій, я призналъ бы въ васъ опаснаго соперника... Знаете, отъ вашихъ словъ начинаютъ думаться странныя вещи...

Маргарита, казалось, ожила. Она подошла и протянула ему руку.

«— Вы меня поняли, Густавъ. Я люблю васъ, и если маменька согласна...

Она взглянула на меня, и въ этомъ взглядѣ было безконечное горе и рѣшеніе загадки. Несчастливая дѣвушка не кончила и упала безъ чувствъ. Густавъ положилъ ее на диванъ и принялся звонить.

«— Вы не можете отказать ему, графиня, сказалъ отецъ Монгазенъ.

«— Никогда! вскричала г-жа Флавіакъ.

На звонокъ вошла женщина, — мы не всѣ вдругъ ее узнали, но когда г-жа Флавіакъ оглянулась, то пришла въ бѣшенство: это была Фелиція Морбини.

«— Какъ! ты здѣсь, негодная! вскричала графиня: — это вы устроили мнѣ эту западню...

«— Потихе, сказала Морбини: — вы забыли, кто я! я не позволю оскорблять себя, я отплачу! Мнѣ недорого ваши благодѣянія, я довольно богата и безъ нихъ! Пускай же г-жа Флавіакъ узнаетъ, что рожденіе этой барышни скрывали отъ всѣхъ цѣлые два мѣсяца. У меня есть доказательства. Попробуйте отнять у меня мою пенсію, и я расскажу всему свѣту...

Отецъ Монгазенъ вскрикнулъ: его предположенія оправдались. Я видѣлъ, что онъ былъ готовъ броситься и обнять дочь.

«— Дорогой отецъ, сказалъ я ему: — будьте сильны, какъ слезъ я въ эту минуту скорби, вамъ одному понятной! Уйдите! Вы еще увидите вашу дочь — а я не увижу ее никогда.

Отецъ Монгазенъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ. Фелиція вышла тоже. Густавъ, хотя занятый Маргаритой, все слышалъ.

«— Графиня, сказалъ онъ: — вѣрьте, что я неспособенъ употребить во зло то, что сейчасъ было сказано. Ваша дочь ничего не слышала, а жена моя никогда не узнаетъ проступка своей матери. Маргарита призналась вамъ, что любитъ меня; вы не можете больше мнѣ отказать.

Гордость г-жи Флавіакъ была сломлена. Она подошла къ дочери и положила ей руку въ руку Густава.

Я смотрѣлъ на эту странную сцену, въ такомъ мѣстѣ, при такой обстановкѣ. Всѣ мечты чистой любви, всѣ идеальныя радости съ этимъ ангеломъ — разстались. Роковымъ словомъ я отдалъ ее нелюбимому человѣку. Я все угадывалъ.

На другой день я видѣлъ Маргариту въ послѣдній разъ; она отдала мнѣ письмо.

«Вы угадали, другъ мой, я васъ люблю. Моя судьба рѣ-

шена. Безуміе Густава разрушило мои надежды. Наши сердца, Сен-Моръ, понимали другъ друга, вы возвысили меня до себя. Богу было неугодно, чтобы осуществился идеалъ счастья, который а себѣ составляла...

«Мы больше не увидимся; вы это такъ же, какъ я, понимаете. Но дайте мнѣ сказать о васъ. Мнѣ кажется, что вы преслѣдуете цѣль, недостижимую съ людьми общества св. Игнатія: вы хотите воскресить мертвыхъ; вы погибнете, а ихъ не спасете.

«Прощайте, до свиданія въ отчизнѣ, гдѣ утѣшаются страждущіе!»

«Маргарита».

Мое сердце было разбито, у меня не осталось и друга: едва воротась домой послѣ этой тяжелой сцены, отецъ Монгазенъ получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Ліонъ. Я остался одинъ.

Я послалъ Маргаритѣ черный крестъ, который носилъ на груди съ дѣтства.

5-го іюля 1849 года, по занятіи Рима французами, папское правительство составляли три кардинала. Ихъ почти первымъ дѣломъ было письмо къ нашему отцу-генералу съ извѣстіемъ, что иезуиты могутъ безопасно возвратиться въ Gesù. Можно вообразить гордость и восторгъ отца-генерала! Онъ и Ламбрускини притаили въ себѣ кардинала Антонелли, какъ извѣстно, перваго совѣтника Пія IX. Возвращеніе отца-генерала было торжественное. Весь Транстевере собрался на площадь передъ Gesù. Фанатики и женщины кричали отъ радости, называли иезуитовъ спасителями Рима, говорили, что Мадонна сотворила для нихъ чудо, что папы ничто безъ нихъ, и такъ далѣе.

Возвращающіеся гнѣвные властители всегда приводятъ съ собою страхъ. Страхъ царствовалъ въ Gesù. Корреспонденціи пѣръ разныхъ странъ говорили о впечатлѣніи «меморандума»; идеи свободы и реформы, когда повсюду притѣсняли свободу, казались зараженными въ нашемъ ордени. Отца-генерала просили также энергически взяться за дѣло, и отыскавъ виновниковъ заговора, наказать ихъ примѣрно, чтобы впередъ никто не смѣлъ больше поднимать подобныхъ ненавистныхъ вопросовъ.

Въ 1850 году должна была собраться въ Римѣ конгрегация *прокуроровъ*, бывающая каждое трехлѣтіе, для доставленія отцу-генералу свѣдѣній о нуждахъ ордена, а также для ближайшаго соединенія умовъ и сердець. Отецъ-генералъ декретомъ назначилъ срокъ этой конгрегациі въ концѣ января 1850 года.

Парижскіе отцы избрали меня своимъ прокуроромъ. Въ Парижъ съѣхались прокуроры и изъ другихъ государствъ и всѣ вмѣстѣ мы отправлялись въ Марсель, чтобы оттуда ѣхать моремъ въ Чивитта-Векію. Въ Марселѣ я нашель отца Монгазена, назначеннаго прокуроромъ ліонской провинціи. Я былъ искренно радъ этому: онъ славился краснорѣчіемъ и никто лучше его не могъ бы предложить конгрегаціи плана реформы. Бельгійскій прокуроръ былъ изъ числа моихъ довѣренныхъ; мы давно переписывались, и онъ горячо мнѣ сочувствовалъ.

Въ Марсели у насъ нашлись два свободные дня. Втроемъ мы поѣхали въ пустыню Сен-Вомъ, и тамъ на утесахъ, въ виду моря, совѣщались о прогресѣ. Мы готовились на смѣлую — не на безумную ли нонштугу?

Не привожу нашего долгаго разговора. Мы со всѣхъ сторонъ разобрали и провѣрили религіозный вопросъ, рассмотрѣли его исторически и классифировали всѣ ошибки и заблужденія, въ которыхъ впалъ нашъ орденъ вслѣдствіе своего устарѣлаго порядка. Отецъ Монгазень говорилъ увлекательно и критически разбиралъ прошедшее. Я изложилъ свои мнѣнія о будущемъ. Когда мы сошлись на всѣхъ пунктахъ, слѣдовало условиться объ исполненіи. Я предложилъ отцу Монгазену, какъ оратору, высказать все на конгрегаціи. Онъ согласился. Мы не скрывали отъ себя опасности дѣла.

«— Будемъ воинами истины въ нашъ послѣдній часъ! сказалъ отецъ Монгазень: — и притомъ, что намъ могутъ сдѣлать? Намъ не изгонять изъ *Gené*, потому что наше слово будетъ имъ слишкомъ страшно. Но, что-бъ ни было, я на все готовъ.

Будущее было наше; мы поклялись въ вѣрности дѣлу—а чрезъ день были уже въ Чивитта-Векіи, гдѣ французское знамя развѣвалось рядомъ съ папскимъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней, наши отцы, присланные изъ всѣхъ отдѣленій ордена, съѣзжались въ Римъ. Отецъ-генераль принималъ меня и отца Монгазена чрезвычайно холодно; онъ даже былъ недоволенъ парижскимъ и ліонскимъ домами за то, что они насъ выбрали.

Наконецъ насталь день конгрегаціи. Отецъ-генераль открылъ ее рѣчью, въ которой выразилась вся его радость, что папа, бывшій врагъ іезуитовъ, наконецъ попалъ въ ихъ руки — благодаря неудачамъ своихъ либеральныхъ попытокъ, и вліянію своего кардинала-министра. Конечно, эта радость была прикрыта изъявленіемъ преданности папѣ, но отецъ-генераль не скрывалъ, что эта преданность основывалась на общихъ выгодахъ, и что папу, такъ-сказать, принесшаго покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ,

можно было и поддержать, — тѣмъ болѣе, что онъ призналъ, наконецъ, что его лучшая поддержка—іезуиты. Въ такомъ именно смыслѣ покаянія и дружества было письмо Пія IX, которое прочелъ намъ отецъ-генералъ. Потомъ онъ отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи за три послѣдніе года; говорилъ о несчастіяхъ и испытаніяхъ ордена, выказавшихъ его мужество. Но затѣмъ, онъ горько жаловался, что духъ заблужденія овладѣлъ многими въ нѣдрахъ «семейства св. Игнатія», донинѣ безупречнаго, и дѣлая весьма прозрачный намекъ на «меморандумъ», разосланный всѣмъ членамъ ордена, сказалъ, что надѣется на скорое водвореніе спокойствія, возмущеннаго этими кознями дьявола; что, впрочемъ, по силѣ правъ, которыми облакали его учрежденія ордена, онъ, генералъ, рѣшился не слабѣть и всѣми силами до тла искоренить зло, народившееся отъ этихъ безумныхъ и преступныхъ мнѣній. Онъ заключилъ, что не думаетъ, чтобы въ этомъ собраніи отцовъ-депутатовъ со всѣхъ концовъ міра, нашелся хотя бы одинъ, нетолько потворствующій этимъ мнѣніямъ, но способный забыться до намека на нихъ.

Признаюсь, въ тогдашнемъ положеніи религіозныхъ дѣлъ, такіе рѣчи были сильны. Я взглянулъ на тѣхъ, на кого могъ болѣе рассчитывать, и угадывалъ ихъ ужасъ. Даже самый сильный поблѣднѣлъ—отецъ Монгазенъ; я самъ чувствовалъ, что слова у меня замерли.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что мой возлюбленный и великій наставникъ всталъ, попросилъ слова, получилъ его и началъ своимъ твердымъ и звучнымъ голосомъ:

«— Послѣ того, что изложено, достойные и почтенные отцы, казалось бы преступной смѣлостью, мятежомъ противъ нашего уважаемаго отца-генерала, противъ самаго Бога—поднять въ этомъ собраніи вопросы о реформахъ и будущемъ — вопросы, поставляемые намъ прогресомъ и силою вещей и выраженные въ брошюрѣ, умѣренной въ словахъ, но важной по содержанію. Непричастный къ ея составленію, я позволю себѣ только замѣтить, что во всѣ вѣка, съ учрежденія нашего святаго ордена, члены его имѣли всегда право выразить свои мнѣнія обо всемъ, что касается общаго блага ордена. Такъ постоянно бывало, и въ архивахъ нашихъ есть документы гораздо болѣе смѣлые и сильныя, чѣмъ брошюра, о которой идетъ рѣчь. Если это старинное право отнято у насъ въ настоящее время, если всякое слово объ улучшеніи и преобразованіи выѣняется въ преступленіе — объ этомъ слѣдовало ясно сказать. Я не хотѣлъ принять въ этомъ смыслѣ слова почтеннаго отца-генерала. Борьбы, вынесенныя нами, доказываютъ, какъ обезвечены мы и сильны противъ револю-

цій; мудрая реформа не разрушить дѣла трехъ столѣтій, она только его поддержитъ».

Отець Монгазень остановился и оглянулъ собраніе; онъ умѣлъ ловко ватронуть чувства и напомнить о старинныхъ правахъ даже тѣмъ отцамъ, которые оробѣли. Пробѣжалъ одобрительный ропоть. Увѣрся, что ему сочувствуетъ большинство, отецъ Монгазень продолжалъ:

«— Я не хочу быть помѣхой или возмутителемъ, это не въ моихъ правилахъ и недостойно опытнаго человѣка; потому, если такъ могутъ быть поняты мои слова — я замолчу. Удостойте объясниться, почтенный отецъ-генераль.

«— Продолжайте; это ваше право, отвѣчалъ тотъ, закусивъ губы отъ злобы.

Отець Монгазень продолжалъ:

«— Благодарю васъ и поздравляю съ тѣмъ, что вы сказали такое честное слово. *Мое право!* Такъ я воспользуюсь имъ и не за одного себя, но за всѣхъ, кто предчувствуетъ бѣды, грозящія ордену, если онъ упрямо отворотитъ лицо свое отъ будущаго.

Онъ говорилъ затѣмъ слишкомъ часъ, развивая идею, что орденъ погибнетъ, если не обновится, не проникнется новымъ духомъ, не сольется съ требованіями новаго склада общества. Онъ разобралъ наши учрежденія, образъ нашей монашеской жизни, наше обученіе богословское, философское, историческое, и доказалъ, что вся эта сложная машина — дѣло среднихъ вѣковъ, провиннутое стѣсняющимъ формализмомъ — бессильна въ XIX вѣкѣ.

«— Что касается до этого ретрограднаго движенія, которое послѣдуетъ съ возвращеніемъ папы, продолжалъ онъ: — то хотя я искренно радуюсь возвращенію святѣйшаго отца, но предсказываю, что французская политика не потерпитъ ретрограднаго движенія. Президентъ Бонапарте — человѣкъ съ сильной волей, онъ будетъ много вліять на судьбы Италіи и на папство. Вотъ его слова въ инструкціи тѣмъ, кто здѣсь его представляетъ:— «французская республика послала въ Римъ свою армію не затѣмъ, чтобы задуть свободу, но чтобы ее направить...»

Отець Монгазень разбиралъ долго этотъ важный документъ. Онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

«— Вы видите, продолжалъ онъ: — папство въ рукахъ французскаго правительства. И я предсказываю вамъ, что слова президента скоро исполнятся, или папство, предоставленное самому себѣ, лишнее помощи, безъ которой существовать не можетъ, погибнетъ въ революціи, зовущей весь итальянскій полуостровъ къ слиянію въ единый народъ... Что намъ дѣлать тогда, почтеннѣйшіе отцы? Идти ли противъ освобожденной націи, противъ общей

идеи всей Европы? И достаточно ли силъ у общества Иисуса на такую борьбу съ горячо возставшей цивилизаціей? Это будетъ война явная и война скрытая, и мы, побѣжденные, конечно, увеличимъ торжество нашихъ побѣдителей.

Даже съ необыкновеннымъ искусствомъ отецъ Монгазенъ развилъ свой планъ реформъ.

«— Судьба ордена въ рукахъ вашихъ, почтенные отцы, заключилъ онъ: — онъ воскреснетъ еще болѣе свѣтлый, болѣе полезный для церкви, чѣмъ даже въ свои первые дни. Мы многочисленны, желающіе этого свѣтлаго будущаго. Если наша мужественная попытка не будетъ принята, мы пожалѣемъ, что орденъ самъ осудилъ себя на паденіе и смерть. Мы не менѣе будемъ любить его, служить ему, но въ глубинѣ нашего сердца останется горечь, что мы не могли спасти его.

Въ собраніи поднялся одобрителный говоръ. Я видѣлъ, какъ на этихъ лицахъ боролись сочувствіе, убѣжденія, предрасудки цѣлой жизни, недоувѣріе въ неизвѣстному будущему. Отецъ-генераль ловко воспользовался этой минутой испуга.

«— Берегитесь, отцы! сказалъ онъ: — не принимайте скорого рѣшенія, въ которомъ жестоко раскаетесь. Я не берусь опровергать краснорѣчиваго ліонскаго прокурора — у меня нѣтъ на то ни времени, ни таланта. Лучше предоставляю васъ вашему собственному благоразумію, вашимъ воспоминаніямъ, вашей совѣсти...

И онъ закрылъ засѣданіе.

Понятно, какое волненіе поднялось въ Genè. Второе засѣданіе было назначено на завтра вечеромъ. Партіи были лицомъ къ лицу, и борьба шла на жизнь и на смерть. Мы понимали, что побѣжденные, особенно побѣжденные защитники свободы, будутъ изгнаны: въ интересахъ—просто человѣческихъ бываетъ прощеніе, въ духовныхъ—его нѣтъ.

Отцы приходили, уходили. Съ вида все казалось спокойно и разговоры были даже любезны, но сердца были взволнованы. Предъ нами была цѣлая масса монаховъ, инстинктивно, привычно преданныхъ неподвижности, потому что въ ней покойно и ситно. Отецъ-генераль разсыпался вездѣ, улыбался своимъ, бросалъ огненные взоры на группы, гдѣ подозрѣвалъ враговъ, и употреблялъ съ пользою свой день, какъ полководецъ, готовящійся къ сраженію.

Въ половинѣ дня, отецъ Монгазенъ радостно извѣстилъ меня, что мы побѣждаемъ, что отецъ-генераль съ своими клеветами составили списки прокуроровъ, что былъ родъ тайнаго слѣдствія, по которому оказалось, что иезуитовъ-консерваторовъ—очень немного, иезуитовъ-реформистовъ—огромное большинство, а по изслѣ-

довані остальныхъ, *сомнительныхъ*, открылось, что отецъ-генераль не можетъ на нихъ рассчитывать: они готовы пристать къ реформѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я узналъ еще новость и передалъ ее друзьямъ: отецъ-генераль поѣхалъ къ кардиналамъ, составившимъ правительственную комисію въ отсутствіе папы. Пользуясь временемъ, пока не было отца-генерала и опасаясь съ его стороны какой нибудь сильной мѣры, мы собрали нашихъ въ большой рекреационной залѣ. По справедливости, какъ авторъ «меморандума», я не долженъ былъ оставлять на одного моего друга, отца Монгазена, всѣ опасности этого колоссальнаго дѣла. Я говорилъ рѣчи и, признаюсь, съ смѣлостью, далеко превзошедшей все, что говорилъ наканунѣ отецъ Монгазенъ, я взывалъ къ совѣсти всѣхъ этихъ людей. Я чувствовалъ въ себѣ энергію древняго трибуна.

Съ безпокойствомъ ждали мы часа засѣданія. Отецъ-генераль могъ его отложить и тѣмъ дать остынуть впечатлѣнію рѣчи отца Монгазена, а между прочимъ воспользоваться временемъ, и, угрозами и ласками, составить и подобрать себѣ большинство голосовъ. Потому, въ концѣ моей возмутительной рѣчи, я не боялся призвать моихъ братьевъ къ вѣтвѣ, и первый поднявъ руку, свидѣтельствовался Богомъ, что посвящу мою жизнь великому дѣлу обновленія ордена.

Всѣ за мной подняли руки; дѣло становилось похоже на заговоръ.

Колоколь призвалъ отцовъ-прокуроровъ въ засѣданіе. Отецъ-генераль вошелъ съ смиреннымъ видомъ, казалось, разбитый; тихо и будто побѣждая волненіе, прочелъ онъ молитву Св. Духу и сѣлъ. Собраніе молчало, сердца наши бились. Старикъ поднялся снова, и сказалъ просто:

«— Отцы, произошла случайность, которую я обязанъ сообщить вамъ. Вѣроятно, по неосторожности кого нибудь изъ насъ, въ Римѣ узнали о предложенномъ вчера проектѣ. Ихъ эминенціи кардиналы, правящіе въ отсутствіе св. отца, обезпокоились этимъ: нашъ *Gesù* представленъ имъ volcanoмъ революціи. Въ виду только что побѣжденной революціи, при возстановленіи святѣйшаго престола, мысль, что и въ нашей конгрегаціи затрогиваются политическіе вопросы — испугала кардиналовъ. Потому, пригласивъ меня, они дали мнѣ декретъ, и я объявляю его вамъ.

Затѣмъ онъ прочелъ декретъ трехъ кардиналовъ, который я привожу здѣсь:

«Мы, кардиналы святой римской церкви, викаріи его святѣйшества Піа IX, благополучно царствующаго, узнавъ, что вчера въ домѣ Общества Иисуса происходило собраніе, гдѣ говорились неблагонамѣренныя рѣчи о свободѣ и реформѣ, и желая возможно скоро прекратить зло и остановить дерзость — предпи-

связаемъ почтенному отцу Іоанну Рютанъ, генералу-префекту означеннаго Общества Іисуса, закрыть и объявить уничтоженныиъ это собраніе и отложить его до слѣдующаго года. Данъ въ Римѣ — и проч. Подписи.

Для насъ это былъ громовой ударъ.

Старикъ скрывалъ какъ могъ дуваву улыбку.

«— По нашему *четвертому объѣту*, сказалъ онъ: — мы преклоняемъ нашу волю предъ святѣйшимъ престоломъ. Такъ отложимъ до слѣдующаго года эти прекрасныя теоріи; между тѣмъ и фантазіи поуспокоятся. Во имя святаго повиновенія, я объявляю это собраніе уничтоженнымъ! Отцы, засѣданіе кончено.

Онъ надѣлъ свою четырехугольную шапку. Мы вышли. Во всемъ *Gesù* царствовало гробовое молчаніе. Всякій нашелъ въ своей кельѣ письмо отъ отца-генерала, заранѣе приготовленное, гдѣ всякому объявлялось новое назначеніе.

Только я одинъ не получилъ такого письма. Почему? Всѣхъ остальныхъ, и въ главѣ ихъ отца Монгазена, отсылали за тысячи миль. Меня одного пощадил. Боились ли меня, или рассчитывали на меня, или надѣялись подкупить такой милостью? Я остановился на этой мысли; мнѣ слѣдовало благодарить провидѣніе за такой странный исходъ этого важнаго дѣла.

На другой день всѣ прощались свободно. Отецъ-генералъ, казалось, намъ не занимался. Отецъ Монгазенъ, назначенный въ миссію на Востокъ, пришелъ проститься со мною.

«— Славно и подло сыгралъ нашъ генералъ! сказалъ онъ. — Дѣло конченное. Наша попытка—послѣдняя. Если неудалось теперь, въ эпоху революцій, всколыхавшихъ всю Европу — послѣ насъ никто и не подумаетъ. Но непреклонная логика, сила вещей, все-таки восторжествуетъ... Нашъ отецъ-генералъ еще милостивъ; насъ только разметали на всѣ четыре стороны, и я даже доволенъ, добившись наконецъ миссіи, которой всегда желалъ, и оставляя Европу, гдѣ столько выстрадалъ. О насъ дѣло нерѣшено; васъ еще могутъ простить, у васъ будущее, вы увидите Францію—но я никогда больше не увижу Маргариту, мою милую дочь! Прощайте, обнимемся...

Къ вечеру этого дня, изъ всѣхъ пріѣзжихъ въ *Gesù*, оставался я одинъ. Отецъ-генералъ не обращалъ на меня вниманія. Я былъ на вечерней молитвѣ, все еще неспокойный, и заснулъ подъ впечатлѣніями ужаса. Въ половинѣ ночи меня разбудили.

«— Васъ требуетъ отецъ-генералъ.

Я всталъ, одѣлся, не вѣря тому, что случилось. Только Богъ знаетъ, какъ я страдалъ и ужасался въ эти минуты. У порога кельи ждали меня два брата іезуита — одинъ громадный тран-

стеверинецъ, котораго мы прозвали Церберомъ. Они повели меня, но не къ отцу-генералу, а далѣе, во внутрь двора. Около церкви, подъ библіотекой, отворили тяжелую дверь, и въ совершенной темнотѣ, освѣщаемой только крошечной лампой, которую несъ одинъ изъ моихъ сторожей, мы сошли ступеней тридцать подъ землю. Открылись небольшія сѣни, въ глубинѣ ихъ отворенная дверь. Меня повели далѣе. Тамъ была небольшая зала. На концѣ ея было возвышеніе, на немъ семь скамеекъ. Среднюю занималъ отецъ-генералъ; съ каждой стороны его сидѣли по три старца. Передъ нимъ былъ накрытый столъ съ лампой и какими-то старинными бумагами. Спереди возвышенія, тоже на скамейкѣ, передъ маленькимъ особеннымъ столомъ, сидѣлъ еще отецъ-іезуитъ. Меня посадили супротивъ его. «Братья» заперли дверь и стали у обѣихъ притолокъ.

Нѣсколько минутъ мнѣ казалось, что я сплю и вижу во снѣ страшную залу *Vehme*, о которой я читалъ въ бумагахъ ордена, нѣкогда довѣренныхъ мнѣ отцомъ-генераломъ. Я надѣялся проснуться и посмѣяться... Это была точно та зала, но я не проспался! Глаза мои, наконецъ, привыкли къ полутьмѣ. Молчаніе было страшное—молчаніе, предшествующее приговору вѣчнаго заточенія или смерти — и оно болѣе всего меня мучило...

Я разсмотрѣлъ, кто были судьи: шесть стариковъ, давно живущихъ въ *Gesù*, на покоѣ. Тотъ, кто сидѣлъ противъ меня, обвинитель, былъ отецъ Руфинъ. Налѣво отъ меня была отворена узенькая, низкая дверь—за ней была тюрьма.

Сцена началась, какъ все въ *Gesù* — молитвой. Президентъ, судьи, обвинитель, братья-сторожа стали на колѣни. Я сидѣлъ, неподвижный, не принимая участія въ такомъ богохульствѣ. Эти люди шептали и отвѣчали на молитвѣ, какъ-будто на великомъ торжествѣ; прочли *Veni creator*, св. Духу, *Ave Maria*, Богородицѣ. Потомъ начался допросъ. Президентъ спросилъ меня:

«— Вы Генрихъ Сен-Моръ, отецъ-профессъ четырехъ обѣтовъ общества Іисуса и допущенный къ высшей степени?»

«— Да, отвѣчалъ я.

«— Запишите его имя и возрастъ.

Отецъ Руфинъ, обвинитель и свидѣтель, записывалъ все въ протоколъ.

«— Выслушайте, отцы, продолжалъ отецъ-генералъ:—параграфы нашихъ тайныхъ учрежденій, по силѣ которыхъ нынѣ вы избраны судьями.

Онъ читалъ по старинной рукописи — и я будто еще слышу эти слова, подобныя погребальному звону.

«Отъ тайнаго правительства Общества Іисуса.

«ПРИКАЗЪ IV.

«§ 1. Если одинъ изъ отцовъ высшей степени измѣнить, или возмутится, или посѣтитъ смуты въ обществѣ — онъ изметается изъ среды его,

«§ 2. Его судить тайное судилище, гдѣ засѣдаютъ, подъ предсѣдательствомъ генерала, шесть отцовъ высшей степени, избранные по жребію.

«§ 3. Приговоръ произносится тогда только, когда всѣ шесть отцовъ-судей и отецъ-генераль — согласны.

«§ 4. Осужденный, руками прислужниковъ, отводится и заключается въ темницѣ».

Я слушалъ въ лихорадѣхъ. Но таковъ истинный надежды, что, хотя я былъ увѣренъ, что отецъ-генераль сдумалъ подобрать себѣ помощниковъ — я еще искалъ мысленно, нѣтъ ли мнѣ спасенія. Мнѣ мгновенно мелькнула мысль, что, можетъ быть, хотя у одного изъ этихъ шести стариковъ явится состраданіе и онъ потребуетъ для меня не тюрьмы, а изгнанія изъ ордена... Последній, сидѣвшій съ края возвышенія, былъ отецъ Мадзонелли. Я когда-то говорилъ съ нимъ откровенно, старикъ меня любилъ... Что-то шептало мнѣ, что онъ спасетъ меня.

Отецъ-генераль предупредилъ судей, что приговоръ выражается тремя словами: заключеніе въ тюрьму — *Regeat!* изгнаніе — *Expellatur!* оправданіе — *Insons!* Затѣмъ, собравшись съ мыслями, началъ:

«— Отцы, намъ предстать тяжелый долгъ. Въ самомъ обществѣ началось возмущеніе и, по обязанности моей, я долженъ былъ подумать о спасенія ордена. Я до конца буду твердъ. Вы знаете, что тайныя учрежденія даютъ мнѣ право жизни и смерти надъ всѣми подданными ордена. Справедливо, чтобы великіе духовные преступники, уже подлежащіе суду гражданскому, зависѣли отъ судилища, которое отдѣляло бы зараженное тѣло отъ здороваго и карало нечестивыхъ. Это право церковное, непоколебимое, и главы церкви обращались къ нему еще недавно. Въ теченіе трехъ вѣковъ и нашъ орденъ не разъ пользовался этимъ правомъ — и этотъ преступникъ приметъ часть свою съ Даэаномъ и Авирономъ. Безоружный предъ духомъ мятежа, орденъ нашъ не устоитъ и полгода. Власть беретъ за мечъ, чтобы устрашить преступленіе... Вамъ сейчасъ прочтутъ, въ чемъ обвиняется Генрихъ Сен-Моръ, котораго по ослѣпленію и довѣрчивости я возвелъ на высшую степень — и вы будете судить его.

Отецъ Руфинъ безстрастно и неизмѣнчившимся голосомъ прочелъ бумагу, гдѣ до мельчайшихъ подробностей рассказывалось

все, что я дѣлалъ съ той самой поры, какъ мнѣ пришла мысль о реформѣ. Этотъ человѣкъ слѣдовалъ за мною повсюду, подкупалъ шпионить лакеевъ въ домѣ моей кузины, въ Парижѣ, гдѣ я писалъ «меморандумъ»; за мной шпионила г-жа Флавиакъ—и Руфинъ все зналъ. Онъ досталъ черновой лоскутокъ моей рукописи — поправку, писанную карандашомъ и вложенную въ тетрадь... Это была улика.

Отецъ Руфинъ передалъ этотъ лоскутокъ по очереди всѣмъ шести судьямъ; потомъ его взялъ отецъ-генералъ и, подозвавъ одного изъ братій, велѣлъ показать мнѣ.

«— Вашъ ли это почеркъ?

«— Мой.

«— Послѣ вашего признанія, нечего было бы и продолжать пренія. Но, докончимъ.

Доказавъ этой бумагой мою виновность въ сочиненіи возмутительной брошюры, взволновавшей весь Gesù, Руфинъ поставилъ мнѣ еще въ вину, что наканунѣ, пользуясь отсутствіемъ почтеннаго отца-генерала, я превратилъ одну изъ залъ святаго дома въ революціонный клубъ и возбуждалъ подданныхъ ордена къ мятежу, что подходитъ подъ § 1-й приведеннаго постановленія.

«— Что вы скажете въ свое оправданіе? спросилъ меня президентъ, вставая.

Я понялъ, пока читали обвинительный актъ, что моя судьба заранѣе рѣшена. У меня было достаточно силы духа, чтобы не впасть въ уныніе, недостойное христіанна и благороднаго человѣка; я могъ сказать этимъ людямъ цѣлую рѣчь—но это было бы только продолженіемъ постыдной сцены и не измѣнило бы ихъ рѣшенія. Но одно слово могло меня спасти. Я сказалъ его голосомъ немного дрожащимъ, несмотря на всѣ мои усилія.

«— Отцы мои, я виновенъ передъ вами дѣломъ. Я невиненъ предъ Богомъ и моей совѣстью. Беру въ свидѣтели высшее правосудіе, что этими поступками, съ виду предосудительными, я имѣлъ намѣреніе послужить спасенію ордена. Смотрите только на мои намѣренія.

«— Отцы, вы слышали? сказалъ отецъ-генералъ.

«— Да, отвѣчали всѣ шестеро.

Онъ всталъ, и держа въ рукахъ свою четырехугольную шапку, спросилъ отца, сидѣвшаго подлѣ него сирава:

«— Вашъ приговоръ?

Монахъ всталъ, поклонился генералу и отвѣчалъ громко:

«— Regeat!

Отецъ-генералъ обратился налѣво съ тѣмъ же вопросомъ. Опять поклонъ и сумрачный отвѣтъ:

«— Peregat!

Третій, четвертый, пятый отвѣчали то же. Оставался одинъ, добрый отецъ Мадзонелли—тотъ, чьи слова объ орденѣ имѣли такое вліяніе на мои мнѣнія. Онъ могъ меня спасти. Изгнаніе, которое избавило бы меня отъ вѣчной тюрьмы—это блаженство!.. Кроткій старикъ всталъ. Лицо его, освѣтившееся немного, казалось, освѣтилось и мыслью, что жестокой законъ все-таки оставляетъ ему право спасти человѣка. Онъ взглянулъ на меня, и его взглядъ показался мнѣ ангельскимъ; потомъ, кланяясь генералу, онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

«— Peregat!

У меня подкосились ноги. Отецъ-генераль это замѣтилъ.

«— Поддержите его и исполните приговоръ, сказалъ онъ.

Я чувствовалъ, что у меня стѣснило въ груди и только — я отупѣлъ. Точно ли со мной это дѣлалось?... Потому я будто вдругъ пробудился. Свобода, Маргарита...

Транстеверинецъ-Церберъ готовился отвезти и запереть меня. Отецъ Мадзонелли всталъ.

«— Можетъ быть, онъ захочетъ получить отпущеніе грѣховъ? сказалъ онъ съ поклономъ отцу-генералу.

«— Прекрасно. Я не противъ этого. Исповѣдуйте его, почтенный отецъ.

Отецъ Мадзонелли взялъ свою скамейку, отнесъ ее въ уголокъ залы, помолился и сѣлъ. Онъ одинъ составлялъ судилище милосердія, рядомъ съ судилищемъ мщенія. Это было высоко и ужасно, что-то изъ временъ ауто-да-фе и великихъ дней катакомбъ.

«— Можете исповѣдываться, Генрихъ Сен-Моръ, сказалъ совершенно спокойно отецъ-генераль. — Вы принадлежите уже не намъ, но Богу.

Я всталъ и запатался.

«— Подведите его, сказалъ отецъ-генераль прислужнику.

Это слово меня пристыдило и пробудило. Я твердо пошелъ въ темный уголокъ, гдѣ ожидалъ безмолвный духовникъ, и сталъ на колѣни.

«— Прощаю васъ, отецъ, сказалъ я:— вы меня убили! Ваше слово могло меня спасти, вы были жестоки. Но я христіанинъ и, благодаря Бога, не ненавижу васъ.

«— Дитя мое, отвѣчалъ онъ:—вамъ нечего прощать мнѣ — я васъ спасаю!

Какъ духовникъ, онъ, вѣроятно, говорилъ о спасеніи моей души послѣ долгой агоніи вѣчной тюрьмы. Игра словъ была ужасная—верхъ иезуитства!

«— Тише! прибавилъ онъ:—наклонитесь.

Я думалъ, онъ хочетъ читать отпущеніе и наклонился; онъ шепталъ что-то полатыни; вѣроятно, судьи сочли это тоже за разрѣшительную молитву. Когда я всталъ, Церберъ схватилъ меня, однако, довольно почтительно и осторожно и потащилъ черезъ пять или шесть ступеней внизъ тюрьмы.

Все затихло. Я слышалъ, какъ отцы вышли въ сѣни, и послѣднее приказаніе отца-генерала.

«— Принесте мнѣ ключи, когда придете за благословеніемъ.

Онъ вышелъ. Я слышалъ, что въ залѣ остались двое. Меня охватило холодомъ въ этомъ подвалѣ; жизнь слабѣла во мнѣ, оконечности воченѣли, сердце билось, въ головѣ стучало; я чувствовалъ, что скоро исчезнетъ и мысль. Подходила смерть.

«— Мы забыли, сказалъ маленький братъ рослому транстеверинцу:—надо снести къ нему хлѣбъ и воду.

«— Дуракъ! отвѣчалъ тотъ, и замолчалъ.

Тонъ этого слова поразилъ меня; я удержалъ въ себѣ жизнь. Не знаю, почему мнѣ вспомнилось слово отца Мадзонелли:—я васъ спасаю!... Но нѣтъ, я погибъ! О, Маргарита!

«— Запремъ же его, сказалъ маленький братъ.

«— Дуракъ!... А что, отецъ-генералъ теперь уже успѣлъ воротиться къ себѣ въ комнату?

«— Конечно. И намъ пора, здѣсь холодно.

«— Ключи съ тобой, Винченцо?

«— Да.

«— Мы одни?

«— Да... Развѣ вотъ еще тотъ бѣдненькій отецъ, что въ тюрьмѣ; жаль его: лучше его и добрѣе не было въ Gesù.

«— И ты его тамъ оставишь?

«— Что жъ дѣлать, Марко!

«— Онъ тебѣ братъ!

«— Какой братъ?... Ахъ, да, о Христі!... А что жъ намъ, почевать что ли тутъ? Пойдемъ. А то придется разсказать отцу-генералу, что мы были нерачительны...

Мнѣ дѣлалось дурно... Черезъ минуту я опять разслушалъ:

«— Винченцо, честный ты человѣкъ?

«— Да, и римлянинъ.

«— Такъ этого человѣка надо спасти.

«— Ахъ, лучше умереть! а святая покорность?

«— Ну, хорошо. Такъ и слушай же, Винченцо. То ты спѣшилъ, теперь я спѣшу. Видишь этотъ ножъ? разглядихорошенько. Видѣлъ? Я всажу его тебѣ въ животъ и твое тѣло спокойно выскится, вонъ, тамъ. Идетъ, что ли?

«— Нѣтъ, отвѣчалъ, дрожа, маленький братъ.

«— А не идетъ, такъ помоги. Я его выведу, ты запрешь дверь—возьмешь ключи и ступай себѣ спать—остальное мое дѣло.

«— Да... А когда я пойду на исповѣдь, надо будетъ рассказывать...

«— Зачѣмъ? Богъ введетъ тебя въ рай за доброе дѣло.

«— Нѣтъ, я буду отверженъ!

«— Слушай. Вѣра запрещаетъ или нѣтъ открывать то, что обѣщано подъ клятвою?

«— Запрещаетъ.

«— Такъ становись на колѣни и клянись всѣмъ, что свято, что ты не откроешь этой тайны... Клянись! Видишь этотъ ножъ?

«— Клянусь, братъ Марко!

«— Ты римлянинъ, я тебѣ вѣрю, но если измѣнишь... впрочемъ, ладно! Помогай.

Винченцо сталъ свѣтить. Марко сошелъ ко мнѣ и помогъ мнѣ видѣти, я очутился въ залѣ; они подали мнѣ воды, брызнули ею мнѣ въ лицо.

«— Ну, запирай теперь, сказалъ Марко.

Винченцо дрожать.

«— Нечего дрожать, когда дѣлаешь доброе дѣло. Впрочемъ, если хочешь, я уложу тебя на мѣсто отца.

«— Пойдемъ, отвѣтилъ Винченцо.

Онъ заперъ огромную дверь. Мы вышли въ сѣни; Винченцо бѣжалъ впередъ съ лампой.

«— погоди, сказалъ ему Марко:—дай засвѣтить фонарь. Теперь спасайся, я сейчасъ ворочусь.

Марко провелъ меня мимо церкви и сада Gesù и отворилъ маленькую дверь. Тамъ ждали два человѣка.

«— Прощайте, господниъ де-Сен-Моръ, сказалъ Марко:—мы еще увидимся. Почуйте покойно у этихъ добрыхъ людей; но завтра непременно уѣзжайте.

Меня заставили подобрать мою рясу, накинули плащъ, надѣли шляпу и друзья Марко повели меня чрезъ нѣсколько узкихъ и кривыхъ переулковъ. Мы остановились у домика скромной наружности; дверь передъ нами отворилась.

«— Ахъ, вы спасены!...

Какъ ни хитры иезуиты, а ихъ перехитрили. Церберъ-Марко былъ въ Gesù не что другое, какъ агентъ транстеверинскаго клуба. Онъ ловко увѣрилъ отца-генерала въ своей преданности, въ желаніи послужить обществу Иисуса и кончить дни свои въ Gesù ради спасенія души, въ готовности для Gesù сломить шею кому угодно—и три года этотъ молодецъ пользовался полнымъ довѣріемъ отца-генерала. Честный отецъ Мадзонелли увѣдомилъ его о

томъ, что должно было произойти ночью, условился какъ спасти меня, и далъ ему ключъ отъ маленькой потайной двери.

На другой же день я уѣхалъ во Францію, съ паспортомъ, который, конечно на чужое имя, досталъ мнѣ одинъ изъ членовъ демократическаго клуба и вмѣстѣ членъ римской полиціи. Другой агентъ увезъ черезъ Перузу Винченцо и Марко, которые могли бы за меня полатиться тѣмъ, отъ чего я избавился. — Изъ Орбителло я добралъ до Ливорно, а оттуда достигъ береговъ Франціи, на пароходѣ.

Черезъ нѣсколько времени, благочестивые люди узнали, что отецъ Сен-Моръ — революціонеръ и оставилъ общество Іисуса.

По утрамъ, зимою, на улицѣ Grenelle-Saint-Germain, вы можете встрѣтить худого старика, закутаннаго въ черный теплый сюртукъ; онъ идетъ служить обѣдню въ общинѣ сестеръ...

Лѣтомъ, если вы проѣзжаете недалеко отъ замка *** въ двухъ лѣхъ отъ Т., и встрѣчаете этого старика подъ-вечеръ, въ широкой тѣни липъ — то узнайте въ этой живой развалинѣ священника, готовящагося отдать отчетъ Богу въ жизни, къ несчастью бесполезной для тѣхъ, кого желалъ онъ спасти...

Это я. — Патнадцать лѣтъ медлилъ я издать эти записки, я могъ подвергнуться опасности святаго старика, спаснаго мнѣ жизнь. Теперь ни отца Мадзонелли, ни отца-генерала нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и въ свободной землѣ я могу говорить свободно.

Большинство отцовъ-іезуитовъ, прочтя мою книгу, скажутъ, что это выдумка романиста, и скажутъ это чистосердечно. Оставляю ихъ въ заблужденіи: они не знаютъ тайкъ ордена. Многие изъ нихъ люди почтенные; они творятъ добро, по внушенію сердца. Но они сами не знаютъ, что они — орудія самой опасной для человѣчества силы, кабая была только отъ вѣка; сами не зная, они исполняютъ планъ, имъ неизвѣстный — планъ окончательнаго стѣсненія свободы на землѣ... Богъ проститъ этимъ людямъ за ихъ чистосердечіе!

Но пусть знаетъ новый міръ, что съ этими фанатическими слугами тайной и неумолимой силы онъ долженъ вести священную борьбу за торжество свободы!...

ЭДГАРЪ КИНЕ́

И ЕГО НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ.

(«La Révolution», par Edgar Quinet. Paris, 1865).

Когда историкъ беретъ предметомъ своего изслѣдованія такой всемірно-знаменательный фактъ, какъ, напримѣръ, первая французская революція, о которой устали уже говорить историки всѣхъ націй, всѣхъ странъ, исчерпавъ всевозможные источники, истощивъ весь запасъ своихъ умозаключеній—когда уже появились, среди сотней разнохарактерныхъ бредней, такіа капитальныя сочиненія, какъ: Зибеа, Минье, Тьера, Мишле, Луи Блана, Ламартина и многихъ другихъ, не выключая и сорокатомнаго сочиненія Бюше—то, признаемся, историкъ беретъ на себя задачу весьма трудную. Для того, чтобы его сочиненіе имѣло какой нибудь интересъ, необходимо, чтобы въ немъ было высказано нѣсколько новыхъ идей, чтобы были выяснены нѣкоторыя стороны характеровъ, до сихъ поръ еще неразъясненныя, чтобы были имъ выставлены первичныя и ближайшія причины разныхъ событій, ускользнувшія отъ наблюденій другихъ изслѣдователей, чтобы былъ пополненъ замѣченный имъ пробѣлъ на основаніи нетронутыхъ еще до сихъ поръ источниковъ, чтобы, наконецъ, взглядъ автора, какъ на частности, такъ и на общую идею этого громаднаго историческаго факта былъ своеобразенъ, оригиналенъ. Безъ этихъ достоинствъ сочиненіе будетъ или вовсе плохое, или будетъ принадлежать къ той золотой посредственности, которую воспользуется развѣ читатель, совсѣмъ незнакомый съ трактующимъ предметомъ, и воспользуется имъ именно потому, что оно послѣднее, новое. Слѣдовательно, чтобы обратить на себя всеобщее вниманіе, предлагаемое сочиненіе должно принадлежать къ числу капитальныхъ сочиненій, иначе — оно будетъ пустою спекуляціею на громкое заглавіе. Кто хотя немного знакомъ съ Эдгаромъ Кинэ, тотъ, конечно, не заподозритъ въ немъ такихъ

спекулятивныхъ свойствъ. И потому, одно уже имя Кинé заставило насъ многого ожидать отъ предлагаемаго сочиненія, и, признаемся, мы не ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ.

Странно, что у насъ въ Россіи очень немногіе знаютъ даже о существованіи Кинé, между тѣмъ какъ во Франціи онъ очень популяренъ. Да, впрочемъ, мало-ли чѣмъ у насъ не интересуются! Эдгаръ Кинé родился въ Страсбургѣ въ 1802 году. Кончивъ курсъ наукъ въ этомъ городѣ, онъ отправился сперва въ Женеву и въ Парижъ, а потомъ въ Гейдельбергъ оканчивать свое образованіе. Получивъ хорошее научное основаніе у себя на родинѣ, онъ хотѣлъ познакомиться съ нѣмецкою жизнію, съ нѣмецкою философіею. Германія сдѣлала его мыслителемъ, но мыслителемъ, въ которомъ течетъ живая французская кровь. Онъ не сдѣлался ни мистикомъ, ни филистеромъ; въ абстрактномъ туманѣ его мысль долго не парила; напротивъ, его умъ, склонный къ аналогіи, не любилъ уноситься далеко отъ земли. Оригинально, между прочимъ, его сравненіе нѣмецкой философіи съ французскою революціею: Канта онъ сравниваетъ съ Мирабо — какъ провозвѣстниковъ новой нравственности; Фихте съ Робеспьеромъ — за нравственный ригоризмъ обоихъ; Шеллинга съ Наполеономъ — за общее у обоихъ стремленіе примирить старыя понятія съ новыми, оставаясь въ сущности людьми старыхъ понятій; Гегеля съ Лудовикомъ XVIII — за общее желаніе дать законную силу всему существующему, безъ различія, видя общее утомленіе вслѣдствіе продолжительной борьбы.

«Замѣтки о Германіи» Кинé чрезвычайно метки и характеристичны. «Идеи Гердера» произвели огромное впечатлѣніе на его воспримчивый умъ и дали толчокъ его направленію. Онъ перевелъ и издалъ ихъ будучи еще въ гейдельбергскомъ университетѣ. Поэтъ въ душѣ, мыслитель по преимуществу, онъ хотѣлъ, наподобіе «Божественной комедіи» или «Потеряннаго рая», сгруппировать всѣ идеи, которыя кружили его молодую голову, въ одну огромную всемірную поэму. Но задача эта оказалась ему не подъ силу и онъ сталъ писать отдѣльныя, небольшія поэмы. Такъ появились: Агасферъ, Наполеонъ, Прометей. Въ нихъ много поэтическихъ красотъ, оригинальныхъ сопоставленій, но въ цѣломъ далеко отъ того, чтобы выразить собою всемірный эпосъ. Въ свое же время, онѣ были встрѣчены во Франціи громкими похвалами. Вліяніе христіанства на нравы и прогрессъ — занимаетъ видное мѣсто въ его поэмахъ. До 1840 г. Кинé преподавалъ лекціи иностранной литературы въ Лионѣ, и, то же критическое и философское направленіе, заимствованное имъ у германскихъ мыслителей, было преобладающимъ; но съ этихъ

поръ въ немъ произошло отклоненіе отъ серьёзно-научныхъ изслѣдованій и метафизическихъ отвлеченностей къ животрепещущимъ вопросамъ дня, занимавшимъ въ то время умы Франціи. Изъ трансцендентальнаго поэта и философа онъ обратился въ политическаго трибуна и проповѣдника чистыхъ идей христіанства. Имѣя отъ природы прямой, честный характеръ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ возненавидѣлъ ложь, интригу, коварство, несправедливость. Бичевать это зло было его насущною потребностію. Германія его сдѣлала нѣмецкимъ мыслителемъ, но при первомъ удобномъ случаѣ онъ оказался истымъ французомъ. Вопросы дня перешли на первый планъ. Съ 1840 г. Кинё занималъ кафедру древне-классической литературы въ «Collège de France», но лекціи его не отличались тѣмъ же строго-научнымъ тономъ, какъ въ Ліонѣ, а пріяли скорѣе характеръ политическихъ и религиозныхъ преній. Въ то время французскую литературу занималъ вопросъ о воспитаніи, и, какъ іезуиты совершенно завладѣли имъ, и сдѣлали изъ воспитанія какою-то монополію, то всѣ нападки либеральной партіи обратились на нихъ. Кинё и Мишлэ съ ожесточеніемъ напали на этихъ непрошенныхъ педагоговъ, громили ихъ съ кафедры, и лекціи въ «Collège de France» пріяли совершенно политико-религиозный характеръ. Это не понравилось правительству, и ихъ уволили. Тогда Кинё вмѣстѣ съ Мишлэ пріялись за другое оружіе и написали пространное сочиненіе о іезуитахъ, надѣлавшее много шума и сдѣлавшее имена ихъ очень популярными во Франціи и въ другихъ католическихъ государствахъ. Кинё однакоже не удовлетворился этимъ; онъ пожелалъ изучить іезуитовъ тамъ, гдѣ имъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, удалось распустить свои сѣти, и потому онъ отправился въ Испанію. Результатомъ его воѣздки было новое его сочиненіе: «Ultramontanisme» и впоследствии: «Le Christianisme et la Révolution». Отъ іезуитовъ и вопросовъ религиозныхъ онъ перешелъ вскорѣ къ вопросамъ чисто-политическимъ. Въ февральской революціи онъ пріялъ дѣятельное участіе и написалъ множество политическихъ брошюръ. Когда-же Наполеонъ III вступилъ на престолъ, то Кинё уѣхалъ изъ Франціи и поселился въ Женевѣ. Черезъ десять лѣтъ по своему восшествіи на престолъ, Наполеонъ III издалъ манифестъ, въ которомъ объявилъ амнистію всѣмъ своимъ политическимъ антагонистамъ — Кинё, Луи Бланъ и Викторъ Гюго не воспользовались ею.

Эдгаръ Кинё принадлежитъ къ тѣмъ изъ французскихъ историковъ-публицистовъ, съ которыми можно не соглашаться, но которыхъ нельзя не уважать за стойкость, прямоту и честность убѣжденій, неизмѣнившихся ни отъ ударовъ рока, ни отъ преслѣдованія силь-

ныхъ, ни даже отъ отчужденія друзей — нѣкогда близкихъ по мысли и по духу. Онъ, какъ и самъ замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, остался одинъ со своими идеями, но не чувствуетъ себя побѣжденнымъ потому, что не вслѣдствіе пораженія, а по собственному желанію удалился съ своими убѣжденіями, оставшись имъ вѣренъ. Стоицизмъ и постоянство убѣжденій — вотъ отличительная черта Кинэ, въ нихъ его сила.

Въ 1838 г. умиралъ въ Брюсселѣ членъ конвента, якобинецъ Бодо (Baudot); умирая, онъ завѣщалъ свои мемуары Кинэ, который и воспользовался ими въ предлагаемомъ сочиненіи. Мемуары эти до сихъ поръ не изданы, между тѣмъ заключаютъ въ себѣ много интереснаго и бросаютъ новый свѣтъ на дѣйствія партій въ конвентѣ. Замѣчательно, что ни одинъ изъ якобинцевъ не оставилъ послѣ себя мемуаровъ. Вышедшіе изъ тьмы, они не хотѣли пустить въ свѣтъ хроники о своихъ кровавыхъ дѣяніяхъ. Бодо составляетъ едва-ли не единственное исключеніе; но и то вопросъ: увидать-ли свѣтъ его мемуары? въ завѣщаніи нѣтъ-ли запрещенія ихъ издать? Со смерти автора прошло уже 28 лѣтъ и, до сихъ поръ, они остаются неизданными.

Кинэ начинаеть свое сочиненіе вопросомъ: «отчего народъ, умѣвшій умирать, чтобъ быть свободнымъ—не счумѣлъ воспользоваться приобрѣтенной свободой? — Потому, отвѣчаетъ онъ же, что старый порядокъ (l'ancien régime) крѣпко укоренился во Франціи въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, между тѣмъ какъ свобода—столь юный и хрупкій ростокъ, что нужна нація, которая бы никогда не спала, чтобы сохранить это нѣжное растеніе». Къ тому-же, добавляетъ Кинэ, французскому народу недостаетъ ни терпѣнія, ни необходимой умѣренности, ни нравственной энергіи. Такъ, когда учредительное собраніе хотѣло дать Франціи монарха съ либеральной конституціей — народъ выказалъ нетерпѣніе и неумѣренность, остался недоволенъ и явно клонилъ къ республикѣ. Когда же директорія дала ему республиканскую свободу—онъ не могъ ее удержать потому, что не нашелъ въ себѣ достаточно нравственной энергіи и гражданской добродѣтели, которая бы слилась съ республиканской конституціей III-го года. Кинэ утверждаетъ, что французскій народъ умѣетъ быть терпѣливымъ внѣ свободы, а при свободѣ—нѣтъ; изъ чего онъ заключаетъ, что на рабскіе нравы, не измѣнивъ ихъ предварительно, безплодно насаживать либеральныя идеи, и то, что образовалось въ продолженіе десяти вѣковъ, желать исправить въ три года—наивно и смѣшно.

Въ этомъ пунктѣ Кинэ отчасти солидаренъ съ Миллемъ и Товилемъ. Вотъ что говоритъ Джонъ-Ст. Милль въ статьѣ

своей о сочиненіи Токвиля: «Демократія въ Америкѣ»: «При всей горячности споровъ партій во Франціи, нѣтъ націи болѣе пассивной въ рукахъ всякаго, кто стоитъ наверху. Токвиль не имѣетъ вѣры въ достоинство и силу, ни даже въ продолжительное существованіе поверхностной любви къ свободѣ, когда существуетъ практическая привычка къ рабству; и вопросъ, бытъ ли французскому народу свободнымъ, зависитъ, по его мнѣнію, отъ возможности образованія духа и привычки мѣстнаго самоуправленія» *.

Говора о нравственныхъ качествахъ французскаго народа, Кинé дѣлаетъ интересное сравненіе, соразмѣряя нравственность народа вообще съ государственнымъ долгомъ страны: «чѣмъ больше, говоритъ онъ, государственный долгъ, тѣмъ нравственность хуже. Англія представляетъ собою поразительный примѣръ, съ своимъ огромнымъ долгомъ; хотя она и пользуется политической свободой, но нравственная (liberté morale) — стоитъ на низкой степени».

Касаясь мимоходомъ вопроса о необходимости изученія исторіи народомъ, авторъ приводитъ оригинальную фразу Лафайета, что «народу изучать исторію Франціи до 1789 г. — не нужно, потому что учиться ненавидѣть — совершенно лишнее».

Весь ходъ французской революціи и участіе въ ней какъ массы, такъ и отдѣльныхъ индивидуальностей, Кинé объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Масса спала и пребывала во тьмѣ невѣдѣнія нѣсколько вѣбовъ. Еслибы не появились въ XVIII столѣтіи свѣтлыя личности, какъ, напримѣръ, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Бюфонъ, Дидро, Тюрго—то масса бы еще нѣсколько вѣбовъ. Но и эти свѣтлыя личности не могли непосредственно подѣйствовать на массу, которая, будучи неразвитою, оставалась къ нимъ холодна и равнодушна. Она своею апатичностію отняла у великихъ писателей того времени всякую надежду на воспринятіе новыхъ идей, ими проповѣдуемыхъ — это было время жалобъ и скорби Вольтера, энциклопедистовъ, Мабли, Д'Аламбера (эпоха 1770—1778). Далѣе масса, мало-по-малу, просыпается; но не одні книги ее разбудили, разбудило ихъ въ особенности публичное слово. Какъ Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли создали проповѣдниковъ, создавшихъ, въ свою очередь, религіозную революцію, такъ и Монтескьё, Руссо, Вольтеръ не успѣли бы водворить свѣтъ, еслибы не помогли имъ разныя общества, клубы, собранія, въ которыхъ были свои Дантони, Робеспьеры въ маленькомъ

* См. Дж. - Ст. Милль: «Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія». Изданія Ковалевскаго, 2-й части выпускъ второй.

видѣ; такъ что новыя идеи распространились тысячею устами и создали общественное перерожденіе. Публичное слово — замѣчаетъ Кинэ — это такая сила, противъ которой ничто не устоитъ. Идея, вышедшая сегодня изъ клуба якобинцевъ, пролетѣвъ всю Францію, завтра отзовется въ законодательномъ собраніи или въ конвентѣ. И такъ, масса просыпается, опяньиваетъ отъ этого новаго, на нее повѣявшаго духа (esprit); она не можетъ себѣ объяснить его, не можетъ ни опровергнуть, ни остановиться. Онъ уноситъ ее за границы, поставленныя ея руководителями. Тогда смѣлые становятся трусами, а трусы — смѣлыми. Масса въ безпамятствѣ дѣйствуетъ съ такой отвагой и скоростью, что руководители, сперва потерявшіе всякую надежду расшевелить ее, не знаютъ какъ и удержать ее теперь расходившуюся (14-го іюня, 20-го іюля, 10-го августа). Но вотъ руководители сошли со сцены; кажется, масса должна бы теперь еще болѣе расходиться — не тутъ-то было: какъ рѣка, которой источникъ изсякъ, прекращаетъ свое бурное теченіе, такъ и масса теряетъ всякую энергію, потерявъ источникъ своей дѣятельности (10 жерминаль, 1 преріаль); и наконецъ впадаетъ въ совершенное бездѣйствіе — тогда съ нею можно дѣлать все, что кому угодно (18 фруктидоръ, 18 брюмеръ). Народъ, будто, на время занялъ жизнь у вышедшихъ изъ тьмы вождей своихъ. Впрочемъ — добавляетъ Кинэ — это усиленіе массы и возвратъ къ прежнему апатичному состоянію только кажущіеся: монархіи Лудовика XIV и Наполеона I имѣютъ сходство только по наружности; посаженныя революціею сѣмена дадутъ новые ростки, ростки дадутъ плодъ.

Изложивъ, такимъ образомъ, вкратцѣ всѣ ступени, которыя прошла французская революція, и уяснивъ то участіе, которое приняла въ ней какъ масса, такъ и отдѣльныя личности, Кинэ задается слѣдующимъ вопросомъ: могъ ли Лудовикъ XVI предотвратить революцію, держась другой политики? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Этотъ взглядъ Кинэ аналогиченъ со взглядомъ Бокля *, утверждавшимъ, что въ первую половину царствованія Лудовика XV, революція могла быть еще отклонена, но что со второй половины она была неизбѣжна. Дѣйствительно, при вступленіи на престолъ Лудовика XVI, Франція была въ такомъ жалкомъ положеніи, что другого исхода трудно было ожидать. Привилегированное дворянство погрязло въ развратѣ и тунеядствѣ; оно потеряло то величіе, которымъ нѣкогда отличалось; оно не составляло болѣе силы, какъ напримѣръ, дворянство

* Бокль: «Исторія цивилизаціи въ Англіи» (см. главу: «Близжайшія причины фр. революціи»).

въ Англіи. Истратившееся при Лудовикѣ XIV, чтобы поддержать блескъ, которымъ любилъ себя окружать этотъ монархъ, оно еще болѣе истощило свои средства въ развратный вѣкъ Лудовика XV. Не имѣя болѣе средствъ, чтобы поддержать свой аристократическій образъ жизни, оно домогалось выгодныхъ мѣстъ и большихъ пенсій отъ казны; прозябало въ праздности; куртизанило при дворѣ, низко кланяясь, и вымещало свое униженіе надъ низшими классами, вооружая ихъ тѣмъ противъ себя. Пресмыкающіеся при дворѣ, дворяне были деспотами въ своихъ земляхъ. Духовенство мало думало о спасеніи своей паствы. Оно или само не вѣрило, или же вѣрило на подобіе савойскому епископу Руссо. Оно болѣе заботилось о личныхъ своихъ выгодахъ и о приобрѣтеніи высшихъ должностей. Буржуазія выносила оскорбленія дворянъ, и всю свою злобу вымещала на разорившихся, эксплуатируя ихъ тщеславіе, и, мало-по-малу, прибирая въ свои руки ихъ растроченныя имущества. Чтѣ же дѣлалъ народъ въ это время? Молчалъ, терпѣлъ, голодалъ и спалъ. Еще съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, цѣна на хлѣбъ все болѣе и болѣе увеличивалась, и къ концу царствованія Лудовика XV стала такъ высока, что безъ примѣси разныхъ крупъ, овса, ячменя и другихъ съѣдомыхъ и даже несъѣдомыхъ веществъ, какъ на примѣръ, глины — въ рѣдкой хлѣбнѣ можно было найти вдоволь хорошаго хлѣба. Не дремало только развитое меньшинство, трудящееся, согрѣтое новыми идеями Монтеस्कѣ, Вольтера, Руссо, д'Аламбера и энциклопедистовъ. Никогда еще наука и литература не сдѣлала во Франціи такихъ громаднхъ успѣховъ, какъ въ этотъ вѣкъ наружнаго блеска, безчинія и разврата. XVII стол. было во Франціи возрожденіемъ наукъ, XVIII — пробужденіемъ духа анализа во всѣхъ областяхъ знанія и мышленія. Какая другая эпоха во Франціи произвела такъ много славныхъ именъ: Монтеस्कѣ, Вольтеръ, Руссо, Бюфонъ, д'Аламберъ, Мабли, Фонтенель, Мармонтель, Флоріанъ, Лагарпъ, Берварденъ-де-С.-Піеръ, Дидро, Кондорсе, Кондильякъ, Тюрго, Лапласъ, Франклинъ, Лавуазье, Кювье, Кабанисъ, Бишá, Реомюръ, Анд. Шенье, Парни и многіе другіе.

При такомъ растлѣніи общества, съ одной стороны, и умственномъ движеніи съ другой — рано или поздно, долженъ былъ произойти кризисъ. Чтѣ же вышло бы, еслибъ Лудовикъ XVI, держась другой политики, выказалъ болѣе твердости при первыхъ безпорядкахъ въ собраніи «генеральныхъ штатовъ»? Ничегъ болѣе — отвѣчаетъ Кинѣ — какъ то, что онъ бы ускорилъ время паденія стараго порядка» (*ancien régime, la royauté*). Благонамѣренность и природная доброта этого монарха не уживалась съ прежнимъ

образомъ правленія. Лудовикъ XVI не прочь былъ произвести благотѣльную и необходимую реформу; но изъ окружающихъ его лицъ, кромѣ Тюрго и Малерба, не было такихъ, которые могли бы ему содѣйствовать въ этомъ единственномъ исходномъ пути; напротивъ того: люди стараго покроя, они всячески старались препятствовать либеральной реформѣ; они пугали ея Лудовика XVI; вооружали его противъ Тюрго и Малерба — единственныхъ лицъ, бывшихъ въ состояніи спасти Францію — и достигли того, что оба они были удалены отъ должности министровъ. Консервативная партія взяла верхъ, и спасенія уже не было. Удержавъ Лудовикъ XVI этихъ двухъ министровъ, и давъ имъ полное довѣріе — кто знаетъ — можетъ быть, кризисъ ограничился бы радикальной и благотѣльной реформой. Но требовать отъ Лудовика XVI, чтобъ онъ шелъ противъ всѣхъ его окружающихъ, значитъ — предполагать въ немъ сильный характеръ, котораго у него не было. Вся вина этого монарха заключалась въ томъ, что онъ не былъ геній, что у него не было желѣзной воли — и за это пришлось ему поплатиться за своихъ предшественниковъ.

Политическая жизнь каждаго народа не должна останавливаться въ своемъ теченіи; она можетъ вовсе прекратиться, и тогда народъ не можетъ болѣе существовать. Но пока жизненные силы еще существуютъ, природа вещей требуетъ прогресса, то-есть постоянного развитія и улучшенія этой жизни. Жизнь какаго бы то ни было организма поддерживается борьбой двухъ противоположныхъ жизненныхъ элементовъ: консервативнаго и обновляющаго ее. Безъ этой вѣчной борьбы нѣтъ жизни. Такъ и политическая жизнь народа поддерживается борьбой консервативной партіи съ либеральной или обновляющею. Какъ организмъ отдѣльнаго индивидуума тогда только здоровъ, когда ни одна изъ этихъ силъ не беретъ исключительнаго перевѣса — ибо природа вещей требуетъ, чтобы всякая сила имѣла свой противовѣсъ, иначе она становится разрушительною — такъ и общественный организмъ требуетъ регулированія своихъ элементовъ. Токвиль говоритъ: «всега гибельнѣе для народа то состояніе, когда преобладающая власть не сдерживается никакими препятствіями, могущими замедлять ея развитіе и заставлять ее умѣрять свою собственную стремительность» *. Въ отдѣльномъ организмѣ роль регулятора играетъ мозгъ, въ общественномъ — правительство. Исторія намъ доказываетъ, что у народовъ, у которыхъ правительство держится преимущественно консервативной партіи, про-

* *Tocqueville: «De la Démocratie en Amérique». Paris 1861. 4 vols.*

гресь или развитіе общественной и политической жизни идетъ медленно, и, бывали случаи, что развитіе совсѣмъ приостанавливалось. Въ подобномъ случаѣ, народъ или исчезалъ съ лица земли, поглощенный другимъ народомъ, имѣющимъ болѣе жизненныхъ силъ, или въ немъ происходилъ кризисъ, вновь оживлявшій организмъ. Ясно, что эти кризисы приходились ему нелегко. И поэтому, мудрое правительство всегда предотвращало подобный кризисъ радикальной и благодѣтельной реформой. Франція въ исходѣ прошлаго столѣтія, представляла собою подобный примѣръ. Оппозиція консервативной партіи была такъ сильна, что Лудовику XVI не удалось съ помощью Тюрга и Малерба провозвести радикальную реформу — и революція была неизбѣжнымъ кризисомъ.

Консерваторы могутъ насъ спросить: какія же будутъ послѣдствія, если правительство, наоборотъ, станетъ придерживаться исключительно либеральной партіи? — Результатъ, конечно, долженъ быть, по аналогіи, также неутѣшительнъ — добавимъ — если обѣ партіи равносильны или перевѣсъ на либеральной. Но, въ томъ-то и дѣло, что этого перевѣса на сторонѣ либеральной партіи, и даже равновѣсія, не существуетъ нигдѣ, ни въ какой странѣ, по крайней-мѣрѣ въ нашъ вѣкъ. Либеральная партія составляетъ самый малый процентъ всего населенія; она есть выраженіе нуждъ страны и потребностей вѣка; къ ней принадлежатъ люди мысли и слова — часть образованнаго меньшинства, между тѣмъ какъ почти вся аристократія, духовенство, буржуазія и народъ, скорѣе консерваторы, чѣмъ либералы (исключеніе развѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ). Слѣдовательно, консервативной партіи нечего опасаться большаго расположенія правительства къ либераламъ. Она всегда будетъ довольно сильна, чтобы противостоять либеральной партіи. А что придетъ время, когда на сторонѣ либеральной партіи будетъ большинство всѣхъ классовъ — такъ это ясно и неоспорно; и тогда всякій благомыслящій человекъ будетъ желать, чтобы правительство было на сторонѣ менѣе сильной партіи, то-есть консервативной, а пока — конечно, наоборотъ. Лабуле характеризуетъ обѣ эти партіи слѣдующимъ образомъ: «Правительство благоустроеннаго государства находится постоянно между двумя противоположными силами, изъ которыхъ каждая старается привлечь его къ себѣ. Съ одной стороны, это — люди, привязанные къ прошедшему и невидящіе спасенія ни въ чемъ болѣе, какъ въ упорствѣ и неподвижности. Ихъ система — все отвергать, ихъ прогрессъ — не трогаться съ мѣста. Съ другой стороны, это — люди, заглядывающіе въ будущее, которые приглашаютъ правительство дать направ-

леніе движенію и идти самому руза объ руку съ общественнымъ мнѣніемъ. Ихъ девизъ — дать полнѣйшую свободу, не боясь народа, или непопулярности; ихъ надежда, ихъ мечта — соединить въ одно общее усиліе государя и страну*.

Остановясь на томъ положеніи, что революція была неизбежна, Кинэ переходитъ къ анализу дѣйствій различныхъ партій, имѣя, конечно, въ виду то наименьшее количество вольтъ, какое только было мыслимо въ данную критическую эпоху во Франціи; онъ производитъ этотъ анализъ съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое только позволяетъ давность событія и честность убѣжденій автора. Замѣтимъ встать, что подобное изученіе давно совершившагося громаднаго историческаго факта — крайне полезно и поучительно для всѣхъ безъ исключенія. Только изученіемъ ошибокъ предыдущихъ поколѣній, научаемся мы жить и дѣйствовать менѣе погрѣшительно. Шансы всѣ на сторонѣ послѣдующихъ поколѣній, если они сумѣютъ воспользоваться уроками своихъ предковъ.

Первую ошибку находитъ Кинэ въ дѣйствіяхъ королевской власти при созваніи генеральныхъ штатовъ, «этого, по словамъ Дж.-С. Милля, собранія, совершенно легально составившагося, легально и конституціонно представлявшаго верховный авторитетъ страны, которое имѣло всякое право, какое только законъ и общественное мнѣніе могли дать ему, дѣлать все, что оно дѣлало. Но какъ скоро оно дѣлало что-нибудь непріятное придворнымъ короля, король и его совѣтники грозили обратиться къ штыку. Тогда, добавляетъ Милль, а не ранѣе, возстала противная сила вооруженнаго народа, возстала на защиту высшаго организованнаго авторитета своей страны, законодательной власти, угрожаемой насиліемъ. Бастилія пала; народная партія стала сильнѣе»**. Съ этими нѣсколькими строками Милля сходится возрѣніе Кинэ на первые беспорядки. Министръ Лудовика XVI Некверъ совалъ генеральные штаты, не вида другого исхода изъ бѣдственнаго положенія страны. Среднее сословіе выбрало людей, отличавшихся богатствомъ, знаніемъ, дѣятельностію и занимавшихъ, большею частью, высшія административныя должности въ странѣ; слѣдовательно, оно выбрало людей компетентныхъ, знающихъ общія нужды, общія язвы. Кинэ говоритъ, что «депутаты средняго сословія явились въ

* *Ed. Laboulaye*: «Le Parti Libéral, son programme et son avenir». Paris, 1864. 1 v. in 12°.

** *Милль*: «Разсужденія и изслѣдованія». Часть 2-я, вып. 1-й (см. статью: «Нѣсколько замѣчаній о французской революціи»).



собрание генеральныхъ штатовъ съ желаніями самыми умѣренными; они требовали: уничтоженія привилегій, равноправности передъ закономъ, равнаго распредѣленія повинностей, свободы печати и вѣроисповѣданій». Иначе: они хотѣли *установить единство политическое и общественное равенствомъ передъ закономъ и гарантировать это равенство свободой*—въ этихъ двухъ словахъ заключаются такъ-называемые *принципы 89 г.*, которые составляютъ и нынѣ основу французскаго права; они утверждены и гарантированы конституціею 1852 года.

Представители же привилегированныхъ сословій, то-есть дворянства и духовенства, не отличались особенными способностями и качествами; они явились съ твердымъ желаніемъ удержать свои привилегіи. Неккеръ это понялъ, и потому всячески содѣйствовалъ среднему сословію образовать одно общее собраніе, съ поголовною подачею голосовъ. Онъ зналъ, что среднее сословіе (584 голоса) будетъ имѣть перевѣсъ надъ соединенными привилегированными сословіями (561 голосъ). Но король и его приближенные поддерживали дворянство и духовенство, желавшихъ удержать сословную подачу голосовъ и отдѣльныя камеры, что дало бы имъ явное преимущество передъ среднимъ сословіемъ. Когда же депутаты послѣдняго ни подъ какимъ видомъ не соглашались на сословную подачу голосовъ, и болѣе благосмысленные изъ депутатовъ дворянства и духовенства стали переходить на ихъ сторону, то консервативная партія явно начала противодействовать этому соединенію, прибѣгая даже къ угрозамъ. Но это ни къ чему не повело: среднее сословіе, видя большинство выборныхъ на своей сторонѣ, провозгласило себя, по убѣжденію Мирабо и Сіеса, національнымъ собраніемъ, имѣющимъ легальную силу. Лудовикъ XVI требовалъ, чтобы сословія разошлись по камерамъ, и когда ему доложили, что среднее не желаетъ оставить общій залъ, то онъ, по увѣщанію Неккера, послалъ уговорить оба привилегированныя сословія соединиться съ среднимъ. Въ этой непоследовательности короля Кинё видитъ огромную ошибку. Съ этого момента, онъ находитъ, что королевская власть (*la royauté*) поставила себя въ ложное положеніе относительно національнаго собранія, и, желая поправить дѣло, впадала еще въ болѣшіе промахи. На словахъ оно либерализовало, а на дѣлѣ ставило разнаго рода преграды: страшало вооруженною силою, собирало въ Версали огромныя массы войскъ. Привилегированныя сословія начали уже торжествовать, но это торжество ихъ было послѣднее, потому что эта двойственность поведенія королевской власти вызвала возбужденную дѣятельность національнаго собранія, члены котораго, боясь раслуценія со-

бранія, присягнули (въ Жё-де-Помъ) не расходиться, пока не дадутъ Франціи конституцію. Къ тому же самому времени стали изъ провинці стекаться въ Парижъ голодные, ищущіе хлѣба работы, а съ ними и всякаго рода подземныя силы, ищущія мутной воды, чтобъ удобнѣе рыбу ловить. Всѣ эти голодные, недовольные и праздные люди возмущались подобнымъ обхожденіемъ королевской власти съ національнымъ собраніемъ, выражавшимъ собою ихъ же народное представительство. Въ этомъ и видятъ Кинё начало тѣхъ кровавыхъ смуть, которыя начались взятіемъ Бастиліи.

Авторъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что Лудовику XVI нужно было тотчасъ же, при первомъ непослушаніи національнаго собранія, распустить его, и вооруженною силою подавлять малѣйшіе беспорядки. Онъ утверждаетъ, что подобныя крутыя мѣры не могли уже помочь дѣлу: вопервыхъ, распущеніе собранія подѣйствовало бы невыгоднымъ образомъ на умы всей Франціи; во вторыхъ, Лудовикъ XVI пришелъ наконецъ къ убѣжденію о необходимости вмѣшательства народнаго представительства въ запутанныя дѣла Франціи; втретьихъ, рассчитывать на преданность войскъ было несовсѣмъ благоразумно: крутая мѣра могла разомъ ихъ повернуть на сторону народа, и наконецъ, вчетвертыхъ, энергичныя мѣры короля въ это время и при этихъ обстоятельствахъ, развязали бы только руки противникамъ и приготовили бы скорѣйшее паденіе королевской власти.

Послѣ взятія Бастиліи, экспедиціи въ Версаль и переѣзда короля въ Тюильри въ сопровожденіи парижской черни, кажется, все затихло на время. Національное собраніе, принявшее теперь названіе учредительнаго или конституанта, принялось съ особеннымъ рвеніемъ за составленіе конституціи. Дворянство и духовенство, вида безвыходность своего положенія, сами сдѣлали шагъ впередъ и отказались отъ своихъ правъ и привилегій; они ожидали, по крайней-мѣрѣ, что подобное самоотреченіе будетъ имъ сочтено въ заслугу, но ошиблись въ расчетѣ: среднее сословіе приняло холодно это пожертвованіе, какъ нѣчто вынужденное. Такимъ-то образомъ совершилась гражданская революція спокойно, безъ пролитія крови, безъ бурныхъ диспутовъ, по общему согласію въ одно засѣданіе, въ одну ночь 4-го августа. Въ этомъ знаменательномъ фактѣ Кинё видитъ доказательство тому, что между гражданскимъ правомъ и политическимъ — огромная разница; что легкое достиженіе гражданской свободы не есть еще ручательство въ томъ, что политическая достанется такъ же легко. Факты доказываютъ противное: къ достиженію послѣдней всегда найдется камень преткновенія.

За гражданскимъ вопросомъ слѣдуетъ вопросъ религіозный. Кинё съ особеннымъ рвеніемъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ и, надобно сказать правду, слишкомъ распространяется, философствуетъ не въ мѣру и только утомляетъ читателя. Этотъ вопросъ занимаетъ у него цѣлыхъ 70 страницъ первой части. Въ рѣшеніи этого вопроса онъ видитъ главный ключъ къ разрѣшенію задачи революціи. Кинё негодуетъ на учредительное собраніе за то, что въ религіозномъ вопросѣ занимали его такія второстепенныя статьи, какъ территоріальныя имущества монастырей и приходовъ, плата духовенству жалованья отъ казны или содержаніе ихъ паствою, допущеніе свободы вѣроисповѣданій или оставленіе католической церкви привилегированною и др., тогда какъ самую суть религіознаго вопроса: радикальное преобразованіе нравственнаго порядка (*l'ordre moral*) — оставило оно безъ вниманія. Это самая огромная ошибка учредительнаго собранія, замѣчаетъ Кинё. Какъ оно не могло сознать, что всѣ положенія и гражданскія реформы ни къ чему не поведутъ, если не сдѣлать реформу въ церкви? какъ учредительное собраніе могло думать, что нація, измѣнивъ свой общественный строй, будетъ жить новою гражданскою и политическою жизнью, когда душа жизни (*l'âme de la vie*) — нравственная ея сторона (*l'ordre moral*) остается безъ измѣненія? «Il y a deux moyens — говорить Кинё — *de s'orienter dans une révolution: ou embrasser une croyance nouvelle et la suivre ou rejeter une croyance ancienne et s'en éloigner ouvertement*». Въ этихъ словахъ весь Кинё во взглядѣ своемъ на религіозный вопросъ революціи. Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что католицизмъ — «*ce génie du passé*» — могъ быть побѣжденъ только другою формою христіанства.

Самыя бурныя пренія въ учредительномъ собраніи возникли при разрѣшеніи политическихъ вопросовъ. Одни желали народнаго представительства съ двумя камерами, по примѣру англійскихъ палатъ; другіе требовали одну; одни хотѣли предоставить королю право на veto (не позволяю), другіе ни подъ какии предлогомъ не соглашались на это, утверждая, что тогда всякое рѣшеніе народной воли король можетъ уничтожить однимъ почеркомъ пера. Мирабо, имѣвшій огромный авторитетъ, былъ на сторонѣ умѣренныхъ. Онъ видѣлъ, къ чему клонять самые красивые. Онъ не хотѣлъ республики, и съ негодованіемъ смотрѣлъ на вновь устраивающіеся клубы съ республиканскимъ характеромъ. Его идеаломъ была наследственная монархія съ хорошо составленною конституціею. Онъ находилъ, что королевская власть слишкомъ уже упала, хотѣлъ поддержать ее, и потому стоялъ за veto. Между тѣмъ, многіе стали подозревать его въ измѣнѣ. Но Мирабо

гордо несъ свою голову, ни разу ни въ чемъ не выдалъ себя, и умеръ совершенно неожиданно, оплакиваемый всѣми. По смерти его оказалось, что онъ былъ въ перепискѣ съ дворомъ, давалъ совѣты королю, какъ ему дѣйствовать, чтобъ прибрать обратно власть въ свои руки, а главное—было дознано, что онъ получалъ отъ двора субсидіи. Кинё слишкомъ осторожно отзывается объ этой загадочной личности; онъ не высказываетъ ясно свое мнѣніе объ этомъ титанѣ, а задаетъ вопросъ читателю: можетъ ли какой бы то ни было человѣкъ играть столь удачно въ такую опасную игру: служить въ одно и то же время королю и національному собранію, и ни въ чемъ никогда себѣ не противорѣчить, имѣя всегда первый голосъ? Могъ ли Мирабо совмѣстить въ себѣ двухъ людей: любящаго народъ, желавшаго дать ему свободныя учрежденія, и, въ то же время дѣйствовавшаго противъ него, да еще изъ-за денегъ? И хотя Кинё не даетъ удовлетворительнаго отвѣта, но вселяетъ въ читателѣ желаніе предположить, что Мирабо дѣйствовалъ по убѣжденію, что онъ нахвалилъ дѣло революціи уже оконченнымъ, и оставалось лишь примирить народъ съ королемъ, или, какъ выражается Лабурле: «unir dans un commun effort le prince et le pays»^{*}; и что если Мирабо и бралъ деньги, то это не есть еще доказательство, что онъ продавалъ свои убѣжденія. Онъ могъ брать изъ любви къ мамоннѣ — благо ему предлагали за то, что онъ и безъ того бы сдѣлалъ.

Со смертью Мирабо, положеніе короля стало невыносимо; ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ искать случая бѣжать. Между тѣмъ конституанта испугалась его бѣгства; она насильно хотѣла его заставить царствовать. Новая конституція считала его наследственнымъ монархомъ, назначила ему 30 миліоновъ ливровъ годоваго содержанія и дала ему право, посредствомъ veto, утверждать или отвергать народную волю; но, послѣ неограниченной власти, навязанная ему конституція не могла его удовлетворять. Кинё замѣчаетъ, что главное оскорбленіе Людовику XVI было нанесено не какъ королю, а какъ человѣку. Оскорбленія, которыя онъ выносилъ при печальномъ переездѣ изъ Версаля въ Парижъ и при возвращеніи изъ Варенны—были личныя. Онъ, какъ человѣкъ, никогда-бъ ихъ не простилъ. Когда же король принялъ конституцію и поклялся быть ей вѣренъ, то радость конституанты и народа была неизмѣрима. Кинё вѣритъ искренности клятвы короля, но удивляется наивности конституанты, которая могла допустить мысль о возможности подобнаго согласія

* Laboulay: «Le Parti libéral, son programme et son avenir».

между королею и народомъ, между старымъ порядкомъ и новою демократическою Франціей, послѣ тѣхъ оскорбленій, которыя были нанесены Лудовику XVI, его семейству и королевской власти. Тутъ былъ одинъ исходъ: переимѣнить царствующее лицо (слѣд. не задерживать короля, когда онъ бѣжалъ), или даже переимѣнить династію. Что, добавляетъ Кинё, было бы съ Франціей и съ Карломъ X, если бы въ 1830 г. вмѣсто него не избрали Лудовика-Филиппа? Можетъ быть, послѣдствія были бы еще плачевнѣе. А между тѣмъ Лафайетъ, Сіесъ и Мирабо явно высказывались противъ отреченія царствующаго короля. Одну мысль объ этомъ они считали преступленіемъ, святотатствомъ. За исключеніемъ немногихъ, и все учредительное собраніе было того же мнѣнія. И какой же результатъ вышелъ изъ этого пресловутаго согласія (concorde)? — Тотъ-же французскій народъ, который съ конституантой считалъ за преступленіе переимѣнить царствующее лицо или династію, не считалъ съ конвентомъ за преступленіе предать смертной казни своего короля! Вотъ до чего, замѣчаетъ Кинё, доводитъ нелогичность сужденій и боязнь отрѣшиться отъ предрассудковъ. Кровь короля пала темнымъ пятномъ на всѣ лучшія стороны революціи, на всѣ благія преобразованія. Ее не смоетъ ничто, и страшный терроръ какъ эхо отзовется по всей Франціи и кровь польется ручьями!

Хотѣли благо народа водворить эшафотомъ, а между тѣмъ, похоронили всѣ благія начинанія, стеревъ съ лица земли лучшіе и благороднѣйшіе умы Франціи. Аристократическій терроръ ужасенъ, но терроръ демократическій, вдобавокъ, нелогиченъ, потому что свобода не можетъ быть водворена ни эшафотомъ, ни висѣлицей; между тѣмъ, какъ терроръ Лудовика XI и кардинала Ришельё былъ удачнымъ оружіемъ въ ихъ рукахъ.

Кинё находитъ, что со времени начала террора все потеряно: дѣло революціи — погбло, потому что свобода должна имѣть единственнымъ оружіемъ — *гуманность*. Безъ гуманности нѣтъ свободы, нѣтъ и справедливости. Злимъ оттого-то всегда и легче господствовать надъ добрыми, что всѣ пути для нихъ открыты, любой образъ дѣйствія хорошъ; между тѣмъ, какъ для вторыхъ одинъ путь — *справедливость*.

Основную причину террора Кинё видитъ въ столкновеніи прежней Франціи съ новою. Терроръ 1792 г. былъ нѣчто въ родѣ земнаго чистилища, въ которомъ Лудовикъ XVI поплатился за деспотизмъ своихъ предшественниковъ, а лучшіе изъ французовъ были наказаны за прежнее раболѣпіе (servilité) своихъ предковъ, точно такъ, какъ безпощадная строгость Моисея наказывала евреевъ за ихъ раболѣпіе въ Египтѣ.

Вотъ что говоритъ Милль о тираніи большинства: «Тиранія большинства скорѣе расположена принять видъ не тираническихъ законовъ, а силы, освобождающей себя отъ всякихъ законовъ... Тамъ, гдѣ большинство есть единственная сила, и сила, выдающая свои повелѣнія въ формѣ мятежей, оно внушаетъ ужасъ, какого часто не успѣваетъ возбудить самый неограниченный деспотъ. Безмолвное сочувствіе большинства можетъ поддерживать на эшафотѣ мученика тираніи одного деспота; но если мы хотимъ вообразить положеніе жертвы большинства, то должны обратиться за сравненіемъ въ лѣтописямъ религіознаго преслѣдованія». Въ другомъ мѣстѣ Милль говоритъ: «Большинство, подобно другимъ деспотическимъ силамъ, опытомъ будетъ научено; что нельзя въ одно и то же время пользоваться и выгодами цивилизованнаго общества, и варварскою свободою по произволу отнимать у людей жизнь и собственность. Пусть однажды навсегда дано будетъ почувствовать, что меньшинство будетъ бороться— и большинство будетъ остерегаться раздражать его» *.

Единственная борьба, которая присуща человѣку, которая ему къ лицу, какъ разумному существу, одаренному умомъ и даромъ слова, есть—борьба мысли и слова!

Говоря о конвентѣ и террористахъ, Кинэ часто ссылается на слова Бодо, мемуары котораго многое уяснили. Такъ Маратъ оказывается не болѣе, какъ озлобленнымъ, кровожаднымъ чудовищемъ. Но настоящими и послѣдовательными террористами были Робеспьеръ и С.-Жюсть. Люди системы, построившіе свою теорію на сочиненіяхъ Руссо, они воображали, что для достиженія справедливости и всеобщаго блага, достаточно снять головы у всѣхъ тѣхъ, которые могли имъ мѣшать осуществить свои идеи. Робеспьеръ, подозрительный, гордый, властолюбивый, не терпѣлъ никакихъ противорѣчій, и малѣйшее его подозрѣніе было гибелью для того, къ кому оно относилось. С.-Жюсть былъ холоденъ, безстрастенъ, неумолимъ, но менѣе себялюбивъ, и потому былъ тверже и послѣдовательнѣе. Еслибы весь міръ надобно было перевернуть вверхъ дномъ, то и тогда, во имя системы, съ тѣмъ же холоднымъ, безстрастнымъ выраженіемъ лица, подписалъ бы С.-Жюсть свой кровавый приговоръ. Ему было только 26 лѣтъ; никакія симпатіи не тревожили его сердце, и если онъ любилъ что-нибудь на свѣтѣ, такъ это свою систему, во имя которой дѣйствовалъ. Робеспьера онъ чтилъ, какъ старшаго брата, уступилъ ему пальму первенства, оставивъ за собою

* Милль: «Разсужденія и исследованія». Ч. II. Вып. 2-й (въ статьѣ: «Голосъ о демокр. въ Америк.»).

право быть его единственнымъ совѣтникомъ. Въ свою очередь, Робеспьеръ уважалъ его, чувствуя превосходство С.-Жюста надъ собою. Бодо говоритъ, что этотъ безстрастный человекъ системы всячески старался унижать личныя отличія; идеи и масса у него всегда на первомъ планѣ. Вѣроятно, оттого и самъ онъ не хотѣлъ быть первымъ.

Во время революціонныхъ войнъ С.-Жюстъ ѣздилъ самъ и посылалъ другихъ членовъ конвента слѣдить за дѣйствіями генераловъ. Главнокомандующій арміей навѣрно получалъ другое назначеніе, если ему удавалось одержать хотя двѣ блистательныя побѣды. И это для того, чтобы вся честь принадлежала арміи, а не предводителю ея, и чтобы отдѣльныя личности не дѣлались популярными. При всей ошибочности подобныхъ тенденцій, онѣ, однакоже, свидѣтельствуютъ, какъ далеко заглядывалъ С.-Жюстъ въ будущее, и какъ онъ вѣрно предугадалъ, что только тотъ, который въ состояніи приобрести популярность въ арміи, можетъ прибрать въ свои руки верховную власть Франціи.

Въ дѣлѣ религіи образцомъ С.-Жюсту и Робеспьеру служилъ савойскій епископъ Руссо, самъ невѣрившій ни во что, но показывавшій видъ, будто вѣруетъ, по той единственной причинѣ, что народу необходимо вѣровать; для него необходимо богослуженіе и церковныя обряды: безъ нихъ онъ ни въ чемъ не найдетъ утѣшенія, и бѣдность ляжетъ на него слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Слѣдовательно — замѣчаетъ Кинё — все народонаселеніе Франціи, согласно системѣ, должно раздѣлиться на обманывающихъ и обманываемыхъ, на невѣрующихъ и вѣрующихъ, на знающихъ и во тьмѣ пребывающихъ. Что же изъ этого всего должно выдти? спрашиваетъ Кинё.—А то — отвѣчаетъ онъ — что между знающимъ и незнающимъ классами будетъ расти все болѣе и болѣе бездна, что классы эти будутъ другъ отъ друга все болѣе и болѣе отдаляться, пока, рано или поздно, масса не увидитъ, что знающее меньшинство ее надувало.

Эту несообразность видѣли даже нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ; и вотъ причина, почему многіе изъ нихъ отдались новой религіи Разума и были впоследствии такъ жестоко наказаны Робеспьеромъ и С.-Жюстомъ.

Изъ всѣхъ партій болѣе всего симпатій авторъ выказываетъ жирондистамъ. Онъ говоритъ, что весь цвѣтъ умной, талантливой и образованной молодѣжи заключала въ себѣ эта партія, душою которой была г-жа Роланъ. Она не хотѣла крови, ее возмущали дѣянія Марата. Болѣе другихъ смѣлая, она возстала противъ этого чудовища и обвинила его передъ конвентомъ. Но Маратъ не считалъ себя уничтоженнымъ; посредствомъ темныхъ

силъ онъ взялъ свое. Виновными остались жирондисты. Дантонъ могъ ихъ спасти; но они отвергли услугу человѣка, обогрѣннаго кровью сентябрьскихъ убійствъ. Гордость Дантона была оскорблена, онъ применилъ къ Марату и Робеспьеру, и — погубилъ жирондистовъ. Они пали, какъ герои; идя на эшафотъ, они пѣли хвалебныя гимны свободѣ, и унесли ее съ собой въ могилу. «Avec les Girondins—говорить Кинэ—on a décapité l'avenir. O, Liberté! comme on t'a jouée! Qui oserait se plaindre jamais de souffrir pour la liberté, quand ceux, qui ont voulu la fonder, ont payé si cher leur crédulité!»

Исторія Шарлоты Кордэ написана художественною кистью; здѣсь Кинэ изъ историка превращается въ поэта-художника.

Несмотря на возмущающія дѣянія якобинцевъ, члены конвента находили, однакоже, время и работать. Какъ имъ удалось составить сводъ законовъ, когда ежеминутно надъ головою каждого висѣлъ топоръ палача—это непостижимо. Въ этомъ Кинэ отдаетъ имъ должную честь. И хотя Франція во время первой имперіи и воображала, что она ни на что неспособна, и что спасена однимъ человѣкомъ, который далъ ей сводъ законовъ—но на самомъ дѣлѣ «Code Napoléon» взятъ изъ свода законовъ, издавнаго конвентомъ въ 1793 г., то-есть въ самое бурное для Франціи время.

Мнѣніе нѣкоторыхъ, что большая часть членовъ конвента дѣйствовала во имя социализма и даже коммунизма, Бодо опровергаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующими словами: «Мы такъ мало понимали о социалистическихъ и коммунистическихъ ученіяхъ, что когда Бабефъ явился съ своею коммунистическою теоріею, его тотчасъ же схватили и отправили на гильотину. Намъ все это казалось бреднями сумасшедшаго, желаніемъ произвести безпорядки, и только въ двадцатыхъ годахъ, когда Буанаротти изложилъ всю систему Бабефа въ своихъ мемуарахъ, я убѣдился, что это было, хотя и утопическое, но все-таки систематическое ученіе, а не одни бредни».

Жирондисты пали; за ними вскорѣ послѣдовали Дантонъ и Демуленъ, показавшіеся Робеспьеру слишкомъ умѣренными террористами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ сильными его противниками. Со смертію дантонистовъ, казалось, не оставалось болѣе людей, которыхъ Робеспьеръ могъ считать своими противниками. Онъ явно клонилъ къ тому, чтобы забрать всю власть въ свои руки. Но онъ былъ понятъ людьми, которыхъ ни во что не цѣнилъ; эти-то, до сихъ поръ незамѣтные, молчаливые члены конвента осмѣлились поднять свой голосъ; осмѣлились его обви-

нять и вмѣстѣ съ С.-Жюстомъ и нѣкоторыми его приверженцами приговаривали къ смертной казни. На ту же плаху пришлось имъ сложить свои головы, на которой погибли тысячи по ихъ приговору. Реакція, замѣчаетъ Кинё, началась съ того, что конвентъ объявилъ конецъ террору и... смерть террористамъ. Преслѣдованія послѣднихъ составляли собою тотъ же терроръ. Во время реакціи и директоріи парижане до того обрадовались прекращенію этой бойни своихъ гражданъ, что со свойственнымъ имъ легкомысліемъ выбросили изъ головы всякій интересъ къ дѣламъ государства и не заботились болѣе ни о чемъ, кромѣ веселья. Салоны г-жъ Рекамье и Талиенъ были для нихъ уютнымъ убѣжищемъ.

Такое равнодушіе націи къ дѣламъ государства, при слабости директоріи и славѣ французскаго оружія въ Европѣ и Египтѣ, при желаніи большинства подчиниться какому бы то ни было деспотизму, лишь бы онъ имъ гарантировалъ миръ и спокойствіе—дѣлало ее легкою добычею для всякаго, кто-бъ только ни пожелалъ ею воспользоваться; для этого нужно было только имѣть извѣстную долю смѣлости, хитрости и популярности. Популярность, въ эту траги-комическую эпоху, во Франціи могъ приобрести развѣ прославившійся на военномъ поприщѣ. Это понялъ Бонапарте. Послѣ побѣды при Арколѣ, онъ увѣровалъ въ свою путеводную звѣзду, которая даже въ самую критическую минуту сраженія его не оставила. Въ своей корреспонденціи съ директоріей, онъ съ этого же дня сталъ относиться къ ней свысока, en maître. — Къ тому же, эмиграціею дворянъ и продажею за безцѣнокъ ихъ имѣній воспользовались очень многіе, и когда во время директоріи стало ясно, что дѣло революціи пало, что республика доживала послѣдніе дни свои, то эти новыя собственники благопріобрѣтенныхъ имуществъ, которыхъ ни преданія, ни родъ не привязывали къ почвѣ, боялись лишиться вновь пріобрѣтенныхъ земель и, потому, домогались таковой власти, которая бы упрочила за ними эти имущества. Кинё говоритъ: «Они искали глазами убѣжища, въ которомъ могли бы припрятать свою добычу». Вотъ до чего довель Францію терроръ — иначе и быть не могло. Даже лучшіе люди, какъ, на примѣръ, извѣстный ученый, другъ и врачъ Мирабо, Кабанисъ, видѣлъ въ Наполеонѣ единственное спасеніе Франціи. Интересна характеристика имперіи и консульства, которую Кинё выражаетъ въ двухъ словахъ. Онъ говоритъ: «Le mot d'ordre du Consulat et de l'Empire était: *oublions tous cela!*» Только при Наполеонѣ — заключаетъ авторъ — поняли французы, что терроръ не могъ создать гражданъ, а развѣ только рубагъ.

Мы далеки от той мысли, что Кинё удалось сказать последнее слово объ этомъ всемірно-знаменательномъ историческомъ фактѣ; напротивъ, мы думаемъ, что сочиненіе его вызоветъ десятки другихъ изслѣдователей, которые еще болѣе разъяснятъ намъ этотъ интересный фактъ. Но чтò принадлежитъ Кинё по праву, такъ это—безпристрастіе, съ которымъ онъ анализируетъ дѣйствія различныхъ партій и лицъ, даже тѣхъ, которымъ онъ явно не симпатизируетъ. Мемуарами Бодо онъ воспользовался какъ нельзя лучше и бросилъ новый свѣтъ на многіе факты. Къ тому же оба тома написаны такимъ живописнымъ и увлекательнымъ языкомъ, что читаются легко, какъ художественный романъ.

Въ заключеніе повторимъ, что съ Кинё можно не соглашаться, но нельзя не цѣнить искренность его убѣжденій и добросовѣстность, съ которою онъ выполнилъ задачу; и мы увѣрены, что предлагаемое его сочиненіе займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ нашего времени.

Михаилъ Вивлломанъ.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

ХІ.

Въ церкви.

Часа три спустя, Саксенъ сидѣлъ одинъ за органоу, въ маленькой церкви на горѣ. Одной рукой онъ поддерживалъ голову, а другая лежала на клавишахъ. На пиюитрѣ виднѣлась пожелтѣвшая, изорванная тетрадь Палестриновой мессы; но глаза Саксена были обращены на дверь и мысли его были далеко. Онъ игралъ полчаса или часъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ все думалъ тяжелую думу, такъ что даже забылъ при маленькаго, рыжаго мальчишку, который передъ тѣмъ работалъ для него мѣхами, а теперь спалъ прижавшись къ стѣнкѣ органа.

Церковь была маленькая, простенькая съ чисто-выбѣленными стѣнами, съ почернѣвшими отъ времени стропилами и сосновыми скамейками по обѣ стороны прохода. Пасторская каеэдра была также сосновая, самой грубой работы и единственнымъ украшеніемъ церкви была надпись надъ алтаремъ, которая громадными, золотыми буквами гласила: «Гдѣ Богъ, тамъ свобода». Органъ былъ изъ стариннаго почернѣвшаго дуба, съ бѣлыми костяными клавишами и съ полусломаннымъ ангеломъ наверху. Вообще все въ этой церкви отличалось самой грубой простотой и совершеннымъ отсутствіемъ архитектурной красоты. Не было красоты внутри нея, но за то снаружи красота окружала ее со всѣхъ сторонъ, ибо въ отворенныя окна и двери виднѣлись нескончаемыя Альпы и великолѣпные сосновые лѣса.

Былъ уже часъ пополудни, когда Саксенъ сидѣлъ такимъ образомъ за органоу, поджидая своего родственника. Какъ имъ видѣли, онъ былъ погруженъ въ глубокую думу и сердце его

тревожили безпокойныя мысли: зачѣмъ его удалили отъ бесѣды дяди съ лондонскимъ родственникомъ? зачѣмъ дяди, который до сихъ поръ, казалось, жилъ съ нимъ душа въ душу, сталъ что-то тантъ отъ него?

Кромѣ того его мучили и другіе вопросы, которые онъ не могъ себѣ не задать, но отвѣчать на которые было очень трудно. Что былъ за человѣкъ этотъ Вильямъ Трефольденъ, и дѣйствительно ли онъ нравился ему, Саксену? Онъ самъ этого хорошенько не зналъ. Ему казалось, онъ былъ почти увѣренъ, что новый родственникъ дѣйствительно ему нравился. Можетъ быть, сегодня онъ ему не такъ нравился, какъ вчера. Но отчего? Неужели онъ начинаетъ питать къ нему какое-то подозрительное недовѣріе? Нѣтъ, это было невозможно. Саксенъ былъ слишкомъ благороденъ и чистосердеченъ, чтобъ кого нибудь подозрѣвать, и онъ краснѣлъ бы отъ одной мысли, что могъ не довѣрять человѣку, который съ нимъ такъ любезно обходился. Однако, отчего же онъ былъ въ такомъ странномъ расположеніи духа: онъ и на органѣ игралъ гораздо хуже, чѣмъ обыкновенно, и самая музыка казалась ему не столь пріятной, какъ бывало. Неужели его такъ смущали новыя для него идеи Вильяма Трефольдена? Неужели онъ потрясли всѣ его старыя убѣжденія о добрѣ и злѣ? Или онъ самъ былъ въ это утро не такъ доволенъ міромъ, и своей жизнью, какъ всегда? Какъ бы то ни было, но исторія двадцати франковъ также не могла быть легко забыта. Онъ думалъ, думалъ, и приходилъ все къ тѣмъ же заключеніямъ: что ему нравился его новый родственникъ и что правъ или неправъ Вильямъ Трефольденъ въ своихъ понятіяхъ о богатствѣ, а онъ, Саксенъ, бѣденъ и долженъ мириться съ своимъ положеніемъ, какъ дѣлали до него дѣдъ и отецъ. Что же касается до Олимпіи Колонны, то будь она прекраснѣ Елены и патріотичнѣ Камиллы, ему все-таки до нея не было никакого дѣла. Онъ съ гордостію воображалъ, что сердце его неувязимо.

Наконецъ въ дверяхъ показалась высокая фигура Вильяма Трефольдена.

— Мнѣ, право, совѣстно, Саксенъ, что я такъ долго заставилъ васъ ждать, сказалъ онъ:—вашъ отецъ ушелъ домой, и я полагаю, теперь уже поздно отправляться въ Куръ. Это органъ, о которомъ вы говорили, прибавилъ онъ неожиданно?

Саксенъ утвердительно махнулъ головой.

— Нечего сказать, важная штука, развѣ только на подтопку годится. Но какъ вы думаете?... Вѣдъ вы намѣрены подарить сюда новый органъ?

— Я надѣюсь, что церкви не придется ждать, пока я соберусь подарить ей органъ, отвѣчалъ Саксенъ, стараясь улыбнуться.

— Но я говорю серьезно. Такъ какъ же вы думаете — купить органъ въ Женевѣ или выписать прямо изъ Парижа?

— Чтò вы хотите этимъ сказать! воскликнулъ Саксенъ, и сердце его тревожно забилось, хотя самъ онъ не зналъ, отчего.

Трефольденъ пристально взглянулъ на него, и положивъ руку ему на плечо, торжественно произнесъ:

— Вотъ чтò я хочу сказать, Саксенъ: черезъ три или четыре недѣли вы будете богатымъ человѣкомъ, очень богатымъ, въ десять разъ богаче графа Плана и другихъ здѣшнихъ аристократовъ.

— Я... богатъ... богаче чѣмъ... я ничего не понимаю! промолвилъ Саксенъ.

— Это истинная правда.

— Но дядя...

— Вашъ дядя это знаетъ и зналъ прежде, чѣмъ вы родились. Онъ именно и просилъ меня рассказать вамъ исторію вашего наслѣдства.

Саксенъ схватился руками за голову и отвернулся отъ Трефольдена.

— Нѣтъ, не теперь, не здѣсь, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — я... такъ удивленъ, такъ испуганъ. Оставьте меня одного на нѣсколько минутъ, я васъ тотчасъ догоню на кладбищѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Трефольденъ и пошелъ къ двери, но Саксенъ бросился за нимъ и остановилъ его за руку.

— погодите, воскликнулъ онъ, и указывая на плиту между органомъ и дверью, прибавилъ поспѣшно: — а онъ также зналъ?

На плитѣ было вырѣзано имя отца его, Саксена Трефольдена, и день его смерти.

— Вашъ отецъ зналъ точно такъ же объ этомъ наслѣдствѣ, какъ и вашъ дядя, отвѣчалъ Трефольденъ серьезно: — оно даже принадлежало бы не вамъ, а ему, еслибъ онъ былъ еще въ живыхъ.

Саксенъ отвернулся, тяжело вздохнувъ, а Вильямъ Трефольденъ вышелъ изъ церкви.

Оставшись одинъ, молодой человѣкъ закрылъ лицо руками и слезы потекли градомъ по его щекамъ.

— Боже! помоги мнѣ, воскликнулъ онъ: — чтò я буду дѣлать! я такъ молодъ, такъ неопытенъ, такъ недостойнъ нести столь тяжелую отвѣтственность. Боже! помоги мнѣ и научи меня, какъ во благо употребить это богатство!

Онъ опустился на колѣни, подлѣ органа и сталъ горячо молиться.

XII.

НА ТЕРРАСѢ ВЪ КАСТЕЛЬТАУЕРСѢ.

Театръ дѣйствій—широкая, мощная терраса съ широкой же балюстрадой и массивными вазами изъ терракоты. На заднемъ планѣ возвышается старинный замокъ елисаветинской эпохи, красный кирпичный, съ узорчатыми шпицами на высокой кровлѣ, съ рѣзными гербами на фронтонахъ и съ золочеными флюгарками, блестящими на солнцѣ. Впереди отъ подножья террасы простирается громадный тѣнистый паркъ, пересѣваемый журчащимъ ручейкомъ и богатый многими, уже полусгнившими дубами, насаженными во времена реставраціи Ствартовъ. Далѣе виднѣются зеленныя поля, сосновыя рощи, а на небосклонѣ снѣгутъ высокія горы. На террасѣ стоятъ двое мужчинъ и одна женщина, борющаяся изъ рукъ блестяшаго нестраго павлина. *Время дѣйствій*—второе апрѣля, теплое солнечное утро, *мѣстность*—графство Сурей въ Англіи, *помѣстье*—Кастельтауерсъ.

— Какое лестное вниманіе вы оказываете этой птицѣ, синьора Колонна, сказалъ одинъ изъ мужчинъ, очень высокаго роста и воинственнаго вида, съ большимъ шрамомъ поперегъ лба, и съ легкой просѣдою въ густыхъ бакенбардахъ и бородахъ:—она всегда отличалась чванствомъ и злостью, но со времени вашего пріѣзда, къ ней и не подходитъ—такъ она возгордилась! Но берегитесь, я не могу видѣть безъ страха вашу ручку близъ ея злого мюва.

— Не бойтесь за меня, майоръ Воанъ, отвѣчала синьора:— и пожалуйста не будьте несправедливы къ Сарданапалу; онъ совершенно измѣнился и нѣженъ, какъ голубокъ, со мною.

— Вы очень хорошо сдѣлали, что прибавили послѣднее условіе, синьора, потому что мы всё можемъ засвидѣтельствовать, какъ вашъ любимецъ вымещаетъ свою злобу на другихъ, въ вашемъ отсутствіи. Напримѣръ, съ часъ тому назадъ онъ съ яростью напалъ на мою Гюльнару, и еслибъ я не прибѣгалъ въ время, и моя лошадь не отличалась бы рѣдкимъ самообладаніемъ, то, конечно, между ними произошла бы опасная борьба.

— Неужели? Вы заставляете меня еще больше гордиться моею побѣдой.

Офицеръ пожалъ плечами.

— Фи! что значить одна лишняя медаль герою сотней битвъ, сказалъ онъ.

— Вы ужь слишкомъ стали расточать комплименты, майоръ Воанъ.

— Любезности Воана всегда пахнутъ порохомя, произнесъ со смѣхомъ второй мужчина, стоявшій все это время молча, опершись на балюстраду.

— Que veux tu mon cher? человекъ не можетъ сбросить съ себя двадцатилѣтнюю привычку, точно такъ же, какъ онъ не можетъ уничтожить загара съ своего лица.

Синьора Колонна взглянула на него, принимаясь кормить попугая на своей ладонѣ.

— Мнѣ тѣмъ болѣе по сердцу ваши комплименты, майоръ Воанъ, что, какъ выражается лордъ Кастельтауерсъ, они пахнутъ порохомя; вы знаете, какъ мнѣ близокъ этотъ запахъ. Не забывайте этого.

— Я не люблю объ этомъ помнить, отвѣчалъ офицеръ, задумчиво крутя свой усъ.

— И я также, прибавилъ лордъ Кастельтауерсъ вполголоса.

— Отчего? воскликнула синьора, вспыхнувъ: — развѣ это не омиамъ итальянской свободы?

— Хорошо, я съ вами не спорю, но этотъ омиамъ слишкомъ грѣшитъ, чтобъ дамы дышали имъ иначе, какъ издали.

— Но не тогда, когда онъ могутъ принести пользу въ самомъ храмѣ, отвѣчала синьора Колонна съ гордой улыбкой: — но довольно теоретическихъ отступленій; скажите, дѣйствительно Сарданапалъ набросился на вашу Гюльнару безъ всякаго вызова съ ее стороны?

— Да, дѣйствительно.

— Странно, что онъ можетъ быть такъ дикъ повременамъ.

— Еще страннѣй, что онъ можетъ быть иногда такъ смиренъ и послушенъ, какъ теперь. Я полагаю, синьора Колонна, что у васъ есть какой-нибудь талисманъ, которымъ вы можете приручить самаго дикаго звѣря.

— Можетъ быть, у меня и есть талисманъ; но въ такомъ случаѣ, могу ли я указать на васъ, какъ на примѣръ его успѣшнаго вліянія?

Майоръ Воанъ поклонился низко, почти до земли.

— О! дочь солнца и любви, сказалъ онъ съ смѣшной торжественностью: — глава раба твоего у ногъ твоихъ.

Испуганный ли поклономъ майора, или неожиданнымъ громкимъ звономъ колокола, призывавшаго всѣхъ обитателей Кастельтауерса къ завтраку, Сарданапалъ закинулъ назадъ голову, и огласилъ воздухъ свирѣпымъ крикомъ. Синьора Колонна быстро отдернула руку, и бросила на землю остатокъ пирожка, которымъ

она кормила павлина. Лордъ Кастельтауерсъ замѣтилъ движеніе ея руки, и поспѣшно бросился къ ней:

— Я надѣюсь, что гадкая тварь васъ не укусила.

Она уже обвернула свою руку платкомъ, и медленно шла къ дому, словно ничего не случилось; но какая-то дрожь была замѣтна въ ея улыбкѣ, когда она отвѣтила:

— Очень слегка, благодарствуйте. Но пожалуйста не сердитесь на Сарданапала, онъ вѣдь не хотѣлъ мнѣ сдѣлать вреда.

— Не хотѣлъ! злобно воскликнулъ молодой человекъ: — я его выучу другой разъ хотѣть. Позвольте мнѣ осмотрѣть вашу рану?

— Это ничего, только маленькая царапина.

Лордъ Кастельтауерсъ вдругъ вскрикнулъ отъ ужаса, увидавъ на землѣ кусокъ пирога, весь обрызганный кровью.

— Царапина этого не сдѣлаетъ. Ради-бога, Олимп... сньюора, позвольте мнѣ взглянуть на вашу рану.

— Право, ничего нѣтъ серьезнаго, но чтобъ вы не воображали себѣ ужасовъ, то вотъ посмотрите.

Краска, показавшаяся на лицѣ ея, теперь исчезла, и она была блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно. Она отвернула голову, ибо могла мужественно стерпѣть боль, но не выносила вида крови.

— Что такое? спросилъ майоръ Воанъ, который, отвернувшись въ сторону послѣ своего низкаго поклона, не видѣлъ что случилось.

— Подлая птица укусила сньюору Колонну, отвѣчалъ лордъ Кастельтауерсъ, съ нескрываемымъ волненіемъ: — посмотрите.

Хорошенькая, миленькая ладонь сньюоры была полуоткрыта, и ни одинъ изъ ея тонкихъ пальцевъ не дрогнулъ. Майоръ Воанъ осмотрѣлъ рану однимъ взглядомъ опытнаго, привычнаго къ этому дѣлу человека.

— Гм! некрасивый разрѣвъ, сказалъ онъ: — но все же не такъ дуренъ, какъ отъ штыка. Если вы, сньюора, послѣдуете за мной въ комвату, то я вамъ перевяжу рану самымъ лучшимъ образомъ. Вы и не подозреваете, какой я отличный хирургъ. Но пока, Кастельтауерсъ, дайте мнѣ что-нибудь, чѣмъ обвязать руку сньюоры.

Лордъ Кастельтауерсъ подаль свой платокъ, и быстро отвернувшись, сунулъ окровавленный платокъ Олимпіи себѣ въ карманъ. Молодая дѣвушка этого не замѣтила, но мрачное облако показалось на лицѣ майора Воана.

— Благодарствуйте, благодарствуйте, сказала Олимпія, когда перевязка была готова.

— Вы не должны благодарить меня прежде, чѣмъ я окончу работу, сньюора, отвѣчалъ майоръ, подавая ей руку: — мы съ вами

теперь пойдемъ въ комнату экономки, и достанемъ все, что намъ нужно, а вы, Кастельтауреръ, ступайе-на прямо въ вашей матушкѣ, и расскажите ей о случившемся, а то, я знаю, она не любитъ, когда ее заставляютъ ждать за завтракомъ.

— Правда. Это одна изъ особенностей моей матери. Я пойду, и все устрою. Что жъ касается до Сарданапала...

— Сарданапалъ долженъ быть прощенъ, прервала его Олимпія. Лордъ Кастельтауреръ покачалъ головой.

— Я прошу, произнесла молодая дѣвушка, но такимъ тономъ, словно не просила, а повелѣвала.

Молодой человекъ почтительно снялъ шляпу.

— Судъ приговорилъ подсудимаго къ смерти, сказалъ онъ съ теаральною торжественностью: — но такъ-какъ царица желаетъ воспользоваться своимъ правомъ помилованія, то судъ смягчаетъ наказаніе, и назначаетъ преступнику пожизненное заточеніе въ большой бесѣдѣ, въ концѣ итальянскаго сада.

Въ эту минуту раздался второй звонъ колокола, и только что приговоренный преступникъ, снова издавъ громкій крикъ, взмахнулъ своимъ величественнымъ хвостомъ, и торжественною поступью пошелъ по террасѣ. Молодые люди отправились всѣ вмѣстѣ къ дому.

XIII.

Родъ Кастельтаурерсовъ.

Джержвэзъ-Леопольдъ Винлифъ, графъ Кастельтауреръ, былъ пятый лордъ и послѣдній представитель своего рода. Онъ не былъ богатъ, но былъ очень хорошій, добрый человекъ. Онъ не имѣлъ никакихъ большихъ надеждъ въ жизни, но обладалъ довольно свѣтлымъ умомъ, довольно красивымъ лицомъ и юношеской энергіею, ибо ему было всего двадцать-самъ лѣтъ. Какъ въ жизни, такъ и въ политикѣ, онъ держался здравыхъ умѣренныхъ принциповъ; говорилъ пофранцузски какъ истый французъ, произнесъ одну успѣшную рѣчь въ палатѣ лордовъ, и наконецъ былъ неженатъ. При всѣхъ этихъ качествахъ, неудивительно, что лордъ Кастельтауреръ, несмотря на свое ограниченное состояніе, былъ въ послѣднее время предметомъ многихъ интригъ и ухаживаній дочерелюбивыхъ маменекъ. Если онъ до сихъ поръ не попалъ въ разставленные ему сѣти, то былъ обязанъ этимъ не своему благоразумію—такъ-какъ онъ влюблялся раза два или три—но судьбѣ, а можетъ быть и своей матери, леди Кастельтауреръ.

Молодой графъ обожалъ свою мать, которая до сихъ поръ сохранила еще свою красоту; высокаго роста, величественная, блѣдная, она напоминала чертами и цвѣтомъ лица воздвѣишіе портреты Маріи-Антуанеты. Только выраженіе ея было совершенно иное: грусть, нѣжность, женственность, дышавшія въ лицѣ несчастной королевы, нисколько не отражались въ спокойномъ, величественномъ лицѣ Адеіи, графини Кастельтауерсъ. Она, казалось, во всю свою жизнь никогда не испытала сильнаго ощущенія, словно ничто, ни любовь, ни ненависть, ни страхъ, ни горе, не могли пронзить ея сердца, какъ стрѣла не можетъ пронзить мраморной статуи. Хотя онѣ обѣ отличались чрезвѣчною гордостью, но гордость у нихъ выражалась совершенно различно: у Маріи-Антуанеты гордость была страстная, пламенная и выражалась въ ея улыбкѣ; у графини Кастельтауерсъ, она холодно блестяла въ глазахъ. Гордость дѣйствительно была главнѣйшимъ элементомъ всего ея существованія, той осью, вокругъ которой вертелись всѣ ея мысли, слова и дѣйствія. Она была богатая наслѣдница, дочь, жена и мать лордовъ, и происходила изъ древняго рода Гольм-Пирпойнтовъ, а извѣстно, что кровь Гольм-Пирпойнтовъ смѣшалась однажды съ кровью Пантагенетовъ, и два раза съ кровью Тюдоровъ. Графиня Кастельтауерсъ никогда не забывала всего этого, не только на яву, но, кажется, и во снѣ. Ея обращеніе и манеры дышали самой изящной любезностью и предупредительностью, но подъ всѣмъ этимъ скрывалась все та же гордость, бывшая, какъ мы уже сказали, основой всѣхъ ея чувствъ и дѣйствій.

Леди Кастельтауерсъ не любила своего мужа, но она любила своего сына на столько, на сколько это позволяла ея натура. Мужъ ея прожилъ все ея приданое впродолженіе пятилѣтней брачной ихъ жизни, оскорблялъ ее самымъ обиднымъ невниманіемъ, и наконецъ умеръ, оставивъ только долги и запятнанное имя. Сынъ, напротивъ, обожалъ ее и поклонился ей съ самой колѣбели. Съ того самаго дня, какъ она его родила, она не имѣла ни разу причины быть имъ недовольной. Ребѣнкомъ онъ думалъ, что на божьемъ свѣтѣ не было прекраснѣе и благороднѣе существа, чѣмъ она; возмужавъ, онъ не потерялъ своей вѣры въ нее, а привязанность его превратилась въ ту возвышенную любовь, которая соединяетъ въ себѣ рыцарскую преданность мужчины съ нѣжнымъ чувствомъ сына. Поэтому неудивительно, что та частица человѣческой слабости, которая выпала на долю графини, была вся сосредоточена на одномъ предметѣ. Пока онъ былъ еще очень молодъ, ея любовь къ нему была какъ-бы отдана на проценты, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ

состояніи ее опѣнить; когда же онъ возмужалъ, его жизнь сдѣлалась почти тождественна съ ея жизнью. Вся ея гордость и честолюбіе сосредоточивались теперь на немъ. Главнѣйшей цѣлью ея жизни сдѣлалась забота хорошо женить его, то-есть знатно и богато. Онъ долженъ занять видное мѣсто въ верхней палатѣ; долженъ сдѣлаться современемъ министромъ, и получить титулъ маркиза, которымъ герцогъ Йоркскій хотѣлъ наградить его отца, но встрѣтилъ слишкомъ сильное противодѣйствіе со стороны короля Георга IV. Леди Кастельтауерсъ твердо рѣшила въ глубинѣ своего сердца добиться всѣхъ этихъ благъ для своего сына, особенно же послѣднаго блага, то-есть титула маркиза. Она бы готова была отдать десять лѣтъ своей жизни, чтобъ увидѣть маркизскую корону на каретѣ сына, и всякое воскресенье, когда пасторъ молилъ небо услышать смиренныя прошенія его прихожанъ, графиня набожно повторяла въ своемъ сердцѣ: «Господи, сдѣлай моего сына маркизомъ».

Между тѣмъ, юный лордъ принималъ всѣ заботы матери объ удовлетвореніи ея гордости и честолюбія за чистую материнскую любовь. Онъ нисколько не думалъ о титулѣ маркиза, не находилъ большой прелести въ верхней палатѣ, и даже почти рѣшилъ въ своемъ умѣ, что никогда не приметъ на себя тяжелой отвѣтственности, соединенной со всякимъ официальнымъ мѣстомъ. Но онъ ни за что на свѣтѣ не выразилъ бы громко своихъ понятій, чтобъ не опечалить матери. Онъ даже иногда упрекалъ себя за недостатокъ честолюбія, и утѣшался всякій разъ тѣмъ, что онъ вскорѣ прочтетъ нѣсколько сочиненій по одному изъ животрепещущихъ финансовыхъ вопросовъ, и скажетъ свою вторую рѣчь въ палатѣ.

Изъ всѣхъ плановъ его заботливой матушки, ему всего болѣе не нравилось ея стремленіе женить его на богатой невѣстѣ. Его натура была нѣсколько романтическая, и онъ никакъ не могъ примириться съ мыслию поправить свое состояніе выгодной женитьбой. Онъ понималъ женитьбу только по любви.

Эта же сторона его романтической натуры побудила лорда Кастельтауерса принять самое живое участіе въ дѣлѣ итальянской свободы. Онъ былъ, или болѣе воображалъ себя, рыцаремъ демократомъ, любилъ приводить примѣры изъ жизни классическихъ республикъ, читалъ «Contrat Social», и ненавидѣлъ со всѣмъ жаромъ истаго англичанина тиранію во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ. Окруженный съ колебелю тройной стѣной консерватизма, онъ, можетъ быть, потому и предался съ такимъ жаромъ демократическимъ теоріямъ, что онѣ представляли для него всю прелесть запрещеннаго плода. Онъ, конечно, никогда не признался своей

матери въ своемъ сочувствіи республиканскимъ принципамъ, и конечно не сказалъ бы спасибо, еслибъ какой нибудь слишкомъ обязательный пріятель передалъ графини содержаніе тѣхъ пламенныхъ и часто очень краснорѣчивыхъ рѣчей, которыя онъ произносилъ на итальянскихъ митингахъ, въ самыхъ отдаленныхъ и неаристократическихъ частяхъ Лондона.

По всѣмъ вопросамъ внутренней политики, лордъ Кастельтауерсъ былъ, что называется, либеральнымъ консерваторомъ, но чуть дѣло касалось Италіи, то онъ дѣлался совершеннымъ *bonnet rouge*. Ему такъ же бы дико показалось проповѣдывать введеніе въ Англіи всеобщей подачи голосовъ, какъ учрежденіе рабства въ Венеціи; но онъ твердо вѣрилъ въ возможность успешнаго возрожденія великой римской республики. Его сочувствіе къ итальянскому дѣлу, быть можетъ, происходило отчасти оттого, что въ его юношескомъ умѣ еще было свѣжо то повлѣненіе, которымъ наши университеты обружаютъ латинскихъ героевъ, поэтовъ и историковъ. Кромѣ того, большое вліяніе имѣли на него путешествія по Италіи, странствія по знаменитымъ мѣстамъ Флоренціи и Рима, сопровождаемыя чтеніемъ Петрарки, Тасса, Данта, и романтическими приключеніями съ очаровательными, черноглазыми Джульеттами и Біанками. Но болѣе всего подѣйствовало на лорда Кастельтауерса то, что онъ зналъ съ ранней юности Джуліо Колонну, и такимъ образомъ напитался итальянскимъ патріотизмомъ прежде, чѣмъ былъ въ состояніи понять, что такое патріотизмъ. Привыкнувъ смотрѣть на синьора Колонну какъ на дальняго родственника и одного изъ самыхъ восторженныхъ друзей его матери, онъ слушалъ съ дѣтскимъ довѣріемъ всѣ проповѣди краснорѣчиваго защитника свободы, и еще самъ не понимая хорошенько значенія словъ, научился любить и уважать то, что для Джуліо Колонны было дороже самой жизни. Поэтому неудивительно, что молодой лордъ, возмужавъ, озабочался такимъ пламеннымъ другомъ итальянскаго дѣла; неудивительно, что онъ вѣрилъ всей душой и сердцемъ въ Джуліо Колонну и въ великую римскую республику.

Въ сущности не было никакого кровнаго родства между Кастельтауерсами и этою вѣтвью знаменитаго рода Колоннъ. Правда, одна мисъ Гольм-Пирпойнтъ вышла замужъ за князя Колонну, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, но отъ этого брака не было дѣтей. И однако, съ того времени между обоими семействами существовали дружескія отношенія. Колонны, въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, были великогѣнно принимаемы въ древнемъ сурейскомъ замкѣ, а леди Кастельтауерсъ провела очень весело нѣсколько недѣль въ албанской виллѣ князя Колонны.

Что же касается Джулио Колонны, то онъ былъ другомъ дома почти съ тѣхъ поръ, какъ Алеція Пирпойнтъ сдѣлалась графиней Кастельтауреръ, и въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ-какъ онъ былъ такимъ же другомъ ея отца. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которыхъ дружбой дорожила графиня, и быть можетъ одинъ на свѣтѣ пользовался ея полною довѣренностью. Къ нему обращалась она за совѣтомъ во время ея распрей съ мужемъ, съ нимъ совѣщалась о воспитаніи своего сына, въ его сочувствіи искала утѣшенія во всякой неудачѣ ея честолюбивныхъ плановъ. Она знала его съ самаго своего дѣтства, восхищалась его великими способностями, уважала его высокое происхожденіе, и слѣпо вѣрила въ его честность и благородство. Отчасти она питала уваженіе и къ его пламенному патриотизму, хотя, само собою разумѣется, она совершенно расходилась съ нимъ во мнѣніяхъ о демократизмѣ и республиканизмѣ.

— Въ отношеніи этого предмета, мой добрый другъ, синьоръ Колонна, часто говаривала она съ сожалѣніемъ:— одинаково глухъ, какъ къ голосу разсудка, такъ и къ голосу приличія. Онъ такъ напился классической исторіей своей страны, что не можетъ теперь отличить нуждъ полудикаго народа отъ нуждъ высоко образованнаго класса. Онъ не видитъ, что монархическая форма правленія есть самая подходящая и необходимая для настоящаго времени. Я очень жалю его и часто, очень часто представляла ему всевозможные доводы, чтобъ убѣдить его; но напрасно. Теперь ужъ я махнула рукой. Нельзя убѣдить человѣка, который нарочно затмываетъ уши и закрываетъ глаза, чтобъ не видѣть и не слышать истины.

Говоря это, леди Кастельтауреръ тяжело вздыкала и дѣйствительно махала рукой.

XIV.

Мать и сынъ.

— Такъ поздно и одинъ, Джервезъ, сказала леди Кастельтауреръ съ неудовольствіемъ:— колоколь къ завтраку прозвонилъ уже минутъ десять. Гдѣ-жъ наши гости?

— Простите, что заставилъ васъ дожидаться, сказалъ лордъ:— но вы сами пожалѣете, когда узнаете причину этой задержки. Сарданапалъ укусилъ синьору Колонну въ руку, и Воанъ пошелъ съ ней въ комнату мистрисъ Валькеръ, чтобъ перевязать ей рану. Я всегда говорилъ, что эта проклятая птица надѣлаетъ когда нибудь бѣду. А гдѣ Колонна?

— Въ своей комнатѣ, и вѣрно по обыкновенію не слышалъ звука. Но, рана у Олимпіи, надѣюсь, неопасная?

— Нѣтъ ничего опаснаго, но ей, конечно, бѣдной, больно.

— Нѣтъ ли необходимости въ моемъ присутствіи? холодно спросила графиня.

— Крайней необходимости нѣтъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Графиня сѣла за столъ и приказала лакею, подавшему кушанье, удалиться изъ комнаты.

— Я очень рада, сказала она:— что мы хотя нѣсколько минутъ останемся одни, Джервэзъ. Ты не знаешь, долго ли у насъ остается майоръ Воанъ?

— Я, право, не знаю, онъ ничего еще мнѣ не говорилъ о своемъ отъѣздѣ, и притомъ, у него теперь время свободное, значить ему некуда торопиться.

— Я думаю, намъ бы слѣдовало доставить ему какое нибудь развлеченіе, пока онъ въ Кастельтаурерсѣ.

— Я хотѣлъ то же самое вамъ замѣтить, матушка, отвѣчалъ Джервэзъ:— я пригласилъ нѣсколькихъ друзей, и жду на будущей недѣли Чарли Бургоина и Эдварда Брандона, но вѣдь этого мало, не дать ли намъ бала?

— Или сдѣлать праздникъ; но, кажется, еще слишкомъ рано по сезону чтобъ дѣлать праздникъ?

— И потомъ праздникъ страшно дорого стоитъ, замѣтилъ графъ со вздохомъ:— пожалуй, еще можно будетъ рѣшиться на такую штуку, когда соберемъ полугодовой доходъ; но теперь, право, страшно подумать, какъ у насъ мало денегъ. Я былъ вчера у нашего банкира, и повѣрите ли, что до середины лѣта, намъ придется жить на нѣсколько фунтовъ.

Графиня тяжело вздохнула и съ нетерпѣніемъ стала бить по столу своими аристократическими, тонкими пальцами.

— Скверно быть бѣднымъ! воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Да, бѣдное дитя мое, очень нехорошо.

— Еслибъ не продажа двухъ фермъ...

— Чтобъ выкупить имѣніе, заложенное твоимъ мотомъ-отцомъ, прервала его съ горечью графиня.

— Еслибъ не уплата этихъ денегъ, то мы находились бы теперь въ очень хорошемъ положеніи. Эти двадцать-пять тысячъ фунтовъ сдѣлали бы насъ богатыми людьми.

— То-есть, сравнительно богатыми, сказала графиня.

— Но что пользы хныгать и горевать, воскликнулъ лордъ Кастельтаурерсъ, стараясь весело улыбнуться:— мы бѣдны и должны съ этимъ помириться. Однако, все же мы должны, какъ бы то ни было, доставить нашимъ гостямъ какое нибудь развлече-

ніе. Подумайте объ этомъ хорошенько и, конечно, все, что вы придумаете и рѣшите, будетъ самымъ лучшимъ и подходящимъ. Я же съ своей стороны промислю какъ нибудь денегъ. Можетъ быть, Трефольденъ дастъ мнѣ займа сотенки двѣ.

— Онъ, кажется, на дняхъ наслѣдовалъ огромное состояніе?

— Нѣтъ, это не нашъ Трефольденъ, а какой-то его родственникъ. Я не знаю, право, хорошенько исторіи этого наслѣдства, но говорятъ, она очень интересна и романтична. Однако, это не мѣшаетъ и самому Трефольдену быть богатымъ человѣкомъ; онъ слишкомъ уменъ и ведетъ слишкомъ умѣренную жизнь, чтобъ не быть богатымъ. Во всякомъ случаѣ, это одинъ человѣкъ, у котораго я могу занять денегъ.

— Я не люблю, когда ты дѣлаешь долги, Джервэзъ, сказала леди Кастельтауреръ.

— Я также ненавижу долги, отвѣчалъ ей сынъ:— но вѣдь джентльменъ можетъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, занять маленькую сумму у своего стряпчача. Вѣдь это понастоящему и не заемъ.

— Ахъ! еслибъ мнѣ только тебя женить хорошо, со вздохомъ произнесла графиня.

Лордъ Кастельтауреръ пожалъ плечами.

— Ахъ! еслибъ мнѣ дожить до того дня, когда ты займешь въ странѣ мѣсто, принадлежащее тебѣ по праву рожденія и способностей! Я какъ-то на дняхъ говорила о тебѣ съ герцогомъ Дорчестерскимъ, и онъ полагаетъ, что скоро будетъ перемѣна въ министерствѣ. Если это правда и если онъ съ нѣкоторыми нашими друзьями войдетъ въ силу, то—*pour cepton!*

— Въ томъ-то и бѣда, что всегда тутъ примѣшиваются столько *еслибы*, сказалъ съ улыбкой Кастельтауреръ.

— Кстати, ты знаешь, что мисъ Гатертонъ, знаменитая, богатая мисъ Гатертонъ, гоститъ теперь въ Эльшам-Паркѣ. Если мы дадимъ праздникъ, то, конечно, мисъ Валькиншо привезутъ ее съ собою. Говорятъ, она имѣетъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ фунтовъ.

— Неужели? сказалъ лордъ Кастельтауреръ, очень хладнокровно.

— И она, говорятъ, очень хороша собой.

— Неужели? повторилъ молодой человѣкъ тѣмъ же тономъ.

Графиня взглянула на сына, но тотъ обернулся къ окну.

— Мнѣ кажется, майоръ Воанъ очень ухаживаетъ за Олимпіей, сказала графиня.

— За... синьорой Колонной! произнесъ лордъ съ невольнымъ смущеніемъ:— это невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Оттого... но я, право, не знаю, отчего, только это, кажется, такъ невѣроятно!

— Отчего жъ невѣроятно? спросила графиня съ холоднымъ упорствомъ.

— Отчего... да очень просто. Воанъ не женихъ, онъ не имѣетъ почти никакихъ средствъ, кромѣ своего жалованья... и... и потому они такъ не подходятъ другъ къ другу, совершенно не подходятъ — ни вкусами, ни годами, ни характерами.

Молодой человѣкъ говорилъ поспѣшнѣе и съ явнымъ волненіемъ.

— Я несогласна съ тобою, Джервэзъ, сказала леди Кастельтауерсъ: — я увѣрена, что майоръ Воанъ охотно женился бы на Олимпіи. Онъ вовсе не старъ, ему не болѣе сорока лѣтъ, и если онъ имѣетъ лишь нѣсколько сотенъ фунтовъ въ годъ, кромѣ своего жалованья, то все же онъ богаче отца Олимпіи. Кромѣ того, онъ отличный, храбрый офицеръ, а если Колонна не ошибается въ своихъ надеждахъ, то храбрый офицеръ теперь дороже денегъ, для итальянскаго дѣла.

Лордъ Кастельтауерсъ продолжалъ стоять у окна, устремивъ взоръ на отдаленныя горы, и ничего не отвѣчалъ на слова своей матери.

— Онъ тебѣ ничего не говорилъ на этотъ счетъ? спросила леди Кастельтауерсъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Впрочемъ, зачѣмъ ему было бы и говорить?

— Дѣйствительно, невзачѣмъ. Но вотъ и письма, а вслѣдъ за ними идутъ наша пациентка и ея докторъ.

Леди Кастельтауерсъ поспѣшила выразить Олимпіи свое сожалѣніе и участіе, но молодая дѣвушка подыала на смѣхъ свое приключеніе. Майоръ Воанъ почтительно поклонился графинѣ, которая радушно протянула ему руку, послѣ чего всѣ ушли за столъ.

— Вотъ, какъ всегда, дѣлая кипа писемъ Колоннѣ, сказалъ лордъ Кастельтауерсъ, сортируя полученныя письма: — одна, двѣ, три надушенные записочки майору Воану. Два письма вамъ, матушка, и только одно мнѣ, и какое еще некрасивое, вонвертъ большой, грубый, офиціальныя.

— Онъ какъ будто пахнетъ Бонд-Стритомъ, сказалъ майоръ Воанъ, который не оправился еще отъ смущенія, пріятнаго ему шуткой Кастельтауерса о надушенныхъ письмахъ.

— Скажите лучше, что оно пахнетъ Чансерн-Лэномъ, отвѣчалъ лордъ Кастельтауерсъ, распечатывая письмо: — а Чансерн-Лэвъ на столько хуже Бонд-Стрита, на сколько Ньюгетъ хуже суда Королевной-Скамьи.

— Вонд-Стритъ и Ченсери-Лэнь, Ньюгетъ и судъ Королевинной-Скамьи, повторила синьора Колонна: — какія все странныя слова. Чтò это значить?

— Я полагаю, сказала леди Кастельтауреръ: — что майоръ Воанъ думаетъ, что это письмо отъ портного, или кого-нибудь въ этомъ родѣ; тогда какъ оно въ сущности отъ страпчаго моего сына, мистера Трефольдена.

— Я видѣла мистера Трефольдена, нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Швейцаріи, замѣтила синьора Колонна.

— Въ Швейцаріи! съ удивленіемъ воскликнулъ лордъ Кастельтауреръ.

— И онъ уполномочилъ меня внести его имя въ списокъ членовъ нашего главнаго комитета.

— Вотъ чудеса! воскликнулъ еще съ бôльшимъ удивленіемъ Кастельтауреръ.

— Отчего чудеса? развѣ мистеръ Трефольденъ прежде не сочувствовалъ итальянскому дѣлу? спросила леди Кастельтауреръ.

— Мистеръ Трефольденъ, милая матушка, никогда не сочувствуетъ и не порицаетъ общественнаго движенія. Сама природа, кажется, устроила такъ, что онъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, онъ или очень легкомысленный, или очень самолюбивый человекъ, сказала леди Кастельтауреръ.

— Послѣднее не подлежитъ никакому сомнѣнію; онъ чрезвычайно умный человекъ, и вѣроятно придетъ день, когда онъ выразитъ свои политическія мнѣнія; но будьте увѣрены, что и тогда онъ будетъ дѣйствовать только ради своихъ интересовъ, чтобъ проложить себѣ дорогу въ шерстяному мѣвку лорда-канцлера.

— Я очень рада, что это только предположеніе, а не дѣйствительная оцѣнка характера мистера Трефольдена, сказала Олимпія.

— А развѣ онъ вамъ нравится? спросилъ поспѣшно майоръ Воанъ.

— Я не могу сказать, чтобъ онъ мнѣ нравился или не нравился; но если то, чтò вы говорите, справедливо, то я никогда ему болѣе не скажу ни слова.

Въ эту минуту, въ комнату вошелъ синьоръ Колонна, и поспѣшно поздоровавшись со всѣми, бросилъ жадный взглядъ на книгу писемъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, сказалъ онъ: — я, кажется, опоздалъ? Рессачи. Я не слыжалъ звонка. Простите, пожалуйста, добрая леди Кастельтауреръ. Чтò новенькаго? А вы раненько нынче поднялись, майоръ Воанъ; я видѣлъ, какъ вы сѣли на лошадь въ шесть часовъ утра. Почта, кажется, пришла большая; я вижу громадное количество писемъ.

Съ этими словами, онъ сѣлъ къ столу, и погрузился въ чтеніе полученныхъ писемъ и документовъ.

— Трефольденъ извиняется, матушка, что онъ до сихъ поръ не прѣехалъ, сказалъ лордъ Кастельтауреръ: — но его удержали дѣла его родственника, который получилъ наслѣдство въ четыре или пять милліоновъ.

— Человѣкъ, который наслѣдуетъ четыре или пять милліоновъ, не имѣетъ права жить! воскликнулъ майоръ Воанъ: — ибо онъ оскорбляетъ своимъ существованіемъ всѣхъ окружающихъ его.

— А еслибъ вмѣсто мужчнина — этотъ богатый наслѣдникъ былъ бы женщина, тогда что? спросила синьора Колонна.

— Тогда бы я, конечно, приговорилъ ее тотчасъ выйдти замужъ.

— Не безпокойтесь, тогда бы ужъ самъ Трефольденъ не далъ маху, воскликнулъ со смѣхомъ лордъ.

— Я, право, не понимаю, о чемъ вы толкуете, сказала леди Кастельтауреръ: — кто наслѣдовалъ милліоны: родственникъ или родственница Трефольдена?

— Увы! родственникъ.

— Я увѣренъ, что онъ какой-нибудь толстый, отвратительный уродъ, сказалъ майоръ Воанъ.

— И плебей, прибавила леди Кастельтауреръ, съ презрительной улыбкой.

— И отсталый, замѣтила Олимпія.

— Да ужъ какъ тамъ хотите, отвѣчалъ лордъ: — а онъ такъ богатъ, что будь онъ глупѣе и безобразнѣе Калибана, общество приняло бы его съ распростертыми объятіями, и первая красавица въ королевствѣ съ радостью отдала бы ему руку и сердце! А какъ думаетъ наше почтенное общество, не пригласить ли намъ въ Кастельтауреръ этого милліонера недѣльки на двѣ или хотъ на одну, и поклониться новому, золотому тельцу?

— Ни за что на свѣтѣ! воскликнула Олимпія; но она одна отвѣчала, а другіе всѣ молчали.

Вскорѣ завтракъ былъ оконченъ, и все общество разошлось въ различныя стороны. Молодой лордъ пошелъ въ конюшню, майоръ Воанъ въ бильярдную, Олимпія отправилась въ свою комнату, а леди Кастельтауреръ и Колонна вышли погулять въ садъ, подъ окнами столовой.

— О какомъ это милліонерѣ говорили за завтракомъ? спросилъ съ живостью Колонна.

— Саго amico, вы знаете столько же, какъ и я, отвѣчала леди Кастельтауреръ: — онъ родственникъ нашего странчаго, мистера Трефольдена, чрезвычайно приличнаго и образованнаго

человѣка. Что же касается состоянія, то говорятъ, оно на-
ростало впродолженіе двухсотъ лѣтъ, но все это, вѣроятно, сказки.

— Отъ четырехъ до пяти милльионовъ! произнесъ Колонна,
богѣе про себя, чѣмъ вслухъ: — чего бы не могъ сдѣлать другъ
Италіи съ такимъ состояніемъ?

Леди Кастельтауреръ улыбнулась.

— *Sempre Italia*, сказала она.

— *Sempre Italia*, повторилъ онъ, почтительно снимая шляпу: —
пока я живу, леди Кастельтауреръ, пока я живу *Sempre Italia*.

Они дошли до конца аллеи, и повернувъ, хотѣли возвратиться
къ дому, какъ вдругъ Колонна, схвативъ съ жаромъ руку леди
Кастельтауреръ, произнесъ поспѣшно:

— Я бы хотѣлъ видѣть этого человѣка. Не одну тысячу ре-
крутовъ навербовалъ я для Италіи, но всѣ они могли только
пожертвовать своею жизнью, и пожертвовали ею. Но въ нашемъ
дѣлѣ деньги такъ же нужны, какъ кровь. Еслибъ мы имѣли въ
прошломъ году милльионъ, только одинъ милльионъ—Италія была
бы уже свободна!

— А! вы хотите, чтобъ я вамъ помогла, чтобъ Джервезъ
привезъ этого господина сюда? Не такъ ли?

— Именно.

— Чтò жь? я думаю, это можно устроить.

— Гм! я увѣренъ, что можно, отвѣчалъ Колонна.

— И это приведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ.

— Да, вѣроятно.

— Я знаю, вы производите на людей просто магическое влія-
ніе; а если нашъ милльионеръ окажется молодымъ и впечатли-
тельнымъ человѣкомъ...

Она остановилась, какъ-бы колеблясь, не зная, продолжать
ей, или нѣтъ. Онъ взглянулъ на нее, и глаза ихъ встрѣтились.

— Олимпія такъ прекрасна, такъ очаровательна! сказала она,
улыбаясь.

— Я уже думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Колонна.—Олимпія, вы
знаете, никогда не выйдетъ замужъ за человѣка, который не по-
святитъ бы Италіи и душу и тѣло.

— И кошелекъ! прибавила спокойно леди Кастельтауреръ.

— И кошелекъ, разумѣется, отвѣчалъ Колонна, значительно
просіявъ.

— Въ такомъ случаѣ, мой старшій другъ, я сдѣлаю ради васъ
все, чтò могу, сказала очень нѣжно леди Кастельтауреръ.

— А я сдѣлаю все, чтò могу, ради нашего дѣла. Богу извѣстно,
Алеція, что я все это дѣлаю только для Италіи; Богу извѣстно,

как чиста моя душа, и что нѣтъ въ ней ни одной эгоистичной, тщеславной мысли.

— Я увѣрена въ этомъ.

— Имѣй я въ своемъ распоряженіи хоть половину этихъ четырехъ или пяти милліоновъ, цѣль, которой я посвятилъ всю свою жизнь и жизнь моего единственнаго ребенка, была бы достигнута. Слышите, Алеція, эта цѣль была бы достигнута!

— И будетъ достигнута, amico mio, если моя помощь можетъ принести какую-либо пользу. Я поговорю тотчасъ съ Джервезомъ, и онъ пригласитъ къ намъ мистера Трефольдена и его родственника.

— Дорогой, лучший мой другъ, промолвилъ итальянецъ, взявъ протянутую ему руку, и съ благодарностью пожимая ее.

— Но смотрите, ни слова сыну о томъ, что мы говорили. У него свои понятія о гостепримствѣ — вы понимаете?

— Да, вы совершенно правы.

— Ну, такъ теперь прощайте, на время.

— Adio.

Графиня медленно пошла къ дому, погруженная въ глубокіи размышленія о томъ, какъ бы ей женить сына на богатой наследницѣ, а Олимпію Колонну спустить Савсену Трефольдену.

XV.

САКСЕНЪ ДАЕТЪ ПЕРВУЮ ЧЕКУ.

У одного изъ окошекъ роскошнаго отеля въ Пинадли стоялъ молодой человекъ, высокаго роста, и постукивая пальцами по зеркальнымъ стекламъ, смотрѣлъ лѣниво на шумную, многолюдную улицу. Было два часа пополудни, и блестящая улица представляла самое веселое, пестрое зрѣлище; но лицо молодого человека нисколько не выражало, чтобъ онъ принималъ участіе въ общей веселости. Напротивъ, его выраженіе было столь мрачно и недовольно, какъ только можетъ быть мрачно и недовольно такое счастливое и открытое лицо. Роскошные экипажи, быстро смѣняющіе другъ друга, и пестрая толпа, казалось, не обращали на себя его вниманія. Онъ зѣвалъ, поглядывалъ каждую минуту на часы, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, и снова возвращался къ окну. Подлѣ, на столѣ, лежало нѣсколько книгъ, бинокль и двѣ газеты; но ни одна изъ книгъ не была разрѣзана, а газеты были нетронуты. Находясь въ какомъ-то нервномъ, безпокойномъ состояніи, молодой человекъ не могъ ни читать, ни думать, а только нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, на улицѣ послышался шумъ подъѣзжающаго экипажа, и молодой человекъ бросился на лестницу, встрѣчать пріѣхавшихъ. Это были лордъ Кастельтауерсъ и Вильямъ Трефольденъ.

— Какъ я радъ, что вы наконецъ-то пріѣхали! воскликнулъ молодой человекъ: — я уже такъ давно васъ поджидаю.

— Мы опоздали не болѣе минутъ двадцати, отвѣчалъ Вильямъ Трефольденъ съ улыбкой.

— Но здѣсь такъ скучно!

— Вотъ я привезъ вамъ гостя, продолжалъ Вильямъ Трефольденъ: — лордъ Кастельтауерсъ, позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ родственникомъ, Саксеномъ Трефольденкомъ. Саксенъ, лордъ Кастельтауерсъ такъ любезенъ, что выразилъ желаніе съ тобою познакомиться.

Саксенъ пожалъ руку лорда.

— Благодарствуйте, сказалъ онъ: — очень признателенъ за ваше любезное посѣщеніе.

— Я удивляюсь, что вамъ здѣсь скучно, мистеръ Трефольденъ! сказалъ лордъ Кастельтауерсъ, взглянувъ въ окно.

— Я нахожу весь Лондонъ очень скучнымъ, отвѣчалъ Саксенъ.

— Могу я спросить, сколько времени вы здѣсь?

— Съ недѣлю.

— Такъ вы еще не имѣли времени осмотрѣться, и составить себѣ вѣрнаго понятія о Лондонѣ.

— Я знаю только, что я здѣсь чувствую себя совершенно несчастнымъ, чего еще со мной не бывало во всю мою жизнь. У меня голова идетъ кругомъ отъ всего этого шума и движенія. Я ничего не могу ни думать, ни дѣлать; я не могу ни на что рѣшиться, ничего сообразить. Возьму книжку — ничего не понимаю; выйду на улицу — заблужусь; открою окошко, чтобъ подышать воздухомъ — и вмѣсто воздуха дышу какимъ-то смрадомъ и дымомъ. Право, я не дышалъ хорошо и свободно съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда.

— Нечего сказать, нашъ современный Вавилонъ не сдѣлалъ на васъ пріятнаго впечатлѣнія.

— Мой родственникъ почти еще ничего не видалъ, кромѣ Чансери-Лэна, замѣтилъ Вильямъ Трефольденъ: — всѣ эти дни мы вводили его во владѣніе, и таскали его по различнымъ судамъ и банкамъ.

— Что жъ, это отличное начало для близкаго знакомства съ лондонскою жизнью.

— Еще бы, англійскій банкъ — первое зданіе во всемъ городѣ, прибавилъ странчій.

— А онъ мнѣ показался такимъ некрасивымъ, уродливымъ, сказалъ наивно Саксенъ.

— Но я надѣюсь, что теперь всѣ дѣла уже кончены? сказалъ лордъ Кастельтауерсъ.

— Да, на время; и Саксену теперь нечего другого дѣлать, какъ забавляться.

— Забавляться! повторилъ Саксенъ: — для этого мнѣ надо ѣхать домой.

— Потому ли, что Рейхенау такое веселое мѣсто, или Лондонъ такъ вамъ не понравился? спросилъ графъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, потому что я родился въ горахъ и здѣсь мнѣ душно, какъ въ темницѣ. Мнѣ необходимъ чистый, свѣжій воздухъ, горы и ружье — вотъ что я называю забавой.

— Я съ вами совершенно согласенъ, отвѣчалъ лордъ Кастельтауерсъ: — и если вы сдѣлаете мнѣ честь и приѣдете въ мое сурейское помѣстье, то я вамъ могу обѣщать подобную забаву. Покуда же позвольте доказать вамъ, что Лондонъ не лишенъ прелестей, какъ вы полагаете.

— А вотъ это послужитъ вамъ лучшей помощью для знакомства со всѣми прелестями Лондона, сказалъ Вильямъ Трефольденъ, вынимая изъ кармана маленькую, длинноватую книжку въ зеленой оберткѣ: — въ страницахъ этой книжки магическая сила. Въ нихъ заключается вся мудрость и вся красота міра, въ которомъ мы живемъ. Пока эта книжка будетъ находиться въ вашемъ карманѣ, вы никогда не будете нуждаться ни въ удовольствіяхъ, ни въ друзьяхъ; а когда вы придете къ концу этого тома, то издатели доставятъ вамъ слѣдующій.

— Что же это такое? спросилъ Саксенъ, перелпстывая съ недоумѣніемъ книжку.

— Эта книжка съ чеками.

— Фу! опять деньги, все деньги!

— Не говорите о нихъ такъ непочтительно. У васъ больше денегъ, чѣмъ вы можете сосчитать, а вы между тѣмъ не знаете имъ ни цѣны, ни что съ ними дѣлать.

— Такъ, пожалуйста, научите меня, сказалъ Саксенъ съ нетерпѣніемъ: — вопервыхъ, скажите мнѣ цѣну денегъ.

— Это совершенно зависитъ отъ личныхъ вкусовъ и мнѣній, отвѣчалъ Вильямъ съ своей обычной, хитрой улыбкой: — если вы спросите лорда Кастельтауерса, то онъ вѣроятно отвѣтитъ вамъ, что есть на свѣтѣ вещи и дороже денегъ — благородная кровь, черные глаза и свобода Италіи. Если же вы спросите меня, то я вамъ, конечно, отвѣчу, что деньги неизмѣримо выше всего этого.

— Теперь, скажите мнѣ, восторыхъ, что мнѣ дѣлать съ деньгами.

— Расходовать ихъ.

Саксенъ пожалъ плечами, а лордъ Кастельтауерсъ, который было злобно насупилъ брови при намекѣ Вильяма Трефольдена, громко разсмѣялся, говоря, что лучшаго совѣта нельзя дать.

— Но вы никогда не будете въ состояніи расходовать деньги, прежде чѣмъ не научитесь этому искусству, продолжалъ страпчій:—вы должны приобрѣсть знаніе, какъ превратить золото во все, что только вамъ приглянется, или чего вы захотите. Мидакъ въ древности обращалъ все въ золото, а вы можете обратить золото во все.

— А развѣ я буду отъ этого счастливѣе? спросилъ Саксенъ со вздохомъ.

— Во всякомъ случаѣ вы будете умнѣй, отвѣчалъ Вильямъ со смѣхомъ:—и вамъ не будетъ такъ случно, какъ теперь, значить вы будете счастливѣе. Тотъ, у кого много денегъ, и кто знаетъ, какъ ихъ употреблять, тотъ никогда не узнаетъ скуки.

— То-то, кто знаетъ ихъ употреблять! Въ этомъ-то и вся трудность!

— Еслибъ вы читали Мольтера, отвѣчалъ Вильямъ:—то знали бы, что въ кошелькѣ богатаго человѣка скрываются всѣ знанія.

— Вы смѣтаетесь надо мной? сказалъ Саксенъ, хотя и очень добродушно, но такъ метко, что даже ловкій Вильямъ смутился:—вы думаете, что надъ богатыми можно и должно смѣяться, отчего жъ нѣтъ; пожалуй, смѣйтесь. Это послужитъ отличнымъ средствомъ для моего образованія. А вѣдь вы взялись быть моимъ наставникомъ. Дайте мнѣ сейчасъ урокъ въ алхиміи. Во что прикажете мнѣ прежде всего превратить мое золото?

— Во что вамъ нравится, отвѣчалъ Трефольденъ:—я полагаю, что прежде всего нужно бы его превратить въ роскошную одежду, гучу французскихъ перчатокъ и въ блестящаго лакея. Ну, а потомъ—лучше всего спросите совѣта у лорда Кастельтауерса.

— Я подаю голосъ въ пользу отличной кровной лошади, щегольского кабриолета и маленькаго грума, сказалъ лордъ.

— И хорошей квартиры въ Сен-Жемской улицѣ, прибавилъ страпчій.

— И ложи въ оперѣ.

— И я еще вотирую въ пользу цвѣтовъ, картинъ, богатой классической библіотеки, музея этрусскихъ древностей, великолѣпнаго органа и т. д. и т. д.— вотъ какъ нужно употреблять деньги, счастливецъ! Я ничего не знаю проще, прекраснѣе, удовлетворительнѣе подобныхъ, можно сказать, философскихъ опытовъ.

— Вы меня совершенно смутили вашими полусерьезными, полуплутивыми рѣчами, произнесъ Саксенъ:—я, право, не разберу, гдѣ кончается дѣло и начинается шутка. Чтѣ вы именно хотите сказать? Я готовъ дѣлать то, чтѣ вы полагаете необходимымъ для человѣка въ моемъ положеніи, но вы должны меня научить.

— Я только для этого сегодня и пріѣхалъ.

— Но вы должны позволить мнѣ во всякое время бросить вашу систему, если она мнѣ не понравится или надоѣстъ.

— Какъ? и возвратиться опять въ своимъ горамъ и грубой пищѣ?

— Да, если мнѣ въ горахъ пріятнѣе, а грубая пища вкуснѣе.

— Какъ хотите. Ну, такъ теперь мы приступимъ къ дѣлу. Вы отдадите себя въ полное наше распоряженіе и будете слѣпо повиноваться мнѣ и лорду Кастельтауеру впродолженіе шести или восьми часовъ. Прежде всего, вы напишите чеку въ пятьсотъ фунтовъ, которую мы развѣняемъ по дорогѣ, у Друмонда.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Саксенъ, и взявъ перо, написалъ подъ диктовку страпчаго первую свою чеку.

— Онъ славный малый! сказалъ лордъ Кастельтауеръ Трефольдену, сходя съ лѣстницы:—онъ мнѣ чрезвычайно нравится. Какъ вы думаете, не предложить ли его въ члены Эректеума? Онъ долженъ быть непременно членомъ въ какомъ нибудь клубѣ, а я знаю многихъ въ Эректеумѣ, которые для моего protégé сдѣлаютъ все на свѣтѣ.

— Конечно, вы должны это сдѣлать, отвѣчалъ Трефольденъ:—ему всего нужнѣе познакомиться съ людьми, а я, вы знаете, слишкомъ занятъ, чтобъ возиться съ нимъ.

— И я самъ ненадолго бываю въ Лондонѣ, потому что это слишкомъ дорого, сказалъ лордъ:—но, во всякомъ случаѣ, когда я здѣсь, я готовъ оказать всякую услугу мистеру Саксену Трефольдену.

— Очень вамъ благодаренъ. Саксенъ, лордъ Кастельтауеръ такъ добръ, что обѣщаетъ тебя записать въ члены Эректеума.

— Афинскаго эректеума! воскликнулъ Саксенъ съ удивленіемъ и смѣхомъ.

— Пустяки, лондонскаго. Это модный клубъ.

— Я очень благодаренъ лорду Кастельтауеру, сказалъ Саксенъ, хотя онъ имѣлъ такое же понятіе о цѣли и о назначеніи моднаго клуба, какъ дикій бедуннъ африканскихъ степей.

XVI.

ЭРЕКТЕУМЪ.

— Нѣтъ, Брандонъ, онъ не снобъ! онъ простъ, какъ арабскій настушокъ; но столько же снобъ, сколько...

Сэръ Чарльсъ Бургойнъ хотѣлъ сказать: «сколько вы», но передумалъ, и вмѣсто того прибавилъ: «Сколько самъ Кастельтауерсъ».

— Я называю всякаго снобсомъ, кто въ обыкновенномъ разговорѣ цитируетъ Віона и Моска, отвѣчалъ Брандонъ, нимало не замѣтивъ минутнаго колебанія своего пріятели: — кой чортъ будетъ помнить Віона или Моска, и какое право онъ имѣетъ, хвастаясь своимъ знаніемъ, выставлять другихъ дураками?

— Конечно, это очень безжалостно съ его стороны, отвѣчалъ сэръ Чарльсъ.

— Я ненавижу вашихъ ученыхъ людей! воскликнулъ Брандонъ съ явнымъ неудовольствіемъ: — я ненавижу выскочекъ. Невѣжливскочки довольно несносны, но ученые выскочки хуже всего на свѣтѣ, а онъ то и другое—чортъ бы его побралъ!

— Чортъ бы его побралъ во всякомъ случаѣ, замѣтилъ третій молодой человекъ, подходя къ разговаривающимъ:—но позвольте спросить, о комъ вы говорите, и что онъ сдѣлалъ?

Сцена эта происходила въ одной изъ роскошныхъ комнатъ Эректеума, моднаго клуба въ Пэль-Мэлѣ. Первые два собесѣдника были Эдвардъ Брандонъ, эсквайръ, третій и младшій сынъ Гарди Кануга, четырнадцатаго графа Ипсвича, и сэръ Чарльсъ Бургойнъ, баронетъ, гвардейскій офицеръ.

Есть люди, которыхъ природа создаетъ какъ-бы подъ извѣстными условіями, и Эдвардъ Брандонъ былъ одинъ изъ такихъ людей. Онъ походилъ на тѣ красивыя, но наскоро и неосновательно выстроенныя дома въ южномъ Кеннингстонѣ, которые ежедневно вырастаютъ, какъ грибы, и отдаются въ наймы съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ жильцы никогда не танцовали. Онъ былъ очень молодъ, очень высокаго роста, и одаренъ столь малымъ количествомъ мозга и мускуловъ, сколь можетъ быть одаренъ человекъ. Его слабыя умственныя способности могли быть раздавлены и совершенно уничтожены отъ самой малой, бездѣльной тяжести знанія, а его изящныя манеры были не что иное, какъ легкія, глиняныя украшенія въ жалкомъ, современномъ вкусѣ. Онъ иногда просматривалъ «Придворный списокъ» и прочелъ половину перваго тома «Охотничьихъ походовъ Сони Спонджа». Онъ игралъ порядочно въ крокетъ, очень дурно на бильярдѣ, и былъ весь пропитанъ насвозь и насевозъ табакомъ.

Сэръ Чарльсъ Бургойнъ былъ совершенно иного рода человекъ. Конечно, онъ не представлялъ ничего необыкновеннаго, и былъ должный человекъ; но тотъ классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ, былъ гораздо выше, чѣмъ классъ, къ которому принадлежалъ Брандонъ. Если продолжать наше сравненіе съ домами,

то Бургойнъ походилъ на домъ, основательно выстроенный и хорошо мѣблированный. Онъ хорошо вѣдѣлъ, отлично стрѣлялъ, превосходно игралъ на бильярдѣ, и имѣлъ такое правильное, красивое лицо, что товарищи прозвали его красавцемъ; кромѣ того онъ отличался какой-то дерзкой небрежностью въ разговорѣ, которая упрочила за нимъ славу остроумнаго человѣка.

Молодой человѣкъ, подошедшій къ этимъ двумъ собесѣдникамъ, былъ небольшого роста съ живыми, быстрыми глазами, съ нѣсколько напыщенными манерами и въ изысканно-нарядной одеждѣ. Это былъ Лоренсъ Грѣторексъ, эсвайръ, единственный сынъ, наслѣдникъ и товарищъ по фирмѣ сэра Самуэля Грѣторекса, извѣстнаго банкира и альдермана Онти.

— Чортъ бы его побралъ во всякомъ случаѣ, повторилъ этотъ джентльменъ:—но кто онъ, и что сдѣлалъ?

— Мы говоримъ о новомъ членѣ нашего клуба, отвѣчалъ Брандонъ.

— О Крезѣ Трефольденѣ?—да это просто дикарь. Какое новое преступленіе сдѣлалъ онъ противъ общественныхъ приличій?

— Онъ оскорбилъ Брандона, цитируя греческихъ писателей, сказалъ красавецъ.

— Цитировалъ греческихъ писателей! Страшное преступленіе. Какъ намъ за это его наказать? Не надѣтъ ли намъ на него узду?

— Нѣтъ, лучше приговоримъ его питаться греческими кореньями во всю его жизнь, какъ Тимона Аѳинскаго, замѣтилъ красавецъ съ небрежной улыбкой.

— Онъ и теперь не лучше грубаго дикаря, отвѣчалъ Грѣторексъ, презрительно пожимая плечами:— онъ совершенно не знаетъ жизни и не интересуется ничѣмъ, что дѣлается вокругъ него. Въ прошлую среду, когда всѣ наши съума сходили по скачкѣ, онъ спокойно сидѣлъ и читалъ Гомера, словно это была самая свѣжая новинка. Онъ просто одушевленный анахронизмъ.

— Но кто онъ такой? воскликнулъ Брандонъ:— откуда его чортъ принесъ?

— А Вотъ его знаетъ! отецъ его вѣрно былъ громадный in folio, а мать палимпсестъ.

— Вы что-то удивительно нынче остроумны, мистеръ Грѣторексъ, сказалъ съ улыбкой Бургойнъ.

— И потомъ онъ оскорбительно богатъ! помяните, онъ далъ вчера тысячу фунтовъ на подписку въ пользу Виллеса! всѣ наши пожертвованія, въ сравненіи съ его, кажутся такими мелкими, ничтожными.

— Проклятая самоувѣренность! сказалъ Брандонъ:— онъ у

насть членомъ не болѣе надѣли, а позволяеть себѣ жертвовать Вилису болѣе, чѣмъ самыя старыя члены клуба!

— Что жъ, это щедрое пожертвованіе, сказалъ добродушно красавецъ.

— Щедрое! да чортъ его возьми съ его щедростью! Я полагаю, члены Эректеума могутъ сами назначить пенсіонъ своему секретарю, прослужившему имъ пятнадцать лѣтъ, и не нуждаются въ помощи какого-то дерзкаго новичка.

— Ваше благородное негодованіе очень трогательно, сказалъ Бургонъ: — но, Брандонъ, сколько времени вы членомъ нашего клуба? кажется, съ полгода?

— Во всякомъ случаѣ, это было очень безтактно, замѣтилъ Грэтторексъ: — эти *poivreux riches* всегда такъ поступаютъ. Человѣкъ, привыкшій всю свою жизнь быть богатымъ, поступилъ бы иначе.

— Вы, напримѣръ, отвѣчалъ дерзко красавецъ.

— Пожалуй, и я, сэръ Чарльсъ; хотя ваше замѣчаніе не совершенно встаети.

— Какимъ образомъ Трефольдену досталось это состояніе? спросилъ Брандонъ: — я слышалъ, что кто-то ему оставилъ его сто лѣтъ тому назадъ, и оно съ тѣхъ поръ росло и увеличивалось, но конечно, это только пустыя сказки.

— Это дѣйствительно походить на сказку о спящей красавицѣ, замѣтилъ Бургонъ.

— Я объ этомъ столько же знаю, сколько и вы, мистеръ Брандонъ, отвѣчалъ Грэтторексъ: — я слышалъ только общіе толки о томъ, какъ эти деньги лежали сто лѣтъ, нарастая проценты на проценты, и наконецъ, достигнувъ десяти миліоновъ, достались нашему пріятелю. Иные говорятъ, что у него вдвое болѣе, но я этому не вѣрю.

— Онъ положилъ всѣ свои деньги у сэра Самуэля? спросилъ Брандонъ.

— Нѣтъ, наша лавочка слишкомъ отдаленна; онъ помѣстилъ свои миліоны у Друмонда. Ахъ! да, сэръ Чарльсъ, что жъ вы порѣшили на счетъ своей гнѣдой кобылы? Вы, кажется, намѣревались ее продать?

— Вы говорите о леди Лайонсъ?

— Да.

— Я продалъ ее, мистеръ Грэтторексъ.

— Продали, сэръ Чарльсъ?

— Да, вмѣстѣ съ кабриолетомъ.

Банкиръ покраснѣлъ и закусилъ губу.

— А нескромный вопросъ, кому вы ее продали?

— Можетъ быть, и несроженный; но я такъ и быть скажу вамъ— я продалъ ее мистеру Трефольдену.

— Трефольдену? Ну, ужъ это нехорошо, сэръ Чарльсъ. Мнѣ очень жаль это слышать. Я надѣялся, даже рассчитывалъ, что вы, сэръ Чарльсъ, дадите мнѣ случай купить такую прекрасную лошадь. За деньгами я бы не постоялъ, и далъ бы съ радостью больше, чѣмъ даже она стоитъ.

— Благодарствуйте, но я не продаю вещей дороже, чѣмъ онѣ стоятъ, отвѣчалъ гордо офицеръ.

— Притомъ, если вы позволите мнѣ такъ выразиться, сэръ Чарльсъ, это не было совершенно благородно съ вашей стороны.

— Не совершенно благородно? Я, право, не знаю, что вы хотите сказать, мистеръ Грѣторексъ?

— Вотъ видите, сэръ Чарльсъ, я первый предложилъ купить вашу лошадь, а Крезъ Трефольденъ, который наврядъ ли отличить лошадь отъ буйвола...

— Мистеръ Саксенъ Трефольденъ—другъ лорда Кастельтауерса, произнесъ еще съ большею гордостью Бургонъ: — и я былъ очень счастливъ, что могъ оказать ему услугу.

Еслибъ сэръ Чарльсъ Бургонъ не былъ баронетомъ, гвардейскимъ офицеромъ и старымъ членомъ Эрестеума, то вѣроятно мистеръ Грѣторексъ отвѣчалъ бы ему какой-нибудь колкостью; но теперь онъ только покраснѣлъ, и взглянувъ въ смущеніи на часы, проглотилъ обиду.

— О! конечно... въ этомъ случаѣ, пробормоталъ онъ:—лордъ Кастельтауерсъ—вашъ закадышннй другъ, и я ничего не имѣю сказать противъ этого. Кстати, ѣдете ли вы въ будущую недѣлю къ нему въ Сурей?

— А вы? спросилъ Бургонъ, смотря съ полуусмѣшкой на маленькаго человѣчка.

— Конечно, лордъ Кастельтауерсъ былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня; однако, ужъ двѣнадцать часовъ, а у насъ страшно много работы въ конторѣ. Прощайте, мистеръ Брандонъ. Прощайте, сэръ Чарльсъ.

Баронетъ едва наклонилъ голову, и прежде чѣмъ мистеръ Грѣторексъ скрылся изъ виду, онъ воскликнулъ во всеуслышаніе:

— Вотъ мѣщанинъ во дворянствѣ до конца ногтей! затѣмъ вы его терпите, Брандонъ?

— Онъ вовсе не дурной человѣкъ, отвѣчалъ Брандонъ.

— Онъ просто снобсъ *rig et simple*, снобсъ съ лакейскими манерами. Вы только что назвали Трефольдена снобсомъ, и я сказалъ вамъ, что вы совершенно ошибаетесь. Назовите такъ этого торгаша-выскочку, и я вполнѣ съ вами соглашусь. Я не-

навизу, Брандонъ, этого человѣка, и будь я здѣсь въ то время, какъ онъ балотировался, ужь прокатили бы его на черныкахъ. Я рѣшительно не понимаю, почему вы его выбрали!

Чарльсъ Бургойнъ, какъ мы уже видѣли, былъ очень лѣнивый человѣкъ, и для него эта рѣчь была удивительно длинна и энергична; но Эдвардъ Брандонъ только покачалъ головой, и повторилъ свои прежнія слова.

— Увѣряю васъ, Бургойнъ, сказалъ онъ:—Грѣторексъ вовсе не дурной человѣкъ.

— Ну, хорошо! пускай будетъ по вашему, я терпѣть не могу споровъ, отвѣчалъ баронетъ.

— Кастельтауреръ любить его, и, какъ вы видите, приглашаетъ даже къ себѣ въ деревню.

— Кастельтауреръ слишкомъ добръ.

— И Воанъ...

— Воанъ долженъ ему, и потому обязанъ сносить его общество.

Эдвардъ Брандонъ провелъ рукой по головѣ, которая была очень мала, и въ которой было очень мало.

— Проклятый, пробормоталъ молодой человѣкъ:—онъ скупилъ мои векселя, и я долженъ быть учтивъ съ нимъ.

Сэръ Чарльсъ Бургойнъ протяжно свиснулъ, сунулъ руки въ карманъ, и ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать! воскликнулъ Брандонъ.

— Заплатить ему.

— Вы бы все равно сказали, съѣсть его.

— Пустяки, займите деньги у кого-нибудь другого.

— Я былъ бы очень радъ сдѣлать это, еслибъ зналъ, къ кому обратиться. Вѣдь и сумма-то небольшая, всего двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ.

И молодой человѣкъ устремилъ свой взоръ на баронета, который въ свою очередь пристально смотрѣлъ на статую герцога Йоркскаго, возвышавшуюся противъ окна, у котораго она стояла.

— Не можете ли вы указать мнѣ на кого-нибудь? прибавилъ Брандонъ.

— Я? нѣтъ, чортъ-возьми.

— Вы... сами, вѣроятно, не въ состояннн мнѣ помочь?

Сэръ Чарльсъ Бургойнъ вынулъ руки изъ кармановъ, и взялъ шляпу съ ближняго стола.

— Эдвардъ Брандонъ, сказалъ онъ, выразительно ударяя на каждомъ словѣ:— я бѣденъ, какъ Симеонъ Столпникъ.

— Никогда не слыхалъ о такомъ Симеонѣ, отвѣчалъ Брандонъ, надувшись:— кто онъ такой?

— Любезный другъ, ваше религиозное образованіе, должно быть, было очень запущено въ вашей молодости. Пойщите въ катихизисѣ Симеона Столпника, и сдѣлайте себѣ выписку на память.

— Знаете что, Бургойнъ, произнесъ Брандонъ, съ явнымъ желаніемъ отомстить красавцу за его шутку:—бѣдный ли вы человекъ или нѣтъ, но вы отлично умѣете обдѣлывать дѣла. Вы только что кричали, что не хотите брать за вещь дороже, чѣмъ она стоитъ, а сами небось взяли за лошадь и кабриолетъ пятьсотъ гиней.

— Вы, *mon enfant*, въ этомъ ничего не понимаете, отвѣчалъ спокойно офицеръ.

— Я знаю только, что это слишкомъ большая цѣна за такую лошадь и кабриолетъ.

— Напротивъ, я уступилъ ихъ страшно дешево.

— Дешево, дешево! какъ-бы не такъ; я очень хорошо помню, что вы заплатили только сто двадцать гиней за леди Лайонсъ и потомъ еще ѣздили на ней два года.

Красавецъ выслушалъ его съ улыбкой, лѣниво натянулъ перчатки, надѣлъ шляпу и тогда только отвѣчалъ очень небрежнымъ тономъ:

— Право, я удивляюсь вашей памяти, Брандонъ; продолжайте развивать эту способность, и она принесетъ вамъ много славы. *Au revoir*.

Съ этими словами онъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ себѣ галстухъ и лѣнивыми шагами направился къ дверямъ; однако, не дойдя до нихъ, онъ обернулся и воротился назадъ къ Брандону.

— Впрочемъ, сказалъ онъ:—если вы дѣйствительно теперь нуждаетесь въ двухстахъ-пятидесяти фунтахъ.... вамъ они необходимы?

— Чортъ-возьми! никогда они мнѣ не были такъ необходимы, какъ теперь.

— Такъ обратитесь къ Трефольдену; онъ богатъ какъ англійскій банкъ и бросаетъ деньги, словно песокъ. Обратитесь къ нему, Брандонъ, онъ вамъ навѣрно не откажетъ. *Vale*.

Баронетъ снова повернулся, и на этотъ разъ дѣйствительно исчезъ за дверьми, оставивъ своего юнаго друга одного въ комнатѣ. Произнеся вслухъ нѣсколько проклятій и ругательствъ, Эдвардъ Брандонъ отправился въ бильярдную.

Когда они оба удалились изъ комнаты, какой-то джентльменъ вышелъ изъ углубленія одного изъ окошекъ, гдѣ, приерывшись громаднымъ листомъ Таймса, онъ подслушалъ невидимкой весь разговоръ Брандона съ Бургойномъ. Теперь, вынувъ изъ кармана бу-

женикъ, онъ записалъ нѣсколько именъ и потомъ поспѣшно направился въ швейцарскую.

— Я уже давно жду здѣсь мистера Трефольдена, сказалъ онъ швейцару: — но теперь мнѣ необходимо уйти. Скажите, онъ навѣрно еще не прїѣзжалъ? можетъ, онъ прошелъ въ другія комнаты?

— Нѣтъ-съ, могу васъ завѣрить, сэръ, что онъ еще не прїѣзжалъ, отвѣчалъ швейцарь.

— Такъ передайте ему мою карточку и скажите, что я заѣду къ нему завтра утромъ.

Швейцарь взялъ карточку и положилъ ее на столъ рядомъ съ письмами, полученными на имя новаго члена. На карточкѣ было имя Вильяма Трефольдена.

XVII.

САКСЕНЪ ДОМА.

— Мистеръ Трефольденъ, доложилъ лакей, отворяя дверь въ гостиную Саксена, и Вильямъ Трефольденъ вошелъ въ комнату. Саксенъ былъ не одинъ. Лордъ Кастельтауерсъ и сэръ Чарльсъ Бургойнъ были въ эту минуту у него; лордъ Кастельтауерсъ стоялъ очень фамплярно, облокотясь на спинку кресла Саксена и диктовалъ ему какое-то письмо; а сэръ Чарльсъ Бургойнъ, покуривая сигару, полулежалъ на кушеткѣ съ закрытыми глазами. Оба посѣтителя, казалось, были не въ гостяхъ, а у себя дома. Они очевидно только-что окончили роскошный завтракъ, ибо на столѣ стояли еще приборы, кофейный сервизъ, различные *ratés froids*, сыры, ликеры и пр.

Увидѣвъ своего родственника, Саксенъ бросилъ перо, и поспѣшивъ къ нему на встрѣчу, радушно пожалъ ему обѣ руки.

— Какъ вы добры, что прїѣхали! воскликнулъ онъ:—и особенно послѣ того, что вы напрасно вчера ѣздили въ клубъ, думая застать меня тамъ. Вы не повѣрите, какъ я жалѣлъ, что прїѣхалъ нѣсколькими минутами послѣ васъ. Нынче же я непременно хотѣлъ побывать у васъ въ Чансери-Лэнъ. Хотя, конечно, я очень виноватъ, что не былъ у васъ до сихъ поръ, но повѣрьте, что думалъ о васъ всякій день.

— Мнѣ было-бы очень жаль, еслибъ вы для меня погрузились въ душную атмосферу Сити, сказалъ весело Трефольденъ: — я гораздо лучше люблю васъ видѣть здѣсь, окруженнаго всею роскошью, которую ниспослала вамъ боги.

Сказавъ это, мистеръ Трефольденъ пожалъ руку лорду Кастельтауерсу, поклонился сэру Чарльсу Бургойну и опустился въ ближайшее кресло.

— Вы писали, когда я вошелъ, сказалъ онъ: — пожалуйста, продолжайте.

— Охъ! нѣтъ, отвѣчалъ Саксенъ, покраснѣвъ:—письма подождать.

— И я могу подождать... и выкурить покуда сигару.

— Они... то-есть лордъ Кастельтауерсъ, помогаль мнѣ написать письмо. Онъ увѣряетъ, что мнѣ надо научиться составлять красивыя фразы и говорить ничего незначащія любезности.

— Эти ничего незначащія любезности очень пріятны тѣмъ, къ кому онѣ обращены, сказалъ лордъ Кастельтауерсъ.

— Я бы очень желаль, замѣтилъ Бургойнъ, лежа на кушеткѣ:—чтобъ какой-нибудь умный человѣкъ составилъ руководство приличныхъ свѣтскихъ разговоровъ—нѣчто въ родѣ «*Самоучителя искусства мата*». Подобная книжка была бы для многихъ громадною помощью и вывела бы ихъ изъ безчисленныхъ затрудненій.

— Я бы желаль, чтобы существовала такая книга, хоть для того только, чтобъ научить васъ хорошимъ манерамъ, отвѣчалъ Кастельтауерсъ.

— Я и не претендую на манеры лорда, сказалъ небрежно красавецъ.

— Ну, полно болтать, сказалъ Кастельтауерсъ, смотря на часы:—если эту записку надо послать къ двумъ часамъ, то пора ее кончить. И такъ-какъ мистеръ Трефольденъ позволяетъ...

— Я не только позволяю, но даже прошу.

Саксенъ взялъ перо, и указавъ Вильяму на кипу записокъ на каминѣ, сказалъ:

— Вы найдете тамъ и приглашеніе на ваше имя, Вильямъ, и знайте, что я не приму никакихъ отговоровъ, вы должны непремѣнно прійхать.

— Это все пригласительные билеты, молодой человѣкъ?

— Да, на обѣдъ въ Ричмондѣ, въ будущую субботу.

Мистеръ Трефольденъ положилъ къ себѣ въ карманъ, не распечатавъ, записку, адресованную на его имя, и принялся задумчиво курить сигару, внимательно обводя глазами комнату. Ни одна мелочь не ускользнула отъ его зоркаго взгляда, и каждая вещь ясно говорила ему, какъ провелъ Саксенъ первые десять дней своей новой жизни. Тутъ было нѣсколько картинъ масляными красками и аэварелью, изображающія по большей части виды Швейцаріи; тутъ были груды нотъ и книгъ въ дорожныхъ переплетахъ, ящики сигаръ, мраморный бюстъ Шекспира, роскошный мозаичный столъ, удивительная этруская ваза, на пьеде-

сталъ вер-де-антико, пара ружей въ серебряной оправѣ. На каминѣ видѣлись сотни разляныхъ дорогихъ бездѣлушекъ изъ слоновой кости, хрустальныхъ, фарфоровыхъ, серебряныхъ, филигранныхъ и т. д. На маленькомъ столѣ передъ диваномъ валялись цѣлыя кипы записокъ, визитныхъ карточекъ и счетовъ изъ всевозможныхъ магазиновъ; тутъ же стояли два изящныхъ подсвѣчника и серебряная чернилица съ маленькимъ купидономъ на крышкѣ. Въ углу стоялъ большой гармоніумъ, а на немъ валялся хлыстъ съ золотымъ набадашникомъ и двѣ рапиры. Недалекѣ на пьедесталѣ отъ большихъ бронзовыхъ часовъ стояла ваза съ полуувядшимъ букетомъ. Вильямъ Трефольденъ былъ очень наблюдательный человекъ, и потому онъ вывелъ подобающія заключенія изъ всѣхъ этихъ бездѣлицъ. Онъ ясно видѣлъ, что юный аркадскій пастушокъ учился ѣздить верхомъ и драться на рапирахъ, знакомился съ людьми и бросалъ деньги поцарски. Болѣе всего привлекъ его вниманіе букетъ, хотя въ немъ не было ничего особенно-замѣчательнаго и онъ походилъ на тысячи букетовъ, бросаемыхъ каждый сезонъ къ ногамъ любимыхъ актрисъ.

— ... и позвольте мнѣ имѣть честь и удовольствіе васъ прокатить, сказалъ лордъ Кастельтауреръ, диктуя Саксену.

— Прокатить! воскликнулъ Саксенъ съ удивленіемъ:—какъ, я повезу ее изъ Лондона въ Ричмондъ?

— Конечно; отчего же нѣтъ?

— Я не могу. Я недовольно хорошо правлю лошадьми. Я никогда въ жизни не правилъ ничѣмъ, кромѣ старой, слѣпой лошаденки въ Швейцаріи. Я сломаю ей шею, и себѣ также.

— Пустяки, мы это устроимъ. Вы отдадите возжи Бургойну или мнѣ, вотъ и все.

— Такъ какъ же мнѣ написать?... и позвольте лорду Кастельтауреру имѣть честь...

— Вадоръ; напишите то, что я вамъ сказалъ, и предоставьте мнѣ все устроить какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Саксенъ, качая головой:— я этого не напишу. Я не стану просить позволенія повезти ее, когда я очень хорошо знаю, что не могу и не буду самъ править. Это была бы ложь.

Легкій румянецъ показался на гордомъ, честномъ лицѣ лорда Кастельтаурера, а сэръ Чарльсъ Бургойнъ улыбнулся съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Не лучше-ли мнѣ написать, что я купилъ новый фэгонъ и надѣюсь, что она согласится ѣхать въ немъ въ субботу? Говорится это, какъ вы думаете?

— Отлично. Она, конечно, подумаетъ, что вы сами будете править, а ужъ мы потомъ все устроимъ. Ну-ка, посмотримъ, какъ тамъ было... гм... *которое, я надѣюсь, вы удостоите своимъ посѣщеніемъ и позволите мнѣ предложить вамъ мѣсто въ своемъ фэтонѣ, если погода не помѣшаетъ моимъ друзьямъ ѣхать въ открытыя экипажахъ.*

— Въ открытыхъ экипажахъ, повторилъ Саксенъ, дописывая продиктованную фразу: — надо приписать еще что-нибудь?

— Нѣтъ; я думаю, довольно.

— Такъ я подпишу: истинно преданный вамъ Саксенъ Трефольденъ?

— Избави Боже!

— Развѣ это недовольно учтиво? спросилъ Саксенъ со смѣхомъ.

— Довольно учтиво? вѣдь я вамъ говорилъ, что обыкновенная учтивость въ такомъ случаѣ неумѣстна. Вы должны колѣнопреклоненно приближаться къ подобному божеству и подносить вашъ ричмондскій обѣдъ, какъ ничтожную жертву, на алтарь безсмертныхъ боговъ! Пишите: *Примите, сударыня, выраженіе въ моемъ почтительномъ уваженіи и позвольте мнѣ имѣть честь наименоваться съ искреннимъ восхищеніемъ вашимъ покорнымъ и преданнымъ слугою, Саксенъ Трефольденъ.* Такъ вѣдь надо писать, Бургойнъ?

— Конечно, отвѣчалъ зѣвая красавецъ:—тѣмъ больше пустяковъ, тѣмъ лучше.

— Смѣю спросить, къ какой принцесѣ королевской крови пишется это письмо? сказалъ Трефольденъ.

— Къ особѣ гораздо важнѣйшей, чѣмъ принцеса, отвѣчалъ Кастельтауреръ:—къ примадоннѣ нынѣшняго сезона — къ самой великой Граціанѣ.

Мистеръ Трефольденъ слегка приподнял брови при этихъ словахъ, но ничего не отвѣчалъ.

— И какая она прелестная! воскликнулъ Саксенъ, складывая и запечатывая записку: — Бургойнъ представилъ меня ей вчера вечеромъ за кулисами. Вы не можете себѣ вообразить, Вильямъ, какъ она величественно хороша и вмѣстѣ съ тѣмъ обворожительно мила!

— Неужели?

— Она мнѣ дала вонъ тотъ букетъ, который ей тогда только что бросили къ ногамъ.

— Какъ это милостиво съ ея стороны.

— Еще бы, я вѣдь чужестранецъ и ничего не значу. Я

быть такъ ею очарованъ, что мнѣ казалось, сама Юнона стояла передо мною. Ну, вотъ письмо и готово.

И Саксенъ, не замѣчая саркастической улыбки на лицѣ своего родственника, бросилъ на него и на остальныхъ своихъ гостей взглядъ, полный дѣтской радости и торжества. Потомъ онъ подошелъ къ звонку и дернулъ за шнурокъ.

— Жилингвотеръ, пошлите тотчасъ Куртиса съ этой запиской и прикажите подождать отвѣта. Есть тамъ ктонибудь?

— Прикащикъ отъ Фосета и Карата съ ящикомъ брильянтовъ, прикащикъ отъ Картриджа съ пистолетами и разсылные съ товарами изъ разныхъ магазиновъ, отвѣчалъ торжественно лакей.

— Вещи-то могутъ подождать, а прикащиковъ позовите сюда.

Жилингвотеръ удался, и черезъ минуту оба прикащика вошли въ комнату: одинъ съ небольшимъ ящикомъ краснаго дерева, другой съ еще меньшимъ сафьяннымъ футляромъ. Въ ящикѣ была пара дорогихъ пистолетовъ, а въ футлярѣ три богатыхъ брильянтовыхъ браслета.

— Боже мой, что за пистолеты! воскликнулъ Кастельтауерсъ: — посмотрите, Бургоннъ, видали ли вы когда-нибудь такую работу?

— Никогда. Они были бы достойны красоваться за поясомъ султана.

— Эти пистолеты — самое вѣрное факсимиле тѣхъ, которые мы сдѣлали его свѣтлости Магараджи Джубиспорскому, замѣтилъ прикащикъ.

Сэръ Чарльсъ осматривалъ внимательно пистолеты съ интересомъ знатока.

— Да вы совсѣмъ станете индеецъ съ этими пистолетами, Трефольденъ, сказалъ онъ: — мы, пожалуй, скоро васъ увидимъ въ Ротенро на бѣломъ слонѣ. А дѣйствительно, великолѣпные пистолеты; я лучше никогда не видывалъ. Ну, а эти побракушки для кого? для Граціаны?

— Да; одна изъ нихъ, если...

— Если что?

— Если, вы полагаете, она не оскорбится.

— Оскорбится, любезный другъ? Развѣ кошка оскорбляется, когда ей даютъ молока, или собака, когда ей бросаютъ кость?

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ Саксенъ, пораженный дерзкой безцеремонностью этихъ сравненій.

— Я хочу сказать, что всякая женщина продастъ свою душу за горсть брильянтовъ, и что наша прекрасная знакомка не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Но отчего вамъ вошло въ голову, Трефольденъ, подарить ей браслетъ?

— Это была мысль Греторкса.

— Гм, это на него походить. Греторексъ всегда очень щедръ на чужой счетъ.

— Я очень ему благодаренъ за то, что онъ меня надоумилъ, сказалъ Саксенъ съ жаромъ: — точно такъ же, какъ я благодаренъ всякому пріятелю, который такъ добръ, что научить меня общественнымъ приличіямъ.

— Какіе великолѣпные брилліанты! всѣ три штуки, сказалъ лордъ Кастельтауреръ.

— Ну, а которую мнѣ выбрать?

— Брилліантовую подвязку! воскликнулъ сэръ Чарльзъ Бургонъ.

— Змѣю съ брилліантовой головкой, сказалъ лордъ Кастельтауреръ.

— Опалы и брилліанты, сказалъ Вильямъ Трефольденъ.

Саксенъ засмѣялся и покачалъ головой.

— Вы всѣ трое даете мнѣ разные совѣты; что жъ мнѣ прикажете дѣлать?

— Выбрать по своему вкусу, отвѣчалъ Вильямъ Трефольденъ.

Саксенъ, послѣ долгаго колебанія, дѣйствительно выбралъ самъ по своему вкусу и отдалъ предпочтеніе тому браслету, на который указывалъ Вильямъ.

— Ну, а скажите, пожалуйста, что стоитъ эта великолѣпная бездѣлка? спросилъ мистеръ Трефольденъ, послѣ того, какъ браслетъ былъ отложенъ и оба прикащика вышли изъ комнаты.

— Право, не знаю, отвѣчалъ Саксенъ.

— Какъ! вы купили эту вещь, не спросивъ о ея цѣнѣ?

— Конечно.

— Какъ, развѣ вы никогда не спрашиваете предварительно цѣну?

— Никогда. Но чему вы смѣетесь?

— Тому, что, вѣроятно, купцы представляютъ вамъ баснословные счета.

— Да вѣдь они во всякомъ случаѣ могутъ это дѣлать, даже еслибъ я спрашивалъ предварительно цѣну. Что я смыслю, напримѣръ, въ брилліантахъ и опалахъ? Я только знаю, что опалъ кремнистый гидратъ, а брилліантъ—смѣсь угля съ кислородомъ. Они могли бы запросить за этотъ браслетъ какую угодно цѣну, и я, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что онъ стоитъ, долженъ былъ бы точно также заплатить столько денегъ, сколько они захотѣли бы съ меня взять.

— Хорошо, Трефольденъ, что у васъ есть кошелекъ Фортуната, въ которомъ деньги никогда не переводятся, сказалъ сэръ Чарльзъ Бургонъ.

— Но даже Фортунатъ долженъ озаботиться, чтобъ на двѣ его юшелка не было отверстія, замѣтилъ мистеръ Трефольденъ: — вы плохой финансистъ, любезный Саксенъ, и намъ нужно съ вами когда-нибудь надосугъ поговорить подробно о томъ, какъ сдѣлать изъ васъ практическаго человѣка. Ахъ! да кстати, мнѣ дѣйствительно нужно съ вами поговорить о дѣлахъ. Когда можете вы пожертвовать часъ или два на скучную бесѣду?

— Когда хотите, Вильямъ.

— Сегодня вечеромъ. Идетъ?

— Сегодня вечеромъ я, къ несчастью, обѣщалъ очень поздно обѣдать въ клубѣ съ Греторексомъ и нѣсколькими другими друзьями, а послѣ мы отправляемся въ оперу.

— Ну, такъ завтра вечеромъ?

— А завтра привезутъ мой новый фаэтонъ и мы поѣдемъ въ Блэкволъ — то-есть я, лордъ Кастельтауерсъ и сэръ Чарльсъ Вургойнъ.

— Слѣдовательно въ субботу...

— Въ субботу я надѣюсь васъ видѣть въ Ричмондѣ. Не забудьте этого, Вильямъ. У васъ въ карманѣ и приглашительный билетъ.

Мистеръ Трефольденъ улыбнулся, но нѣсколько мрачно.

— Развѣ ужъ вы стали такимъ эпикурейцемъ, что вамъ необходимо на пиршествѣ мертвый скелетъ, сказалъ онъ: — нѣтъ, нѣтъ, Саксенъ, я человѣкъ дѣловой и не имѣю свободнаго времени на такія глупости. Вашъ обѣдъ долженъ обойтись безъ моего присутствія и, право, вы этимъ ничего не потеряете. Однако, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, чтобъ вы въ такое короткое время стали такимъ великосвѣтскимъ человѣкомъ, что у васъ заняты всѣ вечера, за недѣлю впередъ.

— Я, право, не знаю, какъ это случилось, отвѣчалъ Саксенъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ: — мои друзья такъ добры, что распорядятся моимъ временемъ безъ моего вѣдома. Они такъ хлопочутъ, чтобъ доставить мнѣ всевозможныя удовольствія. Назначьте, Вильямъ, воскресенье, если вамъ только это удобно. Вы пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать, или мы вмѣстѣ...

— Я не могу въ воскресенье, сказалъ сухо Трефольденъ.

— Ну, такъ въ понедѣльникъ.

— Да, въ понедѣльникъ, я согласенъ, если только вы будете совершенно свободны.

— Конечно, я буду свободенъ.

— Но вы должны пріѣхать ко мнѣ. Я буду очень занятъ, и могу васъ принять только тотчасъ послѣ закрытія конторы.

— Я непременно буду у васъ въ тотъ часъ, который вы назначите.

— Въ восемь часовъ вечера.

— Хорошо. Я буду ровно въ восемь.

Мистеръ Трефольденъ записалъ день и часъ и сталъ прощаться.

— Я надѣялся, мистеръ Трефольденъ, что вы подарите мнѣ денька два на будущей недѣли, сказалъ лордъ Кастельтауерсъ, пожимая руку страпчому: — вашъ родственникъ обѣщаль посѣтить меня, и у насъ будетъ большая охота. Право, я думаю, вамъ сдѣлало бы много пользы подышать чистымъ воздухомъ.

— Благодарствуйте, лордъ Кастельтауерсъ, отвѣчалъ мистеръ Трефольденъ, качая головой: — но это невозможно. Я теперь какъ каторжный прикованъ къ Чансери-Лэну, мѣсяцевъ на пять, на шесть.

— Но, любезный Трефольденъ, развѣ стоитъ дѣлать себя каторжникомъ, когда можно обойтись безъ этого? сказалъ Кастельтауерсъ.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, и притомъ оковы, налагаемыя человѣкомъ на самого себя, никогда нетяжелы. Съ этими словами мистеръ Трефольденъ поклонился обоимъ гостямъ Саксена и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ комнаты.

— Вотъ хитрый, глубокой человѣкъ, а привидывается какимъ смиреннымъ! сказалъ Бургойнъ.

— Онъ очень приличный, приятный и умный человѣкъ! сказалъ Кастельтауерсъ: — онъ уже съ давнихъ поръ страпчимъ въ нашемъ семействѣ.

— Онъ мнѣ не нравится.

— Да вы его не знаете.

— Правда; а вы знаете?

Лордъ Кастельтауерсъ заикнулся:

— По правдѣ-то, и я не могу сказать, чтобъ я его зналъ, какъ человѣка, произнесъ онъ со смѣхомъ: — но онъ мой страпчій и я его очень люблю, хотя сузу о немъ только по своимъ собственнымъ впечатлѣнїямъ.

— А я основываюсь на своихъ. Онъ не мой страпчій и я его не люблю. Терпѣть не могу такихъ людей, которые думаютъ много, а говорить мало.

Между тѣмъ Саксенъ очень горячо пожалъ руку Вильяму при прощанїи въ передней и сказалъ вполголоса:

— Право, вы не должны полагать, Вильямъ, что я сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ, или эпикурейцемъ, или... предпочиталъ

общество своихъ новыхъ друзей вашему. Повѣрьте, мнѣ очень, очень жаль, что я не могу побывать у васъ раньше понедѣльника.

— Пустяки, и въ понедѣльникъ хорошо, отвѣчалъ Трефольденъ: — я очень радъ, что вы пріятно проводите время. Такъ помните, въ восемь часовъ.

— Да, въ восемь. Вы увидите, какъ я буду акуратень—а вы должны мнѣ непремѣнно надавать побольше хорошихъ совѣтовъ и сказать прямо, если вы находите, что я поступаю нехорошо.

— Гм, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ васъ самихъ. Пока же я вамъ могу дать только одинъ совѣтъ: не покупать въ другой разъ брильянтовъ, не спросивъ прежде о цѣнѣ.



ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

КНИГА ШЕСТАЯ.

IV.

Въ которой обнаруживаются всѣ качества капитана Клюбена.

Всѣ обернулся.

Эти слова, произнесенныя капитаномъ, относились къ штурману.

Сѣбрь Клюбенъ никому не говорилъ «ты». Подобное обращеніе съ штурманомъ Тангрулемъ означало, что онъ былъ въ сильномъ гнѣвѣ, или хотѣлъ показать, что сильно разгнѣванъ.

Своевременный взрывъ гнѣва иногда облегчаетъ собственную отвѣтственность, сваливая ее на чужія плечи.

Капитанъ, стоя на мостикѣ между двумя кожухами, пристально смотрѣлъ на штурмана, и снова процѣдилъ съвозъ зубовъ: «Пьянвца!» Честный Тангруль опустилъ голову.

Туманъ увеличился. Онъ уже застигалъ полгоризонта. Онъ приближался по всѣмъ направленіямъ. Туманъ имѣетъ свойство капли масла. Мгла росла незамѣтно. Вѣтеръ гналъ ее передъ собою не спѣша и безъ шума. Мало-по-малу, она охватила весь океанъ. Она шла съ сѣверо-запада, и корабль приближался къ ней носомъ. Это было нѣчто въ родѣ движущагося утеса неяснаго очертанія, упирившагося въ море отвѣсной стѣной. Въ глазахъ всѣхъ была опредѣленная точка, съ которой необъятная гладь моря уходила, скрываясь подъ туманъ.

Эта пограничная линія была еще примѣрно въ полумилѣ. Еслибы перемѣнился вѣтеръ, еще можно было избѣгнуть тумана; но для этого онъ долженъ былъ бы перемѣниться тотчасъ. Промежутокъ, раздѣлявшій корабль отъ тумана, уменьшался на

— 11. Дуранда подвигалась, подвигался и туманъ. Она стреми-

свѣтсннъ ему, онъ въ ней.

Клюбенъ приказалъ прибавить паровъ, и держать наискось, на востокъ.

Пароходъ такимъ образомъ шелъ нѣсколько времени параллельно туману, но тотъ все приближался. Впрочемъ, судно было еще вполне освѣщено солнцемъ.

Время проходило въ этихъ маневрахъ, которые съ трудомъ только удавались. Въ февралѣ день невеликъ.

Гернсеецъ внимательно смотрѣлъ на туманъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ пассажировъ изъ Сен-Мало.

— Бѣдовый туманъ.

— Дрянъ-дѣло, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Это вотъ пуще всего мѣшаетъ ходу, добавилъ другой.

Гернсеецъ подошелъ къ Клюбену.

— Капитанъ Клюбенъ, я боюсь, чтобы насъ не застигъ туманъ.

Клюбенъ отвѣтилъ:

— Я не хотѣлъ выходить изъ Сен-Мало, но мнѣ присовѣтовали.

— Кто присовѣтовалъ?

— Старые люди.

— Пожалуй, вы и хорошо сдѣлали, что вышли. Кто знаетъ, можетъ быть, завтра будетъ буря? Въ это время года нужно предполагать худшее.

Черезъ нѣсколько минутъ Дуранда вступила въ туманъ.

Это была страшная минута; вдругъ тѣ, которые были на кормѣ, потеряли изъ виду тѣхъ, которые были на носу. Сѣрая, неуловимая пелена раздѣлила корабль пополамъ.

Затѣмъ и весь корабль погрузился въ мглу. Солнце походило на луну. Всѣ задрожали отъ холода. Каждый надѣлъ что могъ—потеплѣе. Неподвижная гладь моря грозилъ своимъ зловѣщимъ спокойствіемъ. Кажется, что въ этомъ спокойствіи есть что-то само собою подразумеваемое. Все было блѣдно и сѣро. Черная труба и черный дымъ боролись съ общимъ блѣдно-сѣрымъ тономъ, облежавшимъ корабль.

Теперь уже не было расчета уклоняться на востокъ. Капитанъ направился прямо на Гернсей.

Пассажиръ гернсеецъ, проходя близь топки, услышалъ, что негръ Имбранкамъ разговаривалъ съ кочегаромъ; онъ прислушался. Негръ говорилъ:

— Утромъ, на солнцѣ, мы шли тихо; а теперь, среди тумана, идемъ шибко.

Гернсеецъ снова подошелъ къ Клюбену.

— Капитанъ Клюбенъ, бояться нечего, но все же лучше было бы убавить пару.

— Да что же прикажете дѣлать? Поневоля приходится наверстывать время, потерянное по милости этого пьяницы-штурмана.

— Ваша правда, капитанъ.

А Клюбень еще добавилъ:

— Я тороплюсь. Довольно съ насъ и тумана; а какъ еще ночь застигнетъ, такъ ужъ будетъ совсѣмъ бѣда.

Герисеецъ возвратился къ малуинцамъ.

— У насъ отличный капитанъ, замѣтилъ онъ имъ.

Повременамъ, болѣе густые клочья тумана застилали солнце. Потомъ оно снова выглядывало, блѣдное, словно больное. Маленькіе, разорванные клочки неба, открывавшіеся тамъ и сямъ, напоминали скорѣе засаленное и закоптѣвшее небо театральныхъ декораций.

Дуранда прошла мимо судна, бросившаго изъ предосторожности якорь. Это было съ Герисея. Хозяинъ судна замѣтилъ, что Дуранда шла слишкомъ быстро. Ему также показалось, что она сбилась съ пути. Она держала слишкомъ на западъ. Это судно, идущее среди тумана, на всѣхъ паряхъ, удивило его.

Къ двумъ часамъ, туманъ былъ такъ густъ, что капитанъ долженъ былъ сойти съ своего мѣста, и приблизиться къ штурману. Солнце исчезло. Туманъ все застигалъ собою. Бѣловатый мракъ охватывалъ со всѣхъ сторонъ Дуранду. Не было видно ни неба, ни моря.

Вѣтеръ вовсе утихъ. Пассажиры смолкли. Только парижанинъ напѣвалъ пѣсенку Беранже: «Однажды господь-богъ»...

Одинъ изъ малуинцевъ заговорилъ съ нимъ:

— Вы вѣроятно изъ Парижа?

— Точно такъ.

— А что подѣлываютъ въ Парижѣ?

— «Ужъ не погибла ль ихъ планета», продолжалъ онъ свою пѣсенку. — Въ Парижѣ, мсье, все идетъ вверхъ дномъ.

— Значить, на землѣ творится то же, что и на морѣ.

— Правда, правда; что за канальскій сегодня туманъ.

— Онъ можетъ надѣлать бѣдъ.

Парижанинъ расходился.

— Зачѣмъ бѣды! Съ какой стати бѣды! На какой конецъ эти бѣды! Вотъ, хоть бы для примѣра, пожаръ въ Одеонѣ. Сколько семействъ пошло по міру. Гдѣ же тутъ справедливость? Я не знаю, каковы ваши религиозныя убѣжденія, а я не могу этимъ быть доволенъ.

— И я также, произнесъ малуинецъ.

— Все, что теперь ни дѣлается у насъ на землѣ, носить ха-

рагтеръ какого-то распадѣнїа. Мнѣ сдается, что Господь-Богъ оставилъ людскїа дѣла.

Малуннецъ почесалъ въ затылкѣ, какъ человѣкъ, который сдается что-нибудь понять.

Клюбенъ, подошедшїй въ это время къ разговаривавшимъ, положилъ руку на плечо парижанина.

— Тс! Будьте осторожниѣ въ своихъ рѣчахъ. Мы на морѣ. Всѣ умолкли.

Черезъ пять минутъ, гернсеецъ, все слышавшїй, шепнулъ на ухо малунцу:

— И какой набожный нашъ капитанъ.

Дождя не было, а всѣ чувствовали, что промокли. Только увеличивавшаяся тоска давала знать, что время шло, и судно двигалось. Съ туманомъ, на морѣ воцаряется безмолвіе, волны стихаютъ, вѣтеръ спадаетъ. Среди этого безмолвія, хрипкое пхтѣнїе Дуранды внушало какое-то безпокойное, тяжелое впечатлѣнїе.

Не попадалось болѣе встрѣчныхъ судовъ. Еслибы вдали, у береговъ Сен-Мало или Гернсея и были какїа суда, то и имъ Дуранда, облеченная туманомъ, не могла быть видна, а узкая полоса дыма, ни съ чѣмъ несвязанная, должна была имъ казаться черной кометой, блуждающей въ бѣломъ небѣ.

Вдругъ Клюбенъ крикнулъ:

— Мерзавецъ! ты не туда держишь. Ты насъ погубишь. Тебя бы должно въ кандалы заковать. Пошелъ вонъ, пьяница!

И онъ взялся самъ за румпель.

Пристыженный штурманъ поспѣшилъ скрыться въ носовой части.

Гернсеецъ замѣтилъ:

— Ну, теперь мы спасены.

Пароходъ шелъ съ прежней быстротой.

Къ тремъ часамъ, туманъ началъ подниматься, и подъ нимъ показалось море.

— Это нехорошо, замѣтилъ гернсеецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, туманъ, можетъ быть, поднять только солнцемъ да вѣтромъ. Коли солнце—такъ хорошо, а коли вѣтеръ—такъ не такъ-то хорошо. Но для солища было уже слишкомъ поздно. Къ тремъ часамъ, въ февралѣ, солнце уже слабо. Вѣтеръ, въ подобную критическую минуту, не очень желателенъ. Онъ часто является предвѣстникомъ урагана.

Впрочемъ, если былъ вѣтерокъ, то его едва можно было признать.

Клюбенъ, не спуская глазъ съ нактоуза и управляя рулемъ, ронялъ сквозь зубы отрывочныя фразы, долетавшія до ушей пассажировъ, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

— Нечего время терять. Изъ-за этого пьлници ми запоздали.

Море уже не было тагъ спокойно, кагъ прежде. Начинали показываться волны. Тамъ и сямъ, поверхность воды отсвѣчивала, кагъ зеркало. Эти свѣтлыя полосы обращаютъ на себя вниманіе моряковъ. Онѣ означаютъ прорывы въ туманъ. Туманъ поднимался и снова падалъ, еще болѣе сгущенный. Порой онъ становился совершенно непрозраченъ. Повременамъ, онъ разступался мѣстами, отерывая клочокъ горизонта.

Герисеецъ помѣстился съ своей подзорной трубкой на носу, въ качествѣ аванпостнаго караула.

Туманъ разступился на мгновение, и снова сомкнулся.

Герисеецъ обернулся въ ужасъ:

— Капитанъ Клюбень!

— Чтѣ тамъ?

— Мы идемъ прямо на скалы Ганоя.

— Вы ошибаетесь, холодно возразилъ Клюбень.

Герисеецъ стоялъ на своемъ.

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Не можетъ быть.

— Я видѣлъ камни на горизонтѣ.

— Гдѣ?

— Тамъ.

— Не можетъ быть. Тамъ открытое море.

Клюбень пошелъ по направленію, гдѣ пассажиру видѣлись скалы.

Герисеецъ взялся снова за свою подзорную трубку.

Черезъ минуту онъ пробѣжалъ на корму:

— Капитанъ!

— Чего вамъ?

— Держите на бортъ.

— Зачѣмъ?

— Я совершенно ясно видѣлъ высокую скалу, и совсѣмъ въ близи. Это большой Ганоя.

— Вы видѣли только болѣе густой туманъ.

— Это большой Ганоя. Держите на бортъ. Ради-бога.

Клюбень налегъ на румпель.

V.

Клюбень приводитъ всѣхъ въ восторгъ.

Послышался трескъ. Трудно представить себѣ что-нибудь томительнѣе звуковъ, издаваемыхъ кораблемъ, когда, наткнувшись на мель въ открытомъ морѣ, онъ пробиваетъ себѣ дно. «Дуранда» разомъ остановилась.

Многие из пассажиров упали от сотрясения, и повалились по палубѣ. Гериссеецъ поднялъ руки къ небу.

— Мы попали на Ганга! Говорилъ же я! На суднѣ раздался продолжительный крикъ.

— Мы погибли. Но отрывистый, сухой голосъ Клюбена покрылъ этотъ крикъ: — никто не погибъ! Молчать! Имбранкамъ высунуть свое черное, обнаженное по поясъ тѣло изъ машиннаго люка, и спокойно сказать:

— Капитанъ, открылась течь; машина скоро погаснетъ.

Эта была ужасная минута.

Этотъ ударъ о скалу походилъ на самоубійство. Нельзя было бы нарочно сдѣлать его страшнѣе.

Дуранда налетѣла на эту скалу, какъ будто хотѣла сокрушить ее. Остріе утеса вонзилось какъ гвоздь въ бортъ судна. Обшивка отлетѣла на квадратную сажень, форштвень переломилась, носовую часть судна пробило, и въ отверстіе, образовавшееся въ кузовѣ, вода вливалась съ ужаснымъ шумомъ. Это была рана, принесшая съ собой кораблекрушеніе. Ударъ такъ сильно отозвался на кораблѣ, что лопнули рулевые штерты, и руль, высочивъ изъ петель, сталъ биться о бортъ. Судно съ своей пробойной находилось тѣмъ болѣе въ жалкомъ положеніи, что вокругъ ничего не было видно, кромѣ густого, почти чернаго тумана. Ночь приближалась. Дуранда, ударяясь носомъ объ рифъ, была похожа на коня, которому бѣшеннй быкъ распоролъ рогомъ брюхо. Она была мертвая. На морѣ стали появляться признаки прилива.

Тангуль протрезвился, да и кого бы не протрезвило кораблекрушеніе; онъ спустился на кубрикъ, и выйдя оттуда на палубу, сказалъ:

— Капитанъ, трюмъ полонъ водою; минутъ черезъ десять она поднимется до самыхъ шпигатовъ. Пассажиры въ отчаяніи бѣгали взадъ и впередъ, всплескивая руками, наклоняясь черезъ бортъ, заглядывая въ машинный люкъ, дѣлая всѣ тѣ бессмысленныя, бесполезныя движенія, которыя внушаются страхомъ. Туристъ лежалъ въ обморокѣ. Но тутъ Клубень сдѣлалъ знакъ рукою, и всѣ стали слушать. Онъ спросилъ у Имбранкама:

— Сколько времени еще можетъ работать машина?

— 5 или 6 минутъ.

Потомъ онъ обратился къ герисейцу:

— Я былъ все время у руля, и потому не замѣтилъ, на который изъ рифовъ Ганга мы наткнулись.

— На Мовъ. Только что прояснѣло, я тотчасъ узналъ Мовъ.

— Значить, мы въ одной миле отъ берега, замѣтилъ Клубень.

И пассажиры и команда, дрожа всѣмъ тѣломъ и устремивъ взоры на капитана, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

Выкинуть грузъ изъ судна было бесполезно, да и опасно, потому что для этого слѣдовало открыть люки, въ которые немедленно хлынула бы вода. Отдавать якорь не было нужды, такъ-какъ судно ужъ и безъ того было неподвижно. Да и наконецъ, на этомъ грунтѣ канатъ непремѣнно зацѣпился бы за штокъ. Покуда вода не залила еще топокъ, и машина могла дѣйствовать, можно было дать хорошій задній ходъ, и такимъ образомъ соскочить съ рифа. Но въ такомъ случаѣ, судно тотчасъ пошло бы ко дну. Камень, на который оно сѣло, закрывалъ до нѣкоторой степени пробойну, и останавливалъ течь. Онъ служилъ препятствіемъ для вторженія воды; будь это препятствіе устранено, остановить течь или помпами выкачивать воду, было невозможно. Какъ раненый, изъ раны котораго вынимаютъ окровавленное оружіе, немедленно умираетъ, такъ же точно снять это судно съ мели, значило потопить его.

Въ трюмѣ набралось столько воды, что бики, которые тамъ стояли, начали мычать отъ страха.

Клюбенъ командовалъ:

— Спустить барказъ. Имбранкамъ и Тангуль винулись въ барказу, и принялись снимать найтовы. Остальная часть команды стояла неподвижно въ какомъ-то оцѣпененіи.

Невозмутимый Клюбенъ продолжалъ командовать, тѣмъ старыми командными словами, которыя современнымъ морякамъ совершенно неизвѣстны.

Наконецъ, барказъ былъ на водѣ.

Въ тотъ же моментъ колеса Дуранды перестали вертѣться, дымъ ужъ не выходилъ изъ трубы, топки были залиты. Пассажиры по веревочному трапу спустились въ барказъ. Имбранкамъ схватилъ туриста, который лежалъ безъ памяти, снесъ его въ барказъ и потомъ вернулся на судно.

Матросы кидались въ шлюпку вслѣдъ за пассажирами, такъ что сбили съ ногъ юнгу и даже ходили по несчастному ребѣнку.

Имбранкамъ загородилъ дорогу спасающейся командѣ.

— Никого не пушу прежде Мого—сказалъ онъ, и раздвинувъ своими смуглыми руками толпу матросовъ, поднялъ юнгу на руки и передалъ его гернсейцу, стоявшему въ барказѣ; избавивъ юнгу отъ габели, Имбранкамъ отошелъ въ сторону и сказалъ другимъ:

— Проходятъ.

Между тѣмъ Клюбенъ, спустившись въ свою каюту, собралъ всѣ судовныя бумаги и инструменты, свалъ компасъ со штатива,

потомъ бумаги и инструменты отдалъ Имбранхаму, а компасъ Тангрулю и сказалъ имъ: спускайтесь въ барказъ.

Они спустились. Шлюпка была полна. Вода едва не заливала ее.

— Отваливайте! крикнулъ Клюбень.

Кто-то вскрикнулъ: «а вы капитанъ?»

— Я остаюсь.

Во время кораблекрушенія, некогда совѣщаются или предаваться измѣненію чувствъ. Однакожь—тѣми, которые сидѣли уже въ барказѣ и потому могли считать себя въ сравнительно безопасномъ положеніи, овладѣло чувство сожалѣнія къ капитану, и они всѣ въ одинъ голосъ закричали:

— Поѣдемте съ нами, капитанъ.

— Я останусь.

Гернсеецъ, хорошо знакомый со всѣми причудами морской стихіи, отвѣчалъ:

— Послушайте, капитанъ, вы разбились на Ганоя. До Пленмона всего миля, если пуститься вплавъ; но на шлюпкѣ можно пристать только въ Рокенѣ, а до-туда двѣ мили. Кромѣ того тамъ множество рифовъ—вѣчные туманы, такъ что эта шлюпка будетъ въ Рокенѣ только черезъ два часа. Ночь будетъ темная. Вода прибываетъ, вѣтеръ свѣжѣетъ. Скоро налетитъ сильный шеваль. Мы очень бы желали вернуться сюда за вами, но вѣдь если зареветъ буря, мы не будемъ имѣть ни малѣйшей возможности это сдѣлать. Оставаясь здѣсь, вы подвергаетесь несомнѣнной гибели. Лучше поѣдемте съ нами.

Тутъ вмѣшался парижанинъ:

— Конечно, шлюпка уже полна и даже слишкомъ полна, и лишній человѣкъ на ней будетъ—лишній. Но такъ-какъ насъ тринадцать, а это дурное число, то лучше посадить лишняго человѣка. Поѣдемте, капитанъ.

Тангруль прибавилъ:

— Всему виною я, а не вы; по справедливости вамъ не слѣдуетъ оставаться.

— Я остаюсь, сказалъ Клюбень:—въ эту ночь буря разобьетъ паруходъ въ дребезги, а его не повину. Когда судно поггло—командиру его, незачѣмъ жить. Пусть скажутъ про меня: онъ исполнилъ свой долгъ. Тангруль, я вамъ прощаю. И скрестивъ руки, онъ крикнулъ во все горло:—слушать команду. Отдай конецъ. Отваливай!

Шлюпка тронулась. Имбранхамъ сѣлъ на руль. Всѣ тѣ, которые не гребли, простерли руки къ капитану и вмѣстѣ съ гребцами крикнули «ура» капитану Клюбену.

— Вотъ рѣдкій человѣкъ, сказалъ американецъ.

— Въ морѣ нѣтъ человѣка честнѣе его, отвѣтилъ герисецъ. Тангуль плакалъ.

— Будь я человекъ съ сердцемъ, пробормоталъ онъ:—я бы его не покинулъ.

Туманъ обхватилъ шлюпку, и она скрылась.

Ничего не стало видно. Шумъ весель ослабѣвалъ, и замеръ. Клюбень остался одинъ.

VI.

Внутренность вѣзднн.

Когда этотъ человекъ увидѣлъ эту скалу, подъ этимъ туманомъ, среди этого моря, далеко отъ всякаго живаго существа, далеко отъ всякаго человѣческаго звука, оставленный на вѣрную смерть, одинъ между прибывавшимъ моремъ и наступающей ночью, онъ почувствовалъ необъяснимую радость.

Онъ достигъ успѣха.

Его задушевная мечта исполнилась. Долгосрочный вексель, который онъ трасировалъ на судьбу, былъ, наконецъ, ему выплаченъ.

Для него быть покинутымъ, значило быть спасеннымъ. Онъ былъ на Гануа въ одной миля отъ берега. Онъ имѣлъ семьдесятъ пять тысячъ франковъ въ рукахъ. Никогда не было совершенно такого искуснаго кораблекрушенія. Ничего не доставало; правда, все это было предусмотрено. Клюбень отъ самой юности имѣлъ одну идею: поставить честность какъ ставку на рулетку жизни, выдать себя за честнаго человека, и начавъ съ этого, ждать случая, оставить ставку расти, найти способъ, угадать минуту, схватить навѣрняка, нанести ударъ, и одинъ только ударъ, покончить разомъ и оставить далеко за собой всѣхъ дураковъ. Онъ хотѣлъ въ одинъ разъ сдѣлать то, чего глупые мошенники не успѣваютъ сдѣлать въ двадцать разъ къ ряду, и тогда, какъ они достигаютъ висѣлицы, онъ надѣялся достать богатства. Встрѣча съ Рантеномъ была для него лучомъ свѣта. Онъ тотчасъ составилъ свой планъ. Заставить Рантена отдать деньги; что же касается до возможныхъ обнаруженій дѣла въ послѣдствіи, то сдѣлать ихъ ничтожными, исчезнуть; выдать себя за мертваго—лучшій видъ исчезновенія; для этого надо погубить Дуранду. Это кораблекрушеніе было необходимою. Кромѣ того, удалиться, оставая послѣ себя добрую славу, дѣлало всю его жизнь кажимъ-то чудомъ искусства. Кто увидѣлъ бы Клюбена среди этого кораблекрушенія, увидѣлъ бы, казалось, демона, въ счастіи.

Онъ жилъ всю свою жизнь только для этой минуты.

Все его существо выражало теперь одно слово: наконецъ! Страшная невозмутимость исчезла съ его потемнѣвшаго лба. Его тусклый взглядъ, въ глубинѣ котораго словно виднѣлась какая-то перегородка, вдругъ сдѣлался глубокимъ, ужасающимъ. Внутренній пожаръ его души отразился въ этомъ взглядѣ. Совѣсть, какъ и внѣшняя природа, имѣетъ свое электрическое напряженіе. Идея что метеоръ; въ минуту успѣха, накопившіяся думы, подготовившія его, разрываются и изъ-за нихъ вылетаетъ искра; имѣтъ въ себѣ когти зла и чувствовать, что въ нихъ попалась жертва— это счастье, которое имѣетъ свое сіяніе; злая мысль, одерживающая побѣду, освѣщаетъ лицо человѣка; удача извѣстныхъ расчетовъ, достиженіе извѣстныхъ цѣлей, удовлетвореніе извѣстныхъ звѣрсихъ инстинктовъ заставляютъ появляться и исчезать въ глазахъ человѣка какое-то роковое сіяніе. Это—играющая гроза, это — ужасающая заря. Это истекаетъ изъ совѣсти, сдѣлавшейся мракомъ и тучей.

Въ его зрачкѣ блестяла молнія.

Эта молнія ничѣмъ не походила на ту, которую мы видимъ на небѣ или на землѣ.

Скрытый мошенникъ вдругъ обнаружился въ Клюбенѣ съ страшнымъ взрывомъ.

Клюбенъ посмотрѣлъ на окружающій его мракъ и не могъ удержаться отъ глухого, рокового хохота.

Итакъ онъ былъ свободенъ! Итакъ онъ былъ богатъ!

Его неизвѣстное, наконецъ, найдено. Онъ рѣшилъ свою задачу.

Клюбенъ имѣлъ передъ собой много времени. Былъ приливъ, и слѣдовательно онъ поддерживалъ Дуранду; даже по всей вѣроятности кончить тѣмъ, что подниметъ ее съ мели. Теперь судно крѣпко сидѣло на рифѣ; не было никакой опасности, чтобы оно вдругъ затонуло. Кромѣ того, надо было дать время баркасу удалиться, а быть можетъ и погибнуть. Клюбенъ надѣлся, что баркасъ погибнетъ.

Стоя на разбившейся Дурандѣ и скрестивъ руки на груди, онъ на свободѣ тѣшилъ своимъ уединеніемъ посреди мрака.

Лицедріе гнело тридцать лѣтъ этого человѣка. Онъ былъ зло, а сожительствовалъ съ честностью. Онъ ненавидѣлъ добродѣтель той страшной ненавистью, которую питаетъ къ браку человѣкъ, неудачно женившійся. Онъ всегда питалъ въ себѣ низкія намѣренія, но съ тѣхъ поръ какъ возмужалъ, онъ носилъ крѣпкую броню наружнаго приличія. Подъ нею онъ былъ чудовище; онъ жилъ въ шкурѣ человѣка съ сердцемъ разбойника. Онъ былъ подсланный пиратъ. Онъ былъ узникомъ честности, онъ былъ

заперть въ вѣткѣхъ невинности; у него на спиѣхъ были крылья ангела, слишкомъ тяжелыя для мошенника. Его гнѣво ярмо общественнаго уваженія. Слыть честнымъ человѣкомъ—это было тяжело. Всегда поддерживать эту славу, думать зло, говорить добро—какая мука! Онъ былъ призракомъ честности, будучи тѣмъ преступленія. Это противорѣчье было его судьбой во всю жизнь. Ему нужно было постоянно носить маску, постоянно оставаться приличнымъ, пѣниться подъ зеркально-гладкой поверхностью, прикрывать улыбкой скрежетъ зубовъ. Добродѣтель его душила. Онъ всю жизнь жаждалъ укусить эту руку, зажавшую ему ротъ.

А жажда ее укусить, онъ долженъ былъ ее цаловать.

Лгать — это значить страдать. Лицемеръ терпитъ двойнѣ: онъ ждетъ рассчитывая на торжество, и переноситъ пытку. Безконечное обдумываніе злодѣйскаго намѣренія, соединенное съ довой строгаго пуританства, внутренняя низость, приправленная безупречною славой честнаго человѣка, вѣчно мѣняться, никогда не быть самимъ собой, играть въ обманъ — все это страшно утомительно. Съ сажей, нависшею въ мозгу, корчитъ бѣлизну невинности, стремится пожрать тѣхъ, кто васъ уважаетъ, быть ласковымъ, вѣчно удерживать себя, всегда быть наготовѣ, насторожѣ; прикрывать добромъ свое тайное преступленіе, своему уродству придавать видъ красоты; созидать добродѣтель изъ своей злобы, ласкать вилкаломъ, подслащивать адъ, ежеминутно наблюдать за своими жестами и голосомъ — ничего не можетъ труднѣе, мучительнѣе. Весь ужасъ лицемерія чувствуется прежде всего, хотя и скрытно, самимъ лицемеромъ. Питается вѣчно своимъ собственнымъ обманомъ, наконецъ, стошнить. Приторность, которую хитрость придаетъ мошенничеству, отвратительна для мошенника; обязаный вѣчно чувствовать во рту этотъ противный для него вкусъ, онъ испытываетъ припадки сердцебиенія, когда готовъ изрыгнуть свою затаенную идею. Проглотить эту слюну ужасно. Прибавьте къ этому страшное самолюбіе. Есть странныя минуты, въ которыя лицемеръ себя уважаетъ. Въ мошенникѣ, въ злодѣѣ свирѣеется чрезмѣрно-развитое я. Червь такъ же изгибается и выпрямляется, какъ драконъ. Измѣнникъ — не что иное, какъ ограниченный деспотъ, который можетъ поступать по своему, только довольствуясь второстепенною ролью. Это—мелочность, способная на громадность. Лицемеръ — это тиганъ-карло.

Клюбенъ чистосердечно воображалъ себѣ, что онъ угнетенъ, униженъ. По какому праву онъ не родился богатымъ? Онъ не спросилъ бы болѣе, какъ сто тысячъ фунтовъ годового дохода. Отчего онъ ихъ не имѣлъ? Отчего ему не оставилъ ихъ отецъ или мать?

Въ этомъ онъ не былъ виноватъ. Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы доставить ему всѣ удовольствія жизни, его принуждали работать, то-есть обманывать, измѣнять, губить? Затѣмъ его приговорили къ вѣчной пыткѣ—лестить, ползать, поддѣлываться, снискивать любовь и уваженіе, имѣть всегда и днемъ и ночью на своемъ лицѣ другое, чужое лицо? Притворяться постоянно—это пытка, которой добровольно не подчинишься. Всегда ненавидишь того, передъ кѣмъ обязанъ лгать. Наконецъ, часъ пробилъ. Клюбенъ мстилъ.

Кому? Всѣмъ за все.

Летьери не сдѣлалъ ему ничего, кромѣ добра; тѣмъ хуже, онъ мстилъ Клюбену.

Онъ мстилъ всѣмъ, передъ которыми долженъ былъ сдерживаться. Онъ теперь вѣтался со всѣми. Всякій, кто думалъ о немъ хорошо, былъ его врагомъ, былъ плѣнникомъ этого человѣка.

Клюбенъ былъ теперь свободенъ. Онъ былъ вѣдъ среди людей. То, что примуть за его смерть, было для него жизнью. Онъ начнетъ теперь только жить. Настоящій Клюбенъ отрѣшился отъ подложнаго. Однимъ ударомъ онъ расторгнулъ все. Онъ толкнулъ Рантена въ пространство, Летьери въ нищету, человѣческое правосудіе—въ мракъ ночи, общественное мнѣніе—въ гнусное заблужденіе, все человѣчество—далеко отъ себя, Клюбена. Онъ покорилъ весь міръ.

Что касается до Бога, онъ мало заботился объ этомъ словѣ изъ четырехъ буквъ.

Онъ выдавалъ себя прежде за набожнаго. А теперь?

Въ лицемѣрѣ скрываются мрачныя ущелья, или, лучше сказать, лицемѣръ самъ мрачное ущелье.

Когда Клюбенъ остался одинъ, его вертепъ раскрылся. Это была минута глубокаго наслажденія; онъ провѣтрилъ свою душу.

Онъ вдыхалъ въ себя свое преступленіе полной грудью.

Вся глубина зла теперь выказалась на его лицѣ. Клюбенъ просіялъ. Въ эту минуту взоръ Рантена рядомъ съ этимъ взоромъ поваялся бы дѣтскимъ-младенческимъ.

Сбросить маску—какое отрадное освобожденіе! Совѣсть ликуеть, видя себя обнаженной и купаясь на свободѣ во злѣ. Переносить вѣчное принужденіе, соображать всѣ свои поступки съ приличіями и уваженіемъ, которое къ вамъ питають, наконецъ, приводить къ непреодолимой жадѣ безстыдства. Приходишь къ какому-то сладострастію нечестія. Въ этихъ страшныхъ нравственныхъ глубинахъ, столь мало изслѣдованныхъ, есть какое-то свирѣпое стремленіе къ выставкѣ своего позора, къ безстыдству преступленія. Прѣисность ложной репутаціи развиваетъ вкусъ къ постыдному. Презрѣніе къ людямъ такъ велико, что вы чувствуете

желаніе, чтобъ они вась презирали. Общее уваженіе, наконецъ, порождаетъ скуку, и съ восхищеніемъ смотришь на свободу разврата. Смотришь съ завистью на срамоту нечестія. Глаза, понижшіе противъ воли, часто бросаютъ подобные косые взгляды. Ничто такъ не близко къ Мессалинѣ, какъ Марія Алакогъ. Сравните Лакадьеръ и монахиню Лувье. Клюбень также провелъ всю жизнь подъ покрываломъ. Безстыдство было его самой честолюбивой мечтой. Онъ завидовалъ публичной женщинѣ и мѣдному лбу позора, всѣмъ признаннаго; онъ чувствовалъ себя болѣе публичной женщиной, чѣмъ она, и ему противно было слыть за дѣвственницу. Онъ былъ Танталомъ цинизма. Наконецъ, на этой скалѣ, въ этомъ мрачномъ уединеніи онъ могъ быть огорченнымъ, и онъ былъ весь на распахку. Чистосердечно чувствовать себя гнуснымъ—какое сладострастіе! Всѣ восторги, возможные для ада, Клюбень перечувствовалъ въ эту минуту; всѣ недомысли за обманъ были теперь имъ вполне получены; лицемеріе—это задатокъ, дьяволъ выплатилъ его сполна. Клюбень предался съ восторгомъ опьяняющей чашѣ безстыдства, когда люди теперь исчезли и надъ нимъ было только небо. Онъ сказалъ себѣ: «я подлець», и былъ счастливъ.

Ничего подобнаго никогда не ощущала совѣсть человѣка.

Взрывъ лицемерья! никакою взрывъ кратера съ этимъ не сравнится!

Онъ былъ радъ, что не было никого вокругъ, но его не огорчило бы, еслибъ и былъ кто. Онъ наслаждался бы сознаниемъ, что есть свидѣтели его гнуснаго безстыдства.

Онъ былъ бы счастливъ сказать въ лицо всему роду человѣческому: «Ты дуракъ!»

Отсутствіе людей обезвечивало его побѣду, но уменьшало его торжество.

Онъ былъ единственнымъ зрителемъ своей славы.

Стоять у позорнаго столба имѣеть свою прелесть. Всѣ видятъ, что вы гнусный человѣкъ.

Заставить толпу смотрѣть на себя—это доказываетъ силу. Каторжный у позорнаго столба съ желѣзнымъ болдомъ на шеѣ—деспотъ всѣхъ взглядовъ, которые насильно обращаетъ на себя. Эшафотъ превращается въ пьедесталъ. Быть центромъ, къ которому тяготѣеть всеобщее вниманіе, какое великое торжество? Заставить зрачокъ общества повернуться къ вамъ—это одинъ изъ видовъ власти. Для того, кому зло идеаль, позоръ есть вѣнецъ. Съ эшафота царить надо всѣмъ, господствуешь надъ всѣми. Эшафотъ, на который смотреть весь свѣтъ, имѣеть нѣкоторую аналогію съ трибуной.

Быть выставлену напоказъ, значить—быть созерцаему всѣми. Преступный деспотъ очевидно испытываетъ ту же радость, что злодѣй у позорнаго столба. Неронъ, поджигая Римъ, Лудовикъ XIV, взмѣннически овладѣвая Палатинатомъ, регентъ Георгъ, медленно убивая Наполеона, должно быть, ощущали то чувство роковаго властолюбія, о которомъ мечталъ Клюбень. Громадность презрѣнія кажется презрѣнному величіемъ. Быть разоблаченнымъ—это пораженіе, самому разоблачиться—побѣда. Въ этомъ есть опьяненіе, неосторожность, дерзкая и самодовольная, это—изступленная нагота, оскорбляющая все, что ее окружаетъ. Выше этого счастье немислимо.

Эти мысли въ лицемѣрѣ кажутся противорѣчіемъ, но онѣ на дѣлѣ нисколько не противорѣчатъ. Безчестіе всегда послѣдовательно. Медъ бываетъ желчью. Эскобаръ граничитъ съ маркизомъ де-Садомъ. Доказательство: Леотадъ. Лицемѣръ, будучи полнымъ злодѣемъ, совмѣщаетъ въ себѣ оба полюса разврата. Онъ съ одной стороны кутейникъ, съ другой—куртизанка. Онъ какъ демонъ двоякаго пола. Лицемѣръ—это ужасающій гермофродитъ зла. Онъ самъ себя оплодотворяетъ, онъ самъ себя рождаетъ, самъ себя и превращаетъ. Хотите видѣть его очаровательнымъ, любуйтесь имъ; хотите видѣть страшнымъ, отвратительнымъ—стоитъ только его повернуть.

Въ головѣ Клюбена мелькала тѣнь всѣхъ этихъ смутныхъ мыслей. Онъ мало ихъ сознавалъ, но онѣ его много тѣшили.

Эти мысли слѣдовали одна за другой въ странномъ шествіи, словно рядъ блестящихъ искръ, исходящій изъ ада во мракѣ ночи.

Клюбень долго погруженъ былъ въ эти мечты; смотрѣлъ на свою честность въ родѣ того, какъ змѣя смотритъ на свою старую кожу.

Всѣ вѣрили этой честности, даже онъ начиналъ ей вѣрить.

И онъ снова, во второй разъ громко разсѣялся.

Его сочтутъ мертвымъ, а онъ будетъ богачомъ. Его сочтутъ погибшимъ, а онъ спасенъ. Какую славную шутку онъ сыгралъ съ безвозможнымъ міромъ!

И въ этомъ безвозможномъ мірѣ былъ Рантенъ. Клюбень думалъ о Рантенѣ съ безграничнымъ презрѣніемъ. Это было презрѣніе тумана къ тигру. Это бѣгство съ деньгами, неудавшееся Рантену, удалось ему. Рантенъ уѣхалъ побитымъ нищимъ, Клюбень исчезъ торжествующимъ богачомъ. Онъ занялъ мѣсто Рантена въ руслѣ его злодѣяства, и онъ, Клюбень, пожалъ плоды мошенничества Рантена.

Что касается будущности, то онъ не имѣлъ еще ясно опредѣленныхъ плановъ. Въ желѣзной табакеркѣ, спрятанной въ ку-

шагѣ, находились его три банковыхъ билета. И этого для него было довольно. Онъ перемѣнить свое имя. Есть страны на свѣтѣ, гдѣ шестьдесятъ тысячъ франковъ стоятъ шестьсотъ тысячъ. Было бы недурно забраться въ подобный уголокъ земли и жить тамъ честно на деньги, отнятыя у вора Рантена. Спекулировать, заняться торговлей, увеличить свой капиталъ, сдѣлаться дѣйствительно миллионщикомъ—тоже было бы дѣло недурное.

Напримѣръ, въ Коста-Рикѣ, гдѣ только что начиналась громадная торговля кофе, можно было золото загребать грудями. Это надо взять въ соображеніе.

Впрочемъ, нечего объ этомъ думать. Будетъ время на все. Теперь самое трудное сдѣлано. Отнять деньги у Рантена и исчезнуть вмѣстѣ съ Дурандой—вотъ что было главной заботой и трудностью. Это было сдѣлано. Остальное неважно. Никакая преграда не была мыслима. Нечего бояться. Ничего не могло случиться. Онъ достигнетъ берега вплавь, выйдетъ ночью въ Пленмонъ, взлѣзетъ на утесъ, прямо пойдетъ къ дому, посѣщаемому духами, проникнетъ въ него съ помощью веревки съ петлями, которую онъ напередъ спряталъ въ расщелинѣ скалы, найдетъ въ домѣ свой чемоданъ съ платьемъ и съѣстными припасами, и будетъ тамъ дожидаться. Онъ зналъ, изъ вѣрнаго источника, что не пройдетъ восьми дней, какъ одинъ изъ испанскихъ контрабандистовъ, вѣроятно Бласкито, зайдетъ въ Пленмонъ, и за нѣсколько гиней перевезетъ его не въ Тор-Бей, какъ онъ сказалъ Бласко, чтобы сбить его съ толку, а въ Пазажъ или въ Бильбао. Оттуда уже онъ отправится въ Вера-Круцъ или въ Новый-Орлеанъ. Впрочемъ, нечего было терять времени на пустыя разсужденія; пора уже было броситься въ воду, ибо баркасъ давно исчезъ. Проплыть часъ времени было пустякомъ для Клюбена, а до берега была всего одна миля, ибо онъ находился на Ганоя.

Въ эту минуту туманъ вдругъ разсѣялся, страшная скала Дувра показалась недалекѣ.

VII.

Непредвидѣнное.

Клюбенъ, блѣдный, встревоженный, бросилъ тревожный взглядъ. Дѣйствительно, передъ нимъ была страшная скала.

Ошибка была невозможна. Безобразный силуэтъ былъ слишкомъ характеристиченъ. Близнецы Дувры возвышались подъ водою, оставляя между собою узкій проходъ—словно западню. Можно было бы подумать, что океанъ выставилъ здѣсь ловушку.

Они были совершенно близки. Туманъ, словно сообщникъ заговора, скрывалъ ихъ до сихъ поръ.

Клюбенъ въ туманѣ заблудился.

Несмотря на все его волненіе, съ нимъ случилось то же, что случилось съ двумя величайшими мореплавателями: Гонзалесомъ, открывшимъ мысъ Бѣлый, и Фернандезомъ, открывшимъ Зеленый мысъ. Туманъ сбиль его съ пути. Онъ показался ему весьма благопріятнымъ для исполненія его плана, но онъ представлялъ значительную опасность. Клюбенъ, уклонившись къ западу, ошибся въ своемъ расчетѣ. Гернсеецъ, увѣрившій его, что передъ ними Большой Ганоя, побудилъ его въ послѣдній разъ принадлежъ на румвель. Онъ полагалъ, что налетитъ прямо на Большое Ганоя.

Дуранда, пробитая одной изъ подводныхъ частей скалы, была на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовъ отъ двухъ Дувровъ.

За ними, въ двухстахъ саженьяхъ, возвышалась массивная гранитная скала кубической формы. На отвѣсныхъ ея бокахъ видны были полосы и выступы, служившіе для того, чтобы взбираться на нее. Прямолинейные углы этихъ стѣнъ заставляли предугадывать, что вершина скалы представляетъ площадь.

Это былъ Человѣкъ.

Скала Человѣкъ еще выше двухъ Дувровъ. Его платформа господствуетъ надъ ихъ неприступными, остроконечными вершинами. Эта платформа, обвалившаяся по краямъ, была словно оторочена барнизомъ. Вообще скала носила какой-то архитектурный отпечатокъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе пустынное и болѣе угрюмое. Необозримая гладь океана, ударяясь въ отвѣсныя стѣны этого массивнаго чернаго обруба, бѣжала отъ него мелкой волной; его можно было принять за подножіе гигантскому духу океана и ночи.

Но вся эта картина была неподвижна. Едва уловимое дыханіе въ воздухъ, едва примѣтная рябь на поверхности волнъ. Подъ этой нѣмой поверхностью воды можно было угадать жизнь, скрывающуюся въ ея нѣдрахъ.

Клюбенъ часто видалъ скалу Дувръ издали.

Онъ теперь ясно видѣлъ, что именно она была передъ его глазами.

Онъ не могъ сомнѣваться.

Страшная, неожиданная перемена. Дувръ вмѣсто Ганоя. Вмѣсто одной мили—пять морскихъ миль. Пять миль! Да это невозможно. Скала Дувръ — это ясное, несомнѣнное предвѣстіе, что пробилъ послѣдній часъ. Нечего и думать достигнуть земли.

Клюбенъ дрогнулъ. Онъ самъ ринулся въ объятія смерти. Единственное спасеніе — скала Человѣкъ. Весьма вѣроятно, что

ночью будетъ буря и шлюбка Дуранды, слишкомъ нагруженная, пойдетъ ко дну. Никакое извѣстiе о гибели Дуранды не достигнетъ берега. Никто не узнаетъ, что Клюбень остался на скалѣ Дувра. Единственная перспектива—смерть отъ холода и голода. Его семьдесятъ-пять тысячъ франковъ не дадутъ ему и кусочка хлѣба. Всѣ его замислы привели его только къ этой западнѣ. Онъ самъ старательно подготавливалъ свою гибель. Спасенiе невозможно. Торжество привело его къ пропасти. вмѣсто избавленiя—смерть. вмѣсто долгаго благоденствiя—агонiя. Въ мгновенiе ока все его зданiе рушилось. Рай, о которомъ мечтали этотъ демонъ, оказался могилой.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Туманъ, разорванный, разсѣянный вѣтромъ, скрывался на горизонтѣ въ громадныхъ, безобразныхъ клокчяхъ. Все море открылось.

Бнки, заливаемые водою, продолжали жалобно мычать въ трюмѣ.

Ночь приближалась, а съ нею вѣроятно и буря.

Дуранда, поднимаемая приливомъ, колебалась справа налѣво и слѣва направо и начинала вращаться на подводномъ камнѣ, какъ на оси.

Каждую минуту можно было ожидать, что набѣжавшая волна снесетъ ее вовсе.

Было немного свѣтлѣе, чѣмъ во время крушенiя. Хотя было позже, но можно было яснѣе различать предметы. Туманъ, разсѣявшись, унесъ съ собою и часть мрака. Западная часть неба была совершенно чиста. Сумерки, при ясномъ, блѣдномъ небѣ—вотъ какой свѣтъ освѣщали безпредѣльное море.

Дуранда лежала наклонно, корма была выше носа. Клюбень прошелъ на корму, еще выставляющуюся надъ водою. Онъ устремилъ взоръ къ горизонту.

Лицемѣрие надѣется до послѣдней крайности. Лицемѣрие всегда выживаетъ. Лицемѣрие не что иное, какъ отвратительная надежда; въ основѣ этой лжи лежитъ эта добродѣтель, превратившаяся въ порокъ.

Странно сказать, лицемѣрие довѣрчиво. Клюбень озираетъ пространство.

Положенiе было отчаянное, но эта зловѣщая душа не отчаялась.

Онъ увѣрялъ себя, что послѣ такого тумана, суда, переживавшихъ его въ дрейфѣ или на якорѣ, будутъ продолжать свой путь и, можетъ быть, онъ увидитъ одно изъ нихъ на горизонтѣ.

И, дѣйствительно, показался парусъ.

Онъ шелъ съ востока на западъ.

Вскорѣ обозначились части корабля. На немъ была одна мачта. Бугшпритъ былъ почти горизонталенъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, онъ пройдетъ совсѣмъ близко мимо скали Дувръ.

Клюбенъ подумалъ: «Я спасенъ».

Въ подобныя минуты думаешь только о жизни.

Можетъ быть, судно было иностранное. Кто знаетъ, можетъ быть, это было одно изъ контрабандистскихъ судовъ, направившихся въ Шленмонъ? А можетъ быть, это былъ самъ Бласкито? И въ такомъ случаѣ не только жизнь была спасена, но и состояніе, и встрѣча при скалѣ Дувръ, избавивъ его отъ необходимости скрываться въ домѣ привидѣній, привела дѣло къ развязкѣ въ открытомъ морѣ, была бы еще счастливою случайностью.

Успѣхъ казался этому мрачному уму несомнѣннымъ.

Странная вещь, съ какою самоувѣренностью мошенники разсчитываютъ на успѣхъ, какъ на вѣчто заслуженное.

Оставалось сдѣлать бездѣлицу.

Силуэтъ Дуранды, сѣвшей между скалами, сливался съ ихъ зубчатыми силуэтами, и при неясномъ свѣтѣ она могла остаться незамѣченною.

Но человѣческая фигура, возвышающаяся на скалѣ Человѣкъ и рѣзко выдающаяся на бѣломъ фонѣ неба — фигура, показывающая знакомъ грозящую ей гибель, не могла остаться незамѣченною. Съ судна непременно послали бы шлюбку, чтобы снять несчастнаго, потерпѣвшаго крушеніе.

Скала Человѣкъ была въ двухстахъ саженьяхъ. Ничего не могло быть проще, какъ достигнуть ее вплавь; ничего не могло быть легче, какъ взобраться на нее.

Нельзя было терять ни одной минуты.

Такъ-какъ носъ Дуранды уткнулся въ скалу, то нужно было броситься съ корма, съ того самаго мѣста, гдѣ стоялъ Клюбенъ.

Онъ бросилъ лотъ и увидѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ было глубоко. Микроскопическіе панцири корненожекъ, принесенные со дна, были цѣлехоньки, что означало, что здѣсь были глубокія пещеры, въ которыхъ вода не возмущалась, какова бы ни была буря на поверхности.

Онъ раздѣлся и оставилъ свое платье на палубѣ. Вѣдь ему дадутъ платье на суднѣ.

Онъ оставилъ при себѣ только кожаный поясъ.

Раздѣвшись, онъ надѣлъ этотъ кушакъ, застегнулъ его, ощущая въ немъ желѣзный ящикъ, взмѣрилъ быстрымъ взглядомъ, какого направленія ему надо держаться, чтобы, взбѣгнувъ камней

и волнѣ, достигнуть скалы Человѣкъ; потомъ бросился головою впередъ и нырнулъ въ воду.

Такъ-какъ онъ бросился съ значительной высоты, то и ушелъ глубоко.

Онъ опустился на дно, ощупавъ его, нѣсколько времени держался вдоль подводной скалы, потомъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться на поверхность.

Въ то же мгновение онъ почувствовалъ, что его что-то вѣршико схватило за ногу.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

БЕЗОСТОРОЖНОСТЬ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ КИТЪ.

I.

Жемчужина на днѣ пропасти.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ разговора съ съѣромъ Ландуа, Жильятъ былъ уже въ Сен-Сансонѣ. Безпокойство Жильята доходило до опасенія. Чтѣ случилось? Весь Сен-Сансонъ всполошился и суетился словно пчельникъ. Все повныскавало изъ домовъ. Женщины ахали. Люди о чемъ-то толковали; вокругъ нихъ толпились народъ; слышались слова: чтѣ за несчастье! нѣкоторые улыбались. Жильятъ никого не разспрашивалъ. Онъ по природѣ не былъ охотникъ до разспросовъ. Да въ тому же онъ былъ слышкомъ взволнованъ, чтобы бесѣдовать съ посторонними. Не охотникъ онъ былъ вообще до розказней, а любилъ лучше узнать дѣло съ разу; онъ пошелъ прямо въ Бравѣ.

Безпокойство его возрасло до того, что онъ осмѣлился войти въ этотъ домъ.

Впрочемъ, двѣри на набережную были открыты настежь. На порогѣ толпились мужчины и женщины. Всѣ лѣзли въ домъ, вошелъ и Жильятъ. При входѣ, у притолки, стоялъ съѣръ Ландуа.

— Вы теперь знаете, въ чемъ дѣло? шепнулъ ему нотаріусъ.

— Нѣтъ.

— Я не хотѣлъ вамъ сообщить это по дорогѣ, какъ кака-нибудь зловѣщая птица.

— Въ чемъ же дѣло?

— Дуранда погибла.

Въ загѣ стояла толпа. Разговаривали тихо, вполголоса, по кружкамъ, словно въ комнатѣ больного.

Присутствующіе—сосѣди, любопытные, прохожіе, встрѣчные-поперечные, въ какомъ-то ужасѣ толпились у дверей. На дру-

гомъ, пустомъ концѣ салы сидѣла Дерюшета вся въ слезахъ; подлѣ нея стоялъ Месь Летьери, прислонясь къ перегородкѣ.

Матросская шапка его была надвинута на брови. Прадь сѣдхъ волосъ падала ему на щеку. Онъ молчалъ. Руки не двигались. Бѣднякъ, казалось, не дышалъ, словно окаменѣлъ.

Вся жизнь его рушилась. Дуранда погибла; Летьери не къ чему жить на свѣтѣ. Душа его жила на морѣ; она потерпѣла крушеніе. Чтѣ теперъ дѣлать? Вставать по утрамъ, по вечерамъ ложиться. Не отправлять Дуранды въ море, не ожидать ее обратно. Чтѣ за существованіе безъ цѣли? Пить, ѣсть, а потомъ? Неутомимые труды этого человѣка увѣнчались успѣхомъ. Успѣхъ этотъ былъ его торжество. Гибель Дуранды положила конецъ его успѣхамъ, его торжеству. Прожить бесполезно, безцѣльно, еще нѣсколько лѣтъ, къ чему? А дѣлать уже нечего. Въ его годы не начинаютъ съизюва; къ тому же онъ былъ разоренъ. Несчастннй старикъ!

Дерюшета въ слезахъ сидѣла на стулѣ подлѣ Месь Летьери, и держала его кулакъ въ своихъ ручкахъ. Ручки дрожали, кулакъ былъ судорожно сжатъ. Сложенныя ручки еще выражали надежду, сжатый кулакъ—отчаяніе.

Месь Летьери, предоставивъ ей свою руку, находился въ какомъ-то оцѣпененіи. Въ немъ было столько же жизни, какъ въ человѣкѣ, пораженномъ громомъ.

Порою между вами и всѣмъ живущимъ разверзается пропасть. Люди, вобругъ васъ бродятъ словно тѣни, толкаютъ васъ, но толчковъ этихъ вы не чувствуете. Вы имъ недоступны, они вамъ непонятны. Счастье и горе — двѣ различныя среды жизни. Въ отчаяніи, человѣкъ глядитъ издалека на жизнь другихъ, почти не замѣчаетъ ихъ присутствія; онъ теряетъ чувство своего собственнаго бытія; оставаясь съ костями и плотію, онъ перестаетъ сознавать дѣйствительность; онъ самому себѣ кажется сновидѣніемъ. Въ такомъ-то настроеніи находился Месь Летьери. Люди шептались въ толпѣ, сообщали другъ другу, чтѣ знали. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Дуранда набѣжала наканунѣ на скалу Дувръ, во время тумана, за часъ до заката солнца. За исключеніемъ шкипера, который не хотѣлъ бросить своего судна, вся команда спаслась въ лодкѣ. Сильный юго-западный вѣтеръ, который разогналъ туманъ, чуть не затопилъ лодку, и вынесъ ее въ открытое море за Герисей. Ночью имъ посчастливилось встрѣтить «Кашмеръ», который ихъ подобралъ и доставилъ въ Пьер-Поръ. Винавать во всемъ былъ кормчій Тангуль, который уже сидѣлъ въ тюрьмѣ. Поступокъ Клюбена былъ великодушень.

Лоцманъ, которыхъ было немало въ числѣ присутствующихъ, произносили это слово: «скала Дувръ» съ каѣмъ-то особымъ выраженіемъ.

— Плохая стоянка, пронзаетъ одинъ изъ нихъ.

На столѣ лежалъ компасъ, вмѣстѣ съ кипой бумагъ, вѣроятно компасъ съ Дуранды, и судовые документы, врученные Клюбеномъ Имбранкаму и Тангрулю при отплытіи лодки; удивительное самоотверженіе человѣка, который, обрекая себя на смерть, спасаетъ все до послѣдней бумажки—мелочность, доходящая до величія; высокое забвеніе самого себя.

Всѣ были въ восторгѣ отъ Клюбена, къ тому же всѣ надѣялись, что и онъ вѣроятно спасся. Судно «Шильтила» пришло нѣсколькими часами послѣ «Кашмера»; черезъ него-то получены самыя послѣднія извѣстія. Оно пробыло двадцать-четыре часа въ тѣхъ же водахъ, что и Дуранда. Онъ обождалъ туманъ, и крейсировало во время бури. Хозяинъ «Шильтила» былъ тутъ же въ числѣ присутствующихъ.

Въ ту минуту, когда Жильятъ входилъ въ комнату, судохозяинъ окончилъ свой рассказъ. Рассказъ этотъ былъ настоящее донесеніе. Поутру, когда буря миновала и вѣтеръ началъ спадать, хозяинъ «Шильтила» услышалъ мычаніе среди моря. Звуки эти среди стона волнъ показались ему довольно странными; онъ направился въ ту сторону, откуда они раздавались, и увидалъ Дуранду въ скалахъ Дувръ. Погода уже значительно стихла, и судно могло приблизиться къ пароходу. Шкиперъ «Шильтила» окликнулъ его—мычанье скота, тонувшаго въ трюмѣ, было единственнымъ отвѣтомъ. На Дурандѣ не было живой души. Погибшее судно еще не успѣло разрушиться; какъ бы сильна ни была буря, Клубень могъ бы провести на немъ ночь, а онъ былъ человѣкъ стойкій и не терялъ головы въ опасности. Очевидно, онъ успѣлъ спастись. Нѣсколько баржъ и люгеровъ, въ Гранвила и Сен-Мало, выйдя изъ тумана, должны были съ вечера пройти мимо скалы Дувръ. Одно изъ этихъ мелкихъ судовъ, вѣроятно, подобрало шкипера Клюбена. Не должно забывать, что шлюпка съ Дуранды была переполнена народомъ, что ея ожидала большая опасность, что одинъ лишній человѣкъ могъ бы оказаться излишнимъ грузомъ, и затопить ее; эти-то причины вѣроятно заставили Клюбена остаться на погибшемъ суднѣ; но исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, Клубень могъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти воспользоваться помощью перваго встрѣтившагося избавителя. Не доводить же геройство до глупости. Самоубійство въ этомъ случаѣ не имѣло бы ни малѣйшаго смысла, такъ-какъ Клубень не былъ ни въ чемъ виноватъ. Виновный былъ Тангуль.

Все это было ясно до очевидности; хозяинъ «Шильтия» былъ правъ, и всѣ ожидали, что вотъ-вотъ появится Клюбень. Ему готовили торжественный пріемъ.

Двѣ вещи назались несомнѣнными, послѣ разсказа судохозяина: спасеніе Клюбена и погибель Дуранды. Что касается Дуранды, то оставалось примириться съ судьбой, горю помочь не было возможности. Хозяинъ «Шильтия» былъ очевидцемъ послѣдней участи злополучнаго судна. Дуранда всю ночь была словно пригвождена къ острому подводному камню, на который набѣжала; всѣ усилія бури не могли ее сдвинуть съ мѣста; но утромъ въ ту минуту, когда «Шильтия», не найдя никого изъ команды, готовъ былъ удалиться, вдругъ набѣжала могучая волна, послѣднее слово издыхавшей бури. Волна эта съ яростью подбросила Дуранду, сорвала ее со скалы, и съ быстротою стрѣлы бросила ее между обѣихъ скалъ Дувръ. Послышался адскій трескъ, по словамъ судохозяина. Дуранда, приподнятая волной, очутилась въ промежуткѣ между обѣими скалами. Она была снова пригвождена, но гораздо прочнѣй, чѣмъ прежде. Тамъ ей приходилось висѣть несчастною жертвою волнъ и вѣтровъ.

По словамъ команды Шильтия, Дуранда была ужъ до трехъ четвертей разрушена и навѣрно потонула бы за ночь, еслибъ подводный камень ее не поддерживалъ. Хозяинъ Шильтия осмотрѣлъ обломки судна въ подзорную трубу, и съ точностію моряка описывалъ послѣдствія крушенія; подвѣтренный бокъ былъ продавленъ, мачты сбиты, паруса сорваны, вантпугенсы разорваны, паденіемъ реи продавило чехоль на люкъ, крышка баталер-камеры пробита, рудир-пасъ переломленъ, штуртросы сдернуты, кнехты смиты, отъ красписовъ ни слѣда, рибны порваны, актер-штейвень въ кускахъ. Грузовой журавль, прикрѣпленный къ фок-мачтѣ, поминной какъ звали, все пошло къ чорту, съ блоками, цѣпами и воротомъ.

Дуранда была вся разбита; водѣ оставалось только размыть ее обломок. Черезъ нѣсколько дней и слѣдовъ ее не останется.

И несмотря на то, машина почти не пострадала, что доказываетъ превосходную ея конструкцію. Хозяинъ Шильтия завѣрялъ, что мотыль нисколько не потерялъ. Мачты поддались, но труба осталась невредима. Рѣшотка мостика между кожухами покривилась, кожухи попорчены, но колеса, повидимому, не потеряли ни одной лопасти. Машина была цѣла. Таково было мнѣніе хозяина Шильтия. Кочегаръ Имбранамъ, замѣшавшійся въ толпу, былъ того же мнѣнія. Этотъ негръ, болѣе развѣттый чѣмъ много бѣлыхъ, приходилъ въ восторгъ отъ машины. Онъ поди-

мать руки, растопыривъ всѣ пальцы, и говорилъ онѣмѣвшему Летьери: хозяйнѣ, машина жива.

Такъ-какъ спасеніе Клюбца не подлежало сомнѣнію, а остовъ парохода уже былъ принесенъ въ жертву, то все вниманіе сосредоточивалось на машинѣ. Она возбуждала участіе какъ оживленное лицо. Всѣ изумлялись ея примѣрному поведенію. — Вотъ это такъ штука, замѣчалъ гернсейскій рыбакъ. — Да, хитрая, должно быть, штука, чтобы такъ отдѣлаться нѣсколькими царапинами, прибавлялъ капитанъ Шильтия.

Мало-по-малу эта машина стала предметомъ всеобщихъ заботъ. Начинали горячиться за и противъ нея. У нея были друзья и недруги. Не одинъ владѣлецъ паруснаго судна надѣялся на возвращеніе прежнихъ дней и считалъ, что скала Дувръ только по справедливости раздѣлалась съ новозобрѣтеннымъ судномъ. Шопоть перешелъ въ гамъ. Споръ становился шуменъ. Впрочемъ, всѣ еще стѣснялись, и по временамъ воцарялось совершенное молчаніе, вызванное гробовымъ безмолвіемъ Летьери.

Изъ всеобщаго говора можно было заключить слѣдующее:

Главное дѣло было въ машинѣ. Построить судно не мудрено, построить машину невозможно. Она была единственная. Чтобы произвести такую же, недоставало денегъ, а еще болѣе недоставало умѣнья. Напоминали, что строитель ея умеръ. Она стоила сорокъ тысячъ франковъ. Никто не рѣшился бы употребить на подобное дѣло такой капиталъ, тѣмъ болѣе, что факты доказали, что пароходы могутъ такъ же гибнуть, какъ и парусныя суда. Этотъ случай съ Дурандой подорвалъ весь ея прошлый успѣхъ. Однако, обидно было думать, что въ настоящую минуту эта машина цѣла и невредима, а черезъ какихъ нибудь пять шесть дней она будетъ разбита въ дребезги, какъ и судно. Пока она была цѣла, крушеніе какъ будто и не существовало. Только потеря машины была незамѣнима. Спасти машину значило помочь горю.

Спасти машину — легко сказать. Но кто же возьмется спасти ее? И возможно ли это еще? Имѣть мысль и исполнить ее — двѣ вещи разныя, и доказательство тому, что легко видѣть сонъ да трудно его исполнить. Но едва-ли можно было задумать предпріятіе менѣе исполнимое, болѣе безумное — какъ спасти машину, оставшуюся на Дуврахъ. Послать туда корабль съ рабочими было нелѣпно; объ этомъ нечего было и думать. Теперь было время бурь. При первой бурѣ, цѣпи якорей были бы перерѣзаны острыми гребнями подводныхъ камней и судно разлетѣлось бы въ щепки. Это значило послать второе крушеніе на помощь первому. Въ дырѣ на вершинѣ скалы, въ которой укрыв-

вылся легендарный пловецъ, потерпѣвшій крушеніе и погибшій голодною смертью, могъ помѣститься одинъ только человекъ. Итакъ, чтобы спасти эту машину, нужно было, чтобы нашлся человекъ, который бы отправился одинъ на скалы Дувръ, остался бы тамъ одинъ среди этого моря, одинъ въ этой пустынѣ, одинъ въ пяти миляхъ отъ берега, одинъ въ этомъ страшилищѣ — одинъ цѣлыя недѣли напролетъ, одинъ лицомъ въ лицу со всѣмъ предвидѣннымъ и непредвидѣннымъ, безъ поддержки во время упадка силъ, безъ помощи въ минуты бѣдствія, безъ слѣдовъ человѣческой жизни, кромѣ слѣдовъ этого несчастнаго, когда-то погибшаго на этой скалѣ, безъ общества, кромѣ этого мертвеца. Да и какъ взялся бы онъ за дѣло, чтобы спасти эту машину? Для этого ему нужно быть не только матросомъ, но и кузнецомъ. И пройти черезъ какія испытанія! Для этого нужно быть болѣе чѣмъ героемъ. Для этого нужно быть сумасшедшимъ. Въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ потребны нечеловѣческія усилія, храбрость переходитъ въ безумье. И наконецъ, жертвовать собою изъ-за груди желѣза, не было ли бы это даже смѣшно. Приходилось распротиться съ машиной, какъ со всѣмъ остальнымъ. Избавитель, какого нужно, ннеогда не найдется. Гдѣ сыскать такого человекъ?

Таково было, можетъ быть, въ иныхъ выраженіяхъ, содержаніе всѣхъ разговоровъ.

Хозяинъ Шильтия, старый морякъ, резюмировалъ мысль, всѣми раздѣляемую, въ слѣдующемъ громогласномъ восклицаніи:

— Нѣтъ! дѣло рѣшенное. Нѣтъ на свѣтѣ человекъ, который бы отправился туда и привезъ машину.

— Если ужъ я туда не ѣду, прибавилъ Имбранкамъ: — значить, туда невозможно ѣхать.

Хозяинъ Шильтия сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе лѣвой рукою, желая показать, что онъ убѣжденъ въ невозможности, и началъ было снова:

— Еслибъ онъ былъ...

Дерюшета повернула голову.

— Я бы вышла за него замужъ, произнесла она.

Воцарилось молчаніе.

Человекъ съ очень блѣднымъ лицомъ вышелъ изъ толпы и спросилъ:

— Вы бы вышли за него замужъ, мисъ Дерюшеть?

Это былъ Жильяръ.

Всѣ глаза устремились на него. Месь Летьеры выпрямился во весь ростъ. Подъ его нависшей бровью сверкнулъ какой-то странный свѣтъ.

Онъ смаялъ въ зулакѣ свою матроскую фуражку и бросилъ ее на полъ, потомъ торжественно посмотрѣлъ вокругъ себя, хотя не видѣлъ никого изъ стоявшихъ передъ нимъ и сказалъ:

— Дерюшета выйдетъ за него замужъ. Я дамъ въ томъ честное слово Господу Богу.

II.

Недоумѣніе на западномъ побережьѣ.

Ночь, послѣдовавшая за этимъ днемъ, начиная съ десяти часовъ вечера, была свѣтлая, лунная. И однако, какъ ни казались благоприятны время, вѣтеръ и море, ни одинъ рыбакъ не думалъ выдти ни изъ одной гавани. Понятное дѣло: въ полдень пропѣлъ пѣтухъ.

Когда пѣтухъ поетъ въ неурочный часъ, ловля была бы безуспѣшна.

Однако, съ наступленіемъ ночи, одинъ рыбакъ, возвращавшійся въ Омптоль, съ изумленіемъ увидѣлъ на морѣ, между двумя старыми вѣхами, еще третью, новую. Чтò могла она означать? Когда ее выставили и какую мель должна была означать она? Вѣха тотчасъ же отвѣтила на всѣ эти вопросы. Она двигалась. Это была мачта. Удивленіе рыбака не убавилось. Если вѣха возбуждала вопросы, то мачта тѣмъ болѣе. Ловля въ эту ночь была невозможна. Но когда всякій спѣшилъ домой, кто-то выходилъ въ море. Кто? Зачѣмъ?

Минуть черезъ десять, мачта, медленно подвигаясь, прошла вдаль отъ омптольскаго рыбака. Онъ не могъ разобрать барки, и слышалъ только плескъ весель. Онъ могъ разслышать всего два весла. По всей вѣроятности, въ лодкѣ былъ одинъ человѣкъ. Вѣтеръ дулъ сѣверный. Этотъ человѣкъ вѣроятно хотѣлъ добраться миса Фонтенель, чтобы забрать вѣтру. Тамъ онъ вѣроятно подниметъ парусъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ обогнуть Ангрессъ и Мон-Кревель. Чтò бы это могло значить?

Мачта прошла мимо; рыбакъ возвратился домой.

Въ ту же ночь, по всему западному побережьѣ Гернсея, случайные наблюдатели на различныхъ точкахъ и въ различныя времена дѣлали свои замѣчанія.

Подобно рыбаку изъ Омптоля, который возвращался домой, въ полумилѣ далѣе, на пустынной дорогѣ Клотюръ, ѣхалъ человѣкъ съ возомъ водорослей. Онъ видѣлъ далеко на горизонтѣ, между сѣверной и песчаной отмелью, въ мѣстѣ весьма опасномъ, лодку, на которой подымали парусъ. Онъ, впрочемъ, не обратилъ вниманія; его ремесло была — тележка, а не лодка.

Полчасомъ позднѣе этого, штукатурщикъ, возвращавшійся изъ города, видѣлъ лодку, смѣло пробравшуюся между шхерами. Ночь была черна, но море довольно свѣтло — явленіе, впрочемъ, весьма обыкновенное, позволяющее видѣть на водѣ всѣхъ приходящихъ и отходящихъ. Это было единственное судно на морѣ.

Нѣсколько далѣе и нѣсколько позже, ловець морскихъ раковъ, разставляя свои ловушки на песчаномъ берегу, между гаванью Жажды и гаванью Ада, не могъ понять, зачѣмъ какая-то барка проходила между Бу-Корнель и Мульретъ. Нужно было много смѣлости и настоящей необходимости, чтобы сунуться въ этотъ опасный проходъ.

Когда пробило восемь часовъ, трактирщикъ въ Кабо-бей съ изумленіемъ примѣтилъ парусъ какъ разъ вблизи Сюзаны и западныхъ Грюнъ.

Невдалекѣ отъ Кабо-бей, на пустынномъ носу Гумэ, двое влюбленныхъ собирались разстаться и въ то же время удерживали другъ друга. Дѣвушка говорила своему возлюбленному: «Если я уйду, то не потому, что мнѣ нелюбо быть съ тобою, а потому, что дома дѣло ждетъ». Они обнялись, и въ это мгновеніе ихъ вниманіе было привлечено довольно большой баркой, которая прошла совсѣмъ вблизи и направлялась къ Месселегамъ.

Господинъ Ле-Пеайръ-де-Нориго, жившій въ Котильон-Шине, часовъ около девяти, чинилъ въ своемъ саду изгородь, поломанную ворами; но, несмотря на то, что онъ былъ раздосадованъ этимъ ущербомъ своему хозяйству, онъ не могъ не замѣтить отъ важную барку, огибавшую въ этотъ часъ ночи мысъ Крогъ.

На другой день послѣ бури, пока еще волны не улеглись, это мѣсто было небезопасно. Нужно было знать навзустъ всѣ проходы, чтобы пуститься въ этотъ путь.

Въ половинѣ десятаго, у Лекерье, одинъ рыбакъ, собиравшій сѣти, остановился, примѣтивъ между Коломбеллой и Вѣтрянницей что-то походившее на лодку. Она подвергалась большой опасности. Въ этомъ мѣстѣ бываютъ весьма опасные швалы. Потому скала и зовется Вѣтрянницей.

Въ ту минуту, когда луна всплывала на небосклонѣ, одинокій сторожъ острова Ли-Гу былъ чрезвычайно испуганъ какимъ-то чернымъ призракомъ, прошедшимъ между нимъ и луной. Этотъ призракъ, высокій и узкій, походилъ на движущійся саванъ. Онъ медленно скользилъ по верхамъ отвѣсныхъ стѣнъ, образованныхъ скалами.

Сторожъ Ли-Гу полагалъ, что видитъ Черную женщину.

Почти каждая скала имѣетъ свою женщину. Одна бѣлую, другая—сѣрую, третья—красную, четвертая — черную. Ночью, при

лунномъ свѣтѣ, эти женщины выходятъ, а иногда и сходятся вмѣстѣ.

Пожалуй, это могъ быть и парусъ. Высокія скалы, по которымъ онъ, повидимому, скользилъ, могли скрывать корпусъ проходившей подъ ними барки. Но сторожъ задалъ себѣ вопросъ: какой отчаянный человѣкъ могъ отважиться пройти въ такую пору между этими скалами? И съ какою цѣлью? Нѣтъ, гораздо вѣроятнѣе, что это Черная женщина.

Когда луна вышла изъ-за колокольной Сен-Пьер-дю-Буа, караульный въ замкѣ Роканъ замѣтилъ при устьѣ залива барку на парусахъ, шедшую съ сѣвера на югъ.

На западной сторонѣ Гернсея за Пленмономъ, въ глубинѣ залива, по берегамъ котораго столпились отвѣсныя, остроконечныя утесы, существуетъ странная гавань, которую одинъ французъ, съ 1855 года живущій на острову, быть можетъ, самъ авторъ этихъ строкъ, обрестилъ «Гаванью четвертаго этажа» — еличкой, въ настоящее время всѣми принятой. Эта гавань, называвшаяся въ то время Моа — не что иное, какъ терраса отчасти естественная, отчасти искусственно-высѣченная изъ скалы, возвышающаяся на сорокъ футъ надъ водою и сообщалася съ нею посредствомъ двухъ толстыхъ, отлогихъ деревянныхъ брусевъ. Суда втаскиваются и спускаются по этимъ брусьямъ, какъ по рельсамъ, просто человѣческими руками, при помощи цѣпей и блоковъ. Для людей сдѣлана лѣстница. Въ то время гавань эту часто посѣщали контрабандисты. Она была имъ съ руви, потому что была очень неудобна.

Часамъ къ одиннадцати контрабандисты, быть можетъ, тѣ самыя, на которыхъ рассчитывалъ Клюбень, собрались съ тюками на эту платформу. Они высматривали. Кто занимается контрабандой, вѣчно озирается. Они были очень изумлены, увидавъ парусъ изъ-за чернаго силуэта мыса Пленмонъ. Луна освѣщала море. Контрабандисты слѣдили за парусомъ, боясь, чтобы это не была береговая стража, собиравшаяся подсматривать за ними изъ-за большаго Ганоя.

Но парусъ миновалъ Ганоя, оставилъ за собою на сѣверо-западѣ Бу-Блондель и исчезъ въ неясномъ туманѣ на горизонтѣ.

«Куда къ чорту понесло эту барку?» подумали контрабандисты.

Въ тотъ же вечеръ, немного послѣ заката, кто-то постучался въ дверь Бю-де-ла-Рю.

Это былъ молодой мальчикъ, одѣтый въ коричневомъ и въ желтыхъ чулкахъ — почему въ немъ можно было узнать причетника сосѣдней церкви. Дверь и ставни Бю-де-ла-Рю были заперты.

Старая рыбачка, проходившая по близости съ фонаремъ, услышала мальчика, и вотъ какими словами объѣнялась она съ маленькимъ причетникомъ.

- Чтò тебѣ надо, молодецъ?
- Человѣка, чтò здѣсь живетъ.
- Его нѣтъ дома.
- Гдѣ же онъ?
- Не знаю.
- А будетъ онъ завтра дома?
- Не знаю.
- Развѣ онъ куда уѣхалъ?
- Не знаю.
- Видите ли, тѣтушка, новый пасторъ, достопочтенный Эбенезеръ Кодрэ, желаетъ посѣтить его.
- Не знаю.
- Его преподобіе послалъ меня узнать, будетъ ли онъ завтра дома?
- Не знаю.

III.

Нѣ искушайте вивлинъ.

Въ слѣдующія сутки Месь Летьери не спалъ, не ѣлъ, не пилъ, поцаловалъ Дерюшету въ лобъ, спросилъ о Клюбенѣ, о которомъ еще не имѣли никакихъ извѣстій, подписалъ объявленіе, что не имѣетъ никакой претензій за гибель парохода, и велѣлъ освободить Тангуа.

Онъ оставался впродолженіе цѣлаго дня въ ковчегѣ Дуранды, полуопершись на столъ, не стоя и не сидя. Онъ отвѣчалъ кратко тѣмъ, которые съ нимъ заговаривали. Впрочемъ, когда любопытство толпы было удовлетворено, въ Бравэ воцарилось полное уединеніе. Въ стремленіи сочувствовать горю, часто скрывается жажда наблюдательности. Дверь закрылась за посѣтителями; Летьери остался съ Дерюшетой. Молвіеносный блескъ, свергнувшій-было въ глазахъ Летьери, теперь потухъ; его взглядъ сдѣлался снова такимъ же мрачнымъ, какъ въ началѣ катастрофы.

Слѣдуя совѣтамъ Граціи и Дусъ, Дерюшета, не говоря ни слова, положила на столъ передъ нимъ чулокъ, который онъ вазалъ, когда пришла грустная вѣсть.

- Онъ горько улыбнулся и сказалъ:
- Такъ меня считаютъ за дурака.
- Спустя четверть часа, онъ прибавилъ:

— Эти пустыни хороши, когда человекъ счастливъ.

Дерюшета прибрала чулокъ и воспользовалась случаемъ, чтобы убраться тоже компасъ и корабельныя бумаги, на которыхъ слишкомъ много смотрѣлъ Летьери.

Послѣ полудня, немного прежде чая, дверь отворилась и вошли два человекъ, одѣтые оба въ черное; одинъ изъ нихъ былъ старшій, другой молодой.

Молодого мы ужъ видѣли въ теченіе этого разказа.

У обоихъ этихъ людей видъ былъ серьезный, но серьезности неодинаковой; старшій, такъ-сказать, былъ серьезнѣе по своему званію, какъ-бы по обязанности; молодой же былъ серьезнѣе по характеру. Одно есть результатъ одежды, другое — плодъ мысли.

Оба они были, судя по платью, служителями алтаря, и принадлежали къ господствующей церкви.

Всякаго наблюдателя всего болѣе поразило бы въ молодомъ человекѣ то, что серьезность, которой былъ исполненъ его взглядъ, не была результатомъ всей его особы, но только одного ума. Серьезность допускаетъ страсть и возвышаетъ ее, придавая ей чистоту; но этотъ молодой человекъ былъ прежде всего красавцемъ. Такъ-какъ онъ былъ священникъ, то ему не могло быть менѣ двадцати-пяти лѣтъ, а ему казалось восемнадцать. Онъ представлялъ вмѣстѣ и ту гармонію и тотъ контрастъ, что его душа, казалось, сотворена для страсти, а тѣло для любви. Онъ былъ бѣлокуръ, румянь и свѣжъ, очень ловокъ, гибокъ въ своемъ строгомъ костюмѣ; щеки его были, какъ у молодой дѣвушки, руки очень нѣжныя, походка живая, обращеніе натуральное, хотя сдержанное. Все въ немъ дышало прелестью, изяществомъ, почти сладострастіемъ. Красота его взгляда сглаживала эту чрезмерность его прелести. Его чистосердечная улыбка, которая выказывала дѣтскіе зубки, была задумчива, набожна. Въ немъ была соединена миловидность пажа съ достоинствомъ епископа.

Подъ его густыми, бѣлокурными волосами, золотистыми до кокетства, возвышался гордый, открытый лобъ. Легкая, развѣтвленная морщина между его бровями, казалась какою-то птицей мысли, парившей съ распущенными крыльями посреди этого лба.

Глядя на него, всякій сознавалъ, что передъ нимъ одно изъ тѣхъ благородныхъ, чистыхъ, невинныхъ созданій, которыя идутъ противоположнымъ путемъ, чѣмъ остальные люди, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ исторія умудряетъ, опытъ приводитъ въ восторженное состояніе.

Своя прозрачная юность видѣлась его внутренняя возмужалость. Сравнивая его съ сѣдымъ старикомъ, съ которымъ

онъ пришелъ, въ съ перваго взгляда назвали бы его сыномъ, но со второго — отцомъ.

Этотъ старикъ былъ не кто иной, какъ докторъ богословія Джакменъ Геродъ. Докторъ богословія Джакменъ Геродъ принадлежалъ къ господствующей церкви, которая есть нѣчто въ родѣ папизма безъ папы. Англиканизмъ въ то время былъ уже волнуемъ теоріями, которыя потомъ сосредоточились и утвердились въ поземизмѣ. Докторъ богословія Джакменъ Геродъ принадлежалъ къ этому оттѣнку англиканской церкви, которая почти составляетъ особый видъ папизма. Его образъ мыслей былъ возвышенный, строгій, узкій. Лучъ его внутреннего свѣта едва проникалъ наружу. Его духъ была буйва. Къ тому-же онъ былъ надменъ. Его фигура занимала много мѣста. Онъ походилъ скорѣе на монсиньора, чѣмъ на достопочтеннаго пастора. Его сюртукъ смахивалъ покроемъ на рясу. Настоящей средой для него былъ бы Римъ. Онъ былъ рожденъ папскимъ прелатомъ; онъ, казалось, былъ нарочно созданъ, чтобъ украшать римскій дворъ и торжественно выступать за кресломъ папы, со всей его свитой, *in abito paonazzo*. Только слѣпой случай сдѣлалъ его англичаниномъ, а богословское воспитаніе, болѣе обращенное на ветхій, чѣмъ на новій завѣтъ, закрыло для него эту блестящую карьеру. Все его величіе теперь ограничивалось тѣмъ, что онъ былъ ректоромъ порта Сен-Пьеръ, деканомъ острова Гернсея и викаріемъ манчестерскаго епископа. Конечно, и это было въ своемъ родѣ слава.

Эта слава не мѣшала, однако, достопочтенному Жакмену Героду быть довольно хорошимъ человѣкомъ.

Какъ богословъ, онъ пользовался уваженіемъ знатоковъ и считался авторитетомъ въ *Court of Arches*, въ этой англійской Соборѣ.

У него было выраженіе лица степенное, глаза — обнаруживавшіе человѣка способнаго, носдри — волосатія, зубы, торчавшіе наружу, верхняя губа небольшая, нижняя толстая; онъ имѣлъ нѣсколько дипломовъ, главный приходъ друзей баронетовъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ епископа и всегда носилъ въ карманѣ библію.

Месь Летьери былъ такъ сосредоточенъ въ себѣ, что изъ всего того, чтó вызывается появленіемъ пасторовъ, онъ только незамѣтно насупилъ брови.

Достопочтенный Джакменъ Геродъ вошелъ, поздоровался, и напомнивъ въ нѣсколькихъ горделивыхъ словахъ о своемъ недавнемъ повышеніи, объявилъ, что онъ, согласно обычаю, желаетъ представить всѣмъ знатымъ жителямъ Сен-Савсона, и особен-

но Месь Летьери, своего преемника, новаго пастора Сен-Сансона, а слѣдовательно и духовнаго пастыря Месь Летьери, достопочтеннаго Джоэ Эбenezера Кадрэ.

Дерюшета привстала. Молодой пасторъ поклонился.

Месь Летьери взглянулъ на достопочтеннаго Эбenezера Кадрэ и вробормоталъ сквозъ зубы: — не годится въ матросы.

Грація подвинула стулья. Оба пастора усѣлись.

Докторъ богословія Геродъ началъ рѣчь. До него дошли слухи о случившемся несчастіи. Дуранда потерпѣла крушеніе. Онъ, какъ пастырь, пришелъ утѣшить и подать добрые совѣты. Это кораблекрушеніе есть несчастье, но тоже и счастье. Углубимся въ свою душу, не гордились-ли мы нашимъ довольствомъ? Счастье опасно. Не надо роптать на испытанія. Пути Господни неисповѣдимы. Месь Летьери разорился. Ну, что-жь! быть богатымъ — опасно. На свѣтѣ бываютъ ложные друзья. Бѣдность ихъ удалить. Остаешься одинъ. *Solus eris*. Говорятъ, что Дуранда приносила тысячу фунтовъ стерлинговъ ежегодно. Для мудреца это слишкомъ много. Вѣжимъ отъ искушеній, съ презрѣніемъ отвернемся отъ золота. Примемъ съ благодарностью разореніе и горе. Уединеніе плодотворно. Въ немъ изливается на насъ благодать нашего Господа. Аія въ пустынѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, нашелъ источникъ теплыхъ водъ, пася ословъ Себеона, отца своего. Не будемъ возставать противъ непостижимой воли Провидѣнія. Святой Іовъ, послѣ своей нищеты, преуспѣлъ въ богатствѣ. Кто знаетъ, что потеря Дуранды не вознаградится еще и въ этой временной жизни. Онъ, докторъ богословія Джакаменъ Геродъ, помѣстилъ свои капиталы въ очень выгодномъ дѣлѣ, въ Шефильдѣ; еслибъ Месь Летьери захотѣлъ помѣстить все, что у него осталось, въ этомъ дѣлѣ, то онъ могъ бы возсоздать свое состояніе; дѣло состояло въ значительной поставкѣ оружія императору... Прибыли будутъ процентовъ триста.

Летьери, снова впавшій въ задумчивость, повидимому не обратилъ вниманія на эти слова.

Достопочтенный Джакаменъ Геродъ продолжалъ свои наставленія. Онъ не наставлялъ на шефильдскомъ дѣлѣ. Не хотѣтъ поддерживать кесара, значило быть республиканцемъ. Онъ понималъ, что можно быть республиканцемъ. Въ такомъ случаѣ, пусть Месь Летьери обратитъ свои взоры на республику. Месь Летьери могъ поправить свое состояніе въ Соединенныхъ Штатахъ еще лучше, чѣмъ въ Англии. Если онъ хочетъ удесатерить то, что у него осталось, ему стоитъ только взять акціи главной компаніи разработки плантацій Техаса, которая содержала болѣе двадцати тысячъ негровъ.

— Я не хочу поддерживать рабства, сказалъ Летьери.

— Рабство, возразилъ достопочтенный Геродъ: — законное учрежденіе. Въ писаніи сказано: аще господинъ ударить раба своего, ему ничего не будетъ, занѣ это его деньги*.

Грація и Дусъ, на порогѣ двери, съ упоеніемъ внимали словамъ достойнаго пастыря.

Онъ продолжалъ. Какъ мы уже сказали, это все-таки былъ хорошій человѣкъ; и какъ бы ни расходился онъ въ понятіяхъ и мнсяхъ съ Летьери, онъ очень чистосердечно желалъ оказать ему всю духовную и даже свѣтскую помощь, на которую былъ способенъ.

Если Месь Летьери былъ разоренъ до того, что не могъ принять выгоднаго для него участія въ какой нибудь спекуляціи, русской или американской, отчего бы не взять ему казенной должности? Это благородныя мѣста, и достопочтенный пасторъ готовъ бы рекомендовать Месь Летьери. Именно, мѣсто депутата-виконта было вакантнымъ на Джерсеѣ.

Месь Летьери былъ любимъ, уважаемъ, а достопочтенный Геродъ, гернсейскій ректоръ и викарій епископа, увѣренъ, что хлопочетъ для Месь Летьери мѣсто гернсейскаго депутата. Депутатъ-виконтъ—важное лицо; онъ присутствуетъ, какъ представитель его величества, при совершеніи казней.

Летьери устремилъ свой взглядъ на Герода.

— Я не люблю казней, сказалъ онъ.

Докторъ богословія, который до сихъ поръ говорилъ все обыкновеннымъ голосомъ, заговорилъ теперь съ удареніемъ на каждомъ словѣ:

— Месь Летьери, смертная казнь повелѣна свыше, Богъ вручилъ человѣку мечъ. Писано: «око за око, зубъ за зубъ».

Достопочтенный Эбенезеръ непримѣтнымъ образомъ подвинулся къ достопочтенному Жакману, и сказалъ такъ тихо, что тотъ одинъ только могъ слышать:

— Слова, которыя говорятъ этотъ человѣкъ, ему продиктованы.

— Кѣмъ? чѣмъ? спросилъ тѣмъ же голосомъ Жакмень Геродъ.

Эбенезеръ отвѣтилъ:

— Его совѣстью.

* Такого текста нѣтъ, и Викторъ Гюго сочинилъ его для характеристики пастора.
Примѣч. переводчика.

Достопочтенный Геродъ порылся въ карманѣ, вытащилъ толстую книгу въ переплетѣ съ застежками и положилъ ее на столъ: Книга была библія.

Потомъ Геродъ успокоился. Онъ желалъ быть полезнымъ Месь Летьери, котораго онъ очень уважалъ. Онъ, какъ пастырь, имѣлъ право и даже былъ обязанъ дать совѣтъ; впрочемъ, Месь Летьери былъ воленъ дѣлать, что хочетъ.

Месь Летьери, снова углубленный въ свое горе, не слушалъ бога пастора. Дерюшета, сидя подлѣ него, съ своей стороны тоже задумалась, опустилъ глаза и придавая этому неоживленному разговору ту неловкость, которая невзбѣжна при молчаливыхъ собесѣдникахъ. Свидѣтель, который ничего не говорить—громадная тяжесть. Впрочемъ, докторъ богословія Геродъ, казалось, этого не чувствовалъ.

Такъ-какъ Летьери ничего не отвѣчалъ, Геродъ далъ волю своему краснорѣчію. Совѣты идутъ отъ человѣка, а вдохновеніе отъ Бога. Въ совѣтѣ священника есть вдохновеніе. Полезно принимать эти совѣты и опасно ихъ отвергать. Захей былъ одержимъ одинадцатью бѣсами, за невниманіе къ поученіямъ Наананаила. Тиберій былъ пораженъ проказой, за то, что не принялъ апостола Андрея. Бар-исусъ, несмотря на то, что былъ чародѣй, ослѣпъ оттого, что надѣвался надъ словомъ святаго Павла. Элькай и его сестры, Марѳа и Марѳена, находятъ въ аду, потому что онѣ не послушались предостереженій Валенціана...

Месь Летьери ударилъ кулакомъ по столу.

— Чортъ-возьми! вскричалъ онъ: — я виноватъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Джакменъ Геродъ.

— Я говорю, что это я самъ моя вина.

— Вы виноваты, въ чемъ?

— Это я заставилъ Дуранду возвратиться въ пятницу.

Джакменъ Геродъ шепнулъ на-ухо Эбenezеру Кодрэ: — этотъ человѣкъ суевѣренъ.

Онъ продолжалъ, возвысивъ голосъ и очень наставительнымъ тономъ:

— Месь Летьери, недѣло вѣрить пятницу. Не должно давать вѣру баснямъ. Пятница такой же день, какъ и прочіе. Она даже очень часто приносила счастье. Мелендесъ основалъ городъ Сен-Огюстенъ въ пятницу; въ пятницу же Генрихъ VII отправилъ Джона Кабота; пилигримы *Мойфлаура* прибыли въ Провенсъ-Тоунъ въ пятницу. Вашингтонъ родился въ пятницу 22-го февраля 1732 г.; Христофоръ Колумбъ открылъ Америку въ пятницу 12-го октября 1492 года.

Сказавъ это, онъ всталъ.

Эбenezеръ также всталъ.

Грація и Дусъ, угадывая, что пасторы собираются уйти, отворили дверь на обѣ половинны.

Месь Летьери ничего не видалъ и ничего не слышалъ.

Жакменъ Геродъ сказалъ таинственно Эбenezеру Кодрэ: «онъ

даже намъ не влается. Это не горе, это отупѣніе. Надо полагать, что онъ рехнулся».

Однакожь, онъ взялъ со стола свою маленькую библию, и держалъ ее обѣими руками, какъ птицу, которую страшатся выпустить. Это натянутое положеніе породило въ присутствующихъ нѣкотораго рода ожиданіе. Грація и Дусъ вытянули шею.

Онъ старался сдѣлать свой голосъ какъ можно величественнѣе:

— Месь Летьера, мы не должны разстаться, не прочитаемъ что-нибудь изъ святой книги. Случайности жизни объясняются книгами; нечестивые обращаются къ Виргилію, а вѣрующіе — къ библии. Первопопавшаяся книга, открытая на удачу, можетъ дать отвѣтъ; библия, открытая на удачу, есть откровеніе. Она особенно спасительна для людей, испытующихъ горемъ. Святое писаніе всегда и неизмѣнно исцѣляетъ горе. Всѣ скорбящіе должны отерывать святую книгу на удачу, и прочесть стихъ, который первый попадетъ на глаза. Что человѣкъ не выбираетъ, то Богъ выбираетъ. Господь знаетъ, что намъ нужно. Его невидимая десница указываетъ на тотъ неожиданный стихъ, который мы читаемъ. Какая бы ни была эта страница, она озаряетъ насъ лучезарнымъ свѣтомъ. Не будемъ искать другого свѣта, и будемъ вѣрно держаться этого. Это слово свыше. Наша судьба таинственно возвѣщается намъ священнымъ текстомъ, который мы читаемъ съ уваженіемъ и вѣрою. Послушаемъ слова божія, покоримся. Месь Летьера, вы въ горѣ—эта книга есть книга утѣшенія; вы страдаете — эта книга есть книга исцѣленія.

Достопочтенный Жакмэнъ Геродъ открылъ книгу на удачу, положилъ руку на открывшуюся страницу, и сосредоточившись на минуту, прочиталъ вслухъ:

«И изыде Исаакъ поглумиться на поле, къ вечеру, и воззрѣвъ очима своими, видѣ вельбюды идущія.

«И воззрѣвши Ревекка очима своими, видѣ Исаака, и соскочила съ вельбюда.

«И рече рабу: кто есть человѣкъ оный, яже идетъ по полю во срѣтеніе намъ; рѣче же рабъ: сей есть господинъ; она же, взявши ризу лѣтнюю, облечеса.

«И повѣда рабъ Исааку вся словеса, яже сотвори.

«Виде Исаакъ въ домъ матере своея, и похъ Ревекку и бысть ему жена: и возлюбилъ ю.»

Эбенезеръ и Дерюшета взглянули другъ на друга.

(Конецъ первой части).

ТЕОРІЯ СТЕНОГРАФІИ ДЛЯ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Сте­но­графія есть необходи­мая принадлеж­ность вводи­маго у насъ, въ насто­ящее время, гласнаго суда и гласнаго обсу­ждения по дѣламъ земства; общество начало сознавать пользу употреб­ленія стено­графіи при ученыхъ и акціонерныхъ собраніяхъ, въ административныхъ и спеціальныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ обсу­ждаются современныя требо­ванія общества, въ учебныхъ за­веденіяхъ при записы­ваніи лекцій и проч. Но сколько намъ из­вѣстно, она пока употребляется у насъ только въ Петербургѣ и Москвѣ, и это вѣроятно потому, что внѣ столицъ изученіе ея кажется очень затруднительнымъ, а частію и по недостатку преподавателей и затрудненію въ выборѣ руководства. Дѣйстви­тельно, иностранныя стено­графіи, и нѣкоторыя изъ предложен­ныхъ у насъ, имѣя по 500 и болѣе знаковъ, которые надо твердо заучить, чтобы при быстромъ письмѣ мгновенно приводить ихъ на память, требуютъ для преподаванія особыхъ учителей, и по году и болѣе времени для изученія и навыка къ скорому пись­му за говорящимъ; нѣмцы проповѣдуютъ, что стено­графія можетъ быть универсальною, то-есть общею для всѣхъ языковъ, съ цѣлію навязать намъ одну изъ нѣмецкихъ стено­графій. Изъ статьи г. Иванина видно, что каждый языкъ долженъ имѣть свою стено­графію. У насъ есть стено­графія, составленная г. М. Ива­нинымъ лѣтъ 35 тому назадъ, и напечатанная въ 1858 году, по которой можно учиться даже въ малолѣтствѣ, или выучиться са­мому, и привыкнуть писать за говорящимъ въ 3 или 4 мѣсяца, какъ опытъ доказалъ это при обученіи по этой системѣ, въ 1864 году, г. Артоболовскимъ, топографовъ санктпетербургскаго во­еннаго училища и учениковъ московскаго жѣданскаго учили-

ша *. Въ настоящемъ году г. Артоболевскій училъ, по этой же системѣ, въ санктпетербургской думѣ. Но какъ не всякій можетъ быть на этихъ лекціяхъ, то мы считаемъ полезнымъ напечатать въ нашемъ журналѣ сообщенную намъ г. Иванинимъ стенографическую азбуку его системы, съ изложеніемъ теоретическихъ соображеній и выводовъ, побудившихъ его, послѣ множества опытовъ, принять для изданной имъ русской стенографіи особые упрощенные знаки, какъ для согласныхъ такъ и для гласныхъ буквъ. Изобрѣтеніе удобнаго способа писать послѣднія буквы (гласныя), по мнѣнію г. Иванина, болѣе всего способствовало къ облегченію обученія стенографіи, устраненіемъ заучиванія нѣсколькихъ сотъ сократительныхъ знаковъ, которые были необходимы въ другихъ системахъ стенографіи. Но мы предоставляемъ объяснить это самому составителю этой системы стенографіи.

Извѣстно, что хорошіе писцы, записывая обыкновеннымъ письмомъ, по нѣскольку начальныхъ буквъ въ каждомъ словѣ, а для нѣкоторыхъ словъ употребляя особые сократительные знаки, успѣваютъ писать за медленно говорящими. Поэтому, если писать стенографическими буквами, которыя пишутся въ 3, 4 и болѣе разъ скорѣе буквъ обыкновенной азбуки, то приученные писать бѣгло стенографическою азбукою будутъ въ состояніи писать и за скороговорящими, и письмо это будетъ читаться гораздо легче написаннаго наскоро обыкновеннымъ способомъ, потому что стенографическою азбукою можно успѣть записать за говорящимъ въ каждомъ словѣ болѣе буквъ и написать ихъ отчетливѣе. Итакъ, главный вопросъ въ русской стенографіи состоялъ въ составленіи для русскаго языка рациональной стенографической азбуки, знаки которой должны были быть такъ составлены, чтобы для написанія ихъ употреблялось по возможности менѣе времени.

Вопросъ этотъ и составляетъ самое существенное условіе скорого письма; это то же, что для желающаго скоро бѣжать дать самую легкую и удобную обувь и одежду; для участвующаго въ скачкѣ, дать хорошаго скакуна.

Кромѣ упрощенія азбуки, для ускоренія письма составлены мною

* «Народное Богатство», 20-го іюня 1864-го года, № 183-й; «Голось», 18-го ноября 1864-го, № 814-й, и 17-го ноября, № 818-й; «Петербургскій Листокъ» 9-го декабря 1865-го года, № 182 и другихъ современныхъ изданій.

еще нѣсколько сократительныхъ знаковъ, и придуманъ особый способъ для записыванія окончаній словъ съ соблюденіемъ грамматическихъ формъ нашего языка съ тѣмъ, чтобы доставить писму правильность, ясность, четкость и легкость чтенія.

Что мнѣ удалось достигнуть вышеозначенной цѣли, что азбука составлена мною рационально, что принятый мною способъ выраженія гласныхъ буквъ и выборъ знаковъ для согласныхъ буквъ, соответственно ихъ употребленію въ нашемъ языкѣ и удобству письма, удовлетворительны, чрезъ что сберегается много времени и избѣгается необходимость принимать въ стенографіи сотни сократительныхъ знаковъ, неизбѣжныхъ въ другихъ стенографіяхъ, и что немногіе принятые мною сократительные знаки, для большаго ускоренія стенографическаго письма, придуманы удобныя, что ихъ немного, чрезъ что они легко изучаются, и что вообще въ моей системѣ стенографіи приняты основанія правильныя—можно, я полагаю, заключить изъ успѣховъ преподаванія стенографіи по этой системѣ г. Артоблевскимъ, у котораго ученики въ 3 или 4 урока выучивались писать и могли записывать стенографически удовлетворительно за говорящимъ послѣ 3 или 4 мѣсяцовъ упражненія, между тѣмъ какъ по другимъ системамъ на обученіе стенографіи и приобрѣтеніе навыка писать за говорящимъ, требуется годъ и два времени*.

Разсмотримъ теперь начала, на которыхъ основана моя стенографическая азбука.

Еслибы изобрѣсть такой способъ письма, при которомъ написанныя слова требовали бы линій меньшаго протяженія, нежели линіи, дѣлаемыя при произношеніи этихъ словъ органомъ слова, по которымъ можно было бы отличать одинъ отъ другого произнесенные звуки, и еслибы приучить пальцы руки изображать эти линіи на бумагѣ съ такою же быстротою, какъ двигаются

* Издавалъ, въ 1858-мъ году, мое руководство къ стенографіи (О стенографіи или искусствѣ скорописья, и примененія ея къ русскому языку), я еще не имѣлъ возможности достаточно убѣдиться на опытѣ, сколько времени потребуется для того, чтобы, учась по моей системѣ, приобрѣсти навыкъ записывать за говорящимъ, и потому, основываясь на времени, употребленномъ за границей для обученія этой наукѣ, я полагалъ, что и для изученія стенографіи по моей системѣ потребуется почти столько же времени; но опытъ доказалъ, что для изученія стенографіи по моей системѣ требуется значительно меньше времени (отъ 3¹/₂ до 4-хъ мѣсяцевъ).

органы слова во время разговора, то произносимыя нами слова могли бы быть записаны въ одинакое время съ самымъ скорымъ разговоромъ.

Но какъ всякое движеніе нашихъ мускуловъ дѣлается при опредѣленной скорости, имѣющей свои предѣлы, а звуки голоса, по разнообразію своему, требуютъ, для выраженія ихъ, множества знаковъ, то рассмотримъ, какимъ способомъ, и до какой степени достигается возможность писать за говорящимъ.

Каждый собственнымъ опытомъ можетъ удостовѣриться, что читать въ слухъ можно съ такою скоростію, что въ минуту произнесется отъ 800 до 1000 буквъ. Дѣлая рукою черточки вверхъ и внизъ (№ 1) *, величиною съ обыкновенныя буквы, можно сдѣлать ихъ въ минуту отъ 450 до 550. Знаки для азбуки, по множеству ихъ, по необходимости должны быть сложнѣе простыхъ черточекъ, и потому азбучныхъ знаковъ напишется въ минуту менѣе, чѣмъ простыхъ черточекъ; поэтому по нынѣшнимъ стенографическимъ системамъ нельзя еще успѣвать писать за скоро читающимъ; но разговоръ ведется нѣсколько медленнѣе: при довольно скоромъ разговорѣ произносится въ минуту отъ 500 до 600 буквъ, при медленномъ отъ 400 до 500; это уже приближаетъ къ возможности писать за говорящимъ: стоило только составить самую простую начертанію и удобную для письма азбуку, и обучаться съ малолѣтства писать по этому способу, чтобы пріучить пальцы писать этою азбукою такъ же быстро, какъ пишутся простыя черточки.

Знаки или буквы, придуманные для обыкновеннаго нашего письма, далеко не удовлетворяютъ этому требованію быстроты, потому что они слишкомъ сложны; напримѣръ, буквы ж, к, м, т, ш и проч. — требующія при произнесеніи ихъ простаго, несложнаго движенія языка, губъ, горла и челюстей—пишутся нѣсколькими чертами, проведенными въ разныхъ направленіяхъ; притомъ для соединенія этихъ буквъ въ письмѣ волосными чертами, а также для написанія непронизносимыхъ буквъ ъ и ь, тоже теряется время, отчего скорописью обыкновеннымъ письмомъ, не употребляя сокращеній, можно написать въ минуту только отъ 80 до 100 буквъ, а писарскимъ почеркомъ и того менѣе. Чтобы доставить письму большую скорость, старались, по возможности, упростить азбуку, и англичанинъ Телеръ довелъ начертаніе знаковъ согласныхъ буквъ въ своей стенографіи

* Знаки кодъ № 1, 2, 3, 4 и проч., показаны на особой прилагаемой при семъ таблицѣ. См. табл. № 1.

до большой степени упрощенія; его азбукой можно писать за говорящимъ; но, несмотря на простоту начертанія его согласныхъ буквъ, стенографическое письмо его системы часто бываетъ неясно, и вводить въ ошибки, отъ опущенія гласныхъ буквъ, а иногда и согласныхъ.

Усилия Телера придать стенографіи большую быстроту повели къ тому, что скорость письма была приобрѣтена имъ на счетъ ясности или четкости письма. Чтобы сдѣлать письмо разборчивымъ, необходимо принять знаки и для гласныхъ буквъ; но какъ достигнуть, чтобы письмо чрезъ то не сдѣлалось медленнѣе? Известно, что гласныя буквы произносятся почти съ такою же скоростію, какъ и согласныя буквы, хотя въ послѣднихъ произносятся разомъ два звука: звукъ согласной буквы и гласная буква. Произношеніе словъ бываетъ относительно еще скорѣе, нежели отдѣльное произношеніе буквъ и слоговъ. Гласныхъ буквъ въ слухъ произносятся не болѣе 140 или 170 въ минуту, но согласныхъ буквъ можно произнести до 200 въ минуту (напримѣръ, пе, бе, ве и проч.), и какъ, при произнесеніи ихъ, уже слышатся два звука, которые принято выражать при написаніи словъ двумя буквами или знаками, то въ письмѣ пришлось бы, произнесенные звуки пе, бе, ве и проч., выразить 400 буквъ. Слова произносятся еще быстрѣе; для написанія прочитаннаго въ минуту, слѣдуетъ употребить, какъ выше было сказано, отъ 800 до 1000 буквъ (на что, при обыкновенномъ письмѣ, потребуется отъ 8 до 10 минутъ времени). И такъ-какъ въ русскомъ языкѣ на это число буквъ приходится однихъ гласныхъ отъ 350 до 430 буквъ (что можно видѣть изъ нижеприведенныхъ типографскихъ таблицъ), то если составить для гласныхъ буквъ такого же рода знаки, какъ и для согласныхъ буквъ, и писать ихъ, то письмо замедлится почти на половину. Чтобы при употребленіи гласныхъ буквъ не замедлить письма, и въ то же время сдѣлать его четкимъ, необходимо было придумать особый способъ выражать гласныя буквы безъ потери времени, чтобы можно было писать ихъ не только въ началѣ словъ, но и въ срединѣ и концѣ словъ.

Если для русской стенографіи принять начертанія гласныхъ буквъ только въ началѣ словъ, то это еще немного принесетъ пользы для ясности написаннаго. Въ словахъ нашего языка гласныхъ буквъ немногимъ менѣе нежели согласныхъ; изъ нихъ, въ началѣ словъ, гласныхъ употребляется почти въ пять разъ менѣе противъ согласныхъ, какъ увидимъ ниже, такъ что почти четыре-пятыхъ гласныхъ буквъ въ словахъ нашего языка упо-

требляются преимущественно въ срединѣ и въ концѣ словъ и гдѣ, для яснаго пониманія, ихъ тоже необходимо писать.

Знаки для стенографической азбуки должно принимать такіе, которые могли бы писаться удобно; но еще необходимѣе, чтобы знаки эти были какъ можно проще, чтобы они требовали по возможности менѣе времени для ихъ начертанія, и во всѣхъ случаяхъ письма удобно соединялись между собою; тогда изученіе стенографіи будетъ легче и учиться ей можно будетъ начинать не только съ самыхъ нижнихъ классовъ среднихъ училищъ, но даже въ то время, когда ребѣнокъ начнетъ учиться грамотѣ. А чѣмъ учащійся будетъ моложе, напримѣръ, 6 или 8 лѣтъ, тѣмъ легче онъ пріучится писать быстро, хотя бы буквы писались и въ разныхъ направленіяхъ; привычка писать съ малолѣтства сдѣлаетъ удобнымъ изображеніе всякаго рода начертаній. И въ обыкновенной нашей азбуцѣ, для написанія многихъ буквъ, приходится проводить черты въ разныхъ направленіяхъ, напримѣръ, для ж, к, э, х, д, б, с, ф, з, и проч.; но это много пишеть, тотъ и эти буквы пишеть быстро. Извѣстно, что выработка быстроты и ловкости движенія руки и пальцевъ легче и скорѣе пріобрѣтается въ малолѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ; при томъ въ малолѣтствѣ, и времени для упражненія письмомъ можно назначить болѣе, нежели въ старшемъ возрастѣ. Съ четвертаго класса гимназій, въ которомъ предполагають обучать стенографіи, начинается преподаваніе наукъ болѣе трудныхъ, и уроковъ задается больше, поэтому обученіе такому предмету какъ стенографія, по системамъ, требующимъ хорошей памяти, усидчивости, значительнаго пожертвованія времени, въ ущербъ прочимъ класснымъ занятіямъ, встрѣтитъ въ примѣненіи большія препятствія, и едва-ли поведетъ къ желаемому результату—образовать въ скоромъ времени хорошихъ стенографовъ.

Чѣмъ болѣе будетъ знаковъ для буквъ, чѣмъ болѣе правилъ для разныхъ соединеній ихъ, чѣмъ болѣе исключеній изъ этихъ правилъ, и чѣмъ болѣе правилъ и знаковъ для сокращеній слоговъ и словъ—что принято во многихъ системахъ стенографіи—тѣмъ сложнѣе будетъ система письма, тѣмъ изученіе его станетъ затруднительнѣе, и тѣмъ менѣе будетъ возможности пріобрѣсть навыкъ писать быстро по такой системѣ письма; потому что приводитъ мгновенно на память, во время писанія, при множествѣ знаковъ и правилъ, каждую букву, каждый сократительный знакъ, каждое измѣненіе его при разныхъ сочетаніяхъ, и пріучить руку писать быстро эти знаки, слѣдя за рѣчью, можно только зная очень твердо такую сложную систему стенографіи.

Достигнуть этого можно только долгимъ упражненіемъ, и то при хорошей памяти и быстромъ соображеніи. А какъ память и способности не всѣмъ даются, временемъ не всѣ могутъ располагать, то не лучше ли было составить азбуку наввозможно простую, удобную для письма и для взаимнаго соединенія буквъ. А чтобы сдѣлать письмо четкимъ, слѣдовало составить упрощенные знаки для всѣхъ необходимыхъ буквъ нашего языка; но какъ такихъ буквъ въ нашемъ языкѣ болѣе, нежели въ нѣмецкомъ или французскомъ (мною принято въ стенографическомъ алфавитѣ согласныхъ буквъ 20, гласныхъ 9 и полугласныхъ 3), а самыхъ простыхъ, четкихъ и удобныхъ для стенографическаго письма знаковъ значительно менѣе этого числа буквъ, то необходимость заставляетъ принять въ стенографическую азбуку нѣсколько знаковъ, менѣе удобныхъ для письма и болѣе сложныхъ. Но для уменьшенія неудобства, отъ этого происходящаго, я принялъ самые простые знаки для буквъ, чаще употребляющихся, а менѣе простые для буквъ, рѣже употребляющихся.

Впрочемъ, отъ принятія мною знаковъ для всѣхъ 32-хъ буквъ, необходимыхъ для русской стенографіи, письмо не только не замедляется, но ускоряется, потому что простота знаковъ и употребленіе гласныхъ и согласныхъ буквъ въ началѣ и срединѣ словъ, доставляя письму четкость, даютъ возможность дѣлать значительныя сокращенія въ концѣ словъ, недописываніемъ ихъ, безъ вреда ясности и четкости. Эти сокращенія, выработанныя мною на основаніи грамматическихъ формъ русскаго языка, вполне вознаграждаютъ потерю времени при написаніи всѣхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ въ началѣ и въ срединѣ словъ, и избавляютъ отъ необходимости имѣть и заучивать множество сократительныхъ знаковъ.

Для составленія такой стенографической азбуки, которая бы доставила возможность писать быстро, была четка, разборчива, легко бы могла заучиться, и была бы удобопонятна даже для дѣтей, я старался выбрать для всѣхъ необходимыхъ буквъ нашего языка самые простѣйшіе знаки, которые бы легко писались, и удобно связывались при всѣхъ соединеніяхъ буквъ между собою.

Предположивъ эту цѣль, и руководствуясь мыслию, составить стенографію для русскаго языка, основанную на свойствахъ его, и на свойствахъ произношенія буквъ органомъ слова, я приступилъ къ пересмотру буквъ нашего алфавита, выбору изъ него буквъ, необходимыхъ для русской стенографіи, и къ присваиванію для нихъ самыхъ простѣйшихъ и удобнѣйшихъ знаковъ для письма.

Чтобы видѣть, можно ли достигнуть, и въ какой степени, предположенной цѣли, рассмотримъ сначала самыя простыя знаки, которые могутъ легко и скоро писаться, и соединяють необходимія условія для яснаго и четкаго письма.

Самыя простыя знаки, которые можно принять для выраженія ими буквъ, суть: прямая линія въ разныхъ положеніяхъ, и дужка. Чтобы, при быстромъ письмѣ, возможно было четко писать, и легко отличать эти знаки при чтеніи, то прямыя линіи или черточки можно писать только въ четырехъ различныхъ положеніяхъ, именно: горизонтально, вертикально, и подъ угломъ около 45° (№ 8 и 9); еще допускается и пятый прямолинейный знакъ наклоннаго же положенія черточки (№ 18), но пишущійся не отъ верху книзу, а отъ низу вверху. Наклоннымъ черточкамъ потому даютъ наклонъ около половины прямого угла, чтобы ихъ легче было отличать отъ горизонтальной и вертикальной; давать же имъ наклонъ подъ разными другими углами, для полученія чрезъ то еще новыхъ знаковъ для буквъ, неудобно потому, что, при быстромъ письмѣ, трудно вѣрно соблюсти опредѣленные углы наклона, а несоблюденіе угла наклона сдѣлаетъ написанное нечеткимъ. Изъ принятыхъ прямолинейныхъ черточекъ горизонтальную удобно писать отъ лѣвой руки къ правой, двѣ наклонныя и вертикальную отъ верху книзу, почему мною и принято такъ ихъ писать, и только пятая, какъ уже выше говорено, пишется у меня отъ низу вверху.

Нѣкоторые стенографы, для полученія изъ этихъ прямыхъ черточекъ еще новыхъ знаковъ, даютъ имъ еще другія начертанія (№ 2); но какъ, по принятому мною способу, такимъ загибомъ прямыхъ черточекъ выражаются гласныя буквы, то я допустилъ только пять знаковъ для буквъ изъ прямолинейныхъ черточекъ.

Дужки можно удобно писать въ четырехъ положеніяхъ (№ 3). Если, кромѣ дугъ, принять, для выраженія стенографическихъ буквъ, и полукруги (№ 4), то получатся еще четыре знака; но какъ, по принятому у насъ способу письма отъ лѣвой руки къ правой, полукруглые знаки (№ 5) не всегда могутъ удобно связываться съ нѣкоторыми другими знаками, и съ принятіемъ ихъ, если въ словѣ встрѣтятся такого рода буквы, которыя пишутся отъ верху книзу, потребуются слишкомъ широкія строчки (№ 6), то и я полагаю, что въ дужекъ и полукруговъ удобнѣе принять для буквъ только четыре знака: двѣ дуги и два полукруга, пишущіеся отъ лѣвой руки къ правой (№ 7); тѣ же, которые пишутся отъ верху къ низу, оставлены мною для выраженія, совращен-

нимъ способомъ, нѣкоторыхъ слоговъ. И такъ знаковь для буквъ, самаго простаго начертанія, получается, по этому способу, всего девять, слѣдовательно слишкомъ недостаточное число для стенографическаго алфавита, почему и надо было придумать еще новыя, простыя знаки.

По свойству нашихъ перьевъ, мы легко можемъ дѣлать тонкія и толстыя черты, почти безъ всякаго замедленія въ письмѣ, а чрезъ утолщеніе нѣкоторыхъ знаковь можно имѣть еще новыя стенографическія буквы. Утолщенія нашими перьями удобно только дѣлать отъ верху книзу, слѣдовательно чрезъ утолщенія можно получить еще три новыхъ знака или буквы (№ 8); горизонтальную черточку неудобно утолщать, но дѣламъ ее короче или длиннѣе противъ нормальной величины буквъ, можно получить еще два новыхъ знака, которые, чтобы ихъ лучше было отличать отъ знака нормальной величины, слѣдуетъ писать, первый въ полтора или два раза короче, а второй въ полтора или два раза длиннѣе противъ нормальнаго (№ 9). Итакъ, къ прежнимъ девяти знакамъ прибавляется еще пять новыхъ; слѣдовательно, знаковь самаго простаго начертанія будетъ 14; но однихъ согласныхъ буквъ принято мною для стенографіи 20, поэтому и для нихъ недостаетъ еще шести знаковь.

При письмѣ нѣкоторыя наклонныя черточки и дужки, при соединеніи ихъ между собою, или съ другими знаками, могутъ писаться, безъ большой потери времени, съ прибавленіемъ къ нимъ петли (№ 10). Принявъ черточки съ петлями въ разныхъ положеніяхъ за знаки для буквъ, можно получить еще пять знаковь довольно простаго и удобнаго начертанія (№ 11), которые должны писаться начиная съ головки или петли. Итакъ стенографическихъ знаковь простаго начертанія, отчетливо отличающихся одинъ отъ другого и удобно между собою связывающихся, получится уже 19; ихъ а и принявъ для выраженія согласныхъ буквъ.

Теперь, какія изъ согласныхъ буквъ необходимо будетъ принять для русской стенографіи? Согласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ всего 21, именно: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, е. Изъ нихъ е выговаривается совершенно такъ же какъ ф, поэтому совершенно удобно и безъ вреда для ясности можетъ быть исключена изъ стенографической азбуки; буква щ выговаривается какъ сч, и потому могла бы быть замѣнена этими двумя буквами, но тогда пришлось бы писать два знака вмѣсто одного, и отъ того, для сокращенія письма, лучше и для щ составить особый знакъ (№ 12); съ принятіемъ

его получится всего 20 стенографических знаков для 20 согласных букв нашего языка, именно (№ 13) для буквъ: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ.

Полугласныя буквы: твердый знакъ э, мягкій и краткій знаки ъ, ѣ, не составляютъ собственно буквъ, а, какъ самое названіе ихъ показываеъ, служатъ первые два для твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ буквъ, при которыхъ они поставлены, а послѣдній для краткаго произношенія буквы и. Поэтому, я полагаю, было бы излишнимъ придумывать для нихъ, въ стенографической азбукѣ, такіе же знаки, какъ и для согласныхъ буквъ. Слова въ предложеніи, и безъ употребленія ихъ, могутъ быть поняты; и ихъ, въ видѣ надстрочныхъ знаковъ, надо выставлать только для большей ясности написаннаго. Но такое же значеніе имѣютъ и всѣ знаки препинанія, которые, при быстромъ, во время записыванія рѣчи, большею частію не выставлаются: поэтому, я полагаю, полугласныя буквы должны писаться не въ связи съ прочими буквами, а отдѣльными знаками, какъ и знаки препинанія, съ тѣмъ, чтобы послѣ записанія говореннаго, прочитывая записанное, и выставлая знаки препинанія, въ то же время ставитъ и полугласныя буквы надъ тѣми слогами, гдѣ ихъ слѣдуетъ выразитъ. Вотъ почему я принялъ для этихъ буквъ надстрочные знаки (№ 14), которые и должны выставлаться надъ слогами только тамъ, гдѣ они для ясности необходимы и слышны въ выговорѣ.

Принятые мною 20 знаковъ для согласныхъ буквъ нашего языка, большею частію находятся въ графодроміи барона Корфа (изд. въ 1820 г.), и 7 изъ нихъ такъ хорошо распредѣлены были для 7 согласныхъ буквъ нашей азбуки, что я, послѣ тщательнаго разбора, оставилъ ихъ для тѣхъ же буквъ въ составленной мною стенографической азбукѣ, именно: для п, для т, для в, для л, для н, для р и для с (№ 15).

Основанія или правила, по которымъ я принялъ эти знаки, а равно и другіе 13 знаковъ для прочихъ согласныхъ буквъ, слѣдующія:

Какъ ни просты стенографическіе знаки, но не всѣ они пишутся съ одинаковою скоростію. Такъ-какъ обыкновенному письму обучаются прежде стенографическаго, а по принятому у насъ способу писать отъ лѣвой руки къ правой, нѣсколько наклонными буквами, мы приучаемся болѣе вести перомъ отъ верху къ низу, и съ права на лѣво, то и изъ стенографическихъ знаковъ тѣ будутъ писаться нами удобнѣе и скорѣе, которые пи-

шутся въ этомъ же направленіи. Принимая это въ соображеніе, а также длину начертанія знаковъ, я полагаю, что степень скорости, съ которой знаки эти могутъ быть написаны, безъ большой погрѣшности, можно выразить строчкой, приведенной въ таблицѣ (№ 16).

Изъ знаковъ этой строки пишутся быстрѣе тѣ знаки, которые стоятъ съ лѣвой стороны, а медленнѣе тѣ, которые стоятъ съ правой стороны. Первые 9 прямолинейныхъ знаковъ могутъ писаться почти вдвое скорѣе послѣднихъ 4-хъ знаковъ.

Извѣстно, что въ словахъ нашего языка, не всѣ буквы употребляются въ одинаковомъ количествѣ: одні употребляются чаще, другія рѣже. Есть буквы, которыя употребляются въ 9 разъ чаще другихъ; напр. н, т, с, употребляются значительно чаще буквъ щ, ш, ц, ж, и потому, для ускоренія письма, слѣдуетъ такъ распределить знаки, чтобы тѣ, которые скорѣе пишутся, назначены были для буквъ чаще употребляемыхъ; тѣ же, которые медленнѣе пишутся, для буквъ рѣже употребляемыхъ. Несоблюденіе этого правила можетъ значительно замедлить стенографическое письмо.

Положимъ, напр., что разнаго наименованія стенографическихъ буквъ можно написать въ минуту 360 или среднимъ числомъ въ секунду по 6-ти знаковъ или буквъ; но для знаковъ, которые скорѣе пишутся, достаточно $\frac{1}{8}$ секунды; для тѣхъ же, которые пишутся медленнѣе, потребуется $\frac{1}{4}$ секунды чтобы написать ихъ нѣсколько отчетливо. Примемъ первые 4-е знака нашей стенографической азбуки для буквъ, которыя чаще употребляются, именно для н, т, с, в, а послѣдніе 4-ре знака для буквъ рѣже употребляемыхъ, именно для ш, щ, ц, ж. Изъ приложенныхъ здѣсь типографскихъ таблицъ можно видѣть, что напр. на печатный листъ, первыхъ 4-хъ буквъ войдетъ около 6 разъ болѣе, нежели послѣднихъ, и почти $\frac{1}{5}$ доля всего количества буквъ. И такъ, если на тотъ листъ потребуется примѣрно 20,000 буквъ, то чаще употребляемыхъ четырехъ буквъ пойдетъ $\frac{20000}{5}$ или 4,000; рѣже употребляемыхъ $\frac{4000}{6} = 666$. Если, по принятому предположенію, первыя буквы будутъ писаться со скоростью $\frac{1}{8}$ сек., а вторыя $\frac{1}{4}$ секунды, то времени для написанія 4,000 первыхъ 4-хъ буквъ потребуется $\frac{4000}{8} = 500$ сек., а для написанія 666 послѣднихъ 4-хъ буквъ потребуется $\frac{666}{4} = 166$ секун., а всего для написанія 4,000 + 666 первыхъ и послѣднихъ буквъ 666 сек. или $11\frac{1}{10}$ минутъ. Если же распредѣлимъ знаки наоборотъ: пишущіеся скорѣе 4 знака назначимъ для буквъ рѣже употребляемыхъ, а 4 знака медленнѣе

пишущіеся для буквъ чаще употребляемыхъ, то получимъ: $\frac{4000}{4} = 1,000$ сек. и $\frac{666}{4} = 166,5$ сек.; тогда для написанія первыхъ и послѣднихъ употребится $1000 + 166,5 = 1166,5$ сек. или $19\frac{1}{20}$ минутъ; слѣдовательно, отъ неправильнаго распредѣленія только '8 знаковъ, при письмѣ ихъ на одномъ листѣ, теряется времени почти 7 мин.

И такъ, для ускоренія письма, правильное распредѣленіе знаковъ для буквъ необходимо. Но есть ли у насъ средства узнать, какія буквы въ разговорѣ или въ письмѣ чаще употребляются и какія рѣже? Средство это даютъ намъ наши типографіи.

Печатаніе книгъ началось у насъ 300 лѣтъ тому назадъ; продолжительный опытъ показалъ, какихъ буквъ въ печати (слѣдов. въ письмѣ и разговорѣ) идетъ болѣе, какихъ менѣе; и расходъ буквъ, для набора при печатаніи, далъ возможность составить таблицы для отливки и употребленія этихъ буквъ, для опредѣленнаго числа печатныхъ листовъ; таблицами этими руководствуются въ типографіяхъ для безостановочной работы печатанія.

Хотя каждая отрасль наукъ и знаній, каждый родъ литературы, имѣютъ свою пропорцію буквъ, употребляемыхъ при печатаніи, но разница въ количествѣ разнаго рода буквъ не очень велика. Имѣя намѣреніе составить стенографію для употребленія при гласномъ судопроизводствѣ, при совѣщаніяхъ служебныхъ и частныхъ обществъ, или собраній, по разнымъ предметамъ, относящимся до управленія, по разнымъ отраслямъ наукъ и знаній, при диспутахъ, при слушаніи лекцій въ высшихъ училищахъ военнаго и другихъ вѣдомствъ—я принялъ въ соображеніе содержаніе буквъ таблицъ печатанія трехъ типографій: II-го отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, въ которой печатается Собраніе Законовъ, инспекторскаго департамента военнаго министерства и нашей академіи наукъ; и сверхъ того таблицу словолитни Ревильона, въ которой отливаются буквы по заказу для многихъ нашихъ типографій. Я полагаю, что среднія числа изъ этихъ четырехъ таблицъ дадутъ таблицу расхода буквъ, которую можно принять для правительственной стенографіи; посему приведу всѣ четыре таблицы къ расходу по буквѣ т, принявъ для т 4,000 буквъ, я выставилъ въ 5-й графѣ таблицы, полученнаго вычисленіемъ, среднія числа расхода буквъ для русскаго языка, а въ 6-й и 7-й графахъ таблицы, сверхъ того, выписалъ типографскія таблицы нашей академіи наукъ, принятыя для печатанія книгъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Таблица заказовъ буквъ для типографій, въ сло- волитной Ревильона.		Т А Б Л И Ц А У П О Т Р Е Б Л Е Н И Я II-го отдѣленія собствен- ной Его Императ. Велич. Канцелярїи, гдѣ печатается Собраніе Законовъ.			Инспекторскій департаментъ военнаго ми- нистерства.
Буквы.	Число буквъ.	Буквы.	Ч и с л о		
а	8,000	а	75,000	5,800	
б	2,000	б	22,500	1,500	
в	5,500	в	60,000	4,000	
г	2,400	г	18,000	1,600	
д	4,000	д	37,500	2,500	
е + э	8,000	е + э	50,500	6,200	
ж	1,200	ж	15,000	1,000	
з	1,800	з	22,500	2,500	
и + і	11,000	и + і	63,000	4,300	
к	3,200	к	37,500	2,500	
л	4,500	л	45,000	3,300	
м	4,500	м	37,500	3,800	
н	6,500	н	85,000	5,700	
о	10,000	о	112,500	8,700	
п	3,000	п	30,000	2,300	
р	5,000	р	45,000	3,700	
с	6,000	с	60,000	5,200	
т	6,000	т	60,000	4,000	
у	4,000	у	37,500	4,000	
ф + ө	1,000	ф + ө	7,000	2,000	
х	1,500	х	11,250	1,650	
ц	1,300	ц	9,000	600	
ч	2,500	ч	19,750	1,100	
ш	1,000	ш	12,000	800	
щ	900	щ	7,500	500	
ъ	6,500	ъ	60,000	4,300	
ы	2,000	ы	22,500	1,700	
ь	2,000	ь	22,500	1,500	
ѣ	2,000	ѣ	22,500	2,200	
ю	1,200	ю	12,000	800	
я	2,700	я	26,250	1,750	
й	1,500 ***	й	22,500 ***	1,500	

* Буква *ф* въ типографіи Инспекторскаго Департамента военнаго министерства по словъ: фронтъ, флангъ, форма, фуражка, и проч. ** Буква *ч* потому только расходуется но какъ для нихъ въ моей стенографіи приняты особые сократительные знаки, то ченныхъ союзовъ, буквы *ч* и *ш* въ языкѣ нашемъ употребляются почти въ одинаковомъ дѣлѣ на 1¹/₂, второй на 15, а четвертой на 2¹/₄, потому изъ чиселъ каждой бу

Б У К В Ъ В Ъ Т И Ц О Г Р А Ф И К Ъ .

Академіи наукъ для русскаго языка.		Средній выводъ изъ четырехъ таблицъ.		Академіи Наукъ для нѣмецкаго языка.		Академіи Наукъ для французскаго языка.	
б у к в ъ .		Буквы.	Число буквъ.	Буквы.	Число буквъ.	Буквы.	Число буквъ.
12,000	5,266	a	2,300	a	5,000		
3,500	1,472	b	800	b	1,200		
7,000	3,694	c	100	c	3,000		
3,500	1,489	d	2,000	ç	200		
5,000	2,472	e	8,000	d	3,500		
11,000	4,947	f	600	e	12,000		
2,000	922	ff	250	f	1,500		
3,000	1,633	g	1,000	g	1,000		
13,600	5,469	h	1,000	h	1,000		
5,000	2,339	i	3,200	i	5,500		
6,000	2,991	l	450	j	1,000		
5,000	2,880	l	1,400	k	800		
9,000	4,925	m	1,600	l	4,000		
13,000	7,161	n	5,000	m	2,500		
4,500	2,075	o	2,000	n	4,500		
7,500	3,341	p	400	o	5,000		
7,500	4,133	q	100	p	2,000		
9,000	4,000	r	3,400	q	1,000		
5,000	2,847	r	1,200	r	6,000		
1,600	961	ß	300	s	6,000		
2,000	1,072	ø	1,100	t	6,000		
2,000	738	t	3,400	u	4,000		
2,000	1,242**	u	2,500	v	1,600		
2,000	788	v	600	w	250		
2,000	622	w	1,000	x	1,000		
8,000	4,047	z	100	y	500		
3,500	1,522	z	300	z	500		
4,000	1,278	z	500				
4,000	1,647	ff	1,400				
2,000	822						
4,000	1,769	и прочія двойныя буквы.		и прочія двойныя и съ уда- рениемъ буквы.			
2,000***	1,222						

особенно много расходуется, что тамъ при печатаніи встрѣчается много иностранныхъ больше буквы ш, что въ нашемъ языкѣ часто употребляются слова: что, чтобы, чтобъ; буквы ч и можно было принять знакъ полукруга; такъ-какъ, за исключеніемъ вышеозна-размѣръ. *** Для приведенія къ цифрѣ 4,000, буквы ш, всѣ числа первой таблицы я раз-взялъ средніи арифметическія числа, которыя и выставлены въ этой таблицѣ.

Если изъ этихъ таблицъ трехъ типографій, въ которыхъ печатаются наши законы, распоряженія по военной части и научныя статьи, и изъ таблицы словолитной г. Ревильона, въ которой дѣлаются заказы буквъ для разныхъ типографій, взять среднее число, къ каждой буквѣ относящееся, то мы получимъ довольно близкое содержаніе употребленія буквъ въ печати и письмѣ по предметамъ, относящимся до судопроизводства, законодательства, военной части и наукъ. Поставя согласныя буквы по порядку вычисленныхъ для каждой изъ нихъ среднихъ чиселъ (уменьшенныхъ въ 1000 разъ), отброся сотыя и тысячныя части, и принявъ цифры выше $\frac{5}{100}$ за $\frac{1}{10}$, получимъ рядъ чиселъ, выражающій степень употребленія согласныхъ буквъ въ русскомъ языкѣ:

к	с	т	в	р	х	м	д	к	п	з	г	б	ч	х	ф
4,9;	4,1;	4;	3,7;	3,8;	3;	2,9;	2,5;	2,8;	2,1;	1,6;	1,5;	1,5;	1,2;	1,1;	1
						ж	ш	ц	щ						
						0,9;	0,8;	0,7;	0,6 (*)						

Еслибы можно было принимать во вниманіе одну только быстроту начертанія буквъ, то слѣдовало бы принять для нихъ стенографическіе знаки въ томъ порядкѣ, какъ они выше были означены (№ 16) одинъ за другимъ; но въ стенографіи, кромѣ быстроты письма, требуется четкость и удобство соединенія или связыванія буквъ между собою (что вмѣстѣ съ тѣмъ ускоряетъ письмо). Разсмотримъ эти два условія: мы видѣли, что три прямолинейныхъ знака принято писать тонкими и толстыми чертами (№ 21) для полученія 6 буквъ; горизонтальный прямолинейный знакъ принято писать тремя размѣрами (№ 22), для полученія 3-хъ буквъ; два дугообразныхъ знака, и два полукруга (№ 23) приняты для полученія 4 буквъ. При быстромъ письмѣ, по ошибкѣ, иногда можно вмѣсто толстой черты написать тонкую, или наоборотъ; при написаніи горизонтальныхъ черточекъ не соблюсти требуемаго размѣра; вмѣсто дуги написать полукругъ, или наоборотъ. Чтобы ошибки такого рода не могли вводить въ заблужденія относительно смысла написаннаго, и не затрудняли бы чтеніе, мною принято

* Во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ употребленіе буквъ значительно разнится отъ нашего, какъ видно изъ вышеприведенныхъ 6-й и 7-й таблицъ, по которымъ буквы французскаго языка, по степени употребленія ихъ, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: t — v — r — n — l — d — c — m — p, и проч.; нѣмецкаго: p — r — t — f — b — m — v — w — l — g и проч.; изъ этого слѣдуетъ заключить, что хорошая стенографическая азбука для этихъ двухъ языковъ, можетъ быть дурною для русскаго языка.

за правило: такого рода знаки, которые по ошибкѣ могутъ быть написаны одинъ вмѣсто другого, употребить для буквъ сходныхъ по произношенію, наприм: для п и б (№ 24) для т и д (№ 25); для в и ф (фе) (№ 26); для к и х (№ 27); для ш и ч (№ 28); а горизонтальную черточку трехъ размѣровъ (№ 22), для з, с, ц. Такое распредѣленіе знаковъ по парамъ и группамъ, для сходныхъ по произношенію буквъ, доставить четвость письму, даже при ошибочномъ написаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ. Къ ошибочному произношенію этихъ буквъ въ словахъ нашего языка, наше ухо уже пріучено иностранцами; несмотря на неправильное произношеніе ими многихъ словъ, мы ихъ легко понимаемъ. Напримѣръ, если кто скажетъ: я пилъ въ театрѣ; тофольно карашо игралъ; эта шеловѣкъ мнѣ знакомъ — то легко понять, что это значитъ: я былъ въ театрѣ; довольно хорошо играли; этотъ человекъ мнѣ знакомъ; если нѣмецъ скажетъ: въ Россіи сима очень колодна; мой лошадь ѣсть овца — то легко понять, что онъ хочетъ сказать: въ Россіи зима очень холодная; моя лошадь ѣсть овесъ.

Сходство произношенія означенныхъ выше буквъ, допускаетъ назначеніе для нихъ знаковъ, сходныхъ по начертанію, но пишущихся толще или тоньше, болѣе или менѣе закругленно, короче или длиннѣе. Вотъ почему и приняты мною знаки (№ 29) для буквъ п, б; т, д; в, ф; з, с, ц; к, х; и ш, ч; ошибки при написаніи изъ парныхъ этихъ буквъ одной вмѣсто другой, такъ же мало затрудняютъ чтеніе, какъ опечатки нѣкоторыхъ буквъ въ словахъ.

Изъ парныхъ прямолинейныхъ знаковъ, тонкіе три приняты для буквъ п, т, в, а толстые три для буквъ б, д, ф, (фе) на томъ основаніи, что первыя три буквы гораздо чаще употребляются, нежели вторыя, которыя стенографически пишутся съ нажатіемъ пера, что нѣсколько утомляетъ пальцы, почему ихъ и выгоднѣе было назначить для буквъ, пишущихся рѣже; притомъ послѣднія буквы: б, д, ф, (фе) произносятся съ нажатіемъ губъ и языка; поэтому соединивъ съ понятіемъ о нажатіи при произнесеніи этихъ буквъ губъ и языка, нажатіе пера при ихъ написаніи, мы облегчимъ учащимся стенографіи возможность легко запомнить ихъ. Для облегченія же памяти учащихся, короткая горизонтальная черточка принята для буквы з, потому что при произнесеніи ея языкъ менѣе выдвигается, нежели при произнесеніи буквы с, а длинная черточка принята для ц потому, что при произношеніи этой буквы языкъ болѣе выдвигается, нежели

То же правило соблюдено мною и при распредѣленіи знаковъ для гласныхъ шранныхъ буквъ: а, я; е, ѣ; у, ю, какъ увидимъ ниже.

при произнесении буквы с (се). Знаки дужекъ приняты для буквъ к и ш, а полукруговъ для х и ч, произносимыхъ съ большимъ напряженіемъ, нежели буквы ж и џ, и такъ-какъ знаки дужки и полукруга, закругленные книзу (№ 27), пишутся удобнѣе, то они и приняты для буквъ ж и з, чаще употребляющихся; закругленные же сверху знаки дужки и полукруга (№ 28), какъ менѣе удобно пишущіеся, для буквъ ш и ч, рѣже употребляющихся.

Принявъ знаки, сходные по начертанію, для согласныхъ буквъ, сходныхъ по произношенію, и полагая, что знаки каждой пары могутъ писаться почти съ одинаковою быстротою, я распредѣлилъ ихъ относительно степени употребленія ихъ въ языкѣ, не каждой буквы отдѣльно, но парами или группами, то-есть в+с+ц, т+д, в+ф и проч. Такимъ образомъ степень употребленія буквъ въ нашемъ языкѣ выразится въ слѣдующемъ порядкѣ:

в+с+ц	т+д	и	в+ф	п+б	в+х	р	л	м	ш+ч	г	ж	џ
6,5	6,5	4,9	4,7	3,4	3,4	3,3	3	2,9	2	1,5	0,9	0,6

По этому содержанію употребленія согласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ, слѣдовало бы распредѣлить и стенографическіе знаки по принятому предположенію, чтобы тѣ знаки, которые пишутся скорѣе, назначить для буквъ чаще употребляющихся, а пишущіеся медленнѣе для буквъ, рѣже употребляющихся. Но есть еще причина, заставляющая нѣсколько отступить отъ этого предположенія: это необходимость принять въ соображеніе большинство случаевъ соединенія буквъ между собою, особенно въ началѣ словъ, почему распредѣленіе знаковъ для буквъ должно быть такое, чтобы знаки всегда удобно между собою связывались, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ достигалась четкость и быстрота письма.

Разсмотримъ же основанія, которыя должны быть приняты для достиженія изложенной цѣли:

Изъ вышеприведенной строчки, въ которой выражено содержаніе паръ и группъ буквъ относительно степени ихъ употребленія въ языкѣ, видно, что буквы т+д почти въ два раза чаще употребляются, нежели п+б, и слѣдовательно для т+д должно бы принять знаки, удобнѣе и быстрѣе всѣхъ прочихъ пишущіеся (№ 24); но эти знаки приняты мною для буквъ п и б по нижеслѣдующимъ причинамъ: въ словахъ нашего языка буквы распредѣлены разнообразно: однѣ употребляются преимущественно въ началѣ словъ, другія въ срединѣ, третьи въ концѣ. Для узнаванія, какія буквы болѣе находятся въ началѣ словъ нашего языка, указателемъ можетъ служить словарь, онъ же можетъ служить и для показанія чаще встрѣчающихся случаевъ соединенія въ словахъ однихъ буквъ съ другими. Возьмемъ для

прибѣра хоть словарь Рейфа (изд. 1853-го г.); изъ него видно, что хотя буква и въ отношеніи степени употребленія въ языкѣ занимаетъ десятое мѣсто (принимая въ расчетъ однѣ согласныя буквы), но относительно количества словъ русскаго языка, начинающихся этою буквою, она занимаетъ первое мѣсто. Вотъ порядокъ, показывающій въ какой степени буквы, по количеству печатныхъ страницъ словаря Рейфа, находятся въ началѣ словъ:

Согласныя буквы: п — с — в — к — н — з

занимають стр. сло- } 147¹/₂—72—67¹/₂—45¹/₂—42¹/₂—40
вара Рейфа . }

б — р — д — м — г — т — л — ч — ш — х — ж — ф — ц — щ
39 — 39 — 30 — 25¹/₂ — 24 — 22 — 15 — 11¹/₂ — 10 — 9 — 7 — 6¹/₂ — 4 — 3
всего занимають 660¹/₂ стр.

Гласныя буквы о — у — и — а — я — е — э — ю — і — ѣ
60—25¹/₂—17¹/₂—12 — 4¹/₂—3¹/₂—2¹/₂— 1 — ¹/₂—¹/₂
всего 127¹/₂ страницъ.

Если соединить число страницъ словаря, занятыхъ словами, начинающимися съ парныхъ буквъ, сходныхъ по произношенію и выраженныхъ въ моей стенографіи сходными знаками, то ихъ слѣдуетъ поставить въ такомъ порядкѣ.

Согласныя буквы п+б в+с+д в+ф к+х т+л н
заняты страницы 186¹/₂ — 116 — 74 — 54¹/₂ — 52 — 42¹/₂,

р м — г ш+ч л ж—щ
39 — 25¹/₂ — 24 — 21¹/₂ — 15 — 7 — 3.

Гласныя о у+ю и+і а+я е+э+ѣ.
60 26¹/₂ 18 16¹/₂ 6¹/₂.

Такъ-какъ алфавитомъ русскихъ словъ въ словарѣ Рейфа занято 778 стр., то слова, начинающіяся съ буквъ п+б, занимають немногимъ менѣе ¹/₄ доли всего словаря, то-есть почти четвертая часть словъ нашего языка начинается съ этихъ буквъ.

Такъ-какъ по принятой мною системѣ сокращенія словъ, должно въ началѣ ихъ писать всѣ согласныя и гласныя буквы, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ словъ можно было недописывать многія буквы, то назначеніе для буквъ п—б, чаще пишущихся въ началѣ словъ, самыхъ простыхъ стенографическихъ знаковъ, будетъ много способствовать къ ускоренію письма.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію случаевъ соединенія буквъ между собою. Если знаки № 24 принять для буквъ и и б, то поставленные впереди словъ, они очень удобно будутъ связываться со всѣми другими знаками, исключая развѣ знака № 30, назначеннаго для буквы ч; но буквы б и п такъ рѣдко соединяются съ буквою ч, что словъ, гдѣ встрѣчается это соединеніе, едва-ли наберется для одной страницы словаря.

Изъ всѣхъ знаковъ для согласныхъ буквъ, знакъ для буквы п, № 17, удобнѣе всего соединяется съ знакомъ, принятымъ для

буквы р, № 18; словъ, начинающихся буквами п р, въ словарѣ Рейфа 51½ стр.; соединенія буквъ бр, въ началѣ словъ, а также буквъ пр и бр въ срединѣ словъ, послѣ предлоговъ: въ, во, вы, изъ, на; не, за, до, по, а, объ, отъ, и прочее, въ томъ же словарѣ занимаютъ 16 страницъ; сверхъ того надо принять въ соображеніе, что буква р принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя довольно часто употребляются въ словахъ (занимая 5-е мѣсто между согласными буквами), и слѣдуя за буквами: в, г, д, к, т, х, удобно связывается съ знаками, назначенными мною для нихъ; а словъ, начинающихся этимъ сочетаніемъ буквъ, до 28 стр. въ томъ же словарѣ. Словъ съ тѣми же начальными буквами (в, г, д, к, т, х) и съ буквами п и б, соединенными съ буквою р, не непосредственно, но чрезъ какую либо гласную букву, тоже наберется до 28 страницъ; такъ что слова вышеозначенныхъ соединеній въ нашемъ языкѣ занимаютъ въ словарѣ Рейфа около 123 страницъ, чтѣ составляетъ почти 1/7 долю всѣхъ словъ нашего языка. Вотъ причина, побудившая меня принять для буквъ б, п, и р самыя удобныя для стенографическаго письма знаки (№ 31).

Относительно быстроты написанія знаковъ № 32, большой разницы нѣтъ; относительно степени употребленія буквъ т, д и з, с, ц также большой разницы нѣтъ, и потому первые два парныхъ знака приняты мною для буквъ т и д, а вторые три для буквъ з, с, ц, знаки которыхъ удобно соединяются со всѣми прочими знаками. По той же причинѣ знаки № 33 назначены для буквъ в и ф, также часто употребляющихся въ нашемъ языкѣ. Парные знаки № 34 назначены мною для буквъ к и х предпослѣдительно передъ буквами ш и ч потому, что они пишутся нѣсколько быстрѣе знаковъ № 35, принятыхъ мною для послѣднихъ двухъ буквъ, которыя не такъ часто употребляются въ словахъ, какъ буквы к и х.

Разсмотримъ теперь основанія, принятія мною для распредѣленія стенографическихъ знаковъ (№ 36) для остальныхъ согласныхъ буквъ л, г, н, м, ж. Изъ нихъ знакъ для буквы л (№ 36), удобнѣе прочихъ пишущійся, слѣдовало бы, повидимому, назначить для буквы н, часто употребляемой въ нашемъ языкѣ, но буква н болѣе встрѣчается въ концѣ словъ (въ окончаніяхъ ние, нинъ, нить, нимъ и проч.), которыя, какъ увидимъ ниже, я предполагалъ недописывать, или выражать особыми сократительными знаками; а буква л часто пишется непосредственно, или отдѣленная гласными буквами, послѣ буквъ: б, п, в, д, к, т и проч. (словъ такого соединенія въ словарѣ Рейфа до 40 стр.), почему для буквы л и слѣдуетъ принять знакъ № 36, очень удобно соединяющійся съ знаками, принятыми для вышеозначенныхъ

буквъ; напримѣръ № 37 и проч., приче́мъ для образованія петли знака л почти не теряется времени. Знакъ для буквы г принять показанный въ № 36 потому, что онъ удобно соединяется съ знаками, принятыми для буквъ р, л (и, какъ увидимъ ниже, и съ знакомъ, принятымъ для н), а буквы эти часто слѣдуютъ за буквою г непосредственно, или отдѣленныя гласными буквами. Слово́, начинающихся буквами гр, гл, гн и проч., въ словарь Рейфа болѣе 15-ти стр. Знакъ для буквы ж принять показанный въ № 36 потому, что онъ пишется менѣе удобно, чѣмъ прочіе знаки, но за то и буква ж менѣе употребляется въ нашемъ языкѣ, нежели прочія изъ разсматриваемыхъ нами теперь пяти буквъ. По той же причинѣ и знакъ № 12 принять мною для буквы щ.

Остается теперь рассмотреть причины, побудившія меня принять знаки (№ 38) для буквъ н и ж. Знакъ № 39 не могъ быть принять для часто употребляемыхъ буквъ н и ж потому, что эти буквы, хотя не часто, но все же связываются съ буквою р въ словахъ довольно употребительныхъ: мракъ, сумракъ, мраморъ, нравъ, нравиться, нравственность и проч.; потому, принявъ знакъ (№ 39) для одной изъ этихъ двухъ буквъ, пришлось бы, въ соединеніи съ буквою р, писать такъ, какъ въ № 40, что потребовало бы широкихъ строкъ, а при ошибкахъ въ письмѣ уменьшало бы четкость его. Сверхъ того знакъ № 39 удобнѣе было принять для буквы л, какъ и изложено выше.

Изъ знаковъ № 38, второй не можетъ быть принять для буквы н потому, что эта буква часто встрѣчается въ однихъ и тѣхъ же словахъ съ буквами т и д, почему при письмѣ пришлось бы имѣть широкія строчки, напримѣръ, въ словахъ: навязь, ненавидѣть, ненависть, невинность и проч.; притомъ въ непосредственномъ соединеніи буквъ нт (№ 41) могли бы происходить и ошибки, при неотчетливомъ письмѣ; поэтому знакъ № 42 и принять мною для буквы м, рѣже соединяющейся съ буквою т, а для буквы н, оставшіяся за тѣмъ знакъ № 43. Хотя этотъ знакъ и не изъ числа самыхъ скорописующихся, но для буквы н, хотя она и принадлежитъ къ числу самыхъ употребительнѣйшихъ въ нашемъ языкѣ, онъ принять еще и потому, что буква н преимущественно встрѣчается въ концѣ словъ, а окончанія, какъ ниже увидимъ, будутъ или недописываться, или выражаться особыми знаками, отчего неудобство принять этотъ знакъ для буквы н менѣе ощутительно.

Послѣ такого разбора свойствъ буквъ, и по всѣмъ изложеннымъ мною выше причинамъ, я принялъ для 20 согласныхъ буквъ,

вошедшихъ въ стенографическій алфавитъ, усвоенные мною зна-
ки (№ 44).

О полугласныхъ знакахъ было уже говорено выше; здѣсь только
можно замѣтить, что ъ, какъ буква неслышная, въ выговорѣ, въ
стенографіи, въ концѣ словъ вовсе не употребляется; но въ сре-
динѣ словъ, надъ слогомъ, гдѣ звукъ ея слышится, ставится при-
нятый для буквы ъ надстрочный знакъ (№ 14), напримѣръ, въ
словахъ: подъемъ, съѣсть, объявить, надъ слогомъ, гдѣ должна
бы стоять буква ъ, ставится этотъ знакъ. Правила соединенія
согласныхъ буквъ между собою, выставленія надъ ними знаковъ
для полугласныхъ буквъ, показаны будутъ ниже, вмѣстѣ съ пра-
вилами соединенія этихъ буквъ съ согласными.

Разсмотримъ теперь способы выраженія гласныхъ буквъ въ
составленной мною стенографіи. Выше было сказано, что для
ускоренія письма многіе составители стенографическихъ системъ,
гласныхъ буквъ въ своихъ стенографіяхъ вовсе не употребляли,
другіе обозначали ихъ только въ началѣ и въ концѣ словъ, вы-
ражая ихъ точками или особыми знаками. Медленность чтенія,
и даже вовсе неразборчивость такого письма, были причиною,
что новѣйшіе составители стенографическихъ системъ пришли
къ убѣжденію въ необходимости ввести въ стенографическій
алфавитъ и гласныя буквы. По моему мнѣнію, русскій языкъ, еще
болѣе нежели иностранные языки, требуетъ употребленія, въ сте-
нографіи, гласныхъ буквъ.

Изъ вышеприведенныхъ типографскихъ таблицъ можно видѣть,
что употребленіе гласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ мало чѣмъ
уступаетъ употребленію согласныхъ. Изъ средней сложности при-
веденныхъ типографскихъ таблицъ и таблицы словолитной Ре-
вильона видно, что употребленіе тѣхъ и другихъ буквъ въ на-
шемъ языкѣ содержится почти какъ $\frac{3}{4}:1$, то-есть, еслибы напи-
сать нѣсколько сотъ словъ, въ которыхъ находилось бы 1750
буквъ, то въ нихъ гласныхъ было бы около 750 буквъ, а со-
гласныхъ около 1000. Еслибы изъ этихъ 1750 буквъ не писать
750, то можно ли, по оставшимся 1000 буквамъ, догадаться, что
такое написано? Конечно, это много будетъ зависеть отъ значе-
нія ненаписанныхъ буквъ, и потому надо сначала разсмотрѣть,
какое значеніе гласныя буквы имѣютъ въ нашемъ языкѣ. Раз-
смотримъ сначала значеніе каждой гласной буквы, во степеняхъ ея
употребленія. Примѣняя тотъ же способъ вывода для гласныхъ
буквъ, какой употребленъ былъ для согласныхъ, содержаніе упот-
ребленія гласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ выразится слѣдующими
цифрами:

о	и	і	ѳ	ѵ	а	е	ѳ	ѵ	у	я	ѳ	н	р.
7,2,	5,5,	5,4,	5,	2,8,	1,8,	1,6,	1,5,	0,8					



Изъ этихъ чиселъ видно, что буква *о* употребляется чаще всѣхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ; буквы *н, а, е* употребляются нѣсколько болѣе чаще употребляющихся согласныхъ буквъ *н, т, с*; буква *у* употребляется наравнѣ съ буквами *м* и *л*; *ѣ, я, н*—наравнѣ съ буквами *з, б, г*; и только *ю*, наравнѣ съ менѣе употребляющимися буквами *ш* и *ц*.

Изъ этихъ гласныхъ буквъ, въ началѣ словъ только буква *о* употребляется довольно часто, служа, преимущественно, приставкой къ словамъ, въ видѣ предлоговъ *о, объ, отъ* и проч. Словъ, начинающихся буквою *о*, въ словарь Рейфа 60 стр.; прочія же гласныя буквы въ началѣ словъ занимаютъ всего 67¹/₂ стр. того же словаря; такъ что въ нашемъ языкѣ слова, начинающіяся гласными буквами, содержатся къ словамъ, начинающимся согласными, почти какъ 1:5. Поэтому ясно, что очень значительная часть гласныхъ буквъ, въ словахъ нашего языка, размѣщена въ срединѣ словъ и въ концѣ ихъ, гдѣ значеніе гласныхъ буквъ имѣетъ особую важность, доставляя рѣчи грамматическую связь. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ такихъ членовъ, какъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, которые служатъ для опредѣленія рода и числа. Родъ и число именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, узнается у насъ, болѣею частью, чрезъ окончанія словъ; и окончанія эти, для женскаго и средняго рода, и для множественнаго числа, преимущественно состоятъ изъ гласныхъ буквъ. Измѣненіе окончаній словъ въ падежахъ также преимущественно состоитъ въ измѣненіи гласныхъ буквъ *о, и, а, у*, особенно часто употребляемыхъ. Въ спряженіи глаголовъ и въ причастіяхъ измѣненія вообще обозначаются чрезъ измѣненіе окончаній, и эти окончанія, болѣею частью, состоятъ изъ гласныхъ же буквъ *о, а, е, и*, также особенно часто употребляемыхъ. И такъ, если не писать гласныхъ буквъ въ окончаніяхъ словъ, принадлежащихъ къ главнымъ частямъ рѣчи, то рѣчь лишится грамматической связи, распадется на отдѣльныя слова, необлеченныя въ грамматическія формы, неизмѣющія логическаго основанія, и слѣдовательно станетъ непонятна. И такъ, одни грамматическія свойства нашего языка уже требуютъ удержанія, въ русской стенографіи, гласныхъ буквъ. Но у насъ, сверхъ того, есть нѣсколько гласныхъ буквъ, которыя употребляются какъ союзы и предлоги: *а, и, о, у*, или въ соединеніи съ согласными, *ли, или, не, но, ни, на, ну, по, объ, отъ, за, изъ, то, ибо, бы* и множество другихъ, которыя безъ гласныхъ буквъ не могутъ быть понятны. Если для такого рода словъ и частицъ придумывать особые сократительные знаки, то это очень затруднитъ изученіе стенографіи; при томъ изображе-

нѣкоторыхъ словъ и частицъ особыми знаками, по множеству ихъ, по необходимости поведеть къ употребленію сложныхъ знаковъ, а слѣдовательно и къ замедленію стенографическаго письма.

Если мы дурно написанное, или написанное безъ нѣкоторыхъ окончаній словъ, иногда и прочитываемъ по смыслу, то это потому, что по нѣсколькимъ словамъ, или по начальнымъ частямъ словъ и нѣсколькимъ частицамъ, отыскиваемъ сначала смыслъ, а уже чрезъ понимаемое начало разбираемъ послѣдующее окончаніе. Но если, по отсутствію гласныхъ, мы съ самого начала будемъ затрудняться въ прочтеніи написаннаго слова или рѣчи, то послѣдующее уже трудно будетъ прочитать по смыслу, а иногда и вовсе невозможно.

Все сказанное убѣждаетъ въ необходимости придумать знаки для гласныхъ буквъ русской стенографіи; но какъ ихъ выразить, не замедливъ быстроты письма? Для разрѣшенія этого вопроса припомнимъ, съ какою скоростію произносятся нами гласныя и согласныя буквы, а также и слова. Выше было сказано, что гласныхъ буквъ, въ слухъ, больше нельзя произнести въ минуту, какъ отъ 140 до 170; согласныхъ буквъ можно произнести въ это же время до 200. При произношеніи легко выговариваемыхъ словъ, или при чтеніи ихъ, можно произнести въ минуту до 1000 буквъ; но при произношеніи рѣчей, при которыхъ слова слѣдуетъ произносить громко и отчетливо, обыкновенно произносятся отъ 500 до 600 буквъ въ минуту. Для записыванія словъ при этой быстротѣ произношенія, если не употреблять гласныхъ буквъ, придется написать въ минуту всего отъ 280 до 350 знаковъ, что очень возможно при простотѣ стенографическихъ, азбучныхъ знаковъ, особенно если принять еще нѣсколько сокращеній. Но какъ успѣть записать въ то же время и гласныя буквы, не замедливъ стенографическаго письма, когда къ прежнимъ 280 или 350 знакамъ придется еще прибавить отъ 220 до 250 знаковъ, то есть почти на $\frac{3}{4}$ увеличить число знаковъ? И такъ, еслибы безъ употребленія гласныхъ буквъ пришлось написать какую-нибудь бумагу или рѣчь въ четыре минуты, то съ употребленіемъ гласныхъ буквъ, если для нихъ введутся такого же размѣра и подобнаго же начертанія знаки, какъ и для согласныхъ буквъ, придется, для написанія того же, употребить 7 минутъ. При такомъ замедленіи въ письмѣ, и самый лучший стенографъ едва ли успѣетъ писать за говорящимъ. Выше было замѣчено, что если писать однѣ прямыя, небольшія черточки вверхъ и внизъ, то въ минуту едва можно успѣть написать отъ 450 до 550 черточекъ; но написать въ такое же время, такой же величины знаки въ разныхъ направленіяхъ, выражающіе буквы, и не какъ-нибудь,

а нѣсколько отчетливо, чтобы написанное можно было прочесть— для чего необходимо приучить пальцы руки дѣлать быстрые размахи пера, чтобы успѣвать налету записывать говорящееся — едва-ли можно успѣть болѣе 300 или 400 знаковъ.

Исключивъ изъ стенографическаго письма знаки для гласныхъ буквъ, нѣкоторые иностранные стенографы замѣняютъ ихъ разными способами, затрудняющими только изученіе стенографіи, и сдѣлали изъ нее довольно трудную науку, требующую продолжительнаго и тщательнаго изученія. По моему мнѣнію, стенографія, какъ и вообще грамота, должна составлять не столько науку, сколько средство, пособіе для изученія наукъ, и потому должна быть такъ составлена, чтобы изученіе ея было легче обыкновенной грамоты. Чтобы этого достигнуть, необходимо для стенографическаго алфавита имѣть самые простыя и неуврачатые знаки, по возможности въ меньшемъ числѣ, и избѣгать множества правилъ и исключеній изъ нихъ, множества сократительныхъ знаковъ или ключей—однимъ словомъ, должно избѣгать составлять такія стенографическія системы, которыя требуютъ громадной памяти, по множеству знаковъ и по сложности своихъ правилъ.

Такъ-какъ наукъ, требующихъ много времени для ихъ изученія, и безъ того довольно, то невелика будетъ заслуга стенографіи, если и для изученія ея, и примѣненія къ дѣлу, потребуются продолжительное время, и если она не будетъ полезна учащемуся въ то время, когда онъ долженъ записывать за учителемъ и профессоромъ преподаваемыя ему науки.

Избавиться отъ продолжительнаго труда, требуемаго для изученія многихъ изъ вышѣшнихъ стенографій, можно только составленіемъ такихъ же упрощенныхъ знаковъ для гласныхъ буквъ, какіе приняты для согласныхъ, но такихъ, которые бы не замедляли письма. Посмотримъ, какимъ способомъ можно этого достигнуть.

Гласныхъ буквъ у насъ двѣнадцать, именно: а, е, и, і, о, у, џ, ѣ, ю, я, э, ү; изъ нихъ и и е могутъ удобно замѣнять буквы: і, ү и э, безъ вреда ясности; за исключеніемъ ихъ останется необходимыхъ для русской стенографіи девять гласныхъ буквъ, именно: а, я, е, ѣ, и, џ, у, ю и о. Чтобы введеніемъ для этихъ гласныхъ особыхъ знаковъ не усложнить стенографическую азбуку, и не замедлять тѣмъ письма, надо составить ихъ, примѣняясь къ способу произношенія нами согласныхъ буквъ органомъ слова. Произнося по очереди согласныя буквы, мы замѣчаемъ, что каждая изъ нихъ, при выговорѣ ея, требуетъ гласной буквы, съ которою она сливается, составляя съ нею одно цѣлое, напримѣръ: ба, бе, би, бо, бу, ка, ке, ки, ко, ку, ла, ле, ли, ло, лу и проч. Произнося эти буквы, мы замѣчаемъ, что къ движенію нашего языка.

губъ и челюстей, необходимому для присоединенія звука согласной буквы, присоединяется другое небольшое движеніе этихъ частей органа слова, чрезъ которое произносится гласная буква. Въ подражаніе этому нельзя ли, дѣлая небольшіе изгибы у знаковъ, принятыхъ для согласныхъ буквъ, выражать въ то же время и гласныя буквы? Перебирая по очереди всѣ согласныя буквы, легко убѣдиться, что это дѣло возможное; на примѣръ, при написаніи знаковъ для согласныхъ буквъ можно дѣлать изгибы № 45. Времени для написанія этихъ изгибовъ теряется немного, а между тѣмъ, этими загибами удобно можно выражать гласныя буквы. Но такъ-какъ загибовъ, удобныхъ для написанія ихъ, всего пять (№ 46), а гласныхъ буквъ девять, то, чтобы ограничиться этими пятью загибами, можно употребить такой же способъ видоизмѣненія ихъ, каковой былъ принятъ и для согласныхъ буквъ, то-есть писать съ утолщеніями тѣ загибы, которые удобно утолщать, слѣдовательно, пишущіеся отъ верху къ низу. Такихъ знаковъ три, которые и можно употребить для сходныхъ по произношенію гласныхъ буквъ; именно для буквы я, сходной по произношенію съ буквою а; для буквы ѣ, сходной по произношенію съ буквою е; и для буквы ю, сходной по произношенію съ буквою у. Буква ы также сходна по произношенію съ буквою и, но такъ-какъ всего три знака, которые могутъ удобно писаться отъ верху къ низу, то утолщеніе для буквы ы можно переносить или на смежную букву, или, для отличія ы отъ и, ставить возлѣ ы точку. Написанные отдѣльно знаки для гласныхъ буквъ, выразятся въ видѣ запятыхъ, или небольшихъ врючковъ, которыхъ всего 9 (№ 47), для 9 гласныхъ буквъ.

Для узнанія, которые изъ этихъ знаковъ принять для каждой изъ гласныхъ буквъ, выпишемъ еще разъ изъ средняго вывода типографскихъ таблицъ степень употребленія гласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ:

о — и + і + ѵ — а — е + ѣ — у — я — ѣ — ы — ю
7,2 5,5, 5,4 5, 2,8 1,8 1,6 1,5 0,8

Если соединимъ сходныя по произношенію гласныя буквы, такъ же, какъ сдѣлали это съ согласными, то степень употребленія ихъ въ языкѣ выразится слѣдующимъ образомъ:

о — а + я — и + ы — е + ѣ — у + ю
7,2 7,2 7 6,6 8,6

Изъ этой выписки уже видно, что знакъ для буквы о долженъ писаться отъ низу къ верху, потому что о не имѣетъ парной буквы, сходной по произношенію; поему о и принято мною выражать знакомъ № 48; буквы а+я, и+ы и е+ѣ, въ нашемъ языкѣ употребляются почти одинаково часто; изъ нихъ а+я и

е-ѣ принято мною выражать знаками въ видѣ занятыхъ, написанными отъ верху къ низу (№ 49); парныя буквы у и ю, принято мною выражать маленькими полуружками, то-есть у знакомъ № 50; ю — знакомъ № 51; затѣмъ, остаются для буквъ и и ы знаки № 52, пишущіеся отъ низу къ верху.

По этимъ соображеніямъ, для гласныхъ буквъ мною приняты знаки (№ 53), которые, для отличія ихъ отъ дугообразныхъ знаковъ согласныхъ буквъ (№ 34), слѣдуетъ писать въ три или четыре раза менѣе знаковъ согласныхъ буквъ. При такомъ выборѣ начертаній для гласныхъ и согласныхъ буквъ, наибольшая часть соединеній ихъ будетъ писаться удобно, ясно и четко; и если встрѣтятся немного случаевъ, когда буквы напишутся и соединятся не совсѣмъ правильно, то это не помѣшаетъ разборчивости письма, и будетъ соответствовать незначительнымъ опечаткамъ.

Этотъ способъ выражать гласныя буквы не только мало отнимаетъ времени для ихъ написанія, но въ иныхъ случаяхъ, при крутыхъ поворотахъ, для написанія согласныхъ буквъ, раздѣленныхъ гласными, даже облегчаетъ размахъ пера, какъ можно видѣть изъ нижепоказанныхъ примѣровъ соединенія этихъ буквъ.

Правила соединенія согласныхъ и гласныхъ буквъ состоятъ въ слѣдующемъ: всѣ буквы, при составленіи словъ, пишутся не измѣняя своего положенія, и безъ употребленія волосной черты; гдѣ оканчивается одна буква, за нею, непосредственно, пишется другая буква слѣдующая въ словѣ, потомъ третья, и такъ далѣе, наблюдая правила, показанныя выше, какъ писать каждую букву, то-есть знаки для м, н, г, л, ж писать начиная съ головокъ, для к, х, ш, ч, у, ю, а также для з, с, ц, писать отъ лѣвой руки къ правой и проч.

Примѣры соединенія буквъ однихъ согласныхъ показаны подъ № 54, согласныхъ съ гласными подъ № 55, гласныхъ съ гласными подъ № 56.

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что въ большей части случаевъ, написаніе гласныхъ буквъ не только не отнимаетъ времени, но нерѣдко даже облегчаетъ связываніе согласныхъ буквъ.

Для показанія, какъ стенографическія буквы въ словахъ связываются между собою, и какъ обозначаются полугласныя буквы, привожу нѣсколько примѣровъ подъ № 57.

Для бумагъ, требующихъ дипломатической точности *, а также въ именахъ собственныхъ, буквы, пишущіяся съ утолщеніемъ, и буквы з, с и ц, на случай ошибочнаго написанія ихъ, можно от-

* Назначенныхъ для сохраненія въ архивахъ.

личать, выставляя при нихъ точки; а именно: для отличія парныхъ буквъ т отъ д, и отъ б, в отъ ф, а отъ я, и отъ н, е отъ ѣ, у отъ ю—при послѣдней изъ буквъ каждой пары можно ставить точки, напр. (№ 58). Знакъ буквы з отличается отъ с выставленіемъ точки надъ знакомъ, а ц отъ с выставленіемъ точки подъ знакомъ, а именно такъ, какъ подъ № 59. Для отличія слова «миръ» отъ «міръ» тамъ, гдѣ по смыслу трудно будетъ различать эти слова, при словѣ міръ ставится точка (№ 60). Въ словахъ, требующихъ обозначенія ударенія надъ тѣмъ слогомъ, на которомъ удареніе, выставляется небольшая горизонтальная черточка (№ 61).

При четкости и опредѣлительности знаковъ этого письма, въ словахъ, гдѣ встрѣчаются двѣ одинаковыя буквы рядомъ при быстромъ писи, можно бы ограничиться написаніемъ одной изъ этихъ буквъ; но для большей точности письма, и для бумагъ, которыя должны храниться для справокъ, удвоенныя буквы, и парныя буквы т и д; н и б; ф и в; а также буквы з, с и ц, гдѣ онѣ пишутся рядомъ для показанія, что написаны двѣ одинаковыя буквы рядомъ, знакъ перечеркивается (№ 62). А если встрѣчаются рядомъ парныя буквы, то-есть п—б, т—д и проч., то онѣ перечеркиваются черточкой съ загибомъ; причеиъ для буквъ б, п, д, т, ф, в, загибъ ставится при бувахъ б, д и ф, то-есть требующихъ утолщенія. Если парная буква, требующая утолщенія, стоитъ прежде пишущейся тонко, то перечеркивающая черточка загибается съ лѣвой стороны, если послѣ—то съ правой стороны. Если буквы зс, сц, ставятся рядомъ, то для означенія буквы з, черточка загибается въ лѣвую сторону, для ц—въ правую сторону. Если изъ этихъ буквъ с стоитъ впереди, а з или ц стоятъ послѣ, то загибъ дѣлается внизу буквъ, именно, какъ подъ № 64; примѣръ № 65.

Въ словахъ, въ которыхъ встрѣчаются нѣсколько буквъ, пишущихся отъ верху къ низу, вмѣстѣ съ буквами д и т, для избѣжанія широкихъ строгъ, знакъ буквы т можно писать и отъ низу къ верху, напримѣръ въ словахъ № 66.

Для скорости письма нетолько въ каждомъ словѣ всѣ буквы пишутся связно, но даже и союзы и предлоги, какъ-то: а, и, не, но, подъ, съ и проч., пишутся слитно съ словами, которымъ они предшествуютъ, напримѣръ № 67.

Строгая точность для выраженія въ словахъ отчетливо каждой буквы, нужна только въ началѣ обученія стенографическому письму, но потомъ, когда приобрѣтется навыкъ къ чтенію этого письма, то, по явственности стенографическихъ знаковъ, легко можно будетъ читать это письмо, если даже не будетъ соблюдена точность въ написаніи нѣкоторыхъ буквъ, и нѣкоторыя буквы будутъ пропущены.

М. Иванинъ.



СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Три недѣли послѣ покушенія 4-го апрѣля.—Замѣшательства въ Европѣ и предстоящая война.

Первыя порывистыя лихорадочныя движенія общества, приведеннаго въ ужась *четвертымъ апрѣля* — прошли; наступила пора раздумья и болѣе хладнокровнаго обсужденія факта... Но это раздумье едва-ли не ужаснѣе первыхъ минутъ общественнаго испуга. Кто злодѣй, мы знаемъ. Но много ли это значить для объясненія событій? Онъ учился въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ: вотъ новый, многознаменательный фактъ, добытый въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль. Однакожь и этотъ фактъ будетъ важенъ только тогда, когда онъ соединится съ какими-нибудь другими фактами, его объясняющими. Не будемъ придавать важности тому, въ *казанскомъ* или *московскомъ* университетѣ онъ чему-нибудь учился: для насъ такой мѣстный point d'honneur ничего не значить. Тотъ только, кто хотѣлъ бы, чтобы все нечестіе русской земли сидѣло гдѣ угодно, лишь не въ Москвѣ, можетъ придавать значеніе этому факту. Итакъ, можно сказать одно: преступникъ чему-нибудь учился.

Въ то же время официально было объявлено, что онъ держитъ крайнихъ соціальныхъ ученій. Еслибы отсюда извлечь такое заключеніе, что всѣ учащіеся молодые люди крайніе соціалисты, то выводъ нашъ по истеченіи трехъ недѣль отъ покушенія 4-го апрѣля, можетъ быть, былъ бы несправедливѣе, чѣмъ онъ былъ въ самый моментъ совершенія преступленія.

Итакъ, съ обнаруженными немногими фактами, общественное мнѣніе должно обходиться крайне осторожно, чтобы не впасть въ великую ошибку.

Другое мнѣніе, и очень распространенное у насъ, на основаніи извѣстій, опубликованныхъ западно-европейскими газетами, что были въ Европѣ какіе-то темные слухи, указывавшіе на что-

то зловѣщее въ началѣ апрѣля. Но на основаніи темныхъ слуховъ, также нельзя стровѣть какой-нибудь вѣроатной догадки. Дѣйстви-тельно, положеніе европейскихъ дѣлъ таково, что оно грозитъ большими бѣдами и переворотами. Не столько оно грозно тѣмъ вооруженіями, о которыхъ насъ пзвѣщаютъ, сколько под-земными штригами, которыхъ заготовлены давно, и ждутъ удобнаго случая для своего обнаруженія. Случай какъ будто представляется, и кто можетъ поручиться, что замѣшательства такой сильной державы какъ Россія, не входили въ общій плауъ европейскихъ затрудненій? Что Россія въ этомъ случаѣ были заготовлены трудныя времена, много страданій, не можетъ быть сомнѣнія. Не отведи Провидѣніе руку злодѣя — и Россія была бы парализована и без-опасна для Европы и для враговъ, которымъ была бы открыта свобода дѣйствій на нашихъ окривахъ.

Такое предположеніе указываетъ на громадный революціонный заговоръ, въ которомъ должно соединиться все, что только злов-ствуетъ на нашу силу, на наше развитіе, на наше политическое значеніе. Тутъ должны быть и революціонныя элементы, намъ близкіе, сосѣдственныя и болѣе отдаленныя. Но гдѣ нигъ, которая бы насъ привела къ чему-нибудь, если только есть шть, ведущая въ ту сторону?

Наконецъ, есть мнѣніе, и которое точно также можетъ ока-заться справедливымъ, что злодѣйское дѣло 4-го апрѣля, если не принадлежитъ исключительно одному сумасшедшему негодю, то нѣсколькимъ ему подобнымъ, и все-таки есть фактъ изоли-рованный, непмѣющій ничего общаго ни съ социальными уче-ніями, ни съ революціонными попытками. Нѣкоторые думаютъ такимъ объясненіемъ дѣла какъ-бы смягчить величину зла, откры-таго покушеніемъ 4-го апрѣля. Намъ кажется совсѣмъ напрошть. Если это дѣйствительно такъ; если у насъ возможны факты, по-добные четвертому апрѣля только потому, что образовался сума-сшедшій кружокъ, какой-нибудь десятокъ людей полуграмотныхъ и недоучившихся, и этотъ бессмысленный кружокъ въ состояніи потрясти до основанія весь общественный организмъ — то спрашивается: каковъ же долженъ быть этотъ организмъ, какова сила его упругости, живучести, если онъ такъ беззащитенъ отъ самыхъ сумасбродныхъ предпріятій? Что за общество, которое порождаетъ такіе кружки, и отъ нихъ само трепещетъ, и что за дивализація, которую нужно отправить въ науку въ простому крестьянину, за азбукой общественной жизни, за первыми пон-тіями о тѣхъ основахъ, на которыхъ живетъ всякая малаякая деревушка: уваженіе къ власти, собственности, порядку и тому по-добными истинами, чуть не первобитнаго человѣчества?

Кто же виноватъ, въ концѣ концовъ спрашиваетъ себя каждый: социальныя ученія, пзвѣстныя у насъ подъ именемъ нигилизма? революціонныя штриги враговъ, которыя ждали уже насъ и годъ ди, и устроивали рѣзню нашихъ беззащитныхъ солдатъ въ Царствѣ Польскомъ? или, наконецъ, нѣсколько бессмысленныхъ методичъ,

которые задумали играть въ политику, не умѣя опѣвить первыя основанія политической и общественной жизни? Вотъ вопросы, которые дѣлая двѣ недѣли преслѣдовали нашу общественную мысль, и привлекали ее то въ одну, то въ другую, то въ третью сторону. Общество покойно съ одной стороны, что слѣдствие ввѣрено въ руки опытныхъ, и потому оно легче разгадаетъ отъ того человѣка, которому государемъ довѣрена такой важности государственная тайна; общество надѣется, что слѣдственная комиссія скажетъ намъ что-нибудь, не въ примѣръ слѣдственнымъ комисиямъ о поджогахъ, которыя потерялись во времени, какъ африканскія рѣчки теряются въ песку.

Но пока слѣдствие обнаружитъ что-нибудь достовѣрное, и мы, на основаніи официальныхъ документовъ, будемъ въ состояніи указать пальцемъ на зло и запятнать его безапелляціонно — до тѣхъ поръ общественное мнѣніе, останавливаясь на вопросахъ общихъ и пытаясь само причины зла, обратилось къ весьма полезному анализу самого себя. Оно указываетъ на разпузданность тѣхъ бессмысленныхъ ученій, которыя у насъ пзвѣстны подъ названіемъ нигилистическихъ, и не приписывая имъ никакихъ преступленій, жагаетъ, чтобы здравый смыслъ учащихся и вообще молодого поколѣнія былъ воспитанъ въ болѣе строгомъ подчиненіи наукъ, а не кощунствѣ надъ нею. У насъ самое понятіе о наукѣ загемнено, съ умысломъ или безъ умысла, но съ тѣхъ поръ, когда было возвыщено, что вся европейская литература представляетъ два-три сочиненія, которыя достаточно изучить — а все остальное пустой плеоназмъ. У насъ серьезное обученіе пало. У насъ, припомнимъ теперь кстати, проповѣдывалось, что такіа науки какъ исторія, литература, политическая экономія, юриспруденція, философія, вообще науки нравственныхъ — совсѣмъ не науки, а сборъ отрывочныхъ и невѣжественныхъ свѣдѣній, которыми стараются затемнить университетское юношество, жадующее яко бы физіологіи и химіи, химіи и физіологіи, и больше ничего. Мы помнимъ, какъ одинъ герой одного романа — романа, записаннаго въ поученіе юношеству и сдѣлавшагося настольной книгой нигилиста — какъ эгого герой, по поступленіи въ университетъ, просить самъ собою, безъ помощи професоровъ, весь курсъ университетской науки, въ *восемь мѣсяцевъ* — ни больше, ни меньше — въ *восемь мѣсяцевъ*. Тамъ даже былъ сказано се- верѣе, какъ въ настоящее время пзучать всѣ науки въ *восемь мѣсяцевъ*.

Такіе совѣты, очевидно теперь, принесли пользу, и скороученіе дошло до того, что въ гимназіяхъ, въ пятыхъ классахъ, воспитанникамъ уже не остается ничего дѣлать, они все знаютъ, и имъ остается дѣйствовать.

Эту заразу невѣжествомъ, подъ видомъ скороученія, общество уже замѣтило прежде, а теперь оно поняло и опасность ея.

Далѣе общество, размышляя надъ самимъ собою, приходитъ къ тому убѣжденію, что у насъ до сихъ поръ *не было общества*,

въ смыслѣ прочныхъ, ясно сознанныхъ основанийъ общезитія: не было ни уваженія личности, ни уваженія собственности, не было даже понятія о томъ, какіе это драгоценные принципы общественной жизни. Каждому казалось удобнымъ, легкимъ и возможнымъ ихъ колебать, безъ явной опасности. Такая повадка, если ея придерживаются многіе, очевидно ведетъ къ той легкости, съ которою принимаются всѣ безсмысленныя общественныя доктрины, гдѣ отрицаніе собственности и правъ личности стоитъ на первомъ планѣ. И общество, воспитанное на неуваженіи къ праву, уже слишкомъ легко заражается этими доктринами. Вѣчнымъ безславіемъ въ лѣтописяхъ русской литературы, а еще болѣе русской общественной жизни останутся 1860 — 63 года, когда, во имя социальныхъ стремленій, это общество, которому нѣтъ никакой надобности въ социализмъ, было до того напугано, что сдѣлалось социалистомъ, само не подозревая, чѣмъ оно сдѣлалось, и въ своей скромности думая, что оно сдѣлалось только либеральнымъ. Просимъ помнить, что мы говоримъ здѣсь объ обществѣ, а не о правительствѣ. Правительство въ это время дѣлало великое дѣло: освобождало крестьянъ съ землею.

Общество можетъ теперь извлечь для себя великій урокъ на опытѣ, изъ той извѣстной на Западѣ общественной странички жизни — что привычка къ безправію ведетъ легче всего къ принятію социалистическихъ ученій, большею частію основанныхъ а отверженіи правъ личности и собственности.

Во время такого настроенія общественнаго мнѣнія была обнаружена чрезвычайно важная политическая мѣра, которая при всякихъ другихъ обстоятельствахъ была бы предметомъ многихъ и долгихъ разсужденій нашей печати — такъ она гармонируетъ съ настроеніемъ общества, но теперь прошла какъ-бы незамѣченною посреди тревогъ дня. Мы говоримъ о соединеніи двухъ вѣдомствъ: народнаго просвѣщенія и обер-прокурора святѣйшаго синода — въ одномъ лицѣ. — Мы не знаемъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ по соединенію этихъ вѣдомствъ, но видимъ здѣсь благоприятный случай исправить наши учебныя заведенія вотъ въ какомъ отношеніи. Если наши гимназій неудовлетворительны, то семинаріи еще болѣе; если свѣтскія казенныя заведенія вырабатывали нигилизмъ съ избыткомъ, то не нужно забывать, что семинаріи дали намъ «первосвященниковъ нигилизма», какъ выразились «Московскія Вѣдомости»: Добролюбова и Чернышевскаго. Въ этомъ отношеніи ни гимназій не могутъ завидовать семинаріямъ, ни семинаріи гимназіямъ. Можно сказать только, что и тѣ и другія лучше. И тѣ и другія требуютъ улучшеній, но мы знаемъ, что улучшения требуютъ средствъ и людей. На недостатокъ средствъ у насъ жалуются всѣ вѣдомства, хотя вообще на образованіе народное у насъ отпускается довольно значительная сумма; этотъ недостатокъ средствъ происходитъ отъ того, что до сихъ поръ не всѣми вѣдомствами принята система отдѣленія общаго образованія отъ спеціальнаго. И семинаріи и

гимназіи начинаютъ курсъ чуть не съ азбуки; и семинаріи, также какъ корпуса, даютъ общее образованіе, то же, которое дается въ гимназіяхъ. Въ гимназіи открытъ доступъ всѣмъ сословіямъ, въ томъ числѣ и духовенству. Семинаріи же до сихъ поръ исключительно посвящены духовному сословію, хотя богословскіе курсы, которые составляютъ специальность чисто-духовныхъ заведеній, и могли бы быть отдѣлены. Эта система отдѣленія образованія общаго отъ спеціальнаго, принятая уже вѣдомствами военнымъ и морскимъ, при сбереженіи въ тѣхъ небольшихъ средствахъ, которыми обладаютъ наши учебныя заведенія, подраздѣленные по вѣдомствамъ, можетъ имѣть чрезвычайно благотворное дѣйствіе на народное образованіе вообще.

У насъ вѣога были соединены оба вѣдомства въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, именно въ 1817 году. Въ манифестѣ 24-го октября 1817 года было сказано: «Желая дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами *всѣхъ вѣроисповѣданій* въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія».

Въ слѣдующей книгѣ мы разсмотримъ дѣйствія этого министерства, вскорѣ упраздненнаго, а теперь скажемъ только, что оно повидимому слишкомъ исключительно поняло тогда свое призваніе, и вмѣсто просвѣтительнаго и благотѣльнаго дѣйствія, которое можно было ожидать на основаніи манифеста, обратило свое вниманіе на однѣ стѣснительныя мѣры въ гимназіяхъ и университетахъ, и забыло, что полудзаніе хуже невѣжества. Эту истину мы горькимъ опытомъ сознали только въ послѣднее время. Изученіе многихъ предметовъ, которые считались особенно вредными, было или приостановлено или сокращено, или измѣнено; преподаваніе другихъ, именно богословскихъ наукъ, усплено — и однакожь само правительство вскорѣ должно было измѣнить эту систему. Ту же истину въ послѣднее время подтвердили своимъ примѣромъ и доктринами и наши прогресисты, вышедшіе изъ семинаріи.

Подъ вліаніемъ все того же ужаснаго факта 4-го апрѣля, прошло мало замѣченнымъ и открытіе новыхъ судебныхъ мѣстъ: кассационныхъ департаментовъ сената, судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ въ Петербургѣ и Москвѣ—событіе капитальнѣйшее въ исторіи нашего быта за послѣдніа десять лѣтъ и уступающее по своей важности только крестьянской реформѣ. Вліаніе новыхъ судебныхъ учрежденій будетъ такъ же могущественно на наше общество, какъ было и есть — освобожденіе крестьянъ. Эти двѣ реформы долго еще будутъ играть первенствующую роль въ развитіи нашего отечества, и не намъ, близкимъ свидѣтелямъ ихъ совершенія, понять вполне всю ихъ важность. Мы увѣрены, что

большинство не въ состояніи еще и представить себѣ того благодѣянія, котрымъ мы осчастливлены были 17-го апрѣля 1866 года!

Со времянь Фридриха-Великаго Прусія не видала такого предпринчиваго и энергическаго дѣятеля, какимъ является нынѣ графъ Бисмаркъ, заслонившій собою и короля, и парламентъ, и франкфуртскій сеймъ. Покушеніе, сдѣланное на жизнь графа Бисмарка, еще болѣе выдвигаетъ впередъ его личность, какъ политическаго дѣятеля. Прусія, возведенная на степень королевства и одной изъ первоклассныхъ европейскихъ державъ, довольствовалась этимъ положеніемъ, ограничивая свои честолюбивые виды безоружною борьбою съ Австріей за преобладаніе въ Германскомъ Союзѣ. Нынѣ же, благодаря отвагѣ перваго прусскаго министра, политика Прусіи отзывается почти во всей Европѣ: на берегахъ Эльбы, Минчіо и Дуная. Фактъ этотъ, между прочимъ, доказываетъ, что, несмотря на развитіе въ Европѣ представительныхъ началъ, придающихъ значеніе народной волѣ, отдѣльныя личности, подобныя Бисмарку или Кавуру, могутъ до цѣлковой степени, по своему произволу, располагать судьбами народовъ. Положительно можно сказать, что еслибы въ Прусіи не было графа Бисмарка, то международныя отношенія европейскихъ державъ не дошли бы до такой запутанности, до какой они дошли теперь подъ его преобладающимъ вліяніемъ.

Если вникнуть въ постепенный, угрожающій нынѣ спокойствію Европы ходъ политическихъ дѣлъ, то легко видѣть, какимъ путемъ дѣйствовалъ прусскій министръ для осуществленія своихъ замысловъ. Статся можетъ, что онъ и самъ не предвидѣлъ, до какихъ усложненій дойдетъ его политика, и переходилъ отъ одного плана къ другому, не какъ къ конечной цѣли, но какъ къ средству, чтобъ выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попадался. Поставленный въ главѣ прусскаго правительства, графъ Бисмаркъ счелъ своею обязанностію поддержать и охранить какъ дѣйствительныя, такъ и мнимыя права королевской власти въ Прусіи. Это вовлекло его въ борьбу съ представителями прусскаго народа. Желая приобрѣсти его расположеніе національно-патріотическимъ дѣломъ, Бисмаркъ предпринялъ освобожденіе вѣмцевъ изъ-подъ господства датчанъ. Намѣреніе это, въ смыслѣ военнаго предпріятія, удалось Бисмарку, но не доставило ему той популярности, на которую онъ рассчитывалъ, подогрѣвъ военное честолюбіе и патріотизмъ пруссаковъ. Всѣ очень хорошо поняли, несмотря на патріотическія чувства, что походъ двухъ сильнѣйшихъ державъ на слабую Данію не покрытъ новымъ блескомъ прусскія знамена. Пришло разочарованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось графу Бисмарку необходимомъ свести по датской войнѣ счеты какъ съ палатой, такъ и съ союзницею Прусіи — Австріей. Но при этомъ, какъ внутри страны, такъ и внѣ

ся, встрѣтило графа Бисмарка противодѣйствіе. Послѣ распушенія непослушной палаты, прусскому министру оставалось управиться съ неуступчивою Австріей. Съ этою цѣлью начался, относительно приэльбскихъ герцогствъ, рядъ такъихъ произвольныхъ со стороны Пруссіи мѣръ, которыя должны были или заставить Австрію смириться передъ графомъ Бисмаркомъ, или дать отпоръ его властолюбивымъ стремленіямъ. Австрія предпочла послѣднее. Она приступила къ вооруженіямъ, вызвавшимъ опасенія Италіи или, по крайней-мѣрѣ, подававшимъ поводъ стать въ оборонительное положеніе противъ Австріи. Вслѣдъ затѣмъ, распространились слухи о союзѣ Италіи съ Пруссіей для войны съ Австріей. Тревога успялась еще болѣе. Разнорѣчными телеграфическія извѣстія и газетныя корреспонденціи, а также и обмѣнъ дипломатическихъ депешъ, въ которыхъ встрѣчается гораздо болѣе общихъ фразъ, нежели разъясненія сущности дѣла, не могли, конечно, разсѣять поднятую тревогу. Дѣйствительно, развѣ Европа можетъ оставаться спокойной, когда въ центрѣ ея происходятъ дѣятельныя вооруженія, и въ особенности, когда эти вооруженія сопровождаются такою таинственностію, которая препятствуетъ даже предугадать, куда направится готовящаяся гроза? Правда, что за исключеніемъ Австріи, Пруссіи и Италіи, остальные державы готовятся соблюдать нейтралитетъ. Но развѣ можно полагаться на такой образъ пхъ дѣйствій съ полною увѣренностію? Развѣ ходъ военныхъ событій и дипломатическія усложненія не могутъ вовлечь въ войну даже и такіе кабинеты, которые выказываютъ теперь самыя миролюбивыя чувства? Притомъ, война, вспыхнувшая въ центрѣ Европѣ, отвзетъ непремѣнно самымъ невыгоднымъ образомъ на рынкахъ и биржахъ всѣхъ европейскихъ державъ, а нельзя не признать, что въ настоящее время торговые и промышленные интересы составляютъ весьма важныя элементы въ обще-европейскомъ благосостояніи.

Хотя еще до сихъ поръ не выяснилось, кому именно, Италіи или Пруссіи, принадлежитъ починъ взаимнаго между ними сближенія для борьбы съ Австріей, но во всякомъ случаѣ политика графа Бисмарка, если не прямо, то косвенно, заставила флорентинскій кабинетъ напомнить Австріи о томъ, что ей пора уступить Венецію Италіи. Вѣда, что разрывъ между Австріей и Пруссіей доходитъ до крайнихъ предѣловъ, итальянское правительство не могло упустить благоприятной поры для того, чтобы стать въ угрожающее положеніе въ отношеніи къ Австріи, тѣмъ болѣе, что начавшіяся въ ней вооруженія давали къ этому благовидный предлогъ. Такимъ образомъ, не приписывая даже графу Бисмарку прямого вліянія на политику флорентинскаго кабинета, нельзя отрицать, что образъ его дѣйствій въ отношеніи къ Австріи весьма много способствовалъ къ тому, что и на берегахъ Минчіо стало грозить военное столкновеніе.

Собственно для Италіи вступить въ борьбу съ Австріей не представляется въ настоящее время никакихъ выгодъ. Ея лучше вы-

ждать исполненіе сентябрьской конвенціи, послѣ чего она гораздо самостоятельнѣе можетъ располагать своею судьбою, нежели теперь, находясь подъ опекою Франціи. Притомъ, вообще нарушеніе флорентинскимъ кабинетомъ цюрихскаго трактата грозитъ Италіи недружелюбными къ ней отношеніями со стороны Франціи, и, судя по политикѣ императора Наполеона, нѣтъ никакого повода предполагать, чтобъ Франціи готова была допустить уничтоженіе того положенія дѣлъ въ Италіи, которое еще такъ недавно было создано тамъ успѣхами французскаго оружія. Во всякомъ случаѣ, угрожающее положеніе Италіи относительно Австріи—въ силу какихъ бы побужденій оно принято ни было—должно въ значительной степени облегчить сдѣлки графа Бисмарка съ вѣнскимъ кабинетомъ. Италія уже сама по себѣ представляетъ для Австріи грознаго врага. Возможность же потери для Австріи венеціанской области должна быть страшна для нея не только потому, что эта потеря будетъ сопровождаться войною и территориальнымъ уменьшеніемъ государства, но и потому еще, что она сильно отзовется на экономическомъ и стратегическомъ положеніи всей имперіи. Съ потерей венеціанской области, Австрія утратитъ часть прибрежья Адриатическаго моря, весьма важную для нея какъ по отношенію къ морской ея силѣ, такъ и по развитію ея торговли. Вмѣстѣ съ этимъ отъ Австріи отойдетъ знаменитый по своимъ укрѣпленіямъ четырехугольникъ, служащій ей оплотомъ противъ ея вѣнскихъ враговъ. Графъ Бисмаркъ понимаетъ, что Австрія, для удержанія за собой этой части своихъ владѣній, употребитъ всѣ свои усилія и готова будетъ, въ видѣ угрозъ, дѣлаемыхъ ей Италіей, отказаться отъ своихъ приобрѣтеній на сѣверѣ въ пользу Пруссіи для того только, чтобъ не разрознивая своихъ силъ, дать рѣшительный отпоръ итальянцамъ. Слѣдовательно, прямой расчетъ графа Бисмарка долженъ заключаться въ томъ, чтобы держать Австрію въ напряженномъ состояніи со стороны Пруссіи, пугая ее въ то же время и воинственными замислами Италіи. При такомъ положеніи дѣлъ трудно надѣяться, чтобы австро-прусская распря прекратилась безъ уступокъ со стороны Австріи въ пользу Пруссіи. Уступки эти не могутъ быть для нея такъ чувствительны, какъ неминуемая потеря венеціанской области, если въ одно и то же время ей придется вести войну на сѣверѣ съ Пруссіей, а на югѣ—съ Италіей.

Кромѣ Италіи, политика графа Бисмарка старается найти для себя поддержку въ самой Германіи, поднимая вопросъ о союзной реформѣ въ такомъ духѣ, который, повидимому, долженъ склонить нѣмцевъ къ сочувствію въ пользу Пруссіи. Въ этомъ отношеніи прусскій министръ сталъ дѣйствовать чрезвычайно ловко, хотя и можно сомнѣваться въ успѣхъ его ватѣй. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, Австрія предлагала передать спорный между ею и Пруссіей вопросъ о пріальбскихъ герцогствахъ на судъ франкфуртскаго сейма, какъ верховнаго союзнаго трибунала. Дѣйствуя такимъ образомъ, Австрія надѣялась расположить въ свою пользу правительства

нѣмецкихъ союзныхъ державъ, такъ-какъ франкфуртскій сеймъ состоитъ исключительно изъ правительственныхъ уполномоченныхъ, безъ всякаго участія со стороны народнаго представительства.

Съ своей же стороны графъ Бисмаркъ сдѣлалъ теперь слишкомъ смѣлый и рѣшительный шагъ. Онъ, пожалуй, остался вѣренъ самому себѣ, не признавая, какъ и прежде, верховнымъ трибуналомъ Союза франкфуртскій сеймъ, въ настоящемъ его составѣ. Но онъ не отрицаетъ безусловно правъ союзнаго сейма, какъ верховнаго судилища по дѣламъ Германіи; онъ заявляетъ только о необходимости измѣнить организацію этого учрежденія. Консерваторъ и недругъ народныхъ правъ въ Пруссіи, графъ Бисмаркъ требуетъ, чтобъ былъ составленъ общій германскій парламентъ, въ который вошли бы не только представители правительствъ, но и представители народовъ. На такое предложеніе отважился тотъ графъ Бисмаркъ, который четыре раза отсрочивалъ и закрывалъ преждевременно засѣданія палаты въ Пруссіи и распускалъ депутатовъ, не сходясь съ ними по вопросамъ внутренней и вѣдшей политики, который преслѣдовалъ свободную рѣчь на скамьяхъ второй палаты и смѣлое слово въ печати!

Непоследовательность графа Бисмарка въ сдѣланномъ имъ предложеніи о союзной реформѣ очевидна; къ чистосердечію его питають крайнее недоувѣріе, а между тѣмъ предложеніе его въ демократическомъ духѣ пошло въ ходъ. Легко можетъ быть, что въ скоромъ времени составится въ Германіи національный парламентъ, но не обратитъ ли онъ своей дѣятельности прежде всего на борьбу съ виновникомъ своего бытія? Въ исторіи нерѣдкіи примѣры, что люди, давшіе сильный толчокъ какому-нибудь движенію, бывають потомъ не въ состояніи овладѣть имъ и дать ему желаемое направленіе. Никакъ нельзя ручаться, чтобы и графъ Бисмаркъ, несмотря на всю его смѣлость и энергію, могъ справиться съ національнымъ нѣмецкимъ собраніемъ, особенно если сообразить, что при всѣхъ его усиліяхъ, онъ не могъ подавить оковчательно оказываемое ему противодѣйствіе со стороны палаты прусскихъ депутатовъ.

Родъ курфюрстовъ бранденбургскихъ, изъ фамиліи Гогенцолерновъ, раздѣлился въ концѣ XVI вѣка на двѣ линіи: отъ одной изъ нихъ, младшей, пошли курфюрсты бранденбургскіе, принявшіе, въ 1700 году, титулъ королей прусскихъ; отъ другой, старшей — владѣтельные князья гогенцолерн-зигмаринскіе, уступившіе въ 1849 году свои небольшія владѣнія, съ 38,000 подданными, королю прусскому и причисленные за это къ королевско-прусскому дому. Это сопряженіе поставило князей гогенцолерн-зигмаринскихъ въ зависимость отъ короля прусскаго, какъ главы бранденбургскаго дома, такъ что избранный князь въ господари Молдавіи и Валахіи Карлъ I, принцъ гогенцолерн-зигмаринскій,

неначе можетъ принять предлагаемую ему корону, какъ съ согласія короля Фридриха-Вильгельма. Такое отношеніе новаго государя къ королю прусскому указываетъ прежде всего на то значеніе, какое получаетъ нынѣ прусская полнѣеца въ отношеніи молдаво-валахскаго вопроса. Отъ Пруссіи, или точнѣе сказать, отъ графа Висмарка зависитъ теперь, примѣтъ или косвеннымъ разрѣшеніемъ принцу Карлу принять предлагаемую ему румыннми корону, показать свое вліяніе на судьбы Румыніи. Такимъ образомъ и румынскій вопросъ перешелъ въ значительной степени въ распоряженіе прусскаго министра.

Франція въ настоящемъ случаѣ играетъ весьма двусмысленную роль. Засѣданія собранной въ Парижѣ конференціи по дѣламъ приданайскихъ княжествъ нѣсколько покрыты до сихъ поръ непроницаемой тайной, но и прекратились вовсе. Такое бездѣйствіе конференціи, особенно въ виду происходящихъ въ княжествахъ волненій, наводитъ на разныя, болѣе или менѣе неосновательныя догадки, но во всякомъ случаѣ обстоятельство это свидѣтельствуетъ, что собравшіеся въ Парижѣ уполномоченные не сходятся между собою по основнымъ вопросамъ молдаво-валахскаго дѣла, такъ что дальнѣйшее его обсужденіе становится невозможнымъ для нѣкоторыхъ, и болѣе удобнымъ остается ожиданіе *совершившихся фактовъ*. Такое предположеніе заслуживаетъ полнаго вѣроятія, если только остановиться надъ значеніемъ выбора въ господари принца Карла при содѣйствіи француза Давилы. Личность его вовсе неизвѣстна ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, а заявленія, сдѣланныя о немъ въ прокламаціи временнаго правительства къ румынскому народу объ избраніи принца Карла, лучше всего доказываютъ, что у самыхъ ревностныхъ его приверженцевъ не имѣется въ виду такихъ уважительныхъ причинъ, которыя побуждали бы румыновъ избрать его своимъ государемъ. Ясно, что этимъ выборомъ руководить чужая рука, и что избраніе иностраннаго принца соотвѣтствуетъ желаніямъ румыновъ только въ принципѣ, потому что съ избраніемъ въ господари члена королевско-прусскаго дома, румыны могутъ надѣяться на совершенное освобожденіе отъ турецкаго вассальства и на окончательное сліяніе Молдавіи и Валахіи въ одно румынское государство, если только сепаратистская партія, принявшаяся теперь дѣйствовать съ замѣтной энергіей, не возьметъ верхъ надъ партією уніонистовъ. Выборъ принца Карла произошелъ только вслѣдствіе понужденій со стороны временнаго правительства, прибѣгнувшаго къ террору.

Объ отказѣ принца Карла отъ предложенной ему короны, или о готовности его принять ее, еще нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ избраніе его имѣетъ большое значеніе въ ходѣ молдаво-валахскаго вопроса, такъ-какъ принцъ, будучи членомъ королевско-прусскаго дома, находится также, по матери, въ родствѣ съ императоромъ Наполеономъ. Хотя Франція и дѣлаетъ видъ, что она не вліяла на этотъ выборъ, и хотя король

Вильгельмъ заявилъ, что избраніе принца Карла не составляетъ акта прусской политики и что на согласіе или несогласіе короля въ настоящемъ случаѣ нужно смотрѣть только какъ на домашнее дѣло, тѣмъ не менѣ другіе факты противорѣчатъ такой постановкѣ дѣла. Не можетъ быть, чтобы временное румынское правительство оставило берлинскій кабинетъ въ неизвѣстности о своемъ намѣреніи заявить кандидатуру принца Карла и чтобы главный агентъ этого дѣла, Вратіано, не имѣлъ въ виду поддержки со стороны Пруссіи и Франціи. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, что Франція и Пруссія, вопреки заявленіямъ Россіи, Англіи и Австріи, допускали избраніе въ господари иностраннаго принца. Несмотря на тайну, которою облекаются дипломатическія сдѣлки, журналистикѣ удалось однако и, какъ кажется весьма справедливо, угадать ту цѣль, которую имѣютъ въ виду Пруссія и Франція, поддерживая кандидатуру принца Карла. Онѣ рассчитываютъ на то, что съ предоставленіемъ ему верховной, независимой отъ Турціи власти надъ Молдавіей и Валахіей, можно будетъ достигнуть отдѣленія нѣкоторой части Румыніи въ пользу Австріи, которая за это откажется отъ своихъ притязаній на приальбскія герцогства въ пользу Пруссіи. Съ своей же стороны Пруссія, упрочившись въ Шлезвигѣ и Голштиніи, предоставитъ Франціи часть прирейнскаго берега. Такимъ образомъ одновременно будутъ удовлетворены и Пруссія и Австрія и Франція, и тогда исчезнетъ шлезвиг-голштинскій вопросъ, возбудившій такую тревогу.

Очевидно, что при такихъ, хотя и весьма сложныхъ комбинаціяхъ, забываютъ о Россіи и Турціи. Между тѣмъ первой изъ нихъ принадлежитъ неотъемлемое право имѣть всѣскій голосъ при рѣшеніи молдаво-валахскаго вопроса. На это ей даютъ право не только ея историческія отношенія къ княжествамъ, ея участіе въ ихъ организаціи и при коллективномъ надъ ними протекторатѣ, но еще и особенные ея политическіе интересы, какъ державы сосѣдственной съ Румыніею. Что же касается Турціи, то она постоянно отстаивала свои верховныя права надъ Молдавіей и Валахіей, и теперь нѣтъ въ виду никакихъ фактовъ, заставляющихъ предполагать, что Порта откажется отъ своихъ правъ, которыя должны будутъ совершенно рушиться съ избраніемъ на румынскій престолъ иностраннаго принца. Обстоятельства эти подали поводъ къ слѣдующимъ завѣреніямъ: во первыхъ, будто бы Порта намѣрена двинуть въ княжества семидесяти-тысячную армию и занять ихъ, хотя бы такой образъ дѣйствій грозилъ нарушеніемъ мира въ Европѣ; а во вторыхъ, будто бы между Турціей и Россіей послѣдовало въ настоящее время сближеніе, предвѣщающее между ними формальный союзъ для противодѣйствія кандидатурѣ иностраннаго принца на господарскій престолъ. Въ недопущеніи такой кандидатуры петербургскій кабинетъ держится однажды усвоенной имъ политики, а именно онъ допускаетъ соединеніе Молдавіи и Валахіи, но не подъ властію чужеземнаго

принца. Надобно также замѣтить, что избраніе принца Карла гогенцолернскаго было бы нарушеніемъ началъ, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ международнымъ правомъ. Принцъ принадлежитъ въ владѣтельному дому одной изъ тѣхъ державъ, подъ покровительствомъ которыхъ находятся придунайскія княжества. Между тѣмъ, еще прежде Франція, Австрія, Англія и Прусія, послѣ удаленія изъ Греціи короля Оттова, противились кандидатурѣ на греческій престолъ герцога лейхтенбергскаго на томъ основаніи, что онъ принадлежитъ въ членамъ императорскаго русскаго дома. Послѣдовательность такого сопротивленія требуетъ теперь отстраненія отъ молдаво-валахскаго престола принца Карла, какъ члена королевско-прусскаго дома, потому что Прусія находится въ числѣ державъ, оказывающихъ покровительство придунайскимъ княжествамъ.

Для Австріи избраніе принца гогенцолернскаго имѣетъ особое весьма щекотливое значеніе. При постоянномъ соперничествѣ между Австріей и Прусіей вообще, такой выборъ былъ бы неприятенъ вѣнскому кабинету. Но такого рода неприятность должна чувствоваться тѣмъ болѣе, что избраніе произошло во время самаго сильнаго разгара ихъ вражды и носить на себѣ очевидные признаки вліянія со стороны политики графа Бисмарка.

При такихъ обстоятельствахъ, выступаетъ слѣдующій проектъ, обѣщающій не окончательное рѣшеніе молдаво-валахскаго вопроса, но только временное на счетъ его соглашеніе. Носится слухъ, что на парижской конференціи было высказано предложеніе объ избраніи, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, одного общаго для придунайскихъ княжествъ господара изъ туземцевъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, кабинеты, рѣшающіе судьбу придунайскихъ княжествъ, сойдутся на этомъ новомъ предложеніи, которое, не давая очевиднаго перевѣса ни одному изъ нихъ, не разрѣшаетъ окончательно молдаво-валахскаго вопроса и, слѣдовательно, оставляетъ возможность возобновить его при каждомъ удобномъ случаѣ.

Вообще въ Европѣ господствуетъ теперь сильная тревога, всюду ожидаютъ грозныхъ событій, но только невѣстно съ какой стороны и на кого будетъ направленъ первый ударъ. По всей вѣроятности, самыя дальновзоріе политики не могутъ предвидѣть развязки нынѣшнихъ европейскихъ дѣлъ, да едва ли могутъ предвидѣть это даже и тѣ, которые довели ихъ до такой запутанности.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ ДЖ. ТИНДАЛА О ЛУЧИСТОЙ ТЕПЛОТѢ.⁹

Въ февральской книжкѣ *The Fortnightly Review* напечатана лекція Джона Тиндала «Объ отношеніяхъ лучистой теплоты въ хи-

мическому составу, цвѣту и тканю. Онъ прочелъ ее въ королевскомъ институтѣ Великобританіи, 19-го января. Лекція эта такъ хороша, что мы передаемъ ее нашимъ читателямъ вполнѣ, не дѣлая никакихъ сокращеній.

«Одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій естествознанія — если смотрѣть на него, какъ на умственную дисциплину — заключается въ томъ, что оно даетъ человѣку возможность понимать недоступные физическимъ чувствамъ процессы природы посредствомъ того, что не ускользаетъ отъ насъ, что можетъ быть ощущаемо нами. Чувствуемые процессы даютъ *направленіе* мысли, но не опредѣляютъ границами чувствъ долготы его линіи. Владѣнія чувствъ въ природѣ почти безконечно малы въ сравненіи съ пространствомъ той области, которая доступна мысли, лежащей за ихъ предѣлами. Произведя нѣсколько наблюденій надъ кометою, когда она проходитъ часть своей орбиты, видимую при помощи телескопа, астрономъ можетъ опредѣлить ея дальнѣйшій путь въ той глубинѣ небеснаго пространства, куда никогда не проникнетъ взоръ его, какъ бы ни были сильны оптическіе инструменты. Такъ же точно, основываясь на данныхъ, представляемыхъ намъ тѣснымъ міромъ чувствъ, мы знакомимся съ другими, обширнѣйшими мірами, которые доступны только разуму.

Вопросы: «что такое свѣтъ и что такое теплота?» занимали человѣчество въ ранній періодъ его жизни. Но на нихъ никогда не было бы сдѣлано отвѣта, еслибы имъ не предшествовалъ вопросъ: «что такое звукъ?» Грубыя явленія акустики приучили умъ въ правильному процессу мышленія. Понятія о звукѣ, составленные посредствомъ примаго наблюденія, повели къ изслѣдованію другихъ, несравненно болѣе тонкихъ фактовъ, которыхъ нельзя наблюдать непосредственно. Звукъ, какъ извѣстно, происходитъ отъ трепетнаго движенія. Сотрясающійся камертонъ приводитъ окружающій его воздухъ въ волненіе. Эти волны распростираются во всѣ стороны съ опредѣленною скоростью, касаются барабанной перепонки уха, потрясаютъ слуховой нервъ и возбуждаютъ въ головномъ мозгу ощущеніе звука. Если звучащее тѣло находится близъ насъ, то мы чувствуемъ сотрясеніе воздуха. Напримѣръ, глухой человѣкъ, держа руку внутри колокола, когда звонятъ въ него, ощущаетъ въ нервахъ своего тѣла тотъ трепеть, который, сообщаясь нервамъ здоровыхъ ушей, переходитъ въ звукъ. Тоническій трепеть воздуха можно обратить разными способами въ видимыя явленія. Ученые изслѣдователи, задолго до знакомства съ безчисленными опытами въ этомъ родѣ, убѣдились окончательно, что звукъ въ насъ есть движеніе воздуха внѣ нашего организма.

Вскорѣ послѣ того, какъ установилось мнѣніе, что ощущеніе звука производится колебаніемъ слухового нерва, стали предполагать, что и свѣтъ есть продуктъ колебанія зрительнаго нерва. Это мнѣніе было уже значительнымъ шагомъ впередъ. Оно прямо противорѣчило убѣжденію прежнихъ мыслителей, ко-

торне думали, что свѣтъ есть нѣчто, испускаемое глазомъ, а не что либо сообщаемое ему извнѣ. Но если свѣтъ производится колебаніемъ зрительнаго нерва или сѣтчатой оболочки, то что-же производить самое это колебаніе? Ньютонъ, какъ извѣстно, предполагалъ, что съвязь глазную влагу проникаютъ маленькія частички вплоть до сѣтчатой оболочки, которая находится позади глаза и составляетъ развѣтвленіе зрительнаго нерва. Онъ думалъ, что въ соприкосновеніи съ нею этихъ частичекъ заключается причина свѣта. Но его гипотеза уничтожена другою, болѣе удачною и философскою мыслью, вслѣдствіе которой было признано, что свѣтъ, подобно звуку, есть продуктъ волнообразнаго движенія.

Среда, въ которой происходятъ свѣтовые движенія, совершенно недоступна чувствамъ человѣка. Мы не можемъ видѣть, осязать или обонять ее. Однакоже, несмотря на то, что она ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, существованіе этой среды признано. Почему же? Потому что гипотеза объ этомъ чудномъ, неоощаемомъ эфирѣ объясняетъ всѣ оптическія явленія съ такою полнотою и послѣдовательностью, которыя совершенно удовлетворяютъ требованіямъ нашего разума. Что сдѣлалъ Ньютонъ, когда родилась у него первая мысль о законѣ тяготѣнія? Онъ приступилъ къ изслѣдованію применимости этого закона ко всѣмъ фактамъ и нашелъ, что имъ объясняются и теченіе небесныхъ свѣтилъ, и быстрота паденія луны на землю, и прецессія равноденствія, и морскіе приливы. Вслѣдствіе этого онъ призналъ законъ тяготѣнія установившимся, и приговоръ науки подтвердилъ потому его заключеніе. На такихъ же, если не на строжайшихъ еще началахъ, основана увѣренность наша въ существованіи всемірнаго эфира. Онъ объясняетъ факты, далеко превосходящіе своимъ разнообразіемъ и сложностью тѣ явленія, на которыхъ Ньютонъ основалъ свой законъ. Еслибн хотя одинъ изъ нихъ противорѣчилъ предположенію о существованіи эфира, въ такомъ случаѣ гипотеза эта была бы отвергнута, но ни одного такого факта не найдено до сихъ поръ. Потому-то мысль, что пространство наполнено веществомъ, при помощи котораго солнца и звѣзды разливаютъ свою лучистую силу, по-крайней мѣрѣ такъ же вѣрна, какъ мысль о проникновеніи этого пространства той силой, которая держитъ въ своей непобѣдимой длани не только нашу планетную систему, но всю небесную твердь съ ея безчисленными мірами.

Мысль объ эфирѣ представляетъ чудный примѣръ перехода нашихъ умственныхъ способностей изъ чувственнаго міра въ страну чистой фантазіи. Я разумѣю подъ этимъ словомъ не игру воображенія, которая даетъ воздушному, фантастическому призраку имя и опредѣленное мѣсто для существованія, но силу, способствующую намъ понять дѣйствительность, недоступную нашимъ чувствамъ — силу, вслѣдствіе которой умъ человѣка ясно представляетъ себѣ физическіе образы процессовъ, хотя прево-

сходящихся въ совокупности своей всякое понятіе о могуществѣ, однакоже столь слабыхъ и мелкихъ, когда берутъ ихъ порознь, что они ускользаютъ отъ наблюденія. Какъ возбужденныя камертономъ волны воздуха дѣлаютъ слышными для насъ его сотрясенія, такъ волны эонра, стремящіяся отъ небесныхъ лампъ, обращаютъ ихъ въ свѣтлыя тѣла для нашихъ взоровъ. Но такъ удивительно малы эти волны, что если отъ 30,000 до 60,000 ихъ помѣстятъ рядомъ другъ съ другомъ, то онѣ займутъ не больше одного дюйма. Впрочемъ, микроскопическіе размѣры вознаграждаются числомъ ихъ. Трільоны этихъ волнъ успѣли войти въ глаза ваши и поразить сѣтчатую оболочку въ то время, когда высказывалъ я самое краткое сужденіе. Это—положительный результатъ новыхъ послѣдованій. Но мы нѣкогда не достигли бы его безъ предварительной подготовки. Мы нѣкогда не могли бы измѣрить волну свѣта, не имѣли бы даже ни малѣйшаго понятія о ихъ существованіи, еслибы не занимались прежде изслѣдованіемъ волнъ звука. Звукъ и свѣтъ оказываютъ теперь взаимную помощь другъ другу. Кругъ нашихъ свѣдѣній объ одномъ изъ нихъ становится шире и опредѣленнѣе по мѣрѣ уясненія другого.

Эонръ, передающій толкновенія свѣта и теплоты, не только наполняетъ небесныя пространства, омывая края солнць и планетъ, но онъ окружаетъ также атомы, изъ которыхъ состоятъ эти солнца и планеты. Онъ передаетъ собственно движеніе атомовъ, которое и составляетъ внѣшнюю причину того, что отражается въ нашихъ ощущеніяхъ въ видѣ теплоты и свѣта. Стало быть, атомъ, посылающій свои толчки черезъ безконечный эонръ, походитъ на камертонъ, производящій то же въ воздухѣ. Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ трепетный эонръ и опредѣлимъ кратко его отношенія къ тѣламъ, сотрясеніе которыхъ передаетъ онъ. Неодинакія тѣла, нагрѣтыя до одного и того же градуса теплоты, обладаютъ весьма различною способностью колебать эонръ. Одни изъ нихъ — хорошіе испускатели лучей или радиаторы, другіа — нѣтъ; то-есть, первыя устроены такимъ образомъ, что они, свободно сообщая свое движеніе эонру, приводятъ его въ сильное волненіе, тогда какъ вторыя, будучи неспособны къ этому, продолжаютъ въ эонрной средѣ, не нарушая матеріально ея покоящаго состоянія. Опытъ доказалъ, что простыя, элементарныя тѣла, при отсутствіи какихъ-либо особыхъ условій, принадлежатъ къ числу дурныхъ радиаторовъ. Трепещущій въ эонрѣ атомъ походитъ на дрожащій въ воздухѣ камертонъ. Количество движенія, сообщаемое воздуху тонкими вилочками камертона, слишкомъ мало для того, чтобы возбудить въ нѣкоторомъ разстояніи ощущеніе звука. Но если позволимъ имъ соединиться атомамъ химически и составятъ молекулы, то результатъ бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно иной, по отношенію къ силѣ лучеспусканія. Производимое сложнымъ молекуломъ эонрное волненіе можетъ быть въ тысячу разъ сильнѣе того трепета, который про-

изводится вошедшими въ составъ его атомами, когда дѣйствуютъ они порознь, не соединяясь другъ съ другомъ. Для примѣра, хотя онъ будетъ и довольно грубъ, можно указать на камертонъ, соединенный съ ящикомъ для резонанса. Во время своего трепета, оба они представляютъ уже сложную систему, и неслышныя прежде сотрясенія становятся теперь источникомъ музыкальнаго звука, который такъ силенъ, что его могли бы ясно опутить тысячи слушателей. Соединенные вмѣстѣ камертонъ и ящикъ можно считать хорошимъ радиаторомъ звука.

Довольно одного примѣра для объясненія огромнаго вліянія соединившихся въ волнующіяся системы атомовъ на лучеиспускаііе теплоты. Положимъ, что на вершину высокой горы, гдѣ воздухъ слишкомъ рѣдокъ, для того, чтобы представить чувствительное сопротивленіе исходу лучистой теплоты къ звѣздному пространству, перенесены фунтъ сухого кислорода и фунтъ прозрачнаго водянаго пара. Допустимъ, что эти газъ и паръ нагрѣты до точки кипѣнія воды и потомъ оставлены подъ безоблачнымъ небомъ. Атомамъ обоихъ тѣлъ сообщится посредствомъ нагрѣванія чрезвычайно сильное движеніе, т.-е. большее количество такъ-называемой живой силы. Сообщить ли кислородъ свое движеніе эиру такъ же свободно, какъ водяной паръ? Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи они чрезвычайно несходны между собою. Когда температура ихъ одинакова, количество лучистой теплоты, или, другими словами, утраченнаго паромъ въ данное время молекулярнаго движенія, превышаетъ по-крайней-мѣрѣ въ девять тысячъ разъ потерянаго кислородомъ въ такую же единицу времени количество этого движенія. Способность пара къ испусканію тепловыхъ лучей такъ велика, что я крѣпко сомнѣваюсь въ вѣрности простой формулы, посредствомъ которой химики выражаютъ эту силу. Молекулъ воды представляетъ какъ-бы резонантный ящикъ очень большихъ размѣровъ. Въ противномъ случаѣ онъ никогда не могъ бы произвести тѣхъ чрезвычайно большихъ волнъ, съ которыми ознакомилъ насъ опытъ.

Тонъ музыкальной ноты зависитъ отъ скорости ея сотрясеній, или, другими словами—отъ размѣра ея волны. Онъ соотвѣтствуетъ цвѣту свѣтоваго луча. Взявши часть бѣлаго свѣта, испускаемаго электрической лампою, я проводилъ его сквозь рядъ призмъ. Онъ разлагался и давалъ результаты, полученные Ньютономъ, который первый открылъ въ немъ блестящія краски солнечнаго спектра. Съ одной стороны этого спектра находится красный, съ другой—фіолетовый свѣтъ; между ними помѣщаются остальные призматическіе цвѣта. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, направляясь поперегъ спектра отъ краснаго къ фіолетовому, тонъ свѣта—если можно такъ выразиться—возвышается, потому что ощущеніе фіолетоваго цвѣта производится быстрѣйшей послѣдовательностію толчковъ сравнительно съ чувствованіемъ, происходящимъ отъ впечатлѣній краснаго цвѣта. Сотрясенія фіолетоваго не ровно

двое быстрѣ трепетаній краснаго свѣта—стало быть, расположеніе видимаго спектра не совсѣмъ одинаково съ октавою.

Въ этомъ спектрѣ нѣтъ разрыва между его частями — одинъ цвѣтъ переходитъ въ другой, измѣняясь съ безусловной послѣдовательностью. Какъ будто безчисленное множество камертоновъ, постепенно возвышающагося тона, сотрясаются въ одно и то же время. Но если взглянете вы на спектръ, производимый раскаленнымъ паромъ серебра, то увидите, что онъ состоитъ изъ двухъ узкихъ и чрезвычайно яркихъ полосъ зеленаго свѣта. Здѣсь какъ будто трепещутъ только два камертона, настроенные почти въ одинъ тонъ. 47,460 волнъ, производимыхъ первой полоскою, помѣщенныя рядомъ, плотно другъ къ другу, занимаютъ одинъ дюймъ пространства. Волны второй полосы нѣсколько короче—на одномъ дюймѣ длины помѣщается ихъ 47,920 штукъ. Первая полоса сообщаетъ каждому глазу, который видитъ ее, 577 трильоновъ толчковъ въ одну секунду (577,000,000,000,000), тогда какъ число ихъ, производимое въ то же время второй полоскою, равняется 600 трильонамъ. Теперь я бросаю на щитъ, находящійся передъ вами, прекрасную струю зеленаго свѣта, изъ котораго происходятъ эти полосы. Видимая вами блестящая струя есть раскаленный паръ серебра. Никакимъ образомъ не сдѣлаете вы его бѣлымъ, пока горячъ онъ. Размѣръ сотрясеній его атомовъ опредѣленъ такъ же точно, какъ скорость vibraціи двухъ камертоновъ, и какъ бы высока ни была температура этого пара, быстрота его сотрясеній и, слѣдовательно, цвѣтъ его, который совершенно зависитъ отъ этой быстроты, остаются неизмѣнимы.

Водяной паръ, такъ же какъ и серебряный, имѣетъ свои опредѣленные періоды сотрясенія, которые не позволяютъ ему дойти до бѣлой теплоты. Кислородородное пламя, напримѣръ, состоитъ изъ горячаго водянаго пара. Оно едва-едва видно въ воздухѣ этой комнаты, и его было бы еще труднѣе замѣтить, еслибы горѣлъ этотъ газъ въ чистой атмосферѣ. Но нашъ атмосферный воздухъ нечистъ даже на вершинѣ Мон-Блана. Въ Лондонѣ онъ просто грязенъ, и эта горячая нечистота даетъ кислородородному пламени большую часть его бѣловатаго цвѣта. Но теплота пламени чрезвычайно высока. Чугунъ плавится при 2,000° Фар.; температура же кислородороднаго пламени—6,000° Ф. Кусокъ платины раскаляется докрасна, когда удалять его на два дюйма отъ видимой оконечности этого огня. Паръ, производящій такое дѣйствіе, совершенно теменъ здѣсь. Въ самомъ же пламени платина становится ослѣпительно бѣлою и наконецъ пронизывается имъ. Когда направляютъ это пламя на кусокъ извести, то получается ослѣпительный Друмоновъ свѣтъ. Но это происходитъ оттого собственно, что пламя, дѣйствуя на твердое тѣло, производитъ сотрясенія, періоды которыхъ разнятся отъ его собственныхъ періодовъ.

До сихъ поръ мы останавливали вниманіе на атомахъ и молекулахъ, находящихся въ сотрясеніи и окруженныхъ такой сре-

дою, которая принимает ихъ вибрацію и передаетъ ее въ безпредѣльное пространство. Но припомнимъ, что волны, порожденныя одной системою молекулъ, переходятъ на другую систему—что же должно произойти съ ними въ такомъ случаѣ? Будутъ ли онѣ остановлены, или же дозволится пройти имъ? Передадутъ ли онѣ свое движеніе тѣмъ молекуламъ, которыхъ коснулись, или же проскользнутъ вокругъ нихъ, съвозъ промежуточныхъ пространства, и исчезнутъ такимъ образомъ? Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ условія, которое очень хорошо объясняется опытами надъ звукомъ. Вотъ два камертона, звучащіе совершенно одинаково. Они сотрясаются съ равной скоростью, и если будутъ поставлены на ихъ резонантные подставки, то вы услышите, что оба они производятъ одну и ту же громкую ноту. Я останавливаю одинъ изъ нихъ и привожу другой въ сильное сотрясеніе. Теперь я приближаю его къ безмолвному камертону, не позволяя однакоже соприкоснуться имъ другъ съ другомъ. Остави ихъ въ этомъ положеніи четыре или пять секундъ, я останавливаю трепещущій камертонъ—звукъ не прекратился. Другой камертонъ принялъ сотрясенія своего сосѣда и звучитъ теперь въ свою очередь. Теперь, снявъ одинъ изъ нихъ и оставя другой на подставкѣ, я привожу первый въ сильное сотрясеніе. Но вы не можете слышать, какъ звучитъ онъ. Отторгнутый отъ своей резонантной подставки, онъ сообщаетъ воздуху такое количество движенія, которое слишкомъ мало, для того, чтобы ухо ощутило его въ нѣкоторомъ разстояніи. Но вотъ, я приближаю снятый камертонъ къ оставленному на своемъ мѣстѣ, не давая имъ соприкоснуться—и въ тишинѣ раздается слабый звукъ. Откуда происходитъ онъ? Отъ перенесенныхъ колебаній снятаго камертона. Надобно замѣтить, что движеніе одного изъ нихъ можетъ передаваться черезъ воздухъ другому только въ томъ случаѣ, когда оба они совершенно однозвучны. Если я помѣщу на одинъ камертонъ кусочекъ воску, не больше горошинки, онъ становится уже неспособнымъ, какъ дѣйствовать на другой, такъ и подвергаться его дѣйствію. Этотъ опытъ легко понять. Толчки одного камертона могутъ дѣйствовать на другой только въ то время, когда они совершенно одновременны (*perfectly timed*). Одинъ толчокъ могъ бы заставить поколебаться вилку безмолвнаго камертона только тогда, когда раздѣляло бы ихъ безконечно-малое пространство. Но вслѣдъ за этимъ малымъ сотрясеніемъ, слѣдуетъ другой толчокъ, готовый произвести пораженіе. Такимъ образомъ, малые толчки соединяются вмѣстѣ, дополняя другъ друга. Въ эти пять секундъ, пока оба камертона находились такъ близко одинъ къ другому, тотъ изъ нихъ, который былъ приведенъ мною въ движеніе, послалъ своему сосѣду 1,280 волнъ. Эти-то волны, будучи совершенно одновременны, сообщили такую силу сотрясенія стоявшаго камертона, что всѣ вы слышали ихъ.

Позвольте мнѣ пояснить вамъ другимъ опытомъ вліяніе синхронизма или современности музыкальных сотрясеній. Вотъ ма-

ленькое газовое пламя, заключенное въ три стеклянныя трубки разной длины. Каждое изъ нихъ можно заставить издавать музыкальный звукъ, тонъ котораго опредѣленъ длиною трубки, окружающей пламя. Чѣмъ короче она, тѣмъ выше этотъ тонъ. Пламя молчитъ теперь; но его можно заставить отвѣчать на соотвѣтствующія ноты, гдѣ бы въ этой комнатѣ ни прозвучали онѣ. Я принесъ съ собою инструментъ, называемый сиреною, и могу производить имъ громкіе музыкальные звуки. Начиная съ низшаго изъ нихъ, и восходя постепенно къ высшимъ, я достигаю наконецъ ноты того пламени, которое заключено въ самой длинной трубкѣ. Лишь только раздался этотъ звукъ, пламя начинаетъ пѣть. Я останавливаю сирену, и потомъ снова заставляю звучать ее, для того, чтобъ вы могли слышать тождественность между ея нотой и звукомъ пламени. Но два другія пламени молчатъ еще въ своихъ трубкахъ. Продолжаю извлекать изъ инструмента высшіе звуки. Теперь затрепетало второе пламя, только третье продолжаетъ хранить молчаніе. Но вотъ, и оно сотряслось при высшей нотѣ. Итакъ, по мѣрѣ своего возвышенія звуки сирены пробуждаютъ каждое пламя, поражая его рядомъ волнъ, періоды возврата которыхъ тождественны съ его собственными періодами.

Приложимъ эти факты къ лучистой теплотѣ, принимая, какъ прежде, представителемъ ея водяной паръ. Молекулы этого пара имѣютъ опредѣленные періоды сотрясенія, съ которыми такъ же тѣсно связаны они, какъ камертонъ съ своими періодами. Возвратимся къ нашему опыту на вершинѣ горы, но не оставимъ нашъ горячій паръ попрежнему подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ. Допустимъ предположеніе, что между имъ и небесной твердью виситъ слой водяного пара. Онъ не останавливаетъ движенія звѣздныхъ лучей, потому что я предполагаю настоящій, то-есть совершенно прозрачный паръ. Но онъ произведетъ совершенно другіе результаты въ отношенія къ лучамъ, исходящимъ изъ горячаго пара, который движется подъ нимъ. Молекулы обоихъ паровъ звучать—если можно употребить такое выраженіе—совершенно одинаково, и потому, вмѣсто прямой передачи трепетнаго движенія въ пространство, оно передается молекуламъ верхняго пара. Такимъ образомъ движеніе перехватывается, или—говоря техническимъ языкомъ—теплота *поглощается*. Сперва должна нагрѣться нижняя поверхность верхняго пара, потомъ постепенно вся его масса. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ бы испускать лучи во всѣхъ направленіяхъ, возвращая часть сообщенной ему теплоты главному ея источнику, то-есть находящемуся подъ нимъ горячему пару. Теперь ясно, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ великимъ началомъ, на которомъ основанъ анализъ солнечнаго спектра—съ началомъ, давшимъ возможность людямъ науки опредѣлить вещества, входящія въ составъ солнца, звѣздъ и даже туманныхъ пятенъ. Начало это заключается въ томъ, что всякое тѣло, способное испускать лучъ свѣта или теплоты, способно въ такой же степени и поглощать его. Поглощеніе зави-

снть отъ современности, существующей между сотрясеніями какъ тѣхъ атомовъ, отъ которыхъ исходятъ лучи, или—правильнѣе—волны, такъ и тѣхъ, которыхъ касаются эти волны.

Къ своей неспособности испускать бѣлый свѣтъ водяной паръ присоединяетъ неспособность поглощать его. Онъ не можетъ, напримѣръ, поглотить свѣтлыхъ лучей солнца, хотя и поглощаетъ чрезвычайно сильно темные лучи земли. Эту неспособность водяного пара къ поглощенію свѣтлыхъ лучей разделяютъ вода, ледъ и вообще всѣ прозрачныя тѣла. Прозрачность ихъ есть прямое слѣдствіе этой неспособности. Молекулы прозрачныхъ тѣлъ производятъ дисонансы относительно движеній свѣтлыхъ волнъ, отчего эти послѣднія и проходятъ сквозь прозрачныя вещества, не возмущая ихъ молекулярнаго покоя. Чистосвѣтлый лучъ, какъ бы ни былъ горячъ онъ, совершенно неспособенъ растопить малѣйшей частички льда. Я могу, напримѣръ, сосредоточить въ чрезвычайно горячей центръ свѣтлые лучи на поверхности, покрытой бѣлымъ инеемъ, не заставляя таять ни одной иглы ледяныхъ кристалловъ. Можно спросить: какимъ же образомъ снѣга Альпъ таютъ лѣтомъ отъ солнечнаго блеска? На это отвѣчу я, что они таютъ совсѣмъ не отъ этого блеска, но отъ солнечныхъ лучей, которые нисколько неблестящи. Свѣтлые лучи солнца падаютъ на снѣжныя равнины и передаются, какъ эхо, отъ одного кристала другому, не находя въ нихъ пріюта для себя. Они не поглощаются, а потому и не могутъ производить таянія. Но солнце испускаетъ также могучіе темные лучи, и они уменьшаютъ глетшеры, заставляя таять ледъ и снѣгъ. Они-то наполняютъ водою русла Арвы и Арвейрона, и освобождаютъ изъ неволи горныя истоки Роны и Рейна.

Помѣстивъ вогнутое серебряное зеркало позади элетрическаго свѣта, я сосредоточиваю лучи его въ ослѣпительно-блестящій фокусъ. На пути лучей, между свѣтомъ и фокусомъ, я ставлю стеклянный сосудъ, наполненный водою, и теперь ввожу въ фокусъ кусокъ льда. Его не въ силахъ растопить могучій жаръ этого блестящаго луча, который прошелъ сквозь воду, хотя онъ и заставлялъ вспыхнуть дерево. Но вотъ я удаляю сосудъ съ водою—и ледъ таетъ. Вы видите, какъ льются съ него капли. Я снова ставлю воду на прежнее мѣсто—и таяніе прекращается, капли перестаютъ падать. Прозрачная вода почти не поглощаетъ блестящихъ лучей, но она извлекаетъ изъ элетрическаго свѣта нѣчто такое, что могло бы растопить ледъ, еслибы не похищалось ею. Это нѣчто есть темное лучеспусканіе элетрическаго свѣта. Теперь, помѣстивъ снова передъ лампою пластинку чистаго льда, я пропускаю свѣтлый лучъ сперва сквозь сосудъ, наполненный водою, и потомъ сквозь ледъ. Посредствомъ увеличительнаго стекла изображеніе ледяной пластинки отражается на бѣломъ экранѣ. Прощенный сквозь воду лучъ не производитъ на ледъ дѣйствія, онъ не имѣетъ надъ нимъ никакой силы. Но, замѣтите, что происходитъ, когда отнята вода: вы видите здѣсь

звѣзду и тамъ звѣзду; каждая изъ нихъ походить на шестилепестковый цвѣтокъ и замѣтно увеличивается передъ вашими глазами. По мѣрѣ расширенія листьевъ, края ихъ зубчатся, не уклоняясь однакоже отъ формы шестилучевого типа. Этотъ фактъ объясняетъ намъ кристаллизацію льда, расторгаемую незримыми лучами электрическаго свѣта. Они разрываютъ этимъ чуднымъ путемъ молекулы и обнаруживаютъ передъ нами атомистическое строеніе того вещества, которымъ природа покрываетъ каждую зиму наши пруды и озера.

Можно было бы привести для поясненія дѣйствія темныхъ лучей множество повидимому аномальныхъ слѣдствій. Вотъ, напримеръ, два порошка, оба бѣлые и неразличимые на видъ другъ отъ друга. Свѣтлые лучи лампы не поглощаются ими и не сообщаютъ имъ теплоты. Однакоже одинъ изъ нихъ нагревается такъ сильно сосредоточенными лучами электрическаго свѣта, что сначала сильно дымится и потомъ вспыхиваетъ; тогда какъ другой едва-едва согревается въ фокусѣ. Вотъ еще двѣ совершенно прозрачныя жидкости, помѣщенные внутри реактивной трубки, поставленной въ фокусѣ. Одна изъ нихъ закипаетъ черезъ двѣ секунды; другая, находясь въ томъ же положеніи, приобретаетъ едва замѣтную теплоту. Точка кипѣнія первой жидкости— 78° Цел., и она достигается очень скоро. Вторая жидкость кипитъ при 48° Ц., и однакоже ее никакъ нельзя заставить кипѣть. Эти аномаліи находятся въ совершенной зависимости отъ незримаго элемента, соединеннаго съ блестящими лучами электрическаго свѣта, 90 процентовъ тепловой силы котораго составляетъ именно этотъ элементъ.

У меня есть здѣсь вещество, посредствомъ котораго можно отдѣлать темные лучи отъ всего свѣта, испускаемаго электрической лампою. Этотъ процѣживатель лучей является здѣсь въ видѣ черной жидкости—но если и черна эта жидкость въ отношеніи къ свѣтлой радіаціи, то, напротивъ, она ярка, какъ брильянтъ, для лучей незримыхъ нами. Остановливая свѣтлые, она свободно пропускаетъ сквозь себя и передаетъ темные лучи. Я собираю эти послѣдніе въ фокусѣ, удаленномъ на нѣсколько футовъ отъ электрической лампы. Темные лучи производятъ тамъ невѣданный образъ своего источника, который при помощи надлежащихъ средствъ можетъ быть обращенъ въ ослѣпительно-блестящее для нашихъ глазъ изображеніе. Я могъ бы сверхъ того показать вамъ, еслибы позволяло время, какимъ образомъ изъ этихъ совершенно темныхъ лучей посредствомъ процесса ихъ превращенія извлекаются всѣ цвѣта солнечнаго спектра. Также я доказалъ бы, что этимъ лучамъ, несмотря на способность ихъ плавить многіе металы, можно позволить проникнуть въ глазъ и преломиться на сѣтчатой оболочкѣ, не вреда главному аппарату, и не производя нисколько свѣтозарнаго впечатлѣнія. Темные лучи собраны теперь передъ вами. Вы ничего не видите въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточились они. Можно было бы убѣдиться при

помощи термометра, что воздухъ въ фокусѣ холоденъ одинаково съ окружающимъ его воздухомъ. Но замѣтите заключеніе, къ которому ведетъ все это. Производимый мною опытъ доказываетъ, что эфиръ въ фокусѣ практически отдѣленъ отъ воздуха, и что тамъ можетъ существовать сильнѣйшее движеніе эфиря при совершенномъ покоѣ воздуха. Въ этомъ фокусѣ—хотя вы и не видите въ немъ ничего особеннаго—сосредоточено теперь столько теплоты, что можно было бы поджечь ею весь Лондонъ. Теплота, заключающаяся тамъ въ настоящую минуту, способна возвысить температуру желѣза до такой степени, что отъ него стануть летѣть искры. Она можетъ раскалить добѣла платину и почти расплавить ее. Въ дѣйствительности же она плавить золото, серебро, мѣдь и алюминій. Дерево вспыхнетъ въ тотъ же мигъ, какъ только будетъ оно помѣщено въ этомъ фокусѣ.

Я говорилъ уже, что элементарные атомы такъ же мало способны испускать, какъ и поглощать лучи. Эту истину можно было бы подтвердить длиннымъ рядомъ фактовъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе странный, представляетъ чрезвычайно воспламененный фосфоръ, когда помѣщаютъ его въ темный фокусъ. Невозможно зажечь тамъ аморфнаго фосфора. Но хотя обыкновенный фосфоръ воспламеняется вообще гораздо быстрѣе, однакоже его отношеніе къ лучистой теплотѣ еще удивительнѣе. Онъ можетъ быть подверженъ очень сильному лучеиспусканію простого огня и не вспыхнуть отъ этого. Его можно продержать двадцать или тридцать секундъ въ темномъ фокусѣ такой силы, которая доводитъ платину до бѣлѣвализнаго состоянія, и все-таки не получить огня. Несмотря на энергію сосредоточенныхъ здѣсь эфирныхъ волнъ и чрезвычайно воспламененный характеръ элементарнаго тѣла, подверженнаго ихъ дѣйствию, атомы фосфора отказываются принять участіе въ движеніи волнъ и—стало быть—не могутъ воплотить сильно провинуться ихъ теплотою.

Теперь мы приобрѣли свѣдѣнія, позволяющія намъ приступить къ анализу практическаго вопроса. Лѣтомъ предпочитаютъ носить бѣлую одежду, находя, что она холоднѣе темнаго платья. Знаменитый Бенджаменъ Франклинъ произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ клалъ на снѣгъ куски сукна разныхъ цвѣтовъ, подвергалъ ихъ прямому вліянію солнечнаго свѣта и нашелъ, что они погружались въ снѣгъ неодинаково глубоко. Черное сукно опускалось ниже другихъ, тогда какъ въ бѣломъ совсѣмъ не было замѣтно пониженія. Франклинъ вывелъ изъ этого опыта заключеніе, что черныя тѣла—лучшіе, а бѣлыя—худшіе поглотители лучистой теплоты. Повѣримъ общность этого заключенія. Вотъ двѣ карты. Одна изъ нихъ покрыта очень темнымъ, другая совершенно бѣлымъ порошкомъ. Я обращаю припудренные поверхности этихъ картъ къ огню и оставляю ихъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока приобрѣтутъ онѣ возможно-высокую температуру. Которая изъ нихъ нагрѣлась болѣе? Для отвѣта не надо прибѣгать къ помощи термометра. Просто, приложивъ задовъ

карты, покрытой бѣлымъ порошкомъ, къ щекѣ или ко лбу, я нахожу, что она горяча нестерпимо. Поступивъ такъ же съ другой картою, я убѣждаюсь, что она холодна. Бѣлый порошокъ поглощать гораздо болѣе теплоты, нежели черный. Этотъ простой результатъ уничтожаетъ множество заключеній, слишкомъ поспѣшно выведенныхъ изъ опыта Франклина. Еще доказательство — вотъ висятъ два ртутные термометра, очень чувствительные, на равномъ разстояніи отъ газоваго пламени. Шарикъ одного изъ нихъ покрытъ чернымъ, а шарикъ другого — бѣлымъ веществомъ. Оба они подвержены вліянію того же пламени, но бѣлый шарикъ поглотилъ больше тепловыхъ лучей, и ртуть въ немъ поднялась значительно выше сравнительно со ртутью другого термометра. Я могъ бы измѣнить этотъ опытъ на сто различныхъ манеровъ и доказать вамъ, что нельзя извлечь основательнаго заключенія, если мы станемъ судить о способности тѣла поглощать лучистую теплоту по темнотѣ его.

Причина ошибки заключается въ томъ собственно, что цвѣтъ даетъ намъ понятіе объ одной и притомъ самой малой части лучей, дѣйствующихъ на цвѣтное тѣло. Еслибы всѣ они были свѣтлыя, въ такомъ случаѣ можно было бы по цвѣту тѣла вывести вѣрные заключенія о его способности поглощать ихъ. Но огонь, газовое пламя и даже самое солнце испускаютъ преимущественно незримые тепловые лучи, о которыхъ цвѣтъ не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній. Тѣло можетъ быть столько же прозрачно для одного рода лучей, сколько непроницаемо для другой ихъ категоріи. Бѣлый порошокъ, обнаружившій такую силу поглощенія, былъ избранъ мною именно вслѣдствіе его крайней удобопроницаемости для видимыхъ лучей и крайней неспособности пропускать темные лучи. Изъ черныхъ же порошковъ былъ взятъ такой, который чрезвычайно прозраченъ для темныхъ или незримыхъ лучей, и очень тусклъ въ отношеніи къ свѣтлымъ или видимымъ лучамъ. А такъ-какъ нашъ огонь испускаетъ около 98 процентовъ темныхъ лучей, то — слѣдовательно — тѣло, наиболѣе неспособное пропускать ихъ, наиболѣе непрозрачное для этихъ незримыхъ лучей, должно необходимо быть лучшимъ поглотителемъ ихъ, хотя бы оно было и бѣлое.

Пользуясь этимъ случаемъ, мнѣ хотѣлось бы обратить ваше вниманіе на тотъ способъ, посредствомъ котораго извлекаемъ мы изъ естественныхъ фактовъ то, что можетъ быть названо ихъ интеллектуальной цѣнностью. Въ кругу процессовъ природы кроется взаимная ихъ зависимость другъ отъ друга, ихъ гармонія. Главная заслуга нашей науки, какъ умственнаго упражненія, заключается въ изслѣдованіи этой зависимости и въ открытіи этой гармоніи. Высшія и видимыя явленія составляютъ вмѣстѣ съ нами такія мѣста, гдѣ приводятся въ извѣстность разумъ, и наука наша была бы недостойна своего имени и своей славы, еслибы, занимаясь исключительно фактами — хотя и очень полезными въ практическомъ отношеніи, она оставляла безъ вни-

манія музыки закона, сопровождающаго ходъ явленія. Постараемся же извлечь изъ опыта Франклина всю его интеллектуальную цѣнность и призовемъ на помощь къ себѣ знаніе, приобретенное уже нашими предшественниками. Представимъ себѣ, что на снѣгъ, освѣщенный солнцемъ, положены два куска сукна, одинаково сотканнны, но одинъ чернѣй, а другой бѣльшій. Обративъ особенное вниманіе на послѣдній изъ нихъ, подумаемъ: есть ли какая-нибудь причина ожидать, что онъ осадетъ въ снѣгу, сколько бы то ни было? Подъ рукою у насъ находится свѣдѣніе, которое даетъ возможность отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Мы имѣемъ, напротивъ, причину ожидать, что кусокъ бѣлаго сукна, по истеченіи нѣкотораго времени, очутится не во впадинѣ, но на возвышеніи, что онъ не понизится, но будетъ лежать *относительно* выше. Для сукна и снѣга свѣтлыя лучи солнца одинаково бессильны. Какъ сукно не можетъ согрѣться ими, такъ и снѣгъ не можетъ растаять отъ нихъ. Потому-то, понизится или вѣтъ сукно—во всякомъ случаѣ перемѣна въ его положеніи должна зависѣть отъ темныхъ лучей солнца. Но, замѣтимъ, ледъ или снѣгъ, который есть не что иное, какъ ледяной порошокъ, обладаютъ наибольшою, сравнительно съ другими тѣлами природы, способностью поглощать темныя лучи солнца. А такъ-какъ въ сукнѣ помѣстится меньшее количество теплоты, нежели въ окружающемъ его, ничѣмъ непокрытомъ снѣгу, то оно будетъ какъ-бы щитомъ для него, и потому, когда осадетъ вслѣдствіе быстрѣйшаго таянія неприкрытый снѣгъ, сукно будетъ лежать на возвышеніи, подобномъ ледяному столу.

Хотя снѣгъ, какъ испускатель и поглотитель незримыхъ лучей, превосходить сукно, однакоже неслабкомъ много. Сукно также обладаетъ большою силою въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Теперь обратимъ вниманіе на кусокъ чернаго сукна, полагая, что отдѣлка и ткань его такія же. Такъ-какъ занимающій насъ вопросъ заключается въ сравненіи слѣдствій, производимыхъ цвѣтомъ, то мы должны — въ видахъ изученія этихъ слѣдствій во всей ихъ чистотѣ — оставить неизмѣнными всѣ другія условія. Поэтому допустимъ, что въ чернѣйшій цвѣтъ окрашено то самое бѣлое сукно, о которомъ было говорено сейчасъ. Сукно само по себѣ, безъ отношенія къ краскѣ, почти такой же хорошій поглотитель теплоты, какъ и снѣгъ, который обрываетъ его. Но къ поглощенію темныхъ лучей некрашеннымъ сукномъ присоединилось теперь поглощеніе всѣхъ свѣтлыхъ, и этого добавочнаго притока теплоты слишкомъ достаточно для того, чтобы склонить перевѣсъ въ пользу чернаго сукна. Сумма его дѣйствій на темныя и свѣтлыя лучи превосходить дѣйствіе снѣга на одни только темныя. Потому-то черное сукно должно опуститься или осѣсть въ снѣгу, и въ этомъ заключается философія произведеннаго Франклиномъ опыта.

До сихъ поръ мы касались преимущественно химической стороны этого вопроса, которая имѣетъ болѣе сильное вліяніе на

испускание и поглощение лучей. Относительно газовъ, паровъ и жидкостей, производящихъ пары, было доказано посредствомъ весьма различныхъ и основательныхъ опытовъ, что дѣйствія испусканія и поглощенія лучей имѣютъ *молекулярный* характеръ, что они зависятъ не отъ механическихъ, но отъ химическихъ условій. При попыткѣ распространить это начало на твердыя тѣла, я встрѣтился съ дѣлою толпою фактовъ, добытыхъ знаменитыми изслѣдователями природы, которые совершенно запрещаютъ повидимому такое распространеніе. Мелони нашель, на примѣръ, что известъ и сажа обладаютъ равной силою испускать и поглощать лучи. Масонъ и Куртэпе произвели множество чрезвычайно тщательныхъ опытовъ надъ химическими осадками разнаго рода и убѣдились, что всѣ они безъ исключенія обнаруживаютъ одинакую силу лучеиспусканія. Отсюда вывели они заключеніе, что какъ скоро бываютъ раздѣлены тѣла на мельчайшія части, то вліяніе этого раздѣленія такъ сильно, что оно рѣшительно маскируетъ и подавляетъ всѣ другія вліянія, какія только могутъ произойти отъ химическаго состава этихъ тѣлъ.

Но въ ихъ изслѣдованія закралась, по моему мнѣнію, серьезная ошибка. Вотъ металлическій кубъ съ двумя отлично отшлифованными сторонами. Я наполняю его кипяткомъ и опредѣляю количество теплоты, испускаемой этими двумя поверхностями. Одна изъ нихъ далеко превосходитъ другую, какъ радіаторъ теплоты. Кажется, обѣ поверхности металлическія. Отчего же происходитъ разница въ ихъ лучеиспускательной силѣ? Просто, оттого, что я одну изъ этихъ двухъ сторонъ покрылъ камедью, съвозъ которую видѣнъ блескъ метала. Этотъ клей, совершенно прозрачный для свѣтлыхъ лучей, такъ же непрозраченъ для темныхъ, какъ сажа. Онъ—могучій испускатель и поглотитель ихъ. Потому-то, щедро разливая самъ въ настоящую минуту лучистую теплоту, онъ не позволяетъ ни одному лучу ея пройти прямо въ воздухъ съвозъ прикрываемый имъ металъ. Итакъ, дѣятельный лучеиспускатель здѣсь—вишневый клей, а не металъ.

Мелони, Масонъ и Куртэпе производили опыты слѣдующимъ образомъ: они смѣшивали свои порошки и осадки съ растворенною въ водѣ камедью и накладывали ихъ посредствомъ висти на вишія стороны такого же, какъ этотъ, куба. Безъ сомнѣнія, красные порошки казались имъ красными, бѣлые—бѣлыми и черные—черными; но они видѣли эти цвѣта сквозь слой камеди, которая охватывала каждую частичку ихъ порошковъ. Потому-то, помянутые изслѣдователи, не давши цвѣту обнаружить свое вліяніе, заключили, что онъ не имѣетъ никакого вліянія на радіацію. Они нашли, что всѣ химическіе осадки одинаково испускаютъ лучи, тогда такъ наблюденія ихъ относились собственно къ лучеиспусканію камеди. Сотни, можетъ быть, тысячи опытовъ надъ лучистой теплотою были произведены такимъ образомъ; но боюсь, чтобы не пришлось приняться снова за это дѣло. Мнѣ неизвестно, разумѣется, какимъ образомъ былъ незамѣченъ

и повторенъ этотъ жалкій промахъ очень даровитыми людьми; но нѣтъ сомнѣнiя, что онъ испортилъ весьма значительное число ученыхъ трудовъ, превосходныхъ въ другихъ отношенiяхъ.

Основывая свои соображенiя на поманутыхъ фактахъ, мы приходимъ къ заключенiю, что дѣйствительнымъ лучеспускателемъ въ тѣхъ опытахъ, о которыхъ шла у насъ рѣчь сейчасъ, были не самыя частички твердыхъ тѣлъ, но оболочка, окружавшая ихъ. Разсуждать такимъ образомъ и выводить болѣе или менѣе правдоподобныя заключенiя изъ добываемыхъ посредствомъ опыта фактовъ, обязанъ всякій естествоиспытатель. Но, освѣщая путь свой посреди длиннаго ряда явленiй исключительно свѣтомъ разума и выходя изъ этого лабиринта съ чисто-умственнымъ заключенiемъ, мы все же должны провѣрить его снова опытомъ. Только этимъ средствомъ можно укрѣпить нашу науку и доставить прочныя матеріалы для того зданiя, на постройку котораго имѣемъ мы привилегiю. Отвѣчая на это требованiе, я беру два одинакiе на видъ порошка. Одинъ составленъ изъ ртути, другой — изъ свинцу. Къ двумъ сторонамъ кубическаго сосуда присыпаны эти ярко-красные порошки безъ помощи какого-либо лака, или клея. Наполнивъ кубъ кипяткомъ и опредѣливъ радиацию изъ двухъ его сторонъ, я нахожу, что одна испускаетъ тридцать-девять лучей, а другая семьдесятъ-четыре луча. Это, конечно, очень значительная разниця. Но вотъ другой кубъ, двѣ стороны котораго покрыты тѣми же порошками, съ тою только разницею, что порошки наложены на металлъ посредствомъ прозрачной камеди. И здѣсь лучеспускательная сила обѣихъ сторонъ совершенно одинакова. Она, конечно, нѣсколько значительнѣе радиации каждаго изъ непокрытыхъ камедью порошковъ, но это потому, что камедь — лучшій лучеспускатель, сравнительно съ ними. Отстранивъ лакъ или клей и сравнивая бѣлый дѣвѣтъ съ бѣлымъ и чернымъ — съ чернымъ, я нахожу большую разницю. Когда же сравниваются между собою бѣлый и черный дѣвѣтъ, то оказывается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ черный испускаетъ болѣе бѣлаго тепловыхъ лучей, а въ другихъ — наоборотъ. При опредѣленiи поглощающей силы этихъ порошковъ обнаруживается, что она идетъ рука объ руку съ лучеспускательной силой. Хорошій лучеспускатель бываетъ всегда хорошимъ лучепоглотителемъ, а дурной — дурнымъ. Все это доказываетъ, что относительно испусканiя и поглощенiя несвѣтлой теплоты, дѣвѣтъ ничему не научаетъ насъ, и что заключать о влiянiи дѣвѣтъ, даже въ отношенiи къ солнечной радиации, которая состоитъ преимущественно изъ темныхъ лучей, было бы совершенно неосновательно. Это — послѣднее слово нашихъ ученыхъ изслѣдованiй. Однакоже тѣмъ не менѣе справедливо, что черныя платья — по причинамъ, которыя объяснены мною при анализѣ опыта Франклина — поглощаютъ болѣе, чѣмъ бѣлыя, тепловыхъ лучей солнца.

Я представилъ вамъ въ краткомъ очеркѣ нѣсколько результа-

товъ новѣйшихъ изслѣдованій. Если вы спросите: въ чемъ же заключается польза ихъ? я едва-ли съумѣю отвѣтить на этотъ вопросъ, пока вы не опредѣлите мнѣ значенія слова «польза». Еслибы вздумалось вамъ спросить меня: не будутъ ли эти сгорающіе снѣгъ съ Альпійскихъ горъ темные лучи приложены когда-нибудь къ жаренію индѣекъ, или движенію паровыхъ машинъ?— я откровенно сознался бы, что не считаю ихъ способными въ настоящее время выдержать конкуренцію въ этомъ дѣлѣ съ каменнымъ углемъ. Однакоже они могутъ оказать много неизвѣстной мнѣ пользы. Когда истощатся наши каменноугольныя копи, то, можетъ быть, другая, болѣе насъ зѣирная раса будетъ готовить себѣ кушанье и производить свои работы этимъ трансцендентальнымъ способомъ. Но развѣ человѣкъ науки долженъ непременно цѣнить свои труды по ихъ практическимъ приложеніямъ? Какая практическая польза Илиады Гомера? Вы улыбаетесь и, вѣроятно, думаете, что Илиада хороша, какъ средство культуры. Вотъ въ томъ-то и сила. Люди, требующіе отъ науки практической пользы, забываютъ или не хотятъ знать, что наука — также великое средство культуры, что знаніе этого чуднаго міра само по себѣ очень полезная вещь, не требующая практическихъ приложеній для своего оправданія. Но человѣкъ, занимающійся изученіемъ природы, отвергая положительно оцѣнку своихъ трудовъ по ихъ практическимъ слѣдствіямъ, пока слово «практическій» не будетъ отнесено такъ же точно къ умственной пользѣ, какъ относить его къ матеріальному благу, знаетъ очень хорошо, что величайшіе практическіе успѣхи были эпизодами въ исторіи отысканія такихъ истинъ, которыя не имѣли прамого отношенія къ реальной пользѣ. Электрическій телеграфъ есть чудо нашего вѣка; люди, которыхъ ученныя свѣдѣнія и механическое искусство довели его до настоящаго совершенства, заслуживаютъ безспорно всякаго уваженія. И дѣйствительно, они приобрѣли нетолько громкую извѣстность, но и то болѣе вещественное вознагражденіе, которое прямая услуга обществу всегда влечетъ за собою. Но, кто, спросилъ бы я, вложилъ душу въ тѣло телеграфа? Кто похитилъ съ неба огонь, стремящійся по проволока? Это великое дѣло совершили два человѣка: житель Италіи (Вольты) и нашъ соотечественникъ (Фарадей), который жилъ, конечно, не за тысячу миль отъ того мѣста, гдѣ я стою теперь. Никогда не задавался этотъ человѣкъ вопросомъ о практической цѣли своихъ изслѣдованій. Его побуждало къ нимъ то таинственное влеченіе, которое манитъ путника на вершину горы, гдѣ никогда еще не бывала нога человѣческая—влеченіе, которое могло бы заставить Цезаря отказаться отъ побѣды, и стремиться къ открытію истоковъ Нила. Полезное для человѣчества приложеніе ученыхъ открытій доказываетъ, что въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ намъ пророками, жрецами и властелинами науки, кроется именно та сила, которую называетъ міръ полезнымъ знаніемъ. Но у науки есть и другая обязанность. Она должна обогащать свѣдѣніями умъ

человѣческой, и упражнять его въ дѣлѣ мышленія. Потому-то, на основаніи бѣднаго образца, который былъ предложенъ вамъ въ этотъ вечеръ, мнѣ хотѣлось бы теперь спросить васъ: можетъ ли въ наше время считаться хотя приблизительно-полною какаѣ бы то ни было система образованія, если естественнѣйшіе не займутъ надлежащаго мѣста въ ней, или будетъ совсѣмъ исключено изъ нея?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. *Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ Мейеръ. 22-й томъ матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба. С.-Петербургъ. 1865 г. Въ типографіи Веймара и Персона.*

Постоянно возрастающее значеніе нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, а также крайній недостатокъ обстоятельныхъ свѣдѣній объ этихъ мѣстностяхъ заставляеть насъ нѣсколько подробнѣе ознакомить нашихъ читателей съ недавно вышедшимъ описаніемъ Киргизской степи, составленнымъ г. Мейеромъ не только на основаніи имѣвшихся уже печатныхъ свѣдѣній, но также и рукописныхъ матеріаловъ, въ значительномъ количествѣ хранящихся въ архивахъ областного правленія оренбургскихъ казаковъ, генерал-губернаторской канцеляріи, штаба войскъ оренбургскаго края и оренбургскаго таможеннаго округа. Доступъ къ подобнаго рода источникамъ далъ автору возможность обнародовать весьма интересные свѣдѣнія, относящіяся не только до постепеннаго завладѣнія нами этимъ обширнымъ краемъ, но также и до управленія онымъ, что придаетъ труду г. Мейера особенную занимательность. Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что еще въ 1717 году набѣги башкиръ и каракалпаковъ вынудили киргизскихъ хановъ обратиться къ Петру-Великому съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство, которая однако осталась безъ послѣдствій, потому что между киргизами не было единогласія и русское правительство на этотъ разъ не приняло прямого участія въ ихъ дѣлахъ. Въ 1730 году Абдуль-Ханръ-Ханъ, находясь въ крайности и не видя другого исхода во враждѣ съ другими ханами, подговорилъ незначительное число своихъ приверженцевъ вступить въ русское подданство и послалъ въ Уфу къ воеводѣ Бу-

турлину посольство съ письмомъ, въ которомъ изъявилъ желаніе, какъ будто бы всей орды, сдѣлаться подданными Россіи. Посольство это отправлено было въ Петербургъ. Не зная истиннаго значенія и положенія Абдуль-Хаира, предложеніе его приняли въ Петербургѣ за чистую монету, одарили посольство и отправили обратно въ орду, придавъ къ нимъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ мурзу Тевкелева, а изъ Уфы нѣсколько дворянъ и казаковъ. Киргизы, узнавъ, что къ нимъ прибылъ чиновникъ русскаго правительства и требуетъ присяги на вѣрность, взволновались, хотѣли убить хана и Тевкелева, но ловкость и умъ мурзы спасали его неоднократно отъ смерти. Ему наконецъ удалось достигъ того, что киргизы начали почти вездѣ признавать себя русскими подданными и рѣшились послать въ 1734 году въ Петербургъ новое посольство, чрезъ посредство котораго Абдуль-Хаиръ обѣщала 1) охранять безопасность русскихъ границъ, смежныхъ съ землями орды, 2) защищать купеческіе караваны наши при переходѣ чрезъ киргизскія степи, 3) давать изъ подвластныхъ ему, въ случаѣ нужды, вспомогательное войско и 4) платить ясакъ звѣринными кожами. Въ замѣтъ этого онъ просилъ утвердить въ его родѣ ханское достоинство на вѣчныя времена и построить для его защиты крѣпость при слияніи Оря и Урала. Русское правительство согласилось на это и послало на Уралъ съ инструкціями статскаго совѣтника Кирилова и полковника Тевкелева. Но малое значеніе Абдуль-Хаира въ ордѣ и безсиліе его обуздать своихъ подданныхъ, дѣлали его обѣщанія ничего незначущими; обязательства же, данныя хану, стѣсняли свободу дѣйствій русскаго правительства. Обязательство выбирать хановъ непременно изъ рода Абдуль-Хаира, къ несчастію, почти цѣлое столѣтіе добросовѣстно исполняемое наперекоръ воли народа и здравой политики, было для насъ самымъ пагубнымъ; въ этомъ кроется ключъ къ тому странному факту, что около столѣтія мы управляли киргизами номинально, несмотря на всѣ усилія утвердить наше вліяніе въ степи, жертвуя даже всѣми выгодами и не облагая народъ никакою данью. Обѣщаніемъ этимъ мы шли наперекоръ кореннаго начала киргизской свободы, стѣсняли выборъ хана и въ то же время дѣлали его какъ будто бы несомнѣнно зависимымъ отъ насъ, потому что право его основывалось на первородствѣ, а не нашей волѣ. Русское правительство совершенно ошиблось въ своемъ предположеніи, что заставивъ присягнуть Абдуль-Хаира, оно тѣмъ самымъ утвердитъ власть свою въ ордѣ. Причины этого заключались въ томъ, что ханъ управлялъ народомъ не по выбору, а по назначенію посторонней власти, что пограничное начальство не имѣло достаточно матеріальной силы, чтобы поддержать созданнаго нами хана, и наконецъ въ личномъ характерѣ Абдуль-Хаира. Увѣряя письменно въ своей преданности, онъ на самомъ дѣлѣ грабилъ русскихъ, гдѣ только могъ, что и причинило вражду между ханомъ и Неплюевымъ, назначеннымъ русскимъ погра-

ничьимъ начальникомъ послѣ Урусова, смѣнившаго Татищева, преемника Кирилова. Для примиренія ихъ присланъ былъ въ Оренбургъ мурза Тевкелевъ, старій пріятель хана, который, выдавъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, обѣщаль снова жить въ мирѣ и согласіи, но былъ убитъ вскорѣ султаномъ Бараккомъ. По смерти его, Неплюевъ не только не рѣшался отмѣнить ханское достоинство, но даже и направить выборы на непрямого потомка Абдуль-Хаира, вслѣдствіе чего избраніемъ въ ханы Нурали, сына Абдуль-Хаира въ 1749 году, сдѣлана двойная ошибка. Большинство народа не желало имѣть ханомъ кого-либо изъ семейства Абдуль-Хаира, а восторыхъ, по обычаю и частному праву киргизовъ, ханское достоинство должно было перейти не къ сыновьямъ, а къ братьямъ умершаго. Послѣдствія этой ошибки не замедлили обнаружиться. Большая часть орды выбрала себѣ другого хана, Султанъ-Батыра (сына родового врага Абдуль-Хаира), который сталъ заискивать расположеніе Россіи, но пограничное начальство отклонило его предложенія. Чтобы поддержать своего хана, высочайше разрѣшено, въ случаѣ грабежей и набѣговъ, задерживать на линіи, по указаніямъ хана, киргизовъ—однородцевъ грабителей до уплаты похищеннаго. Мѣра эта, принесшая мало пользы Россіи, озлобила до-нельзя киргизовъ, потому что давала хану удобный случай вредить своимъ личнымъ врагамъ, указывая на нихъ какъ на грабителей. Люди задерживались когда пріѣзжали для мѣны на линію, что и отозвалось на едва начавшейся въ этихъ мѣстахъ торговли русскихъ, которая сейчасъ же перешла въ руки хивинцевъ и бухарцевъ. Нурали былъ безсиленъ; народъ ненавидѣлъ его столько же за связи съ русскими, сколько за неспособность и слабость; особенно же киргизамъ не нравилось заведенное русскими, съ согласія хана, поселеніе и вѣрность у солянныхъ копей, Илецкая защита, чѣмъ стѣснялось также добываніе ими соли. Въ 1755 году взбунтовались башкиры, но Неплюевъ усмирилъ ихъ и выгналъ главнаго бунтовщика въ киргизскую степь, принявъ теперь за правило ослаблять однихъ враговъ другими. Онъ объявилъ киргизамъ, что всѣ перебѣжавшіе къ нимъ башкиры до 50,000 человекъ съ женами и дѣтьми, отдаются въ ихъ власть; тогда началась истинная охота на башкировъ, которыхъ киргизы травили и умерщвляли какъ дикихъ звѣрей, чтобы добиться дочерей и женъ. Что не было убито — было выдано русскимъ. Месть сдѣлалась единственною цѣлью жизни каждаго башкирца, и кровь полилась рѣкою. Чтобы приостановить переходъ башкирцевъ, Неплюевъ вынужденъ былъ усилить пограничную стражу, но вражда между двумя народами долго не прекращалась, и нелегко вычислить, сколько стоило впослѣдствіи русскихъ денегъ и крови, чтобы рознять этихъ ожесточенныхъ бойцовъ. Преемникъ Неплюева, Давыдовъ, презиралъ хана, принималъ его безъ должнаго почета, не давалъ подарковъ и т. д. Ханъ и его братья обидѣлись, и до 1761 года ни мало не препятствовали своимъ

подвластными грабить русских и наконец остановили караванъ, вслѣдствіе чего русское правительство рѣшилось выдавать не только хану, но и братьямъ его жалованье, чтобы только ихъ задобрить. Такимъ средствомъ довели киргизовъ до того, что при вступленіи на престолъ Екатерины II, ханъ и его братья, присягнувъ на вѣрность императрицѣ, въ то же время вошли въ сношенія съ Китаемъ, чѣмъ немало гордились предъ нашими генерал-губернаторами. Вскорѣ послѣ этого, въ 1771 году, калмыки, жившіе на лѣвомъ берегу Волги, выступили къ китайскимъ предѣламъ, пройдя чрезъ земли, занимаемыя Малою ордою. Уральское войско, уже волновавшееся въ то время, ничего не сдѣлало для ихъ удержанія; киргизскіе же ханы, конечно, не изъ усердія къ Россіи, а изъ мести къ старымъ врагамъ и любви къ грабежу, безпрестанно нападали на бѣгущихъ, отбивая скотъ и людей. Еслибы наши войска были надлежачимъ образомъ поддержаны Уралами, то можно было остановить калмыковъ, но это не соотвѣтствовало видамъ хана, потому что въ такомъ случаѣ бѣольшая часть добычи миновала бы киргизскія руки. Въ возгорѣвшемся затѣмъ пугачевскомъ бунтѣ киргизы не приняли стороны мятежниковъ, потому что выжидали исхода затѣяннаго дѣла, а бунтовавшіе (казаки и башкиры) къ тому же были ихъ давнишніе враги.

Императрица Екатерина II хотѣла испытать мѣры кротости съ киргизами, и поэтому въ 1775 году запретила посылать войско за Уралъ; но въ 1779 году должна была отмѣнить это распоряженіе и разрѣшить наказывать орду и захватывать заложниковъ. Императрица хотя и понимала, что подобныя дѣйствія несогласны съ здоровою политикою, но судя о киргизской степи по официальнымъ свѣдѣніямъ и не зная дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ этомъ краю, она весьма естественно ошибалась въ выборѣ средствъ къ исправленію ошибокъ. Кротостью и лаской уже ничего нельзя было сдѣлать въ то время. Причины неудовольствія киргизовъ скрывались въ назначеніи имъ хановъ не по выбору народа, а по указанію русскаго правительства. До 1782 года киргизы тревожили нашу границу, а ханъ отписывался невозможностью удержатъ ихъ и съ каждымъ днемъ дѣйствительно все болѣе терялъ значеніе въ своемъ народѣ.

Убѣждаясь въ совершенномъ безсильнѣ хана и намѣреваясь ввести порядокъ въ ордѣ, Екатерина II въ 1782 году учредила въ Оренбургѣ особое управленіе для киргизовъ (пограничную экспедицію), дозволила пропускать киргизскій скотъ на зиму въ предѣлы Россіи, подтвердила соблюдать строжайшее правосудіе съ киргизами и назначила значительныя суммы для постройки мечетей, школъ и караван-сараевъ. Всѣ эти попытки ввести нѣчто въ родѣ администраціи не повели ни къ чему; набѣги продолжались. Для разбирательства между киргизами и пограничными жителями учрежденъ въ 1784 году новый пограничный судъ, упраздненный въ 1799 году, потому что онъ не имѣлъ никакого успѣ-

ха, по *межеланию* въ немъ судиться. Баронъ Игельстромъ, принявшій въ это время начальство надъ оренбургскимъ краемъ, засталъ дѣла пограничныя въ плачевномъ положеніи, а хана Нурали совершенно безсильнымъ и бесполезнымъ для Россіи. Понявъ, что соединить всѣ роды Малой орды подъ одною властью совершенно невозможно, онъ предлагалъ раздѣлить орду, по ея родовымъ началамъ, на 3 отдѣльныхъ поколѣнія и дать каждому особаго начальника. Впрочемъ, эту вѣрную мысль Игельстромъ скорѣ оставилъ, предложивъ уничтожить мало-по-малу ханское достоинство и ввести исподволь порядки, вводившіеся тогда во всей Россіи на основаніи Учрежденія Екатерины II для управленія губерній. Мѣра эта рѣшительно не согласовалась съ полудикимъ и кочевымъ бытомъ киргизовъ. Зная, что главнымъ предводителемъ, при нападеніяхъ на русскую границу, былъ киргизъ Батырь-Сарымъ, непримиримый врагъ султановъ и хановъ всѣхъ поколѣній, и представитель демократическихъ началъ среди киргизовъ, Игельстромъ сблизился съ нимъ, и добился того, что все народное собраніе присягнуло на вѣрность Россіи и обѣщало жить въ мирѣ съ условіемъ, чтобы всѣ потомки Абдуль-Хаира были навсегда лишены ханскаго достоинства. Нурали былъ вызванъ въ Уфу, гдѣ скорѣ умеръ. Сынъ его, Ирали, въ удобную минуту напалъ на Сарыма и взялъ его въ плѣнъ. Игельстромъ, потерявъ чрезъ это надежную опору, пересталъ поддерживать народное начало, и для исполненія своихъ предначертаній обратился къ бывшему хану хивинскому Каипу; съ возвращеніемъ же Сарыма онъ снова вступилъ съ нимъ въ дружбу и успѣлъ въ 1787 году уничтожить званіе хана и учредить въ ордѣ *пять расправъ*, которыя отчасти подходили къ обычаямъ народнымъ, но требованіе, чтобы дѣлопроизводство было *письменное*, испортило все дѣло. Новымъ порядкамъ не суждено было укорениться. Причиною этого было стеченіе разныхъ обстоятельствъ, непослѣдовательныя дѣйствія пограничнаго начальства, и то, что Игельстромъ подпалъ вліянію киргизской женщины изъ рода Абдуль-Хаира, содѣйствовавшей много успѣху его потомковъ. Дома Абдуль-Хаира и Каипа всѣми мѣрами волновали народъ противъ Сарыма, и дѣлали его именованъ набѣги на линію, въ которыхъ онъ не былъ виноватъ. Такимъ образомъ возникли недоумѣнія между Сарымомъ и Игельстромомъ, который сталъ помышлять о возстановленіи ханскаго достоинства. Зная, что назначеніе хана будетъ для него губельно, Сарымъ объявилъ себя врагомъ Россіи и вошелъ въ сношенія съ бухарскимъ эмиромъ. Смерть Нурали въ 1790 году дала поводъ произвести избраніе хана, бывшее чистою комедіею. Ханомъ избранъ сынъ Нурали, Ирали, несмотря на заявленныя народомъ противъ этого избранія протесты. Недолголтнее ханствованіе его было не что иное, какъ цѣлый рядъ фактическихъ протестовъ со стороны народа противъ его власти. Увозъ людей съ линіи сдѣлался весьма обыкновеннымъ, а нападенія на селенія—въ порядкѣ вещей. Внутрен-

ніа смуты въ степи убѣдили императрицу, что единственнымъ средствомъ для ихъ пребращенія является назначеніе хановъ по волѣ народной, и она повелѣла узнать желанія киргизовъ. Все это оказалось комедіею, потому что губернаторъ Вазьмитиновъ направилъ выборъ на лицо, котораго народъ не желалъ вовсе, на Ишима, старшаго сына Нурали. Ханствованіе его было самое безпокойное; уральскіе казаки не уступали киргизамъ въ жестокости, дѣлали частые поиски въ степи и обоюдные грабежи дошли до огромныхъ размѣровъ. Положеніе киргизовъ было до того невыносимо, что они въ числѣ 12,000 вѣбитокъ перешли въ Россію навсегда. При преемникѣ его, Аичувакѣ, дѣла еще болѣе запутались. При немъ начались передвиженія внутри степи, вслѣдствіе которыхъ всѣ киргизы перемѣнили мѣста своихъ кочевокъ и права родовъ на извѣстныя мѣстности до крайности перепутались, такъ что ханъ не имѣлъ ни возможности, ни власти прекратить возгорѣвшіяся междоусобныя войны. Граница наша терпѣла при этомъ менѣе отъ набѣговъ, но за то караванамъ не было никакого прохода по степи; мѣры же пограничнаго начальства оказывались одна другой неэффективнѣе. Въ 1804 году, при изданіи правилъ о заселеніи оренбургской линіи, киргизамъ подтверждено, что отнынѣ всѣ нападенія и грабежи на линію будутъ строго взыскиваться, а между тѣмъ, комендантамъ крѣпостей предписано ловить воровъ-киргизовъ только *внутри линіи*, но за линію, то-есть за Уралъ, ни въ какомъ случаѣ не преслѣдовать. Жители Орской крѣпости, построенной на лѣвомъ берегу Урала, выгоняли тутъ же и свой скотъ, который киргизы воровали при всякомъ удобномъ случаѣ. На вопросъ коменданта, какъ ему поступать съ киргизами, ему не разрѣшили преслѣдовать воровъ, а приказали *гонять скотъ на правый берегъ*. Подобное бездѣйствіе и слабость на дѣлѣ не могли не ободрять киргизовъ въ ихъ набѣгахъ на нашу линію.

Для полученія съ нихъ хоть какого либо дохода или пользы, въ началѣ этого столѣтія стали, при перепускѣ чрезъ линію скота на зимовку, взимать плату съ головы: лошади—1 копейку, коровы или быка—1 деньгу, а барана—1 полушку въ мѣсяцъ. Киргизамъ дозволено заниматься въ работникахъ у пограничныхъ жителей; въ это же время, вслѣдствіе бѣдствій киргизовъ, *торгъ опіями* принялъ обширные размѣры. Ограбленныя семейства киргизовъ, умирающія отъ голода, продавали своихъ дѣтей въ рабство пограничнымъ жителямъ иногда за нѣсколько четвертей муки.

Въ 1806 и 1807 годахъ былъ до того сильный падежъ скота и голодъ въ степи, что князь Волконскій долженъ былъ разрѣшить продавать въ Илецкой заштатѣ бѣднымъ киргизамъ хлѣбъ, но *отнюдь не много* меньше кула за разъ. Мѣра нерѣшительная и неудобноисполнимая. Доведенные до крайности, прилинейные киргизы просили снабдить ихъ сѣянами для посѣва. Волконскій разрѣшилъ выдать *сто рублей* на покупку сѣмянъ, но строго приказалъ слѣдить за расходомъ этихъ денегъ, т.-е. далъ чино

внимамъ возможность вмѣшиваться въ хозяйство частныхъ лицъ. Чтобы хотя нѣсколько охранить линію отъ мелкихъ набѣговъ, Волконскій приказалъ при перепускѣ скота на зимовку брать аманатовъ, что, однако, повредило дѣламъ нашимъ внутри степи, возбудило ропотъ и неудовольствіе. Вліаніе наше въ степи постоянно слабѣло, и въ 1812 году было едва-ли не слабѣе, нежели въ 1730 году. Это тѣмъ непонятнѣе, что населеніе линіи сдѣлалось по крайней-мѣрѣ въ пять разъ гуще, средства на границѣ увеличились и расходы по управленію краемъ возрасли. Частыя перемѣны начальниковъ пограничнаго края, ошибочность политики въ Петербургѣ не давали укорениться ни одной системѣ управленія. Сперва хотѣли управлять краемъ мѣстными властями, но увидавъ слабость хановъ, перестали ихъ къ себѣ привязывать подарками и вздумали вмѣшиваться во внутреннія дѣла, причѣмъ, пренебрегая народными обычаями, хотѣли ввести сложную администрацію на европейскій ладъ. Это привело къ возобновенію управленія посредствомъ хановъ, которые утратили теперь всякую власть. Киргизы раздѣлились окончательно на роды и партіи. Власть хана простиралась не далѣе русскихъ форпостовъ, и кочующіе здѣсь байгуши повиновались ему тоже по необходимости только. Отъ 1812 до 1815 года караванамъ нашимъ рѣшительно не было прохода по степи, и междоусобія не имѣли конца. Для довершенія бѣдственнаго положенія орды, въ это время случился голодъ въ оренбургскомъ краѣ, и Волконскій запретилъ вывозъ хлѣба за границу, вопреки всѣмъ постановленіямъ о свободной торговлѣ хлѣбомъ и *прямоу желанію министра финансовъ* Гурьева, который только въ 1817 году могъ заставить новаго губернатора освободить отъ запрещенія вывозъ хлѣба за границу нашей линіи. Къ другимъ бѣдствіямъ края — надо присоединить также недобросовѣстность чиновниковъ.

Эсень, назначенный губернаторомъ въ 1817 году, по возможности примирилъ главныхъ соперниковъ въ степи, и сталъ искать сближенія съ людьми, пользующимися значеніемъ между киргизами, вовсе не обращая вниманія на старыя правила нашей политики. При немъ въ началѣ степь управлялась ханомъ, подъ высшимъ надзоромъ котораго считались другіе начальники родовъ. Но зависимость эта существовала только на бумагѣ, потому что бѣдшая часть управлявшихъ родами не только не повиновалась, но и была прямо враждебна ему. Спокойное и счастливое для насъ управленіе султана Арунгази было непродолжительно; оно замѣнилось прежними беспорядками. Чтобы поддержать нашу власть въ степи, частію по другимъ политическимъ и коммерческимъ соображеніямъ, съ 1820 года ежегодно въ степь отправляются команды весьма значительнаго состава. Этотъ наступательный образъ дѣйствій вызванъ былъ крайнею необходимостію; ни на линіи, ни въ степи караванамъ не было малѣйшей возможности рассчитывать на спокойствіе, потому понятно, какъ могла родиться мысль послать караваны подъ военнымъ

припритіемъ, часто довольно значительнымъ. Дѣла шли все хуже. Угоны скота дѣлались съ 1822 года въ весьма обширныхъ размѣрахъ, увозъ людей въ плѣнъ и убійства на линіи *удесятерились*, особенно же на Каспійскомъ морѣ. Въ 1824 году Эссеевъ наконецъ убѣдилъ министерство, что для поправленія дѣлъ надо удалить хана Ширгази. Онъ раздѣлил всю степь на три части съ сѣверо-запада на юго-востокъ, не обращая вниманія на земли, считавшіяся принадлежностію родовъ, и каждую часть отдалъ въ управленіе особому старшему султану, переименовавъ ихъ впоследствии въ султановъ-правителей. Каждому изъ нихъ разрѣшено наказывать киргизовъ за грабежи на линіи и дано для этого по 200 человекъ казаковъ, что, мало обезпечивая границы, давало султанамъ полную свободу преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ. Ширгази, желая возвратитъ себѣ хотя бы и тѣнь окружавшаго его почета, пытался взволновать степь, но увидѣвъ неуспѣхъ въ этомъ, оставилъ свои замыслы и кочевалъ мирно около Оренбурга. На время стало нѣсколько спокойнѣе, но безпорядки не прекращались; грабежи и увозъ людей въ плѣнъ продолжались въ такихъ же размѣрахъ. Назначенный выкупъ за каждого находящагося въ рабствѣ въ Хивѣ и Бухарѣ, куда сбывались плѣнные русскіе, по 150 руб., оказался слишкомъ малымъ, хотѣли увеличить его до 1000, что, однако, не было утверждено, но постановлено входить въ такихъ случаяхъ всякій разъ съ особымъ представленіемъ по высшему начальству. Въ Оренбургѣ явилась мысль: для освобожденія плѣнныхъ задержать хивинскій караванъ съ товарами, но это исполнено было гораздо позже.

Съ начала управленія краемъ генерал-адъютантомъ графомъ Сухтеленемъ (1830 годъ), взглядъ правительства на киргизовъ снова значительно измѣнился. Не зная основательно управляемаго края, особенно степной его части, онъ положилъ начало особой системы управленія киргизами, несогласной ни съ мѣстными обстоятельствамъ, ни съ общими истинами, выведенными изъ исторій народовъ вообще. Принявъ въ основаніе, что киргизы полезны для Россіи только въ видѣ кочевого народа, какъ потребители нашихъ хлѣбныхъ и мануфактурныхъ продуктовъ, и производители кожъ и другихъ сырыхъ произведеній, Сухтеленъ находилъ, что правительство *должно стараться* удержать ихъ въ такомъ состояніи. Теорія эта, получивъ полное свое развитіе при преемникѣ Сухтелена, Перовскомъ, который своею непоколебимою волею и энергіею заставилъ согласиться въ основательности оной и ея противниковъ, была причиною того, что киргизская степь стала къ Россіи въ отношеніи колоній въ своей метрополіи, и начала управляться на основаніи господствовавшихъ тогда понятій объ управленіи колоніями. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ предпріятій въ управленіе краемъ Сухтеленемъ принадлежитъ составленіе ватиканска киргизскихъ законовъ. Но представленное сочиненіе оказалось до того безтолково и сбивчиво, что не было никакой возможности перевести его, и дѣло это до сего

времени не приведено въ исполненіе. При немъ же сдѣлана попытка прививать оспу киргизамъ, но успѣхъ былъ ничтоженъ и дѣло до сего времени не подвигается. Убѣжденный, что хлѣбопашество несвойственно киргизамъ, Сухтеленъ, однако, уважалъ ихъ собственность и вслѣдствіе этого, *запретивъ* коменданту визильской крѣпости поощрять хлѣбопашество киргизовъ, онъ не дозволялъ также казакамъ রাখивать земли за Ураломъ, считая ихъ владѣніями киргизовъ. Изъ всѣхъ административныхъ его распоряженій, осталось въ силѣ раздѣленіе всей полосы земли, прилегавшей къ русской линіи, на дистанціи, съ назначеніемъ въ каждую начальника изъ киргизовъ, что дало возможность управлять постоянно измѣняющимся около нашей границы населеніемъ киргизовъ.

Съ начала тридцатыхъ годовъ киргизы очутились между двухъ огней: съ одной стороны тѣснили и требовали повмновенія русскіе, съ другой—Хива и Кованъ.

Назначенный въ 1833 году новый губернаторъ края, генерал-адъютантъ Перовскій увеличилъ сборъ, взимаемый при перепускѣ скота за линію на зимовку, а для усмиренія киргизовъ принялъ сначала двѣ рѣшительныя мѣры. Онъ заложилъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря крѣпостцу Ново-Александровскую, съ цѣлію замирить и подчинить нашему вліянію Адаевскій родъ киргизовъ, уничтожить разбой и увозъ людей, а также упрочить наши торговныя сношенія съ Азією. Но въ этомъ укрѣпленіи люди гарнизона умирали въ большомъ числѣ отъ цынги: изъ 15 заболѣвавшихъ выздоравливало четверо, а изъ нихъ только *одни* изъ *двадцати* человекъ возвращался къ полному здоровью; остальные 19 дѣлались калеками. Весь гарнизонъ проходилъ въ годъ черезъ лазаретъ, и вообще умиралъ обыкновенно *десятью* человекъ. Укрѣпленіе это въ послѣдствіи, при Обручевѣ, перенесено на полуостровъ Мангышлакъ къ мысу Тюб-Караганъ, гдѣ имѣется прекрасная гавань и здоровый воздухъ. Другая мѣра была—устройство новой линіи и новыхъ фортовъ. Казаки неохотно селились на новыхъ, отводимыхъ въ степи мѣстахъ, и постройка новыхъ станицъ шла очень медленно. Ожиданія отъ новой линіи были обширны; на дѣлѣ же переселеніе не нравилось даже казакамъ, которые мѣстами бунтовали. Къ тому же и тутъ смерть похищала много людей. Новые укрѣпленія по линіи не обезпечивали пространства за ними отъ набѣговъ и грабежей. Вздумали-было оградить всю линію *непрерывнымъ валомъ*, но, къ счастью, отъ этой мысли отказались. Многочисленность киргизовъ, кочевавшихъ на пространствахъ, занятомъ новою линією, не позволяя удалить ихъ, причинила то, что киргизы и казаки жили перемѣшанно, стѣсная другъ друга и не обезпечивая себя отъ нападеній извѣй. Для воспрепятствованія распространенію русскихъ, киргизы стали пускать умышленно *намъ* по сухой травѣ степи; а наши покушенія на ихъ земли вызвали съ ихъ стороны мелкіе, но до того смѣлые набѣги, что они, напримѣръ въ 1834 году, напали на

пикеть почти у самаго мѣноваго двора близъ Оренбурга. Для усмиренія степи высылались попережнему отдѣльными экспедиціи. Взаимнѣ покровительства, оказываемаго киргизамъ въ продолженіе зимней тебеневки ихъ по линіи, и аманатовъ, которые брались отъ нихъ на это время, въ 1837 году учрежденъ *кибиточный сборъ* по 1 руб. 50 копеекъ, что въ первый же годъ дало 23,259 руб. сер. При этомъ нельзя не упомянуть объ усиленіи переселенія киргизовъ во внутрь имперіи въ Башкирію, особенно въ 1834 году. Причина этого стремленія, вѣроятно, скрывалась *въ затрудненіяхъ*, дѣлаемыхъ киргизамъ при изъясненіи ими желанія селиться около линіи. Имъ оставалось одно: или погибнуть въ степи, или покориться совершенно русскимъ. Мы останавливаемся на всѣмъ извѣстномъ походѣ, предпринятомъ для завоеванія Хивы и уничтоженія безпокойнаго сосѣда Алла-Кули-Хана, во окончившемся въ 1840 году возвращеніемъ одной трети всѣхъ людей въ изнуренномъ и искалеченномъ видѣ; походъ этотъ не имѣлъ никакого вліянія на край. Начатое въ то же время окончательное и опредѣлительное разграниченіе степи сибирскаго и оренбургскаго вѣдомствъ способствовало отчасти къ успокоенію киргизовъ, породивъ какое-то соперничество между начальствами спорящихъ сторонъ. Въ Оренбургской степи главную роль игралъ въ это время султанъ Касимъ и сынъ его, Кенисара, которые были вытѣснены изъ сибирской степи; они долго волновали обѣ степи, являясь въ обѣихъ главными защитниками народа противъ притѣсненій русскими. Назначенный въ 1843 году новый губернаторъ Обручевъ, признавая ихъ совершенными мѣтежниками, рѣшился покончить съ ними, что ему и удалось въ 1845 году послѣ нѣсколькихъ экспедицій. Кенисара удалился за рѣку Чу и противъ русскихъ уже не дѣйствовалъ.

Сила обстоятельствъ заставила еще Перовскаго сдѣлать первый шагъ къ прочному утвержденію въ краѣ. При немъ признано было, что киргизы поневолѣ не могутъ быть намъ покорны, когда образъ жизни приводитъ ихъ лѣтомъ къ нашимъ предѣламъ, а зимою подвергаетъ произволу хивинскаго и коканскаго хановъ; и что покорность ихъ зависить отъ возможности кочевать мирно, смотря по надобности, съ юга на сѣверъ и обратно, постоянно подъ защитою и въ зависимости отъ одной и той же власти. Другими словами, пришли къ убѣжденію, что необходимо дать киргизамъ возможность совершать ежегодно весь оборотъ принятаго ими образа жизни, безъ періодическихъ и произвольныхъ вмѣшательствъ разнородныхъ властей. Поэтому съ сороковыхъ годовъ начинаютъ стремиться къ утвержденію въ степи нашего владычества на прочномъ основаніи. Окончательное же направленіе этой системѣ далъ Обручевъ, устроивъ укрѣпленіе (Уральское и Оренбургское и на Сырь-Дарьѣ) и намѣреваясь построить еще на Эмбѣ, что осталось въ предположеніи при немъ. Около укрѣпленій дозволено производить безпошлинно и свободно мѣнову торговлю, что очень понравилось киргизамъ.

Увидѣвъ среди своихъ кочевыхъ русскихъ укрѣпленія, киргизы поняли, что русскіе являются не только для сбора кибиточной подати, но приносятъ съ собою защиту отъ родовыхъ враговъ ихъ хивинцевъ и коканцевъ.

Надѣясь на благоприятныя условія, Обручевъ въ 1847 году отправилъ, по предварительной рекогносцировкѣ, отрядъ для основанія укрѣпленія на выбранномъ недалеко отъ устья Сыр-Дарьи урочищѣ *Раимъ*, причемъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Но это продолжалась недолго; султаны-правители всѣчески старались мѣшать новому предпріятію. Для окончательнаго укрѣпленія нашей власти на Сырѣ, устроилъ Обручевъ судоходство по Аральскому морю и Сыру, основалъ небольшой Кес-Аральскій фортъ, а въ 1849 году переселилъ къ Раиму 25 семействъ оренбургскихъ казаковъ*.

На Сыр-Дарьѣ встрѣтились мы съ коканцами, которые постоянно распространяя власть свою на сѣверѣ, взяли Туркестанъ, столицу киргизскихъ султановъ, а въ 1817 году построили на Сырѣ главное свое укрѣпленіе Агъ-мечеть. Владычество ихъ было очень тягостно для киргизовъ, которые просили защиты у русскихъ, и съ помощью раимскаго гарнизона разбили на голову своихъ враговъ, и взяли укрѣпленіе ихъ Кош-Курганъ.

Въ это время (1851 годъ) генерал-губернаторомъ краемъ назначенъ снова Перовскій, оставшійся при неизмѣнномъ убѣжденіи, что киргизы нужны намъ какъ кочевой народъ, и что осѣдность ихъ *оредна* для Россіи. Поэтому онъ сдѣлалъ пограничной комисіи строгое замѣчаніе за то, что *она во время не препятствовала киргизамъ* строить за Ураломъ землянки. Перовскій не одобрилъ предположеніе предмѣстника о построеніи укрѣпленія на Эмбѣ, и предполагалъ уменьшить гарнизоны въ существовавшихъ укрѣпленіяхъ, находя ихъ мало соответствующими цѣли, а Оренбургское хотѣлъ вовсе упразднить. На сдѣланномъ по этому предмету докладѣ, государь Николай I положилъ замѣчательную резолюцію: «Хотя и не убѣжденъ, но быть по мнѣнію и на отвѣтственности ген.-ад. Перовскаго». Повидимому поразительный фактъ, что вмѣстѣ съ возведеніемъ укрѣпленій въ степи прекратился увозъ русскихъ людей въ плѣнъ, не обратилъ на себя вниманія Перовскаго. Но обстоятельства заставили Перовскаго держаться направленія его предшественника. При движеніи нашемъ вверхъ по Сыру заложены были по необходимости че-

* Мы напомнимъ при этомъ читателямъ, что генерал-губернаторъ Катенинъ нашелъ нужнымъ перенести это укрѣпленіе, адмиралтейство и населеніе на Казала, что исполнено въ 1855 году. Послѣдствія этого были не совсѣмъ выгодны, мѣстность оказалась до крайности слабою и неудобною для построекъ, которыя приходилось очень часто перестраивать; въ тому же камня вблизи не нашлось. Выгоды отъ гавани или дока оказались несбыточными, ибо протокъ Казала нерѣдко пересыхаетъ. Опытъ этотъ стоилъ очень дорого правительству и поселенцамъ, работы же по форту пали на гарнизонъ и башкирскую рабочую команду.

тыре форта, въ томъ числѣ и главное укрѣпленіе наше на этой рѣкѣ, фортъ Перовскій. Замѣчательно, что несмотря на малочисленность нашихъ гарнизоновъ, киргизы не обращали вниманія на воззванія коканцевъ присоединиться къ нимъ во время похода ихъ къ форту Перовскій.

Такимъ образомъ утвердились мы на значительномъ протяженіи по Сыр-Дарьѣ, хотя тишина въ степи водворилась не вдругъ. Весь 1855 годъ ознаменовался небывалыми насиліями и разбоями, главнымъ виновникомъ которыхъ является Исет-Кутебаровъ, усмиренный уже при Катенинѣ, смѣлѣйшемъ Перовскаго въ 1857 году. Незаконные поборы съ киргизовъ, различныя притѣсненія ихъ, споры между ними и поселянами форта № 1, завладѣніе пашнями въ долину Ак-Арекъ, а также переправы бухарскихъ каравановъ на казенныхъ судахъ чрезъ Сыръ, отнимавшія доходъ у народа, способствовали къ возстанію киргизовъ въ концѣ 1856 года, въ которомъ особенно отличился султанъ Бюря. Возстаніе это имѣло цѣлю, какъ говорятъ, довести до свѣдѣнія высшаго начальства государя падишаха, какъ выражаются киргизы, о злоупотребленіяхъ низшихъ властей и страданіяхъ народа. Цѣль эта была вполне достигнута: управленіе сыр-дарьинскими киргизами въ то время сдѣлалось по возможности гуманнѣе и жалобъ не слышно — говорить при этомъ г. Мейеръ (на стр. 83)—на что мы не можемъ не замѣтить, что пространство и разстояніе этого края могутъ легко служить препятствіемъ тому, что не всякая жалоба бываетъ услышана своевременно и къ ней слѣдуетъ. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства заключаетъ въ себѣ 911,096 квад. верстъ, принимая 43⁰ сѣв. шир. за южный предѣлъ ея, простираясь отъ Каспійскаго моря, Урала (до Орска) и земли оренбургскихъ казаковъ, до земли сибирскихъ киргизовъ, Сыр-Дарьи, Аральскаго моря и Усть-Урта. Все это пространство, площадь котораго опредѣлить съ точностію нѣтъ никакой возможности въ настоящее время, хотя раздѣлено административно на извѣстныя части, но безъ внѣшнихъ признаковъ этого дѣленія на самой мѣстности, очень бѣдно открытыми прѣсными водами, и представляетъ собою равнину съ незначительными водораздѣлами, но по преимуществу безплодную и пустынную. Рѣки ея, за исключеніемъ Сыр-Дарьи, разливаются сильно весной, но ненадолго; лѣтомъ онѣ всѣ проходимы въ бродъ; озера по преимуществу соланыя, климатъ же представляетъ рѣзкія крайности и переходы отъ жара къ холоду и обратно. Опредѣлить число кибитокъ вообще въ степи не только трудно, но едва-ли возможно, потому что тутъ до сего времени народной переписи не было и быть не могло, киргизы приняли бы такую мѣру за намѣреніе обложить ихъ тягостною повинностію; точно также книги о бракахъ, рожденіяхъ и смертности не ведется, да и вести некому. Посредствомъ подати, платимой киргизами съ кибитки по 1 руб. 50 к., можно приблизительно опредѣлить мѣнѣе числа людей, но распределить ихъ въ нѣкоторой степени вѣрно относительно

територию еще труднѣе, по причинѣ частыхъ перекочевокъ съ мѣста на мѣсто. Принимая въ основаніе, что въ 1862 году поступило прямыхъ налоговъ 296,779 р. 48¹/₂ к. (въ томъ числѣ недоимокъ за прежніе годы — 17,166 р. 12 к., билетнаго сбора и штрафныхъ за просрочку — 47,520 р. 42¹/₂ к. и ежегоднаго кибиточнаго сбора), можно считать не менѣе 160,000 кибитокъ или болѣе 800,000 душъ киргизовъ, которые, принадлежа къ Малой и Средней ордѣ, раздѣляются на поколѣнія, роды, отдѣленія и подъ-отдѣленія. Въ число поминутыхъ кибитокъ не вошло дворянство, то-есть султаны, непринадлежащіе ни къ какимъ родамъ, хотя они кочуютъ обыкновенно съ какимъ-нибудь изъ нихъ и извѣстны въ степи подъ названіемъ *бллой кости*; они считаютъ себя потомками Шайбани, внука Чингиса. Точно такъ же трудно опредѣлить, сколько киргизовъ постоянно кочуетъ и сколько живетъ осѣдло, то-есть занимаются хлѣбопашествомъ, потому что нѣкоторые и теперь соединяютъ одно съ другимъ, а часто осѣдлые, по приобрѣтеніи достаточнаго числа скота, переходятъ въ кочевое состояніе. Можно считать, однако, что всего до 35,000 кибитокъ участвуютъ въ земледѣліи; остальные же—народъ кочевой въ полномъ смыслѣ слова. При этомъ встаетъ замѣтнѣе, что и земледѣіе русскихъ поселанъ не процвѣтаетъ, а идетъ назадъ, какъ потому что киргизы, избѣгая сотрудичества русскихъ, не помогаютъ имъ управлять водою для орошенія полей, а поселане одни не въ состояніи сладить съ нею, такъ и вслѣдствіе положенія русскаго человѣка въ степи, среди націи, стоящей на гораздо низшей степени развитія, нежели онъ. При такой обстановкѣ, онъ не займется самымъ тяжелымъ и невѣрнымъ промысломъ — земледѣіемъ въ степи, а найдетъ средства прожить трудомъ болѣе легкимъ и выгоднымъ, занимаясь, напримѣръ, легкой торговлей, извозничествомъ, скотоводствомъ и т. д. Положеніе поселеній въ степи не даетъ поводовъ ожидать большихъ успѣховъ русскаго хлѣбопашества въ Киргизской степи, по крайней-мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ.

Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ весьма любопытными свѣдѣніями, сообщаемыми Мейеромъ, не только о различныхъ отрасляхъ хозяйства киргизовъ, ихъ промыслахъ, образованіи и всей бытовой жизни, но также объ естественныхъ произведеніяхъ степи и различныхъ видахъ торговли, производимыхъ въ этой обширной мѣстности, мы можемъ сказать, что описаніе это принадлежитъ къ числу какъ самихъ обстоятельныхъ, такъ и въ высшей степени любопытныхъ сочиненій, относящихся до этихъ отдаленныхъ владѣній нашего государства, и составляетъ собой самостоятельную часть общаго описанія нашихъ среднеазиатскихъ степныхъ владѣній, послѣдующіе тому котораго въ непродолжительномъ времени должны появиться въ печати.

НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

THE BATTLE of the Two Philosophies. By an Inquirer. (Борьба двухъ философія, изслѣдователи).

THE CHURCH of England from a New Point of View. By Frank *Sherborne*. (Англійская церковь съ новой точки зрѣнія, Франка *Шерборна*).

THE COAL QUESTION: An Inquiry concerning the Progress of the Nation and the Probable Exhaustion of our Coal Mines. By W. Stanley *Jevons*. (Вопросъ о каменномъ углѣ: изслѣдованіе, относящееся къ прогрессу государства и къ вѣроятному истощенію каменноугольныхъ копей, Станлея *Джевонса*).

THE CONSERVATIVES and Liberals; their Principles and Policy. By J. H. *Murchison*. (Консерваторы и либералы: начала и политика ихъ, Дж. Г. *Мурчисона*).

THE CROWN of Wild Olive: Three Lectures on Work, Traffic and War. By John *Ruskin*. (Вѣнецъ дикой маслины: три лекціи о трудѣ, торговлѣ и войнѣ Джона *Роскина*).

FAIRY REALM. A Collection of the Favourite Old Fairy Tales. Told in Verse by Том *Hood*. (Царство фей. Собраніе лучшихъ старинныхъ волшебныхъ повѣстей. Стихотворенія Тома *Гуда*).

GOLDEN LEAVES from the American Poets. Collected by John W. S. *Howe*. (Золотые листья изъ американскихъ поетовъ, собранные Дж. *Гоузомъ*).

LAST WORDS of Eminent Persons. Edited by Joseph *Kaines*. (Послѣднія слова знаменитыхъ людей. Изданіе Дж. *Кейса*).

LECTURES on Painting. Delivered at the Royal Academy by Henry *O'Neil*. (Лекціи о живописи, читанныя въ королевской академіи Генри *О'Нейла*).

THE LEGENDS and Theories of the Buddhists, compared with History and Science. By R. Spence *Hardy*. (Легенды и теоріи буддистовъ, сравненныя съ исторіею и наукою, Ренса *Гарди*).

Letters from Florence on the Religious Reform Movements in Italy. By William *Talmsidge*. (Письма изъ Флоренціи о движеніяхъ въ Италіи, въ видахъ религіозной реформы, Уильяма *Талмаджи*).

A NEW HISTORY of Painting in Italy from the Second to the Sixteenth Century. By J. A. *Crowe* and G. B. *Cavalcaselle*. (Новая исторія живописи въ Италіи отъ втораго до шестнадцатаго вѣка, Дж. А. *Кроу* и Дж. В. *Кавалькасселла*).

ON THE LAW and Practice of Horse-Racing etc. By Admiral *Rous*. (Теорія и практика коннозаводства, адмирала *Роуса*).

ON A NEW Method of Treating Deafness. By Edward *Bishop*. (Новый способъ леченія отъ глухоты, Эдуарда *Бисшопа*).

THE OPERATIONS of War. By Colonel E. B. *Hawley*. (Военныя дѣйствія, Э. В. *Гамеля*).

VIEWED INTO the History of the British Dog. By George R. *Jesse*. (Исторія британской собаки, Джорджа *Джесса*).

THE SONGS and Ballads of Cumberland; with Biographical Sketches, Notes and Glossary. Edited by Sidney Gilpin. (Пѣсни и баллады Кумберленда, съ биографическими очерками, примѣчаниями и словаремъ. Изданіе Сиднея Джилпина).

ТУРККУ. By J. Lewis Farley. (Турція, Льюиса Фарлея).

LES APÔTRES, par M. Ernest Renan. (Апостолы, Э. Ренана).

LES APÔTRES selon Renan, par Ch. de Vussy. (Апостолы по Ренану, Ш. Вюсси).

AVENTURES d'un gentilhomme breton aux îles Philippines, par P. de la Gironière. (Приключенія британскаго джентльмена на Филиппинскихъ островахъ, г. Жироньера).

CONVERSATIONS générale de M-me de Maintenon, publiée pour la première fois sur les autographes et les manuscrits authentiques avec des notes et commentaires, par Théophile Lavallée. (Общая переписка г-жи Ментенонъ, въ первый разъ изданная по автографамъ и подлиннымъ рукописямъ, съ замѣтками и комментаріями, Т. Лавале).

Dictionnaire de mythologie, par M. Ordinaire. (Мифологическій лексиконъ, г. Ординера).

ÉTUDES historiques. Les finances françaises sous la Restauration etc., par M. le baron de Nervo. (Историческіе этюды. Французскіе финансы во время реставраціи и т. д., барона Нерво).

ÉTUDE sur les opérations militaires des 15, 16, 17 и 18 juin, pendant les cent jours, par Amédée Gasquin. Этюдъ о военныхъ дѣйствіяхъ 15, 16 17 и 18 іюня во время ста дней, Ам. Гаскина).

LA FILLE du maître d'école, par Xavier de Montépin. (Дочь школьнаго учителя, Ксавье Монтэпина).

HISTOIRE contemporaine, d'après le programme officiel du 23 septembre 1868, par M. Brissaud. (Современная исторія, по официальной программѣ 23-го сентября 1868, г. Бриссо).

HISTOIRE de la Bastille depuis sa fondation, 1374, jusqu'à sa destruction, 1789, ses prisonniers, ses gouverneurs, ses archives; détails des tortures et supplices usités envers les prisonniers etc., par MM. A. Arnould, Alboise, Du Pujol, A. A. Maquet. (Исторія Бастиліи, со времени ея основанія, 1374, до ея разрушенія, 1789, ея арестанты, начальники, архивы; подробности о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергались заключенные въ Бастилію, и т. д., Ару, Альбуаза, Дю-Пужоля и Маке).

HISTOIRE des cinq premiers siècles de l'église de France, par M. Ch. Barthélémy. (Исторія первыхъ пяти вѣковъ французской церкви, Ш. Бартеlemi).

HISTOIRE anecdotique de l'ancien théâtre en France, par A. du Casse. (Анекдотическая исторія прежняго театра во Франціи, дю-Каса).

IMPRESSIONS et réminiscences, par Alexandre Massé. (Впечатлѣнія и воспоминанія, Ал. Массе).

JEAN Poigne-d'Acier, récit d'un vieux choan, par O. de Poli. (Жанъ стальной кулакъ, рассказъ стараго шуана, О. Поли).

LA LITTÉRATURE portugaise, son passé, son état actuel, par J. M. Pereira da Silva. (Португальская литература, ея прошедшее и настоящее состояніе, Перейра да-Сильва).

LES MARTYRS inconnus, par Léon Goslan. (Неизвѣстные мученики, Леона Голлана).

ŒUVRES complètes de Molière. Nouvelle édition accompagnée des notes tirées de tous les commentateurs, avec les remarques, par M. Felix Lemaître. (Полное собраніе сочиненій Мольера. Новое изданіе, дополненное примѣчаніями, извлеченными изъ всѣхъ комментаторовъ, и новыми замѣтками, Феликса Лематра).

LES PATRIŌTES des hommes utiles, par G. Chadeuil et H. Lucas. (Патриоты полезныхъ людей, Шадеуль и Люка).

QUATRE années en Océanie, par A. E. Foley. (Четыре года въ Океаніи, А. Э. Фолей).

SCÈNES de la vie aristocratique en Angleterre et en Russie, par E. D. Forgues. (Сцены аристократической жизни въ Англіи и Россіи, Э. Д. Форга).

VOYAGES, combats, naufrages de marins et navigateurs de la marine française, par M. S. de Graves. (Путешествія, битвы, кораблекрушенія моряковъ и мореплавателей французскаго флота, С. Гравс).

ALLGEMEINE Weltgeschichte von Anfang bis jetzt, von Wolfgang Menzel. (Всеобщая исторія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, Вольфганга Менцеля).

EIN BILD aus König Lear. Von August von Heckel. (Картина изъ короля Лира, Августа Гекеля).

WÜSNER aus der Natur. Die wichtigsten Abschnitte der gesammten Naturwissenschaft in populären Darstellungen. Herausgegeben von E. A. Rossmäslers. 7 Bände. Jeder Band wird einzeln gegeben. (Книги изъ природы. Главнѣйшіе отдѣлы естествознанія, популярно изложенные. Изданіе Э. А. Росмелера. 7 томовъ. Каждый томъ продается отдѣльно).

1 Band. GRUNDRISS der Chemie. Von Dr. H. Hirszel. (1 томъ. Основанія химіи, Г. Гирцеля).

2 Band. DIE Familie als Schule der Natur. Von Berth. Sigismund. Mit 47 Holzschnitten. (2 томъ. Семейство, какъ естественная школа, Б. Сигисмунда).

3 Band. DAS SALZ im Haushalt der Natur und des Menschen. Von Dr. Ludwig Meun. Mit 19 Holzschnitten. (Соль въ домохозяйствѣ природы и человека, Л. Мейна).

4 Band. DIE Natur des Hochgebirges mit besonderer Rücksicht auf die Gletscher. Von A. Dräger. (4 томъ. Природа высокихъ горныхъ хребтовъ съ особымъ отношеніемъ къ ледникамъ, А. Дрегера).

5 Band. DIE deutschen Giftpflanzen. Von Dr. Ludwig Heros. (5 томъ. Ядовитыя растенія Германіи, Л. Героса).

6 Band. DAS Wasser und seine Quellen. Von Dr. Heinrich Birbaum. (6 томъ. Вода и ея источники, Г. Бирбаума).

7 Band. DIE Nahrungsmittel und die Ernährung. Von Dr. G. W. Scharlau. (7 томъ. Питательныя средства и питаніе, Г. В. Шарлау).

KAROLINE, Prinzessin zu Schaumburg-Lippe. Ein biographisches Denkmal von E. Meier.

LAND und Leute in Ungarn. Von E. Schwab. (Земля и люди въ Венгріи, Э. Шваба).

LEITFADEN für den Unterricht in der Naturgeschichte. Von Karl *Korpe*.
(Руководство къ изученію естественной исторіи, Карла *Корпе*).

ROXELANE. Tragödie in fünf Acten. Von Theodor *Schlamm*. (Рокселава.
Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Теодора *Шлама*).

UBER das Seelenleben der Thiere. Von Maximilian *Perty*. (О духовной
жизни животныхъ, М. *Перти*).

UBER das Ei der Vögel und der Reptilien. Von F. *Mayer*. (О яйца птицъ
и пресмыкающихся, Ф. *Майера*).

UNTERSUCHUNGEN der Reptilien, welche auf eine Reise im nördlichen Ame-
rika beobachtet wurden. Von M. *Wied*. (Роспись пресмыкающимся, которыя
подвергались наблюденіямъ во время путешествія въ Сѣверную Америку. М.
Вида).

DAS Wappen der Stadt Wien; seine Entstehung und Geschichte. Von A.
Grenser. (Гербъ города Вѣны, его происхожденіе и исторія, А. *Гренсера*).

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

Танцы для фортепьяно.

- GODFREY. Mabel. Valse anglaise (85 к.). Les gardes de la reine. Valse anglaise (75 к.).
FAUST. Marien-Polka (30 к.). Une fleur. Polka-Mazurka (40 к.). Entre nous. Quadrille (60 к.).
GUNGL. Polka des princes (40 к.). Elbröschen-Polka (40 к.). Marien-Polka-Mazurka (40 к.).
HERRMANN. Alexandra-Quadrille (60 к.).
HIMMELMANN. Souvenir-Polka (40 к.).
HOFFMANN. Mazurka de bal (40 к.).
HUENN. Myosotis-Polka-Mazurka (40 к.). Nachtschatten-Walzer (75 к.). Augusten-Polka-Mazurka (40 к.).
KELER-BELA. Souvenir de Wiesbaden. Polka (40 к.).
KOVACS. Les bonvivants. Valse (75 к.).
MÜLLER. Bal de la Cour. Quadrille (60 к.).
PIEFKE. Amazonen-Quadrille (60 к.). Violette-Quadrille (60 к.). Mai-Röschen. Galop. (40 к.).
SCHERBEN. Natascha-Polka (40 к.).
SCHUBERT. Flotte Bursche. Quadrille (75 к.).
WALTHER. Bertha-Polka (40 к.).
WALLERSTEIN. Mazurka de bal (40 к.).
ZIEHRER. Josephine-Polka (30 к.).
BERNARD. Quadrille d'hiver (75 к.). Dagmar-Quadrille (75 к.).
«LE BAL D'ENFANTS». Collection de danses les plus en vogue arrangées à être exécutées par des enfants. 16 №№ (по 30, 40, 50 и 60 к.).

Для фортепьяно въ четыре руки.

- ШУБЕРТЪ. Букетъ изъ русскихъ пьесъ. Попурри, исполненный съ большимъ успѣхомъ оркестромъ г. Страусса. (2 р.).
ARDITI. La Stella. Valse (75 к.). Il bacio. Valse (75 к.).
ASCHER. Dozia-Mazurka à quatre mains (85 к.).
BACH. Les folichons. Polka (85 к.).
BERNARD. Marche cosaque (85 к.).
BEYER. Martha. Fantaisie facile (1 р.).
CRAMER. Le Pardon de Ploërmel. Potpourri (1 р. 30 к.).
FLOTOW. Ouvertures à 4 mains: Stradella (1 р.). Martha (1 р. 30 к.).
HENSELT. Polka favorite (85 к.).
KAPRY. Mazurka mélancolique (1 р.). Première marche (1 р.). Seconde marche (1 р.).
КОНТСКІЙ. Чародѣйка моя. Любимый вальсъ (1 р. 15 к.). Reveil du lion. Caprice heroïque (1 р. 50 к.).

- KETTERER. Caprice hongrois (1 p. 15 к.).
KUBE. Récréation musicale (85 к.). Impromptu Styrien (75 к.).
LACHNER. Marche célèbre de la 1-re Suite (75 к.).
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Hochzeits-Marsch (60 к.). Ouvertures: Athalia (1 p. 30 к.). Les Hebrides (1 p. 40 к.).
OSBORNE. Le barbier de Séville. Duo brillant (1 p. 50 к.).
VILBAC. Beautés du barbier de Séville (1 p. 30 к.). Beautés de Zampa (1 p. 50 к.). L'Elisire d'amore (1 p. 30 к.). Beatrice di Tenda (1 p.).
VOSS. Fantaisies: La Juive (1 p.). Les Huguenots (1 p. 50 к.). Lucrezia Borgia (1 p. 30 к.), Martha (1 p. 15 к.).
WAGNER. Marche célèbre de l'opéra Tannhäuser (1 p.).

Для семиструнной гитары.

- МОРКОВЪ. *Полная школа для семиструнной гитары* (3 p.).
— *Альбомъ для гитаристовъ*. Собрание избранныхъ пьесъ для семиструнной гитары. 30 №№ (по 40, 60 и 75 к.).
АЛЕКСАНДРОВЪ. Собрание сочиненій для семиструнной гитары. Тетр. 1-я (1 p. 50 к.). 8 Мелодій Ф. Шуберта (1 p. 30 к.).

Для гармонифлейты.

- МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты (1 p.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и обьявлены, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пересылку коихъ слѣдуетъ приложить особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го мая пятая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVII), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Ланге, Деве, Кеттерера, Бера, Зелита, Крамера* и др., всего 11 пьесъ. Увертюра въ четыре руки Рейсигера (die Felsenmühle), портретъ А. С. *Дарюмыжскаго* и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться получаютъ сполна всѣ тетради журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *роялины, скрипки, смички, флейты, гитары, гармонифлейты, метрономы, канифоль* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дето лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

Для фортепьяно въ двѣ руки.

ШУБЕРТЬ, В. РАДОСТНЫЙ ОТКЛИКЪ.

Комисаровъ-Маршъ 75 к.

НОВЫЕ ТАНЦЫ Гейнриха Фюрстнова, КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ВЪ ПАВЛОВСКѢ:

Комисаровъ-Поляка 50 к.; Ольга-Мазурка 50 к.; Salut à Pawlowsk.
Valse 85 к.; Idylle-Polka 50 к.

НОВЫЕ, ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ Иоганна Штраусса:

Bürgerweisen. Walzer, Op. 306. 1 p.; Wiener-Bonbon. Walzer, Op. 307. 1 p.; Flugschriften, Op. 300. 1 p.; Damenspende, Polka, Op. 308. 60 к.; Trifolien. Walzer 1 p. 15 к.; Hof-Ball-Tänze. Walzer, Op. 305. 1 p.; Reconnaissance. Polka, Op. 304 60 к.; Bal champêtre. Quadrille, Op. 303, 75 к. Kreuzfidel. Polka, Op. 302, 60 к.; Kinderspiele. Polka, Op. 301, 60 к.; L'Africaine. Quadrille, Op. 299, 75 к.; Blätter und Blüten. Walzer, Op. 298, 1 p.; Electrique-Polka, Op. 297, 60 к.; Episode-Polka, Op. 296, 60 к.; Patrioten-Walzer, Op. 295, 1 p.; Process-Polka, Op. 294, 60 к.; In den Bergen. Walzer, Op. 293, 1 p.; Незабудка. Поляка, Op. 292, 60 к.; Blondin-Quadrille, Op. 291, 75 к.; Kaiser-Alexander-Marsch, Op. 290, 60 к.; Newa-Polka, Op. 289, 60 к.; Persischer Marsch, Op. 288, 60 к.; Verbrüderungs-Marsch, Op. 287, 60 к.; Patronessen-Polka, Op. 286, 60 к.; Studenten-Lust. Walzer, Op. 285, 1 p.; Huldigungs-Marsch, Op. 284, 60 к.; La sérieuse. Polka, Op. 282, 60 к.; Train de plaisir. Polka, Op. 281, 60 к.; Juristen-Ball-Polka, Op. 280, 60 к.; Morgenblätter. Walzer, Op. 279 bis, 1 p.; Saison-Quadrille, Op. 279, 75 к.; Прощаніе. Polka, Op. 278, 60 к.; Hommage au public russe. Попурри на любимые русскіе мотивы 1 p. 50 к.

**ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ Ивана Рёша,
КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ЗАВЕДЕНІЯ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ
ВОДЪ.**

Chico-Quadrille 75 к.; Isler-Polka 60 к.; Amourette-Polka 60 к.;
Pfungstrosen. Walzer, 85 к.; Polka d'enfance 60 к.

ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ Эдуарда Штраусса:

Sonette-Polka 60 к.; Flotte-Bursche-Quadrille 75 к.; Candidaten.
Walzer 1 р.; Mannschaft au Bord-Quadrille 75 к.; Zehn Mädchen
und kein Mann. Quadrille 75 к.; Gruss an St-Petersburg. Polka
60 к.; Sturm-Polka 60 к.; La Simplicité. Polka-Mazurka 60 к.;
Mes adieux. Walzer 1 р.; Souvenir à Pawlowsk. Polka 60 к.;
Diabolin-Quadrille 75 к.; La belle Hélène. Quadrille 75 к.

**ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ Г. Рейнбольда,
КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО ВСПОМОЖЕНІЯ.**

Pauline-Polka 60 к.; Pfiff-Polka 60 к.; Беззаботная-полька 60 к.;
Marie-Polka 60 к.; Les joyeux calicots. Polka-Mazurka 40 к.;
Anna-Polka 60 к.; Mathilde-Polka 60 к.

ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА Эдуарда Брауна:

Mazurka-mélancolique 60 к.; Pflugst-Polka 60 к.; Надежда-полька
60 к.; Lamy-Polka 60 к.; Rigolo-Quadrille 75 к.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *естъ музыкальнныя сочи-
ненія, идъ и ктъ бы то ни было изданнныя или объявленныя въ
какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе нотъ на три руб. сер.,
получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на
десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ
того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ
исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

Х.

УДАРЪ НЕ ПО ЧЕСТИ, НО ПО КАРМАНУ.

Молодой князь Шадурскій собрался за границу, якобы для излеченія отъ опасныхъ ранъ—поэтому, конечно, ему нужны были деньги.

Старый князь Шадурскій проигрался у баронессы фон-Дерингъ — поэтому ему безотлагательно нужны были деньги.

Княгиня Татьяна Львовна Шадурская обѣщала своему другу Карозичу заплатить одинъ его маленькій долгъ; княгиня во что бы то ни стало должна была исполнить свое обѣщаніе, подъ опасеніемъ иначе лишиться его дружбы — поэтому ей, точно такъ же какъ мужу и сыну, необходимо нужны были деньги.

И ни у того, ни у другого, ни у третьей—денегъ въ наличности не было.

Единственная надежда — какъ и всегда, въ подобныхъ случаяхъ, оставалась на Хлѣбонасущенскаго. «У поповича есть деньги», думалъ про себя каждый изъ трехъ членовъ сѣятельнаго семейства: «онъ либо изъ своихъ дастъ, либо откуда нибудь подъ вексель достанетъ».

Поэтому они уже дважды послали за поповичемъ, но того все дома не было. Наконецъ, вечеромъ онъ явился, и явился съ фizioноміей, хранившей солидно-важную опечаленность, словно бы обладатель ея собрался извѣстить о чьей нибудь родственно-близкой кончинѣ.

Онъ вошелъ своею кошачьей, мягкой походочкой, но вошелъ молча, безъ улыбочки, даже височковъ не приглаживая и поклонился съ выраженіемъ сдержанной, но глубокой огорченности.

— Наконецъ-то вы, мой милый, пришли! воскликнула внягина, съ родственно-дружественнымъ упрекомъ. Когда Шадурскіе чувствовали необходимость въ Хлѣбонасущенскомъ, а тѣмъ паче въ деньгахъ, они всегда принимали съ нимъ этотъ, по ихъ мнѣнію, «подкупающій», родственно-дружественный тонъ.

— Prenez place! граціознымъ движеніемъ руки указалъ ему на кресло старый гамень, забывая, что Поліевтъ пофранцузски не смыслить, и въ то же время не забылъ полюбоваться въ зеркало, сквозь одностазку, на свой пестрый галстучекъ и откидные воротнички à l'enfant.

— Ну, что почтаутскіе пѣвчіе? что ваши рыженькія шведочки подѣлываютъ? фамиллярно опривѣтствовалъ его молодой Шадурскій, зная, что сіи два предмета составляютъ сердечную слабость Хлѣбонасущенскаго; и потому разсчитывая, въ нѣкоторомъ родѣ, польстить ему своимъ вопросомъ. О шведочкахъ же постоянно освѣдомлялся онъ еще и въ качествѣ записного кавалериста. Но Поліевтъ Харлампиѣвичъ на всѣ эти любезности отвѣчалъ только поклонами, отнюдь не измѣняя сдержанно-огорченному и постному выраженію своей фізіономіи.

«Чувствуетъ, вѣрно, старый плуть, къ чему клонится дѣло!» подумала съ досадою внягина, однакоже выразить свою досаду она почла неполятичнымъ, а напротивъ того изобразила самую пріятную, самую привѣтливую улыбку и необыкновенно мягко предложила ему расположиться въ креслѣ, поближе къ ней, потому что надо потолковать о дѣлѣ.

Но Хлѣбонасущенскій и тутъ не внялъ ея сладкому призыву и въ креслѣ не расположился, а ограничился тѣмъ, что подвинулъ нѣсколько стулъ и сѣлъ на него, самымъ почтительнымъ образомъ, не прикасаясь даже къ спинкѣ.

Увы! такое начало не могло предвѣщать сіятельному семейству никакого благопріятнаго исхода; поэтому всѣхъ троихъ незамѣтно, однакожъ очень нехорошо передернуло.

— Что угодно приказать вамъ? безлично проговорилъ Хлѣбонасущенскій, съ сдержаннымъ вздохомъ и взорами, долу опущенными.

«Ну, ужъ вѣрно какую-нибудь каверзу подведетъ, каналья!» помыслилъ молодой Шадурскій, и всѣ трое въ одинъ голосъ обратились къ управляющему:

— Денегъ, милѣйшій Поліевекъ Харлампіевичъ! денегъ надо! Добывайте денегъ намъ! До зарѣзу нужно! Необходимо, голубчикъ! крайне! Понимаете ли, крайне необходимо!

Хлѣбонасущенскій паче того опдѣстнилъ фізіономію, и хотя бы слово въ отвѣтъ! Только еще ниже потупилъ въ землю свои взоры.

— Что жъ вы молчите, милый вы нашъ? выручайте! Вы знаете, мы вѣдь отгадаемъ! снова заговорили Шадурскіе.

Поліевекъ немножко откашлялся и началъ тихо, осторожно, внятно, словно бы какую лекцію или проповѣдь.

— Вашимъ сіятельствамъ небезызвѣстно, началъ онъ съ новымъ вздохомъ: — что за послѣднее время наши дѣла сильно разстроились: за прошлый и за нынѣшній годъ мы должны были сдѣлать нѣсколько новыхъ займовъ; доходы съ имѣній очень и очень скудны при этомъ нынѣшнемъ переходномъ состояніи; опять же дѣло съ этою госпожею... съ Бероевой, тоже немало поглотило всяческихъ издержекъ,—я даже изъ своихъ собственныхъ, изъ послѣднихъ денегъ принужденъ былъ расходоваться на него. Все это, конечно, извѣстно вашимъ сіятельствамъ.

При имени Бероевой, молодой Шадурскій старался неопредѣленно смотрѣть куда-то въ сторону, а книгина очень усердно, однако не безъ граціи, расправляла кончиками вязанныхъ пальцевъ пушистую ангорскую бахраму своей легкой накидки, причѣмъ взоры ея были вполне поглощены этимъ занятіемъ. И мать и сынъ, при напоминаніи имъ этого имени и этого дѣла, какъ-будто неволью чувствовали какое-то неопредѣленное смущеніе: имъ было несовсѣмъ-то ловко. Одинъ только гаменъ безмятежно поигрывалъ своимъ стеклышкомъ, любуясь на лакированный носокъ своей прекрасной ботинки, да Поліевекъ Хлѣбонасущенскій сохранялъ вполне невозмутимую степенность, словно бы ни на волосъ не чувствовалъ за собою ничего такого, что бы могло шевельнуть или поскребсти его совѣсть.

— Такъ вотъ-съ, изволите ли видѣть, продолжалъ онъ съ неизмѣннымъ при началѣ вздохомъ:—нѣ приходѣ состоятъ у насъ очень мало, почти сущая ничтожность, тогда-какъ расходы за послѣдніе два года становятся все пуще и пуще, даже съ каждымъ почти мѣсяцемъ все возвышаются. Мы никогда не тратили такъ много, какъ въ это время. Имѣнія-съ и домъ, какъ извѣстно вашимъ сіятельствамъ, давнымъ-давно заложены и перезаложены. Стало быть, что же-съ? Мы вѣдь кое-какъ, слава Созда-

телю, перебивались еще старымъ кредитомъ; нинѣ же, къ несчастію, нашъ кредитъ... Сколь мнѣ ни присорбно, я долженъ объявить это... Я не смѣю утантъ отъ вашихъ сіятельствъ!... Нинѣ кредитъ нашъ лопнулъ... то-есть такъ-таки совсѣмъ, какъ быть надо, лопнулъ-съ!

Хлѣбонасушенскій сокрушенно вздохнулъ, воздѣлъ очи горѣ, сложилъ свои руки и пощелкалъ пальцемъ о палецъ.

Шадурскіе сидѣли, какъ громомъ пораженные, не вымолвивъ ни слова, и только пожирали его своими тревожно-недоумѣвающими взорами. Даже гаменъ забылъ свое стеклышко и лакированный кончикъ ботинки.

— А теперь еще на дняхъ намъ нужно въ опекунскій совѣтъ вносить, и намъ нечѣмъ внести — буквально, *ничемъ-съ!* съ удареніемъ вздохнулъ Полевитъ, показавъ плечами и выразительно шевельнувъ свои брови.

— Кредиту нѣтъ?! Какъ! Помилуйте! Да что же *ем-то* думали? чего же *ем-то* ждали! Это ваша забота! навинулись на него всѣ трое Шадурскихъ. — Кредиту нѣтъ! какъ нѣтъ? почему нѣтъ? да гдѣ же онъ? — Вѣдь былъ же кредитъ! былъ же онъ? Что жъ это значитъ? — Это вы, *ем* виноваты! Это все ваши упушенія, ваша нерадивость! Такъ-то вы насъ любите! Такъ-то вы намъ преданы!

Хлѣбонасушенскій со смиреніемъ выдержалъ этотъ напоръ семейной бури, и давъ ему поуспокоиться, изобразилъ на лицѣ своемъ самую горькую усмѣшку съ оттѣнкомъ мученически-христіанскаго всепрощенія.

— Не думалъ я, началъ онъ растроганнымъ голосомъ: — да-съ!... не думалъ я, чтобы за всю мою усердно-вѣрную и многолѣтнюю службу могъ удостоиться отъ вашихъ сіятельствъ, отъ обожаемаго мною семейства, столь несправедливыхъ, незаслуженныхъ укоровъ!... Я христіанинъ, сердце мое чисто предъ Господомъ: Господь зреть вся моя внутренняя (Хлѣбонасушенскій, говоря это, былъ торжественно-чувствителенъ и растрогано огорченъ). Господь — судія неумытный! *Я* виноваты!... *Мои* упушенія!... *Моя* нерадивость!... *Я* вашъ кредитъ подорвалъ! Да вѣдь у меня у самаго, кровныхъ моихъ денегъ до осьми тысячъ состоитъ за вашимъ семействомъ-съ! И я никакого документа, никакого формальнаго обезпеченія не имѣю! Ну, такъ статочное ли дѣло, какъ будучи въ существованіи своемъ зависимъ отъ вашего благосостоянія — статочное ли, говорю, дѣло, чтобы я самъ

стать нерадѣть, упущенія дѣлать и тѣмъ паче подрывать кредитъ вашъ? Вы теряете — значить, и я теряю; судьба наша общая-съ!

— Нѣтъ, ваше сіятельство!... Нѣтъ! заключилъ онъ съ особенной силой выраженія: — не ждалъ я, истинно могу сказать, не ждалъ я отъ васъ, при старости лѣтъ монахъ, такого укора! Это меня сильно-съ огорчаетъ!... Это... это благодарность за все мое службу!

И Хлѣбонасущенскій, отвернувшись въ сторону, какъ-бы отъ презвитера чувствъ своихъ, нервно вынулъ платокъ, и поднесъ его къ лицу — можетъ быть, для того, чтобы отереть набѣжавшую слезу, а можетъ и просто, чтобы смахнуть остатки табачной пыли съ кончика своего носа.

— Но, позвольте! энергически вмѣшалась Татьяна Львовна, смыслившая болѣе мужа и сына въ своихъ семейно-финансовыхъ дѣлахъ: — вы не виноваты! — Такъ кто же виноватъ? Отчего вы заранѣе не предупреждали насъ, что все это такъ плохо? Мы бы могли поостеречься, принять свои мѣры, ну, наконецъ... наконецъ даже сократить свои расходы, уѣхать отсюда! Зачѣмъ же вы молчали?

Полиевикъ неторопливо поднялся съ мѣста, съ такимъ видомъ, который изобличалъ въ немъ намѣреніе поразить сіятельное семейство самымъ неожиданнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ сильнымъ и неотразимымъ ударомъ. Онъ чувствовалъ свою силу, сознавалъ, что останется правъ и какъ будто нарочно приберегалъ къ концу этотъ милый сюрпризъ.

— Я молчалъ! укоризненно закивалъ онъ головою съ тою же горькой усмѣшкой въ лицѣ и въ голосѣ: — я молчалъ!... Нѣтъ-съ, ваше сіятельство! Неудобно ли будетъ вспомнить вамъ, что еще два года тому назадъ, по прїездѣ вашемъ изъ-за границы, я предупреждалъ васъ! Я предупреждалъ, что Морденко скупаетъ понемногу векселя ихъ сіятельства князь Дмитрій Платоновича, одновременно съ тѣмъ-съ такъ же скупаетъ и документы князь Владиміра Дмитріевича, а равно и ваши-съ, ваше сіятельство! Я тогда же имѣлъ честь доложить объ этомъ.

— Ну, такъ что же! съ неудовольствіемъ вмѣшался старшій гамень: — вѣдь я васъ послалъ тогда къ этому Морденкѣ! Вы какой отвѣтъ привезли мнѣ? — Вы сказали, что онъ нарочно, изъ чувства признательности, скупаетъ мои векселя, помни до-

бро мое. Что онъ не хочетъ, чтобы меня тревожили мои бредиторы! Такъ, или нѣтъ?

— Такъ-съ, ваше сіятельство! Все это совершенно справедливо; но вспомните также и то, что я тогда же предупреждалъ васъ: «эй, не довѣряйтесь, ваше сіятельство! обманываетъ тенѣта плететь!» — Что, не говорилъ я вамъ тогда этого? не говорилъ? А вы мнѣ что отвѣчали на это: «это, молъ, братецъ, не твоего ума дѣло; у насъ, молъ, точно есть старыя счеы и я, молъ, очень признателенъ, что онъ чувствуетъ это». Вотъ она и вышла его признательность! Правда и то, что Морденко дѣлалъ два года, послѣ этого, не тревожилъ вашихъ сіятельствъ; однако же векселя-то все-таки продолжалъ скупать-себѣ пот и хоньку да исподволь. А я что дѣлалъ? — а я нѣтъ-нѣтъ, да время отъ времени и напомию объ этомъ вашему сіятельству, какъ только дойдутъ до меня какіе бы то ни было, хотъ самыя пустячныя слухи: «такъ и такъ, молъ, ваше сіятельство, не вышло бы изъ этого какой опасности!» Стало быть, что же-съ? Я предупреждалъ! я бдилъ! я провидѣлъ! А вы что мнѣ изволили каждый разъ отвѣчать на это? Потрудитесь-бо вспомнить теперь, ваше сіятельство! Вы мнѣ отвѣчали, что я этого не понимаю, что «Морденко скупаетъ векселя, однакоже не тревожить, стало быть, онъ чувствуетъ свою вину какую-то (какую? — о томъ я неизвѣстенъ), стало быть, онъ хочетъ загладить ее, исправить свое поведеніе!» Я очень сожалѣю, что вы, наперекоръ мнѣ, могли быть такъ довѣрчивы. Ваша бдительность была усыплена его коварственной бездѣйственностью въ теченіе двухъ лѣтъ. Но я все-таки вамъ напоминалъ, и неоднократно напоминалъ, только голосъ мой не былъ принятъ въ должное вниманіе; а теперича выходить, я одинъ виноватъ во всемъ! Гдѣ же справедливость, ваше сіятельство, гдѣ же справедливость-то!

Шадурскіе дали кончить Полиевкту его продолжительный и столь патетическій монологъ, и только тогда, какъ онъ выложилъ передъ ними всѣ свои доводы, княгиня Татьяна Львовна рѣшилась предложить ему вопросъ о томъ, какой смыслъ и значеніе имѣютъ слова его о Морденкѣ, при чемъ тутъ этотъ Морденко, и какую роль играетъ онъ во всемъ этомъ?

— Морденко-съ? А вотъ какую роль! не торопись, во многозначительно отвѣтствовалъ управляющій: — Морденко исподволь скупалъ векселя всѣхъ членовъ княжескаго семейства, а наипаче векселя ихъ сіятельства князь Дмитрій Платонича. Скупалъ онъ

ихъ исподволь, незамѣтно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ-съ; и такъ-какъ по обременительности для насъ многочисленныхъ долговъ нашихъ, кредитъ нашъ давненко-таки началъ ужъ падать, а чѣмъ дальше, тѣмъ все больше, то у многихъ кредиторовъ, конечно, явилось сомнѣніе въ возможности получить сполна всю сумму. Ну-съ, а при семъ вамъ, конечно, извѣстно и то, что зачастую занимая наличными деньгами, примѣрно тысячу рублей, документы выдавались на двѣ, и даже случалось, на три тысячи, когда нужда въ деньгахъ бывала такая, что вотъ тутъ ты ихъ сейчасъ вынь да и положи. Стало-быть, что же-съ? На все на это была не моя, а опять-таки ваша собственная воля-съ; а я хотя и представлялъ резоны, однакоже нагло перечить вашему хотѣнію никогда не дерзалъ, потому я не опекунъ-съ, и не мое личное это достоиніе. Я только и могъ совѣтывать да представлять свои резоны, которые не всегда бывали приняты во вниманіе. И стало-быть, что же я-то теперича, при всемъ при этомъ-съ? Извольте вы сами рассудить, по всей строжайшей справедливости! Морденко же, между прочимъ, воспользовался ослабленіемъ нашего кредита и скупалъ по ничтожной цѣнѣ; особенно же вотъ опрометчивые вексельки-то, гдѣ за тысячу иной разъ мы по три писали; а потомъ, современемъ, и того еще дешевле они ему доставались, потому займодавцы, видя такое ослабленіе кредита вашихъ сятельствъ, радѣхоньки бывали рубль за полтину сбывать. Онъ этимъ и пользовался: гдѣ полтину, а гдѣ и по двадцати копеекъ за рубль платилъ, такъ-что, вопервыхъ, документы наши доставались ему исподволь, не дѣлая ущерба его капиталу, а вовторыхъ, почти за ничтожную сумму; и онъ, стало-быть, нисколько не въ накладѣ. Я вамъ всегда говорилъ: «опасайтесь, ваше сятельство, этого Морденку!»

— Ну, и что же изъ этого слѣдуетъ? Что вы такъ распространяетесь? Къ чему ведете это все? — Скорѣе къ дѣлу! нетерпѣливо и досадливо перебили его Шадурскіе — мать и сынъ.

— Дѣло не замедлитъ-съ, спокойно возразилъ Хлѣбонасущенскій: — къ дѣлу-то я это и веду-съ! Извольте ли видѣть, ваше сятельство, дѣло въ томъ, что Морденко въ общей сложности скупилъ нашихъ документовъ на сто-двадцать-пять тысячъ серебра — а это, при существующемъ казенномъ долгѣ, да при остальныхъ нашихъ долгахъ, положительно превышаетъ стоимость нашего имущества. Еслибы мы могли еще уплатить теперь хотя казенные проценты въ опеунскій совѣтъ, то какъ иибудь

можно бы было проволочить дѣло, но теперь — все, рѣшительно все уже коннуло!

— Ну, такъ что жъ, что скупилъ! спокойнѣе замѣтилъ слабнѣе на сообразительность гамонъ: — вѣдь онъ же не желаетъ тѣснить меня! О чемъ же вы, почтеннѣйшій, такъ много беспокоитесь? Умѣрьтесь, говорю вамъ: *les affaires ne vont pas, encore ai mal, somme vous savez.*

Хлѣбонасущенскій поглядѣлъ на него съ грустно и даже презрительно сострадающей улыбкой.

— «Не желаетъ!»... Ваше сіятельство, такъ-таки и полагаете, что «не желаетъ?»—Ну-съ, а я вамъ скажу, что каждый почти изъ купленныхъ векселей былъ уже предварительно протестованъ прежнимъ владѣльцемъ, а нынѣ Морденко—нежелающій-то вашъ—представилъ ихъ въ совокупности къ взыскаіію!... На сто-двадцать-пять тысячъ серебромъ-съ! Вотъ оно и «не желаетъ!»

Извѣстіе это имѣло дѣйствіе бомбы, внезапно упавшей сквозь потолокъ: книжки такъ и окаменѣли на мѣстѣ; князь-гамонъ, вскакивавшій въ это самое мгновеніе свое стеклышко, такъ и застылъ съ нимъ на полупути къ своему глазу; а князь-кавалеристъ, какъ ошпаренный, вскочилъ съ кресла и неподвижно глядѣлъ на Хлѣбонасущенскаго.

Ударъ по карману для сіятельнаго семейства былъ даже гораздо чувствительнѣе ударовъ по фамильной чести.

Одинъ только Полевикъ оставался въ эту минуту грустно-торжественно-спокоенъ и созерцалъ какимъ-то расслабленнымъ взоромъ, попеременно, каждаго изъ трехъ своихъ собесѣдниковъ. И онъ могъ быть спокоенъ, онъ имѣлъ полное право вкушать блаженное безмятежіе, ибо его собственный капиталецъ, тысячонка до ста, сколоченный болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ почти безконтрольнаго управленія дѣлами Шадурскихъ, былъ цѣлъ и хранился въ надежныхъ государственныхъ учрежденіяхъ; а если и терялъ онъ теперь за Шадурскими тысячь до осьми, то все-таки, сравнительно, это была незначительная лепта, на которую убогая вдовнца-Хлѣбонасущенскій могъ, пожалуй, и рукою махнуть — у него все-таки оставался очень да и очень кругленькій капиталецъ для того, чтобы отойти на полный покой, жить баринномъ въ свое удовольствіе и даже, для отдачіи общественнаго долга, быть членомъ «благороднаго собранія».

— Что жъ это теперь!... тюрьма?... разореніе?... Боже-мой! проговорила, наконецъ, книжка, подавленная своими ужасомъ.

— Воля судебъ, ваше сіятельство! воля судебъ-съ! сокрушенно покажь ключами Хлѣбонасущенскій:— что жь дѣлать! Нагъ родился, нагъ и въ землю отыдешь. Смиреніе—вотъ совѣтъ, который предлагаеть премудрый!

— Убирайтесь вы къ чорту! запальчиво закричалъ князь Владиміръ, съ ожесточеніемъ принимаясь шагать по комнатѣ.

Поліевкъ проводилъ его глазами съ выраженіемъ нѣкотораго изумленія, но спокойствію своему не измѣнилъ ни мало.

— Вы люди молодне-съ, ваше сіятельство, скромно замѣтилъ онъ на эту запальчивую выходку:— вамъ оно приличествуетъ, энергія эта; а мы, убѣленные опытомъ, такъ сказать, — мы это понимаемъ глубже-съ!

— Что жь теперь будетъ, мой милый? хлопая глазами, спросилъ его старецъ.

— Кромѣ неблагопріятностей, ничего хорошаго быть не можетъ, ваше сіятельство!... Ничего хорошаго!... За нами есть еще кой-какіе порядочные документишки, кромѣ Морденки, и въ другихъ, постороннихъ рукахъ. Эти же кредиторы, какъ только провѣдаютъ, что подано къ взыскаіію, вонечно, поторопятся сдѣлать то же самое. На недвижность казна секвестръ наложить, а движимость съ молотка пойдетъ. Такъ что мы, значить, и самага дома этого, фамильнаго достоянія предковъ своихъ, должны будемъ лишиться!

Хлѣбонасущенскій говорилъ все это грустно-сокрушеннымъ тономъ, и говорилъ не иначе, какъ въ первомъ лицѣ: *мы и наше*, дабы изъяснить передъ злополучнымъ семействомъ всю близость ихъ горя къ его собственному сердцу, дабы показать имъ, что ихъ радости были когда-то и его радостями, а нынѣ ихъ невзгода есть и его невзгода, при коей онъ самъ, на старости лѣтъ, точно такъ же лишается всѣхъ средствъ къ существованію.

— Но я спокоенъ!... я спокоенъ! съ смиреннымъ достоинствомъ вздохнулъ онъ черѣзъ минуту:— я мужественно подставляю видъ своей судьбѣ: рази меня! я спокоенъ! Я приму удары!

— Чортъ-возьми! Онъ спокоенъ! горячился молодой Шадурскій, забывъ всякую мѣру и приличіе:— онъ спокоенъ!... Я думаю, можно быть спокойнымъ, двадцать лѣтъ набивая свои карманы!

— *Voldemar! au nom du ciel, tais toi!* подняла на него нягиня свои молящія взоры.

— Оскорбленіе ваше не могу почесть для себя таковымъ! за-

мѣтилъ ему Полиевкъ Харлампіевичъ, съ великимъ достоинствомъ, хотя самъ побагровѣлъ отъ гнѣва:—Вседержитель зрѣть мое сердце! Но дабы не подвергнуться ещё какой-либо подобной вспышкѣ, я удаляюсь!

И Хлѣбонасущенскій, холодно и сухо поклонившись общимъ поклономъ, съ достоинствомъ вышелъ изъ комнаты, несмотря на то, что княгиня со старымъ гаменомъ кричали ему вдогонку:

— Полиевкъ Харлампіевичъ, куда вы? мой милый! оставайтесь! Полноте!

Но милый незаблагоразсудилъ вернуться. При настоящемъ оборотѣ дѣлъ, онъ безнаказанно могъ и личное достоинство свое проявить передъ тѣми, которые заставляли его столько лѣтъ выносить всяческіе щелчки и мелваго, и крупнаго свойства, безпрепятственно наносимые его самолюбію и благоразумно имъ терпимые ради бранныхъ выгодъ, которыхъ, повидному, впредь уже не предстояло; стало-быть, теперь и поломаться можно было во всю свою волю.

— Что ты надѣлалъ! Что ты надѣлалъ! Ну, можно ли это! Вѣдь онъ намъ нуженъ еще! съ досадой укорила княгиня своего сына, который въ отвѣтъ ей только рукой нетерпѣливо махнулъ и продолжалъ ходить по комнатѣ.

Гамень глубоко погрузился въ свое кресло и сидѣлъ какъ-то желчно задумавшись. Казалось, этотъ неожиданный ударъ по карману пробудилъ въ немъ нѣчто похожее на серьезное сознаніе, на какую-то тревожно-желчную мысль.

Княгиня, чувствующая внутреннюю потребность сорвать—сорвать на ко-ѣ нибудь хотя часть своей горечи и накопившей досады, съ нескрываемой ненавистью и презрѣніемъ оглядѣла своего жалкаго гамена.

— Вотъ до чего вы довели насъ, съ вашей безумной расточительностью! заговорила она къ нему съ дрожаніемъ истерическихъ слезъ въ напряженномъ голосѣ.

Гамень, не безъ основанія, удивленно взглянулъ на нее съвою одноглазку.

— Да! да! съ силой продолжала взволнованная княгиня:—вашей безопасности, вашей расточительности мы должны быть обязаны тѣмъ, что остаемся теперь нищими! Вы испортили всю карьеру вашего сына! Вы одни причиной этому! Что вы смотрите на меня? Что вы молчите, достойный отецъ!?

— Ну, въ этомъ, пожалуй, и мы съ вами ему помогали!

буркнулъ сквозь зубы молодой Шадурскій, въ то время какъ старій не спускалъ лорнета со своей супруги.

Княгиня вздрогнула, словно ужаленная, вскинувъ глаза на своего сына; однако предпочла оставить безъ возраженія его мало церемонное замѣчаніе и снова, еще съ пушимъ раздраженіемъ обратилась къ злосчастному гамену:

— Да! вы одни всему причиной! Вы помните, какъ вы поступили съ Мордевкой! Не будь той сцены — ничего бы этого не было!

Татьяна Львовна, подавленная своею новою невзгодой, подъ ея горячимъ и ужающимъ впечатлѣніемъ, неблагоприятно дошла даже до нѣкотораго цинизма своихъ воспоминаній, — тѣхъ воспоминаній, которыя всю жизнь она тщетно старалась забыть, заглушить въ глубинѣ своего сердца. Въ эту минуту, въ намежѣ, понятномъ только ея мужу, невольно прорвалась у ней, сквозь кору свѣтской и очень сдержанной женщины, ея непосредственная, неподкрашенная натура.

Гамену показалось оно уже слишкомъ. Онъ поднялся изъ кресель и остановился передъ супругой.

— Такъ по вашему, я долженъ былъ молчать! я долженъ былъ терпѣть весь скандалъ! Нѣтъ-съ, покорно благодарю! (онъ коротко поклонился). Въ этомъ не меня, а себя вините! Все это — достойный плодъ вашей жизни!

Молодой князекъ, шагавшій доселѣ изъ угла въ уголъ, вдругъ обернулся на полпути, по направленію къ своимъ родителямъ, остановился на мѣстѣ и чутко насторожилъ уши.

Родители мгновенно прикусили язычки. Они спохватились, что зашли уже слишкомъ далеко въ обюдныхъ укоризненныхъ воспоминаніяхъ, такъ что даже не обратили вниманія на присутствіе третьяго лица; они ясно увидѣли, что въ конецъ забылись теперь подъ вліаніемъ горечи и злобы, причиненной имъ неожиданнымъ ударомъ по карману. Оба разомъ оскленились и очень сконфузились.

Молодой Шадурскій, которому съ самаго ранняго дѣтства не особенно было знакомо уваженіе къ отцу и матери, и который съ того же самаго возраста очень хорошо видѣлъ и понималъ разныя посторонне-нितिныя отношенія батюшки и матушки, прищурился на отца.

Княгиня вновь побагровѣла и потупилась низко-низко, не смѣя

поднять глазъ на сына. Внутри у нея все кипѣло; истерическія слезы готовы были хлынуть изъ глазъ. Гамеень тоже пребываетъ въ глубокомъ молчаніи, и растерянный, какъ мокрая курица, коса куда-то въ сторону, болтаетъ, по обыкновенію, своею ногою и стеклышкомъ.

— Уйди вонъ отсюда! тебѣ не мѣсто здѣсь! строго возвысила къ сыну голосъ княгиня, не поднявъ однако своихъ взоровъ. Съ каждымъ мгновеніемъ она терлась и раздражалась все болѣе. Эта выработанная, аристократически приличная сдержанность совсѣмъ уже готова была покинуть ее въ столь экстраординарную минуту.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я могу и здѣсь остаться! спокойно возвращая сыновъ:—вѣдь мы, если не ошибаюсь, сводимъ теперь семейные счеты?

Татьяна Львовна съ нервной стремительностью вскочила съ мѣста и, вся внѣ себя, раздраженно бросила въ гамена свой скомканный носовой платокъ; а гамеень въ эту минуту все еще болтаетъ ногою и стеклышкомъ. Къ сыну почему-то княгиня не дерзнула отнестись съ подобной демонстраціей, вмѣстѣ съ которой, не скрывая уже всей глубины самаго пренебрежительнаго презрѣнія и нервнаго бѣшенства, она проговорила мужу:

— Oh! vieux bonnet! и съ рыданіемъ, быстро исчезла изъ комнаты.

Платокъ попалъ по назначенію и скатился на болтающуюся ногу гамена, котораго сей неожиданный пассажъ привелъ въ немалое изумленіе и злобственно вывелъ изъ терпѣнія. — Гамеень почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— Oh! zapristil!... Это... Это уже ~~свинскомъ~~ взыгранно сошвырнулъ онъ съ ноги платокъ княгини, и раздраженнымъ шуткомъ, руки въ карманы, всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Князю Владиміру вся эта сцена, сначала, доставила злорадное удовольствіе.

Потомъ, когда онъ остался одинъ, порывъ злобно-цинической насмѣшливости, охватившей его за минуту до этого, исчезъ съ уходомъ отца. Злобы своей нисколько не утолилъ онъ, несмотря на то, что радъ былъ сорвать ее вначалѣ, на комъ бы то ни было. И хотя ни любви, ни уваженія давнымъ давно уже не питалъ онъ къ этому отцу и къ этой матери—не потому, чтобы считалъ ихъ недостойными такого чувства, это было бы ужъ чересчуръ высоко для князя Владиміра — а просто потому, что

не случилось его какъ-то съ самаго ранняго дѣтства; хотя зналъ онъ и вѣдалъ всѣ ихъ шаловливныя и мало пристойныя старости дѣлшши, однако взаимныя упреки князя и княгини, и намеки на исторію съ Морденкой, произвели на него вдругъ какое-то скверное впечатлѣніе. Онъ понуро сидѣлъ теперь верхомъ на мягкомъ стулѣ, облокотясь на его спинку, и съ мрачной озлобленностью безпощадно грызъ свои образцово-прекрасныя ногти.—А если ужъ до ногтей коснулось, до тѣхъ самыхъ ногтей, которые такъ рачительно воспитывалъ и холилъ князь Шадурскій—стало быть, дѣло выходило ужъ очень и очень плохо. Забытые ногти были принесены въ жертву ощущенію мрачной, но безсильной злобы; при одной ужасающей мысли о томъ, что ему предстонтъ разореніе, что черезъ какой нибудь мѣсяцъ, много два, онъ останется круглымъ нищимъ, безъ средствъ въ самому скромному существованію, съ коимъ никакъ-бы не могъ примириться, безъ возможности продолжать карьеру въ свѣтѣ. За границу удрать нельзя: не выпустятъ, если уже векселя представлены. Придется выдти въ отставку; а выйдешь въ отставку—стало быть, въ долговую тюрьму посадятъ.

— Срамъ... позоръ... нищета! скрипѣлъ зубами Шадурскій, тогда какъ ногти его такъ и щѣлкали подъ этии зубами:—придется удрать... Но куда удерешь?... Въ армію перейти бы, что ли?... Да чѣмъ жить-то станешь?... Жениться?... На содержаніе идти... въ какой-нибудь старухѣ или купчихѣ?... Это бы можно, да не подыщешь сразу, а тутъ тебя пока до содержанія—въ грязь затопчутъ, въ долговой тюрьмѣ сгноятъ... И изъ-за какихъ-то романовъ, я, только я *одинъ* терпѣть долженъ!... За что? за что же? я-то чѣмъ виновать тутъ?... Имъ—другое дѣло! имъ—подѣломъ! Но я-то! я-то при чемъ же тутъ?!..

Послѣднія мысли у князя Владиміра относились непосредственно къ батюшкѣ съ матушкой, и онъ при этомъ совершенно искренно склоненъ былъ думать, что всему злу они одни причиною, а онъ—неповинная жертва. Свой собственный развратъ и личная мерзость даже и въ голову не могли придти юному князю: онъ ихъ нетолѣю не сознавалъ разумно, но даже не чувствовалъ; причеиъ жизнь, подобная той, какую онъ велъ почти съ четырнадцатилѣтняго возраста, почиталась имъ явленіемъ вполне законнымъ, необходимымъ и самымъ естественнымъ, потому—*съ* такъ живутъ, потому нельзя иначе. Они—родители, должны были позаботиться о немъ, о своемъ сынѣ, если ужъ имъ

заблагоразсудилось произвести его на свѣтъ: они не должны были мотать и развратничать до послѣдней минуты, чтобы доставить ему полна средства жить прилично. Не испортъ онъ своего состоянія, своего кредита — ему было бы хорошо; а теперь онъ — жертва! невольная, неповинная жертва! — И князь Владиміръ не скупился на грызку ногтей и самыя энергическія пожеланія га, мену съ отживающей ех-красавицей.

— Чтò же однако дѣлать? чтò дѣлать мнѣ? тщетно ломалъ и ерѣшилъ онъ свою безсильную голову: — одно остается только — пулю въ лобъ!

Но послѣдняя мысль пришла ему такъ-себѣ, съ вѣтру, совершенно внѣшнимъ образомъ, отнюдь невызванная настоятельно, нравственной необходимостью, и поэтому онъ выразилъ ее только такъ, что-называется, съ плеча, болѣе для одной красивой фразы; въ дѣйствительности же мѣлочно-жизнелюбивый князь Владиміръ совершенно не былъ способенъ на самоубійство: силѣни и твердости не хватало.

И такимъ образомъ, долго еще сидѣлъ онъ, погруженный въ безотрадная думы, вотще негодуя на обстоятельства, столь неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ столь рѣшительно хлопнувшія по карману все это блестящее семейство.

XI.

Княгиня изыскиваетъ средства.

Всѣ члены этого семейства уединились — потому тошно имъ было вмѣстѣ: каждый, въ свою очередь, служилъ явнымъ и живымъ упрекомъ двумъ остальнымъ; и кто былъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ изъ нихъ, кто былъ лучше? — рѣшить весьма затруднительно и даже невозможно, такъ что остается только сказать одно: всѣ трое были лучше.

Княгиня съ истерическимъ рыданіемъ убѣжала въ свою спальню и заперлась. Она бросилась на подушку и вырдала первые порывы злости и скоропостижнаго горя. Затѣмъ — затѣмъ она нашла, что время ужъ и успокоиться, приняла двадцать лавровишневыхъ капель, поглядѣлась въ зеркало и, конечно, не могла не сознаться, что истерическій припадокъ смалъ ея прическу и испортилъ тонкій слой изящныхъ бѣлизъ съ румянами. Но въ эту критическую минуту некогда было думать о красотѣ своей фязіономіи. Для княгини предстояла теперь болѣе настоящая

думя о томъ, какимъ образомъ вывернуться изъ безвыходнаго положенія; и надо отдать справедливость: изъ всѣхъ членовъ этого семейства, она одна только обладала тою практической энергичностью, которая въ самыхъ запутанныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни не совсѣмъ-то падаетъ духомъ и до послѣдней минуты старается искать себѣ выхода. Словомъ сказать, княгиня Татьяна Львовна была и энергичнѣе, да пожалуй и гораздо умнѣе своего сына и супруга, сложенныхъ виѣсть.

Долго ходила она быстрой, безпокойной походкой по своей комнатѣ, въ то самое время, какъ гаменъ и кавалеристъ, окончательно обезсиленные и павшіе духомъ, предавались тщетному и безвыходному умишлю въ разныхъ углахъ своего дома. Наконецъ Татьяна Львовна взглянула на часы—было около половины девятаго — и выйдя изъ своего добровольнаго заточенія, приказала позвать къ себѣ Хлѣбонасущенскаго.

Полиевкъ, къ удивленію ея, сказался больнымъ и не пожаловалъ.

— Oh, quelle saignée! съ ожесточеніемъ воскликнула княгиня; однакоже, не взирая на это впрывавшееся отъ чистаго сердца восклицаніе, сѣла къ письменному столу и написала прелюбезнѣйшую записку къ своему милому и родному Полиевку Харлампіевичу, прося его немедленно придти къ ней—лично къ ней одной, для необходимыхъ переговоровъ о дѣлѣ, съ глазу на глазъ, безъ присутствія какого бы то ни было третьяго лица.

Записка, хочешь не хочешь, просила слишкомъ мягко и убѣдительно. Полиевкъ поморщился, почесалъ въ затылкѣ, чертыхнулся порядкомъ, однако же, нечего дѣлать, натянулъ свой свиній фракъ и спустился къ матушкѣ-княгинѣ.

— Чтò угодно приказать вашему сіятельству? въ холодно-почтительномъ согбеніи остановился онъ въ дверяхъ.

— Ахъ, другъ мой, родной вы мой!... Полноте! Вы все еще сердитесь?... Простите, забудьте! Этотъ негодный сорванецъ и меня оскорбилъ — хуже, клянусь вамъ, хуже даже, чѣмъ васъ оскорбилъ! обратилась къ нему княгиня, повидимому съ самымъ дружественнымъ порывомъ, введя его подъ руку (чего никогда еще не случалось) въ свою комнату и усадивъ подлѣ себя на диванѣ.

— Я послала за вами; мнѣ болѣе не къ кому обратиться! продолжала она съ грустнымъ энтузіазмомъ: — вы всегда были самымъ близкимъ другомъ нашего дома, мы васъ такъ любимъ и

вы вѣдь всегда же находили средства выручать насъ въ эти... трудныя минуты! Дорогой вы мой! Придумайте что-нибудь! пожалѣйте вы хоть меня—вѣдь тутъ *все* убивается: имя, честь, состояніе! Боже мой!... Я не перенесу такого удара!... Это страшно, страшно!.. Выручайте насъ!

Хлѣбонасущенскій, въ отвѣтъ на ея порывъ, только плечами пожалъ.

— Что жъ я могу, ваше сіятельство? Я слабъ и ничтоженъ! пробормоталъ онъ съ грустныиъ смиренномудріемъ:—капиталовъ—видитъ Содѣтель мой—не имѣю никакихъ;—если и есть пустачная тысьчонка-другая, то вѣдь это капля въ морѣ. Каплею же пламени не утужишь. А лучше ужъ, я такъ полагаю, приберечь ее на черный день, дабы хотя капля могла утолить жажду въ пустынѣ. Когда уже все погибнетъ, то я, памятуя всѣ милости ваши, охотно подѣлюсь тогда своею каплей съ вашими сіятельствомъ.

Хлѣбонасущенскій нарочно поспѣшалъ размазывать эти сладостныя рѣчи, въ томъ чашин, чтобы предупредить княгиню, еслибы она задумала попросить у него взайми и чтобы въ выставленныхъ ей соображеніяхъ, относительно малой капли, имѣть достаточный поводъ къ благонриличному отказу.

— Э, Боже мой, да вѣдь я не о томъ! перебила княгиня:—благодарю васъ, мой родной, но вѣдь я вовсе не о томъ прошу васъ. Вы найдите мнѣ средства задержать какъ-нибудь иסף этого Морденки, вотъ о чемъ прошу я!

— А какъ его удержишь, ваше сіятельство? Альпійская лавина или какаа-нибудь Ніагара тамъ, что-ли, неудержимы, и одинъ только Звѣдитель можетъ удержать ихъ. Но что же слабый человекъ-то можетъ въ этомъ случаѣ?

Княгинѣ такъ и хотѣлось выгнать отъ себя эту великую дрянъ—она ненавидѣла и презирала его въ эту минуту, презирала въ тысячу разъ болѣе обыкновеннаго и... все-таки поневолѣ изображала на лицѣ своемъ самую дружественную, даже родственно-любящую улыбку.

— Вы видѣлись уже съ этимъ негодяемъ? спросила она.

— Съ которымъ-съ это? недоумѣвая, сдвинулъ на бочокъ свою голову Хлѣбонасущенскій.

— Ну, съ этимъ... какъ его?.. съ Морденкой!

— Нѣтъ-съ еще, не успѣлъ. Я только нынѣшнимъ утромъ получилъ форменное извѣщеніе о его иסף, все это такъ внезапно

произошло, никто и не ожидалъ, а я тѣмъ паче. Да-съ, только нынѣшнимъ утромъ, и все не рѣшался доложить вашимъ сіятельствамъ: духу не хватало, потому — ударъ-съ вѣдь это, очень чувствительный и неотразимый ударъ-съ!

— Вотъ что, я думаю, надо намъ сдѣлать! нашлась княгиня послѣ двухминутнаго молчаливаго размышленья: — поѣзжайте вы къ этому Морденкѣ, упросите его повременить хоть на недѣлю. Когда срокъ Опекунскому Совѣту?

— Да черезъ восемь деньковъ-съ, ваше сіятельство; нед. лѣко-съ!

— Черезъ восемь?—ну, это я успѣю обдѣлать еще! Я достану! Во что бы то ни стало; а достану — брильянты, картины, бронзы, фарфоръ заложу, все заложу, а достану! Проценты внесемъ! энергически разсуждала княгиня: — только вы-то!.. Бога-ради, поѣзжайте! употребите все ваше краснорѣчіе, весь умъ, только пусть онъ согласится обождать одну недѣлю; а вы вѣдь тамъ со всѣми этими чиновниками знакомы, они для васъ сдѣлають, приостановятъ искъ. Ну, въ крайнемъ случаѣ, даже дайте имъ что-нибудь, я отдамъ вамъ потомъ.

— Все оно такъ-съ, ваше сіятельство; да только что же изъ того выйдетъ благопріятнаго-съ? уклончиво возразилъ управляющій.

— Ахъ, Боже мой! какъ что?! нетерпѣливо поднялась княгиня: — лишь бы казенные проценты были уплачены, а тамъ я найду случай, я поѣду, буду просить, къ генерал-губернатору поѣду, къ шефу жандармовъ поѣду, у меня 'связи есть. Неужели ужъ и для меня-то не сдѣлать? Для кого же и дѣлать послѣ этого!.. Я... наконецъ... наконецъ, я даже выше пойду!

Хлѣбонасущенскій съ унылымъ вздохомъ, сомнительно покивала головою.

— Тщетная надежда, ваше сіятельство! Мечтаніе-съ!.. одно только мечтаніе-съ праздное и больше ничего! Ни шефы-съ, ни губернаторы-съ тутъ не вступятся: потому — дѣло оно чистое-съ!

— Но богъ мой! если я васъ прошу! Неужели и этого вы для меня не сдѣлаете! Поѣзжайте, умоляю васъ!

И княгиня съ крѣпкимъ, убѣдительнымъ пожатіемъ граціозно протанула ему обѣ руки — честь, которую отъ нея еще впервые въ своей жизни дождался Хлѣбонасущенскій.

— Хорошо-съ, я пожалуй съѣзжу завтра поутру, согласился онъ.

— Не завтра! нѣтъ, сегодня! стремительно перебила Татьяна Львовна, не отнимая своихъ рукъ: — сейчасъ же, сію минуту поѣзжайте и упросите его!

— Извольте-съ, я готовъ, памятуя все ваше добро ко мнѣ и все расположеніе; но... если не согласится? тогда что? усомнился скептической Полиевкъ.

— Не согласится?..

Княгиня серьезно и рѣшительно задумалась.

— Не согласится... тогда... что же тогда?.. тогда мы самого князя пошлемъ! воскликнула она, озаренная новою мыслью: — я уговорю, я заставлю его, онъ завтра же самъ поѣдетъ! Онъ долженъ это сдѣлать! Онъ лично будетъ просить его!.. Можете даже, въ случаѣ надобности, сами предложить ему свиданіе съ княземъ. А теперь, другъ мой! поѣжайте, поѣжайте, не теряя ни одной минуты и привезите отвѣтъ! Какъ бы ни было поздно— я буду ждать. Господь благослови васъ! До свиданья!

И княгиня до порога своей половины лично проводила Хгѣбнонасущенскаго—особая честь, точно такъ же невиданная имъ въ этомъ домѣ до нынѣшняго дня.

Полиевкъ Харлампіевичъ болѣе чѣмъ когда либо чувствовалъ теперь свою силу и торжествовалъ, сознавая что эта гордая и кровная барыня въ минуту нужды такъ подленько пресмыкается передъ нимъ, кровнымъ семинарскимъ плебеємъ.

А кровная барыня, проклиная межъ тѣмъ въ душѣ своего управляющаго, и именно проклиная-то не за что иное, какъ за это же самое примыканье свое, за то что онъ своимъ упрямствомъ дерзнулъ довести ее до такого лицемѣрнаго униженья, тогда какъ она привыкла только прибавывать ему въ видѣ вѣжливой просьбы—воротилась въ свою спальню, и пройдя оттуда въ извѣстную уже читателю вязанную моленную, горячо стала молиться съ колѣнопреклоненіемъ и земными поклонами, объ успѣшномъ окончаніи миссіи раба божьяго Полиевкта.

XII.

Морденко очнулся.

Покушеніе Грѣчки на жизнь Морденки, произвело на старика самое рѣшительное вліяніе. «А что если вдругъ, не сегодня — завтра тебя изъ-за угла хватятъ, пришибутъ какъ собаку?» подумалъ онъ въ ужасѣ, когда остался одинъ, послѣ ареста Грѣчки и Вересова, произведеннаго въ его собственной квартирѣ: — «разъ не удалось—въ другой ворвутся; сюда же ворвутся и уюкшатъ!... Да и кромѣ того, старость, слабость, хворость, того

гляди, и самъ упрешь... Пошлешь Бога по думу, а ты съ чѣмъ предстанешь? Предъ Судью-то? Съ чѣмъ, окаянный?.. Со слезами да съ проклятіями людскими!... А зачѣмъ онъ тебѣ? Что Судья-то скажешь, какой отвѣтъ дашь?... Да, да, погрѣшь, пожалуй и не усѣеши... Не усѣеши выполнить того, что задумалъ... Всѣ усилія пракомъ пойдуть, и врагъ мой не униженъ будетъ, въ довольствіи останется. Нѣтъ, братья, не дамъ я тебѣ довольства!... Теперь, пожалуй, что и пора. Пора!... Скорѣе надо работать это дѣло... изложить его... Скорѣе, а то упрешь... упрешь и не кончишь!... Не кончишь! — А изъ-за чего же ты всю жизнь свою бился? зачѣмъ униженіе принималъ, отказывалъ себѣ въ нищѣ, въ теплѣ, во всемъ отказывалъ—зачѣмъ? Изъ-за чего ты нищенствовала, скарденничалъ, да столько людскихъ слезъ да крови на голову свою пріалъ?... И все это пракомъ?— Нѣтъ, не быть тому такъ! Не пойдетъ оно пракомъ! Долго я ждалъ, долго готовился, а теперь—пора!... Пора!... Дѣло хорошее: и состояніе свое разомъ приумножу, и врага тѣмъ самымъ нилому... Грѣшно оно по несаию-то, потому — «любите врага вашего»—ну, да ништо: повяемъ. Часовню Богу поставлю, колокольню поставлю, пожалуй; а не то и дѣлаю церковь можно соорудить. Вотъ оно богоугодное-то и будетъ!... Душѣ своей ко спасенію. Оишь же и часть достатковъ своихъ, кромѣ того, послѣ смерти на богоугодное же пожертвую: вдовидамъ и сиротѣмъ отдамъ, часть въ обители монастырскія владыки запишу, на пенни души — пускай ихъ всѣ молятся о упокоеніи раба Іосифа!... Господь милосердъ, онъ пріемлетъ раскаявающагося грѣшника, блуднику не отвергаетъ, и меня не отвергнетъ. Нилому врага, старость покойную обрѣту, а тамъ ужъ всѣмъ остаткомъ дней моихъ, Господу Богу пожертвую на богоугодное... храмъ сооружу... И Господь помилуетъ — милосердъ и многомилостивъ онъ!... А теперь пора!

Морденно испытывалъ холодный, трепетный ужасъ при мысли, что онъ не успѣетъ привести въ исполненіе свою мечь, насладиться ея владычи; что вся цѣль, вся задача жизни его, черезъ преждевременную смерть обратится въ ничто и такимъ образомъ, до смерти не успѣетъ онъ богоугоднымъ дѣломъ обрѣсти себѣ райскія двери. Какъ-то странно и дико жѣлалъ въ этомъ челевѣкъ суевѣрно-мистическій страхъ, религиозная вѣра я чисто земная, почти животная жажда мщенія, съ которою онъ не могъ ризтаться, ибо, вопервыхъ, черезъ эту мечь необыкновен-

но выгодно и разом приумножалъ свое состояніе — для чего собственно и съ какою цѣлью приумножать его, срага не разсуждалъ, такъ-какъ и самъ того разсудкомъ не вѣдалъ; а вторыхъ, еще потому не могъ онъ разстаться съ этой жаждой, что она стала для него чисто-органическою потребностью, ибо сжился и слился съ нею воедино, въ теченіе долгихъ лѣтъ лѣля ея и мечтая о томъ блаженномъ часѣ, когда наконецъ она вполнѣ утолится, когда жизненный подвигъ его увѣнчается полнымъ успѣхомъ; онъ жилъ, и мыслить, и дышалъ только этою надеждой, отбросивъ все остальное—она стала для него *idée fixe*, довела почти до помѣшательства, скритаго, затаеннаго, ибо онъ никому ни разу въ своей жизни не заикнулся объ этой мысли. И вдругъ она не исполнена! Отказаться отъ нея, значило бы отказаться отъ самого себя, похерить весь долгій путь своей жизни, умереть; да онъ бы и умеръ, еслибы его лишили этой единственно живой и отрадной ему мысли.

Это была натура кремнёвая и закаленная, энергическая и страстная, злопамятная и въ высшей степени самолюбивая—тѣмъ особеннымъ самолюбіемъ, которое знакомо сильнымъ людямъ, вышедшимъ изъ грязи, изъ круга ничтожества и пробившимъ себѣ дорогу до степеней высшей знаменитости. Русская исторія, особенно прошлаго вѣка, богата именно подобными личностями. Это же самое самолюбіе, только нѣсколько низшей пробы, свойственно людямъ, которые, подобно Морденгѣ, будучи поставлены въ самыя неблагопріятныя соціальныя условія, будучи по праву рожденія не болѣе какъ крѣпостными холопами своего помѣщика, возвышаются барскими милостями и барскимъ довѣріемъ до степени личнаго камердинера, потомъ дворецкаго, потомъ управляющаго, сколачиваютъ всѣми нелегкими капиталами, мечтаютъ объ выкупѣ на волю, о припискѣ въ купеческое сословіе, о почетномъ гражданствѣ, о женитьбѣ на штаб-офицерской дочери и наконецъ о полномъ панібратствѣ съ господами, которые сами будутъ къ нимъ прѣзжать и сами кланяться. Поставь судьба этого самаго Морденку въ иныя, болѣе благопріятныя условія, да отними отъ него эту узкость ума, дай она его натурѣ болѣе широты и, какъ знать, при такой-то силѣ воли и при такомъ крѣпкомъ самолюбіи, быть можетъ, изъ него вышелъ бы какой-нибудь Меншиковъ, Потемкинъ, Безбородко, Сперанскій. Но теперь онъ не болѣе какъ грязный на видъ срага, темный мѣщаниншико и злостный ростовщикъ Морденко. Въ былое вре-

ня онъ черезчуръ уже много возмечталъ о себѣ, видя расположе-
 ние самого князя, видя раболѣпство обширной дворни предъ
 своей особой, видя наконецъ себя тайнымъ избранникомъ самой
 цыггини, молодой, красавицы и блестящей великосвѣтской жен-
 щины. Трудно, чтобы все это вконецъ не вскружило человѣку
 голову; трудно, чтобы все это не питало самолюбія, развивая
 его втайнѣ до непоимѣрныхъ размѣровъ. И вдругъ пощочина —
 и ея все похѣрено! Самолюбіе ожесточилось, а въ этомъ-то
 ожесточенномъ самолюбіи и крылось его непримиримое оскор-
 бленіе, его неизгладимая злопамятность, потому тутъ уже чело-
 вѣкъ боролся и мстилъ за всю лучшую, какъ онъ понималъ
 ее, сторону своей жизни, развитую, уничтоженную, за свои
 лучшія надежды и самолюбивыя мечты. И вотъ та почва, гдѣ
 сформировался тотъ Морденко, котораго въ данную минуту встрѣ-
 чаетъ читатель въ нашемъ разсказѣ.

Какъ же, послѣ всего этого, возможно бы было ему отказаться
 отъ единственной своей завѣтной мысли?

Доводящій до ужаса страхъ преждевременной, и тѣмъ паче
 скоростпшней смерти, возбужденный столь неожиданнымъ по-
 кушеніемъ Грѣчки, заставилъ теперь старика мгновенно очнуться
 и придалъ ему новую энергію въ достиженіи своей цѣли.

Онъ тутъ же пересчиталъ всѣ свои капиталы, пересчиталъ всѣ
 векселя князя Шадурскаго, его жены и сына, скупленные имъ
 въ разное время, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и по весьма
 различнымъ цѣнамъ, скупленные по большей части очень вы-
 годно, и тутъ овладѣлъ имъ родъ нѣкотораго унынія: онъ зналъ
 состояніе Шадурскихъ, тайно и неуклонно слѣдилъ за его по-
 степеннымъ паденіемъ въ теченіе долгаго времени — и теперь
 увидѣлъ ясно, что все-таки этихъ бумажекъ будетъ еще не впло-
 нѣ достаточно, чтобы вконецъ разорить своего врага. «Все-
 таки останется еще на кусокъ хлѣба!» съ горечью подумалъ онъ,
 въ своемъ ожесточенномъ уныніи: «а надо, чтобы не было это-
 го куска, чтобы ничего не было, чтобы я—я самъ кормилъ ихъ
 въ долговомъ отдѣленіи.—Вотъ чего надобно!»

И послѣ этого онъ, черезъ всевозможныхъ маклеровъ, съ не-
 утомимой энергіей началъ наводить справки, у кого еще имѣют-
 ся векселя Шадурскихъ, ѣздилъ, хлопоталъ, торопился скушать
 ихъ въ свои руки, выторговывалъ за рубль полтину, а гдѣ и
 меньше — и многочисленные кредиторы княжескаго семейства,
 питавшіе весьма слабую надежду на обратное и полное получе-

ніе своихъ капиталовъ, почти всѣ были радехоньки, что подыскивается такой покупатель, у котораго можно хоть что нибудь выручить наличными деньгами, взятьъ призрачно-мечтательныхъ упованій на надавшій съ каждымъ годомъ кредитъ Шадурскихъ. И нельзя сказать, чтобы Морденко особенно жалѣлъ своихъ денегъ на это предпріятіе. Хотя онъ каждый разъ ядовски начиналъ торговаться съ продавцомъ, однакоже въ крайнемъ случаѣ, встрѣчая иногда неподадлиное упорство, выкладывалъ сполна всю требуемую сумму и радостно приобщалъ новую бумажку къ довольно уже полномѣрной пачкѣ скупленныхъ документовъ.

И вотъ, въ этой пачкѣ оказывалось ихъ теперь, вмѣстѣ съ прежними, на сто-двадцать-пять тысячъ серебромъ. Правда, Морденко убилъ на эту сумку значительную часть своего состоянія, но тѣмъ не менѣе, онъ былъ доволенъ и радъ—онъ торжествовалъ въ эти счастливыя минуты, потому зналъ, что все затраченное скоро вернется назадъ, и вернется въ большомъ избыткѣ.

Въ первые годы, когда Морденко только что началъ заниматься ростовщичьими сдѣлками, онъ еще не былъ скрагой: деньги сами по себѣ въ то время не слушили еще для него цѣлю, а только средствомъ, единственнымъ средствомъ къ достиженію иной завѣтной цѣли. Въ то время онъ переломилъ свой характеръ, такъ-сказать, заставилъ самого себя сдѣлаться скрагой; а теперь, когда минуло съ тѣхъ поръ двадцать-два года, когда подошла и нашла на него суровая старость, скражничество, отъ долгаго упражненія, незамѣтно вѣлось въ его натуру до того, что сдѣлалось наконецъ самою сущностью этой натуры, въ которой, кромѣ такого качества да еще старой завѣтной цѣли, ничего ужъ больше и не осталось.

И вотъ, эта цѣль почти ужъ достигнута.

«Сто-двадцать-пять тысячъ», подумалъ старикъ, весь дрожа отъ радости, при мысли, что наконецъ-то настаетъ желанный часъ, въ который ударитъ его ищенье: «сто-двадцать-пять тысячъ — этого будетъ довольно, вполне довольно, чтобы сбросить его; потому тутъ сейчасъ же, вмѣстѣ со мной, и другіе кредиторы приклоннуть».

Морденко отлично зналъ состояніе Шадурскихъ, которое дѣтъ за тридцать, дѣйствительно, было огромнымъ и блистательнымъ состояніемъ. Но, востановивъ и невразумительныя траты, без-

алаберные долги, обезпечиваемые еще болѣе безалаберными векселями, ловкій исподвольный грабежъ Хлѣбонасущенскаго съ братіей и нина подобныя причины, разстроили влонецъ это состояніе, которое по сей день продолжало еще кое-какъ держаться однимъ лишь миражнымъ отблескомъ прежняго величія. Теперь это была форма безъ содержанія, или почти безъ содержанія, роль котораго пока еще замѣнялъ все болѣе и болѣе колеблющійся кредитъ; такъ что стоило только Морденгъ разомъ подать ко взысканію на сто тысячъ, и весь миражъ мгновенно бы исчезъ; состояніе разомъ бы лопнуло, даже и безъ помощи всѣхъ остальныхъ кредиторовъ. Одинъ Морденко могъ легко проглотить его, пуста Шадурскихъ по міру круглыми нищими, или навѣянъ сгноя ихъ въ «долговомъ отдѣленіи».

«Да!... вотъ онъ, эти бумажки!» думалъ онъ, скиная въ рукѣ свою полновѣсную пачку: «вся жизнь на нихъ пошла... вся жизнь!... много слезъ, много крови... пролятія много...»

Онъ закрылъ глаза—и въ его памяти, въ его воображеніи невольно прошло нѣсколько таинныхъ сценъ и образовъ, которые время отъ времени, умножаясь одни другими, врѣзались въ эту память и теперь такъ ярко вызвались и оживились воображеніемъ. Одни вызывали другіе, другіе—третьи и такъ далѣе, и такъ глубже, дѣлю вереницей, въ которой одинъ образъ тонулъ за другимъ, заслонялся третьимъ, и снова выныривалъ, и снова улетучивался. Одни представлялись ярче, живѣе; другіе лишь блѣднымъ и тусклымъ намекомъ, очеркомъ; но всѣ были равно тягостны для души, всѣ глядѣли на старика какимъ-то однимъ великимъ вопиющимъ укоромъ. Закрывъ глаза, онъ жутко закачалъ головою—и дрожащія губы его смутно зашептали:

— Охъ, какъ много, много ихъ!... Много!... Ну, да за то-жъ!

И, не досказавъ до конца свою мысль, онъ съ энергической силой вытянулся во весь ростъ, судорожно сжалъ свои губы—и на желто-сухомъ, блѣдно-мертвенномъ лицѣ его отразилось величайшее торжество и полное удовлетвореніе.

Онъ немедленно же всѣ эти векселя подалъ ко взысканію.

ХІІІ.

Лясій хвостъ.

Осипъ Захаровичъ Морденко собирался уже на покой, такъ какъ старая кузунка его прокуковала девять часовъ вечера, и

си хриплому звуку успѣлъ уже отвѣтить точно такимъ кукованьемъ старый попугай, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъсь, ни разу не упустилъ случая покуковать вмѣстѣ съ часами.

— О-охъ, проскрипѣлъ старикъ, съ усиленіемъ поднимаясь со своего стараго высокоспиннаго кресла: — запирайтесь пора. Христина! запирай у себя дверь на болты!—Время спать!

«На болты, на болты! время спать, спать... Поикъ спать!» болталъ попугай, карабкаясь на свое кольцо. Безносый голубъ также готовился на сонъ грядущій, и онда на голандской печи, хлопываясь своими крыльями, отчего каждый разъ подымалось тамъ цѣлое облако давно-несметаемой пыли.

Въ это время кто-то изъ сѣней дернулъ дверной звоногъ.

— Алчущіе и жаждущіе! покачалъ головой Морденко:— нѣтъ, ужъ будетъ!... будетъ съ меня!... Больше въ закладъ ничего принимать не стану... Довольно!

— Отъѣжи тамъ, Христина! закричалъ онъ старой чухонкѣ:— не принимаю, мошь! Да дверь, гляди, не отирай: черезъ дверь разговаривай.

Вмѣстѣ съ этими словами, старикъ вышелъ въ прихожую и рядомъ съ кухаркой остановился, прислушиваясь подь дверью.

— Кто тамъ? освѣдомилась чухонка.

— Господина Морденку...

— Да кто тамъ? Назовись!...

— Отъ князя Шадурскаго... управляющій... по дѣлу.

При этомъ имени, Морденко встрепенулся и весь даже просіялъ какъ-то.

«Ага! видно, круто пришлось голубчику!» подумалъ онъ съ тѣмъ злорадно-торжествующимъ самодовольствіемъ, которое за послѣдніе дни каждый разъ появлялось у него, при мысли о давнемъ врагѣ. Онъ шопотомъ, торопливо промолвилъ Христинѣ:

— Впусти,пусти его!... Только подожди минутку: дай мнѣ уйдти сперва.

И съ тревожно заходящимъ сердцемъ, быстро зашлепалъ туфлями въ смежную горницу, захватилъ въ обѣ руки по большому ключу — предосторожность на случай защиты, постоянно принимаемая имъ со дня послѣдняго покушенія, и спряталъ ихъ подь свою порыжѣлой шелковой мантилей, поставилъ свой фонарь такъ, чтобы лучи его ударили прямо на входящаго, тогда какъ самъ оставался во мракѣ. Такимъ образомъ, онъ приготовился ко встрѣчѣ.

Вошелъ Хлѣбонасущенскій; но не рѣшась ни двинуться впередъ, ни отступить назадъ, и не различая еще хозяина, въ недоумѣніи оглядывалъ весьма слабо освѣщенную комнату.

Морденко узналъ его.

— Чтò вамъ угодно? неожиданно и несовсѣмъ-то привѣтливо спросилъ онъ, поднимаясь изъ-за раздѣлавшаго ихъ стола.

Поліевскій, неразсчитавшій такого приступа, даже вздрогнулъ немного, и съ смущенной улыбкой пролепеталъ:

— Отъ князя Шадурскаго... Хлѣбонасущенскій — управляющій изъ сїятельства... Имѣю честь съ господиномъ Морденкой?...

— Да, я Морденко. Чтò же вамъ нужно-то?

— Я присланъ отъ князя...

— Гм... А князю чтò нужно?

— Да вотъ, на счетъ нашего взысканія...

— Чтò жь такое взысканіе?... Взысканіе идетъ своимъ законнымъ путемъ: пусть его сїятельство обращается куда слѣдуетъ; а я-то чтò же при этомъ?!

— Тагъ-съ... Но все же желательно было бы переговорить...

— О чемъ же намъ переговаривать? — Сюжета не вижу... никакого сюжета.

— Сюжетъ тотъ-съ, что князь никакъ не предвидѣлъ, не ожидалъ...

— Гм... «Не ожидалъ!...» Долженъ былъ ожидать, коли векся подписывалъ: не на вѣтеръ же они подписываются!

— Тагъ-съ... Но вы даже не предупредили ихъ о своемъ намѣреніи.

— А зачѣмъ бы это я сталъ предупреждать? — Причины къ тому не нахожу никакой. Онъ вѣдь и безъ меня, полагаю, предупрежденъ уже законнымъ путемъ?

— Все это совершенно справедливо-съ; однако, года два назадъ, когда я имѣлъ свиданіе съ вами еще по поводу скупки документовъ, вы объявили, что взыскивать не намѣрены.

— Я и не взыскивалъ тогда.

— Вы говорили, что производите эту скупку изъ благихъ намѣреній, изъ расположенія къ его сїятельству.

— Тагъ точно, изъ расположенія. Вотъ я теперь и докажу мое расположеніе.

Хлѣбонасущенскій затруднился, въ какомъ смыслѣ, по настоящему, слѣдуетъ ему принять послѣднюю фразу.

— Однако, я не вижу расположения, если уже взисканіе пошло, замѣтилъ онъ.

— Гм... усмѣхнулся Морденко: — если князь мое тогдашнее расположеніе принялъ не въ аллегорическомъ смыслѣ, то, я вижу, онъ весьма подобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Своихъ денегъ, государь мой, никто даромъ кидать въ воду не станетъ; а я за бумажки ихъ сіятельства своими бровными платилъ!... Ну-съ, такъ вамъ больше отъ меня ничего не нужно?

— Нѣтъ, я присланъ съ предложеніемъ, чтобы вы повременами дней восемь: вамъ будетъ заплачено сполна.

— Кто это мнѣ заплатитъ?

— Какъ кто? — Конечно, самъ князь. — Кто же другой еще?

— Нѣтъ, князь не заплатитъ, спокойно возразилъ Морденко со стойкой увѣренностью полного убѣжденія.

— Какъ не заплатитъ!... Намъ только суммы наши нужно собрать.

— Никакихъ суммъ у васъ, окромѣ долговъ, нѣту. Что вы мнѣ пустяки говорите! Развѣ я не знаю!

— Позвольте-съ, господинъ Морденко; если я вамъ говорю, стало быть, мы имѣемъ свои расчеты.

— Расчеты-то вы, можете быть, и имѣете, да вѣдь я и свои расчеты тоже имѣю. А денегъ все-таки у васъ нѣтъ, развѣ Господь съ небеси пошлетъ — ну, тогда и представляйте ихъ въ законѣ установленное мѣсто; а я ужь получу оттуда, обо мнѣ не безпокойтесь!

— Но все-таки, князь проситъ васъ, чтобы вы были такъ добры, приостановить на малый срокъ свое взисканіе.

— Не приостановлю-съ. Разъ уже водано, пускай идетъ своимъ путемъ. Заплатите всю сумму сполна, и взисканію конецъ.

— Но вѣдь князь... сама князь проситъ васъ!

— Самъ князь проситъ меня!... Спасите, какая честь!... проситъ... Ну, передайте ему, что я благодарю за честь, но исполнить просьбы все-таки не могу. — Такъ и скажите! А теперь, полагаю, вамъ ужь больше ничего отъ меня не нужно?

Хлѣбонасущенскій видѣлъ, что старикъ весьма явно вынуждываетъ его изъ своей квартиры, но ему не хотѣлось уѣзжать, не увеза съ собою хотя малѣйшей тѣни какой-нибудь надежды для княгини Татьяны Львовны. «Чертъ ихъ знаетъ, можетъ быть, еще ихъ дѣла и въ лучшемъ вамъ-каждъ обернутся; можетъ,

сынъ на шиншѣвскихъ деньгахъ женится», соразмысливать все-сторонній Полевикъ: — все можетъ быть—чѣмъ чортъ не шутить! Такъ мнѣ выгодъ своего-то положенія упускать не слѣдуетъ.»

Вслѣдствіе такихъ соображеній, онъ медлилъ уходомъ, межъ тѣмъ, какъ Морденко, въ ожиданіи отвѣта на свой вопросъ, не сводилъ съ него недовольныхъ и сухо-строгихъ глазъ, какъ будто слѣдя за малѣйшимъ его движеніемъ.

Полевикъ, ощущая на себѣ эти неотводные глаза, чувствовалъ нѣкоторую неловкость, однако же, преодолевъ ее, посеменилъ на мѣстѣ, откашлялся съ улыбочкой, и очень мягкимъ голосомъ обратился къ собесѣднику:

— Послушайте, господинъ Морденко, все же, какъ бы то ни было, а не мѣшало бы переговорить объ этомъ дѣлѣ.

— Излишне-съ! сухо повеловилъ старикъ, причемъ нечаянно распахнулись полы его накинутой на плечи мантили, обнаруживъ подъ собою два ключа въ скрещенныхъ рукахъ Морденки.

— Нѣтъ, но все же... вѣдь князь не кто-нибудь, продолжалъ Полевикъ мягко-лискимъ убѣдительнымъ тономъ:— вѣдь это особа-съ, человекъ со связями, вліятельный-съ! А вѣдь и то сказать, пословица-то говорится: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

— Я ничего не потеряю! положительно перебилъ Осипъ Захаровичъ:— мое дѣло чистое. Можетъ быть, его сіятельству угодно будетъ оспаривать подлинность его документовъ, такъ изъ этого ничего не произойдетъ; себя только пуще замараютъ: дѣло чистое-съ, я зналъ, что покупалъ. Ни одна бумажка не прошла безъ самой строгой и точной провѣрки: всѣ, какъ есть, по формѣ, въ маелерскихъ книгахъ помѣчены. Нѣтъ-съ, это напрасно! Совсѣмъ напрасно, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь!

— Да я не о томъ-съ, возразилъ Хлѣбонасущенскій:— а я собственно насчетъ того, что какъ же это вдругъ, такая особа... почтенная... извѣстная... и вдругъ — такое дѣло!... Тутъ-съ уже... такъ-сказать... принцыпъ страдаетъ...

— Что это значить «принцыпъ» — такъ, какіе, вы изводили сказать?... Что это такое? — Я, извините-съ, немножко въ толкъ себѣ не взялъ.

— Это... принцыпъ... это — начало... Всѣми уважаемое семейство, принадлежащее къ высшему сословію-съ... ко всѣми уважаемому сословію... и вдругъ — вы, ничему не вникая, подаете

на насъ во взысканію, разомъ на такую сумму... это можетъ компрометировать.

— Кого компрометировать? прищурился Морденко.

— Да все семейство-съ! Какъ же не компрометація, ежели вы, помимо частнаго соглашенія съ семействомъ, такъ-таки прямо ко взысканію подаете! Оглашаете, такъ-сказать; публичность вводите.

— Что жь, это поучительно! ехидно усмѣхнулся Осипъ Захаровичъ.

— Поучительнаго не нахожу, сухо и обидчиво возразилъ Поліевкъ Харлампіевичъ; но вслѣдъ за симъ, сейчасъ же постышилъ придать всю прежнюю мягкость своему тону: — нѣтъ-съ, господинъ Морденко! Право, частное соглашеніе и для васъ, и для насъ было бы лучше! — повѣрьте, такъ! Потому — мы бы условились, назначили бы сроки — и въ пять-шесть лѣтъ долгъ былъ бы погашенъ со всѣми процентами даже, какіе могли бы тамъ еще и впредь причестся.

Хлѣбонасущенскій закинулъ удочку на счетъ процентовъ, въ томъ чаяніи, что поддѣнетъ на нее скрагу-ростовщика; онъ говорилъ все это, не имѣя однако даже блѣднаго понятія о былыхъ отношеніяхъ князей Шадурскихъ къ этому человѣку, говорилъ, надѣясь, что посредствомъ такого маневра успѣетъ, вопервыхъ, дней на восемь затянуть дѣло, а тамъ, быть можетъ, при удачномъ опутываніи, еще лѣтъ на пять оттянуть минуту гибели для княжескихъ дѣлъ. Но этотъ паукъ попалъ не на ту муху.

— Ни въ какіе сроки вы мнѣ не заплатите, говорю вамъ! нетерпѣливо перебилъ его Морденко: — ужъ вы лучше съ этими предложеніями подѣзжайте къ другимъ, а не ко мнѣ. И нечего, стало быть, намъ ни словъ, ни времени тратить понапрасну. Прощайте-съ, я спать хочу.

— Но нѣтъ, послушайте, почтеннѣшій! рѣшился Поліевкъ еще на одну попытку: — что бы вамъ, и въ самомъ дѣлѣ, повидаться бы да переговорить лично съ самимъ княземъ? Поѣзжайте-ко завтра прямо къ нему! Я устрою такъ, что онъ васъ приметъ безъ всякихъ околичностей. Да и самъ онъ, пожалуй, не прочь бы повидаться съ вами. Поѣзжайте-ко, право!

Хлѣбонасущенскій понималъ, что единственная надежда на маломальски благопріятный исходъ заключается въ личномъ свиданіи Морденки съ Шадурскимъ — сама Татьяна Львовна свазала, что въ случаѣ крайности, придется послать къ нему князя — но пріѣздъ его къ ростовщику Поліевкъ считалъ уже самою край-

ней и рѣшительно послѣднею мѣрою; поэтому онъ все-таки предварительно попытался-было сохранить тотъ наружный декорумъ, который, по его разумѣнiю, соответствуетъ важности и значенiю княжескаго имени, обстановки и социальнаго положенiя. Онъ думалъ, что для дѣла сначала достаточно будетъ, если ростовщикъ и самъ пожелаетъ къ князю, а не князь къ нему; онъ старался при этомъ дать ему замѣтить, что вѣдь князь не кто нибудь, что и то ужъ достаточная честь оказывается бывшему холопу, если его лично приглашаютъ къ бывшему его барину, что дѣла Шадурскихъ вовсе не такъ плохи, какъ это можетъ казаться, что, наконецъ, и самая уплата далеко не невозможна, послѣ новыхъ условiй при личномъ свиданiи.

Поліевитъ все еще не совсѣмъ-таки терялъ надежду хоть какъ нибудь обогнать стараго скрагу; но онъ рѣшительно ошибся.

Въ отвѣтъ на послѣднее предложенiе, Морденко шага на два откинулся назадъ, вперилъ въ своего гостя изумленный взоръ, и очень выразительно захохоталъ.

— Ха, ха, ха, ха! саркастически сухо и раздѣльно раздался по комнатѣ его деревянный, и какъ-бы нарочно дѣланный хохотъ.

«Ха, ха, ха, ха!» вслѣдъ за нимъ отделинулся изъ клѣтки хриплый голосъ передразнивающаго попугая.

Морденко повосилъ туда съ видимымъ удовольствiемъ, и указавъ рукою на клѣтку.

— Вотъ — глупая птица — попугай, сказалъ онъ Хлѣбонасушенскому: — совсѣмъ глупая птица, а и та понимаетъ, сколь это смѣшно, сколь недостойно было бы съ моей стороны ѣхать къ его сiятельству!... Ха, ха, ха!... Поѣхать!... Зачѣмъ я поѣду? зачѣмъ? для чего? съ какой стати? Нѣтъ, государь мой, не вижу я въ тому никакой причины. — На извозчика только понапрасну истратишься, либо подмѣтки задаромъ изшарыгаешь! Это пускай ужъ баре катаются да прогулки дѣлаютъ, а нашему брату на извозчиковъ проѣзжаться не приходится: не по карману, судырь, не по карману. Такъ-то-съ!

Хлѣбонасушенскiй, понимая, что удочка лопнула, стоялъ, какъ въ воду опущенный, а Морденко съ слѣднимъ самоудовольствiемъ прошелся по комнатѣ.

— Если его сiятельству нужно видѣть меня, заговорилъ онъ съ разстановкой: — то квартира моя извѣстна: можетъ и ко мнѣ прѣѣхать; а самому мнѣ дѣлать визиты — не приходится: не по

чину, батюшка, не по чину-сь! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, говорить пословица, и я очень хорошо это понимаю.

— Вы хотите, чтобы князь самъ къ вамъ прѣхалъ? встрепенулся Хлѣбонасущенскій: — хорошо, я передамъ ему ваше желаніе; можетъ быть, онъ и согласится.

Морденко съ неудовольствіемъ остановился противъ него и нахмурился.

— Я, милостивый государь мой, вовсе этого не желаю, отгрѣзаль онъ съ прежней отчеканкой: — до его согласія мнѣ нѣтъ никакого дѣла, потому я вовсе и не приглашаю его, а говорю только, если у человека есть до меня дѣло, то не я къ нему, а онъ ко мнѣ можетъ пожаловать. Вотъ и все-сь. А особенной чести въ княжескомъ посѣщеніи я для себя не усматриваю: намъ вѣдь съ барами компанію нѣ водить — мы люди мелкіе-сь, маленькіе, темные... Такъ-то-сь!

— Нѣтъ! вы не такъ меня поняли! поспѣшилъ поправиться Хлѣбонасущенскій: — князю нужно видѣться съ вами — отчего жъ ему и не прѣхать! Онъ, я увѣренъ, съ удовольствіемъ поѣдетъ къ вамъ.

— Это какъ ему угодно! пожалъ плечами Морденко: — коли буду дома, конечно изъ квартиры не выгоню; если застанеть меня, то увидитъ, а не застанеть — и вторично прѣдетъ, буде нужда есть такая.

— Онъ къ вамъ, я думаю, завтра будетъ, посланіиъ Полиевъ Харлампіевичъ.

— Завтра, такъ завтра! — Мнѣ это рѣшительно все единственно: особенно ждать не стану.

— Часовъ стагъ около двухъ, сдавался все болѣе и болѣе Хлѣбонасущенскій: — для васъ это не составитъ особеннаго неудобства?

— А право не знаю, какъ вамъ сказать... буду дома, такъ приму! Скрываться мнѣ отъ него нѣчего! Пушай его прѣзжать, коли охота есть.

— Хорошо-сь, такъ въ два часа онъ будетъ у васъ.

— Будетъ, такъ будетъ! это его дѣло.

— Но вы согласны ожидать его?

— Если особенныхъ занятій не представится, отчего же? можно и обождать.

Морденко, въ сущности, отъ всей глубины души своей, и всей каждой, вѣтъ хотѣньемъ сердца своего, желалъ этого посѣде-

ніа. Смутная, но злобно отрадная мысль о немъ мелькала передъ старикомъ и прежде еще, въ завѣтныхъ мечтахъ о томъ, какъ онъ сокрушитъ врага своего и какъ этотъ когда-то гордый врагъ станетъ ползать и унижаться передъ своимъ бывшимъ холопомъ. Смутная мысль о посѣщеніи Шадурскаго, о свиданіи съ нимъ, гдѣ онъ выскажетъ этому барину все, что такъ хотѣлось ему высказать, гдѣ онъ «вдосталь накуражится» надъ униженнымъ врагомъ — мысль эта, говоримъ мы, была вѣнцомъ всѣхъ мыслей Морденки о мщеніи, вѣнцомъ всего мщенія, вѣнцомъ всей жизни его — и вдругъ теперь, этотъ врагъ самъ подаетъ надежду на ея осуществленіе! Морденко трепеталъ отъ злобной радости при этой надеждѣ; но тѣмъ не менѣе, считалъ нужнымъ помолаться, и это ломанье доставляло ему теперь истинное наслажденіе: онъ уже торжествовалъ въ самомъ ломаньѣ этомъ, въ самой возможности выказать передъ посредникомъ своего врага все равнодушное (на видъ) пренебреженіе къ этому врагу. Въ эту минуту страстно-ненавидящая душа его предвкушала уже то наслажденіе, то блаженство, которое предстоитъ ей завтра, при личномъ, давно мечтанномъ свиданіи съ униженнымъ врагомъ, когда можно будетъ уже во всю свою волю покуражиться и помолаться надъ нимъ. Морденко былъ счастливъ уже одною возможностью, однимъ ожиданіемъ, съ трудомъ выдерживая свой сухой и холодно равнодушный видъ.

Хлѣбонасущенскій еще разъ заявилъ о посѣщеніи Шадурскаго въ два часа и любезно откланялся. Когда же заперлась за нѣтъ дверь, Морденко, какъ безумный, съ радостью хлопая въ ладоши, и кохоча своимъ хриплымъ, деревянно скрипучимъ смѣхомъ, вбѣжалъ въ свою комнату.

Вокволодъ Кротовскій.

ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Статья четвертая.

Дѣло Юганна-Германа Лестока было, какъ говорится, въ шляпѣ. Веденіе и исходъ этого дѣла, при незначительности положенія главнаго дѣятеля, лейб-хирурга цесаревны, соединялись съ большими затрудненіями и опасностями, и требовали, если не большей смѣлости, то большаго искусства, нежели низверженіе всѣми ненавидимаго Бирона, задуманное и въ тотъ же день совершенное фельдмаршаломъ Минихомъ. Фельдмаршалъ былъ какъ-бы призванъ къ своему подвигу самою матерью царствовавшего императора, черезчуръ опекаемою Бирономъ, что придавало дѣйствіямъ Миниха, пользовавшагося давнишнею извѣстностію и особеннымъ уваженіемъ всего русскаго военнаго сословія, видъ какой-то законности. Такихъ важныхъ выгодъ не имѣлъ на своей сторонѣ Лестокъ, затѣявшій уничтожить правительство, ни кого и ничѣмъ небезноковавшее и, повидимому, вполне гарантированное двукратною присягою всей Россіи. Хотя, что замѣчено выше, имя цесаревны значительно обезпечивало шансы Лестока, а французскіе червонцы много сглаживали путь къ достиженію его цѣли, лейб-хирургъ все-таки игралъ въ чрезвычайно опасную игру и проигрывалъ ее не иначе, какъ на плахѣ или на колесѣ, съ вѣроятностію умереть даже безъ того сожалѣнія, которое, въ подобномъ же случаѣ, невозможно возбудилъ бы къ себѣ во многихъ заслуженный и знаменитый Минихъ. Къ особенному счастью Лестока, ничего подобнаго, какъ мы видѣли, не случилось — и онъ имѣлъ всѣ права, сравнивая оконченное имъ дѣло съ миниховскимъ набѣгомъ, очень выгодно щекотать собственное свое самолюбіе, а съ другой стороны, твердо надѣяться на милости къ себѣ новой императрицы.

Полная довѣрленность Елизаветы къ новому лейб-медву незамедлила обнаружиться въ первые же дни правленія ея величе-

ства, ознаменованные милостями къ однимъ, гоненіемъ другихъ и совершенною перетасовкою въ высшихъ слояхъ чиновной іерархіи. Тогда, по ходатайству Лестока ¹, возвращены изъ шпильсбургскаго и ивангородскаго заточеній князья Василій и Михаилъ Владиміровичи Долгорукіе, а Алексію Петровичу Бестужеву отдано прежнее старшинство въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, «для его извѣстно неповиннаго претерпѣнія» ². Слѣдовательно, первый опытъ вновь возникшаго значенія перваго лейб-медика былъ благодѣтеленъ для другихъ. Но это значеніе, несмотря на всю кажущуюся его неизблемость, вовсе не обольщало умнаго Лестока. Онъ справедливо рассчитывалъ, что дальнѣйшее пребываніе его при петербургскомъ дворѣ, соединенное съ особенными милостями императрицы, можетъ обратиться въ положительный вредъ ему, Іоганну-Герману, потому что будетъ неразлучно съ интригами и вознями завистниковъ, сдѣлаться жертвою которыхъ весьма нетрудно. Новый лейб-медикъ находилъ для себя гораздо удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ прикинуть на счетахъ услуги свои императрицѣ, получить, что будетъ слѣдовать ему, наличностію, и—по добру по здорову—убраться изъ Россіи въ какойнибудь Целле, гдѣ, опочивая на лаврахъ, вкушать плоды совершеннаго подвига. Этотъ, дѣйствительно, благоразумный образъ мыслей Лестоуъ не усомнился тогда же исповѣдать самой императрицѣ. Удивленная намѣреніями своего лейб-медика, Елизавета пожелала узнать ихъ причину. «Боюсь, государыня, пророчески отвѣчалъ Іоганнъ-Германъ—что мое возвышеніе наживетъ мнѣ враговъ, которые, очерняя меня въ глазахъ вашего величества, устроятъ, можетъ быть, мою ссылку» ³. Тогда императрица ласково ободрила Лестока, милостиво обнадежила его въ неизмѣнномъ къ нему благоволеніи и столь же милостиво не согласилась отпустить его изъ Россіи, на что у ея величества былъ свой расчетъ, конечно, вѣрный. Дворъ новой государыни, въ началѣ составленный на-скоро изъ людей до сихъ поръ незначительныхъ, низко рожденныхъ, даже малограмотныхъ, обязанныхъ мгновеннымъ восхожденіемъ по степенямъ ранговой таблицы единственно слѣпому случаю, пестрѣлъ смѣшеніемъ личностей, нерѣдко забавныхъ ⁴, и далеко не представлялъ императрицѣ богатаго выбора способныхъ и дѣльныхъ помощниковъ, въ ко-

¹ Geschichte des russischen Staats, von der Ernst Hermann. Hambourg, 1853; V, 185.

² См. Им. ук., данный прав. сенату 29 ноября 1741 г.

³ Manstein, 444—445.

⁴ Denkwürdigkeiten, 81—82.

торыхъ ея величество существенно нуждалась ¹. Князь Черкасскій и князь Трубецкой, недавніе приверженцы Елизаветы, хотя и были, сравнительно съ другими, дѣльцы омытѣйшіе, но еще болѣе отличались, одинъ своею лѣнностію, другой пронирливостію, и оба жестокосердіемъ; Ушаковъ и Чернышевъ, устарѣвшіе придворные Петра, не имѣли другихъ достоинствъ; князь Куракинъ только и могъ быть обер-штабмейстеромъ. Оставался Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, но и этотъ единомышленникъ Бирона, вѣроломно измѣнившій низвергнутому герцогу, состоялъ, съ того времени, не у дѣлъ, находилъ какъ-бы подъ спудомъ. О Воронцовѣ говорить нечего, онъ былъ еще очень юнъ. Въ такой средѣ и при такихъ обстоятельствахъ, умный и просвѣщенный Лестоку выигрывалъ чрезвычайно и, разумѣется, останавливалъ на себѣ вниманіе государыни, всегда имѣвшей въ немъ разумнаго совѣтника и только что видѣвшей опытъ его самоотверженнаго, по ея мнѣнію, усердія. Стало быть, Лестоку, помимо давнишней привычки Елизаветы къ его услугамъ ², оказывался необходимымъ ея величеству, какъ императрицѣ и самодержицѣ.

Наконецъ, между причинами, сохранившими Россіи еще одного временщика, могли существовать и просьбы дражайшей половинки Іоганна-Германа, грязной Алиды, весьма естественно желавшей принять участіе въ начинавшемся значеніи своего супруга и побывать на своемъ вѣку важной барыней.

Какъ бы то ни было, Лестоку остался въ Россіи и при дворѣ; слѣдовательно — долженъ былъ принять мѣры къ дальнѣйшему сохраненію своего случайнаго значенія, а прежде всего, къ обезпеченію своего домашняго спокойствія.

Послѣдняго, Іоганнъ-Германъ, незатруднявшійся въ выборѣ средствъ, думалъ достигнуть скорѣйшею карою соперника своего въ обладаніи прелестями невѣрной Алиды. Благодаря внушеніямъ мстительнаго супруга, баронъ Куртъ Александръ Шембергъ, вскорѣ по воцареніи Елизаветы, устраненъ отъ управленія горнозаводскою частію ³, подвергнутъ отчету, начету и аресту, получилъ свободу не ранѣе 1745 года (и то стараніями жены своей, нарочно вѣдвизшей въ Саксонію просить тамошній дворъ о ходатайствѣ за ея мужа) и, заплативъ 200,000 руб., оставилъ Россію. Впослѣдствіи, самъ же Лестоку отдавалъ справедливость

¹ Extr. d. dép., 98.

² Hermann, V, 9.

³ Вскорѣ упраздненъ и самый генералъ берг-директоріумъ, замѣненный, въ іюль 1742 году, берг-коллегіею.

Шембергу, какъ администратору, и открыто говорилъ, что баронъ не былъ казнокрадомъ ¹. Касательно же личнаго положенія Лестока при дворѣ, лейб-медикъ былъ вполне убѣжденъ, что оно состоитъ въ тѣсной связи съ упроченіемъ за провозглашенною недавно императрицею ея прародительскаго престола. Подобное убѣжденіе, оказавшееся внослѣдствіи совершенно ошибочнымъ, съ самаго начала заставило Лестока быть бдительнымъ и ревнивымъ стражемъ самодержавія Елизаветы, а за нимъ, какъ полагалъ лейб-медикъ, и собственнаго своего благополучія. Случай выказать такое эгоистическое усердіе представился Лестоку очень скоро — и навсегда рѣшилъ судьбу брауншвейгскаго семейства. Ухватясь за нѣкоторыя показанія судимыхъ тогда Остермана и Минниха ², полагавшихъ правительницу уже въ безопасности и потому, для собственнаго спасенія, взводившихъ на нее разныя обвиненія ³, Лестокъ, естественно обезпокоиваемый предположеннымъ освобожденіемъ имъ же низверженной фамиліи ⁴, поспѣшилъ пустить въ ходъ новыя внушенія, которыя увѣичались такимъ же успѣхомъ, какъ и первыя, сдѣланныя по поводу барона Шемберга. Брауншвейгское семейство, тайнственно и поодиначкѣ вывезенное уже, подъ козломъ, изъ Петербурга — съ выдачею 30,000 руб. на подъемъ, обѣщаніемъ пенсін въ 50,000 руб. и взятіемъ обязательства никогда не возвращаться въ Россію ⁵ — и медленно направлявшееся тогда по рижской дорогѣ въ Германію, было остановлено въ Ригѣ и здѣсь стѣснено заключеніемъ.

Итакъ, новыя проблески могущества Лестока выказали въ немъ человѣка, одинаково способнаго и благодѣтельствовать людямъ, ему немѣшавшимъ, и приносить жертвы собственному эгоизму.

Одновременно съ кознями противъ Шемберга и брауншвейгскаго семейства, лейб-медикъ былъ занятъ высочайше порученными ему переговорами съ прусскимъ министромъ въ Петербургѣ Мардефельдомъ и перепискою съ самимъ королемъ Фридрихомъ II, по поводу *быстраго* и *секретнаго* путешествія въ Петербургъ ⁶

¹ Anecd. interess. V. 36.

² Слѣдственную комиссію надъ Остерманомъ и др. составили: ген. Ушаковъ, ген.-прокур. кн. Трубецкой, ген. Левашовъ, об.-штабл. кн. Куракинъ, тайн. сов. Нарышкинъ и бывшій презид. юстиц-коллегіи кн. Голицынъ. Протоколъ засѣданій велъ Ив. Ив. Беккой.

³ Relation exacte et circonstanciée de la guerre entre la Moscovie et la Suède. Utrecht, 1742, II, 14.

⁴ Hermann. V, 14.

⁵ Relat. exact. etc. I, 130.

⁶ Тамъ же. II, 26.

племянника Елизаветы, герцога голштинскаго Карла-Петра-Ульриха, и, такимъ образомъ, неожиданно замѣшался въ политику. Но политическое состояніе тогдашней Европы, раздѣленной знаменитою прагматическою санкціею на два враждебные лагеря, походило на что-то въ родѣ кризиса и требовало отъ политическихъ дѣятелей того времени соображеній глубокихъ, осторожности чрезвычайной и способностей испытанныхъ. Лестокуъ понималъ это очень хорошо, сознавалъ себя неприготовленнымъ ни къ чему подобному, имѣлъ еще на своей шеѣ посуду шведамъ и, не надѣясь на поддержку благодѣтеля Шетарди, обратился за другою—къ человѣку опытному, казавшемуся другомъ Лестока и способному, по мнѣнію лейб-медика, изъ одной благодарности, остаться навсегда его надежною во всемъ помощію. Въ такихъ видахъ, Лестокуъ рекомендовалъ императрицѣ Алексѣю Петровичу Бестужева и ходатайствовалъ у ея величества о назначеніи своего друга вице-канцлеромъ, на мѣсто разжалованнаго и судимаго графа Головкина. — «Ты не думаешь о послѣдствіяхъ, отвѣчала императрица ходатаю Бестужева:—самъ связываешь для себя пукъ роговъ»¹. Со всѣмъ тѣмъ, Бестужевъ, женатый на нѣмкѣ Беттигеръ, бывшей гувернанткѣ Елизаветы², и поддерживаемый старикомъ Червасовымъ, управлявшимъ кабинетными дѣлами ея величества, былъ утвержденъ вице-канцлеромъ, и, спустя нѣсколько времени, вполнѣ оправдалъ предсказанія императрицы Лестоку. Лейб-медикъ, предвидя, что политическія порученія на собственную его долю не ограничатся одною перепискою съ прусскимъ королемъ, озаботился еще принсканіемъ себѣ умнаго и образованнаго секретаря и пригласилъ въ эту должность датскаго уроженца *Адама-Бургарда Селмъ*, извѣстнаго, впоследствии, подъ именемъ *Никодима*, русскаго монаха-писателя³.

Между тѣмъ значеніе лейб-медика возростало, и награды сыпались на него одна за другою. 18-го декабря того же 1741 г., въ день рожденія императрицы, Іоганнъ-Германъ Лестокуъ, «для оказанной отъ него чрезъ многіе годы вѣрной службы и особенной вѣрности къ высочайшей ея императорскаго величества особѣ»⁴, назначенъ генерал-директоромъ медицинской канцеляріи,

¹ Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques, par Spada. S. Petersbourg. 1816. II, 666—667.

² Отецъ этой Беттигеръ, въ 1716 и др. гг. былъ русскимъ резидентомъ при нижне-саксонскомъ округѣ. У него, въ Гамбургѣ, всегда останавливались Петръ и Екатерина, пожаловавшіе ховану собственныя свои портреты.

³ См. словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, митроп. Евгенія. С.-Петербург. 1818. II, 464.

⁴ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1741 г., № 102.

то-есть главою всей медицинскои части въ Россіи. Это новое званіе, приписанное въ таблицѣ о рангахъ ко 2-му классу, соединялось съ особымъ жалованьемъ по 7,000 рублей въ годъ, приносило еще болѣе дохода отъ выдачи разрѣшеній на медицинскую практику въ Россіи и, разумѣется, обращало въ нуль бывшее до того медицинское первенство добраго старика Іоганна Бернгарда Фишера, послѣдняго русскаго аркіатера, тотчасъ же повпросившаго объ увольненіи, «которое и дано было ему съ великою честію»¹.

Въ тотъ же день, 18-го декабря, Лестоку пожалованъ брильянтовый портретъ императрицы, цѣною въ 20,000 руб., для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, «а вечеромъ — пишетъ Финчъ — г-жа Лестокуъ была на придворномъ балѣ и всѣ кавалеры, которымъ удавалось протанцовать съ нею, считали себя счастливыми»².

Вознесенный, и такъ быстро, на возможную для медика высоту, Лестокуъ ясно сознавалъ, что цѣли его достигнуты, и самъ видѣлъ, что было бы смѣшно и неблагоприятно желать еще большаго.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, недоставало Іоганну-Герману Лестоку?

Чужеземецъ, онъ самодовольно созерцалъ въ настоящемъ правленіи Россіи дѣло рукъ своихъ; выходцу изъ Целле, ему низко кланялись русскіе сановники; самъ, когда-то ничтожный узникъ въ Шателе, онъ теперь выслушивалъ мольбы знаменитаго заключенника Остермана³; авантюристъ, онъ наслаждался рѣдкою удачей; корыстолюбецъ, онъ осизалъ крупныя выгоды. И чтобы сохранить, по крайней-мѣрѣ, послѣднія, Лестокуъ намѣревался пристально заняться ввѣренною ему медицинскою частію, не вмѣшиваясь, по возможности, ни въ серьезную политику, ни, тѣмъ болѣе, въ придворныя интриги.

Но такое намѣреніе, едва-ли выполнимое въ любой придворной средѣ, оказывалось химерою при дворѣ Елизаветы, особенно въ отношеніи къ новому генерал-директору медицинскои канцеляріи, мнѣнія и совѣты котораго императрица, какъ мы видѣли, полагала для себя необходимыми. То-есть, Лестокуъ вовсе не готовился жребій одного изъ его петровскихъ предѣстниковъ, Робертуса Карловича Арескина, «о добромъ обхожденіи котораго его царское величество хотя довольные опыты имѣлъ, но его ни въ какія

¹ Ист. медиц. въ Россіи, III, 278.

² Extr. d. деп., 90.

³ Остерманъ, находясь въ вѣрности, приглашалъ къ себѣ Лестокуъ, который вслѣдствіи уликъ, но не могъ помочь ему.

государственны дѣла, *кроме съ лекарства*, не употреблялъ ¹. Первому лейб-медику Елизаветы приходилось, напротивъ, ежедневно убѣждаться въ своей политической роли и, для начала, объявлять требуемыя отъ него мнѣнія о шведскихъ дѣлахъ, которыя въ то время были на первомъ планѣ несформировавшейся еще политикѣ новаго русскаго правительства. Эти шведскія дѣла, конечно, лежали на совѣсти Лестока и, при неблагополучномъ исходѣ своемъ, могли бы повредить личному положенію лейб-медика при дворѣ императрицы. Стало бытъ, устроить ихъ къ своему благу, для котораго они и были затѣяны — вотъ чего естественно желалъ Лестокъ. Еслиже при его личномъ выигрышѣ выигрывала и Россія — тѣмъ лучше. А такъ-какъ для начала, пока новое русское правительство еще не укрѣпилось и не успѣло привыкнуть къ веденію дѣла, и тѣмъ болѣе войны, слѣдовало усыпить шведовъ ожиданіемъ всего, что имъ обѣщано, но не повторять обѣщаній, то, при самомъ воцареніи Елизаветы, было заключено изустное перемиріе съ Левенгауптомъ ², и въ томъ же духѣ предписаны конференціи съ шведскими министрами, назначенныя въ Выборгѣ.

При своей исключительной прикосновенности къ шведскимъ дѣламъ, Лестокъ и въ другихъ отношеніяхъ былъ поставленъ не менѣе исключительно. Изъ всѣхъ иноземцевъ, только съ нимъ, да еще съ Шварцемъ, обнимались и панибратствовали грубые лейб-компанцы, презиравшіе все нерусское и, въ свою очередь, одни изъ всѣхъ русскихъ пользовавшіеся правомъ до того буйно и неделикатно паровать съ своими женами во дворцѣ, что для личнаго спокойствія самой императрицы, изъ всѣхъ дворцовыхъ апартаментовъ едва оставался одинъ.

Но и при подобномъ порядкѣ вещей, продолжавшемся, однакоже, не болѣе трехъ первыхъ недѣль по воцареніи Елизаветы, Лестокъ, все-таки, оставался иностранцемъ, и разумѣется, не могъ сдѣлаться русскимъ. А это племенное прозвище, при свѣжихъ еще воспоминаніяхъ о недавнемъ изгнаніи Брауншвейгцевъ, чрезвычайно возвысилось въ цѣнѣ и требовалось по преимуществу. Всѣ и каждый поставляли себѣ въ особую заслугу быть русскими — и правительство до того гласно обвиняло иностранцевъ въ бѣдахъ, причиненныхъ Россіи, также въ лишеніи до сихъ поръ дочери Петра ея законнаго наслѣдія, что присутствіе, напримѣръ, графа Головина между гонимыми, а Юганна-Германа Лестока между любимцами, представляло анахронизмъ весьма забавный въ томъ

¹ Голицевъ. VI, 192.

² Императрица послала къ Левенгаупту изгнаннаго шведскаго капитана Дюрова.

отношеніи, что сама императрица, повсюду отыскивавшая всѣхъ, кто былъ или служилъ при родителяхъ ея величества, видимо желала окружить себя исключительно соотечественниками. Архіепископъ (Амвросій Юшкевичъ), знаменитый проповѣдникъ того времени, увлекался господствовавшимъ мнѣніемъ, гремѣлъ съ кафедръ придворной церкви противъ иностранцевъ, «внутреннихъ и сокровенныхъ враговъ нашихъ», и въ самый день рожденія императрицы, торжественно проповѣдывалъ, что въ предшествовавшее царствованіе, иностранцы, «людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными *претекстами* губили и разорали, и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казни государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе произвели, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали». «Они — продолжалъ проповѣдникъ — только тѣню, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою въ Россіи пребывали; всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море выслали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали» и т. д.

Все это было совершенно справедливо и завѣщевалось потомству тѣмъ самымъ легиономъ иностранцевъ, на который мы указывали въ началѣ нашей статьи.

Но Іоганъ-Германъ Лестоукъ, космополитъ въ душѣ и на дѣлѣ, не гнался ни за тѣмъ ни за другимъ племеннымъ прозвищемъ. Съ другой стороны, онъ зналъ про себя, что настоящимъ порядкомъ вещей въ Россіи, какъ бы ни витѣствовалъ проповѣдникъ противъ нерусскихъ, и Россія и русскіе одолжены, нѣкоторымъ образомъ, ему, Лестоку, чужеземцу. Несмотря на то, первому лейб-медіку и генерал-директору медицинской канцеляріи, все-таки было какъ будто неоволоко одиночествовать между придворными патриотами; и онъ искренно желалъ скорѣйшаго пріѣзда въ Петербургъ племянника императрицы, герцога Голштинскаго, съ свитою котораго ожидалъ себѣ товарищей, то есть чужеземцевъ. Но еще раньше исполненія этого пріятнаго для Лестова ожиданія и недѣлю спустя послѣ публичнаго шельмованія Остермана и другихъ павшихъ знаменитостей, лейб-медикъ, 25 января 1742 года, былъ взысканъ новою милостію къ нему императрицы. «Ея Императорское Величество—гласилъ именной указъ, данный въ тотъ день сенату—пожалованнаго отъ Ея Величества декабря 18 дня, прошедшаго 1741 года, Іогана-Германа

* Словарь Бятышъ-Каменскаго. 1, 48.

Лестока, за его особенныя оказанныя вѣрныя и давныя услуги и чрезвычайное искусство, первымъ лейб-медикомъ *ex parte* ¹ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, изъ особенной ея императорскаго величества въ нему милости и въ разсужденіи вышеписанныхъ, оказанныхъ отъ него услугъ, всемилостивѣйше его Лестока пожаловали въ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; а старшинство ему въ томъ чинѣ имѣть съ вышеписаннаго декабря съ 18-го дня прошлаго 1741 года ². Недѣлю спустя, высокопревосходительный Лестоко долженъ былъ отплысывать на свадьбѣ вѣрнаго товарища своего по 25-му ноября, камергера Воронцова, женившася на двоюродной сестрѣ императрицы, Ан. Карл. Савронской — и непременно отплысывать, потому что свадьба эта, въ силу особаго высочайшаго распорядженія, праздновалась во дворцѣ, по точному образу и подобію свадьбы петровскаго времени, о которыхъ не разъ подробно рассказываетъ намъ камер-юнкеръ Берхгольцъ въ своемъ любопытномъ «Дневникѣ». Наконецъ, 5-го февраля, прибылъ въ Петербургъ племянникъ императрицы, герцогъ Голштинскій, котораго ожидалъ Лестоко съ такимъ нетерпѣніемъ; и новый лейб-медикъ императрицы незамедляя завязать тѣсныя отношенія съ первымъ гофмаршаломъ и наставникомъ герцога *Брюннеромъ*, успѣшилъ ознакомиться съ обер-камергеромъ его высочества *Берхгольцемъ*, авторомъ только что упомянутаго нами «Дневника», уже непервыя видѣвшимъ Россію.

Въ то же самое время, Пецольдъ, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, доносилъ своему двору, что «придворное значеніе Лестока превышаетъ всѣ остальные значенія. Лейб-медикъ докладываетъ императрицѣ обо всемъ, отъ малаго до большаго, и никто не отваживается положить предѣлъ такому странному порядку вещей» ³. Къ этому Пецольдъ присовокуплялъ: «Лестоко часто высказываетъ мнѣ, что желалъ бы возвратиться къ своему своему положенію. Онъ жалуется, что министры, не рѣшаясь лично докладывать императрицѣ дѣла, имѣющія предметомъ или выпрашиваніе у ея величества какой нибудь благодѣтели, или доведеніе до высочайшаго свѣдѣнія чего нибудь непріятнаго, обыкновенно убѣждаютъ его взять этотъ трудъ на себя и, въ благодарность, платять ему одною ненавистію» ⁴. Не всегда, впрочемъ, непріятныя доклады взваливались на Лестока другими;

¹ То-есть, за-урядъ.

² «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1742 г., № 12.

³ Hermann, V, 9.

⁴ Тамъ же.

случалось, что они, такъ-сказать, наклеивались сами, и вотъ тому примѣръ. Однажды къ Лестоку явились неизвѣстные люди, въ вакичь-то чепменяхъ, и начали ему кланяться. Лейб-медикъ милостиво спросилъ неизвѣстныхъ людей, кто они и что имъ надо? Неизвѣстные люди отвѣчали, что они—башкирское посольство, прѣехали изъ Астрахани, живутъ въ Петербургѣ вотъ уже два мѣсяца, совсѣмъ поиздержались, а о допускѣ ихъ на аудіенцію въ императрицѣ нѣтъ и поминна. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что посольство это, прѣехавшее съ жалобой на астраханскаго губернатора Татищева, задерживаетъ канцлеръ, князь Черкасскій, который получилъ отъ Татищева 30 т. руб. Лейб-медикъ тотчасъ же довелъ все дѣло до свѣдѣнія государыни, и ея величество, пославъ немедленно представить себѣ пословъ, спросила Лестока: почему же, если не докладываетъ канцлеръ, молчитъ вице-канцлеръ? Этотъ вопросъ доставилъ лейб-медику возможность объяснить ея величеству о ходѣ дѣлъ въ иностранной коллегіи, лежавшихъ по мѣсяцу на дому у канцлера, который не сообщалъ о нихъ даже вице-канцлеру, а послѣдній не осмѣливался докладывать самопроизвольно ¹.

Въ такомъ положеніи были придворныя дѣла Лестока, когда ему пришлось слѣдовать за императрицею въ Москву, куда ея величество отъѣзжала для своего коронаванія, назначеннаго въ апрѣлѣ. Дворъ оставилъ Петербургъ 22-го февраля. Переѣздъ до Москвы продолжался трое сутокъ. Императрица совершала это путешествіе въ *линетъ*, съ мѣстами и столомъ внутри; обитыми зеленымъ сукномъ ². Лестока сопровождала его супруга. По всей дорогѣ отъ Петербурга до Москвы, «жители городовъ и деревень о прибытіи *желаемой* своей государыни чрезвычайную радость оказывали» ³. Молодыя ѣлки, поставленныя по обѣ стороны зимняго пути, представляли подобіе аллей. У каждой подставы эти аллеи были двойныя, съ воротами, украшенными зеленью. Ночью, путь освѣщался иллюминаціею смоляннхъ бочекъ. Въ селахъ и деревняхъ, мужчины становились по одной сторонѣ дороги, а женщины по другой, и такъ встрѣчали императрицу. Отъ всѣхъ церквей по пути, проѣзжавшая императрица привѣтствовалась торжественнымъ звономъ; изъ всѣхъ монастырей, въ преднесеніи хоругвей, выходила на встрѣчу ея величеству вся братія. Народъ повсемѣстно восклицалъ ура! ⁴ 26-го февраля, импе-

¹ Bergmann. V, 18—14.

² См. Московская оружейная палата. Москва, 1860, стр. 261.

³ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1742, № 20.

⁴ Тамъ же.

ратрица прибыла въ с. Всесвятское, гдѣ приняла всеподданнѣшя поздравленія московской знати, а 28-го февраля имѣла торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу русскаго царства.

Съ чувствомъ, похожимъ на торжество побѣдителя, созерцая счастливый лейб-медикъ рады гвардейскихъ, армейскихъ и ландмилицкихъ полковъ, танувшіеся отъ Тверскихъ воротъ, по Кремлю, до самой Яузы; любовался украшеніями и надписями триумфальныхъ воротъ, нарочно возвыгнутыхъ на разныхъ пунктахъ Москвы¹; слушалъ привѣтственные канты семинаристовъ; какъ бы самъ принималъ *презенты*, подносимые купечествомъ государынѣ, и съ полнымъ самодовольствіемъ заключилъ свой день баломъ въ Яузскомъ дворцѣ, гдѣ остановилась императрица. Непосредственно за въѣздомъ, послѣдовали придворные выходы, обѣды, куртаги, непрерывавшіеся до самой коронаціи, и требовавшіе, конечно, постоянного присутствія перваго лейб-медика государыни.

Но въ то же самое время еще большаго вниманія Лестока требовали шведскія дѣла, потому что трехмѣсячный срокъ перемирія съ шведами уже истекалъ. Шведскій главнокомандующій, Карлъ-Эмиль Левенгауптъ, услуживъ новому правительству въ Россіи согласіемъ на самое перемиріе², питалъ надежды на близкій и выгодный для Швеціи миръ и, вѣруя въ значеніе Шетарди, защитника шведскихъ интересовъ при русскомъ дворѣ, держалъ свою армію на зимнихъ квартирахъ, тогда какъ Финляндія оставалась безъ всякой обороны. Не вида, однакоже, никакихъ признаковъ близкаго мира, потому что Выборгскія конференціи не кончались ничѣмъ, Левенгауптъ, связанный самъ руками и ногами стогольмскимъ сеймомъ, раздѣленнымъ на множество партій, не зналъ что дѣлать и, съ истеченіемъ перемирія, отправилъ на всякій случай въ Москву полковника Лагеркранца, съ предложеніемъ продлить перемиріе еще на два мѣсяца. Но въ Москвѣ знали уже что дѣлать. Ловкій Лестока, принимая въ основаніе своихъ соображеній внутренніе раздоры тогдашней Швеціи, безъ которыхъ все могло бы быть иначе, ви-

¹ Триумфальныхъ воротъ было четверо: 1) на Тверской, у Земляного города—отъ Московской губерніи; 2) въ Китай-городѣ, близъ радовъ—отъ синода; 3) на Мясницкой, у Земляного города — отъ купечества; 4) при р. Яузѣ—отъ дворцоваго вѣдомства.

² Современники считали Левенгаупта однимъ изъ главнѣйшихъ дѣателей благополучно совершившейся въ 1741 г. перемѣны правленія. См. Schreiben eines Freundes wegen der Execution so an denen gewesenen Staats-Ministern zu S. Petерб. den 29 Jan. 1742 ist vollzogen worden, s. 8.

дѣлъ въ то же время Левенгаупта вполне усиленнымъ, а Финляндію совершенно беззащитною. Съ другой стороны, лейб-медикъ находилъ правительство императрицы уже достаточно упроченнымъ для того, чтобъ принять самостоятельный тонъ, который и незамедлил обнаружиться. Императрица, до сихъ поръ поставленная въ необходимость скрывать свое справедливое неудовольствіе на притязаніи шведовъ, требовавшихъ Карелии, Выборга и Кексгольма, съ частію Ливоніи, громко заявила теперь это неудовольствіе и, съ истеченіемъ перемирія, послала нарочнаго сказать Левенгаупту, что если Швеція несогласна принять миръ на основаніяхъ нейштадтскаго трактата, миру не быть. Казаки тогда же ворвались въ Финляндію, Ласси отправился къ Выборгу, у котораго сосредоточилось до сорока тысячъ русскаго войска, а Лагеркранцъ и де-Крепи, шпіонъ маркиза Шетарди при Левенгауптѣ, пріѣхали въ Москву, гдѣ первый не имѣлъ никакого успѣха, можетъ быть потому, что безъ вѣдома императрицы затѣялъ предлагать шведскую корону племяннику ея величества, герцогу Голштинскому ¹.

Послѣ такого распорядка шведскихъ дѣлъ, значеніе Лестоуа въ Москвѣ продолжало сохранять тотъ же характеръ, какъ и въ Петербургѣ. Лейб-медикъ почти безвыходно былъ во дворцѣ, всюду сопровождалъ императрицу и даже, великимъ постомъ, когда въ апартаментяхъ богомольной государыни было — по выраженію тогдашнихъ вѣдомостей — «все тихо», оставался въ числѣ немногихъ постоянныхъ собесѣдниковъ ея величества. Кромѣ того, пользуясь самъ правомъ беззапретнаго входа къ императрицѣ во всякое время, Лестоуъ, состоявшій уже на жалованьѣ Франціи, доставлялъ и представителю этой державы въ Россіи, маркизу Шетарди, аудіенціи у монархини, недоступныя другимъ иностраннымъ посламъ, а именно — лейб-медикъ вводилъ маркиза даже въ опочивальню императрицы, гдѣ ея величество, по случаю частныхъ коліевъ, безвыходно оставалась иногда цѣлыя недѣли ². Такое ревностное служеніе Лестоуа пользамъ Франціи сильно не нравилось Бестужеву, которому, однакоже, со времени его вице-канцлерства, платили и Англія и Австрія. Не говоря уже о томъ, что интересы этихъ двухъ державъ были совершенно противоположны французскимъ, вице-канцлеръ тѣмъ

¹ Лагеркранцъ, пустой крикунъ, предводитель молодежи на беспорядочныхъ шведскихъ сеймахъ. Возвратившись изъ Москвы, онъ объявилъ молодежи, что герцогъ Голштинскій не прочь быть шведскимъ королемъ—здоровье герцога, подъ именемъ Карла XIII, лилось уже на офицерскихъ парусахъ, вслѣдствіе чего Левенгауптъ велѣлъ арестовать Лагеркранца. См. Негmann. V, 54.

² Тамъ же, 10.

болѣе преисполнялся досадою, что самъ онъ, иногда, по недѣлямъ не видалъ государыни, и при этомъ едва могъ разсчитывать на четверть-часовой докладъ—тогда нагъ Лестоуъ былъ домашнимъ человѣкомъ ея величества, и пользуясь этимъ, всегда могъ съ удобствомъ развивать внушенія Шетарди ¹. Отсюда неприязнь вице-канцлера къ лейб-медику, сначала скрытая.

Между тѣмъ приблизилось время коронаціи, въ которой должность верховнаго церемоніймейстера была возложена на барона Любраса, нѣкогда сверстника Лестока при дворѣ Петра I. 22-го апрѣля, на московскихъ улицахъ явились герольды, съ объявленіемъ народу о днѣ совершенія священнаго обряда. Ими предводилъ генераль-бригс-комисарь Бутурлинъ, другой знакомецъ лейб-медика по двору цесаревны, при Петрѣ II. 23-го апрѣля императрица переселилась изъ Яузскаго дворца въ Кремлевскій-Потѣшный. Здѣсь занялись разрѣшеніемъ споровъ о мѣстахъ при церемоніалѣ, возникшихъ между иностранными послами. Лейб-медикъ дѣятельно участвовалъ въ совѣщаніяхъ—и ему именно высказано было высочайшее мнѣніе, что ди-Ботта, посолъ Марин-Терези, меньше всѣхъ имѣетъ право важничать, а если желаетъ чваниться, можетъ убираться, откуда пришелъ; причемъ государыня изъяснилась, что ея величеству дорого расположеніе людей преданныхъ, а вовсе не дружба какойнибудь голячки-королевы ².

Наконецъ, 25-го апрѣля, на разсвѣтѣ, раздался залпъ изъ 31 пушки, а въ 9 часовъ утра загудѣлъ съ Ивана-Великаго двухтысячный Реутъ ³ и возвѣстилъ Москвѣ наступленіе вождѣннаго торжества. Москва отделинулась всѣми сорока-сорбками и затрезвонила «во вса». Церемоніальная процессія двинулась. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейб-медикъ и генерал-директоръ медицинской канцеляріи Лестоуъ шелъ въ головѣ представителей русскаго медицинскаго сословія, и потомъ присутствовалъ въ соборѣ, гдѣ имѣлъ удовольствіе увидѣть свою супругу, г-жу Лестоуъ, помѣщенную наряду съ знатнѣйшими придворными дамами. Но еще большее удовольствіе испытывалъ счастливый авантюристъ, наблюдая, во время священнаго обряда коронаванія, красавицу-императрицу, къ которой такъ шли и многоцѣнный царскій вѣнецъ, и серебряная глазетовая роба, выложенная золотымъ позументомъ... ⁴ Много въ этотъ день объяв-

¹ Hermann. V.

² Тамъ же, 15.

³ Нынѣшняго усенскаго—или праздничнаго—колокола, вѣсшаго 4 тис. пуд., тогда еще не было. Онъ отлитъ, мастеромъ Слизовымъ, въ 1760 г., а въ настоящій вѣсъ перелитъ не ранѣе 1819 года. См. Москва или историческій путевождитель по знаменитой столицѣ государства русскаго. Москва. 1827, II, 44.

⁴ См. москов. оруж. палата. 1860, с. 86.

лено чиновъ, орденовъ, титуловъ и званій вельможамъ, много разбросано денегъ народу. Но въ спаскъ награжденныхъ не встрѣчается имя Лестока, который, однакоже, при всемъ своемъ благоразуми, предпочитавшемъ всему золото, имѣлъ, какъ говорятъ, непонятную слабость—желать андреевской ленты, полученной, 25-го апрѣля, его новымъ другомъ Брюнмеромъ. А такъ-какъ день коронаванія Елизаветы едва-ли могъ безвыгодно миновать для Лестока, то можно предполагать съ большею вѣроятностію, что какое нибудь негласное, но богатое даваніе, излившееся отъ монаршихъ щедротъ, успокоило пароксизмъ звѣдоманіи лейб-медика.

Цѣлую недѣлю торжествовала Москва, и цѣлую недѣлю, вкушая созрѣвшіе плоды собственнаго предпріятія, безъ усталы присутствовалъ Лестоукъ на всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ, утомлявшихъ, вѣроятно, не одну придворную личность. При этомъ лейб-медикъ, конечно, не имѣлъ времени перечитывать «всепоподаннѣйшее поздравленіе» императрицѣ, академическимъ секретаремъ Тредьяковскимъ «въ привѣтственной одѣ изображенное» и, къ удовольствію читателей, оканчивавшееся стихомъ: «конецъ творю лірныхъ вгравій»¹. Но за то лейб-медикъ дѣятельно парализировалъ внушенія Мардефельда и ди-Вотта, посланниковъ прусскаго и венгеро-богемскаго, которые, во время торжествъ, неотступно просили императрицу объ отпускѣ изъ Риги брауншвейгскаго семейства². Обѣдомъ и баломъ, 1-го мая, въ Яузскомъ дворцѣ, окончились торжества въ маломъ видѣ и съ участіемъ меньшаго количества избранныхъ. Необходимо принадлежа къ числу такихъ избранныхъ, лейб-медикъ ея величества, вслѣдъ за окончаніемъ торжествъ, употреблялся и на другую службу, конечно, почетную: наряду съ президентами коллегій, онъ дежурилъ у императорскихъ регалій, выставленныхъ на 12 дней въ Грановитой Палатѣ и, въ теченіе этого времени, привлекавшихъ сюда тысячи любопытствующихъ³.

¹ Родной племянникъ лейб-медика, «королевской прусской надворной фискалъ и при верховныхъ судахъ, такожъ и при кенигсбергскихъ магистратахъ, адвокатъ» Іоганнъ-Лудвигъ Лестоукъ, тоже усердствовалъ сочиненіемъ и присылкою нѣмецкихъ «Стиховъ» по случаю коронаванія императрицы всероссійской. Стихи адвоката тогда же были переложены въ русскую прозу и напечатаны въ Вѣдомостяхъ. Вотъ, для образца, 1-я строфа:

«Проникль спалъ; статское искусство дремало; всероссійской имперіумъ былъ театръ, на которомъ дивалъ злость ярость и свирѣйство свое излила; а гордости пышно мечтаніе пемутѣло и великихъ мужей ужъ, и ревность онихъ преодѣло». Эта діатриба—изображеніе Россіи при Аниѣ Леопольдовнѣ. См. Прим. къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 1742 г. часть 49.

² Relation circonpat. etc., II, 77.

³ Любопытствующихъ перебивало, въ 11 дней, 186, 258 человекъ. См. Каммер-Фурьерскій журналъ 1742 г.

А когда окончилось и это, въ рукахъ лейб-медика, особы второго класса, остались двѣ медали, золотая въ 30 червонцевъ и серебряная въ 24 золотника, съ надписью на первой; «Промыслъ божескій чрезъ вѣрныхъ подданныхъ»¹. Такая надпись прямо свидѣтельствовала, что Іоганнъ-Германъ Лестокъ, выходецъ изъ Целле, былъ въ 1741 году *первымъ* въ Россіи вѣрнымъ подданнымъ. Но, несмотря на всю ясность подобнаго довода, послѣдній вовсе не былъ убѣжденіемъ другихъ вѣрноподданныхъ, изъ которыхъ канцлеръ князь Черкасскій и вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ менѣе прочихъ были расположены уважать въ особѣ лейб-медика какія нибудь заслуги, и, напротивъ, очень бы желали сбить эту особу съ ружь. Такое желаніе, весьма естественное въ министерско-придворномъ быту, еще болѣе усиливалось политическимъ поведеніемъ Лестока въ Москвѣ, которое, оставаясь полезнымъ для личныхъ выгодъ лейб-медика, приводило въ негодованіе и канцлера, и вице-канцлера. Излишняя преданность Лестока интересамъ французскаго двора была и тутъ главнѣйшимъ поводомъ ко всѣмъ неудовольствіямъ, а шведскія дѣла, этотъ невольный конекъ лейб-медика, ссорили его со многими. Случаи къ такимъ неудовольствіямъ и ссорамъ представлялись очень часто; а Лестокъ не только не заботился объ ихъ предотвращеніи, но и самъ, какъ не-дипломатъ, подавалъ къ нимъ поводъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ дней торжественнаго коронаціи, совпавшій съ днемъ рожденія Лестока, 29-го апрѣля, императрица, нерѣдко посѣщавшая своего лейб-медика, прислала сказать Лестоку, что вечеромъ она пожалуетъ къ нему, а потомъ возьметъ его съ собою на верховую прогулку-някогнито по иллюминированнымъ улицамъ Москвы. Прибывъ, въ назначенное время, къ лейб-медику, императрица нашла уже у него маркиза Шетарди, заранѣе предувѣдомленнаго другомъ о прекрасномъ случаѣ блеснуть предъ другими посланниками особеннымъ расположеніемъ къ нему императрицы. И втроемъ, безъ всякой свиты, императрица въ мужскомъ платьѣ, отправились они на лошадяхъ, заготовленныхъ Лестокомъ². Можно себѣ представить, какъ завидовали счастливому Шетарди всѣ другіе посланники, и какъ досадовали на Лестока ихъ русскіе партизаны-министры. И вѣтъ ничего мудренаго, если шведскій посольскій графъ Нолленъ, вслѣдъ затѣмъ явившійся въ Москву съ послѣднею попыткою заключить выгодный для Швеціи миръ, былъ вынужденъ, несмотря на любезный пріемъ импера-

¹ Камер-фурьерскій журналъ 1742 г.

² Негманн, V, 10. О посѣщеніи Лестока императрицею именно въ этотъ вечеръ, см. «С.-Петербур. Вѣд.» 1742 г. № 44.



тридц и многократное присутствованіе свое на конференціяхъ у разныхъ министровъ, уѣхать изъ Москвы ни съ чѣмъ. Последнему обстоятельству, независимо отъ требованій графа Ноллена, дѣйствительно неумѣстныхъ, много помогло то, что на конференціяхъ сторону посланника постоянно держалъ и сильно за него хлопоталъ маркизъ Шетарди, невидимый всѣмъ русскимъ дворомъ, за исключеніемъ Лестока. Впрочемъ, Шетарди этииъ и покончилъ участіе свое въ шведскихъ дѣлахъ. Маркизъ находилъ, что для Франціи гораздо важнѣе ослабить союзъ Россіи съ Австріею, нежели увлекаться интересами Швеціи; а для него самого, представителя Франціи въ Россіи, гораздо приличнѣе не настаивать передъ правительствомъ на исполненіи такихъ обѣщаній, которыхъ правительство, собственно говоря, никогда и не дѣлало.

Между тѣмъ шведы, измученные собственными неудачами, выступили, весною, въ поле и познали на горькомъ опытѣ, что значило повѣрить Лестоку. Ласси, передъ которымъ повсюду заблаговременно отступалъ Левенгауптъ, безъ выстрѣла овладѣлъ Мендолаксомъ, безъ потери одного человѣка—Фридрихсгамомъ, почти безъ боя дошелъ до Гельсингфорса, принялъ оружіе, положенное передъ нимъ шведскою арміею, предводимую уже генерал-майоромъ Бускетомъ ¹, и, ставъ побѣдоносно за р. Кюменемъ, въ два мѣсяца окончилъ кампанію.

Такимъ образомъ, благодаря Ласси, или лучше сказать Левенгаупту, и другое дѣло Лестока, подобно первому, готово было улетѣть въ шляпѣ. Но, около того же времени, опасенія за дѣлность именно *перваго* дѣла уже начинали вставать въ душѣ лейб-медика, потому что тамъ и сямъ оказывались люди, несочувствовавшіе последнему перевороту. Въ самой Москвѣ, при дворѣ, открылся лѣтомъ заговоръ въ пользу низверженной правительницы, участники котораго наказаны въ тайнѣ, а зачинщики — камер-лакей и два офицера, публично высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь, лакей съ лишеніемъ языка, а офицеры — ноздрей ².

Но Лестокъ, живой и даже вѣтреный не по лѣтамъ, недолго находился подъ вліаніемъ этого неприятнаго случая. Безпрерывныя охоты и пѣшковое богомолье императрицы къ Троицѣ, перемежавшея на возвратномъ пути ѣздой въ экипажахъ

¹ Ген. Бускетъ подписалъ капитуляцію о сдачѣ арміи своей, всего до 11 т. чел., съ артилеріею и лошадьми, 24 ав. 1742, въ Дѣлѣ Голлакскѣ. Финляндскіе поля, всего 10, остались; шведскіе, всего 4, отправлены на родину «съ нашими лашпортами». См. Прим. къ «С.-Петербур. Вѣд.» 1742, №№ 82 и др.

² Hermann. V, 29.

послѣ каждой 10 верстѣ ходьбы, и продолжавшееся двѣ недѣли— скоро возвратили лейб-медику его обычную веселость. Когда же получила въ Москвѣ реляція о взятіи Гельсингфорса— послѣднемъ изъ множества *езлти*—реляціи, которую политикъ-фельдмаршалъ прислалъ съ своимъ флигель-адъютантомъ капитаномъ Лестокомъ¹, родственникомъ лейб-медику, всѣ страхи и сомнѣнія послѣдняго окончательно разсѣялись. Съ новою энергіею занялся лейб-медикъ и генерал-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи шведскими дѣлами и, узнавъ не безъ радости, что шведы сами просятъ мира — поспѣшилъ привнести собственное вліяніе на ходъ мирныхъ переговоровъ. Лейб-медикъ началъ съ того, что дружныхъ съ нимъ генераловъ, Румянцева и Любраса, рекомендовалъ императрицѣ способнѣйшими людьми для веденія предстоявшихъ конференцій съ шведами. Точно то же представлялъ государынѣ и Вестужевъ, но о братѣ своемъ, обер-гофмаршалѣ, и сенаторѣ князѣ Голицынѣ. Въ выборѣ лейб-медика императрица находила, однакоже, одно неудобство, что Любрасъ — иностранецъ. Но Лестоку, и самъ небывавшій русскимъ, осмѣлился напомнить ея величеству, что славный и выгодный для Россіи нейштадтскій миръ приготовленъ тоже иностранцемъ². Послѣ такого аргумента— а вмѣстѣ невольнаго панегирика Остерману, и въ самомъ паденіи воспоминаемому по знаменитымъ заслугамъ, даже врагами— рекомендація лейб-медика была вполне апробована и преданные ему генералы отправились полномочными въ Або.

Радуясь со всею Россіею побѣдному исходу подвиговъ Ласси, нестоившихъ дорого ни Россіи, ни ея полководцу, враги Лестока не радовались одному— вліянію лейб-медика, торжественно заявленному назначеніемъ въ Або Румянцева и Любраса. Черваскій и Вестужевъ были въ особенности недовольны счастіемъ, которое такъ упорно продолжало улыбаться Лестоку. Это понятно: и Черваскому и Вестужеву, политикамъ официальнымъ, почти приходилось плясать по дудкѣ Лестока, вовсе не политика. Но значеніе лейб-медика было такъ внушительно, что ни канцлеръ, ни вице-канцлеръ не рѣшались еще возставать противъ него открыто. Эта нерѣшимость не была, однако, продолжительна И первый заговорилъ канцлеръ, когда узналъ, что императрица, безъ совѣта

¹ Этотъ капитанъ Лестоку былъ родной племянникъ лейб-медика, назывался *Христианъ-Вернеръ-Теодоръ* и, впоследствии, служилъ въ Россіи полковникомъ. Впрочемъ, политикъ-фельдмаршалъ не ограничился угожденіемъ одному лейб-медику: съ трофеями, забранными въ разныхъ случаяхъ, прислалъ въ Москву Вестужевъ, генераль-адъютантъ Ласси, родственникъ вице-канцлеру.

² Hermann. V, 57.

съ нимъ, но по совѣту Шетарди и Лестока, написала и отправила письмо къ французскому королю Лудовику XV, съ приглашеніемъ посредствовать въ переговорахъ между Россією и Швецією. Вельможа самолюбивый и честолюбивый, владѣлецъ 70 тысячъ душъ крестьянъ, старикъ, послѣдніе мѣсяцы донашивавшій на землѣ свою одышливую тучность, князь Черкасскій чрезвычайно разобидѣлся невниманіемъ къ нему императрицы и, въ негодованіи на Лестока, изготовилъ лейб-медику ковъ. Полагая, что червонцы, во множествѣ проигрываемые лейб-медикомъ, добываются единственно изъ кармановъ Шетарди, Черкасскій пошелъ и сказалъ о подозрѣніи своемъ самой государынѣ, причемъ просилъ ея величество прекратить вмѣшательство лейб-медика въ государственныя дѣла, «отравляющее, не только занятія, но и самую жизнь министровъ»¹. Но, увлекаясь однимъ негодованіемъ, канцлеръ позабылъ догадаться, что Лестока — вообще незнакомый съ удачею въ картахъ — проигрывалъ и тѣ тысячи рублей, которыми бывалъ жалуетъ, *на счастье*, изъ собственныхъ рукъ ея величества². Къ тому же, придворный кредитъ самого Черкаскаго, благодаря стараніямъ Мавры Егоровны Шуваловой, весьма любимой императрицею, начиналъ уже тогда упадать. Конецъ концовъ былъ тотъ, что жалоба канцлера осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Очень довольный этою первою попыткою князя Черкаскаго, хотя и неудачною, Бестужевъ остерегался, однакоже, подражать ему. Значительно превосходя старѣйшаго собрата своего, канцлера, и тонкостію, и пронацательностію, и коварствомъ, вице-канцлеръ не сомнѣвался, что явное нерасположеніе къ чужеземцамъ, господствовавшее тогда въ русскомъ народѣ и, въ отношеніи къ Лестоку, уже начинавшее отражаться при русскомъ дворѣ, вѣрнѣе, чѣмъ доносъ, поможетъ ему, вице-канцлеру, сломить силу лейб-медика чужеземца.

Недавнее—и едва неудавшееся—покушеніе гвардейцевъ извести въ Петербургѣ всѣхъ нѣмцевъ³, всего лучше доказывало степень сочувствія массы русскихъ къ массѣ нерусскихъ, про-

¹ Негмани, V, 11.

² Die Heutige Historie u. s. w., 897.

³ Обнаружившись въ Петербургѣ, на святой недѣлѣ 1742, это покушеніе имѣло поводомъ ссору двухъ солдатъ на улицѣ, которыхъ хотѣлъ развести офицеръ изъ нѣмцевъ. Такъ-какъ этотъ офицеръ оттолкнулъ буянишаго гвардейца, то послѣдній приниуждъ къ себѣ другихъ — и всѣ бросились за нѣмцемъ въ домъ, ворвались въ комнаты, взбѣжали на чердакъ, гдѣ чуть не заколотили до смерти Лассіева адъютанта *Сотрона* и капитана *Брауна*. Защищавшимъ были срого наказаны.

живавшихъ въ Россіи, и сильно говорило въ пользу далекихъ видовъ Бестужева. Хотя въ манифестѣ, объявленномъ по случаю безпорядковъ гвардіи въ Петербургѣ, и говорилося «мы не забудемъ никогда, что иностранцы много споспѣшествовали счастливой перемиріи, происшедшей въ нашей имперіи», но это не могло съ разу измѣнить взглядъ русскихъ на иностранцевъ, въ то время крайне неблагоприятный. Располагая дѣйствовать со стороны именно этого взгляда, Бестужевъ очень хорошо зналъ, что къ нему съ удовольствіемъ присоединятся и Разумовскій, и Шуваловъ, и особенно архіепископъ Новгородскій съ духовными властями—зналъ, что ни Руманцевъ, ни нѣкоторые другіе русскіе, жившіе теперь въ большихъ ладахъ съ лейб-медикомъ, не осмѣлятся тогда стоять за своего нерусскаго друга. А въ умѣнн Бестужева вести и ованчивать дѣла хорошо—не сомнѣвался даже и Лестоковъ.

Что касается самаго лейб-медика, онъ, въ силу своего историческаго подвига, а также и недавнихъ подвиговъ Ласси, дѣйствительно воображалъ себя личностію, близкою сердцу каждаго русскаго, и замѣчалъ непріязненную холодность къ себѣ придворныхъ, причина которой заключалась именно въ иноземствѣ Лестока, объяснялъ ее совершенно иначе. «Враги мои — говорятъ онъ Пецольду—за дружбу мою съ Шетарди, наступаютъ мнѣ на горло»¹. И Лестоковъ, слишкомъ увѣренный въ своемъ руссизмѣ, продолжалъ неуклонно посѣщать домъ Шетарди, куда, независимо отъ дружескаго приѣма самого хозяина, постоянно окруженнаго самымъ образованнымъ обществомъ столицы, лейб-медика привлекала увѣренность всегда найти изящный столъ, отличныя вина и большую игру—блага, и вмѣстѣ и порознь обожаемыя лейб-медикомъ. Эти дружескія посѣщенія прекратились, однакоже, скорѣе, чѣмъ того желалъ бы Лестоковъ: спустя 4 мѣсяца по коронаціи ея величества, маркизь Шетарди былъ отозванъ къ своему двору. Отъѣзжая во Францію, другъ Лестока увозилъ на себѣ андреевскую ленту, а съ собою на 1½ миллиона² подарковъ. Послѣдніе состояли въ табакеркахъ, перстняхъ и тому подобныхъ вещахъ, которыя, будучи показаны, въ Версали, королю Лудовику XV, возбудили завистливое удивленіе всѣхъ версальскихъ петиметровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей, напримѣръ, золотую табакерку съ портретомъ государини и перстень съ брилліантомъ въ 21 каратъ, имѣлъ утѣшеніе вручить на прощанье своему другу самъ лейб-медикъ, впрочемъ, отъ

¹ Hermann, V, 11.

² Die Neutige Historie u. s. w., 370.

имени императрицы ¹. Мѣсто маркиза Шетарди заступилъ оставленный имъ въ Россіи кавалеръ д'Аллионъ, далеко неполюбовавшійся значеніемъ своего предмѣстника, но акуратно выплачивавшій Лестоуу французскую пенсію.

Проводивъ своего друга, Лестоуъ и самъ, тою же осенью, временно отбывалъ изъ Москвы. Онъ ѣздилъ въ Ярославль, куда только что привезли изъ г. Пеллми страшнаго нѣбогда Бирона ², до того больнаго, что императрица сочла необходимымъ послать къ бывшему герцогу курляндскому своего перваго лейб-медика. Лестоуъ пробылъ съ Бирономъ нѣсколько дней, видѣлъ обоихъ его братьевъ и зятя Бисмарга—сезенныхъ въ тотъ же Ярославль, но размѣщенныхъ въ разныхъ концахъ города — и, возвратясь въ Москву, исходатайствовалъ изгнаннымъ нѣкотораго облегченія, съ выдачею, въ прибавокъ къ содержанію: Бирона по 5000 рублей, а братьевъ и зятя его по 1000 рублей въ годъ ³.

Вскорѣ затѣмъ на лейб-медика возложено другое высочайшее порученіе: скорѣе, и какъ возможно секретнѣе, изготовить все необходимое для миропомазанія племянника императрицы, герцога голштинскаго, сносясь по этому предмету только съ Брюммеромъ, наставникомъ герцога, и съ іеромонахомъ *Тодорскимъ*, законоучителемъ его высочества ⁴. Лестоуъ очень хорошо зналъ, что событіе объявленія герцога наслѣдникомъ русскаго престола ускоряется въ видѣ мѣры противъ возрастающаго сочувствія къ Брауншвейгскому семейству, пребывавшему въ Ригѣ — и дѣло, порученное лейб-медику, закипѣло. Въ то же время, въ глубочайшей тайнѣ печатался манифестъ, приличный обстоятельству. 7-го ноября 1742 года, племянникъ императрицы, неожиданно для всѣхъ, миропомазанъ по обряду православной церкви, нареченъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, и объявленъ великимъ княземъ наслѣдникомъ русскаго престола, съ титуломъ императорскаго высочества.

Труды лейб-медика по исполненію такихъ особенныхъ высочайшихъ порученій не остались безъ щедрыхъ наградъ, которыя, въ свою очередь, были совершенно во вкусъ корыстолюбиваго авантюриста. Такъ, когда недѣлю спустя по совершеніи

¹ Hermann. V, 20.

² Полагаютъ, что императрица Елизавета намѣревалась возвратить Бирону Курляндію; и думаютъ, что ей отсвѣтовалъ это Бестужевъ, изъ боязни—встрѣтиться съ старымъ другомъ, которому овъ же измѣнилъ такъ вѣроломно. Extr. d деп. 95.

³ Hermann. V, 181.

⁴ Idem. V, 22—23. Этотъ Тодорскій, по имени *Симонъ*, въ 1748 г. сдѣланъ архіепископомъ псковскимъ и ум. въ 1754 г.

миропомазанія его высочества, Лестоку праздновалъ новоселье въ собственномъ, только что отстроенномъ домѣ своемъ¹, императрица прислала ему золотую солонку, осыпанную брилліантами, съ солитеромъ въ 12,000 р. и серебряный сервизъ; а великій князь—золотые часы съ брилліантами, всего на 35,000 р.²

Слѣдовательно, Лестоку все улыбалось—до того улыбалось, что избавившись отъ одного врага своего, князя Черваскаго, умершаго въ ноябрѣ, Лестоку, въ декабрѣ того же 1742 г., сошелся съ другимъ, вице-канцлеромъ Бестужевымъ. Донося объ этомъ любопытномъ событіи своему двору, англійскій резидентъ Вейчъ, преемникъ Финча, писалъ: «Мнѣ удалось помирить Бестужевыхъ съ Лестокомъ и согласить послѣдняго на полученіе пенсіи въ 600 ф. стерл. отъ его великобританскаго величества. Онъ былъ этимъ очень доволенъ и много наобѣщавъ мнѣ; но ему платитъ и Франція»³. Недовѣрчивость Вейча была, въ этомъ случаѣ, раздѣляема вице-канцлеромъ, котораго, однако, немедленно пожалъ плоды перемирія своего съ Лестокомъ, получивъ назначеніе исправлять, при прежнемъ вице-канцлерскомъ званіи, обязанность канцлера—чего, безъ согласія лейб-медика, никакъ бы не послѣдовало. Впрочемъ, лейб-медикъ, согласный расширить кругъ дѣятельности Бестужева, лично озаботился присканіемъ вице-канцлеру помощника, и рекомендовалъ императрицѣ тайнаго совѣтника Карла фон-Бреверна, родомъ изъ остзейцевъ⁴. Бревернъ сталъ товарищемъ Бестужева.

Но, подвизаясь такъ вліятельно на придворномъ поприщѣ, Лестоку, выслужившій въ Москвѣ, въ добавокъ къ французскому, и англійское жалованье, все-таки недолюбливалъ бѣлокаменной, гдѣ онъ, какъ чужеземецъ, не могъ не чувствовать себя болѣе неловко, чѣмъ въ Петербургѣ. Лѣтній заговоръ при дворѣ и присутствіе въ тогдашней Москвѣ всего особенно русскаго нерѣдко побуждали лейб-медика представлять императрицѣ, что пора бы двору возвратиться въ Петербургъ, болѣе устроенный, нежели Москва, самая обширность которой можетъ способствовать безпорядкамъ всякаго рода.

Постоянное желаніе Лестока исполнилось, однакоже, не ранѣе 15 декабря 1742 г. Въ этотъ день, въ часъ пополудни, загремѣла пушечная пальба, раздался московскій трезвонъ и «ношла госуда-

¹ Былъ выстроенъ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Москвѣ. Одинъ изъ переулковъ этой слободы долго назывался, по дому, *Лестиковымъ*. См. Семисотлѣтіе Москвы, П. Хавскаго. Москва. 1847, ст. 206.

² Die Heutige Historie, u. s. w. 307.

³ Extr. d. деп. 110.

⁴ Hermann. V, 20.

рши въ Петербургъ¹. Лейб-медикъ радостно сопутствовалъ ея величеству и по дорогѣ, въ Новгородѣ, наслаждался зрѣлищемъ драмы, представленной въ высочайшемъ присутствіи семинаристами.

Едва успѣлъ дворъ прибыть въ Петербургъ, какъ вліяніе вице-канцлера, исправлявшаго канцлерскую должность, незамедленно обнаружиться. Поводомъ къ тому былъ пріѣздъ шведской депутаціи, являвшейся съ предложеніемъ шведской короны наследнику всероссійскаго престола. Бестужевъ умѣлъ поселить въ императрицѣ холодность къ депутатамъ, будто бы имѣвшимъ въ виду выговорить, при своемъ предложеніи, уступку всей Финляндіи. И депутаты: графъ *Бонде*, баронъ *Гамилтъонъ*, и баронъ *Шефферъ* постоянно, какъ арестанты, окружаемые приставами, даже во дворцѣ преслѣдуемые шпионами, выѣхали изъ Петербурга, пробывъ въ немъ только двѣ недѣли². Все это было продѣлано вице-канцлеромъ въ пиву лейб-медику, который съ самаго открытія абовскихъ конференцій уже послуживался Швеціи — разумѣется, не даромъ. Стало-быть, перемиріе, предложенное Бестужевымъ вице-канцлеру въ канцлерской должности, не овазывалось болѣе нужнымъ.

За то почти одновременно съ отбытіемъ шведской депутаціи, на Лестока свалилась новая почесть, соединявшая въ себѣ и доказательство придворнаго значенія перваго лейб-медика императрицы, и стоимость денежную—особенно уважаемую лейб-медикомъ. На этотъ разъ, однакоже, даініе шло не отъ русской императрицы, а отъ короля польскаго и курфюрста саксонскаго Августа III. Этотъ государь, по примѣру отца своего Августа II, поставлялъ заповѣдью польско-саксонской политики—всячески заявлять вниманіе всѣмъ безъ изыатія русскимъ временщикамъ, какъ бы ни было кратко политическое существованіе каждаго изъ нихъ при русскомъ дворѣ. Само собою разумѣется, что знаки вниманія польскихъ королей соображались со вкусами русскихъ временниковъ. Наслышанный о личныхъ вкусахъ перваго русскаго лейб-медика, король Августъ III понималъ, что лентой сняго моара и серебряною звѣздой нельзя завлечь Іоганна-Германа Лестока, благоразумно разсчитливаго. А потому его величество король, адресуя ея величеству императрицѣ алмазные знаки ордена Бѣлаго Ора, изготовлявшіеся единственно для царствующихъ особъ, присоединилъ къ посылкѣ и свой портретъ, богато оспаванный брильянтами—собственно для лейб-медика.

¹ Выраженіе изъ запиской, намъ принадлежащей, книжки одного современника-очевидца.

² Hegmann. V, 56.

При доставленіи саксонскимъ майоромъ фон-Тарвелемъ ордена и портрета въ Петербургъ, польско-саксонскому резиденту Пецольду была назначена особая торжественная аудіенція, которая и состоялась 23 января 1743 года. Тогда императрица благоволила церемониально возложить на себя присланный орденъ, а потомъ публично кувшала за особымъ столомъ, къ которому были приглашены только наличные кавалеры того же ордена, и съ ними лейб-медикъ Лестоку, въ тотъ день впервые украсившій грудь свою многоцѣннымъ королевскимъ портретомъ¹.

Слѣдовательно, въ рукахъ Лестока чрезвычайно выгодно для него соединялись и пользование пенсіями и почестями отъ дворовъ иностранныхъ, и значительное вліяніе при русскомъ дворѣ, не одинъ разъ доказанное. Послѣднее, однакоже, не могло обходиться Лестову даромъ, потому что возбуждало чрезвычайное негодование придворныхъ патриотовъ, завистниковъ чужеземца. Даже фельдмаршалъ князь Долгорукій, котораго Лестоку спасъ отъ заточенія въ Шлиссельбургъ и уважалъ какъ отца, не былъ расположенъ къ своему ходатаю, и офицерамъ изъ иностранцевъ, просившимъ о чемъ нибудь его сіятельство, говорилъ съ неудовольствіемъ: «отчего не обращаетесь вы къ Лестову? ступайте къ нему — онъ богъ всѣхъ нѣмцевъ на Руси»².

Партіи, эта хроническая болѣзнь тогдашнихъ дворовъ, обозначались въ Петербургѣ яснѣе: одну составляли Лестоку, князь Гессенгобургскій, Брюммеръ; къ ней же присчитывались отсутствовавшій Румянцевъ, а надъ нею, виталъ духъ Шетарди. Къ другой, предводимой вице-канцлеромъ, принадлежали Черкасовъ, Воронцовъ и почти всѣ русскіе. Шуваловы колебались въ выборѣ; Разумовскій стоялъ нейтрально. Императрица не только знала о существованіи этихъ партій, но даже подшучивала надъ партизанами и какъ-бы сглаживала ихъ между собою, иногда къ крайней невыгодѣ Лестока. Случилось, наиримѣръ, что лейб-медикъ, принимая у себя императрицу, рассказывалъ, между прочимъ, ея величеству о буйствѣ лейб-компанцевъ, дѣйствительно, невыносимомъ, и, по своему обыкновенію, изъяснялся сильно, краснорѣчиво. Императрица, возвратясь во дворецъ подъ вліяніемъ увлекательнаго разсказа, повторила его нѣсколькимъ лицамъ и прибавила: «мнѣ вѣжета, что мнѣи возможность Лестоку отравить одною ложкою яда всѣхъ моихъ русскихъ, онъ бы не задумался»³. Само собою разумѣется, что всѣ русскіе, слышавшіе

¹ «С.-Петерб. Вѣдомости» 1743, № 8.

² Hermann. V, 185

³ Тамъ же.

эти слова, сдѣлались врагами Лестока, если еще и не были ими. Въ это же самое время начали возвращаться изъ Сибири жертвы разныхъ гоненій, сосланные въ прежнія царствованія и милостиво освобожденные Елизаветою. Между ними прибыли въ Петербургъ графъ Девіеръ и Скорняковъ-Писаревъ, загубленные Меншиковымъ любимцы Петра, а, наконецъ, явился ко двору и едва отысканный въ какомъ-то камчатскомъ подземельѣ Шубинъ, нѣкогда палмейстеръ цесаревны. «Онъ былъ блѣденъ — говоритъ Гельбигъ — и изнуренъ страданіями, но не утратилъ слѣдовъ прежней красоты»¹. Возбудивъ къ себѣ и высочайшее и общее участіе, страдалецъ тотчасъ же примкнулъ къ врагамъ Лестока, которому, можетъ быть, онъ былъ обязанъ и своимъ знакомствомъ съ Камчаткою. Лейб-медикъ почувствовалъ опасность. «Но — продолжаетъ Гельбигъ — съ первыхъ же минутъ появленія Шубина на сценѣ придворной жизни, грубыя привычки его и такой же нравъ, незамедлили ярко обнаружиться»². У Лестока отлегло отъ сердца; онъ увидѣлъ возможность избѣжать опасности и, собственно для этой цѣли, соединился на время съ Разумовскимъ, имѣвшимъ свои особые виды. Внушенія лейб-медика и обер-гофмейстера не остались безплодны — и «скоро — говоритъ тотъ же Гельбигъ — всѣ очень ясно поняли, что Шубинъ, человѣкъ весьма ограниченный, не имѣетъ, при одичалости своихъ понятій, ни малѣйшихъ способностей ни къ какому дѣлу, не можетъ занять никакого мѣста мало-мальски значительнаго»³. Кончилось тѣмъ, что Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, переименованный изъ гвардіи прапорщиковъ въ генерал-майоры и гвардіи майоры, а потомъ провозведенный въ генерал-поручики, получилъ увольненіе отъ службы и двора и, украшенный александровскою лентою, отбылъ въ высочайше пожалованнаго ему нижегородскія помѣстья, увозя съ собою благословеніе императрицы — богатый образъ Спаса-нерукотвореннаго⁴.

Но еще до этого Лестокоъ имѣлъ случай убѣдиться, что объятія и лобзанія лейб-компанцевъ, нѣкогда ему расточавшіяся, были увлеченіемъ минуты и вовсе не дѣлали лейб-медика русскимъ.

¹ Russische Günstlinge, 221—223.

² Тамъ же.

³ Тамъ же.

⁴ Въ настоящее время, этотъ образъ находится храмовою иконою въ принадлежавшемъ Шубину селѣ Работкахъ, Нижегородск. губ., Макарьевского уѣзда. Длина образа 1 арш., ширина $\frac{3}{4}$ ар., оладъ и вѣнецъ серебряные, вызолоченные. Въ вѣнцѣ и убрѣсѣ, драгоценные камни: изумрудъ въ квадр. дюймъ, 2 хонта и 4 бриллынта. См. Извѣстія и узаванія о русскихъ древностяхъ, въ «Запискахъ отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго археологическаго общества», т. I. С.-Петербург. 1851, 11.

Въ мартѣ 1743 года, нѣкоторые чины этой буйной ватаги умыслили извести не только Лестока, но и Шуваловыхъ съ Куракинымъ, за связи ихъ съ французскимъ дворомъ, презираемымъ русскими преторіанцами. Заговоръ, въ которомъ, не считая 14 лейб-компанцевъ, участвовали придворные тафельдекеръ и камер-лакей, не ограничивался однимъ изводомъ Лестока съ товарищи, но имѣлъ цѣлю восстановление Брауншвейгцевъ, и былъ случайно открытъ женою Гринштейна. Виновниковъ схватили, огласки не произошло, но всѣ встревожились чрезвычайно. Обер-штальмейстеръ Куракинъ нѣсколько времени боялся ночевать въ собственномъ своемъ домѣ *.

Между тѣмъ, шведская война, съ началомъ абовскихъ переговоровъ казавшаяся Россіи оконченною, готова была возобновиться, и однимъ изъ побужденій къ этому снова являлся корыстолюбивый эгоизмъ лейб-медика императрицы. Обольщаясь исключительно выгодами денежными, авантюристъ изъ Целле искалъ ихъ всюду, только ими измѣрялъ и ограничивалъ свою дѣятельность, не зная другого политическаго кодекса. Такъ было и теперь, когда вопросъ объ избраніи наслѣдника бездѣтному вдовцу, королю шведскому, возникъ на сеймахъ въ Стокгольмѣ, и сообщась повсемѣстно въ Европѣ, занялъ умы всѣхъ сановниковъ-интригановъ и подкупныхъ политиковъ европейскаго міра. Несомнѣнно принадлежа къ числу послѣднихъ, первый лейб-медикъ русской императрицы тѣмъ несомнѣннѣе долженствовалъ войти и въ ихъ роль, что онъ, съ нѣкотораго времени, какъ-бы опекалъ шведскія дѣла Россіи, безъ угрожающаго вліянія которой не могло, благодаря подвигамъ Ласси, состояться избраніе шведскаго наслѣдника. Это-то избраніе и было затруднено Лестокомъ, вѣрнымъ своему политическому кодексу. Вотъ какъ это было. Шведы, лишась надежды видѣть своимъ королемъ ближайшаго потомка Вазы, уже принявшаго православіе и объявленнаго наслѣдникомъ всероссійскаго престола, обратили свои желанія на датскаго наслѣднаго принца. Франція, старинная союзница Швеціи, рекомендовала съ своей стороны владѣтельнаго герцога биркенфельдскаго; Англія — принца гессенскаго. Петербургскій дворъ поддерживалъ датскаго кандидата, платившаго Бестужеву, и дѣло избранія шведскаго посланника налаживалось, не мѣшая начинавшимся въ Або переговорамъ. Тогда-то Лестокъ, пенсіонеръ Франціи и Англіи, недумавшій однако стоять ни за французовъ, ни за англичанъ и, въ то же время несогласный съ Бестужевымъ, неожиданно, но сильно, заговорилъ въ пользу принца-администратора голштин-

* Hermann. V, 188.

сваго, епископа любскаго, о которомъ и въ самой Швеціи рѣшительно никто не думалъ. Краснорѣчіе лейб-медика развивалось въ доказательствахъ той опасности, какаа можетъ предстоять Россіи отъ соединенія на одной и той же головѣ коронъ шведской, норвежской и датской. Доводъ былъ справедливъ, высказывался энергически, и произвелъ свое впечатлѣніе, къ торжеству голштинцевъ, задатками которыхъ, скудными сравнительно съ другими европейскими поддупами, все-таки, на этотъ разъ, не пре-небрегъ расчетливый лейб-медикъ.

Вслѣдствіе новыхъ видовъ русскаго двора, полномочные министры Россіи, они же повѣренные Лестоуа, получили въ Або новыя предписанія. Цедеррейцъ и Нолкенъ, полномочные со стороны Швеціи, дали знать въ Стокгольмъ о желаніяхъ русскаго двора, безъ исполненія которыхъ—внушали повѣренные Лестоуа—мирные переговоры не послужатъ ни къ чему. Сеймъ не хотѣлъ принца-епископа ¹. Шведы брались за оружіе, Кейтъ выступилъ на галерахъ изъ Або, а Ласси, благословенный императрицею чудотворнымъ крестомъ въ Петербургъ, тронулся съ флотомъ изъ Кронштадта, куда на проводы фельдмаршала, ея величество пріѣзжала со всѣмъ дворомъ. Но, къ счастью Россіи, нимало не вкочившему въ соображенія Лестоуа, Швеція не могла сопротивляться ни долго, ни энергически. Новая кампанія, начатая въ апрѣлѣ, состояла, по большей части, въ плаваніи русскихъ кораблей и галеръ, ознаменовалась двухчасовымъ морскимъ боемъ Кейта съ шведами, у Корпо, и заключилась *утригельнымъ актомъ*, который, въ ожиданіи мирнаго трактата, былъ, 16 іюня, подписанъ полномочными обѣихъ сторонъ въ Або, а въ іюлѣ привезенъ въ Петербургъ восемнадцатилѣтнимъ полковникомъ Румяновымъ—будущимъ графомъ Задунайскимъ. Второй пунктъ этого акта «увѣрялъ» въ томъ, что, по *рекомендаціи* ея величества, императрицы всероссійской свѣтлѣйшій принцъ-администраторъ голштинскій, епископъ любскій, Адольфъ-Фридрихъ, будетъ избранъ на шведскій престолъ; а третій пунктъ предоставлялъ въ вѣчное владѣніе Россіи область юменегардскую, въ Финляндіи, съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ и *прочими мѣстами* ². То же самое повторилось и въ мирномъ трактатѣ, ратификованномъ государынею въ Петербургѣ 19-го августа.

И такъ, Лестоуъ, болѣе чѣмъ благовидно, устранился отъ исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ нѣкогда Швеціи его же внушеніями. Лейб-медикъ даже чувствовалъ себя какъ-бы героемъ

¹ Негманн. V, 58.

² См. «Объявленіе» печ. въ московской сенатской типографіи, 14 іюля 1748 г.

войны, независимо отъ него оказавшейся счастливою. Тѣнь Левенгаупта, казненнаго за эту войну самими шведами, не могла тревожить воображенія Лестока, хотя и пылкаго. Да и самой Швеціи не слѣдовало уже пенять на Лестока, еслибы и было за что: онъ даровалъ ей наслѣдника престола. Правда, на Россію чуть было не вооружилась Данія, обиженная предпочтеніемъ ея наслѣдному принцу епископа любскаго; но это было дѣломъ уже самой Россіи, некасавшимся Лестока, особенно послѣ полученія лейб-медикомъ голштинскихъ талеровъ. Впрочемъ, Лестокъ не былъ прочь пособить Россіи: онъ живо сосваталъ датскую принцессу шведскому наслѣднику престола — и Данія, пригроженная союзомъ Россіи съ Швеціею, успокоилась. Покончивъ такъ удачно съ шведскими дѣлами, и тайно и явно лежавшими на его рукахъ около двухъ лѣтъ, лейб-медикъ императрицы желалъ бы одинаково удачно покончить и съ Бестужевымъ, козни котораго не столько страшны, сколько бѣсили Лестока, преисполненнаго вѣрою въ прочность собственнаго значенія при дворѣ Елизаветы. Последнее, дѣйствительно, достигало теперь своего зенита; но, именно поэтому, да еще при личныя свойствахъ лейб-медика и отношеніяхъ къ нему огромнаго большинства придворныхъ, не могло обѣщать ничего хорошаго — ни самому Лестоку, ни другимъ.

М. Д. Хмыровъ.



СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Едва-ли въ какой другой странѣ можно встрѣтить столько политическаго шума, какъ въ Испаніи. Въ маленькой ея столицѣ издается тридцать-двѣ политическія газеты, изъ которыхъ почти каждая представляетъ собою или цѣлую политическую партію, или отгѣнокъ ея. Каждый провинціальный городъ Испаніи имѣетъ, въ свою очередь, непременно одну политическую газету, а то двѣ, три и болѣе, принадлежащія такимъ же политическимъ партіямъ. И между этими разнохарактерными газетами происходитъ безконечная брань, безконечныя сплетни, которымъ никогда не бываетъ конца. Исходною точкою брани всегда служитъ министерство, которое здѣсь зачастую смѣняется два-три раза въ году. Министры, прежде чѣмъ будутъ министрами, должны непременно назвать имя партіи, въ которой они принадлежатъ: отъ этой только партіи они и имѣютъ право ожидать себѣ защиты. Названіе здѣсь значитъ не только много, но почти все: министерство называетъ себя умереннымъ, и его ругаютъ другія партіи за все, рѣшительно за все, даже за то, что стали бы дѣлать министры всякой другой партіи; его ругаютъ прогрессисты, демократы, индивидуалисты, социалисты, уніонисты, росисты, монисты, поляки, пораженцы, неоватолики и всѣ другія партіи, которыя, право, трудно и перечислить, и которыя часто различаются между собою однимъ только названіемъ. Смѣняется министерство— и исторія та же, съ тѣмъ только различіемъ, что брань со всѣхъ сторонъ сыплется уже не на умеренцовъ, а на какихъ-нибудь уніонистовъ, диссидентовъ, росистовъ и т. п., смотря по тому, какое имя дало себѣ министерство или какое ему дали. Министерство открыто объявляетъ, что оно не хочетъ принадлежать ни къ какой партіи. Бѣда ему тогда: у него нѣтъ защитниковъ, а только одни враги. Для него ужъ непременно создадутъ названіе какой-нибудь партіи, *непрежнно партіи*; а его дѣла, хотя бы тѣ же самыя, которыя каждая партія стала бы дѣлать сама, еслибы добилась власти— его дѣла непременно подвергнутся осужденію и ругательствамъ со всѣхъ сторонъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, политической прессѣ въ Испаніи работы немало: благо она пользуется здѣсь такою свободой, какъ ни въ одной странѣ міра. Каждая политическая газета имѣетъ свою обязанность: вопервыхъ, ругать министерство — изъ всѣхъ тридцати-двухъ столичныхъ политическихъ газетъ и двойнаго количества провинціальныхъ только одна, рѣдко двѣ или три хвалятъ министерство, хотя хвалить уже безусловно въ немъ все, какъ другія безусловно порицаютъ все; вовторыхъ, ея обязанность — критиковать сужденія о министерствѣ другихъ газетъ, изъ чего вытекаетъ третья обязанность: отвѣчать и браниться со всѣми другими газетами. Отъ этого выходитъ, что если въ текстѣ французской или англійской газеты всегда удѣлено значительное мѣсто внѣшней политикѣ, и чисто-литературнымъ статьямъ и множеству объявленій, то большой листъ испанской газеты весь переполненъ внутренней политикой; фельетону здѣсь мѣста не дается почти никогда, объявленіямъ очень небольшое. Для такой работы, испанскія газеты нуждаются во множествѣ рукъ. Оттого составъ пишущихъ въ каждой газетѣ представляетъ всегда цѣлми отдѣльныя корпораціи, очень напоминающія собою прежнія монашескія корпораціи: здѣсь въ каждой корпораціи есть главный директоръ, такъ-сказать, душа газеты, за нимъ слѣдуетъ множество редакторовъ, которыхъ въ иныхъ газетахъ бываетъ до двадцати и болѣе, таковы редакторы: фонда, отвѣтнаго отдѣла, вѣстей и прочихъ отдѣловъ, которые испанскія газеты любятъ донѣльва, хотя въ большей части случаевъ и дѣлать рѣшительно нечего. Въ этомъ числѣ не полагаются еще такъ-называемые со-трудники и отвѣтственный издатель. Идеаль здѣшней университетской молодежи состоитъ именно въ томъ, чтобы скорѣе избраться изъ университета и втереться въ редакторы какой-нибудь политической газеты: это путь къ почестямъ и деньгамъ. Редакторы всегда кандидаты на директорскія мѣста въ министерствахъ или въ губернаторы провинцій. Въ послѣднія тридцать-пять лѣтъ конституціоннаго правленія въ Испаніи, нерѣдко случалось, что изъ редакторовъ какой-нибудь политической газеты, попадали прямо въ министры.

Такое ненормальное развитіе политической прессы въ Испаніи поглощаетъ собою всѣ силы пишущаго люда. Политическія газеты всѣ носятъ названія литературныхъ и выѣствъ ученыхъ; но въ нихъ ни литературнаго, ни тѣмъ менѣе ученаго никогда ничего не появляется. Ничего подобнаго англійскимъ и французскимъ *review* и *revue* и нашимъ большимъ журналамъ въ Испаніи нѣтъ. Болѣе или менѣе серьезное направленіе подобныхъ *revue* и журналовъ, кромѣ того, что можетъ еще дать исходъ болѣе

серьезнымъ литературнымъ дѣятелямъ, можетъ всегда представлять собою контроль спѣшнымъ работамъ и страстнымъ увлеченіямъ ежедневной политической прессы. Ничего подобнаго нѣтъ въ Испаніи. Политическая пресса здѣсь опредѣляетъ и судьбу болѣе серьезныхъ литературныхъ дѣятелей. Оцѣнка подобныхъ дѣятелей находится во власти тѣхъ же политическихъ партій. Сценическіе писатели съ своими драмами и комедіями здѣсь подѣлены между партіями, какъ подѣлены и самыя театры, хотя здѣсь нѣтъ такого множества подраздѣленій, какія существуютъ между партіями, и театры, каждый смотря по содержанию его, переходятъ изъ рукъ одной партіи въ руки другой. Въ комедіяхъ и драмахъ есть непременно защита одной партіи, и порицаніе другой. Когда бы подобныя драмы и комедіи были плодомъ глубокихъ политическихъ убѣжденій, а не плодомъ простой угодливости извѣстной партіи, тогда бы онѣ могли имѣть свое значеніе и свое художественное достоинство; но теперь онѣ ни больше ни меньше, какъ фарсы, какъ бранныя выходки, на которыя такъ щедръ всѣ здѣшнія политическія газеты. Чтобы имѣть понятіе о современной испанской сценѣ, не нужно идти въ театръ: стоитъ только прочесть три-четыре газеты, между которыми, будьте увѣрены, ведется живая бесѣда и горячая перебранка то въ длинныхъ разговорахъ, прерываемыхъ монологами, то въ отрывочныхъ афоризмахъ, точь-въ-точь, или еще лучше, какъ на сценѣ. Да вѣдь болѣею частію тѣ же самыя директоры и редакторы политическихъ газетъ вмѣстѣ и авторы комедій и драмъ.

Бельметристива подвержена здѣсь той же участи, что и сцена. Нужно замѣтить, что здѣсь выходитъ чрезвычайное множество романовъ, такъ-называемыхъ, оригинальныхъ, но въ существѣ дѣла передѣланныхъ изъ французскихъ, и пущенныхъ въ ходъ за оригинальные. Писателей-романистовъ здѣсь столько же, сколько и издателей романовъ. Есть издатели романовъ неокатолическихъ, демократическихъ, прогрессивныхъ и т. п. Романы всѣ издаются съ картинками, отдѣльными выпусками въ печатный листъ, и рассылаются отъ имени издателей по домамъ, даже подбрасываются въ комнаты подъ двери; платится за каждый листъ особо, такъ что вы, взявши нѣсколько такихъ листовъ, поневолѣ должны будете брать и остальные, чтобы не пропали ваши деньги, заплаченныя за первые листы, хотя вы и убѣждаетесь въ негодности романа. Васъ утѣшаютъ при этомъ картинки, а испанки и выписываютъ эти романы попреимуществу за картинки. Можете представить себѣ, что это за романы? На оберткѣ отдѣльныхъ выпусковъ этихъ романовъ, вы часто можете читать, какъ выраженіе особеннаго достоинства ихъ, что такой-то романъ написанъ

такими-то, двумя, тремя или пятью адвокатами, словесниками или литераторами; а вотъ какой-нибудь богатый издатель вдругъ печатаетъ два-три романа какого-нибудь плодовитаго испанскаго романиста Фернандеса-и-Гонзалеса. Представьте же, что же это за романы, наскоро испеченные? Здѣсь непременно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выведенъ или президентъ настоящаго министерства, или глава какой-нибудь партіи, или фаворитка королевы сор-Патросинію, или ея духовникъ, отецъ Клареть, и каждый изъ нихъ обставленъ спенами, у болѣе грязныхъ романистовъ, изъ Бальзака и Поль-де-Кока, у болѣе разборчивыхъ—изъ Дюма, Сю, Занда, Гюго. Иной разъ, просматривая испанскій романъ, право, удивляешься, какъ это издатель рискнулъ тратить деньги на подобное изданіе, недоумѣваешь, кому можеть придти охота читать подобную бессмыслицу и болтовню. Но вѣрно находится, если не читатели, то покупатели подобныхъ романовъ. Литературной критики, которая, какаа бы ни была, все-таки могла бы очищать литературную грязь, здѣсь нѣтъ совершенно. Оттого романъ здѣсь принимаютъ не по понятію о немъ, а по тому политическому знамени, котораго держится издатель и авторъ романа, и по болѣе или менѣе изящнымъ оберткамъ и картинкамъ.

Мы вовсе не преувеличиваемъ дѣла. Въ этомъ согласны сами болѣе серьезныя испанцы. Безконечная политическая борьба, въ которой часто не видишь ни дѣла, ни смысла, парализовала въ Испаніи все. Выходящія здѣсь повременамъ книжки даже съ учеными заглавіями и учеными претензіями всѣ наполняются политическими дразгами: какой-нибудь профессоръ университета издаетъ, подъ названіемъ Исторіи первыхъ пяти вѣковъ христіанства, пошлую пасквиль демократа на всѣ другія партіи; какой-нибудь *кура*, въ книгѣ объ Отцахъ церкви, даетъ подобную же пасквиль ультрамонтана противъ всѣхъ другихъ партій. Люди болѣе спокойныя съ горестью смотрятъ на подобный порядокъ вещей: они считаютъ его хуже того, какой былъ во времена инквизиціи.

Но есть, правда очень немного, а есть и серьезныя литературныя дѣятели, которыхъ можно назвать ядромъ будущаго спокойнаго развитія умственной жизни Испаніи, если только страшныя политическія неурядицы когда-нибудь въ ней прекратятся и не доведутъ ее до положенія Польши. Имена этихъ дѣятелей мало знаютъ сами испанцы, по крайней-мѣрѣ ихъ рѣдко встрѣчаешь въ печати, и еще рѣже въ разговорахъ. Такіе дѣятели держатся вдали отъ политики. А въ Испаніи каждый разсуждаетъ только о политикѣ. Въ лавкѣ идутъ разговоры только о политикѣ, на улицѣ между водоносами и извозчиками такіе же толки, въ цирюльнѣ то же; не знаемъ, подѣленъ ли между политическими пар-

тіями извошки и водоносы, но вѣрно знаемъ, что мадридскія цирюльни каждая принадлежить къ какой-нибудь партіи, и на долю демократовъ и прогресистовъ достается ихъ всего болѣе. Дома испанцы не живутъ: они, какъ политики, постоянно толкуются на своемъ *форумъ*, т. е. на площади Солнца и въ кофейняхъ. Такъ гдѣ же имъ послѣ этого знать о какомъ-нибудь скромномъ литературномъ дѣятелѣ, который не занимается ежедневными политическими дразгами? Университетская молодѣжь, которая прямѣе всего должна бы интересоваться подобными литературными дѣятелями, знаетъ ихъ не больше другихъ: въ университетахъ та же политика и тѣ же партіи.

Поэтому неудивительно, что иностранцы мало знаютъ, или почти совершенно не знаютъ современной испанской литературы. Политической болтовни, политическаго хламу въ Испаніи столько, что подъ нимъ нескоро отроешь что-нибудь дѣйствительно стоящее вниманія. Иностранца здѣсь прежде всего и главнымъ образомъ стараются познакомить съ политическими писателями, изъ которыхъ каждого рекомендуютъ или спасителемъ или врагомъ отечества, смотря по тому, въ какомъ отношеніи находится рекомендующій къ рекомендуемому. Чѣмъ вредить отечеству одинъ, и чѣмъ спасаетъ его другой? Это вы найдете и будете находить ежедневно въ печатаемыхъ ими болѣе или менѣе горячихъ филиппикахъ противъ министерства, и противъ различныхъ партій. Что касается литературы, то у всѣхъ на языкѣ только имена старинныхъ знаменитостей: Сервантеса, Лопедевеги, Кальдерона, Моратина, которыхъ, по правдѣ сказать, они знаютъ только одни имена; а изъ новѣйшихъ вамъ укажутъ... опять-таки на политиковъ. Достойные вниманія труды новѣйшихъ литературныхъ дѣятелей вамъ придется поискать.

Подобнымъ розыскомъ замѣчательныхъ литературныхъ явленій въ Испаніи современной хотимъ заняться мы. Многого общать не можемъ: мы не можемъ дать цѣльной картины современнаго состоянія испанской литературы, а можемъ давать только отрывочныя свѣдѣнія, это уже само-собой большой недостатокъ. Но читатели насъ извинять, потому что мы здѣсь находимся въ положеніи начинающаго: можетъ, изъ частныхъ свѣдѣній впоследствии составится и нѣчто цѣльное. Впрочемъ, мы общаемъ сообщать свѣдѣнія только о дѣйствительно интересныхъ литературныхъ явленіяхъ, не входя при этомъ въ сухіе и скучные разборы, а стараясь больше знакомить по современнымъ испанскимъ писателямъ съ современною жизнію и взглядами, проводимыми въ общественное сознаніе лучшими представителями испанской литературы.

I.

«Вчера, Сегодня и Завтра», романъ Антоніо Флореса.

Въ настоящій разъ мы хотимъ остановить вниманіе нашихъ читателей на D. Antonio Flores, даровитомъ, хотя и неплодотворитомъ, современномъ испанскомъ писателѣ.

Первый замѣчательный трудъ Антоніо Флореса былъ его романъ *Впра, Надежда и Любовь*, появившійся лѣтъ десять тому назадъ, и въ свое время даже переведенный на французскій языкъ. Романъ этотъ нельзя назвать вполне оригинальнымъ: вся его концепція весьма много напоминаетъ *Парижскія тайны* Сю, но всѣ личности, выведенныя въ немъ—истые испанцы. Главный герой его—аббатъ Македа, попавшій въ духовное званіе вслѣдствіе того обычая, по которому третій сынъ богатаго сеньора дѣлался непременно священникомъ—съ совершенно испанскимъ равнодушіемъ и звѣрствомъ истребляетъ всю свою фамилію, чтобы сдѣлаться единственнѣмъ обладателемъ ея имѣнія. Для этого онъ находится въ тѣсной связи со старухами-пройдохами Мадрида и съ разбойниками, для этого же онъ употребляетъ другихъ священниковъ, которые имѣютъ тѣсную связь съ его фамиліей по званію духовниковъ. Всѣ ему служатъ вѣрно—за деньги; измѣняютъ только тѣ, которые должны бы служить всего вѣрнѣе: одинъ изъ разбойниковъ, сохранившій еще искру совѣсти, дѣлается жаркимъ защитникомъ одной гонимой имъ жертвы, послѣдняго остатка его фамиліи, за истребленіемъ которой слѣдовало бы полное торжества аббата Македы. Разбойникъ не дошелъ до той степени бездушія и звѣрства, до которой могъ дойти испанскій священникъ. Ужасный характеръ аббата Македы напоминаетъ собою того испанскаго священника Мерино, который въ 1852 году покушался на жизнь королевы Изабеллы. Подобныхъ личностей можетъ воспитать только Испанія, отечество Филиппа II и Торквемады. Читая процессъ о Мерино, не вѣришь тому необыкновенному, почти ужасному хладнокровію, которое онъ хранитъ во все время процесса, не вѣришь тому равнодушію, съ которымъ онъ встрѣчаетъ самую смерть: во всемъ его поведеніи нѣтъ ни афектаціи, ни натуности, а все ровно, спокойно. Вотъ Мерино твердою поступью поднялся на эшафотъ, сѣлъ на стулъ къ столбу, вложилъ свою шею въ желѣзный воротникъ и, наконецъ, сказалъ палачу спокойно и твердо: «готово! затагивай, если угодно!» Но въ своемъ романѣ Антоніо Флоресъ страдаетъ говорливостію и излишнею растянутостію.

Другое его произведение, явившееся тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ—это *Исторія супружества*, которая представляетъ весьма рѣзкую сатиру на супружескую жизнь недостаточныхъ людей средняго класса Испаніи. Онъ описываетъ ее не въ цѣльномъ разсказѣ, но въ отдѣльныхъ очеркахъ тѣхъ выдающихся событий, которыми слѣдуютъ здѣсь одно за другимъ: знакомство жениха и невѣсты, состояніе влюбленныхъ, рѣшеніе на бракъ, медовый мѣсяцъ, охлажденіе супруговъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ нуждъ, дѣти и проч.—все это подвергается его злой и вмѣстѣ горькой насмѣлкѣ. Нужно замѣтить, все это онъ изображаетъ съ талантомъ, такъ что по сочиненію можно превосходно познакомиться съ семейною жизнью испанцевъ, по крайней-мѣрѣ, съ отрицательною ея стороною.

Лучшее его произведение послѣднее, котораго первые два тома появились въ прошедшемъ году, а послѣдній, третій, въ нынѣшнемъ, это *Ayer, Hoy y Mañana—Вчера, Сегодня и Завтра*. Въ немъ авторъ изображаетъ прошедшее испанскаго общества, его настоящее и ожидаемое имъ будущее. Съ этимъ сочиненіемъ мы и хотимъ подробно познакомить нашихъ читателей.

Основная мысль его та, что жизнь испанскаго общества далеко еще не преобразилась и нескоро преобразится: старыя предрассудки, старыя взгляды проникаютъ все его новыя обычаи и учрежденія; испортившее его вліяніе монашескихъ орденовъ и инквизиціи рѣзко отражается на испанскомъ парламентаризмѣ и политическихъ партіяхъ. Если прежняя его жизнь носитъ на себѣ характеръ страдательности, тупости, то его настоящая жизнь представляетъ какой-то хаосъ, въ которомъ не доберешься толку, какую-то тьму, въ которой люди ходятъ ощупью, не добраясь ни до чего путнаго ни съ своею конституціей, ни съ своею свободой. Впрочемъ, авторъ вовсе не урѣзываетъ своихъ отдѣльныхъ очерковъ и разсказовъ по этой основной мысли: онъ свободенъ въ нихъ, часто какъ-бы забываетъ основную мысль, остроумно, иногда художественно рисуя недавнее и еще живое старое и настоящее современное.

Мы не будемъ сводить въ одно цѣлое отдѣльныхъ чертъ, въ которыхъ авторъ развиваетъ свою основную идею, потому что въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы передать читателямъ вмѣсто живыхъ разсказовъ автора наше сухое изложеніе. Мы находимъ лучше передать читателямъ наиболѣе характеристическіе разсказы, въ которыхъ, кромѣ того, что ясно видна основная мысль автора, наглядно изображается прошедшее и настоящее испанскаго общества. Разсказы, которыхъ предметъ составляетъ будущее, мы оставляемъ вовсе, потому что они, при всемъ

остроуми автора, отличаются фантастичностію и теряютъ весь интересъ при передачѣ ихъ на другомъ языкѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ автора, въ своихъ разсказахъ о прошедшемъ онъ даетъ почти главное мѣсто монашескимъ орденамъ, которыхъ вліяніе на общественную жизнь Испаніи тридцать лѣтъ тому назадъ чувствовалось на каждомъ шагѣ. Въ маленькой столицѣ, и теперь занимающей пространство меньше любого нашего губернскаго города, уже въ тридцатыхъ годахъ было однихъ только мужскихъ 34 монастыря, да столько же женскихъ; а нужно замѣтить, что число монастырей въ Испаніи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія было значительно сокращено. Теперь всего этого не существуетъ. Зданія многихъ монастырей совершенно скрыты и на мѣстѣ ихъ образовались площади; изъ другихъ сдѣланы частные дома; сенать и конгрессъ депутатовъ помѣщаются въ монастырскихъ церквахъ, безъ особеннаго даже измѣненія ихъ внѣшняго вида; въ монастырѣ помѣщенъ мадридскій университетъ; два монастыря превращены въ казармы; одна монастырская церковь превращена въ театръ (Лопе-де-Веги), тоже безъ особеннаго измѣненія ея внѣшняго вида; разныя министерства помѣщаются тоже въ церквахъ. Это въ Мадридѣ. Въ другихъ городахъ монастырямъ и монастырскимъ церквамъ дано другое назначеніе; въ Хересѣ, напр., въ монастырскихъ церквахъ, какъ мы видѣли своими глазами, хранятся бочки съ старымъ хересомъ. Все это случилось въ послѣдніи тридцать-пять лѣтъ, когда монахи, принимаемые прежде въ каждомъ домѣ Мадрида какъ друзья и даже больше чѣмъ друзья, встрѣтили въ каждомъ изъ тѣхъ же домовъ жесточайшихъ своихъ враговъ, которые уже не считали грѣхомъ безчеловѣчно поворить, бить и даже убить монаха, когда жители Мадрида вмѣсто того, чтобы по прежнему обычаю заботиться объ украшеніи монастырскихъ храмовъ, наперсхватъ грабили эти храмы, торговали картинами, украденными изъ монастырей, не стыдились вытаскивать изъ монастырскихъ церквей позолоченныя рамы и обдирать съ нихъ потускнѣвшее золото. Но авторъ разсказываетъ намъ о временахъ, когда монахи и монастыри наслаждались еще полнымъ спокойствіемъ и безопасностію.

Теперь Мадридъ похожъ на всѣ другія столицы Европы: круглая сутки жизнь, самая шумная, самая разбитная. Но въ старые годы это былъ вполнѣ монастырскій городъ. Въ Мадридѣ бывали часы, когда народонаселеніе какъ будто вымирало: это— время ночи отъ осьми или девяти часовъ до раннаго утра и середина дня отъ одиннадцати часовъ до двухъ или трехъ пополудни. Самъ Король Фердинандъ VII, великій любитель «ма-

ночь, ночью тихо и смиренно, закутавшись усердно въ *кану*, пробирался по улицамъ на поиски своихъ любимицъ. Въ полуденные часы на улицѣ часто не бывало ни души, всѣ ворота въ городъ бывали заперты. Тонъ городской жизни задавали монастыри. Первые признаки жизни во второй половинѣ дня замѣчались въ монастыряхъ.

Въ два часа пополудни, отъ 14 сентября до 3 мая, и въ три во все остальное время года, послѣ полуденнаго отдыха, который такъ же свято чтится въ Испаніи, какъ у насъ въ Россіи, отворялась дверь каждой монастырской портеріи (привратнической каморки), и на порогѣ появлялся привратникъ съ связкою ключей въ рукахъ, потягиваясь и позѣвывая. За этимъ онъ поднималъ глаза къ небу, дѣлая метеорологическія наблюденія и разгадывая, хорошая ли будетъ погода вечеромъ или дурная.

Послѣ такихъ занятій онъ снова возвращался въ свою каморку въ ожиданіи пока важные отцы пойдутъ на прогулку, которая вела ихъ, впрочемъ, не въ сухія и голыя окрестности Мадрида, но къ ихъ любимому развлеченію — *мръ съ дамы* (*el juego de damas*, поиспански значитъ игра въ шашки и вмѣстѣ волокитство) въ домѣ какого-нибудь мірянина-хлѣбосола. Между тѣмъ какъ привратникъ спокойно ожидалъ выхода отцовъ, къ нему прибѣгали то дѣтиски сосѣдей узнать, не оставилъ ли онъ для нихъ послѣ сытнаго монашескаго обѣда какую-нибудь горсть фигъ, изюму или яблока, то посланцы отъ монахинь, чтобы извѣститься объ отцѣ Тулапо, духовникѣ сестры Менганы или Сотаны. Первымъ онъ давалъ фигъ или какихъ-нибудь другихъ плодовъ, примаргинавая болѣе или менѣе плутовски, смотря по тому, сколько онъ давалъ имъ монашескаго лакомства; со вторыми онъ ворчалъ на духовныхъ дочерей и на отцовъ-духовниковъ — дѣло впрочемъ дальше не заходило.

Лишь только привратникъ успокоивался въ своей каморкѣ, начинали попарно выходить изъ монастыря всѣ монахи. Не выходили только больные или арестованные за какую-нибудь вину пріоромъ, и послушники; впрочемъ, послѣдніе оставались безъ своего отца-наставника, который тоже уходилъ подъ пару съ своимъ ученикомъ-фаворитомъ. Послушники выходили только по четвергамъ, всѣ вмѣстѣ, попарно и подъ предводительствомъ своего наставника; въ другіе дни недѣли, вечеръ они проводили или въ монастырскомъ огородѣ, играя въ дискъ, или на дворѣ, играя въ мячикъ, или на монастырской галлерей, играя въ прыжки.

Мы, впрочемъ, такъ-себѣ замѣтили о домашнемъ времяпрепровожденіи монастырскихъ послушниковъ. Общій характеръ запад-

наго монашества вовсе не опредѣляется его белейною жизнью; за-
надный монахъ жилъ не въ кельѣ, а въ мѣрѣ. И нашъ авторъ
считаетъ наиболѣе важнымъ представить монаха «мірскаго», а
не «религіознаго».

Такихъ (т.-е. мірскихъ) монаховъ, замѣчаетъ авторъ, вообще
несравненно больше, чѣмъ другихъ, и это особенно нужно свя-
зать о времени послѣ 1800 года.

Еще задолго до этого времени они были извѣстны подъ на-
смѣшливымъ прозвищемъ *братъевъ обѣдни и обѣда*. Ихъ похо-
жденія сдѣлались предметомъ пословицъ и присказокъ народа.
Теперь они были извѣстны модъ именемъ *отцовъ-пустозвоновъ*.
Между тѣмъ, о которыхъ говорить нашъ авторъ, немногихъ
онъ считаетъ мужами дѣйствительно превосходными по добродѣ-
телямъ и мудрости, но большинство ихъ отцы-пустозвоны.

Вотъ вышла изъ монастыря одна пара, за нею другая и т. д.
Это не мужи, превосходные добродѣтелями и мудростію, это на-
стоящіе отцы обѣдни и обѣда. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ
каморкѣ привратника и сказалъ ему:

— Слушай, не забудь извѣстить отца-пріора, что эту ночь
я долженъ исповѣдывать больного, того, что исповѣдывалъ
прежде.

— Не скажу, отвѣчалъ привратникъ рѣзко.

— А почему?

— Потому что онъ скажетъ, что кому нужно, тотъ долженъ
просить у него позволенія лично.

— Да вѣдь ты самъ мнѣ сказалъ, что его уже извѣщали объ
этомъ?

— Да, я говорилъ; но напоминать еще отцу-пріору я не берусь.
Когда ваша милость возвратитесь къ ужину, можете сами по-
говорить ему объ этомъ. Такъ, такъ!... ужъ потрудитесь сами
зайти въ келью пріора и попросить *Benedicite*, прежде чѣмъ
уйдете изъ монастыря на ночь.

— Да видишь, я ужъ иду, сказалъ на это братъ.

— Такъ что же? Развѣ ваша милость не думаете возвратиться
до утра?

— Да такъ, потому что это очень далеко, для того, чтобы
приходить сюда и потомъ опять идти.

— Ничего, ничего, отче, отвѣчалъ съ лукавой усмѣшкой при-
вратникъ:—ужъ потрудитесь, ваша милость! Повѣрьте мнѣ, лучше
будетъ. Вѣдь вотъ отецъ Олеарій не сдѣлалъ этого, такъ ужъ
цѣлую недѣлю ѣсть за вторымъ столомъ.

— Экая важность—наказаніе! сказалъ братъ.

— Да не одно это; ваша милость, конечно, знаете, что съ

того времени онъ каждый день предъ вечеромъ приходять въ белью пріора просить *Benedicite* на прогулку, а тотъ всякій разъ ему отказывается.

— Тоже небольшая потеря, потому что съ того времени сегодня только первый день нѣтъ дождя.

— Такъ-то такъ; но признайтесь, ваша милость, вѣдь очень худо быть обязаннымъ просить какой-нибудь вещи, зная напередъ, что тебѣ въ ней откажутъ.

— Да пойдѣмъ, началъ наконецъ понукать съ нетерпѣніемъ компаньонъ по прогулкѣ брата, разговаривавшаго съ привратникомъ.

Меньше чѣмъ въ полчаса выходили изъ разныхъ монастырей Мадрида около тысячи паръ. Очень немногіе отпраивались дѣйствительно на прогулку; бѣдшая часть расходилась по городу и весь вечеръ употребляли на визиты. На шестьсотъ домовъ теперь расходилась тѣ, которые до этого часа жили въ тридцатипяти—таково было въ Мадридѣ количество монастырей въ эпоху, описываемую авторомъ.

Какъ духовные вожди высшихъ и самыхъ богатыхъ фамилій города, братья являлись въ домѣ какъ люди самые довѣренныя, какъ совѣтники по самымъ интимнымъ домашнимъ дѣламъ — и это была обыкновенная вещь, что женихи добраго стараго времени, прежде чѣмъ узнавали волю дѣвушки или ея родителей, напередъ заискивали въ братѣ, который посѣщалъ домъ будущей невѣсты. Немного труда стоило жениху склонить на свою сторону брата — для этого иногда стоило только по утрамъ помочь ему при служеніи мессы и сказать ему какую-нибудь латинскую фразу, встать или не встать — это все равно.

Когда братья шли по улицѣ, кто бы ни встрѣчался съ ними, никто не освобождался отъ обыкновеннаго *besamanos* (цалованіе рукъ); это исполняли даже люди высокіе, особенно тѣ, которые имѣли въ столицѣ какое-нибудь официальное положеніе.

— Святой жизни по Богъ—такова была обыкновенная фраза брата, даващаго поцаловать свою руку.

Нѣкоторые отвѣчали на нее насмѣшливо:

— Хорошо бы такъ, отче, только бы безъ бѣднй.

Тѣ двое, которые останавливались въ портеріи, лишь скрылся изъ виду монастырь, зашли въ улицу, встрѣтились съ городскимъ алькальдомъ. За нѣсколько еще саженой онъ снялъ шляпу и подбѣжалъ поцаловать руки у монаховъ. Немного спустя съ ними встрѣтился президентъ кастильскаго совѣта и сдѣлалъ то же самое.

Встрѣчавшіяся съ ними женщины цаловали только висѣвшій

ремень братскаго пояса. Съвѣзь строй цалованій они, наконецъ, дошли до одного одноэтажнаго дома, котораго ворота были заперты.

Вышедшая отворить имъ ворота служанка поцаловала у нихъ поясные ремни; то же сдѣлала хозяйка дома и ея двѣ дочери, принимая ихъ въ кабинетѣ, гдѣ принимались только люди самые близкіе.

Мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ убранствѣ этого кабинета, потому что оно характеризуетъ жизнь тогдашняго высшаго класса, къ которому принадлежалъ хозяинъ дома. Кабинетъ былъ довольно просторенъ; стѣны его разрисованы мнѣологическими фигурами, которыя, впрочемъ, были вполнину закрыты священными изображениями. Между ними главное мѣсто занимали *Concepcion* Мурильо и *Святое семейство* Алонса Кано. Рядомъ съ картинами висѣло множество рамъ и рамокъ съ разными патентами, указывавшими на то, что хозяинъ дома есть членъ разныхъ религіозныхъ братствъ. Одна рама громадной величины содержала въ себѣ папскія буллы, купленныя хозяиномъ дома; другая, нѣсколько меньшая, содержала въ себѣ свидѣтельства причащенія всей фамилиі за прошлый годъ. Великолѣпная мебель, украшенная слоновою костью, и прекрасныя гардины, сдѣланныя изъ камыша, напоминали о богатой испанской Индіи — это неудивительно, потому что хозяинъ дома былъ нѣкогда генерал-губернаторомъ на Филиппинскихъ островахъ.

Когда братья вошли сюда, дочери хозяйки занимались тамбурнымъ шитьемъ: одна вышивала юбку для своей матери, а другая камзолъ для своего отца. Съ опущенными внизъ глазами онѣ поднялись изъ-за работы, чтобы поцаловать поясные ремни у монаховъ. Когда онѣ поднялись и шли, можно было замѣтить, что онѣ были только въ саржевыхъ юбкахъ, довольно плотно прилегавшихъ къ тѣлу, и въ кофтахъ, совершенно *negligé*, какъ онѣ могли быть только въ присутствіи лицъ слишкомъ близкиихъ.

Сама хозяйка, одѣтая въ темнозеленое, прядя нѣжный и волокнистый ленъ на самопрялкѣ изъ слоновой кости, того же происхожденія, что и мебель въ кабинетѣ. Она точно такъ же продолжала свою работу и по приходѣ монаховъ.

Эти заняли мѣста вдаль отъ дѣвущекъ около жаровни съ огнемъ*. Усѣвшись около тепла, одинъ изъ нихъ сказалъ своему компаньону:

* Въ Мадридѣ ни прежде, ни теперь въ домахъ не устраниваются ни печи, ни каминны, хотя холодъ бываетъ изрядный. Вмѣсто этого въ состоятельныхъ домахъ употребляютъ просто жаровни съ углями (*braseiro*).

— Какой дурной вкусъ у этихъ дѣвушекъ, что онѣ не хотятъ пододвинуться поближе къ теплу, особенно сегодня, когда, хоть и солнце, но дьявольски холодно.

— Да, ваши милости намъ помѣшали, отвѣчали обѣ дѣвушки разомъ.

— Проворны! И кто же приказалъ говорить вамъ? возразила мать:—благовоспитанныя дѣвушки говорятъ только тогда, когда ихъ спрашиваютъ.

Здѣсь вступился одинъ изъ монаховъ, говоря:

— Э! не браните ихъ: онѣ вовсе невиноваты, и въ томъ, что онѣ говорятъ, нѣтъ ничего худого.

— Говорите, дочьки, отвѣчала на это мать:— вамъ приказываетъ отецъ Амвросій.

Это въ Испаніи было закономъ, который отчасти еще сохраняется теперь, что только заматорѣвшая дѣва имѣла право сама по себѣ спрашивать и отвѣчать; дѣвушкѣ въ другомъ возрастѣ, хотя бы и совершеннолѣтней, нужно было для этого особое дозволеніе или приказаніе.

— О чемъ же угодно вашей милости, чтобъ мы стали говорить? спросила одна изъ дѣвицъ.

— Отвѣчайте на то, что васъ спрашиваютъ.

— А если насъ не спрашиваютъ?

— Молчите.

— Такъ какъ же, если отче приказываетъ намъ говорить!... возразила одна изъ дѣвушекъ.

— Да, такъ; но отецъ Амвросій забылъ, что завтра суббота.

— О, еслибы далъ Богъ забыть это дѣйствительно! сказалъ монахъ съ усмѣшкою.

— Что, что такое? спрашивала хозяйка.

— Вообразите себѣ, вчера поваръ забылъ посмотреть табелку, и заглянувъ въ нее уже нынѣ, когда пришло время готовить обѣдъ, увидѣлъ, что сегодня пятница.

— Такъ что же?

— Да тоже: мяса-то нельзя ѣсть, а онъ и импровизовалъ намъ похлебку скверную, да вдобавокъ и сырую.

— И хоть бы съ рыбой была, прибавилъ другой монахъ.

— Но ты видѣлъ, что въ мискахъ не осталось ни капли!

— Что же оставалось дѣлать, какъ не поѣсть все! Другаго средства не было.

— То ли еще: нѣкоторые глотали просто не жевавши, таковъ былъ наставникъ послушниковъ.

— У него желудокъ бѣдняка.

Дѣвушки смѣялись разговору монаховъ, но мать сказала имъ тихимъ голосомъ, прищипывая ногою:

— Дѣти, завтра вы идете въ церковь; такъ собирайтесь съ мыслями для добраго испытанія совѣсти.

— Вона! возьми-ка вотъ порошокъ, сказалъ одинъ изъ монаховъ, подавая матери серебряную табакерку:—и не ворчи на добрыхъ дѣвушекъ.

— До настоящей минуты, сказала на это хозяйка, протягивая руку къ табакеркѣ монаха:—онѣ не выходили изъ повиновенія. Я говорю имъ, если вы хороши и имѣете въ себѣ страхъ божій, это важно для васъ же; на меня надежда плоха. Я скоро должна буду оставить этотъ мѣръ и не покину вамъ большого богатства; я стараюсь-только о томъ, чтобы дать вамъ доброе воспитаніе. Онѣ у меня, если случится, сьумѣютъ быть хозяйками дома и воспитать своихъ дѣтей, какъ повелѣваетъ Богъ и какъ воспитали родители ихъ самихъ. Онѣ, не въ похвальбу сказать, въ родительскомъ домѣ не видѣли ни одного худого примѣра; онѣ у меня неопустительно каждый день слушаютъ мессу, не пропускаютъ ни единого вечера, чтобы не помолиться впродолженіе цѣлаго *акависта*, и непременно три раза въ недѣлю присутствуютъ при пѣніи *трисвятого*. Охъ, въ этомъ я была счастлива. Сорокъ уже лѣтъ я замужемъ, и ни одного дня, даже по болѣзни, я не пропускала безъ того, чтобы не помолиться за *акавистомъ* со всей своей семьей; когда я бывала больна, такъ что не могла поднять головы, мои семейные становились на колѣна вокругъ моей кровати и такимъ образомъ исполняли всѣ благочестивые обряды. А, кстати, я вспомнила, далъ вашимъ милостямъ мой мужъ милостыню на нѣсколько мессъ?

— Миѣ нѣтъ; а тебѣ? спрашивалъ одинъ монахъ другого.

— Тоже нѣтъ; сегодня послѣ обѣдни я видѣлъ его въ сакристин, говорили мы съ нимъ о томъ, о семъ, но объ этомъ ни слова.

— Эхъ, голова, голова! воскликнула на это хозяйка.

Подъывая къ себѣ вертѣвшагося здѣсь пажа, она сказала ему:

— Поди къ господину и скажи ему, чтобъ онъ пришелъ сюда, потому что здѣсь отцы.

— Оставьте его, не тревожьте: мы вѣдь еще не уходимъ, сказали на это одинъ изъ монаховъ.

— Я думаю, что вы выпьете съ нами шоколаду.

— Если вашей милости угодно, сказали разомъ оба монаха.

— Дочка, сказала хозяйка повелительно старшей своей дочери:—поди и возьми шоколаду, знаешь... изъ чорнаго ящика.

— Тотъ, что былъ прошлый разъ, превосходень, сказалъ одинъ изъ братьевъ... Я не пивалъ лучшаго.

— Теперь я посылаю за другимъ, потому что тотъ, который вы пили вчера, не такъ хорошъ; какао тотъ же самый, но когда его приготовляли первый разъ, шоколадъ вышелъ слишкомъ поджаристъ, теперь попробуемъ другаго приготовления.

И хозяйка съ этими словами потянула въ себя табагъ. Три чиханія сопровождали эту понюшку.

— Dominus tecum, сказали оба брата.

— Et tecum, отвѣчала хозяйка. Между тѣмъ хозяинъ входилъ въ кабинетъ.

— Вотъ-те на! Ужъ ты говоришь полатыни! Ну, значить, исполнилось пророчество св. Вивентія.

— Чтò за остроты! отвѣчала застигнутая въ распλοхъ хозяйка.—Ну, вотъ вы, военные и адвокаты, изучаете латынь одни въ Саламанкѣ, а другіе въ казармахъ.

Мужъ не хотѣлъ спорить съ супругой и, цалуя руки у монаховъ, говорилъ имъ:

— Я пришелъ повидаться съ вами, чтобы разспросить у васъ кое-что о выборахъ. Какъ же, какъ же видѣть совѣщаніе о выборѣ генерала ордена?

— Худо, худо, отвѣчалъ одинъ изъ монаховъ.

— Ну, да чтò же такое?

— Каждый день все новыя интриги и новыя исцательства.

— Я думалъ, что ужъ окончательно рѣшено, кого выбрать.

— Такъ говорили третьяго-дня, но теперь, кажется, его величество высказалъ желаніе, чтобъ былъ выбранъ отецъ проповѣдникъ Тригерось.

— Это тотъ, чтò надѣлалъ здѣсь такого шуму въ 1780 и 1781 годахъ?

— Тотъ самый.

— Это былъ бы хорошій выборъ.

— Не думайте; не одно и то же проповѣдывать и быть генераломъ ордена проповѣдниковъ. Для этой должности нужно много важности и много твердости, но отецъ Тригерось не имѣетъ ничего подобнаго. Кромѣ того, буду съ вами откровенъ, указываютъ на одно лицо въ Сеговіи, гдѣ и назначено теперь собраться канитулу.

— Не отправляется туда кто-нибудь изъ васъ?

— Да я былъ назначенъ, сказалъ одинъ изъ монаховъ:—но, кажется, не найду мула, годнаго для того, чтобы благополучно пробраться чрезъ горы. Монастырскіе очень стары, пожалуй, заставятъ меня дня четыре пробыть въ дорогѣ.

— Это еще по меньшей мѣрѣ, замѣтилъ другой монахъ:—а пожалуй привезетъ тебя въ канитулу и поздно, и больнымъ.

— Съ моей стороны хоть бы и не ѣхать туда, потому что я не жду большой прибыли отъ того кандидата, котораго представляемъ мы съ своей стороны.

— А кто это такой? спросилъ хозяинъ.

— Извините, сеньоръ Дон-Леандро, сказать этого не могу, это—секретъ общины, и тѣмъ болѣе, мы не увѣрены въ торжествѣ, а потому должны быть осторожны.

— Вы вольны молчать объ этомъ, отвѣчалъ хозяинъ:—я спросилъ потому единственно, что могъ бы нѣкоторымъ образомъ повліять въ пользу избраннаго вашей общиной. Ваша милость, конечно, знаете о моихъ связяхъ со всѣми монастырями ордена.

— Это такъ, я знаю; но мы, монахи, не поддаемся вліяніямъ такъ легко, какъ предполагають. Меньше труда стоитъ приобрести голоса въ Sacro Colegio при выборѣ папы, чѣмъ въ монастыряхъ при выборѣ генерала ордена. Нинѣ нельзя ужь узнать характера капитуловъ*, потому что каждый монастырь даетъ свой голосъ той сторонѣ, отъ которой ждетъ собственной пользы и, можно сказать, идетъ за тѣмъ, кто больше даетъ, поэтому я боюсь, что выберутъ кандидата, предложеннаго его величествомъ. Если бы не такъ, я бы поручился за мой выборъ.

— Это было бы пріятно и мнѣ, потому что, думаю, вы нашли лицо, достойное такого высокаго поста.

— Точно такъ; мнѣ кажется, что для этого мы обладаемъ кое-какими средствами.

— Богъ да поможетъ вамъ! воскликнулъ хозяинъ.

— Увидимъ, отвѣчалъ монахъ.

— Могу увѣрить вашу милость, замѣтилъ при этомъ другой отецъ:—что столько не говорили о смерти короля, Лудовика XVI, сколько говорить теперь о нашемъ капитулѣ

— Да, они всегда бывали шумны.

— Но едва-ли былъ такъ, какъ теперь.

— Ваша милость думаете, что при выборѣ, не обойдется безъ брани? спросилъ хозяинъ.

— Отчасти, отвѣчалъ съ улыбкою монахъ.

— Пошумятъ только? спрашивалъ хозяинъ.

— Разумѣется; не полюбятъ же рѣки крови, сказали въ разъ оба монаха.

Поданъ былъ шоколадъ и разговоръ перешелъ на пустыне предметы. Наконецъ монахи поднялись, чтобы уйти, и хозяинъ, подошедши къ одному изъ нихъ, спросила:

* Представители разныхъ монастырей одного и того же ордена, собравшіеся въ одно мѣсто для выбора генерала, составляли *капитулъ*.

— А что, ваша милость рано встанете завтра?

— Да въ шесть часовъ утра у меня месса; а что вамъ угодно?

— Завтра я беру дочерей исповѣдываться, и хотѣла бы узнать, скоро ли вы придете въ исповѣдальную.

— Лишь окончу мессу и выпью глотокъ шоколаду, я готовъ. Только бы, при входѣ въ церковь, не ухватились за меня какія нибудь старухи, тогда утро потеряно. Это случилось вчера; онѣ проморили меня до одиннадцати; я вышелъ изъ церкви съ закурившейся головою. Вы станьте въ капеллѣ del Sagrario; въ такомъ случаѣ при входѣ въ церковь я наткнуся на первыхъ на васъ и буду избавленъ отъ большей части старухъ.

— Нѣкоторые, охъ, какъ тяжелы!... воскликнулъ другой монахъ.

— А вы должны вооружаться терпѣнiемъ, замѣтилъ хозяинъ.

— Я лучше готовъ исповѣдывать цѣлый батальонъ, чѣмъ одну изъ этихъ вѣдьмъ, сказалъ монахъ.

Наконецъ, братья поднялись съ мѣстъ. Хозяйка съ дочерьми поцаловала у нихъ поясные ремни. Хозяинъ, провожая ихъ до самыхъ воротъ, поцаловалъ у нихъ руки.

Авторъ не слѣдитъ за монахами до воротъ монастыря: это было бы для него слишкомъ утомительно, потому что одинъ изъ нихъ едва-ли воротился въ монастырь до утра: ему еще нужно было исповѣдывать какого-то больного.

Н. К — въ.

(Продолженiе будетъ).

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Часть вторая.

ЖИЛЬЯТЬ-БУДЕННИКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВЪ.

I.

Куда трудно добратъся и откуда трудно выбратъся.

Лодка, замѣченная со многихъ точекъ гернсейскаго берега въ теченіе предъидущаго вечера, была, какъ вѣроатно догадались читатели—ботъ. Жильять выбралъ себѣ дорогу вдоль берега по фарватеру, который шелъ между скалами. Этотъ путь былъ опасный, но прямой. Взять ближайшій путь—вотъ была его единственная забота. Потерпѣвшіе крушеніе не ждуть; море требуетъ поспѣшности; часъ замедленія—и все могло быть потеряно. Ему необходимо было какъ можно скорѣе явиться на помощь машинѣ, которой ежеминутно грозила опасность.

Оставляя Гернсей, Жильять старался всѣми силами не обратитъ на себя вниманія. Онъ улизнулъ тайкомъ, словно бѣжалъ отъ преслѣдованій. Съ тою же цѣлью Жильять избѣгалъ восточнаго берега, чтобъ не пройти мимо Сен-Сансона и порта Сен-Пьеръ. Онъ проскользнулъ, можно сказать, невидимкой вдоль противоположнаго, малонаселеннаго берега. Между скалами ему пришлось грестъ, но Жильять владѣлъ весломъ, согласно гидравлическому закону, то-есть опускалъ его безъ шума, и поднималъ безъ плеска. Поэтому онъ могъ плыть въ темнотѣ и очень тихо и очень быстро. Смотря на этотъ ботъ, можно было подумывать, что онъ идетъ съ какими нибудь дурными замислами.

Дѣло же было въ томъ, что, пустившись сломя голову на предпріятіе почти невозможное и рискуя жизнью безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, Жильять боялся соперниковъ.

На разсвѣтъ невѣдомыя очи, которыя, быть можетъ, смотрѣли въ непредѣльное пространство, могли видѣть посреда моря, въ одной изъ самыхъ уединенныхъ, грозныхъ его точекъ, два предмета, разстояніе между которыми все болѣе и болѣе уменьшалось. Однимъ изъ этихъ предметовъ, едва замѣтнымъ между волнами, была парусная лодка; въ этой лодкѣ былъ человѣкъ; это былъ ботъ и въ ботѣ Жильяръ. Другой предметъ, неподвижный, колоссальный, мрачный, чернѣлся какъ-то удивительнымъ силуэтомъ надъ синевой моря. Два высокіе, громадныя столба поддерживали въ воздухѣ надъ водой нѣчто въ родѣ перекладины, казавшейся мостомъ между обѣими вершинами. Перекладина столь безобразная, что невозможно было отгадать издали, что это такое — составляла одно цѣлое со столбами. Вся эта странная масса походила на чудовищныя ворота. Зачѣмъ тутъ были ворота, тутъ, въ открытомъ со всѣхъ сторонъ морѣ? Можно было подумать, что это титаническій *долмень*^{*}, брошенный посреди океана фантазіей великана и воздвигнутый руками, привычными соразмѣрять свои постройки лишь съ безконечностью бездны. Этотъ грозный силуэтъ чернѣлъ на голубомъ небѣ.

Утренній свѣтъ разливался все болѣе и болѣе на востокъ, бѣлизна горизонта увеличивала черноту моря. Прямо противъ, на другой сторонѣ неба, садилась луна.

Эти два столба были скалы Дувра. Масса, которая торчала между ними, и была объята ими съ двухъ сторонъ словно архитектуръ двумя наличниками — была Дуранда.

Этотъ рифъ, державшій такимъ образомъ свою добычу на виду всѣхъ, представлялъ страшное зрѣлище; предметы неодушевленные часто какъ-бы хватятся передъ человѣкомъ своимъ грознымъ, враждебнымъ видомъ. Было что-то вызывающее въ этихъ скалахъ. Они словно ждали чего-то.

Что могло быть надменнѣе, наглѣе этого зрѣлища? Корабль побѣжденный, бездна—побѣдитель. Скалы, еще мокрыя отъ вчерашней бури, казались вспотѣвшими бойцами. Вѣтеръ стихъ, море слегка волновалось, кое-гдѣ изъ-подъ воды видѣлись рифы, о которые живописно разбивались пѣнистыя волны. Съ открытаго океана доносились какіе-то звуки, походившіе на жужжаніе пчелъ. Все было гладко, ровно, исключая два Дувра, возвышавшіеся отвѣсно, словно двѣ черныя колоны. До нѣкоторой высоты онѣ были покрыты водорослями. Ихъ грутыя вершины блестяли какимъ-то металлическимъ блескомъ оружія. Онѣ, казалось, были готовы возобновить борьбу. Ясно было, что онѣ со-

* Одинокая скала или камень на моголѣхъ цыклоновъ, а также бельтовъ.

ставляли только часть подводнаго края горъ и отъ нихъ дышало тѣмъ-то трагически могучимъ.

Обыкновенно море скрываетъ свои удары. Оно предпочитаетъ тайну. Этотъ безпредѣльный мракъ все хранить про себя самого. Рѣдко тайна отказывается отъ своего таинственнаго покрова. Море не обнаруживаетъ своихъ роковыхъ дѣлъ. Оно губить корабль и скрываетъ его подъ своими волнами; поглощеніе—это его стыдливость. Волна—лицемѣръ: она убиваетъ, грабитъ, утаиваетъ, какъ будто ничего не вѣдаетъ, и улыбается. Она реветъ, хлопочетъ и потомъ вѣется барашкомъ.

Тутъ не было ничего подобнаго. Скалы Дувра, державшія надъ волнами мертвую Дуранду, имѣли торжествующій видъ. Казалось, двѣ чудовищныя руки, высовываясь изъ бездны, показывали бурямъ этотъ трупъ корабля. Это былъ убійца, хваставшійся своимъ убійствомъ.

Ко всему этому прибавлялся еще священннй ужасъ минуты. Разсвѣтъ имѣетъ въ себѣ какое-то таинственное величіе, составленное изъ остатка сна и пробужденія мысли. Въ эту смутную пору въ воздухѣ еще носатся тѣни призраковъ. Нѣчто въ родѣ гигантскаго Н, образуемаго обоими Дуврами съ Дурандой посрединѣ, чернѣлось на горизонтѣ въ какомъ-то сумрачномъ величіи.

На Жильятѣ была его обыкновенная морская одежда — шерстяная рубашка, шерстяные чулки, башмаки съ гвоздями, вязаная куртка, толстые штаны съ карманами; а на головѣ красовался одинъ изъ тѣхъ шерстяныхъ красныхъ колпаковъ, которые употреблялись въ то время между моряками, и назывались въ прошломъ столѣтіи *каторжными*.

Жильятъ призналъ рифъ и пошелъ впередъ.

Дуранда представляла совершенный контрастъ потонувшему кораблю; это былъ корабль, поднятый на воздухъ.

Невозможно себѣ представить страннѣе предпріятія, какъ спасеніе этого корабля.

Уже совершенно разсвѣло, когда Жильятъ прибылъ въ воды рифа.

Какъ мы уже сказали, море было очень тихо; оно немного волновалось только въ узкомъ прохода между скалами. Въ проливахъ никогда не бываетъ затишья.

Жильятъ не прямо подошелъ къ Дуврамъ, онъ принялъ должныя предосторожности.

Онъ нѣсколько разъ бросалъ лоть.

Ему нужно было найти удобное мѣсто, чтобъ пристать и выгрузиться.

Привыкнувъ къ частымъ отлучкамъ изъ дома, онъ имѣлъ всегда на готовѣ все нужное для поѣздки: мѣшокъ сухарей, мѣшокъ ржаной муки, борзинку съ шток-фишемъ и копченой говядиной, большую манерку съ вѣсной водой, норвежскій пестрый ящикъ съ нѣсколькими рубашками, засмоленнымъ верхнимъ платьемъ и бараньей шкурой, которой онъ покрывался ночью. Отправляясь изъ Бю-де-ла-Рю, онъ сложилъ все это на дно бота, и прибавилъ еще только-что испеченный хлѣбъ. Торопясь въ путь, онъ захватилъ съ собою, для предстоявшей ему тяжелой работы, только кузнечный молотъ, топоръ, топорикъ, пилу и веревку съ узлами и крюкомъ. Съ подобной веревочной лѣстницей и умѣніемъ ею пользоваться, искусный морякъ взлѣзаетъ на самыя страшныя крутизны.

Кромѣ всего этого на днѣ бота лежали сѣти, лѣсы и весь рыболовный приборъ. Онъ взялъ ихъ по привычкѣ, машинально, ибо онъ отправлялся надолго въ архипелагъ рифовъ и подводныхъ камней, гдѣ они не могли ему пригодиться.

Въ ту минуту, какъ Жильятъ подходилъ къ скаламъ Дувра, море убывало, обстоятельство для него очень благопріятное. Волны, отливая отъ скалъ, обнажали у подошвы малаго Дувра нѣсколько уступовъ, плоскихъ, немного наклонныхъ, отчасти похожихъ на потолочныя матицы. Эти площадки, то узкія, то широкія, расположенныя на неравнхъ разстояніяхъ вверхъ по вертикальной скалѣ, продолжались тонкимъ карнизомъ до самой Дуранды, которая висѣла на воздухѣ между двумя утесами, сжатая, какъ-бы въ тискахъ.

Эти площадки были очень удобны для разгрузки. На нихъ можно было временно помѣстить вещи, привезенныя въ ботѣ. Но надо было торопиться, онѣ находились надъ водой только впродолженіе нѣсколькихъ часовъ. Съ приливомъ онѣ снова исчезали подъ пѣною волнъ.

Передъ этими-то утесами, частью плоскими, частью отлогими, Жильятъ остановилъ свой ботъ.

Мокрыя, покрытыя слизистыми морскими порослями, утесы эти были очень скользки; покатою еще увеличивали эту скользкость.

Жильятъ снялъ башмаки, выскочилъ босой на слизистые поросли и привязалъ ботъ къ выдающемуся острію скалы.

Потомъ онъ полѣзъ, какъ могъ далѣе, по узкому гранитному карнизу, пробрался подъ самую Дуранду и, поднавѣ глаза, осмотрѣлъ ее.

Дуранда была приподнята, повѣшена въ воздухѣ, и какъ-бы нарочно пригнана между двумя скалами, на высотѣ двадцати фу-

товъ надъ поверхностью моря. Подбросить ее на такую вышиину могло только разсвирѣѣвшее море.

Подобныя, страшныя катастрофы не диковина для моряковъ. Приведемъ одинъ только примѣръ. 25 января 1840 г., въ заливѣ Стора, буря натяскомъ своего послѣднаго вала подняла на воздухъ цѣлый бригъ, и перебросивъ его чрезъ остовъ потонувшаго корвета *Марна*, всадила его бугшпритомъ впередъ между двумя утесами.

Впрочемъ, на скалахъ Дувра была только половина Дуранды.

Исторгнувъ судно изъ объятій волнъ, ураганъ какъ-бы вырвалъ его съ корнемъ изъ воды. Вихрь его рвалъ, водоворотъ удерживалъ, и влекомое такимъ образомъ въ противоположныя стороны грозными руками бури, судно, наконецъ, переломилось, какъ щепка. Корма съ машиной и колесами, поднятая изъ воды, и гонимая всею яростію цѣлопа въ дефилей Дувровъ, врѣзалась въ него до средняго бимса и остановилась. Ударъ былъ могучій; чтобъ вбить этотъ клинъ между двухъ скалъ, ураганъ сдѣлался молотомъ. Носъ, унесенный шкваломъ, разбился въ щепы о подводные камни.

Трюмъ съ вышибленнымъ дномъ выбросилъ въ море захлебнувшихся быковъ.

Большая часть носового борта еще не оторвалась отъ кормы и висѣла въ воздухѣ, придерживаясь къ ридерсамъ лѣваго кожуха, но такъ слабо, что ее можно было отрубить однимъ ударомъ топора.

Тамъ и сямъ въ далекихъ извилинахъ рифа видѣлись доски, балки, лохмотья парусовъ, куски цѣпей; всѣ эти обломки мирно покоились на гранитныхъ глыбахъ.

Жилыя смотрѣлъ со вниманіемъ на Дуранду. Киль ея простирался словно потолокъ надъ его головой.

На горизонтѣ, гдѣ безпредѣльная гладь чуть колыхалась, было ясно. Солнце величественно подымалось на безоблачной синевѣ.

Отъ времени до времени одинокая капля воды сочилась съ громаднаго обломка Дуранды, и падала въ море.

II.

КРАСОТЫ БѢДСТВІЯ.

Дувры различались какъ формой, такъ и размѣрами.

На маломъ Дуврѣ, опрокинутомъ на себя и заостренномъ, съ подошвы до вершины развѣтвлялись жили какой-то породы кирпичнаго цвѣта, и болѣе рыхлой чѣмъ гранитныя глыбы, для которыхъ она служила какъ-бы цементомъ. Въ этихъ красноватыхъ

жилахъ были трещины и обвалы, весьма полезныя для того, чтобы взбираться на утесъ. Одна изъ этихъ трещинъ, находившаяся нѣсколько выше остатковъ парохода, была такъ размыта волнами, что могла бы служить нишей для статуй. Гранитъ малаго Дувра представлялъ закругленныя очертанія и былъ нѣженъ на ощупь какъ пробирный камень, что, однако, не мѣшало ему быть весьма твердымъ. Малый Дувръ былъ на вершинѣ заостренъ и подходилъ на рогъ. Большой Дувръ, ровный, гладкій, полпрованный, отвѣсный, высѣченный изъ одной глыбы, казался выточеннымъ изъ черной кости. Ни впадины, ни высгуга. Отвѣсная, негостеприимная стѣна; каторжникъ нашелъ бы бѣгство съ нею невозможнымъ, птица не прискакала бы на ней мѣста для гнѣзда.

На малый Дувръ можно было взобраться, но не удержаться на немъ; на большомъ можно было удержаться, но нельзя взобраться на него.

Жидлять, окинувъ взглядомъ мѣстность, возвратился на боть, выгрузилъ изъ него вещи на первый уступъ, выставившіяся изъ-подъ воды, сдѣлалъ изъ нихъ тюкъ, употребивъ въ дѣло брезентъ и веревку съ петлей, сунулъ тюкъ въ разсѣлину, въ которую не могли попадать волны, и затѣмъ, работая ногами и руками, цѣпляясь за малѣйшія выпуклости скалы, какъ-бы сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, взобрался, наконецъ, до высѣвшей на воздухѣ Дуранды.

Поравнявшись съ колухами, онъ вскочилъ на палубу.

Внутри остатки корабля представляли грустное зрѣлище.

Дуранда сохранила всѣ слѣды недавняго насилія. Это было страшное насиліе бури. Буря ведетъ себя какъ шайка пиратовъ. Ничто такъ не похоже на злодѣйское нападеніе, какъ буря. Туманъ, громъ, дождь, вѣтеръ, волны, скалы, эта шайка заговорщиковъ ужасна.

Стоя на палубѣ и озираясь вокругъ, можно было вообразить, что здѣсь съ ожесточеннымъ топотомъ пронесли морскіе духи. Повсюду видѣлись слѣды ярости. Желѣзные болты и скобы, страннымъ образомъ исковерканные, свидѣтельствовали о схваткахъ разсвирѣплаго вѣтра. Пространство между деками походило на жилище помѣшаннаго, гдѣ все переломано.

Никакое животное не сумѣетъ управиться съ своею жертвою такъ, какъ это дѣлаетъ море. Вода полна когтей. Вѣтеръ терзаетъ; вода пожираетъ; волна—это челюсть; океанъ, въ одно и то же время, хватается и раздираетъ. У него львинныя лапы.

Разрушеніе Дуранды имѣло ту особенность, что оно простиралось до мельчайшихъ подробностей. Многое, казалось, было сдѣлано нарочно. Такъ и хотѣлось сказать: экая злоба! Обшивка

была ободрана съ особеннымъ искусствомъ. Это обличало ураганъ. Изорвать, раздробить въ щепки — такова забава этого истребителя. Ураганъ имѣетъ приемы и затѣи палача. Его опустошенія имѣютъ видъ казни. Онъ словно мститъ, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ варварскія утонченности дикаря. Онъ истребляетъ по кусочкамъ. Онъ мучаетъ свою жертву, онъ тѣшитъ ея муками, въ своей мести онъ нисходитъ до мелочности.

Ураганы рѣдки въ нашемъ климатѣ, но они тѣмъ опаснѣе, потому что захватываютъ въ расплохъ. Свала, встрѣченная на пути, можетъ превратить зѣтеръ въ вихрь. Весьма возможно, что шкваль закрутился вокругъ Дувровъ, и столкнувшись со свалой, превратился въ смерчъ; этимъ объясняется, какимъ образомъ пароходъ могъ быть подброшенъ на такую высоту. Корабль для урагана не тяжелѣе, чѣмъ камень для пращи.

Дуранда походила на человѣка, перерубленнаго пополамъ, изъ раны торчала цѣлая масса обломковъ, похожихъ на внутренности трупа. Канаты развѣвались по вѣтру, цѣпи звякали, всѣ волокна, всѣ нервы корабля были напоказъ. То, чтó не было изломано въ щепы, было изуродовано. На всемъ лежала печать разрушенія, все было разбито, расколото, расшатано, уничтожено; нигдѣ нѣвакой связи, разорванность, расчлененіе, разболзаніе врозь, во всемъ было что-то неустойчивое, что-то расплывающееся, что-то такое, чѣмъ характеризуется всякая свалка, всякая сумятица, начиная со свалки людей, называемой битвой, и до сумятицы стихій, называемой хаосомъ. Все рушилось, и цѣлый потокъ брусевъ, досокъ, звеньевъ, желѣзныхъ болтовъ, канатовъ остановился на краю громаднаго излома, грозя обрушиться при малѣйшемъ толчкѣ. Все, чтó уцѣлѣло отъ когда-то гордой Дуранды, висѣло на воздухѣ, грозя ежеминутно рухнуть, выставляя напоказъ свою безобразную черную внутренность.

Пѣна презрительно плевала на эту жалкую груду.

III.

Цѣла, но погибла.

Жильятъ не ожидалъ найти только половину судна. Ничто въ обстоятельномъ разказѣ капитана Шильтиля не давало основанія это предчувствовать. Разрушеніе, вѣроятно, и сопровождалось тѣмъ «чертовскимъ трескомъ», о которомъ упоминалъ капитанъ. То, чтó онъ принялъ за морской валъ, былъ, по всей вѣроятности, смерчъ. Затѣмъ, приблизившись, онъ могъ видѣть судно только съ носовой стороны, такъ-какъ оно было защем-

лено между скалами, и потому не подозревалъ, что корма уже была разрушена.

За этимъ однимъ исключеніемъ, рассказъ капитана Шильтиля былъ точенъ до малѣйшихъ подробностей. Корпусъ судна былъ потерянъ, машина была невредима.

Подобныя случайности такъ же нерѣдки въ крушеніяхъ, какъ и въ пожарахъ. Логика бѣдствій для насъ неуловима.

Переломанныя мачты обвалились, труба даже не погнулась. Чугунная платформа, на которой помѣщалась машина, сохранила ее въ цѣлости. Досчатая обшивка кожуховъ была распатана и напоминала собою рѣшетчатныя ставни. Черезъ отверстія можно было видѣть, что колеса были въ цѣлости, недоставало только нѣсколькихъ лопастей.

Кромѣ машины уцѣлѣлъ большой шпиль; на немъ еще держалась цѣпь и, благодаря прочной установкѣ, онъ могъ еще служить, лишь бы только отъ напора тяжести не пострадала палуба. Настилка палубы трещала и пласала подъ ногами. За то, какъ мы уже сказали, часть корпуса судна, засѣвшая между скалъ, держалась и повидимому была цѣла.

Въ этомъ чудесномъ сохраненіи машины было что-то презрительно-насмѣшливое; къ бѣдствію примѣшивалось еще издѣвательство. Мрачная злоба неизвѣстнаго раздражается иногда подобными горькими насмѣшками. Машина была спасена для того, чтобы быть потерянной. Океанъ поберегъ ее для того, чтобы поломать надосугѣ. Кошачья забава.

Здѣсь должна она пройти чрезъ агонію, здѣсь должна она разрушиться по кусочкамъ. Она сдѣлается игрой волнъ; она будетъ распадаться, словно таять, день за днемъ. Чтѣ тутъ дѣлать? Чтобы эта масса, въ одно и то же время громоздкая и уютная, осужденная своею тяжестью на неподвижность, покинутая въ этой пустынѣ на произволъ разрушительныхъ силъ вѣтра и волнъ, чтобы эта машина, помѣщенная въ такой безжалостной средѣ, могла избѣгнуть разрушенія... нужно быть сумасшедшимъ, чтобы хоть на минуту остановиться на подобной мысли.

Дуранда была узницей Дувровъ.

Какъ исторгнуть ее изъ этого плѣна?

Какъ освободить ее?

Мудрено убѣжать человѣку; но какова задача — убѣжать машинѣ!

IV.

Предварительное изслѣдованіе мѣстности.

Жизлять съ перваго шага былъ осажденъ множествомъ настоятельныхъ нуждъ. Но самыми настоятельными, нетерпящими

отлагательства, были, конечно — убѣжище для бота и уголокъ, гдѣ укрыться самому отъ непогоды.

Такъ-какъ Дуранда висѣла немного на боку, то правый кожухъ былъ выше лѣваго.

Жильятъ взобрался на него. Оттуда онъ господствовалъ надъ низменною частью рифовъ и могъ представить себѣ планъ всей группы.

Онъ началъ съ этой рекогносцировки.

Дувры, какъ мы уже имѣли случай связать, находили на два высокіе столба, обозначавшіе узвій входъ въ переулокъ или коридоръ, образованный маленькими гранитными скалами съ отвѣсными боками. Въ первовданныхъ подводныхъ образованияхъ нерѣдко встрѣчаются подобныя странные коридоры, словно всѣченныя топоромъ.

Этотъ извилистый проходъ никогда не былъ совершенно сухъ, даже во время отлива. Безпокойное, порывистое теченіе пробѣгало по нему изъ конца въ конецъ. Подобныя закоулки, смотря по направленію вѣтра, то усмиряютъ, то разъяряютъ морскую зыбь. Впрочемъ, послѣднее случается чаще, препятствія только раздражаютъ волны и вызываютъ ихъ на крайности; пѣна—это взбѣшенная волна.

Вѣтеръ, попадая въ тиски между этими скалами, подвергается тому же раздраженію и такъ же разъяряется, какъ и волна. Это—бури въ состояніи стриктуры. Не теряя ничего въ громадной силѣ, она становится острой. Это въ одно и то же время обухъ и стрѣла. Она разитъ, и пронзаетъ. Представьте себѣ ураганъ, превратившійся въ сквозной вѣтеръ.

Двѣ цѣпи скалъ, оставившихъ въ промежуткѣ между собою этотъ морской переулокъ, по мѣрѣ отдаленія отъ Дувровъ, становились мельче и мельче и, спускаясь такимъ образомъ на подобіе ступеней, наконецъ, скрывались подъ волнами. Восточныя ворота этого коридора были ниже Дувровъ и еще уже. Можно было догадываться, что обѣ линіи скалъ продолжались подъ водою до самой скалы Человѣкъ, представлявшей подобіе цитадели, на концѣ рифа.

Впрочемъ, во время отлива—а теперь былъ именно отлив—эти подводныя части совершенно ясно обозначались, нѣкоторыя даже выступали изъ воды. Такимъ образомъ, весь рядъ рифовъ, отрывавшійся на западъ Дуврами, замыкался на востокѣ Человѣкомъ. Съ высоты птичьяго полета вся группа походила на чотки, извивавшіяся змѣей и оканчивавшіяся съ одной стороны Дуврами, съ другой—Человѣкомъ.

Вся группа, взятая въ цѣломъ, была не что иное, какъ двѣ громадна, гранитныя стѣны, выступавшія изъ воды и состав-

лявшія острый гребень подводной гряды. Подобные кражи встрѣчаются и въ морской пучины. Бури и волны выгрызли и изрыли ее зубцами. Видѣлись только вершины—это и были рифы. То, что скрывалось подъ водою, должно думать, было громадно. Переулокъ, въ который буря забросила Дуранду, былъ именно промежутокъ между этими колоссальными гранитными стѣнами.

Этотъ извилистый закулокъ былъ почти во всѣхъ своихъ частяхъ равной ширины. Таковымъ сдѣлалъ его океанъ. Вѣчно движущееся, вѣчно бушующее море, производитъ иногда подобныя причудливо-правильныя фигуры. Изъ волны возникаютъ геометрическіе, правильные размѣры.

Изъ конца въ ковецъ всего прохода гранитныя стѣны отстояли одна отъ другой на разстояніи, которое какъ разъ измѣрилось большимъ разрѣзомъ Дуранды. Уступъ малаго Дувра, перегнутого и опрокинутаго на себя, давалъ мѣсто кожухамъ. Въ другомъ мѣстѣ они были бы разбиты въ прахъ.

Двойной внутренней фасадъ рифовъ былъ безобразенъ. Когда, изслѣдуя водную пустыню, носящую названіе океана, натыкаешься на неизвѣстные предметы, все изумляетъ и поражаетъ безобразіемъ. То, что Жильяръ могъ видѣть съ палубы разбитаго корабля, вселяло ужасъ. Въ гранитныхъ ущельяхъ океана есть нѣчто, постоянно напоминающее бурю. Узкій проходъ Дувровъ имѣлъ это нѣчто. Металлическіе окислы испещряли скалу пятнами, походившими на клочья свернувшейся крови. Этотъ кровавой выпоть напоминалъ бойни. Въ этихъ утесахъ было что-то плотоядное. Грубый камень, различно окрашенный, здѣсь вслѣдствіе вывѣтриванія породы, тамъ—вслѣдствіе плѣсени, представлялся мѣстами пурпуровымъ, мѣстами подозрительно-зеленымъ, мѣстами алымъ, возбуждая въ воображеніи призраки истребленія и смертоубійства. Казалось, что видишь передъ собою еще необмытую стѣну комнаты, въ которой совершилось пролитіе крови. Можно было подумать, что это слѣды раздавленныхъ людей. Мѣстами эта кровь, казалось, еще продолжала струиться, камни были влажны и къ нимъ нельзя было бы прикоснуться, не замаравъ руку въ крови. Кровавая ржавчина видѣлась повсюду. При основаніи двойной стѣны, подъ водою и надъ водою, въ расщелинахъ скалъ видѣлись закругленныя гальки: красныя, черныя и фіолетовыя, словно разбросанныя внутренности, еще свѣжія легкія и уже разлагающіяся печени. Можно было думать, что здѣсь были выотрошены внутренности великановъ. Длинные, красныя полосы, которыя можно было принять за просочившуюся кровь, испещряли гранитъ.

Подобныя картины не рѣдкость въ морскихъ пещерахъ.

V.

О тайныхъ союзахъ стихій.

Для тѣхъ, кого несчастный случай заставитъ временно поселиться на рифѣ въ открытомъ океанѣ, форма этого рифа дѣло немаловажное. Есть рифъ пирамидальный, одинокая гранитная вершина, царящая надъ водой; есть рифъ кольцеобразный — рядъ громадныхъ камней, расположенныхъ въ кругъ; есть рифъ-коридоръ. Рифъ-коридоръ — самый страшный изъ всѣхъ, не только по ярости волнъ, замнутыхъ въ узкомъ проходѣ, но и по тайнымъ метеорологическимъ свойствамъ, происходящимъ отъ параллелизма двухъ скалъ посреди моря. Эти двѣ прямыя стѣны составляютъ настоящій вольтовъ столбъ.

Рифъ-коридоръ имѣетъ постоянное направленіе. Это постоянное направленіе очень важно. Отсюда простирается первоначальное вліяніе его на воздухъ и воду. Рифъ-коридоръ дѣйствуетъ на воду и на вѣтеръ механически своей формой, гальванически, быть можетъ противоположнымъ намагничиваніемъ своихъ вертикальныхъ сторонъ, громадныхъ массъ, противоположащихъ и противодѣйствующихъ другъ другу.

Этого рода рифъ привлекаетъ къ себѣ всѣ разъяренныя элементы урагана, онъ имѣетъ какую-то могучую, концентрирующую силу.

Отсюда въ мѣстахъ, окружающихъ эти рифы, буря принимаетъ особый оттѣнокъ.

Надо знать, что вѣтеръ — сложное явленіе. Его считаютъ простымъ, но это не такъ. Это сила не только динамическая, но и химическая; не только химическая, но и магнетическая. Тутъ есть нѣчто необъяснимое. Вѣтеръ на столько же электриченъ, на сколько онъ воздушенъ. Нѣкоторые вѣтры совпадаютъ съ сѣверными сіаніями. Вѣтеръ, дующій на рифахъ Иглы, вздымаетъ волны на высоту ста футовъ, къ величайшему изумленію Дюмон-Дюрвиля. — «Корветъ, говоритъ онъ: — не зналъ, что дѣлать». Во время южныхъ шкваловъ, какія-то болѣзненные опухоли покрываютъ океанъ и вода дѣлается столь страшна, что дикіе бѣгутъ отъ нея, боясь на нее смотрѣть. Сѣверные шквалы совершенно иные: во время ихъ въ воздухѣ носатся ледяныя иглы, и эти страшные вѣтры, стѣсняющіе дыханіе, отбрасываютъ назадъ въ снѣгъ, сани эскимосовъ. Другіе вѣтры жгутъ. Это африканскій Симунъ, онъ же — въ Китаѣ Тифонъ, а въ Индіи Саміель. Симунъ, Тифонъ, Саміель, кажется, перечисляешь демоновъ. Они разрушаютъ и измѣняютъ вершины горъ; буря сплавляла кратеръ

толукскаго волкана. Этотъ палящій вѣтеръ, вихрь чернильнаго дѣта, свирѣбствующій надъ пурпуровыми облаками, заставилъ сказать въ Ведахъ: Вотъ черный богъ, который похищаетъ красныхъ коровъ. Во всѣхъ этихъ фактахъ чувствуется напряженіе таинственной силы электричества.

Вѣтеръ полонъ такихъ тайнъ; такъ же и море. Оно сложное тѣло; подъ его видимой волной воды скрывается невидимая волна силъ. Оно состоитъ изъ всего. Изъ всѣхъ хаосовъ, море самый глубокій и нераздѣлимый.

Попробуйте отдать себѣ отчетъ въ этомъ хаосѣ, столь громадномъ, что его принимаютъ за уровень всего. Онъ всемірный пріёмникъ, резервуаръ для оплодотвореній, горнило для разложеній. Онъ собираетъ, потомъ расточаетъ; накапливаетъ, потомъ засѣваетъ; поглощаетъ, потомъ создаетъ. Онъ принимаетъ всѣ нечистоты земли и сберегаетъ ихъ. Онъ твердое тѣло во льдахъ, лядкое въ волнахъ, газообразное въ морскихъ испареніяхъ. Какъ вещество — онъ масса, какъ сила — онъ абстрактъ; онъ уравниваетъ явленія природы и соединяетъ ихъ брачными узлами. Онъ упрощается безконечностью сложнаго. Волнуясь и смѣшиваясь, достигаетъ онъ прозрачности. Разнообразіе сливается въ его единствѣ. У него столько элементовъ, что онъ тождество ихъ всѣхъ. Одна изъ его капель—это весь онъ. Онъ такъ полонъ бурь, что не теряетъ равновѣсія. Платонъ будто бы влдѣлъ, что сферы пляшутъ; странно сказать, но это дѣйствительно такъ: въ колоссальномъ движеніи земли вокругъ солнца; океанъ со своимъ приливомъ и отливомъ служитъ балансѣрнымъ шестомъ земнаго шара.

Въ явленіяхъ моря видны всѣ явленія природы. Водоворотъ всасываетъ въ себя море какъ сифонъ; громъ такъ же бываетъ въ водѣ, какъ въ воздухѣ; на корабляхъ часто испытываешь подводные толчки, часто слышишь запахъ сѣры, выходящій изъ воды. Океанъ кипятъ. — Дьяволъ влилъ море въ свой котелъ, говаривалъ Рюйтеръ. Во время сильныхъ бурь, знаменующихъ перемѣны года и уравниваніе творческихъ силъ природы, корабли, обладаемые пѣной, кажутся свѣтящимися и фосфористые огоньки бѣгаютъ по тавелазу такъ явственно, что матросы протягиваютъ руки, стараясь схватить этихъ огненныхъ птичекъ. Послѣ землетрасенія въ Лисабонѣ, на городъ набѣжалъ громадный валъ въ шестьдесятъ футовъ вышины, гопимый знойнымъ дуновеніемъ чудовищнаго горна. Колебаніе моря связано съ колебаніемъ земли.

Эти неизмѣримыя силы природы дѣлаютъ возможными всяческія катаклизмы. Въ концѣ 1864 года, въ ста миляхъ отъ ма-лабарскаго берега, исчезъ одинъ изъ Маддивскихъ острововъ.

Онъ пошелъ ко дну какъ корабль. Рыболовы, отправившіеся съ него утромъ, вечеромъ уже не нашли его; едва могли они еще различить свои жилища подъ водою, и на этотъ разъ суда присутствовали при крушеніи домовъ.

Въ Европѣ, гдѣ природа, кажется, чувствуетъ себя обязанной уважать цивилизацію, подобныя явленія такъ рѣдки, что почти немислимы. Однако, Джерсей и Гернсей составляли когда-то часть Галліи, и въ ту самую минуту, когда мы пишемъ эти строки, равноденственная буря разрушила на границѣ Англій и Шотландіи крутой берегъ Фортскаго залива.

Нигдѣ эти роковыя силы природы не выказываются въ такой могучей амалгамѣ, какъ въ удивительномъ сѣверномъ проливѣ Лиз-Фіордѣ. Лиз-Фіордъ — это самый ужасный рифъ-коридоръ въ свѣтѣ. Тутъ явленіе, о которомъ мы говорили, выступаетъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. Этотъ проливъ находится въ Норвежскомъ морѣ, близъ страшнаго залива Ставангера, подъ пятьдесятъ-девятымъ градусомъ широты. Вода тутъ густая, черная, подверженная лихорадкѣ перемежающихся бурь. Въ этихъ водахъ, посреди этой мрачной степи, есть большая темная улица. Улица ни для кого. Никто по ней не ходитъ, никакое судно не отваживается на это. Коридоръ въ десять миль длины, между двумя гранитными стѣнами въ три тысячи футовъ вышины. Вотъ какова эта улица. Въ ней есть изгибы и колѣна, какъ во всѣхъ морскихъ проходахъ, никогда не представляющихъ прямой линіи, ибо ихъ образуетъ натискъ волнъ. Въ Лиз-Фіордѣ вода почти всегда тихая, небо ясное. Роковое мѣсто. Гдѣ вѣтеръ? Не на верху. Гдѣ громъ? Не на небѣ. Вѣтеръ подъ водой, громъ подъ гранитомъ. Отъ времени до времени вода содрогается. Есть минуты, когда подъ безоблачнымъ небомъ, въ гранитной скалѣ, чаще въ южной, чѣмъ въ сѣверной, на высотѣ тысячи или тысячи пятисотъ футовъ надъ водою раздается громъ, сверкаетъ молнія, то бросааясь впередъ, то убѣгая назадъ, какъ игрушечныя змѣи. Она какъ-бы сжимается и расширяется, она вонзается въ противоположную скалу, потомъ уходитъ въ гранитъ, снова выступаетъ, и умножая свои огненные языки, бьетъ куда попадетъ, потомъ вновь пропадаетъ, вновь появляется и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, страшная, роковая. Станъ птицъ отлетаютъ далеко въ подобныя минуты. Ничего не можетъ быть таинственнѣе, ужаснѣе этого погрома, исходящаго изъ невѣдомой бездны. Скала вступаетъ въ бой съ другой скалой. Рифъ громитъ другой рифъ. Эта борьба не касается людей. Это вражда двухъ гранитныхъ глыбъ посреди бездны.

Въ Лиз-Фіордѣ вѣтеръ обращается въ невѣсомна жидкость,

скала замѣняетъ тучи и гранитъ изрыгается громами. Этотъ проливъ — вольгантескій столбъ; элементы его — двѣ стоящія другъ противъ друга каменныя стѣны.

VI.

Стоило для коня.

Жильяты довольно хорошо знаютъ рифы, чтобъ не шутить Дуврами. Прежде всего, мы уже сказали, надобно было поставить боть въ безопасное мѣсто.

Двойной рядъ подводныхъ камней, тянувшійся за Дуврами, составлялъ тамъ и оамъ отдѣльныя группы со скалами. По всей вѣроятности, тамъ были пещеры и закоулки, соединявшіеся съ главнымъ проходомъ между Дуврами, какъ вѣтви съ душкомъ дерева.

Нижняя часть рифовъ была усѣяна водорослями, верхняя — лишайниками. Граница этихъ водорослей, одинаковая на всѣхъ скалахъ, означала точку, до которой доходило море во время приливовъ. Тѣ мѣста скалъ, до которыхъ вода никогда не достигала, имѣли серебристый и золотистый оттѣнокъ, придаваемый граниту бѣлыми и желтыми лишайниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы еще были покрыты, словно проказой, раковинами. Это — ржавчина гранита.

Кое-гдѣ, во вдающихся углахъ утеса, куда нанесло кучи песку, колымаемого скорѣе вѣтромъ, чѣмъ волной, видѣлись синіе цвѣтки чортополоха.

Въ уступахъ, мало избитыхъ волной, замѣтны были маленькія логовища морского ежа. Этотъ излокожій катается, какъ клубокъ, на своихъ иглахъ, его панцырь состоитъ изъ десяти тысячъ отдѣльныхъ частей, художественно пригнанныхъ другъ къ другу; онъ точитъ гранитъ своими пятью зубами, а ротъ его называется, неизвестно почему, Аристотелевымъ фонаремъ. Выточивъ себѣ отверстие въ камень, онъ свертывается въ этой норѣ. Въ такихъ-то ячейкахъ находятъ ихъ морскіе промышленники. Ежа разрѣзаютъ на четыре части и ѣдятъ сырого, какъ устрицу. Нѣкоторые обмакиваютъ хлѣбъ въ его слизистое мясо. Отъ этого и называютъ его *морскимъ тѣцомъ*.

Отдаленныя вершины подводныхъ камней, обнаженныя отливомъ, ованчивались, подъ самымъ утесомъ Человѣкъ, маленькой бухтой, огражденной со всѣхъ сторонъ рифами. Очевидно, тамъ должна была быть отличная стоянка. Жильяты осмотрѣлъ эту бухту. Она имѣла форму подавы и была открыта только съ одной

стороны, именно на западъ, откуда дуетъ наименѣе вредный вѣтеръ въ этихъ странахъ. Вода тутъ была тихая, почти стоячая. Вообще, это была очень порядочная гавань. Кромѣ того, у Жильята не было и большого выбора.

Если онъ хотѣлъ воспользоваться отливомъ, то ему слѣдовало торопиться.

Погода, впрочемъ, продолжала стоять теплая, прекрасная. Буйное море было въ добромъ расположеніи духа.

Жильятъ сошелъ внизъ, обулся, отвязалъ боть, прыгнулъ въ него и взялся за весло. Онъ обогнулъ такимъ образомъ рифъ.

Прибывъ къ Человѣку, онъ осмотрѣлъ входъ въ бухту.

Работаяя полоса на волнующейся поверхности воды, замѣтная только морякамъ, указывала фарватеръ.

Жильятъ съ минуту присматривался къ этой извилистой раби, едва означенной на водѣ, потомъ онъ взялъ немного въ открытое море, чтобъ легче повернуть, и однимъ ударомъ весла вошелъ въ маленькую бухту.

Онъ бросилъ лоть.

Стоянка была дѣйствительно хорошая. Боть былъ укрытъ тамъ почти отъ всѣхъ случайностей непогоды.

Самые страшные рифы имѣютъ подобіе мирные уголки. Эти безопасныя пріюты походятъ на гостепримство бедуновъ; они честны и вѣрны.

Жильятъ поставилъ боть какъ можно ближе къ Человѣку, но такъ, чтобъ задняя часть явля не билась о камень, и бросилъ оба якоря.

Сдѣлавъ это, онъ скрестилъ руки и сталъ совѣщаться съ самимъ собою.

Боть былъ укрытъ отъ опасности; одна задача разрѣшена, но оставалась вторая. Гдѣ ему самому укрыться?

Ему представлялись два жилища: боть съ маленькой кантой—кэнурой, почти неудобно-обитаемой, и площадка Человѣка, на которую легко было взобраться.

Изъ того и другого, во время отлива, и перепрыгивая съ камня на камень, можно было, почти не замочивъ ногъ, добраться до прохода между Дуврами, гдѣ висѣла на воздухѣ Дуранда.

Но отливъ продолжается одно мгновеніе, а во все остальное время Жильятъ, живи онъ на ботѣ или на Человѣкѣ, былъ бы отдѣленъ отъ Дуранды моремъ на разстояніи двухсотъ сажень. Плавать въ водахъ рифа трудно, при малѣйшемъ волненіи это дѣлается невозможнымъ.

Нужно было отказаться и отъ бота и отъ Человѣка.

На сосѣднихъ скалахъ было негдѣ помѣститься.

Нижнія площадки исчезали подъ водою два раза въ день во время прилива.

Верхнія площадки постоянно омывались брызгами и пѣной. Подобный душъ былъ не очень привлекателенъ.

Оставался самъ обломокъ Дуранды.

Но можно ли было на немъ помѣститься?

Жильята надѣялся, что можно.

VII.

Комната для путешественника.

Съ полчаса спустя, Жильята, возвратясь на остатки парохода, переходилъ съ палубы въ орлопъ-декъ, съ орлопъ-дека въ трюмъ, провѣряя свое первое впечатлѣніе.

При помощи шпиль, онъ поднялъ на палубу Дуранды тѣмъ со своими вещами. Шпиль дѣйствовалъ исправно. Въ вымбовкахъ не было недостатка—стояло только протянуть руку и выбирать изъ кучи обломковъ.

Онъ нашелъ долото, вѣроятно оброченное плотникомъ, и присоединилъ его къ своему маленькому арсеналу.

Сверхъ того при немъ былъ его ножъ, а въ подобныхъ обстоятельствахъ все идетъ въ счетъ.

Жильята весь день провозился надъ пароходомъ, расчищая, чиня, упрощая.

Къ вечеру онъ убѣдился въ слѣдующемъ:

Все, что уцѣлѣло отъ судна, дрожало и качалось отъ малѣйшаго вѣтра. Отъ каждаго шага Жильята вся масса трещала и колебалась у него подъ ногами.

Надежна и устойчива была только часть, притиснутая между скалъ и заключавшая машину. Тамъ палубные бимсы плотно упирались въ гранитъ.

Поселиться на Дурандѣ было бы неблагоразумно. Это значило бы прибавлять лишній грузъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, ее слѣдовало по возможности облегчить.

Она требовала ухода. Она походила на умирающаго больного. Довольно натерпѣлась она и отъ вѣтра, чтобы не пожалѣть ее.

Уже и то много значило, что на ней приходилось работать. Количество труда, которое должно было исполнить на ней, могло ей быть не подъ силу.

Сверхъ того случись съ Дурандой чтонибудь ночью, во время сна Жильята, тогда ему пришлось бы утонуть вмѣстѣ съ ней. Помощи нельзя было ждать ни откуда. Рѣшительно, чтобы спасти

машину, нужно было найти себѣ убѣжище гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ.

Быть вблизи, но не на ней—такова была задача.

Затрудненія усложнились.

Гдѣ найти пристанище при такихъ условіяхъ?

Жильять задумался.

Оставались только Дувры. Но на нихъ, кажется, мудрено было поселиться

На верхней площадкѣ большого Дувра, виднѣлось какое-то возвышеніе.

Отвѣсные утесы съ плоской вершиной, въ родѣ большого Дувра и Человѣка, не что иное, какъ обезглавленные пики. Они попадаютъ довольно часто въ горахъ и въ океанѣ. На нѣкоторыхъ встрѣчаются трещины словно зарубки на деревьяхъ. Можно бы подумать, что ктонибудь хватилъ ихъ топоромъ. И дѣйствительно, не злодѣйствуетъ ли надъ ними ураганъ, этотъ дровосѣкъ океана.

Существуютъ и другія причины переворотовъ, еще болѣе глубокия. Отсюда столько шрамовъ и ранъ на этихъ старыхъ гранитахъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ колоссовъ отрублена голова.

Иногда эта голова не отпадаетъ, а остается обезображенная на усѣченной вершинѣ. Это странное явленіе не очень рѣдко. Чертова скала на Герисеѣ и Столовая гора въ долинѣ Анвейлера, представляютъ разительные примѣры этой геологической загадки.

Вѣроятно; съ большимъ Дувромъ случилось нѣчто въ томъ же родѣ.

Если выпуклость, замѣтная на площадкѣ, не была естественной горбиной камня, то это, конечно, былъ какойнибудь остатокъ ея развалившейся вершины.

Быть можетъ, въ этомъ обломкѣ скалы было какоенибудь углубленіе, куда можно было спрятаться. Жильять не просилъ ничего болѣе.

Но какимъ образомъ достичь площадки? Какъ взлѣзть на эту отвѣсную стѣну, гладкую, полированную, полупокрытую слизистой нитчаткой, словно натертую мыломъ?

Отъ палубы Дуранды до площадки скалы, было по крайней-мѣрѣ тридцать футовъ.

Жильять вытащилъ изъ своего ящика съ инструментами веревку съ узлами, прицѣпилъ ее крючкомъ себѣ къ поясу, и принялся взбираться на Дувръ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ труднѣе было лѣзть. Онъ забылъ снять башмаки, что еще увеличивало трудность восхожденія. Онъ съ большимъ трудомъ достигъ вершины. Очутившись тамъ, онъ выпрямился во весь

рость. Вся площадка была такъ мала, что на ней только и можно было помѣстить двѣ ноги. Столпникъ удовольствовался бы этимъ, но Жильятъ, болѣе требовательный, желалъ лучшаго.

Малый Дувръ наклонялся къ большому, почему издали казалось, что онъ раскланывался передъ нимъ. Поэтому пространство между обѣими скалами, бывшее внизу около двадцати футовъ, на верху было не болѣе десяти или осьми.

Съ той точки, на которую онъ влѣзъ, Жильятъ видѣлъ гораздо яснѣе выпуклость въ скалѣ, на вершинѣ большого Дувра.

Эта площадка возвышалась по крайней-мѣрѣ на три сажени надъ его головой.

Ихъ раздѣляла бездна.

Жильятъ отдѣнилъ отъ своего пояса веревку съ узлами, быстро измѣрилъ глазами разстояніе, и забросилъ крюкъ на площадку большого Дувра.

Крюкъ проскользнулъ по скалѣ и отскочилъ. Веревка упала въ подошвѣ малаго Дувра.

Жильятъ началъ съзнавать: онъ бросилъ веревку подалѣе, приближаясь въ граничную выпуклость, гдѣ видѣлись сважины и отверстія.

Размахъ былъ такъ силенъ и прицѣлъ такъ вѣренъ, что крюкъ зацѣпился.

Жильятъ дернулъ за веревку.

Уголъ скалы откололся, и веревка съ крюкомъ повисла въ безднѣ подъ ногами Жильята.

Онъ бросилъ крюкъ въ третій разъ.

Веревка не упала.

Жильятъ дернулъ ее изо всей силы; она не поддалась. Крюкъ твердо засѣлъ въ какую-то трещину площадки, которой Жильятъ не могъ видѣть снизу.

Приходилось ввѣрить свою жизнь этой неизвѣстной опорѣ.

Жильятъ ни минуты не колебался.

Надо было торопиться и выбирать кратчайшій путь.

Къ тому же сойдти внизъ на палубу Дуранды, чтобъ обдумать какой нибудь другой планъ, было почти невозможно. Очень легко было поскользнуться, а разъ поскользнувшись, гибель была неизбежна. На подобныхъ высотахъ взбираются, но не сходятъ съ нихъ.

Жильятъ, какъ и всѣ хорошіе моряки, отличался тѣмъ, что всѣ его движенія были метки, отчетливы. Онъ никогда не терялъ силъ по пустому. Онъ никогда не дѣлалъ чрезмѣрныхъ усилій, но соразмѣрялъ ихъ съ потребностью. Отъ этого онъ дѣлалъ чудеса силой и ловкости съ обыкновенными мускулами; у него

мышцы были какъ у всякаго, но душа иная. Онъ присоединялъ къ силѣ, началу физическому, энергію—начало нравственное.

Предстоявшее ему дѣло было ужасно.

Перелѣзть по веревкѣ, съ малаго на большой Дувръ — вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

Часто въ великихъ дѣлахъ самопожертвованія, или исполненія долга представляются подобныя вопросительныя знаки, которые, кажется, ставятъ смерть.

— Сдѣлаешь ты ли это? спрашиваетъ она.

Жильяты вторично повисъ на веревкѣ; она его сдержала.

Тогда онъ обвернулъ платкомъ лѣвую руку, схватился правой за веревку, накрылъ ее лѣвой, выдвинулъ одну ногу впередъ, и оттолкнувшись другой изо всей силы, чтобъ избѣжать крученія веревки, бросился съ малаго Дувра на крутизны большого.

Скачокъ былъ жестокій.

Несмотря на предосторожность Жильяты, веревка закрутилась и онъ ударился о скалу плечомъ.

Съ такой же силой онъ откатнулся въ противоположную сторону.

Теперь была очередь рукъ. Платокъ какъ-то соскочилъ и онѣ были ободраны о скалу; содралъ кожу съ обѣихъ рукъ; еще удивительно, какъ онѣ остались цѣлы.

Жильяты на мгновение повисъ надъ бездною въ оцѣпененіи.

Онъ владѣлъ собою въ этомъ оцѣпененіи лишь настолько, чтобъ не выпустить веревки.

Нѣсколько минутъ прошло въ тщетныхъ усиліяхъ схватиться ногами за веревку, такъ-какъ его раскачивало то въ ту, то въ другую сторону; но наконецъ ему удалось это.

Приѣда совершенно въ себя и крѣпко держась за веревку ногами и руками, онъ взглянулъ внизъ.

Онъ не беспокоился о длинѣ своей веревки, ибо она служила ему не разъ для восхожденій и на болѣе высокія точки. Веревка дѣйствительно волочилась по палубѣ Дуранды.

Жильяты, увѣренный въ томъ, что онъ можетъ во всякое время сойти внизъ, принялся взбираться вверхъ по веревкѣ.

Въ нѣсколько минутъ онъ достигъ площадки.

Никогда и никто еще не становился здѣсь ногою, кромѣ пернатыхъ. Площадка была покрыта птичьимъ пометомъ. Это была неправильная трапеція, изломъ колоссальной гранитной призмы, называемой большой Дувръ. Эта трапеція была въ срединѣ углублена, въ родѣ корыта. Работа дождей.

Жильяты, однако, рассчиталъ вѣрно. Въ южномъ углу трапеціи видѣлась гряда каменьева, вѣроятно, обломки вершины утеса. Между этими камнями были отверстія, гдѣ дикій звѣрь, который

нечаянно попалъ бы сюда, могъ укрыться, какъ въ логовищѣ. Камни, въ беспорядкѣ наваленные другъ на друга, поддерживали между собой равновѣсіе; между ними были промежутки, какъ всегда бываетъ въ горахъ мусора. Это не были ни гроты, ни пещеры, но скважины, какъ въ губѣхъ. Одно изъ такихъ логовищъ могло пріютить Жильята.

Нора эта была устроена внутри мхомъ, и Жильята находился бы въ ней точно въ ножнахъ.

Альковъ у входа имѣлъ два фута вышины, и къ концу суживался. Бываютъ каменные гробы такой формы. Груда камней упиралась въ скалу съ юго-востока, и такимъ образомъ нора была защищена отъ буруновъ, но открыта сѣвернымъ вѣтрамъ.

Жильята нашелъ, что все это отлично.

Объ задачи были разрѣшены: боть имѣлъ сохранныю стоянку, онъ—жилище.

Самое лучшее въ этомъ жилищѣ была его близость къ обломку Дуранды.

Крюкъ веревки, упавъ въ трещину скалы, зацѣпился крѣпко. Жильята, наваливъ на него большой камень, сдѣлалъ его совершенно неподвижнымъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ вступилъ въ правильныя сношенія съ Дурандою.

Онъ былъ теперь, какъ у себя дома.

Большой Дувръ былъ его жилищемъ, Дуранда—его верфью.

Спускаться и подниматься, уходить и возвращаться — ничто не могло быть просе.

Онъ послѣшво спустился по веревкѣ на палубу Дуранды.

День былъ славный, дѣло начиналось хорошо, онъ былъ доволенъ и почувствовалъ голодь.

Онъ развязалъ корзину съ припасами, открылъ ножъ, отрѣзалъ кусокъ копченой говядины, откусилъ отъ краюшки хлѣба, выпилъ глотокъ воды изъ манерки, и поужиналъ отлично.

Хорошо поступать, и хорошо ѣсть — это два благополучія. Полный желудокъ имѣетъ большое сходство съ спокойной совестью.

Когда онъ кончилъ свой ужинъ, еще было довольно свѣтло, и онъ воспользовался этимъ, чтобъ начать необходимое облегченіе Дуранды.

Онъ употребилъ половину дня на очистку и сортировку обломковъ. Онъ отложилъ въ сторону, въ уцѣлѣвшую часть Дуранды, гдѣ была машина, все что могло ему послѣ пригодиться—дерево, желѣзо, веревки, парусину. Все ненужное онъ побросалъ въ море.

Грузъ бота, втащенный шпелемъ на палубу, несмотря на свой небольшой объемъ, составлялъ излишнюю тяжесть. Жильятъ замѣтилъ вблизи, въ стѣнѣ малаго Дувра, вѣчто въ родѣ ниши, до которой онъ могъ достать рукой. Подобные шкацы безъ дверецъ часто встрѣчаются въ утесахъ; онъ подумалъ, что этой ниши можно смѣло повѣрить сокровище. Онъ поставилъ въ углубленіе ея два ящика съ инструментами и платьемъ, и два мѣшка съ сухарями и мукой, а впереди, быть можетъ слишкомъ близко къ краю, но дѣлать было нечего, ибо другаго мѣста не было — корзину съ провизіей.

Онъ вынулъ изъ ящика съ платьемъ свою баранью шкуру, и свой просмоленный плащъ и такіе же штиблеты.

Чтобы предостеречь веревку съ узлами отъ вѣтра, онъ прикрѣпилъ ее нижнимъ концомъ къ одному изъ ридерсовъ Дуранды.

Такъ-какъ Дуранда имѣла большую впадину, то этотъ ридерсъ былъ закругленъ, и держалъ конецъ веревки словно рукой.

Оставалось еще позаботиться о верхнемъ концѣ. Укрѣпить низъ было полезно, но на вершинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ веревка огибала остріе скалы, она могла очень легко порваться отъ тренія.

Жильятъ порылся въ грудѣ всякаго рода остатковъ, взялъ нѣсколько доскутковъ парусины, и вырвалъ изъ обрѣзка стараго каната нѣсколько длинныхъ каболокъ. Все это онъ положилъ себѣ въ карманъ.

Всякій морякъ тотчасъ догадался бы, что онъ хотѣлъ обернуть этими доскутками парусины веревку, чтобы предохранить ее отъ всякаго поврежденія.

Забравъ все, что нужно, онъ надѣлъ свои просмоленные штиблеты, и плащъ поверхъ куртки. спустилъ капшонъ на свою ка-торжную шапку и набросалъ на плеча баранью шкуру, завязавъ ее на шеѣ обѣими лапами. Въ такомъ торжественномъ одѣяніи, онъ схватился за веревку, крѣпко теперь державшуюся на Дурандѣ, и взлѣзъ на мрачную стѣну грозной морской башни.

Несмотря на свои израненныя руки, Жильятъ быстро взобрался на площадку.

Послѣдніе, блѣдныя лучи заходящаго солнца уже исчезали. На морѣ царила ночь. Только на вершинѣ Дувра еще мерцалъ воекакой свѣтъ.

Жильятъ воспользовался этимъ послѣднимъ остаткомъ свѣта, чтобъ обмотать тризками веревку. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она огибала скалу, онъ обвязалъ ее бандажомъ изъ нѣсколько рядовъ парусины, крѣпко перевязывая каждый рядъ нитками. Это походило на тѣ подушвы, которыя подвязываютъ подъ колѣна актрисамъ для раздирательной сцены пятаго акта.

(окончивъ свое дѣло, Жильять выпрямился.

Уже за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, еще за работой, онъ смутно почувствовалъ какое-то странное колебаніе въ воздухѣ.

Посреди вечерней тишины это походило на шумъ крыльевъ громадной летучей мыши.

Жильять поднялъ глаза.

Громадное черное кольцо кружилось надъ самой его головой, очень рельефно выдаваясь на блѣдномъ небѣ сумерекъ.

Въ старинныхъ картинахъ можно видѣть подобныя кольца надъ головами святыхъ. Только тамъ онѣ золотныя на темномъ фонѣ, а здѣсь кольцо было темное на свѣтломъ фонѣ; странное явленіе. Можно было подумать, что это ночной ореолъ большого Дувра.

Это кольцо то приближалось къ Жильяту, то удалялось; то уменьшалось, то увеличивалось.

Это была стая чаекъ, рыболововъ, приморскихъ ласточекъ, баклановъ, и другихъ морскихъ птицъ. Всѣ онѣ, казалось, были очень удивлены.

Вѣроятно, большой Дувръ былъ постоянной гостиницей, куда онѣ являлись ночевать. Жильять теперь взялъ для себя одну комнату. Этотъ неожиданный жилецъ ихъ очень беспокоилъ.

Здѣсь человѣкъ. Онѣ никогда этого не видали.

Безпокойное круженіе ихъ продолжалось нѣсколько времени.

Онѣ, казалось, ждали, чтобъ Жильять ушелъ.

Жильять задумчиво слѣдилъ за ними.

Наконецъ, этотъ летучій водоворотъ превратился изъ кольца въ спираль, и черная туча птицъ опустилась на противоположный конецъ рифа, на утесъ Человѣкъ.

Тамъ онѣ могли потолковать между собой и посоветоваться. Жильять, протанувшись въ своихъ гранитныхъ ножнахъ, и подложивъ подъ голову камень вмѣсто подушки, долго слышалъ говоръ птицъ, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, имѣла что сказать.

Потомъ онѣ умолкли, и все заснуло. Птицы на своей скалѣ, Жильять на своей.

VIII.

IMFORTUNA EQUAE VOLUCRIS.

Жильять хорошо спалъ. Однако, ему было холодно, что время отъ времени его пробуждало. Онъ, естественно, помѣстился ногами въ глубину берлоги, а головой къ отверстию. Но онъ не

позаботился сгрести со своего ложа кучу мелких камешковъ, довольно острыхъ, которые, конечно, не способствовали его сну.

Повременамъ онъ открывалъ глаза.

Порою онъ слышалъ густой и страшный трескъ. Это приливъ, который наполнялъ всѣ пещеры Дувровъ съ шумомъ, походящимъ на пулечную пальбу.

Все окружающее его казалось ему страннымъ видѣніемъ. Къ этому прибавлялся еще ужасъ ночи, и Жильякъ чувствовалъ, что все видимое имъ невозможно. Онъ говорилъ себѣ: «это сонъ».

Потомъ онъ снова заснулъ, и во снѣ уже переносился въ Бу-де-ла-Рю, въ Бравэ, въ Сен-Сансонъ; онъ слышалъ пѣніе Дерюшеты и находилъ, что это происходитъ вправду. Пока онъ спалъ, онъ считалъ себя на яву и жегъ; какъ скоро просыпался, ему казалось, что онъ видитъ сонъ.

Дѣйствительно, ему предстояло долго жить какъ-бы во снѣ.

Посреди ночи раздался страшный шумъ въ высотѣ, Жильякъ смутно слышалъ его. Это, вѣроятно, подымался вѣтеръ.

Однажды, проснувшись отъ холода, онъ открылъ глаза болѣе прежняго. Надъ головою его неслись густыя облака; луна плыла по небосклону, и крупная звѣзда, казалось, догоняла ее.

Подъ вліяніемъ фантазіи снова, окружающее показалось Жильяку еще страннѣе.

Въ утру онъ вѣриво заснулъ, хотя коченѣя отъ холода.

Зарево разсвѣта пробудило его отъ этого сна, быть можетъ, опаснаго. Его алковъ приходился прямо противъ восхода солнца.

Жильякъ зѣвнулъ, потянулся и выползъ изъ своей норы.

Онъ до того разоспался, что сначала ничего не могъ сообразить.

Мало-по-малу сознание дѣйствительности къ нему возвратилось.

— Позавтракаемъ, воскликнулъ онъ, наконецъ.

Погода стояла тихая, небо было холодно, безоблачно, ночнымъ вѣтромъ его вымело начисто, солнце всходило на славу. Наступилъ второй ясный день. Жильякъ былъ радехонекъ.

Онъ снялъ плащъ и штבלеты, завернулъ ихъ въ баранью шкуру, шерстью внутрь, завязалъ свертокъ обрывкомъ снасти, и на случай дожда запряталъ его въ свое логовище.

Потомъ онъ привралъ свою постель, то-есть повывралъ камешки, на которыхъ проспалъ.

Покончивъ это дѣло, Жильякъ спустился по веревкѣ на палубу Дуранди и побѣжалъ къ углубленію, гдѣ наванунѣ оставилъ корзину съ провизіею.

Корзины тамъ не было. Она стояла слишкомъ близко къ врагу, и ночной вѣтеръ снесъ ее въ море.

Это было началомъ непріязненныхъ дѣйствій.

Вѣтру нужна была охота, и злобная охота, чтобы отыскать эту корвину.

Жильяты понялъ, что начинается борьба.

Живя за панибрата съ моремъ, поневолѣ олицетворяешь и скалы, и рифы, и вѣтры.

Не считая сухарей и ржаной муки, Жильяту не оставалось другой пищи, кромѣ моллюсковъ, которыми питался человѣкъ, погибшій на скалѣ.

Что касается до рыболовства, то объ этомъ не стоило и думать. Рыба не терпитъ толчковъ, и избѣгаетъ утесовъ; сѣти и неводы безсильны среди скалъ; подводные камни только рвутъ ихъ.

Жильяты проглотилъ къ завтраку нѣсколько моллюсковъ, которыхъ съ трудомъ отдѣлилъ отъ утеса; причемъ едва не сломалъ ножа.

Пока Жильяты наслаждался своей скудной трапезой, ему послышался странный шумъ на морѣ. Онъ взглянулъ.

То была стая чаекъ, которая спустилась на одинъ изъ низкихъ утесовъ. Онѣ суетились, кричали, били крыльями, толпясь вокругъ одной точки. Эта орда съ клювами и когтями что-то грабила.

То была корвина Жильяты.

Корвина эта, заброшенная вѣтромъ на камень, разсыпалась. Птицы почуяли, слетѣлись. Онѣ уносили въ клювахъ куски разнаго рода. Жильяты призналъ издали свою солонину и треску.

И птицы въ свою очередь вступали въ борьбу, онѣ вымещали свою обиду. Жильяты отнял у нихъ жилище, онѣ расхищали его пищу.

IX.

Рифъ и умѣнье имъ воспользоваться.

Прошла недѣля.

Хотя время года было дождливое, но, къ величайшей радости Жильяты, дождей не было.

Впрочемъ, затѣянное имъ дѣло, казалось, превышало человѣческія силы. Успѣхъ былъ такъ невѣроятенъ, что попытка казалась безумной.

Близкое знакомство съ дѣломъ тотчасъ объясняетъ всѣ затрудненія и опасности. Нужно только начать, чтобы вполне понять, какъ трудно будетъ кончить. Первый шагъ служитъ какъ-бы откровеніемъ. Трудность, къ которой прикасаешься, колетъ какъ терніе.

Жильяту тотчасъ же пришлось бороться съ препятствіями.

Чтобы спасти отъ конечной гибели машину Дуранды, чтобы

имѣть хотя тѣнь надежды на успѣхъ въ подобномъ мѣстѣ, въ подобное время, нужно было имѣть десятки рукъ — Жильятъ былъ одинъ; нуженъ былъ цѣлый арсеналъ инструментовъ и машинъ — Жильятъ захватилъ съ собою только пилу, топоръ, долото и молотокъ; нужны были мастерская и складочное мѣсто — у Жильята не было крова; нужны были материалы и съѣстные припасы — у Жильята не было хлѣба.

Еслибы, въ теченіе этой недѣли, кто-нибудь подсмотрѣлъ работу Жильята, то никогда не догадался бы, что онъ намѣренъ былъ дѣлать. Онъ, повидимому, не заботился ни о Дурандѣ, ни о Дуврахъ. Все его вниманіе было обращено на обломки, разсѣянные между скалами. Онъ, казалось, пекся только о мелкихъ остаткахъ крушенія. Онъ воспользовался отливомъ, чтобы собрать все разбросанное бурей по утесамъ. Онъ переходилъ отъ утеса къ утесу, собирая обрывки парусовъ, кончики канатовъ, обломки желѣза, гдѣ бревно, гдѣ цѣпь, гдѣ блокъ.

Въ то же время онъ изучалъ всѣ малѣйшія рассѣлины рифа. Но не нашлось ни одного убѣжища, которое могло бы пріютить его, а между тѣмъ, онъ очень забъ у себя на вышгѣ большого Дувра и очень желалъ найти болѣе удобное помѣщеніе.

Двѣ пещеры оказались довольно просторными; хотя основаніе ихъ было неровно и повато, но въ нихъ можно было свободно ходить и стоять не сгибаясь. Вѣтеръ и дожди попадали туда, но за то эти пещеры были выше черты самого высоваго прилива. Онѣ лежали по сосѣдству съ малымъ Дувромъ и были доступны во всякое время.

Изъ деревянныхъ обломковъ и остатковъ парусовъ, онъ подѣлалъ тюки и связки. Затѣмъ, тщательно перевязавъ ихъ, онъ воспользовался приливомъ и потащилъ ихъ отъ одного утеса къ другому, до своего магазина. Онъ нашелъ въ одной щели блокъ и канатъ, при помощи которыхъ могъ поднимать самые тяжелые предметы. Такимъ образомъ, собралъ онъ и обрывки цѣпей, разсѣянные между скалами.

Жильятъ былъ изумительно настойчивъ, когда принимался за дѣло. Ему нужно было только захотѣть, чтобы исполнить. Ничто не устоитъ противъ ожесточенія муравья.

Къ концу недѣли, Жильятъ собралъ въ свой гранитный магазинъ весь безобразный хламъ, оставшійся послѣ бури. Каждый обломокъ имѣлъ указанное мѣсто. Это былъ систематическій складъ хаоса.

Парусъ, правда дырявый, закрѣпленный наваленными на него по краямъ камнями, прикрывалъ то, что могло пострадать отъ дожда.

Хотя носъ Дуранды и очень пострадалъ, Жильяту удалось спасти грамболи со всѣми ихъ блоками.

Онъ нашелъ бугшпритъ.

Онъ нашелъ верпъ, застрявшій на мели и высунувшійся изъ воды во время отлива.

Въ каютѣ Тангруля, онъ нашелъ кусочекъ мѣла и бережно припряталъ его: можетъ быть, понадобится дѣлать помѣтки.

Кожаное пожарное ведро и нѣсколько другихъ вадокъ, хорошо сохранившихся, довершали этотъ рабочій арсеналь.

Все, что уцѣлѣло отъ груза каменнаго угля, Жильятъ также собралъ въ свой складъ.

Въ восемь дней, эта расчистка и уборка была окончена. Рифъ былъ очищенъ и Дуранда избавлена отъ лишняго груза. Отъ нея осталась только машина.

Часть носовой стѣны, неотвалившаяся еще отъ кормы, не отягчала и не оттягивала ея, она поддерживалась уступомъ скалы. Къ тому же, она была слишкомъ тяжела и массивна, и только напрасно загромодила бы складочное мѣсто. Она походила на плотъ. Жильятъ не тронулъ ея.

Жильятъ тщетно искалъ носовую «куклу» Дуранды: волны умчали ее навѣки. А онъ отдалъ бы за нее обѣ свои руки, еслибъ онѣ не были ему такъ нужны въ эту минуту.

У входа въ складъ возвышались двѣ груды: гряда желѣза, годнаго для перековки, и гряда деревянныхъ обломковъ, годныхъ для топки.

Жильятъ подымался съ зарей и не зналъ отдыха, кромѣ сна.

Одни бакланы, сновавшіе взадъ и впередъ, были свидѣтелями его кипучей дѣятельности.

Х.

Кузница.

Устроивъ магазинъ, Жильятъ устроилъ и кузницу.

Вторая разсѣлина, которую онъ выбралъ, представляла довольно глубокую впадину на подобіе рукава. Онъ сначала думалъ самъ здѣсь поселиться, но постоянный вѣтеръ, дувшій въ этомъ узкомъ проходѣ, заставилъ его отказаться отъ своего намѣренія. Но этотъ раздувательный мѣхъ подаль ему мысль устроить здѣсь кузницу. Если пещера негодна для спальни—она будетъ мастерской. Заставить самия препятствія служить своей цѣли—это уже великій шагъ къ побѣдѣ. Вѣтеръ былъ ему врагъ, онъ сдѣлалъ изъ него слугу.

О нѣкоторыхъ людяхъ говорятъ: они годны для всякаго дѣла, но ни на что неспособны; то же можно сказать и о впадивахъ скалъ. Онѣ предлагаютъ одно, а даютъ другое. Вотъ ванна, но она съ трещиной и не держитъ воды; вотъ комната — но безъ потолка; вотъ ложе изъ мха — но мокрое; вотъ кресло — но изъ камня.

Кузница, задуманная Жильятомъ, была сдѣлана вчернѣ самой природой; но подчинить эту грубую попытку своимъ дѣламъ, сдѣлать изъ этой пещеры лабораторію, было дѣло нелегкое. Изъ трехъ-четырехъ скалъ, выдолбленныхъ на подобіе воронки и кончавшихся узкой трещиной, природа устроила поддувало болѣе могучее, чѣмъ тѣ старинныя кузнечныя мѣхи въ четырнадцать футовъ длиною, которые каждымъ дуновеніемъ давали девяносто-восемь тысячъ кубическихъ дюймовъ воздуха. Тутъ было не то еще, сила урагана не выражается цифрами.

Этотъ избытокъ силы былъ недостаткомъ; мудро было управиться съ поддуваломъ.

Пещера имѣла два неудобства: вѣтеръ гулялъ по ней изъ конца въ конецъ, также и вода.

Это была не морская волна, а непрерывное соченіе, скорѣе потъ, чѣмъ потокъ.

Пѣнистые гребни буруновъ, вздымавшихся иногда на высоту ста футовъ, наполнили наконецъ морской водой естественный водоемъ на вершинѣ утеса. Водоемъ господствовалъ надъ этой разсѣлиной. Избытокъ воды стекалъ изъ него по откосу скалы, къ задней сторонѣ разсѣлины, маленькимъ водопадомъ въ ладовъ, примѣрно, шириною и въ четыре или пять сажень вышины. Резервуаръ питался еще дождями. Отъ времени до времени, мимолетная туча изливалась потокомъ въ эту неистощимую и постоянно переполняющуюся цистерну. Вода была чиста, но солоня и негодна для питья. Она струилась по каплямъ съ зеленыхъ нитчатокъ, словно вытекаая изъ оконечностей волосъ.

Жильятъ вздумалъ воспользоваться этой водой, чтобы подчинить себѣ вѣтеръ. При помощи воронки, двухъ или трехъ досчатыхъ желобовъ, одного изъ нихъ съ краномъ, пригнанныхъ и сколоченныхъ на скорую руку, при помощи широкой ладки, расположенной въ видѣ нижняго резервуара, Жильятъ, немного кузнецъ, смастерилъ приборъ, замѣнявшій мѣхи, и хотя менѣе совершенный, чѣмъ подобные же приборы, употребляющіеся въ наше время, однако и не столь первобытный, какъ тотъ, что въ былыя времена употреблялся въ Пиринеяхъ.

У него была ржаная мука, онъ сварилъ клейстеръ; у него были канаты — онъ нащипалъ пакли. Этой паклей и клейстеромъ онъ

законопатель всё севаяины разсылины, оставивъ одно только отверстие, въ которое онъ вставилъ кончикъ скорострѣльной трубы, служившей пальникомъ для сигнальнаго фальконета Дуранды. Струя воздуха, проходившаго сивозъ трубку, направлялась горизонтально на большую плиту, изъ которой Жильять сдѣлалъ очагъ своей кузницы. Отверстіе поддувала могло заткаться втулкой.

Затѣмъ, Жильять навалилъ къ этому очагу угля и дерева, всыпъ огня прямо изъ скалы, зажегъ горсть павли и поджогъ дрова.

Онъ попробовалъ поддувало—оно дѣйствовало на славу.

Жильять съ гордостью созналъ въ себѣ силу циклопа — повелителя воздуха, воды и огня.

Повелитель воздуха, онъ поборолъ вѣтеръ и создалъ ему легкія изъ гранита. Повелитель воды, онъ изъ водопада сдѣлалъ приборъ, замѣнившій ему мѣхи. Повелитель огня, онъ извелъ его изъ этого утеса, прежде только заливаемаго волной.

Такъ-какъ разсылины не имѣла свода, то дымъ свободно улеталъ, и эти скалы, какъ-бы созданныя для одной морской пѣвни, теперь узнали копоть и сажу.

Для наковальни, Жильять взялъ большой плотно-зернистый булыжникъ, очень удобной формы. Правда, что это весьма опасная наковальня, такъ-какъ отъ нея могутъ летѣть осколки. Одинъ изъ концовъ этого камня, закругленный и оканчивающійся остриемъ, могъ, пожалуй, служить за острый конецъ наковальни, но другого пирамидальнаго конца не доставало. Это была первобытная наковальня Троглодитовъ. Поверхность, выполированная волнами, была тверда почти какъ сталь.

Жильять сожалѣлъ, что не захватилъ своей наковальни. Онъ не зналъ, что буря разломилла Дуранду пополамъ и надѣялся найти всё необходимые инструменты въ носовомъ трюмѣ. Но именно носовую-то часть и разбило бурей.

Объ разсылины скалы, которыми завладѣлъ Жильять, были смежны, магазинъ и кузница примыкали другъ къ другу.

Каждый вечеръ, покончивъ работу, Жильять ужиналъ кускомъ сухаря, размоченнаго въ водѣ, и нѣсколькими моллюсками или морскими каштанами—единственными продуктами моря, которые можно было добыть между этими скалами, и затѣмъ, дрожа отъ холода, взбирался на большой Дувръ ночевать въ своей норѣ.

Отвлеченный міръ, въ которомъ вращался Жильять, еще болѣе увеличивался самою матеріальностью его занятій. Дѣйствительность въ сильныхъ приемахъ опяняетъ. Физическій трудъ со всѣми его безконечными подробностями, нисколько не уменьшалъ въ Жильягѣ ошеломляющаго дѣйствія сознанія—гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ. Обыкновенно физическое утомленіе приковываетъ внима-

ніе къ землѣ, но необычность самого дѣла постоянно удерживала его въ идеальныхъ и таинственныхъ сферахъ. Порой ему казалось, что онъ ударялъ молотомъ въ облака. Въ другой разъ ему казалось, что его рабочіе инструменты—боевое оружіе. Въ немъ гнѣздилося смутное сознаніе какого-то тайнаго покушенія, которое онъ долженъ былъ отразить или предупредить. Безконечныя мелочныя подробности его обширнаго плана спасенія Дуранды казались предосторожностями противъ посторонняго, вполне сознательнаго и плохо скрываемаго протнводѣйствія. Жильятъ не зналъ словъ, которыя бы выражали эти идеи, но самыя идеи были ему ясны. Онъ чувствовалъ себя все менѣе и менѣе работникомъ и все болѣе и болѣе борцомъ.

Онъ былъ тутъ какъ-бы вакимъ-то укротителемъ. И онъ почти постигалъ это. Удивительная зоркость для подобнаго ума.

А между тѣмъ вокругъ него, на сколько видѣлъ глазъ, кипѣла масса громаднаго, безцѣльно потраченнаго труда. Ничто такъ не поражаетъ умъ, какъ зрѣлище безконечныхъ силъ, разлитыхъ въ неизмѣримомъ, безпредѣльномъ пространствѣ. Невольно ищешь цѣли для всего этого. Вѣчно движущееся пространство, неустанное, немолчное море, торопливыя тучи, всѣ эти темныя, безконечныя усилія, этотъ судорожный трепеть, все это остается неразгаданной тайной. Къ чему это безконечное колебаніе? Какой прокъ изъ этихъ урагановъ, къ чему эти сотрясенія? Эти удары, эти вопли, эти завыванія, что они производятъ? О чемъ весь этотъ шумъ? Приливъ и отливъ этихъ вопросовъ такъ же вѣченъ, какъ приливъ и отливъ морей. Жильятъ зналъ, что онъ дѣлалъ, но эта кипучая дѣятельность въ пространствѣ давила его своею загадочностью. Противъ воли, почти механически, вслѣдствіе внѣшняго давленія, Жильятъ-мечтатель сливалъ, отождествлялъ свой трудъ съ безконечной, бесполезной работой моря. Да и какъ не пытаться разгадать тайну грозной стихіи? Какъ не задуматься, насколько возможно для мысли, колебаніемъ водъ, надъ этимъ ожесточеніемъ валовъ, неуловимо гложущихъ скалу, надъ этимъ безумнымъ остервененіемъ четырехъ вѣтровъ? Какой ужасъ вселяетъ одна мысль, что это вѣчное движеніе, этотъ бездонный океанъ, эти Данайды тучи, весь этотъ трудъ—ни къ чему.

Ни къ чему—нѣтъ. Но для чего про то знаешь только ты, о, Незвѣданный.

XI.

ОТКРЫТІЕ.

Рифъ прибрежный посѣщается иногда людьми; рифъ въ открытомъ морѣ—никогда. Зачѣмъ туда идти? Это не островъ. Тамъ

нѣтъ ни деревьевъ, ни плодовъ, ни пастбищъ, ни звѣрей, ни источниковъ прѣсной воды. Это заустѣніе среди пустыни. Это скала съ крутизнами надъ водой и пиками подъ водой. Тамъ ничего не найдешь кромѣ кораблекрушенія.

Подобные рифы, называемые на старинномъ морскомъ языкѣ «*Одинокими*», какъ мы уже сказали, претранныя мѣста. Море тутъ одно-одинохонько. Оно дѣлаетъ что́ хочетъ. Ничто земное не безпокоитъ его. Человѣкъ пугаетъ море; оно остерегается его; оно утаиваетъ отъ него и то, что оно есть, и то, что оно дѣлаетъ. У рифовъ море покойно; человѣкъ туда не придетъ. Могучая волна не будетъ прервана. Море заботится о рифахъ, оно исправляетъ ихъ поврежденія, заостряетъ ихъ оконечности, подновляетъ ихъ и поддерживаетъ. Оно сверлитъ насквозь скалу, размываетъ мягкій камень, обнажаетъ твердый, сдираетъ плоть, оставляетъ одинъ остовъ, оно роется, раскѣпаетъ, буравитъ, проводитъ каналы, наполняетъ рифъ пещерами, дѣлаетъ изъ него громадную ноздреватую губку, выдалбливаетъ внутри, обтачиваетъ снаружи. Оно созидаетъ для себя въ этой таинственной горѣ, составляющей его собственность—вертепы, храмы, дворцы; у него есть своя растительность, отталкивающая и великолѣпная, состоящая изъ плавающихъ травъ, которыя кусаются, и чудовищъ-животныхъ, которыя пускаютъ корни; оно скрываетъ подъ мракомъ воды эти ужасающія прелести. Въ одинокомъ рифѣ никто не наблюдаетъ море; оно тутъ на свободѣ развиваетъ свою таинственную сторону, непрístupную для человѣка. Оно складываетъ тутъ свои выдѣленія живыхъ и ужасающія. Все невѣдомое моря — здѣсь.

Мысы, подводные камни, рифы, повторимъ еще разъ—настоящія архитектурныя постройки. Формація геологическая почти ничто въ сравненіи съ формаціей океанической. Рифы, эти дома волны, эти пирамиды, обитаемыя пѣной, относятся къ тому таинственному искусству, которое авторъ этой книги гдѣ-то назвалъ искусствомъ природы. Они отличаются какою-то грандіознымъ стилемъ; случайное тутъ кажется задуманнымъ. Эти зданія многообразны. Въ нихъ является кудреватость палимпина, величіе готическаго собора, прихотливость очертаній погоды, громадность горы, утонченность галантерейной бездѣлушки, ужась гробницы. Въ нихъ есть ачейки, какъ въ гнѣздѣ осмъ, берлога, какъ въ звѣрицѣ, подземные ходы, какъ въ норѣ врата, влѣти какъ въ тюрьмѣ, засады какъ въ лагерѣ. Тутъ есть двери, но непроходимыя, колонны — но усѣченныя, башни — но наклонныя, мосты—но сломажныя. Различныя отдѣленія исключительно предназначаются тому или другому виду живыхъ существъ; одно —

только для птицъ, другое — только для рыбъ. Изъ одного въ другое не переходятъ. Архитектурныя формы тутъ видоизмѣняются, смѣшиваются, признають статуи и отрицають ее, неожиданно прерываются и круто останавливаются; начинаются архивольтомъ, а оканчиваются архитравомъ; масса громоздится на массѣ. Тутъ зодчій Ангеладь. Удивительная таинственная динамика представляетъ тутъ фактическое рѣшеніе всѣхъ своихъ вопросовъ. Страшныя глыбы висятъ, но не падаютъ. Непонятно, на чемъ держатся эти чудныя постройки, при одномъ взглядѣ на которыя кружится голова. Вездѣ выдающіеся линіи, пустыя пространства, громадные камни, безумно висящіе въ воздухѣ. Невозможно выслѣдить законъ этого вавилонскаго столпотворенія. Невѣдомый, великій зодчій ничего не рассчитываетъ, и всегда достигаетъ успѣха. Утесы, въ беспорядкѣ нагроможденные другъ на другѣ, составляютъ чудовищный монументъ, въ которомъ на вапни нѣтъ логики, но поразительное равновѣсіе. Онъ болѣе чѣмъ проченъ, онъ вѣченъ. И съ тѣмъ вмѣстѣ онъ олицетворенный беспорядокъ. Грозный перекалъ волнъ точно отпечатлѣлся на грантѣ. Рифъ — это окаменѣвшая буря. Ничто такъ не поражаетъ умъ, какъ дикая архитектура этихъ зданій, вѣчно падающихъ и вѣчно стоящихъ на своемъ мѣстѣ. Все въ ней подерживаетъ и отрицаетъ одно другое. Это борьба линій, результатомъ которой является зданіе. Въ этой архитектурѣ легко признаешь сотрудничество двухъ враждебныхъ силъ: океана и урагана.

Эта архитектура имѣетъ свои образцовыя чудеса. Рифъ Дувръ былъ однимъ изъ нихъ.

Его создало и обратало море съ какой-то страшной любовью. Мрачныя волны лизали его подножія. Онъ былъ чудовищень, коварень, неизвѣданъ, полонъ вертеповъ.

Въ немъ была цѣлая система подводныхъ норъ, уходящихъ въ бездонныя глубины. Нѣкоторыя изъ отверстій этого непостижимаго долбленія были сухи во время отлива. Въ нихъ можно было войти, конечно, съ большимъ рискомъ. Жилыть для пользы своего предпріятія долженъ былъ изслѣдовать всѣ эти гроты. Каждый изъ нихъ поражалъ ужасомъ и представлялъ въ громадномъ размѣрѣ тотъ же страшный, роковой видъ бойни, какъ и самый проходъ между Дуврами. Кто не видалъ подобныхъ фресокъ на глыбахъ вѣчнаго гранита, тотъ не можетъ себѣ представить такого вѣщища.

Эти страшныя гроты были коварны; въ нихъ не надо было мѣшкать. Приливъ наполнялъ ихъ до потолка.

Желудники и водоросли тутъ изобиловали.

Пещеры были завалены гальками, громоздившимися большими кучами въ углубленіяхъ стѣнъ. Многія изъ этихъ галекъ вѣсили болѣе тонны. Онѣ были всякихъ величинъ и всякаго цвѣта; болшею же частію ихъ казались кровавыми; нѣкоторыя, покрытыя волосистой, слизистой нитчаткой, походили на большихъ зеленыхъ кротовъ, точившихъ скалу.

Многія изъ этихъ пещеръ внезапно оканчивались стѣной. Другія, словно таинственныя артеріи, извивались въ скалѣ мрачными, кривыми разсѣлинами. Это были улицы бездны. Эти разсѣлины постепенно суживались, такъ что человѣкъ не могъ пройти туда. Зажженный факель освѣщалъ тамъ мракъ, холодный, мокрый.

Однажды Жильятъ забрался въ одну изъ такихъ разсѣлинъ. Отдавъ способствовать его смѣлости. День былъ тихій, солнечный, и нельзя было ожидать никакого несчастья, которое усложнило бы его рискъ.

Двѣ настоятельныя нужды, какъ мы уже сказали, побуждали Жильята къ подобнымъ изслѣдованіямъ: ему необходимо было искать обломковъ Дуранды, для ея спанія, и крабовъ для своей пищи. На Дуврѣ не было уже болѣе для него моллюсковъ.

Разсѣлина въ скалѣ была очень узка и пройти въ ея отверстіе было почти невозможно. Жильятъ видѣлъ свѣтъ въ концѣ мрачнаго прохода. Онъ сдѣлалъ усиліе, и пролѣзъ какъ могъ далѣе.

Онъ, нисколько не подозрѣвая того, очутился какъ разъ во внутренности той самой скалы, на острый гребень которой Клюбень направилъ Дуранду. Жильятъ былъ подъ этимъ самымъ гребнемъ. Скала, отвѣсная, недостижимая снаружи, была выдолблена внутри. Тутъ были галереи и залы, какъ въ гробницахъ египетскихъ царей. Этотъ лабиринтъ былъ одной изъ самыхъ сложныхъ работъ моря. Развѣтвленія его, по всей вѣроятности, соединялись съ окружающимъ безпредѣльнымъ моремъ многими выходами, изъ которыхъ одни зіяли надъ водой, другіе скрывались въ невѣдомыхъ глубинахъ бездны. Близъ самого этого мѣста Клюбень бросился въ воду, но Жильятъ этого не зналъ.

Жильятъ медленно подвигался въ этомъ логовищѣ крокодиловъ, гдѣ, правда, крокодиловъ нечего было бояться; онъ ползъ то выгибаясь, то выпрямляясь, стучаясь лбомъ, теряя равновѣсіе и снова его находя. Мало по малу проходъ расширился, замерцалъ слабый свѣтъ и вдругъ Жильятъ очутился въ удивительной пещерѣ

XII.

Внутренность подводнаго зданія.

Этотъ слабый свѣтъ явился очень кстати.

Еще шагъ, и Жильятъ упалъ бы въ пучину, быть можетъ, бездонную. Вода въ подобныхъ пещерахъ такъ холодна, и въ ней такъ скоро воченѣешь, что часто тутъ погибають самыя мощныя пловцы.

Къ тому же нѣтъ никакой возможности выкарабкаться, вы окружены со всѣхъ сторонъ отвѣсными стѣнами.

Жильятъ вдругъ остановился. Разсѣлина оканчивалась узкимъ, скользкимъ проходомъ. Онъ прислонился къ скалѣ и сталъ смотрѣть.

Онъ былъ въ большой пещерѣ. Надъ нимъ разстилагось нѣчто какъ-бы замыкавшее его внутри громаднаго черепа. Этотъ черепъ казался только-что вскрытымъ. Волнистыя, струившіяся жилки гранитной скалы представляли подобіе волокнистыхъ развѣтвленій и зубчатыхъ швовъ костяного ящика. Камень былъ тутъ потолкомъ, вода поломъ; волны отлива, сжатые между четырьмя стѣнами грота, казались громадными, дрожащими плитами. Гротъ былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ. Не было ни одного отверстія ни вверху, ни внизу, ни слуховаго окна, ни отдушны; въ стѣнѣ не было разсѣлинъ, въ сводѣ—трещинъ. Все это было освѣщено снизу, сквозь воду. Это былъ какой-то невѣдомый блескъ мрака.

Жильятъ, зрачокъ котораго расширился въ темнотѣ корридора, ясно различалъ всѣ предметы въ этомъ мерцающемъ полусвѣтѣ.

Онъ бывалъ нѣсколько разъ въ пещерахъ Племона на Джерсеѣ, Кре-Малье на Гернсеѣ, и Лавен на Серкѣ (названной такъ потому, что контрабандисты тамъ сохраняли свои товары); онъ зналъ хорошо эти удивительныя, великолѣпныя вертепы, но ни одного изъ нихъ нельзя было сравнить съ подземной и подводной залой, въ которой онъ теперь очутился.

Жильятъ видѣлъ прямо противъ себя подъ водою нѣчто въ родѣ затопленной арки. Эта арка, естественный сводъ, выведенный волной, ярко блестѣла, опираясь на свои мрачныя устои. Свободъ этотъ-то потонувшій портикъ проникалъ въ пещеру свѣтъ изъ открытаго моря.

Этотъ свѣтъ разсипался подъ волной словно громадный вѣеръ, и отражался на скалѣ. Его прямолинейныя лучи, ложившіяся длинными свѣтящимися лентами на мрачномъ фонѣ, то сверкала, то туснѣла въ извилинахъ, напоминали зеркальныя простѣвны.

Пещеру озарялъ день, но день невѣдомый намъ. Этотъ блескъ не имѣлъ ничего общаго съ нашимъ свѣтомъ. Можно было подумать, что находишься на другой планетѣ. Свѣтъ этотъ былъ—тайна, словно сѣро-зеленый блескъ зрачка сфинкса. Эта пещера представляла внутренность громадной и блестящей головы мертвеца; сводъ этотъ былъ черепъ, арка — ротъ, только недоставало отверстій для глазъ. Чудовищный ротъ, принимавшій и извергавшій приливъ и отливъ, разинутый снаружи прямо на югъ, упивался свѣтомъ, а изрыгалъ горечь. Нѣкоторые существа, разумныя, но злыя походятъ на это. Солнечный лучъ, проникая сквозь портикъ, застигаемый стекловиднымъ слоемъ морской воды, дѣлался зеленымъ, какъ лучъ Альдебарана. Вода, проникнутая этимъ свѣтомъ, казалась жидкимъ изумрудомъ. Вся пещера была окрашена удивительно нѣжнымъ оттѣнкомъ аква-марины. Сводъ со своими мозговидными лопастями и развѣтвленіями, похожими на развѣтвленія нервовъ, блестѣлъ, какъ хризопасъ. Приливы волнъ, отражавшіеся на потолокъ, то расходились, то снова сходились, расширяя и суживая свои золотыя кольца, словно въ какой-то таинственной пляскѣ. Все это производило впечатлѣніе призрака; невольно возникалъ вопросъ, какая добыча или какая надежда возбуждала столь игривую веселость въ этой чудной сѣти живого огня. Съ выпуклостей свода и выступовъ скалы опускались длинныя, ползучія растенія, которыя, вѣроятно, погружали свои корни сквозь трещину гранита, въ какой-нибудь наружный резервуаръ воды. Всасывая въ себя эту воду, они собирали ее на своихъ оконечностяхъ въ видѣ крупной капли, жемчужины. Эти жемчужины время отъ времени падали въ бездну, издавая тихій, нѣжный звукъ. Поражающее впечатлѣніе этой картины было невыразимо. Невозможно вообразить ничего столь очаровательнаго и вмѣстѣ столь мрачнаго.

Это былъ какой-то невѣдомой храмъ смерти, довольной тѣмъ, что она смерть.



ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

XVIII.

Т и м о н ъ.

Что можетъ быть пріятнѣе и веселѣе, какъ обѣдъ въ Ричмондѣ, когда весна на дворѣ, теплые лучи солнца освѣщаютъ всю окрестность и воздухъ благоухаетъ только что скошеннымъ сѣномъ? Что можетъ быть пріятнѣе такого обѣда, когда всѣ пирующіе молоды, и звонкій, серебристый хохотъ такъ же поспѣшно и весело слѣдуетъ за шуткой, какъ пѣнистое шампанское за шумомъ вылетѣвшей пробки? Отъ времени до времени по широкой, искращейся рѣкѣ мелькаетъ легкій чолнъ съ бѣлымъ парусомъ. Изъ открытаго окна слышатся веселые голоса и шумъ ставановъ, а иногда изъ нижняго города доносятся и звуки духового оркестра.

Подобную блестящую, веселую картину представлялъ Ричмондъ въ знаменитый день, въ который Саксенъ давалъ свой обѣдъ, и когда друзья его, не жалѣя никакихъ трудовъ, устроили все такъ хорошо, что всякая малѣйшая подробность гармонировала съ прекрасной погодой и живописной мѣстностью. Всѣ гости были привезены изъ Лондона въ открытыхъ экипажахъ, обѣдъ былъ самый тонкій, роскошный, какой только можно имѣть за дорогія деньги, и лучшая комната знаменитаго отеля была нанята для этого торжества. Врядъ-ли видѣла она когда нибудь столь веселое общество.

Тутъ были: лодъ Кастельтауерсъ и майоръ Воанъ, нарочно пріѣхавшіе изъ Сурей; сэръ Чарльсъ Бургойнъ, съ своей дерзкогордой улыбкой, Эдвардъ Брандонъ, Лоренсъ Грѣторексъ, еще два

члена Эректеума, очень юные, вѣчно-смѣющіеся франты, и, наконецъ, сама Граціана съ своею свитой, ибо примадонны, подобно несчастью, никогда не приходятъ однѣ. Въ настоящемъ случаѣ героиня дня явилась въ сопровожденіи двухъ сестеръ и одного брата. Добродушный Саксенъ принялъ ихъ очень любезно, и подумалъ въ глубинѣ своей честной души, что было очень мило съ ея стороны пріѣхать не одной. Братъ ея казался очень мрачнымъ юношей, который говорилъ очень мало, ѣлъ очень много и подозрительно, взподобья посматривалъ на все общество. Сестры были толстыя, черноокія итальянки, болтавшія безъ умолку и пившія шампанское безъ удержу. Что касается самой примадонны, то она была красивая, полная женщина лѣтъ двадцати, и скорѣе походила на веселаго избалованнаго ребѣнка, чѣмъ на Юнону. Она принимала на себя довольно величественный видъ на сценѣ, но оставляла всю свою торжественную осанку въ туалетной театра вмѣстѣ съ костюмомъ, бѣлками и румянами. Въ сцену она была удивительно весела, и теперь смѣялась надъ всѣмъ, что ей говорили—было ли это смѣшно, или нѣтъ. Она восхищалась всѣмъ: и погодой, и видомъ, и кабриолетомъ, въ которомъ пріѣхала, и обѣдомъ, и гостями, и хозяиномъ, а когда, наконецъ, внесли мороженое, сдѣланное на подобіе великолѣпнаго разноцвѣтнаго храма, то она, какъ ребѣнокъ, захопала въ ладоши.

— Ну, теперь самое время отлатъ браслетъ, шепнулъ Саксену лордъ Кастельтауерсъ.

— Что жъ я скажу? спросилъ Саксенъ въ сильномъ смущеніи.

— Да что хочешь, только полюбезнѣе, и не очень длинно.

— Я, право, не знаю, что я скажу.

— Все равно, что-нибудь. Вѣдь она ни въ какомъ случаѣ не пойметъ.

— Не можете ли вы сказать за меня?

— Нѣтъ, это невозможно. Это все равно, еслибъ вы попросили меня подаловать ее за васъ.

Это предположеніе показалось такимъ страшнымъ Саксену, что онъ покраснѣлъ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка.

— E, traditor! зачѣмъ вы съ нимъ шепчетесь? воскликнула примадона, надувъ губки.

— Зачѣмъ, что онъ заговорщикъ, синьора, отвѣчалъ Кастельтауерсъ.

— Заговорщикъ! Cielo!

— Да, замѣтилъ Бургойнъ:—внизу подъ нами проведена мина конфетъ, и Трефольденъ намѣренъ теперь сказать нѣчто столь блестящее, что мина вспыхнетъ, и мы всѣ взлетимъ на воздухъ.

Примадона пропѣла ругаду, выразившую ужасъ.

— Но худшее еще впереди. Заговоръ исключительно направленъ противъ васъ, синьора, сказалъ Кастельтауерсъ, и потомъ шопотомъ прибавилъ: — ну, Саксенъ; живѣе, лучшаго начала трудно придумать.

Саксенъ поспѣшно вынулъ изъ своего кармана сафьянный футляръ, и такъ неловко его подавъ примадоннѣ, что можно было подумать, не представляетъ ли онъ приказъ объ ея арестованіи.

Синьора вскрикнула отъ восторга и, позвавъ своихъ брата и сестеръ, бросилась къ окну, гдѣ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, повертывала браслетъ со всевозможныхъ сторонъ и оглашала воздухъ неумолкаемыми восклицаніями.

— Но вы, синьоръ, должно быть, принцъ какойнибудь, произнесла она, возвратившись къ столу.

— Нимало, отвѣчалъ Саксенъ, смѣясь.

— E bellissimo questo braccioletto! Но зачѣмъ вы дарите его мнѣ?

— Изъ желанія сдѣлать вамъ пріятное bella donna, отвѣчалъ Саксенъ:— греки полагали, что опалъ имѣеть свойство придавать популярность тѣмъ, кто его носить; но я подношу вамъ опалы совершенно не съ этой цѣлью. Вашъ голосъ—талисманъ гораздо могущественнѣе.

— Bravo, Трефольдентъ! воскликнулъ со смѣхомъ Кастельтауерсъ: — отлично сказано! Comme l'esprit vient en buvant!

— Испортилъ все дѣло, шепнулъ Грѣторексъ своему сосѣду:— ему надо было похвалить ея глаза, а комплиментовъ ея голосу ужъ она наслушалась довольно.

— А вы думаете, что ей не накричали также о прелести ея глазъ? спросилъ сосѣдъ, который былъ не кто иной, какъ майоръ Воанъ.

— Нѣтъ сомнѣнія; но вѣдь женщины никогда не надобѣдаютъ комплименты ея красотѣ. Что касается ея голоса, это совсѣмъ иное дѣло. Что значить одинъ комплиментъ болѣе или менѣе, послѣ восторга толпы, ежедневно наполняющей театръ.

Какъ бы ни былъ хорошъ обѣдъ, но онъ, какъ и все на свѣтѣ, долженъ когданибудь кончиться. Такъ случилось и теперь: десертъ, благодаря особливо усиліямъ сестеръ и брата примадонны, быстро исчезъ, и его замѣнилъ кофе. Тутъ одинъ изъ юныхъ членовъ Эректеума, почерпая, вѣроятно, свою смѣлость изъ огромнаго количества выпитаго имъ вина, сталъ просить примадону снѣтъ имъ что-нибудь. Она засмѣялась, и покачала головой. Все общество взглянуло на нее съ удивленіемъ и отчаяніемъ.

— Я не могу, сказала она: — мой голосъ—птица въ клѣткѣ, ключъ отъ которой хранится у моего импресаріо.

— Не тревожьтесь, синьора, сказалъ сэръ Чарльсъ Бургойнъ, бросивъ гнѣвный взглядъ на молодого человѣка, поднавшаго этотъ неприятный вопросъ: — мы всѣ знаемъ, или должны знать, что вашъ оперный контрактъ запрещаетъ вамъ пѣть гдѣ бы то ни было внѣ театра. Впрочемъ, еслибъ и этого не было, мы никогда не посмѣли бы утруждать васъ такой просьбой. Это — ошибка, хотя, конечно, непростительная со стороны юноши.

— Мнѣ очень... очень жаль... промолвилъ виновный.

— И мнѣ очень жаль! отвѣчала добродушно примадона: — я бы съ радостью вамъ сдѣла что-нибудь, еслибъ могла.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна объ этомъ и думать! воскликнулъ поспѣшно поитальянски ея братъ: — помни, какой ты должна будешь заплатить штрафъ.

— Конечно, синьора Граціана не должна ради насъ проводить въ гнѣвъ своего импресаріо, сказалъ лордъ Кастельтауерсъ.

— Конечно, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! воскликнулъ Саксенъ, и потомъ, обернувшись къ Бургойну, спросилъ вполголоса:— но въ чемъ дѣло, отчего импресаріо обидится, если она споетъ намъ что-нибудь?

— Огъ заставить меня заплатить сто фунтовъ пени, сказала примадона, подслушавъ слова Саксена.

— Эта пеня постановлена въ контрактѣ, объяснилъ Бургойнъ:— и импресаріо такой Шейлокъ, что не проститъ ни гроша синьорѣ. Саксенъ громко засмѣялся.

— Только-то! воскликнулъ онъ: — такъ не объ чемъ тутъ и говорить; я заплачу ему сто фунтовъ и вы можете свободно пѣть къ нашему общему восторгу, *bella dona*.

Тотчасъ принесли изъ сосѣдней комнаты фортепьяно и Граціана сдѣла божественно не одну арію, а болѣе дюжины.

— Можетъ быть, нашъ другъ импресаріо никогда не узнаетъ объ этомъ, сказалъ Грѣторексъ, когда музыка уже кончилась и они собирались ѣхать въ городъ.

— Мы всѣ поклянемся, что не скажемъ никому ни слова объ этомъ импровизированномъ концертѣ, предложилъ сэръ Чарльсъ Бургойнъ.

Но Саксенъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ: — пеня заслужена и она будетъ уплачена. Я не хочу, чтобъ ради меня секретничали, и завтра утромъ отошлю Шейлоку его деньги. Но экипажи уже поданы и намъ пора отправляться.

— Я слышалъ, что нашъ амфитріонъ не знаетъ цѣны день-

гамъ, сказалъ Грѣторексъ лорду Кастельтауерсу, когда они сходили съ лѣстницы:—и теперь я этому вѣрю. Вѣдь вся эта исторія вѣроятно ему стоила около пятисотъ фунтовъ. Какъ вы думаете, милордъ?

— Конечно, не менѣе, отвѣчалъ Кастельтауерсъ, то-есть владѣчая браслетъ.

— Нѣчего сказать, молодецъ — современный Тимонъ!

— Нѣтъ, я надѣюсь, не Тимонъ. Если хотите, то Меценатъ.

— Я боюсь, что онъ бросаетъ золото скорѣй какъ Тимонъ, чѣмъ какъ Меценатъ, отвѣчалъ сухо банкиръ.

— Онъ отличный малый! произнесъ восторженно Кастельтауерсъ:—и его безграничная щедрость не составляетъ еще лучшей и благороднѣйшей черты его характера.

— Но онъ все же поступилъ какъ дуракъ въ дѣлѣ ста фунтовъ, сказалъ Грѣторексъ:—мы всѣ конечно сохранили бы тайну и...

— Извините, мистеръ Грѣторексъ, перебилъ его рѣзко лордъ Кастельтауерсъ:—по моему мнѣнiю, мистеръ Трефольденъ поступилъ просто, какъ честный человѣкъ.

XIX.

Мнѣнiе господина Трефольдена объ адвокатахъ.

— Такъ вы, мой юный другъ, не потеряли еще всѣхъ вашихъ первобытныхъ добродѣтелей, сказалъ мистеръ Трефольденъ, когда Саксенъ въ понедѣльникъ вечеромъ, ровно въ восемь часовъ, явился въ кабинетъ страпцаго.

— Я надѣсь, что я не потерялъ ни одной добродѣтели, которую я когда-нибудь имѣлъ, отвѣчалъ Саксенъ:—но на каку именно добродѣтель вы намегаете?

— На вашу акуратность, молодой человѣкъ. Вы теперь точно такъ же явились въ назначенный срокъ, какъ въ то памятное утро, когда мы завтракали въ Рейхенау и вы впервые отвѣдали лафита. Съ тѣхъ поръ вы, кажется, попривыкли къ нему.

— Да, отвѣчалъ Саксенъ съ полуулыбкой и съ сдержаннымъ вздохомъ.

— И попривыкли еще ко многому другому, я думаю. Позвольте, тогда было 7-е марта, а теперь начало третьей недѣли апрѣля; значить, не прошло и пяти недѣль, Саксенъ.

— А мнѣ онѣ кажутся пятью вѣками!

— Это очень естественно. У васъ въ короткое время такъ много набралось новыхъ впечатлѣнiй. Но вы молоды и можете легко перенести всякiя перемѣны.

— Я перешошу какъ умѣю, отвѣчалъ Саксенъ со смѣхомъ:— это не очень трудно.

— Конечно, человѣку легко дается наука удовольствій и власти, такъ же какъ в наука хорошо одѣваться, прибавилъ Трефольденъ, взглянувъ на Саксена:— вы стали совсѣмъ моднымъ франтомъ.

Саксенъ покраснѣлъ. Онъ никакъ не могъ отучиться отъ неловкой привычки краснѣть.

— Я надѣюсь, что я не франтъ, сказалъ онъ:— я то, чѣмъ меня сдѣлала судьба и мой портной. Кастельтауреръ свезъ меня въ своему портному, и онъ одѣлъ меня, какъ хотѣлъ.

— Значитъ, вы хотите сказать, что ваши добродѣтели принадлежатъ вамъ, а пороки вашему портному? Ну, ну, не тревожьтесь, вы одѣты отлично, и, однако, не чересчуръ отлично, то-есть именно такъ, какъ слѣдуетъ джентльмену, по моему мнѣнiю.

— Я не хочу быть моднымъ франтомъ, сказалъ Саксенъ.

— Успокойтесь, вы и не франтъ въ дурномъ значенiи этого слова. Ну, довольно объ этомъ. Скажите лучше, нравится ли вамъ эта жизнь?

— Она меня очень смущаетъ. Я точно какой-то сумасшедшiй: не знаю, чтѣ дѣлаю, слышу и вижу. Я нахожусь въ какомъ-то круговоротѣ, и Лондонъ мнѣ кажется громаднымъ, многолюднымъ, блестящимъ циркомъ, по пыльной аренѣ котораго я несусь въ колесницѣ. Жизнь эта меня повременамъ очень пугаетъ, но я долженъ сознаться, что предаюсь ей съ удовольствiемъ. И какъ мнѣ не находить удовольствiя, когда я вижу столько прекраснаго!

— Но вамъ Лондонъ показался сначала скучнымъ? сказалъ Трефольденъ съ своей спокойной улыбкой.

— Я тогда былъ совершеннымъ чужестранцемъ и никого здѣсь не зналъ, а вѣчный шумъ и вѣчная толпа на улицахъ только увеличивали грустное сознанiе моего одиночества. Но теперь все это измѣнилось, благодаря вамъ.

— Благодаря мнѣ?

— Да, конечно. Развѣ не вамъ я обязанъ знакомствомъ съ милымъ, дорогимъ Кастельтауреромъ? А еслибъ я его не зналъ, кто бы меня ввелъ въ Эрстеумъ? Какъ бы я узналъ тогда Бургойна, Грэтторекса, Брандона и многихъ другихъ, которые такъ добры ко мнѣ? Право, удивительно, какъ они любезны и какъ стараются мнѣ оказать услугу, или меня позабавить.

— Неужели? замѣтилъ сухо страпчiй.

— Да, и я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ, еслибъ не любилъ городъ, въ которомъ у меня столько друзей. И потому

у меня столько дѣла, о столькомъ надо подумать, столькому научиться. Напримѣръ, потребовалось бы полжизни чтобъ осмотрѣть всѣ картинныя галереи Лондона и изучить этрусскія вазы въ британскомъ музеѣ!

Трефольденъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Ахъ! какой вы странный! сказалъ онъ:—вы хотите увѣрить меня, что вы дѣлите свое вниманіе поровну между прелестными актрисами и старинными вазами?

— Я хочу сказать только, что нынче утромъ я провелъ три часа въ этрусской комнатѣ британскаго музея. Несмотря на всѣ богатства, которыя тамъ хранятся, я могу васъ увѣрить, что у насъ въ Родбергѣ есть чашка, подобной которой нѣтъ въ вашей коллекціи. Чтѣ вы на это скажете?

— Я бы не далъ гроша за всѣ древности въ Европѣ.

— Вы бы такъ не говорили, еслибъ знали, какое важное значеніе имѣютъ въ исторіи всѣ эти древности. Этрусскія вазы...

— Милый Саксенъ, перебилъ его Трефольденъ:—избавьте меня отъ этрусскихъ вазъ и расскажите что нибудь о себѣ. Вы, я слышалъ, учитесь ѣздить верхомъ.

— Да. Я уже порядочно ѣзжу; кромѣ того, я каждое утро учусь править лошадьми въ экипажѣ и фехтовать. Последнее идетъ порядочно, но я никакъ еще не могу справиться съ лошадьми въ вашихъ многлюдныхъ улицахъ: то я столкнусь съ omnibusомъ, то наѣду на кого.

— Ну, это нехорошо, сказалъ Трефольденъ:—и если вы не бросите скоро эти дурныя привычки, то, пожалуй, нехорошо кончите, сказалъ Трефольденъ.

— И... и, наконецъ, я учусь танцовать, сказалъ Саксенъ со смѣхомъ.

— Однимъ словомъ, доканчивая свое воспитаніе, угощая актрисъ обѣдами и изучая этрусскія вазы, вы весело проводите время.

— Да, и я такъ этимъ всѣмъ занятъ, что у меня нѣтъ ни минуты свободной.

— Гм. А скажите, пожалуйста, сколько денегъ вы израсходовали въ послѣднія три недѣли?

— Право, не знаю.

— Я такъ и подозрѣвалъ. Вы, конечно, ничего не записывали?

— Ничего.

Мистеръ Трефольденъ значительно улыбнулся, но промолчалъ.

— Это, вѣроятно, нехорошо съ моей стороны, и я долженъ былъ бы записывать всѣ мои расходы въ книжку, не такъ ли?

— Конечно.

— Но я, право, не знаю, как вести счеты, я даже въ сущности не знаю настоящей цѣны деньгамъ. Еслибъ вы потрудились мнѣ объяснить это трудное дѣло, то я обѣщаю вамъ исправиться, по крайней-мѣрѣ употребить всѣ зависящія отъ меня усилія. Къ тому же, Джиллингвотеръ можетъ мнѣ помочь. Онъ знаетъ все.

— Это вашъ лакей, неправдали? Откуда вы его достали?

— Мнѣ рекомендовалъ его Грѣторексъ, и онъ дѣйствительно неоцѣненный человѣкъ. Я не знаю, право, что я бы сталъ безъ него дѣлать.

— И у васъ вѣроятно есть грумъ?

— Да, два.

— Два? Скажите, пожалуйста, зачѣмъ вамъ два грума?

— Я, право, не знаю. Бургоннъ сказалъ, что мнѣ нельзя обойтись съ однимъ. Впрочемъ, у меня вѣдь пять лошадей.

— Неужели?

— Да. Одна у меня лошадь кабриолетная, двѣ верховыхъ и двѣ для фазтона. Я купилъ ихъ по совѣту Бургонна, онъ такой знатокъ въ лошадяхъ.

— Конечно. Онъ самъ, вѣжета, продалъ вамъ кабриолетъ и вороную лошадь?

— Да, но повторяю, я и другихъ купилъ по его рекомендаціи. Увѣраю васъ, Вильямъ, я не думаю, чтобъ у кого нибудь на свѣтѣ было столько друзей, сколько у меня!

Мистеръ Трефольденъ отвѣщивалъ и поглядывалъ на часы.

— Ну, Саксенъ, намъ не надо забывать, что вы сегодня пришли сюда для серьезнаго дѣла. Не выпить ли намъ прежде кофе, чтобъ очистить нашъ мозгъ отъ всѣхъ пустяковъ!

Саксенъ изъявилъ на это согласіе, и стряпчій, позвонивъ, приказалъ подать кофе. Черезъ нѣсколько минутъ кофе явился, а между тѣмъ Саксенъ прошелся по комнатамъ и внимательно осматривалъ все находившееся въ ней: запыленные книги, стоявшія на полкахъ, старинную карту, висѣвшую надъ каминомъ, и т. д. и т. д. Окончивъ этотъ осмотръ, онъ возвратился къ своему креслу и чистосердечно воскликнулъ:

— Я бы скорѣй согласился жить въ склепѣ, чѣмъ въ такой мрачной комнатѣ. Неужели, Вильямъ, у васъ нѣтъ другого дома?

— Большую часть жизни я провожу здѣсь, промолвилъ Трефольденъ, попивая свой кофе:—я согласенъ, что эта комната не отличается особымъ изяществомъ, но она совершенно удовлетворяетъ моимъ потребностямъ.

— И вы живете тутъ день и ночь, зиму и лѣто?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. У меня есть берлога въ нѣсколькихъ

милахъ отъ города, гдѣ я, какъ днѣй звѣрь, прятусь по ночамъ.

— Очень радъ это слышать, сказалъ Саксенъ:—надѣюсь, что вы мнѣ покажете свою берлогу; отчего вы меня не позвали туда сегодня?

— Оттого, что вы не довольно жирны.

— Не довольно жиренъ? повторилъ Саксенъ со смѣхомъ.

— Я сѣдаю всѣхъ, кого допускаю къ себѣ. Знайте, молодой человѣкъ, что стряпчие людоѣды и моя берлога вымощена костью сѣданныхъ мною клиентовъ.

Сказавъ это, Трефольденъ позвонилъ и приказалъ позвать мистера Кэвича.

— Вы можете запереть контору и уходить, мнѣ васъ болѣе не нужно, сказалъ Трефольденъ.

Мистеръ Кэвичъ взглянулъ на своего хозяина какъ-то безсознательно.

— Извините, сэръ, отвѣчалъ онъ:—вы, можетъ быть, забыли о дѣлѣ Роджерса; но мнѣ необходимо просмотрѣть всѣ его бумаги.

— Такъ вы можете ихъ взять къ себѣ на-домъ. Мнѣ надо переговорить о дѣлѣ съ этимъ господиномъ, и я желаю быть одинъ. Вы понимаете, одинъ.

Глаза мистера Кэвича свергнули, но только на секунду; и этотъ блескъ далеко не придавалъ пріятности его лицу.

— Когда вы все приведете въ порядокъ и погасите газъ, то скажите мнѣ, я запру за вами дверь.

Кэвичъ молча вышелъ изъ комнаты.

— Еслибъ я вдругъ сдѣлался богачомъ, сказалъ Трефольденъ, проводивъ взглядомъ своего помощника до дверей:— то первая роскошь, которую бы я себѣ позволилъ, было бы вытолкать въ спину этого негодая.

— Если вы о немъ такого дурнаго мнѣнія, зачѣмъ вы его держите?

— По той самой причинѣ, по которой мы часто не выриваемъ больного зуба. Онъ хорошій грызунъ и помогаетъ мнѣ справляться съ костями, о которыхъ я только что говорилъ.

Съ этими словами мистеръ Трефольденъ всталъ и проводилъ Кэвича; потомъ, воротившись въ кабинетъ, онъ поправилъ огонь въ каминѣ, надѣлъ абажуръ на лампу и усѣлся въ кресло подлѣ стола.

XX.

Два съ половиной процента.

— Ну, Саксенъ, займемся теперь дѣломъ, сказалъ Вильямъ Трефольденъ, отталкивая чашку и отбашливаясь.

Саксенъ приготовился слушать со вниманіемъ.

— Впрочемъ, началъ Трефольденъ: — у васъ огромное состояніе и все въ деньгахъ; поэтому необходимо, чтобъ эта громадная сумма была помѣщена выгоднымъ образомъ. Подъ этими словами я подразумѣваю, чтобъ на эти деньги была куплена земля, или онѣ были бы отданы подъ вѣрную закладную, или вообще употреблены такимъ образомъ, что давали бы большой доходъ. На основаніи всего этого, я съ тѣхъ поръ, какъ ваши дѣла въ моихъ рукахъ, употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ навести справки о всякаго рода выгодныхъ операціяхъ.

— Очень вамъ благодаренъ, промолвилъ Саксенъ.

— Самое трудное въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Трефольденъ: — это громадность суммы. Очень легко, говоря сравнительно, помѣстить десять, сто, даже пятьсотъ тысячъ, но никто не можетъ занять — и подъ достаточное обезпеченіе — четыре милльона. Это не значитъ, чтобъ я желалъ помѣстить все ваше состояніе въ одні руки — ни мало. Я никогда не посовѣтовалъ бы вамъ этого, даже еслибъ русское правительство предложило сдѣлать у васъ заемъ. Но въ то же время, я не желалъ бы, чтобы ваше состояніе было разбросано повсюду мелкими кучами. Это также было бы очень невѣрно и беспокояно. Вы слѣдите за моими словами?

— Ни мало. Я ничего не понимаю, сказалъ Саксенъ, которому всякій самый легкій финансовый вопросъ казался китайской грамотой.

— Какъ, вы не понимаете, что ваши деньги должны быть помѣщены гдѣ нибудь?

— Я думалъ, что онѣ уже помѣщены въ банкирской конторѣ Друмонда.

— Вы совсѣмъ не то говорите. Большая часть вашего капитала состоитъ теперь изъ государственныхъ фондовъ, и только нѣкоторая, незначительная сумма (незначительная для васъ, хотя громадная для всѣхъ другихъ) размѣнена временно и помѣщена у Друмонда, гдѣ она не приноситъ никакихъ процентовъ. Я намѣренъ поступить съ этой суммой точно такъ же, какъ надѣюсь сдѣлать когда нибудь со всѣмъ вашимъ состояніемъ — именно помѣстить ее на очень высокіе проценты. Этимъ способомъ вы получите большой доходъ и сохраните капиталъ неприкосновеннымъ.

— Неужели! Это будетъ удивительно, сказалъ Саксенъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не зѣвнуть.

— Совсе удивительно для того, кто хоть сколько нибудь смисляетъ въ банковыхъ операціяхъ. Имѣете ли вы какое нибудь понятіе о томъ, что такое процентъ?

— О! да, отвѣчалъ поспѣшно Саксенъ: — я объ этомъ все

знаю. Мнѣ объяснилъ Грѣторексъ. Процентъ значить:—получать два съ половиной на-сто съ своихъ денегъ.

Мистеръ Трефольденъ отодвинулся немного отъ стола и повернулъ лампу такъ, что свѣтъ ея падалъ прямо на лицо Саксена, а онъ самъ оставался въ тѣни.

— Два съ половиной! повторилъ онъ: — мистеръ Грѣторексъ былъ слишкомъ умѣренъ въ своихъ объясненіяхъ. Проценты могутъ быть и одинъ, и сто, и сто тысячъ. Но скажите, пожалуйста, къ чему Грѣторексъ пускался въ такія разсужденія? Не могъ же онъ ни съ того, ни съ сего, заговорить о процентахъ. Не помните ли вы, съ чего начался этотъ разговоръ?

— Дословно я не помню, но знаю, что онъ говорилъ въ томъ же духѣ, какъ вы теперь, и предложилъ, что они дадутъ мнѣ два съ половиной процента, если я помѣщу свои деньги въ ихъ банкирской конторѣ.

— Гм! Чтò жъ вы на это отвѣчали?

— Я отвѣтилъ, что моими денежными дѣлами завѣдываете вы, и что я переговорю съ вами.

— То-есть, что вы попросите меня перевести ваши деньги отъ Друмонда къ Грѣторексу?

— Да, если вы будете согласны.

— Въ такомъ случаѣ я несогласенъ; и до тѣхъ поръ, пока вы будете обращать хоть малѣйшее вниманіе на мои совѣты, не видать имъ ни гроша вашихъ денегъ!

Саксенъ взглянулъ на него съ какимъ-то безпокойствомъ и ужасомъ.

— Но... я обѣщалъ, сказалъ онъ.

— Я такъ и думалъ. Я былъ увѣренъ, что васъ обошли и заставили что нибудь обѣщать.

— Я не могу нарушить своего слова, сказалъ рѣшительно Саксенъ.

Мистеръ Трефольденъ пожалъ плечами.

— А я не могу позволить, чтобъ вы разорились, отвѣчалъ онъ:—Грѣторексъ на краю банкротства; я имѣю даже достовѣрное свидѣніе, что черезъ нѣсколько дней, непремѣнно не позже недѣли, его контора приостановитъ платежи.

Молодой человѣкъ съ изумленіемъ взглянулъ на него; онъ не зналъ, чтò думать, чтò говорить.

— Теперь разскажите мнѣ подробно все, чтò между вами произошло, продолжалъ Трефольденъ: — прежде всего, вѣроятно, мистеръ Лоренсъ Грѣторексъ очень любезно вызвался объяснить вамъ теорію банковыхъ операцій, причѣмъ показалъ, что банкирскія конторы, между прочими своими занятіями, берутъ чужіе ка-

питали, платя за нихъ проценты, потомъ предложилъ взять вашъ деньгъ и платить вамъ на нихъ два съ половиною процента.

Саксенъ молча кивнулъ головой.

— Вы на это отвѣчали, что должны переговорить со мной, и мистеру Грѣторексу очень не понравилось довѣріе, которое вы питаете къ моимъ совѣтамъ.

— Почему вы это знаете? воскликнулъ Саксенъ.

— Послѣ этого онъ распространился объ опасностяхъ отдавать деньги на высокіе проценты, указалъ на всѣ невыгоды покупки земли и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что представивъ свое предложеніе самымъ выгоднымъ для васъ способомъ помѣщенія денегъ, заставилъ васъ обѣщать, что вы отдадите имъ... ну, какую сумму?

— Кто могъ вамъ это передать?

— Скажите прежде, правду ли я говорю?

— Слово въ слово.

Трефольденъ откинулся на спинку кресла и самодовольно засмѣялся.

— У меня есть, Саксенъ, пріятель чортъ, котораго зовутъ опытомъ и который нашептываетъ мнѣ на ухо такія вещи, о которыхъ вы и не мечтали въ своей философіи. Но вы мнѣ не отвѣчали на мой первый вопросъ: какую сумму вы ему обѣщали?

— Онъ увѣрялъ, что очень дурно хоронить свои деньги и очень пріятно всегда имѣть возможность получить ихъ обратно, когда только вздумаешь. Потомъ...

— Потомъ, вы, конечно, съ нимъ согласились. Продолжайте.

— Потомъ онъ сказалъ, что, вѣроятно, я не буду имѣть ничего противъ помѣщенія въ ихъ конторѣ пятьсотъ тысячъ фунтовъ...

— Пятьсотъ тысячъ! Неужели онъ былъ такъ дерзокъ, что спросилъ у васъ пятьсотъ тысячъ?

— Да, мнѣ казалось изъ словъ Грѣторекса, что онъ думаетъ только о моей пользѣ.

— Какъ это вѣроятно, чтобъ онъ некъс о вашей пользѣ.

— Онъ сказалъ, что имъ все равно, мои ли деньги или кого другого; но что для меня, онъ готовъ все сдѣлать.

— И вы ему повѣрили?

— Конечно.

— И вы обѣщали ему пятьсотъ тысячъ?

— Да.

— Вамъ придется нарушить ваше обѣщаніе— вотъ и все. Но не безпокойтесь; вамъ это не доставитъ никакой непріятности. Странно можетъ устроить подобныя дѣла очень легко, безъ всякаго

оскорбленія. Къ тому же, вѣдь никто не обязанъ бросать свои деньги на вѣтеръ. Еслибъ вы отдали завтра Грэтторексу пятьсотъ тысячъ фунтовъ, то онѣ, конечно, къ вечеру перешли бы въ руки его кредиторовъ. Такимъ образомъ онъ избавился бы на время отъ банкротства и вы, по всей вѣроятности, получали бы аккуратно свои два съ половиною процента; но я знаю очень хорошо, что изъ капитала вы никогда не увидали бы ни гроша. И Лоренсу Грэтторексу извѣстно, что я это знаю.

— Но... но я вамъ еще не все сказалъ, промолвилъ Саксенъ, лицо котораго становилось все мрачнѣе и мрачнѣе съ каждымъ словомъ Трефольдена:—я далъ ему чеку на половину суммы.

Хорошо было для Трефольдена, что онъ сидѣлъ въ тѣни, потому что, благодаря этому, Саксенъ не видѣлъ грознаго облака, мгновенно пробѣжавшаго по его челу.

— Вы дали мистеру Грэтторексу чеку въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ! сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Я знаю, что это было очень дурно съ моей стороны, воскликнулъ Саксенъ, воишь чувствуя свою вину:—я знаю, что мнѣ слѣдовало посоветоваться прежде съ вами.

— Ну, что тутъ разсуждать теперь, отвѣчалъ страичій холодно:—дѣло ужъ сдѣлано и дѣло нехорошее, остается трудъ воротить назадъ деньги, или хоть часть ихъ. Когда вы ему дали чеку?

— Только что; послѣ обѣда.

— Сегодня, послѣ трехъ часовъ?

— Часъ тому назадъ, не болѣе. Мы встрѣтились въ клубѣ и онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать....

— И когда онъ узналъ, что вы увидите меня сегодня вечеромъ, то поторопился взять.... прервалъ его Трефольденъ:—умно, очень умно, но все же не слишкомъ умно!

Сказавъ это, онъ схватилъ листъ бумаги, перо и быстро написалъ нѣсколько строчекъ.

— Прочтите и подпишите, сказалъ онъ, подбросивъ къ Саксену листъ бумаги.

Это былъ приказъ въ контору Друмонда не выплачивать денегъ по чекамъ, подписаннымъ мистеромъ Саксеномъ Трефольденомъ, впредь до новаго объявленія.

— А если онъ ужъ получилъ деньги? сказалъ Саксенъ.

— Онъ не можетъ получить ихъ, легкомысленный человѣкъ, прежде завтрашняго утра, а ужъ тогда будетъ поздно. Я сейчасъ поѣду съ этой бумагой къ главному кассиру, а для большей вѣрности завтра утромъ пошлю Кэвьяча, такъ чтобы

онъ вошелъ первый, когда откроется контора. Большое счастье для васъ, что вы сдѣлали эту глупость послѣ трехъ часовъ.

Саксенъ подписалъ бумагу, хотя очень неохотно, и мистеръ Трефольденъ положилъ ее въ свой бумажникъ.

— Наша бесѣда о дѣлахъ должна быть отложена до тѣхъ поръ, пока мы уладимъ эту глупость, сказалъ онъ: — будете ли вы дома и одни завтра въ двѣнадцать часовъ?

— Да, отвѣчалъ Саксенъ: — но ненадолго; я уѣзжаю въ Сурей съ трехчасовымъ поѣздомъ.

— Въ Кастельтауреръ?

— Да. На недѣлю, или дней на десять.

Трефольденъ задумался на минуту.

— То, что я имѣю вамъ сказать, должно быть передано неторопясь и основательно, сказалъ онъ: — такъ что если вы будете очень непонятливы и потребуется много объясненій...

— Въ этомъ нельзя и сомнѣваться! воскликнулъ со смѣхомъ Саксенъ.

— Въ такомъ случаѣ на нашу бесѣду понадобится болѣе времени, чѣмъ то, которымъ вы можете располагать.

— Такъ пріѣзжайте въ одиннадцать.

Трефольденъ, прежде чѣмъ отвѣчать, взялъ со стола большую записную книгу и перевернулъ нѣсколько листовъ.

— Нѣтъ, я не пріѣду къ вамъ завтра, сказалъ онъ, закрывъ книгу и взявъ шляпу: — а лучше пріѣду къ вамъ въ Кастельтауреръ, въ четвергъ утромъ. Въ моей памятной книгѣ не записано на этотъ день никакихъ важныхъ дѣлъ, потому я могу свободно отлучиться; и лордъ Кастельтауреръ будетъ очень радъ меня видѣть. Я даже думаю, что могу тамъ обѣдать и воротиться съ десятичасовымъ поѣздомъ.

— Вотъ и отлично! воскликнулъ Саксенъ съ чистосердечной радостью: — и сколько пользы вамъ принесетъ день, проведенный въ деревнѣ.

Такимъ образомъ дѣло было порѣшено и Трефольденъ, погасивъ газъ, вышелъ изъ своей конторы вмѣстѣ съ Саксеномъ.

— Я напишу вамъ два слова завтра поутру, чтобъ уведомить, какъ мы обдѣлаемъ дѣльце у Друмонта, сказалъ стрлпчій, прощаясь на улицѣ съ своимъ юнымъ родственникомъ: — но вы должны мнѣ дать честное слово, что не подпишите ни одной чеки до четверга, а главное, что вы никогда ничего не сдѣлаете важнаго въ отношеніи финансовъ, не посоветовавшись со мной.

— Увѣряю васъ, Вильямъ, этого болѣе никогда не случится.

— Если же вашъ пріятель явится къ вамъ завтра и подниметь

шумъ, то отправьте его ко мнѣ. У меня нервы сильны и я могу вынести всякую бѣшеную выходку.

— Вѣроятно, ему это будетъ очень неприятно, сказалъ Саксенъ.

— Неприятно! да, онъ будетъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ будетъ рыскаать, какъ голодный звѣрь, повсюду отыскивая жертву, которой могъ бы утолить свою злобу. Но что намъ до этого; онъ на васъ сердаться не станетъ, вся его злоба сосредоточится на вашемъ страпачемъ. А я не боюсь, чтобъ онъ пожралъ меня. Страпачаго трудно переварить.

Послѣ этого они пожали другъ другу руки и разошлись каждый въ свою сторону: Саксенъ—въ оперу, мистеръ Трефольденъ—къ главному кассиру Друмонда.

XXI.

Мистеръ Грѣторексъ везъ свѣтскаго лоску.

— Мистеръ Грѣторексъ желаетъ васъ видѣть, сэръ, на пять минутъ! сказалъ Джингвотеръ, входя въ комнату.

Было около десяти часовъ утра, и Саксенъ, только что возвратившійся изъ мапежа, сидѣлъ за чаемъ съ книжкой въ рукахъ. Услыхавъ о приѣздѣ Грѣторекса, онъ велѣлъ его просить, и поспѣшно отложилъ книгу. Мы знаемъ, что онъ не былъ трусъ, но ему положительно было недовоно, когда онъ услышалъ тяжелые шаги банкира въ передней.

Мистеръ Грѣторексъ вошелъ, хлопнулъ дверью на носъ Джингвотеру и бросилъ на столъ скомканную бумажку.

— Вы сочли нужнымъ, мистеръ Трефольденъ, приостановить уплату по этой чекѣ? сказалъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, не снимая шляпы и блѣдный, какъ полотно: — смѣю спросить, почему?

— Мнѣ очень жаль, Грѣторексъ, но, право, мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, отвѣчалъ Саксенъ въ сильномъ смущеніи: — заправляетъ моими дѣлами мой родственникъ, и я не имѣлъ никакого права вступаться въ нихъ. Онъ несогласенъ на ваше предложеніе, и потому я нахожу себя вынужденнымъ отказать вамъ. Но отчего вы не даете мнѣ руки?

Мистеръ Грѣторексъ поспѣшно заложилъ руки за спину.

— Вы меня оскорбили, воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ злобы и отчаянья: — но...

— Но неумышленно, перебилъ его Саксенъ: — явнусь вамъ, неумышленно!

— Пустяки, съ презрительной улыбкой отвѣчалъ банкиръ:— вы не могли имѣть дружескихъ намѣреній, когда подвергали меня шуткамъ и насмѣшкамъ всѣхъ прикащиковъ въ конторѣ Друмонда. Неужели вамъ не пришло въ голову, что это могло быть мнѣ непріятно и даже вредно подѣйствовать на мой предітъ?

— Я дѣйствительно боялся, что моя глупость вамъ будетъ очень непріятна, отвѣчалъ Саксенъ съ достоинствомъ: — повторяю, мнѣ очень жаль, но я не думалъ васъ оскорблять.

— Непріятна! злобно произнесъ Грѣторексъ: — вы меня разорили, вотъ что!

— Разорилъ?

— Да, разорили меня и всѣхъ моихъ, старика отца, двухъ незамужнихъ сестеръ. Будьте вы прокляты!

Сказавъ это, онъ бросился въ кресла и забарабанилъ по столу сжатыми кулаками.

Саксенъ былъ ужасно пораженъ.

— Вы должны мнѣ все это объяснить, промолвилъ онъ едва внятно: — я ничего не понимаю!

Грѣторексъ бросилъ на него грозный взглядъ, но ничего не отвѣчалъ.

— Я не нанесъ бы умышленно вреда своему злѣйшему врагу, продолжалъ молодой человѣкъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы: — тѣмъ менѣе человѣку, съ которымъ я ѣлъ и пилъ и считалъ своимъ другомъ. Чтѣ вы хотите сказать, говоря, что я васъ разорилъ?

— Просто то, что мы будемъ завтра — банкротами. Вы это понимаете?

Грубая натура этого человѣка теперь обнаружилась во всемъ своемъ безобразіи, и онъ даже не старался скрыть этого. Онъ совершенно опьянѣлъ отъ злости и отчаянія. Саксенъ хотя и мало зналъ человѣческую натуру, но по какому-то инстинкту понималъ, въ какомъ положеніи былъ несчастный и отъ души пожалѣлъ его.

— Но отчего же неуплата этой суммы принесетъ вамъ столько вреда? спросилъ онъ иѣжно:—вѣдь ваше положеніе вчера, безъ этихъ денегъ, было не лучше сегодняшняго?

— Отчего? Такъ слушайте: намъ были нужны деньги и время, потому что мы потеряли большіе убытки, которыхъ не хотѣли обнаружить. Мы знали, что мы выйдемъ невредимыми изъ бѣды, какъ только у насъ будутъ деньги и время.

— Ну?

— Три или четыре конторы очень настойчиво требуютъ возврата своихъ капиталовъ, хранящихся у насъ, а я, надѣясь на ва-

шу чеку, написалъ имъ вчера вечеромъ, что сегодня послѣ часа, ихъ деньги будутъ готовы. Они придутъ, у насъ денегъ нѣтъ— и мы банкроты!

Саксенъ вскочилъ съ мѣста и быстро схватилъ чеку, которая валялась на столѣ, куда ее бросилъ банкиръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ онъ: — вы не погибнете, Грэтторексъ, по моей милости. Избави богъ! Сколько вамъ нужно денегъ для уплаты по сегодняшнимъ требованіямъ?

— Одно требованіе въ двадцать-двѣ тысячи шестьсотъ сорокъ-пять фунтовъ, сказалъ Грэтторексъ, все еще мрачнымъ, но сильно измѣнившимся тономъ: — это самое тяжелое. Другое требованіе—въ восемнадцать тысячъ двѣсти тридцать; третье—въ десять тысячъ и четвертое—въ семь тысячъ девятьсотъ одиннадцать. Всего пятьдесятъ восемь тысячъ семьсотъ пятьдесятъ фунтовъ.

Саксенъ бросился къ колокольчику и позвонилъ изо всей силы.

— Извощичью карету! да посмотрите, чтобъ лошади были хорошия, приказалъ онъ вошедшему Джиллингвотеру. Потомъ схвативъ шляпу, онъ прибавилъ: — я поѣхалъ бы съ вами тотчасъ, Грэтторексъ, къ Друмонду, но, право, не могу. Я далъ слово Вильяму вчера, что ничего не буду дѣлать не посоветовавшись съ нимъ. Но не беспокойтесь, я прямо поѣду къ нему, и вы получите деньги, гораздо ранѣе часа. Теперь еще безъ двадцати минутъ одиннадцать, а я возвращусь въ три четверти перваго.

— О! воскликнулъ банкиръ съ нетерпѣніемъ: — я вѣрю, что вы хотите это сдѣлать, но онъ вамъ не позволитъ. Я его знаю.

Глаза Саксена засверкали.

— Такъ вы не знаете меня, произнесъ онъ: — деньги мои, и я влянусь, что вы ихъ получите. Сколько, бишь, вы сказали?

— Пятьдесятъ восемь тысячъ, семьсотъ...

— Хорошо, хорошо, скажемъ пятьдесятъ девять тысячъ, это легче запомнить. Ну, пойдемте, я васъ подвезу до Чансери-Лэнъ, и вы увидите, что я буду у васъ раньше часа.

XXII.

Телемакъ доказываетъ, что у него есть своя воля.

Океанъ, какъ бы ни была возмущена его поверхность бурями и непогодами, спитъ мирнымъ сномъ въ своей мрачной глубинѣ; но Вильямъ Трефольденъ не походилъ на океанъ: онъ, напротивъ, скрывалъ всѣ бури, терзавшія его сердце, подъ личиною постояннаго хладнокровнаго спокойствія. Никто и не подозрѣвалъ, что таилось подъ этой гладкой, вѣчно-ровной, хладной по-

верхностью. Въ глубинѣ его сердца могла бѣшевать самая грозная буря страстей, но на лицѣ его не было видно ни малѣйшаго слѣда ея. Въ такомъ-то именно положеніи находился Вильямъ Трефольденъ въ то памятное утро, когда Саксенъ вбѣжалъ въ его контору какъ съумасшедшій, и объявлялъ, что онъ твердо рѣшился спасти Грѣторекса отъ гибели, пожертвовавъ бездѣльную сумму пятидесяти-девяи тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Трефольденъ былъ внѣ себя отъ негодованія, но, несмотря на то, онъ улыбался, и спокойно выслушалъ разсказъ Саксена, съ перваго слова до послѣдняго.

— Это все вздоръ и донкихотство, сказалъ Трефольденъ, когда молодой человѣкъ умолялъ:—что вамъ Грѣторексъ или что вы Грѣторексу? Зачѣмъ вамъ жертвовать такой огромной суммой, можно сказать цѣлымъ состояніемъ, чтобъ сдѣлать одолженіе человѣку, который не имѣетъ никакихъ правъ ни на ваше сочувствіе, ни на вашу помощь?

— Я не могу допустить, чтобъ онъ разорился! воскликнулъ Саксенъ.

— Отчего жъ нѣтъ? Онъ не задумывался разорилъ бы васъ. Онъ ухнулъ бы все ваше состояніе въ свое гнилое дѣло и платилъ бы вамъ однимъ процентомъ меньше обмывовенныхъ биржевыхъ процентовъ.

— Я объ этомъ ничего не знаю и знать не хочу, отвѣчала Саксенъ: — я далъ ему чеку и онъ дѣйствовалъ на основаніи ея. Я не могу допустить, поэтому, чтобъ онъ пострадалъ по моей милости.

— Да онъ все равно, рано или поздно погибъ бы, я вѣдь вамъ говорилъ вчера, что Грѣторексъ на краю банкротства, и что по всей вѣроятности его контора прекратитъ платежи черезъ нѣсколько дней. Говорилъ я вамъ это?

— Да, я очень хорошо помню.

— Слѣдовательно, вы теперь ясно видите, что и безъ вашей чеки онъ погибъ бы неизбежно. Вы своимъ необдуманнѣмъ поступкомъ только ускорили нѣсколькими днями его гибель, вотъ и все.

— Но я не имѣю никакого права и не желаю ускорить его гибель ни на одну минуту!

— Однако, милый Саксенъ...

— Однако, милый Вильямъ, у Лоренца Грѣторекса есть старикъ отецъ и двѣ сестры, и мы впродолженіе мѣсяца были за-кадышными друзьями. Поэтому я рѣшился не измѣнить ему.

— А! если вы рѣшились, то нечего больше и говорить, ска-

заль Трефольденъ холодно: — но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы пріѣхали со мной совѣтоваться.

— Я совсѣмъ пріѣхалъ не за этимъ, отвѣчалъ Саксенъ: — я вамъ далъ слово не подписывать никакихъ чекъ до четверга и считалъ себя обязаннымъ увѣдомить васъ о своемъ рѣшеніи.

— Сознаюсь, я очень удивленъ, сказалъ Трефольденъ серьезнымъ тономъ:—я надѣялся, что вы будете болѣе довѣрять моимъ совѣтамъ. Я также надѣялся, что вы будете смотрѣть на меня не какъ на простого стряпчаго, но какъ на вашего друга, совѣтника и, смѣю сказать, наставника.

— Да, я такъ на васъ и смотрю! воскликнулъ Саксенъ съ жаромъ.

— Простите, но что-то на это не похоже.

— Вы ко мнѣ совершенно несправедливы, я, напротивъ, не знаю, какъ довольно высоко цѣнить вашу дружбу и ваши совѣты.

— Ваше сегодняшнее упрямство прямо противорѣчитъ вашимъ словамъ, Саксенъ.

— Я знаю; но я также знаю, что я дѣйствую подъ впечатлѣніемъ минуты, а не согласно законамъ свѣтской мудрости. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы совершенно правы, а я совершенно виноватъ, но я не буду спокоенъ, пока не исполню своей безумной фантазіи.

Видя, что излишне было бы далѣе разсуждать съ Саксеномъ, Трефольденъ очень любезно улыбнулся и поспѣшно сказалъ:

— Да, я увѣренъ, что вы безумнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, и если я не запру ваши деньги, то вы совершенно разоритесь, несмотря на все ваше богатство.

— Но какая же польза быть богатымъ, если я не могу расходовать свои деньги какъ хочу? сказалъ со смѣхомъ Саксенъ, очень довольный, что одержалъ побѣду.

— Да, по вашему это выходитъ ужь очень нераціонально, отвѣчалъ стряпчій, взявъ со стола кусокъ бумаги и написавъ на немъ нѣсколько словъ: — но я полагаю, что на этотъ разъ надо васъ простить и къ тому же лучше потерять пятьдесятъ-девять тысячъ, чѣмъ четверть мильона. Вотъ возьмите эту бумажку и заставьте вашего преданнаго друга ее подписать.

— Чтѣ это?

— Это сохранныя росписка. Онъ вамъ, пожалуй, предложить простую росписку отъ имени фирмы, но вы на это не соглашайтесь. Чтѣ это, вы уже уходите?

Саксенъ объяснилъ, что Грѣторексу — деньги необходимы до часу.

— Вы уже вѣроятно отмѣнили свое приказаніе Друмону не выплачивать денегъ по вашимъ чекамъ?

— Нѣтъ еще, но я сейчасъ къ нему ѣду.

— Мистеръ Грѣторексъ отдалъ вамъ вашу первую чеку?

— Право, не знаю. Кажется, мы ее оставили на столѣ — гдѣ завтракали.

Мистеръ Трефольденъ закурилъ губу.

— Честное слово, Саксенъ, сказалъ онъ: — вы заслуживаете, чтобъ васъ обирали всякій, кто только встрѣтится съ вами. Побѣжайте сейчасъ домой и непременно найдите прежде чеку, чѣмъ ѣхать къ Друмону; еслижъ вы ее не найдете, то объясните мнѣ, какого содержанія была эта чека, и что вы просите не ушачивать по ней, въ случаѣ ея предъявленія.

Саксенъ разсмѣялся и общалъ послушаться, хотя онъ былъ вполне увѣренъ, что ему не грозитъ никакая опасность.

— И вы все же общаете не подписывать болѣе чекъ безъ моего совѣта?

— Общаю.

— Ну, такъ прощайте до четверга.

Саксенъ бѣгомъ пустился по лѣстницѣ, напѣвая какую-то швейцарскую нѣсню, и черезъ минуту на улицѣ раздался шумъ отъ ѣзжающаго экипажа.

— Дуракъ! промовилъ гнѣвно Трефольденъ, быстро измѣнившись въ лицѣ: — онъ такъ же самъ жаждетъ разориться, какъ другіе жаждутъ его разорить! Я былъ бы сумасшедшій, еслибъ не виѣшался теперь. Я долго ждалъ, позволяя ему дѣлать, что онъ хочетъ, но теперь моя очередь пришла — и я буду дѣйствовать.

— Мистеръ Беренсъ заѣзжалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, сэръ, сказалъ Кѣквичъ, неожиданно показываясь въ дверяхъ: — онъ общалъ опять заѣхать часа въ два.

— Хорошо, отвѣчалъ странчій: — подайте мнѣ бумаги Беренса. Кѣквичъ исполнилъ его приказаніе и долго лежали эти бумаги неразвернутыми передъ Трефольденомъ; въ такую глубокую думу погружился онъ.

XXIII.

СЛАВАЯ СТОРОНА ТРЕФОЛЬДЕНА.

Человѣкъ, стремящійся къ какой-нибудь опредѣленной цѣли, или имѣющій необходимость скрыть какую-нибудь тайну, никогда не долженъ себѣ дѣлать враговъ. Онъ долженъ всячески избѣгать этого, какъ женихъ — конскрипціи, или дебютанта — осипи. Но

самый умнѣйшій человекъ не можетъ быть всегда умнымъ, и самый осторожный иногда можетъ пропустить бездѣльную предосторожность, которая спасла бы его отъ опасности, противъ которой онъ такъ старательно предохранялъ себя. Какъ ни крѣпка кольчуга, которой онъ надѣется отпарировать всѣ удары, въ ней можетъ найтись маленькое, незамѣтное отверстие, въ которое именно и поразить его мечъ врага. Исторія показываетъ намъ тысячи подобныхъ примѣровъ; величайшія событія въ исторіи всѣхъ народовъ часто зависѣли отъ ничтожной неосторожности государственныхъ дѣятелей. Еслибъ была взята такая предосторожность, а не иная, то судьба цѣлаго народа измѣнилась бы. Цезарь кладетъ въ карманъ, не прочитавъ, записку, которая спасла бы его отъ смерти; Генрихъ IV не послушался тайнаго предчувствія, и палъ подъ кинжаломъ Равальяка. И въ менѣе важныхъ дѣлахъ, въ процессахъ убійцъ, воровъ и т. д., мы видимъ на каждомъ шагу, что самые умные, хитрые злодѣи попадаютъ въ руки правосудія, благодаря забвенію о какой-нибудь глупой, бездѣльной предосторожности, на которую никто не подумалъ бы обратить вниманія.

Вильямъ Трефольденъ стремился къ опредѣленной цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ необходимость скрывать тайну. Онъ вполне понималъ, какъ пагубно могло быть для него недоброжелательство окружающихъ его людей; но, несмотря на это, онъ добровольно нажилъ себѣ двухъ враговъ. И эти два врага были величайшими ошибками въ его жизни. Онъ никогда не старался быть тѣмъ, что называется популярнымъ человекомъ. Онъ не обладалъ необходимыми для этого качествами: откровенностью и обходительностью; но онъ всячески старался, чтобъ всѣ были объ немъ хорошаго мнѣнія. И дѣйствительно всѣ были о немъ хорошаго мнѣнія; онъ приобрѣлъ себѣ репутацію, которая дороже всего для дѣловыхъ людей — репутацію человека умнаго и усидчивающаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. Последнее качество важнѣе всего, потому что въ глазахъ свѣта успѣхъ всегда означаетъ достоинство. Но достигнувъ столько и очистивъ себѣ дорогу въ достиженію еще высшихъ, ему одному извѣстныхъ цѣлей, онъ долженъ былъ всѣми силами предохранять себя отъ вражды такихъ людей, какъ Абель Кэвичъ и Лоренцъ Грѣторексъ, а не самому еще возбуждать ее. Для него было бы лучше, еслибъ онъ отказалъ себѣ въ удовольствіи поколотить своего помощника въ памятный мартовскій вечеръ. Было бы лучше, еслибъ онъ позволилъ Лоренцу Грѣторексу воспользоваться первой чекой Саксена и похитить бездѣльную часть той добычи, которая, какъ онъ зналъ, будетъ его. Но Вильямъ Трефольденъ не

былъ такъ остороженъ; онъ презиралъ своего помощника и былъ разсерженъ на банкира, поэтому онъ никогда не спрашивалъ себя, какія чувства они могли питать къ нему. Они оба ненавидѣли его, но, по всей вѣроятности, еслибъ онъ даже это и зналъ, то не обратилъ бы никакого вниманія. Не знать этого, и даже не подумать объ этомъ, было громадной ошибкой, и эта ошибка была единственнымъ отверстиемъ въ кольчугѣ Вильяма Трефольдена.

Мистеръ Абель Кэввичъ былъ очень почтенный господинъ. Онъ жилъ въ домѣ одной вдовы, въ маленькомъ переулкѣ въ Пентонвиллѣ, и окна его квартиры выходили на церковный дворъ. Онъ платилъ аккуратно деньги своей хозяйкѣ, ходилъ всякое воскресенье въ церковь, получалъ одну изъ еженедѣльныхъ газетъ, держалъ кошку и игралъ на виолончели. Онъ велъ самую аккуратную, методичную жизнь, изо дня въ день продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Начавъ свое поприще съ твердой рѣшимостью сдѣлаться приличнымъ, почтеннымъ господиномъ, онъ соображалъ всѣ свои поступки и привычки съ своимъ прозаическимъ идеаломъ. Даже кошка и виолончель были заведены имъ, съ тою же мыслию. Онъ бы предпочелъ имѣть собаку, но полагалъ, что кошка гораздо приличнѣе, ибо она очень похожа на него своимъ характеромъ и манерами. Точно такъ же мистеръ Кэввичъ чувствовалъ какую-то слабость къ концертниѣ, но отдалъ предпочтеніе виолончели, такъ-какъ она неизмѣримо приличнѣе. И надо согласиться, что Кэввичъ былъ правъ. Трудно себѣ представить что-нибудь такое, что придавало бы человѣку болѣе почтенный, приличный видъ, какъ виолончель. Этотъ инструментъ составляетъ антитезисъ всего легкомысленнаго. Онъ не побуждаетъ своего владѣльца къ обществу, какъ корнетъ à piston, который составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ вечеровъ и пивниковъ; и не располагаетъ къ водкѣ, какъ флейта. Напротивъ, виолончель служитъ самымъ приятнымъ, трогательнымъ препровожденіемъ времени, какъ для самаго любителя, такъ и для всѣхъ окружающихъ его. Мистеръ Кэввичъ обыкновенно игралъ каждый вечеръ послѣ чая, и лѣтомъ, когда окошки были открыты, наводилъ мрачную меланхолію на всѣхъ сосѣдей. Его хозяйка горько плакала, вспоминая о своемъ мужѣ и торжественно объявляла, что это была божественная музыка; а фотографъ, жившій на одной лѣстницѣ съ нимъ, молодой человѣкъ, который, начитавшись Байрона, корчилъ разочарованнаго, уходилъ всегда въ свою темную комнату, и предавался самымъ мрачнымъ размышленіямъ о самоубійствѣ.

Такова была мирная, безупречная домашняя жизнь мистера Абе́ля Кэввича. Онъ былъ вполнѣ доволенъ этой жизнью, такъ-

какъ она совершенно соотвѣтствовала его характеру и честолюбію. Онъ зналъ, что всѣ сосѣди и даже мѣстныя власти питаютъ къ нему уваженіе. Церковный сторожъ, отворяя ему дверь, низко кланялся, а староста, встрѣчаясь на улицѣ, любовно кивалъ головой. Однимъ словомъ, весь Пентонвилъ считалъ его въ высшей степени почтеннымъ господиномъ.

Не менѣе методична была его служебная дѣятельность. Онъ былъ и въ этомъ воплощенная аккуратность. Каждое утро въ девять часовъ, онъ являлся въ контору Вильяма Трефольдена, а въ часъ уходилъ обѣдать въ трактиръ на Гольборнъ, гдѣ съѣдалъ одни и тѣ же кушанья въ продолженіе двадцати-двухъ лѣтъ. Въ два часа онъ возвращался въ контору, и сидѣлъ тамъ до половины седьмого, когда отправлялся домой къ своей кошкѣ и віолончели. Однако, этотъ послѣдній часъ иногда измѣнялся, ибо были времена въ году, когда Кэввичу и его товарищамъ, писцамъ, приходилось оставаться въ конторѣ часъ или два долѣе. Но они отъ этого только становились богаче, ибо Вильямъ Трефольденъ платилъ своимъ помощникамъ очень щедро.

Ведя такую аккуратную, умѣренную жизнь, мистеръ Кэввичъ съ годами очень потолстѣлъ, и наконецъ, началъ жаловаться на одышку. Всякій, взглянувъ на его мутные глаза и жирное, глуповатое лицо, конечно, счелъ бы его за живую машину и болѣе ничего. Но онъ далеко не былъ машиной. Онъ былъ безцѣннымъ помощникомъ, и Вильямъ Трефольденъ это очень хорошо понималъ. Голова у него была ясная, память удивительная, и въ техническомъ отношеніи онъ былъ такимъ же хорошимъ юристомъ, какъ самъ Трефольденъ. Онъ однако имѣлъ нѣкоторыя понятія касательно своей службѣ, которыхъ Трефольденъ ни мало не раздѣлялъ. Кэввичъ любилъ знать все, и полагалъ, что имѣетъ право, какъ главный его помощникъ, контролировать всѣ его общественныя и домашнія дѣла. Онъ, кромѣ того, считалъ своей обязанностью разузнать то, что отъ него скрывали, и считалъ за личную обиду, когда Трефольденъ пряталъ подъ замокъ нѣкоторыя бумаги, писалъ письма собственноручно, самъ составлялъ акты или рассуждалъ наединѣ съ своими кліентами о дѣлахъ, которыя не проходили предварительно черезъ его контору. Но не только на подобныя оскорбленія жаловался Кэввичъ; была еще гораздо болѣе большая обида, которую, по его мнѣнію, наносилъ ему патронъ его. Вильямъ Трефольденъ скрывалъ ото всѣхъ свою частную жизнь. Никто не зналъ, былъ ли онъ женатъ, или холостъ. Никто не зналъ гдѣ, и какъ онъ жилъ. Его практика была большая, и увеличивалась ежедневно, и онъ, должно быть, наживалъ огромныя деньги. Мистеръ Кэввичъ часто рассчитывалъ его до-

ходы, и могъ приблизительно сказать, сколько онъ получалъ въ годъ. Но что онъ дѣлалъ съ деньгами? куда онъ ихъ помѣщалъ? отдавалъ ли подъ большіе проценты, или пускался въ темныя спекуляціи? или онъ проигрывалъ ихъ въ мрачныхъ притонахъ разврата? или, наконецъ, онъ былъ скупымъ скрагой, и хоронилъ свои деньги подъ поломъ, или въ печкѣ какого-нибудь заброшеннаго дома?

Вотъ что составляло тайну Вильяма Трефольдена. И эту-то тайну Кэввичъ стремился узнать, во что бы ни стало.

Побуждаемый врожденнымъ любопытствомъ, Кэввичъ, продолженіе многихъ лѣтъ думалъ объ этой тайнѣ, слѣдилъ за ней, и обнюхивалъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ гончая собака. Но съ памятнаго вечера 2-го марта, онъ рѣшился открыть эту тайну уже не по одному любопытству, а изъ чувства мести, ибо онъ считалъ это лучшимъ орудіемъ для наказанія человѣка, который осмѣлился публично назвать его шпиономъ и поколотить. На этомъ одномъ пунктѣ онъ сосредоточилъ всѣ свои мысли. Онъ ненавидѣлъ побайроновски, и съ удовольствіемъ раздувалъ свою ненависть; такъ онъ никогда не проходилъ мимо воротъ Чансери-Ленъ безъ того, чтобы не повторить въ умѣ всю страшную сцену. Онъ помнилъ каждое обидное слово, сказанное ему Вильямомъ Трефольденомъ, онъ чувствовалъ еще на спинѣ прикосновеніе могучихъ его рукъ. И все это, естественно увеличивая его злобу и ненависть противъ Трефольдена, укрѣпляло твердую рѣшимость отомстить ему.

Тайна, однако, оставалась попрежнему неразгаданной. Въ послѣднее время ему раза два казалось, что онъ попалъ на слѣдъ, что вотъ-вотъ ему все объяснится; но каждый разъ его подозрѣнія оказывались ложными, и ни къ чему не приводили.

Частыя разочарованія въ своихъ надеждахъ, и чувство злобы и мести, терзавшія его сердце, наконецъ, отозвались на здоровьѣ мистера Кэввича. Онъ сдѣлался грустнѣе, мрачнѣе; пересталъ играть на віолончели и читать газеты, потерялъ всякій аппетитъ, и не обращалъ никакого вниманія на свою кошку. Его ховяйка и товарищи псы съ удивленіемъ замѣчали въ немъ эту перемѣну, но никто не смѣлъ приставать къ нему съ разспросами.

Такъ продолжалось долго, недѣли шли за недѣлями, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, какъ вдругъ, еще къ большому изумленію всѣхъ окружающихъ, мистеръ Кэввичъ сталъ снова прежнимъ человѣкомъ. Въ головѣ его блеснула идея, свѣтлая идея, подъ наятіемъ которой онъ ясно узрѣлъ путь, могущій привести его прямо къ цѣли. Онъ теперь только удивлялся, какъ подобная мысль не пришла ему на умъ гораздо ранѣе.

КТО ЛЮБИТЬ ?

Was ist das Leben ohne Liebesglanz?

SCHILLER.

I.

Андрей Васильевичъ Андреевъ чувствовалъ себя нѣсколько дней въ лихорадочномъ состояніи, вслѣдствіе маленькой простуды. Онъ послалъ въ свой уѣздный городъ за докторомъ.

Андрей Васильевичъ считался въ своемъ уѣздѣ очень независимымъ помѣщикомъ, образованнымъ человекомъ и весьма «приличнымъ» женихомъ. Условія, которыя помогли ему преимущественно приобрести такую репутацію были — двѣ тысячи десятинъ земли, степень кандидата и благообразная личность, нѣсколько перешедшая за тридцать лѣтъ.

Желая приносить обществу какую-нибудь пользу, онъ считался попечителемъ уѣзднаго училища. Для почтеннаго званія помѣщика имѣлъ всѣ условія: благоразуміе, застраховавшее его отъ всякихъ серьезныхъ неудачъ и большихъ ошибокъ, характеръ консерватора и настолько лѣни, насколько она не мѣшала ему заниматься своимъ хозяйствомъ, и извлекать изъ него возможно больше дохода. Еще въ первый годъ своей деревенской жизни, онъ выказалъ замѣчательную хозяйскую сноровку: смѣнилъ старосту, который все ссылался на Николая Чудотворца и внушалъ барину, что-де «мы ваши дѣти, а вы наши отцы», хотя по лѣтамъ самъ годился ему въ отцы, смѣнилъ старуху-птичницу, «со слезами» увѣрявшую барина, что «мѣсто у нихъ не такое, птицѣ держаться у нихъ не слѣдъ» и пр.

Пріѣхалъ докторъ.

Онъ вошелъ къ больному той твердой и вмѣстѣ съ тѣмъ

скромной походкой, на подошвахъ, которая пріобрѣтается обыкновенно докторами въ ихъ сношеніяхъ съ болѣзнями вслаго рода.

Докторъ былъ крѣпкій, широкоплечій, краснощокій мужчина, за сорокъ, изъ комплекціи, которая даетъ весельчаковъ и добряковъ. Большой лобъ, придававшій его простому русскому лицу открытое и умное выраженіе, отдѣлялся беспорядочно путавшимися свѣтлыми волосами, нѣсколько вспотѣвшими отъ жара. Бѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ загорѣвшаго лица. Серьезные глаза и большой ротъ улыбались той, не то что веселой, но скорѣе насмѣшливой улыбкой, которая встрѣчается только у умныхъ людей, какъ слѣдствіе недавшейся имъ жизни, осмѣянныхъ надеждъ и постоянного насильственного подчиненія себя ничтожеству и необходимости. По зарусиной парѣ, явно спитой уѣзднымъ портнымъ, видно было, что онъ не считалъ себя щеголемъ. Манерами тоже не щеголялъ. Бросивъ свою бѣлую фуражку на первый стулъ, онъ подошелъ къ больному, поправляя себѣ на ходу обѣими руками волосы.

Онъ кивнулъ головой больному. Тотъ, не вставая съ кресла, протянулъ ему руку.

Докторъ дотронулся до нея и за нульсъ взялся, внимательно глядя ему въ глаза.

— Жарокъ, замѣтилъ онъ.—Пожайте языкъ.

Больной показалъ. Простые приемы доктора и насмѣшливая улыбка если не смугили его, то показались ему новы. Андрею Васильевичу показалось даже, что докторъ надъ нимъ смѣется.

Докторъ сѣлъ въ сосѣднее кресло, улыбаясь.

— Пустяки, сказалъ онъ.—Простуда. Какъ нибудь не уберечься. Сквозной вѣтеръ васъ охватилъ, или холодного напился горяча.

Андрей Васильевичъ принялся ему толковать, отчего, по его мнѣнію, заболѣлъ. Докторъ слушалъ его молча и не переставая улыбаться.

— Поберегитесь съ недѣлку, сказалъ онъ:—микстуру пропишу.

Андрей Васильевичъ скривился.

— Самого невиннаго вкуса микстуру, добавилъ докторъ:—горячаго напейтесь.

— Чего, напимъ?

— Хоть чаю съ ромомъ.

— Вы мнѣ компанію сдѣлаете, докторъ?

— Пожалуй. Въ Россіи отъ чаю не отказываются. И пора. Онъ взглянулъ на свои серебряные часы.

— Шесть, седьмого десяти.

Андрей Васильевичъ подвинулъ къ нему ящикъ съ сигарами, и свѣчу. Докторъ закурилъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ чай давать.

Докторъ разглядывалъ комфортабельный кабинетъ съ лѣнивымъ любопытствомъ чловѣка, видѣвшаго хорошія вещи и понимающаго въ нихъ толкъ. На большой копіи съ «Гайлендеровъ» Эдвина Лендсира онъ остановился.

— Это копія съ Лендсира, замѣтилъ хозяинъ:—я ее изъ Англіи вывезъ.

— Розѣ Бонбръ не уступитъ этому, сказала докторъ, все бо-лѣе входя во вкусъ картины. — Искусство, говорятъ, англійское противъ континентальнаго плохо.

— Ново скорѣе. Андрей Васильевичъ оживился.—У нихъ тоже вѣдь Рейнольдсы есть, Лауренсы, Уильеи. Мало ли ихъ тамъ. Правда, англійскіе художники прежде всего національные художники; на нихъ эксцентричность островитянская — это такъ. Рейнольдса, напримѣръ, «Святое семейство». Знатокъ находитъ этого стараго садовника, дѣвочку и ребѣнка въ колыбели — чистой англійской расы, съ чѣмъ и я соглашаюсь. Тоже вотъ ихнія Нимфы—всѣ кровь съ молокомъ. Многія очень прилично одѣты, съ волосами въ ленточкахъ и, даже, напомаженными. Вотъ хотъ бы Филиппа Нимфа, въ платьицѣ и, надо предполагать, пофранцузски говорить и танцуетъ.

— Премилая барышня, весело замѣтилъ докторъ:—ее, пожалуй, даже на семейный вечеръ пустать.

Андрей Васильевичъ разсмѣялся.

— Вы, я полагаю, можете объ англійскихъ нимфахъ хорошо говорить, сказалъ докторъ, тономъ свободнаго холостяка.

— Мнѣ Мюзидора понравилась Генсборуга, въ ростъ, роскошная нагая молодая женщина. Ну, живое тѣло, дотронуться до него хочется. Надъ ручьемъ сидеть... чудесная...

Помолчали.

— Много хорошихъ вещей на свѣтѣ, много хорошихъ людей на свѣтѣ, проговорилъ докторъ, какъ-бы самъ съ собой.

— Вы давно въ нашемъ городѣ, докторъ?

— Пятнадцать лѣтъ. Прямо изъ университета сюда и застрялъ. Тина.

Андрей Васильевичъ только усмѣхнулся, какъ-бы этижъ соглашаясь, что уѣздный городъ—тина.

— Людей нѣтъ, сказала докторъ. — Я уѣздъ-то знаю. — Наперечеть люди.

— Знаете предводителя?

— Какъ не знать. Въ нѣкоторомъ родѣ мой начальникъ. Я не смѣю его не знать.

— Какой же онъ вамъ начальникъ, уѣздный предводитель дворянства?

— Объ этомъ я себя не разъ спрашивалъ: какой онъ мнѣ начальникъ; хочу этому не вѣрить, а выходить на дѣлѣ, что онъ и мой начальникъ, по крайней-мѣрѣ онъ всегда это даетъ чувствовать, какъ только ни встрѣтится. Докторъ улыбался по своему.

— Занимается своей должностью, понимаетъ ее? спросилъ хозяинъ.

— И не занимается и не понимаетъ.

— Какъ?

— Зачѣмъ ему понимать свою должность и заниматься ею? Незачѣмъ. У него слишкомъ тысяча душъ.

— Зачѣмъ же онъ пошелъ?

— А какъ бы онъ не пошелъ, спрошу я васъ. Человѣкъ раскланивался-себѣ съ знакомыми дворянами и дорнировалъ хоры, благоухавшіе розами и лилиями прекраснаго пола. Вдругъ хватаютъ его, тащатъ въ «уѣздъ», гдѣ десятки голосовъ оглушаютъ его крикомъ: «баллотировать въ предводителя!» И прежде, чѣмъ бѣднякъ могъ сообразить, какой онъ имъ предводитель и чего они отъ него хотятъ, его поздравляютъ предводителемъ. Уморительно.

— Уморительно, подтвердилъ хозяинъ, смѣясь.—Это дѣйствительно такъ было. «На бѣлыхъ» выбрали, уморительно.

— И грустно-съ. Выраженіе лица доктора стало серьезно. — За дѣло цѣлаго уѣзда грустно...

Чай подали. Докторъ налилъ въ чашку больного рому не скупась, а въ свою еще больше.

— Вы изъ какого университета? спросилъ хозяинъ доктора.

Тотъ назвалъ университетъ.

— Только и пожить нашему брату, чернорабочему, въ университетѣ, сказала докторъ, пригрѣваясь пуншемъ. — Лучшее время; жилось, ждалось, вѣрилось. До обжорства вѣрилось. Возвращались иной разъ ночью отъ товарища, толпой человѣкъ въ десять и больше; ну, по молодости воодушевлялись.

— Въ какомъ году вы вышли?

— Въ 48-мъ. Западные идеи и къ намъ проникли тогда, шевелили у насъ головы. Одинъ увлекавшійся юноша проповѣдывалъ крестовый походъ противъ всякаго безправія. Фіаско этотъ хлопоталъ все устроить учено-литературное общество, въ которомъ должно было скрываться тайное политическое. Общество раздѣлялось бы на «посвященныхъ» и «непосвященныхъ», какъ у ялюминатовъ, и должно было распространиться за университетскія стѣны. Ну, должно было, конечно, воспитывать студентовъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя не передаются съ кафедръ. Свой горячій проектъ Фіаско изъ хохловъ думалъ обезпечить тѣмъ, чтобы клятвой связать своихъ членовъ. — Скептикъ нашелся, Ивановъ одинъ. — Чтò мнѣ, говорить, въ твоей клятвѣ? для тебя ничего нѣтъ святого, все отвергаешь. Разумѣется, они разошлись. Фіаско утверждалъ, что Ивановъ думаетъ, что прогрессъ къ намъ придетъ какъ-то самъ собой, безъ борьбы людей, и что въ Ивановѣ онъ ошибся. Онъ самъ въ себѣ ошибался, а знаю его, милаго.

Докторъ усмѣхнулся.

— Попржнему щекотливъ къ безправію? спросилъ хозяинъ, иронически.

— Женился, дѣтей наплодилъ, повинуется всякой предрержащей власти; дрался съ крѣпостными до эманципаци и ежемѣсячно посылаетъ становому овса и сѣна. Либерализмъ свой оставилъ въ университетѣ, какъ... ну, какъ университетское преданіе. Взялъ его на поддержаніе, и тамъ же его оставилъ. Пускай другіе такъ же попользуются имъ и тамъ же оставятъ, не внесутъ въ жизнь. Зачѣмъ вносить либерализмъ въ жизнь? опасно.

Докторъ разгорячился немного.

— Но были люди. Вотъ Ивановъ этотъ. Сила, сила. Прошелъ не безъ вліянія на меня и на прочихъ, кто къ нему приближался, занимался, конечно, не для репетицій, не на степень только, дающую ходъ въ государственной службѣ. Высшимъ интересамъ удовлетворялъ. Въ четвертомъ курсѣ, помню, онъ былъ центромъ. Въ немъ сходились нѣсколько студенческихъ кружковъ. Вечерами, на сходкахъ товарищей, любилъ говорить. Многолюдство, должно быть, оживляло его и раздражало. Мнѣ онъ нравился болѣе за то, что не держался крайнихъ мѣръ. Спокойствіе тона, благородство направленія, знаніе, ясность рѣчи— куда имъ до него, не подъ силу имъ былъ Ивановъ. Они, наконецъ, обвиняли его въ томъ, будто бы онъ обращаетъ серьезныя вещи въ шутку и, вообще, смотритъ на многое слишкомъ

добросердечно. А онъ пуританство ихъ выставлялъ, ихъ нетерпимость. — Человѣку, говорилъ, слѣдуетъ освободиться отъ вліянія авторитетовъ. Но гдѣ же искать этого безошибочнаго разума, на сужденія котораго слѣдовало бы опираться, отвергая всякіе авторитеты?

Андрей Васильевичъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ докторъ: — положимъ, я идолопоклонникъ своихъ призраковъ, то-есть авторитетовъ; а они идолопоклонники своихъ ультрараціональныхъ доктринъ. Односторонности избѣгаютъ, пожалуй, тѣ только, въ комъ (онъ засмѣялся) непонятно совмѣщаются легенды няни съ новымъ потокомъ идей. — Меня Ивановъ, богъ съ нимъ, прозвалъ веселымъ медикомъ Тувомъ. Докторъ смѣялся.

— Это почему? спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Потому что, надо сознаться, я былъ незастѣнчивый юноша и имѣлъ способность для нашихъ студенческихъ вечеровъ доставать по части спиртуознаго что угодно, хоть къ разсвѣту. Къ каждой попойкѣ запасалъ новыя остроты и пѣсенки. Вздору много, а вспоминается пріятно. Живая струя тепла; что-нибудь занимало голову и душу. Не тина все-таки. Великимъ постомъ, бывало, я читалъ товарищамъ свои «сакаенсты попечителю», разговоры въ библейскомъ духѣ професоровъ и біографіи штоф-инспекторовъ. Такъ я двухъ суб-инспекторовъ называлъ за ихъ слабость къ вину.

— Медики и филологи грѣшнѣе всѣхъ, сказалъ хозяинъ, тоже вспоминая свое университетское время. — Математики грѣшать съ разсчетомъ, слѣдовательно менѣе; естественники и юристы—безгрѣшны, потому что у первыхъ грѣхи естественны, а у вторыхъ даже законны.

— Недурно, недурно сказано! Докторъ, смѣясь, прошелся черезъ комнату. — Удачно. Ивановъ увѣрялъ, что одна дама спросила нашего товарища, лѣвтя и маменькина сына: «Pourquoi êtes vous entré à l'université?» и что тотъ отвѣчалъ: «Pour en sortir, madame».

Послѣ второго стакана чаю, докторъ взялся за фуражку.

— Куда вы торопитесь? сказалъ ему Андрей Васильевичъ. — Жена, дѣти ждутъ?

— Я неженатъ, сказалъ докторъ, и, помолчавъ съ своей улыбкой, прибавилъ: — а сынъ у меня есть.

Андрей Васильевичъ посмотрѣлъ на него не безъ удивленія.

— Вы, кажется, испугались, что у меня сынъ, когда я неже-

нать? сказалъ покойно докторъ. — Дѣло обыкновенное въ мѣщанской жизни.

Андрей Васильевичъ чувствовалъ себя немного неловко и не зналъ, что сказать. Докторъ, кажется, понималъ это и прибавилъ весело:

— У меня мальчикъ порядочный шалунъ. Хотѣлось бы изъ него путяче сдѣлать. Видите, обязанность отца—дѣло серьезное.

Въ шутовомъ тонѣ доктора хозяинъ услышалъ сдавленное чувство горечи.

Докторъ закурилъ сигару и сѣлъ въ покойное кресло къ раскрытому окну, какъ человекъ, понимающій цѣну этимъ житейскимъ благамъ и неупускающій возможности ими пользоваться.

— Экое, подумаешь, житее ваше милое, проговорилъ онъ медленно, задумчиво глядя въ окно. — Просто не умирай. Какъ тутъ не сохранить ясность души, теплоту настроенія. Независимость—святое дѣло. Есть она у васъ, все у васъ есть—все, цѣлый миръ божій!...

Въ его словахъ, въ энергій, съ какою они были сказаны, Андрей Васильевичъ не могъ не услышать какую-то затаянную, вырвавшуюся, завистливую отчасти жалобу доктора на свое собственное ограниченное и тяжелое положеніе.

— Нашему брату, пролетарію, не приходится жениться. А вы—вотъ независимый человекъ, вы чего не женитесь? Въ вашихъ рукахъ ваше счастье, полнота вашей жизни.

— Это еще вопросъ, замѣтилъ хозяинъ: — женитьба, говорить, потеряя. Что тебѣ вынулось — твое. Это вѣдь кругомъ видишь.

Докторъ посмотрѣлъ на Андрея Васильевича и подумалъ.

— Счастливъ, кто любитъ кого-нибудь, даже что-нибудь, сказалъ онъ тихо. — Прочная привязанность необходима человеку. Въ ней только его спасеніе, его якорь.

— Если привязанность искренняя, она и законна, добавилъ хозяинъ съ тайнымъ и добрымъ желаніемъ показать лекарю, нѣсколько задумавшемуся, что онъ нерасположенъ осудить его за связь съ какою-нибудь мѣщанкой.

Докторъ, кажется, понялъ его.

— Вы въ уздѣ многихъ знаете, докторъ?

— Знаю многихъ. А вы?

— Я домохозяинъ. Мало у кого бываю. Людей-то мало, какъ вы замѣтили.

— Немного людей. Докторъ думалъ.

— Вы незнакомы съ Вубновой, Анной Павловной?

— Нѣтъ.

— Вотъ бы вамъ познакомиться: интересная, богатая вдовушка.

— Я о ней слышала.

— Къ ней пріѣхала племянница, образованная дѣвушка, музыкантша большая. Вамъ надо познакомиться съ ними. Пріятно проведете время, пріятно.

— Вы у нихъ лечите?

— Да.

— Далекъ отъ меня?

— Верстъ тридцать. Да стѣнитъ, стѣнитъ.

— Я давно собирался познакомиться, а теперь и подавно.

— Я, пожалуй, могу съ вами поѣхать.

— Вотъ это очень любезно съ вашей стороны, докторъ. Когда же?

— Черезъ недѣльку вы поправитесь. Да?

— Постараюсь.

— Я къ вамъ пріѣду и поѣдемъ.

Докторъ всталъ и протянулъ хозяйну руку, съ той же самой насмѣшливой улыбкой, съ какой вошелъ. Посоветовалъ ему «поберечься» и «микстуры попить».

— Хорошо, хорошо, сказалъ хозяинъ. — Я вашу микстуру пить не стану. Я рассчитываю не такъ скоро выздороветь. Выздоровѣю, пожалуй, вы и ѣздить ко мнѣ перестанете.

Докторъ поправилъ себѣ волосы.

— Всѣ вы, свѣтскіе люди, на одинъ покровъ: съ комплиментами. Прощайте.

II.

Уѣздный городъ, въ который судьба бросила лекаря Конопельцова — какъ всѣ уѣздные города. То же самое. Главнѣйшимъ образомъ состоитъ онъ изъ скверной площади. На площади возвышается городская церковь, всегда облѣпленная шумливыми галками. Тѣ же старыя и будто никогда не бывшія новыя, сѣрыя ряды съ гнилой крышей и кирпичными погребками. Съ площади, какъ водится, расходятся скверныя узенькія улицы, съ старыми ракетами. За этими старыми ракетками таятся маленькія, и тоже старыя и тоже скверныя домишки, больше о трехъ окнахъ, съ узенькими крылечками, съ высокими крышамми. Часто эти маленькія окна отворяются прямо въ ракетовыя вѣтки и нерѣдко желтѣютъ въ нихъ ленты туземнаго дамскаго чепца и краснѣютъ туземно-дамскія щоби. При въѣздѣ въ городъ мостъ съ перилами и казенной фигурой, черезъ зеленую,

вонючую и кривляющуюся рѣчку, въ навозныхъ берегахъ. Кабакъ, застывшій въ грязи. По улицамъ лужи, индюшки, свиньи. Шума нѣтъ. Иногда продребезжитъ туземный тарантасъ. Инвалидъ, весь сѣрый, безцвѣтный и будто высушенный на солнцѣ, съ вѣвникомъ въ рукѣ прокричитъ: «Въ баню! въ солдатскую баню!» Неизмѣнно въ четыре часа, тонкій пѣвучій звонъ плыветъ надъ ракетами и крышами, призывая къ вечернѣ. Когда схлынетъ жаръ, придется чиновница, разодѣтая съ явнымъ безвкусіемъ. Съ ней какой-нибудь долговязый юноша изъ канцелярскихъ, въ коротенькомъ сюртучкѣ и съ палочкой. Няньки двигаются съ сладенькими лицами и съ добродѣтельно-сложенными руками. Передъ няньками мальчики въ голубенькихъ картузикахъ и дѣвочки въ глупо-колыхающихся коротенькихъ юбочкахъ. Тѣ же гармоники, тѣ же вѣчно-грызущія что-то мѣшанки на лавочкахъ. Все это, разумѣется, не могло особенно нравиться молодому лекарю. Жилъ онъ на улицѣ, пыльной лѣтомъ, грязной осенью и снѣжной зимою. Одно только солнце, казалось ему, такъ же хорошо въ скверномъ городишкѣ, какъ и вездѣ. Онъ всегда любовался, когда садясь, солнце золотитъ густую пыль, поднимаемую стадомъ. Слушалъ, какъ въ нѣсколько минутъ, скверныя улицы наполняются веселымъ ревомъ коровъ, легкимъ и даже приятнымъ шумомъ коровьихъ копытъ. Разряженная чиновница съ любопытствомъ замѣчаетъ, красная или черная корова прошла впередъ, и съ удовольствіемъ говорить своему кавалеру-канцеляристу, что завтра будетъ *поюда*, потому что красная корова прошла впередъ.

Тяжело образованному человѣку чувствовать себя въ безысходномъ мірѣ ханжества, взяточничества и тупой пошлости. Какъ ни работалъ надъ собой Конопельцовъ, какъ ни хлопоталъ по возможности не видѣть и не слышать того, что кругомъ него творилось, онъ иногда падалъ духомъ и хандрить. Положеніе уѣзднаго лекаря неблестяще; за нимъ не видятъ обыкновенно человѣка. Однихъ онъ былъ выше развитіемъ и самъ съ ними не сходилса; другіе, стоявшіе къ нему ближе по образованію, сторонились его, какъ чиновника, какъ бѣдняка. А жизнь просилась въ Конопельцовѣ. Вскрытіе труповъ на слѣдствіяхъ и грязныя пирушки чиновниковъ не успокаивали многихъ его потребностей. Ему приглянулась молодая мѣщанская дѣвушка, сосѣдебучошницы дочь. Онъ сталъ ходить мимо ея окошекъ, чаще и чаще, и всякій разъ видѣлъ Любу, усердно работавшую иголкой. Но эта усердная работа не мѣшала ей, однако, всякій разъ видѣть лекаря. Работать, повидимому, не подымая глазъ и видѣть въ то же время что имъ хочется, умѣютъ одни молодыя

дѣвушки. Это ихъ способность и ихъ право. Конопельцовъ подробно рассмотрѣлъ Любу, и вполне остался ею доволенъ. Ростъ, тяжелая коса, бѣлыя плечи, румяныя щоки, бровь соболиная — чего еще душѣ желать? Отъ своей хозяйки онъ узналъ и подробности ея быта. Именно, что старуха Арефьевна вдова и Люба у нея одна. Что онѣ другъ другу любить, что бѣдны и работой живутъ; что чай завсегда пьютъ и держать себя «благородно».

Конопельцова не пугала разность ихъ общественнаго положенія и другія неизбѣжныя несообразности. Онъ былъ такъ раздраженъ противорѣчiami окружавшей его жизни, что готовъ былъ на всякія противорѣчія.

Увидя разъ, что Любочка пошла съ ведрами, онъ схватилъ фуражку и пошелъ къ колодцу, на задахъ; колодезь со всѣхъ сторонъ окружали мѣщанскіе огороды съ подсолнечниками и рикитки. Къ нему велъ узкій проулокъ между тесовыми заборами, шедшій сейчасъ же за лекарской квартирой.

Люба только что поставила на землю ведро и сняла съ плеча коромысло, какъ молодой лекаръ, уменьшивъ шагъ и придавъ себѣ степенный и равнодушный видъ, поклонился ей.

Увидя его, Люба вспыхнула, схватила ведро и погрузила его въ маленькій колодезь.

«И не кланяется», подумалъ лекаръ, любясь ея смущеніемъ, и сказалъ:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, отвѣчала она, не глядя на него и ставя ведро съ водой на землю.

— Вода чиста, замѣтилъ онъ.

— Чистая-съ. Она, не глядя на него, зачерпнула воды въ другое ведро и коромысло взяла.

— Только для самовара она не годится: чай не настаивается, продолжалъ онъ.

— Мы на самоваръ изъ рѣчки носимъ.

Она, не глядя на него, однимъ концомъ ловко поддѣла одно ведро, а другимъ другое и оба подняла.

— Небось, тяжело ведра таскать? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, мы привыкли.

И все-таки не подымая на него глазъ, какъ на что-то запрещенное свыше, она пошла плавно, чрезвычайно граціозно колеблясь всѣмъ молодымъ станомъ. Ея тонкая талья упруго гнулась подъ полными ведрами, а сильныя ноги учащали шагъ. Молодой лекаръ, шедшій за ней, не прочь бы, еслибы не стыдно,

взять и нести ея ведра. Особенно смущали его тяжелыя косы и мелькавшія подъ платьемъ босыя, нѣсколько красноватыя ноги.

— Такая хорошенькая, и воду сама таскаетъ, замѣтилъ онъ ей.

— Намъ ее таскать некому, отвѣчала она, не обращиваясь.

— Мы съ вами сосѣди?

— Сосѣди-съ.

Когда она, нагнувшись, ловко прогвѣла съ ведрами въ свою каютку, онъ сказалъ ей:

— До свиданья!

— До свиданья-съ, отвѣчала она ему, уже со двора и, по-прежнему, не оглядываясь.

Онъ всякій день видѣлъ ее у колодца и разговаривалъ съ ней. Колодезь ихъ сблизилъ. Она давно ужъ подняла на него глаза и даже ему удалось ее поцѣловать; только это выходило противъ ея воли повидимому; она отпихивала его отъ себя, краснѣла и твердила: «безстыдники, не бабуйте, сосѣди вонъ смотрятъ».

— Ты, кажется, лжешь, Люба, бормочеть Конопальцовъ, оглядываясь.

А она съ звонкимъ хохотомъ бѣжитъ отъ него, говоря:

— Съ вами разводи тутъ, а ведра-то мнѣ нести.

— Давай я понесу.

— Вотъ хорошо выдумали. Скажутъ въ городѣ: лекарь воду таскаетъ...

— Вѣдь я буду таскать только тебѣ, моея Любѣ.

— Какъ же, вашей, на-те вотъ сейчасъ.

— Видишь какая ты, Люба. Ее любишь, а она...

— Такъ вамъ повѣрила.

— Ея-богу.

— Еще божесться.

— Чтѣ-жъ тебѣ еще надо?

— Мнѣ отъ васъ ничего не надо.

Она кокетничала съ нимъ по своему. Дѣвушка она была неглупая. Сближаясь съ лекаремъ, она меньше всего думала о годахъ, которыя могла извлечь изъ его состоянія. Она сближалась съ нимъ въ интересѣ своихъ лѣтъ, онъ ей нравился.

Она стала думать о немъ, гадала о себѣ и о червонномъ королѣ и задумывалась даже въ послѣднее время послѣ его словъ и послѣ встрѣчъ съ нимъ. Этихъ встрѣчъ она уже ждала, и, когда не видѣла его нѣсколько дней, грустила.

Разъ, въ скучный осенній вечеръ, выдумалъ лекарь пройтись. Скучно, мѣртво, сыпалась изморозь, вылъ вѣтеръ, собаки хотя перекликались по запертымъ дворамъ. Онъ подошелъ къ



окну Арефьевны. Веселый свѣтъ лился изъ окна и блестялъ на лужѣ, веселый смѣхъ слышался. Онъ тихонько стукнулъ въ окно. Люба съ испугомъ отъ него отскочила, въ дождикъ притихло.

— Кто тамъ? спросила Люба.

— Я, сосѣдъ, Любочка.

— А! она подбѣжала къ окну и отворила его: — и то, матушка, они!

Любочка глядѣла на него вопросительно и обрадованно.

— Что-жъ, милости просимъ, въ горницу пожалуйте, не побрезгайте нашей бѣдностью, затарантила Арефьевна, кланаясь.

— А жучка-то ваша? Она меня не любитъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Люба бросилась вонъ изъ горницы и встрѣтила неожиданнаго гостя въ коридорѣ.

Онъ ее обнялъ, поцаловалъ. Сердце у нея колотилось, какъ птичка. Она слова не могла сказать.

— Я къ тебѣ, Люба, шепталъ оиъ, не отрываясь отъ ея горячей шеи. — Скучно безъ тебя... Ну, теперь вѣришь?

— Пустьте, пойдете!

Она повела его.

— Я давно къ тебѣ хотѣлъ, Люба, да боялся.

— Нѣшто мы кусаемся?

— Не вась боялся.

— А!.. боялись что скажутъ: вотъ, молъ, лекарь съ мѣщанками знакомъ.

Она засмѣялась нѣсколько съ досадою, только лекарь этого не замѣтилъ.

Въ сѣняхъ его встрѣтила старуха со свѣчой, съ извиненіями.

— У насъ самоваръ ровно тутъ, тарантила она. — Только чай собрали это. Много довольны посѣщеніемъ, что не побрезгали.

Такимъ образомъ, засѣлъ Конопельцовъ за сосѣдскій столъ. Любуясь «своей» Любой, наливавшей чай, говорилъ съ Арефьевной, пилъ съ ней въ персгонку чашку за чашкой, «съ угрызненіемъ». Люба, большая охотница до чая, «чайница», по словамъ матери, была такъ обрадована приходомъ гостя, что не выпила ни одной чашки, несмотря на резоны старухи и на просьбы милаго человѣка.

— Это ужъ она вамъ такъ рада, бабушка, сказала ему Арефьевна, не безъ лукавства.

Она, разумѣется, все знала и вела дѣло съ своею притической дѣлю.

У Любы разгорѣлись глаза и щоки. Она летала. Послѣ чаю подала гостю «закуску», яблоки и орѣхи. Тутъ она сама при-

сѣла и, болтая съ гостемъ, проворно щелкала орѣшки не только себѣ, но и беззубой матери.

— Вы мнѣ, матушка, лучше погадайте, сказала она ей, владя передъ ней колоду, порядочно растрѣпанную.

— На кого же я тебѣ погадаю, дочка? Старуха тасовала карты.

Люба подумала, взглянула на гостя, покраснѣла и сказала:

— Вы мнѣ на червоннаго короля погадайте: чтѣ онъ обо мнѣ думаетъ и другъ ли онъ мнѣ.

«Наше дѣло недурно», подумалъ Конопельцоръ.

Старуха приказала дочери «мыслями своими не развлекаться», и стала раскладывать карты весьма серьёзно.

Любочка слѣдила за картами тоже серьёзно и съ большимъ вниманіемъ. Видно было, что она имъ вѣрила и что отъ нихъ ждала себѣ своего счастья, или несчастья.

И она еще болѣе разгорѣлась и повеселѣла, когда ей вышло: «исполненіе желанія», «перемѣна жизни», «неожиданное счастье» и проч.

— Всѣ четыре туза вышли и всѣ четыре десятки, dokonчила старуха.—Марьяжная дама у червоннаго короля на сердцѣ.

— Поздравляю, Любочка, шутилъ гость и поднялся.

— Еще рано, замѣтила ему Люба.

Онъ ушелъ отъ нихъ, провожаемый хозяйкой со свѣчой и извиненіями. Она благодарила его «за неоставленіе», и просила «не брезгать ими, сиротами». Никогда небоавшинса собака, лекарь опять выразилъ свой страхъ въ отношеніи жучки, собачонки въ сущности ничтожѣйшей, въ безвредности которой и самъ онъ былъ увѣренъ. Тѣмъ не менѣе отъ этой безвредной собаки опять проводила его до калитки Люба: и опять цаловалъ онъ ея горячую шейку и слышалъ, какъ билось ея сердце.

И еще нѣсколько такнхъ вечеровъ провелъ лекарь у своихъ сосѣдей. Сближившись съ Любой, онъ нашелъ въ ней даже остроуміе, разумѣется, въ извѣстной формѣ. Она знала много народныхъ загадокъ. Спросить, бывало, Конопельцова, чтѣ значить: «безъ оконъ, безъ дверей полна церковь людей?» и потѣшается его незнаніемъ, или спросить его, чтѣ значить: «сврученъ, связанъ, по полу скачетъ?» сважетъ ему: «вѣвннвъ». Или задастъ ему вотъ какую задачу: «Трое идохомъ, двоикхъ обретохомъ?» Онъ надъ ней и сидѣть, бывало.

Какъ бы тамъ ни было, скоро сосѣдки мѣшанки заговорили, какъ водится, что Любочка Арефьихина съ лекаремъ познакомилась и прочее. Видѣли даже, что она къ нему бѣгала, что онъ у нихъ частный гость.

Но въ сближеніи лекаря замѣшались мотивы гораздо чище

тѣхъ, которые могли понимать сосѣди-мѣщанки. Молодой Конопельцовъ находился въ счастливыхъ лѣтахъ, и въ избыткѣ силъ, когда вѣрится и въ себя и въ людей. Ему показалось, что въ Любѣ онъ открылъ богатую, избранную натуру, самородокъ, который стоило только очистить и отшлифовать. Какъ самъ свѣжъ, всё кажется свѣжо. Ему и показись, что Люба влечетъ его къ себѣ своей душевной свѣжестью и правдой. Онъ задумалъ развить ее, образовать по своему. Онъ ночей не спалъ при мысли, что «создаетъ» себѣ жену. Въ пылкомъ воображеніи его создавался цѣлый міръ, честная и горячая борьба за это красивое дитя природы. Онъ схватился за свою илею юношески, не щадя ни себя, ни средствъ своихъ. И вотъ Люба, бѣгавшая съ ведрами къ колодцу босикомъ по буднямъ и въ башмакахъ по праздникамъ, засѣла за книги. Онъ объяснялъ ей достоинство мысли, силу саморазвитія, читалъ ей — а она, бывало, мухъ ртомъ ловила, и мухи любили ея сочныя губы и ея потный лобъ. Они, кажется, были созданы болѣе для мухъ, чѣмъ для мысли и поцалуя. Всѣ эти нравственные задатки, «которыми сначала» объяснялъ себѣ молодой лекарь ея молчаніе и неспособность, оказались, разумеется, неспособностью.

Натура ея была бѣдная, мѣщанская вполне. Съ трудомъ до письма дошла, дальше некуда было тянуть ей и невозможно. Она, какъ дитя, отпрашивалась отъ ученья, утверждая, что года ея не тѣ, и книги его съ радостью отдавала за дешевый ситецъ, прочный опоекъ, заличій мѣхъ, орѣхи и чай. Самоваръ не сходилъ съ ея стола. Для разнообразія она пила то «въ накладку», то «съ угрызениемъ». Счастье свое она полагала въ томъ, чтобы спать вволю, принимать «сусѣдокъ» и наяряться въ церковь. По ея вкусамъ всего у нея было, разумеется, чего ея «душенька хотѣла». Конопельцовъ зарабатывалъ практикой хорошо. Онъ махнулъ рукой на ея образованіе и ограничился тихимъ домашнимъ покоемъ. Но и его не дала она ему. Ее не привязывало новое положеніе, а отъ стараго она не оторвалась и тянулась къ нему. Она родила сына. Лекарь называлъ его Алексѣемъ и, въ отличіе отъ себя, называлъ его Алексѣемъ-вторымъ. Онъ привязался къ нему тѣмъ сильнѣе, что Люба съумѣла оттолкнуть его отъ себя. Она сдѣлалась невыносимо дерзка съ Конопельцовымъ и на каждомъ шагу оскорбляла его нравственное чувство. Съ наглнымъ кокетствомъ поглядывала на нѣкоего Африкана Микитича, изъ вольноотпущенныхъ, и уходила изъ дому. Конопельцовъ понялъ, въ какое болото завязъ, и разстался съ Любой. Онъ ее обезпечилъ, а сына воспитывалъ у себя самъ.

Алексѣй-второй радовалъ отца, на котораго становился похожъ съ каждымъ годомъ до смѣшного. Съ ростомъ и развитіемъ умнаго мальчика укрѣплялась между ними взаимная связь. Въ сынѣ Конопельцовъ узнавалъ себя, какимъ былъ; и незамѣтно онъ стирался въ своей жизни передъ сыномъ, на котораго возлагалъ надежды. Люба, между тѣмъ, не упуская драгоцѣннаго времени, вышла за Африкана Микитича, прельстившагося ея домомъ и садомъ болѣе, чѣмъ ея дебелостью. Дѣти у нихъ пошли, разумѣется, и потасовки во хмѣлю. И, надо думать, что она любила и цѣнила его гораздо болѣе, чѣмъ любила и цѣнила дядя.

Дядя Конопельцовъ, какъ хорошій медикъ, не любилъ говорить о медицинѣ. Но онъ ее любилъ, много занимался ею я, даже, литературно: писалъ статьи въ «Медицинскую газету». Назначеніе медика онъ считалъ слишкомъ важнымъ и старался безкорыстно исполнять свою обязанность. Несмотря на это, онъ иногда, въ минуту досады, подомѣивался надъ собой, какъ надъ медикомъ, не безъ соли и остроумія. Два сабрата его по профессіи недолюбливали его, какъ водится, потому что онъ былъ имъ не по плечу и какъ человекъ, и какъ медикъ; они много способствовали распространенію о Конопельцовѣ въ уѣздѣ репутаціи оригинальнаго и жолчнаго человека.

Конопельцовъ былъ родомъ изъ однодворцевъ той же губерніи. Онъ этого нисколько не скрывалъ и, при случаѣ, выражался о себѣ, что «вышелъ изъ народа». Покойный отецъ его, Алексѣй Михѣевъ, былъ старикъ почтенный, расположенный ко всякаго рода услугѣ и сосѣдской уступчивости, а потому любимый сосѣдами. Онъ былъ извѣстенъ между ними подъ именемъ «Михѣева», или просто «богача», вѣроятно потому, что, кромѣ душевого надѣла казенной земли, владѣлъ восьмьюдесятью десятинами собственной. Онъ считался по волости первымъ обывателемъ, нѣсколько трехлѣтій сряду «ходилъ» волостнымъ засѣдателемъ; единодушно, цѣлымъ приходомъ избирался въ церковные «старатели», т. е. строители новой церкви. Старикъ «кумился» съ мелкопомѣстными дворянчиками и хлѣб-соль водилъ съ хорошими и благородными людьми, по его выраженію.

Дѣтство Конопельцова прошло въ привольныхъ, нѣсколько дикихъ мѣстахъ, съ широкимъ горизонтомъ. Въ характерѣ того края чувствуется близость степи. Крупный ястребъ хищнически вьружитъ на одномъ мѣстѣ, сверкая подъ солнцемъ своими рыжими крыльями. Крыло вѣтряной мельницы лѣниво перевертывается вдали. Смѣющійся горизонтъ манитъ гладкой степью — ни сучка, ни задоринки. Дворъ его отца, богача, стоялъ одинъ-

одни́шепекъ, среди стлавшихся полей съ легкими изволоками. Съ лицевой стороны у избы стояли старыя дуплистыя рябины и широколиствистая липа. На задахъ двора, въ тѣнистой основной рошѣ, бѣлѣлись пчелиныя колоды; часто разставленныя подъ молодыми, товыми осинами; съ своими соломенными покрывками, колоды эти казались маленькому Конопельцову издали сѣдоволосыми, изувѣченными стариками. Высокій валь изъ перегнившей соломы окружалъ пасѣку. Дворъ былъ обнесенъ высокими сараями, изъ-за которыхъ выглядывалъ журавль колюда и голубатня.

Пониже основной роши съ пасѣкой незамѣтно тѣкъ узкій ручей, будто причесъ отъ всѣхъ. Осторожно, робко, беззвучно обходясь онъ высокія жирныя кочки и журчалъ только у кряжстаго ольховаго пня съ красными подмытыми корнями. Да такъ однообразно журчалъ, усыпительно. Маленькій Конопельцовъ любилъ ручей и смотрѣлся въ него вмѣстѣ съ солнцемъ, мѣсяцомъ и звѣздами. Утки тоже любили ручей. То, бывало, тихо полощатся-себѣ въ сонной водѣ, то тихими флотами плывутъ по пзвилистой водѣ или неподвижно сидятъ на кочкахъ; ручей этотъ назывался утиннымъ и весной игралъ и шалелъ. Мальчикъ любилъ всрѣчать первый лѣтній лучъ въ прохладномъ оврагѣ или надъ ручьемъ.

Отецъ, съ помощью добрыхъ людей, помѣстилъ его въ гимназію, и послѣ содержалъ его, какъ могъ, въ университетѣ.

III.

Лекарь оставилъ по себѣ, въ домѣ больного, весьма пріятное воспоминаніе. Андреевъ часто о немъ думалъ, удивляясь, какъ это онъ уцѣлѣлъ въ уѣздной тинѣ. «Связь-то мнѣ эта не нравится», думалъ онъ: «но, кто его знаетъ, можетъ какая-нибудь уѣздная Жоржъ Зандъ». Подумалъ Андреевъ, между прочимъ, и объ интересной вдовушкѣ и о племянницѣ музыкантшѣ.

Черезъ недѣлю послалъ за докторомъ экипажъ; докторъ пріѣхалъ. Вошелъ попрежнему не кланяясь, бросивъ свою бѣлую фуражку на первый стулъ и поправляя на ходу волоса обѣими руками.

— Очень радъ, встрѣтилъ его любезный хозяинъ, пожимая обѣими руками его руку.

— Вы напомнили мнѣ, что нынче воскресенье, замѣтилъ ему лекарь съ своей насмѣшливой улыбкой.

— Это почему?

— Собой вы довольны и всёми.

Андреевъ, улыбаясь, поправилъ передъ зеркаломъ свой свѣжій отложной воротничокъ и узенькій чернѣй галстухъ.

— Я только что отдѣлался отъ старости, сказалъ онъ, откусывая конецъ сигары.

— Дѣла, дѣла! проговорилъ лекарь, съ удовольствіемъ опускаясь въ кресло.—У меня что ни недѣла — слѣдственное дѣло. Не оберешься. Надоѣди.

Конопельцовъ сдѣлалъ гримасу, съ явной неприятностью вспоминая эти безконечныя, скучныя дѣла.

— Служить бы ничего — прислуживаться тошно, проговорилъ онъ, какъ-бы поясняя свое неудовольствіе, извѣстный грибоѣдовскій стихъ.

— Ну-съ, я былъ у Бубновой, она васъ ждетъ.

— Когда же поѣдемъ?

— Хоть сегодня. Я готовъ.

— И я готовъ.

Андреевъ нѣсколько самодовольно оглядѣлъ свои лаковые сапоги, широкіе свѣтлые панталоны англійскаго трико и щегольскую черную визитку,

Лекарь посмотрѣлъ на свои часы.

— Какъ разъ время: часъ.

Андреевъ позвонилъ и велѣлъ заложить тарантасъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, докторъ, я не люблю ѣхать съ утра въ первый разъ. Въ деревнѣ это просто тяжело. Натануть, сказалъ онъ:—пообѣдаемъ и съ Богомъ, а?

— Отлично, замѣтилъ податливый лекарь.

— Бургонское у меня отъ Рауля — Андреевъ съ чувствомъ поцаловалъ кончики своихъ пальцевъ:—съ тѣмъ, что останетесь довольны.

— Вы, какъ нарочно, соблазнете любимымъ виномъ.

— Очень радъ.

Андреевъ, въ хорошемъ расположеніи духа, былъ премилымъ хозяиномъ и что называется душа-человѣкъ.

Онъ распорядился, чтобы обѣдъ подали въ 2 часа.

Лекарь курилъ, посмѣиваясь самымъ ехиднымъ образомъ.

— Вы вспомнили что-то очень смѣшное, замѣтилъ ему Андреевъ, тоже смѣясь.

— Жаль, что я къ обличителямъ не принадлежу, въ Исхру и въ Завозу сатиры не посылаю; а наткнулся на случаи, попадаются! лекарь весело смѣялся.—Ужь такіе!

Андреевъ, протанувшись на софѣ съ ногами, лѣниво пыхалъ сигару и, улыбаясь, ждалъ.

— Третьяго-дня присылает за мной баринъ: дитя, молю, большое. Приѣзжаю.

— Фамилью, фамилью, докторъ! потребовалъ Андреевъ:—въ этомъ мѣстный интересъ анекдота. Непремѣнно фамилью!

— Ну, Пронвын. Экой любопытный. А еще женщинъ въ любопытствѣ обвиняемъ.

— Это такое старое обвиненіе, докторъ, что перестало быть справедливымъ. Если вы живете не на лунѣ, вы должны знать, что нынѣшніе мужчины любопытнѣе нынѣшнихъ женщинъ.

— Я живу не на лунѣ, но въ тинѣ, замѣтилъ весело докторъ:— вотъ мое оправданіе въ незнаніи многого, если не всего нынѣшняго. Продолжаю. Приѣзжаю вечеромъ. Гости. Общество все на балконѣ, офицерки. Лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ подведена къ крыльцу. Что такое? спрашиваю. Madame, говорятъ, верхомъ ѣдетъ. Выходитъ въ амазонкѣ, шляпа съ перомъ, хлыстикъ — какъ слѣдуетъ. «Здравствуйте, говорить, докторъ, я сейчасъ вернусь, только на ферму съѣзжу».

— Ферма! но у нихъ сто душъ, замѣтилъ Андреевъ.

— Это не мѣшаетъ имъ имѣть ферму, яхту, домашній театръ, оранжерею и пр. Лекаръ злостно смѣлся:—въ гомеопатическихъ размѣрахъ, конечно, маниловщина. Ферма-то эта просто скотный дворъ, въ полѣ.

— Развѣ такъ. Андреевъ успокоился.

— Она занесла ногу въ башмачокъ, въ стремя-то, лошадь чего-то бросилась въ сторону, кавалеры не успѣли ее поддержать, и она—упала, а юбка за сѣдло зацѣпилась. Можете себѣ вообразить, какъ неосторожно! при ея-то комплекціи.

Лекаръ опрокинулся на спинку кресла и хохоталъ, повторяя:

— Можете себѣ вообразить?

— Воображаю. Андреевъ смѣлся.

— Можете себѣ вообразить? шепталъ лекаръ, помирая со смѣху:—такъ неловко зацѣпиться! бѣдна! ужасно! ужасно!..

— Пострадала изъ любви къ искусству, замѣтилъ хозяинъ.

Время до обѣда пролетѣло очень весело, благодаря холостому тону, на который настроился разговоръ. Бургонское за обѣдомъ оказалось, по мнѣнію лекаря, отнѣннымъ, и въ искренности этого мнѣнія хозяинъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, видя какъ лекаръ наполнялъ свой стаканъ. За обѣдомъ, между прочимъ, лекаръ рассказалъ такой смѣшной анекдотъ про ревнивую стряпичку и невѣрнаго ей стряпчаго, воспользовавшагося своимъ охотничьимъ рожкомъ, чтобы подавать сигналы любовницѣ, и такъ рассказалъ, что Андреевъ помиралъ со смѣху; а прислуживавшій камердинеръ его, лавей приличнаго вида, въ при-

личномъ сюртукѣ, при часахъ и расчесанный какъ цирюльничья вывѣска, принужденъ былъ выйти въ переднюю.

Тарантась нашихъ пріятелей катилса по гладкому проселку легко и съ легкими толчками. Пристяжны скакали рѣзво и рѣшительно не давали везти дюжему и расторопному коренному съ ужасно взбитой густой гривой, той надежной, «осадпстой» фигуры, безъ которой почти невозможно представить себѣ нашу тройку. Колокольчикъ то звенѣлъ, то перебивался и смолкалъ, словно духъ переводилъ. День чудесный стоялъ, сбѣгая къ вечеру.

— Такъ мы въ дамское общество? сказалъ Андреевъ, поправляя свою широкополую панаму и сглаживая морщину на своей французской перчаткѣ.—Которая же, по вашему, лучше?

— Обѣ лучше, состригъ Конопельцовъ:—важдая въ своемъ родѣ. Вдовушка—ricante этакъ; дѣвушка—это что-то высокое, чистое, хорошее. Человѣку бы ее, человѣку. Стентъ-съ. Вотъ увидите.

— Вы ужъ ее очень хвалите.

— Стоить. У всякаго свой вкусъ, свои требованія. Вы какую же женщину предпочитаете?

— Хорошую въ своемъ родѣ.

— Такъ-съ. Это значитъ всякая хороша, когда дѣло подходящее. Съ вами и толковать нечего. Эта статья, стало, васъ не беспокоитъ.

— Нисколько.

— Но, вы не прочь жениться?

— Пора. Миѣ за тридцать.

— Какъ же вы смотрите на женитьбу?

— Какъ на обстоятельство, способное успокоить мои житейскія тревоги. Одиночество начинаетъ миѣ надоедать. Я желалъ бы жениться по чувству.

— Да какъ же иначе-то? Конопельцовъ усмѣхнулся.—Необходимость, привычка, расчетъ и прочее въ этомъ родѣ, не должны имѣть мѣсто въ бракѣ порядочнаго человѣка. Порядочнымъ я тутъ называю истинно-развитого человѣка.

— Вы, кажется, слишкомъ требовательны отъ женщины, докторъ?

— Можетъ быть. Я знаю, что миѣ всего дороже въ женщинѣ. Это ужъ слѣдствие извѣстнаго отношенія къ жизни и установившагося идеала. Впрочемъ, что обо миѣ толковать! мои дѣсныя спѣта. Лекаръ сказалъ это невесело:—миѣ не жениться.

— Это почему?

— Не долженъ. Конопельцовъ отвернулся.—Моя-то—вѣдь жѣщанка. Черезъ годъ я уже опомнился и ноялъ, въ какую трясину

завявъ. Я съ ней покончилъ тогда же, обезпечивъ ее, конечно, но у меня сынъ. Я хочу и долженъ выполнить въ отношеніи къ нему мои отцовскія обязанности.

Проселокъ слызился съ обѣихъ сторонъ пахатомъ.

— Ишь его запахался, сказалъ жолчно лекарь.— Это Волчкова земля.

— Богача-то? сказалъ Андреевъ.

— Какъ тутъ богату не бытъ! Со всего норовить процентъ сорвать. Въѣкъ свой ѣжится, подступу къ нему нѣтъ. Не пьеть, не ѣсть, никуда ногой, къ нему никто. Куѣтъ деньгу и все забылъ. Ничего ему не нужно. Тамъ у него черезъ ручей мостъ въ дырахъ весь, не чинить и ѣзды по немъ нѣтъ. И что досаднѣе всего, всѣхъ насъ перехоронятъ. Крѣпнишъ. Покоенъ всегда, дѣта, вода—что ему.

Андреевъ слушалъ лекаря, думая про себя: «зкъ онъ раздражонъ. Что ему до нихъ, до Волчковыхъ».

— Посмотрите на эту благодать, продолжалъ лекарь, указывая на большое гумно вдаль, биткомъ набитое скирдами:—его же, Волчкова. Вотъ тебѣ и дуракъ набитый. Сколько наставилъ.

— Онъ-то и умный, пожалуй, умнѣе насъ умниковъ, замѣтилъ Андреевъ, смѣясь.—Хлѣба у человѣка много, денегъ много—чѣмъ же онъ дуракъ?

Конопельцовъ усмѣхнулся этому дешевому практическому силогизму, сказанному, конечно, въ шутку.

— Вы нашего брата помѣщика, кажется, не жалуете, докторъ? сказалъ Андреевъ.

— Ошибаетесь. По моему, «помѣщикъ»—благородное званіе. Только отъ личности каждаго зависитъ унизить себя до смысла юртоваго мирзы. Въ томъ бѣда вашего дворянства, что все крайности въ немъ. Или ландс-хордъ, или судится за кражу гречихи. Средины-то нѣтъ, нѣтъ массы болѣе или менѣе ровной, связанной общимъ интересомъ сословія. Сословіе и бессильно и безъ значенія.

— Причины этимъ крайностямъ есть, сказалъ Андреевъ:—разныя степени образованія, а то, больше, отсутствіе всякаго образованія. Возможенъ ли тутъ общій интересъ и сознаніе своихъ обязанностей, своихъ правъ? Принципы, чувство человѣческаго достоинства, общественное мнѣніе и прочія силы цивилизованной гражданственности у насъ пока еще новыя слова, роскошь, безъ которой столько людей могутъ жить спокойно и счастливо. У насъ или Волчковъ, или ш-ше Пронина, или неслужащій дворянинъ Фостиковъ—вотъ наши землевладѣльцы. Нового народу, дѣятелей-то, пока мало въ земской силѣ.

— Вы, стало, со мной одинаково глядите на общее мѣсто помѣщика? замѣтилъ лекарь.

— Почти. И все-таки, я не хочу ничѣмъ инымъ быть, какъ русскимъ дворяниномъ, помѣщикомъ. Андреевъ одушевлялся.

— Весьма разсудительно сказано, замѣтилъ съ своей улыбкой лекарь. — На вашемъ мѣстѣ я, право, не помѣнялся бы своимъ положеніемъ съ какимъ нибудь Флорестаномъ I, княземъ Монако. Пускай его собѣ и владѣтельный, и монету чеканить, и войну объявляеть.

— Такую-то войну и я веду ежедневно, сказалъ, смѣясь, Андреевъ: — съ однодворцами: они у меня телать загоняютъ, я у нихъ гусей. И дипломатическая переписка возбуждается.

— Къ горю вашего мирового посредника, добавилъ лекарь: — оцѣнивающего военныя издержки въ 15 копеекъ съ гуся. Такъ, кажется?

— Такъ. Андреевъ смѣялся.

— Вотъ вы сказали, что я помѣщиковъ не жалую, началъ лекарь: — такъ многіе обо мнѣ думаютъ, считаютъ меня даже краснымъ.

Лекарь посмотрѣлъ на Андреева.

— А вы не «красный»? спросилъ этотъ не совсѣмъ довѣрчиво.

— Я не могу быть «краснымъ» ужь потому, что пятнадцать лѣтъ въ уѣздѣ служу лекаремъ, знаю мужика, какъ свои пальцы, и всѣ теоріи «развязки топоромъ» по моему — бессмыслица.

— Какъ вы понимаете «красныхъ», докторъ?

— Наши русскіе «красные», въ сущности, «зеленые», такъ какъ вербуются изъ зеленыхъ студентовъ, зеленыхъ офицеровъ, зеленыхъ чиновниковъ, къ которымъ примкнули недоучившіеся литераторы, посредники и... онъ засмѣялся: — странно выговорить, губернаторы даже. Я не красный, но я не крѣпостникъ. Можетъ быть, я строго отношусь къ тому, чего вы, изъ вашего владѣльческаго интереса, можете вовсе не видѣть. Понятно: я чиновникъ, то-есть пролетарій. Назначеніе мое — служить, а служба, можетъ быть, идетъ въ разрѣзъ съ моими внутренними требованіями. Жизнь — борьба, знаю. Но когда понимаешь, что борьба доведетъ тебя не къ одолѣнію ненавистныхъ тебѣ началъ, что въ концѣ ожидаетъ тебя усталость только и несомнѣнная бѣдность, тогда невольно раздражаешься и строже судишь. Это, пожалуй, нехорошо, но это такъ, въ природѣ человѣка, если только онъ не заснулъ, если онъ хочетъ чего нибудь кромѣ того, что ему дано и что ему отведено въ жизни.

Комопельцовъ говорилъ искренне, и это нравилось Андрееву. Въ этой искренности Андреевъ видѣлъ не только хорошую на-

туру лекаря, но и его довѣріе къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, лекарь, какъ умный и бывалый человѣкъ, понялъ, что они люди одного лагера, хотя и не успѣлъ составить себѣ о немъ опредѣленнаго понятія. Правда, не совсѣмъ правилась лекарю сдержанность Андреева, но онъ приписывалъ ее спокойному темпераменту и свѣтскому воспитанію. «Во вкусахъ, можетъ быть, мы несогласны», думалъ лекарь: «но принципы у насъ одни и тѣ же, по крайней-мѣрѣ на столько, на сколько они независимы у него внѣ практической жизни. Въ дѣлѣ-то я его еще не знаю».

— Что вы тамъ увидѣли? спросилъ Андреевъ лекаря, всматривавшагося впередъ.

— Знаете, что? Дамы наши за нашу любезность платятъ любезностью же: встрѣчаютъ насъ.

— То-есть, по просту, гуляютъ въ полѣ.

Андреевъ смотрѣлъ тоже впередъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ. — Вотъ это мнѣ нравится. Признаюсь, я немножко отвыкъ отъ гостинной, и съ бѣльшимъ удовольствіемъ представляюсь въ полѣ. Для перваго знакомства, докторъ, это, право, недурно.

— Еслибы вы знали, какъ я-то люблю эти гостинны, замѣтилъ лекарь:—особливо тѣнными и лѣтомъ. Наслажденіе, нечего сказать. Надо быть влюбленному до ногтея, чтобы высидѣть въ гостинной такой вечеръ, какъ нынче, напримѣръ.

Андреевъ улыбался и поправлялъ свой галстухъ и перчатки съ простибельной въ его лѣта ажитаціей, всматриваясь въ бѣлое платье. Онъ былъ, надо замѣтить, гораздо моложавѣе своихъ лѣтъ. Бѣлый, полный, шурившійся встать, онъ принадлежалъ къ «интереснымъ» мужчинамъ.

IV

Тарантасъ остановился не доѣзжая гуляющихъ. Пріатели подошли къ нимъ. Лекарь представилъ Бубновой Андрея Васильевича Андреева.

— Очень рада, сказала она, любезно подавъ ему маленькую ручку.—Благодарю васъ, добрый докторъ. Мы съ Вѣрой подеревенски гуляемъ. Это, ш-г Андреевъ, моя племянница, Вѣра Николаевна.

Дѣвушка слегка поклонилась на поклонъ Андреева и обратилась къ доктору.

— Что жъ мы стоимъ, однако? замѣтила Бубнова обществу.

Вѣра Николаевна пошла съ докторомъ впередъ, а Бубнова съ Андреевымъ сзади.

— Какъ хорошо чувствуется лѣтомъ въ деревнѣ, сказала Анна Павловна, и потянула въ себя теплый воздухъ.— Не надишешься.

— Особенно послѣ чухонскихъ болотъ и сѣродолднаго неба, прибавилъ лекарь, черезъ свое плечо.

— Докторъ преслѣдуетъ меня за мою слабость къ Петербургу, замѣтила Бубнова Андрееву. — Что-жъ, ваюсь въ моей слабости. Она играла лорнеткой. — Деревня хороша только лѣтомъ и съ людьми.

— А сама-то по себѣ природа? замѣтилъ Андреевъ, впрочемъ не особенный поклонникъ природы.

— Богъ съ ней. Со смерти моего покойнаго мужа (она вздохнула), я безвыѣздно въ деревнѣ, вотъ третій годъ. Тяжело. Зимы просто здѣсь дикія, невыносимыя. Я хотѣла бы нынѣшнюю зиму въ Петербургъ.

— Если староста денегъ дастъ, замѣтилъ лекарь.

— У него ихъ никогда нѣтъ. Все въ этотъ глупый Опекунскій совѣтъ отсылаетъ.

— Въ деревнѣ можно безъ денегъ обойтись: натурой, продолжалъ лекарь:— солома есть для тощи, гусь, индюшка. Ну, зачѣмъ вамъ въ Петербургъ? Здѣсь бы себѣ и жили въ своемъ Луговомъ.

— Забавный вы человекъ, докторъ. Анна Павловна вздернула губку съ легкимъ признакомъ характера. — Я ѣду въ Петербургъ не плясать только. Невозможно же пренебрегать связями.

— На чтѣ онѣ вамъ?

— Если, по вашему, закупориться въ деревнѣ, надо со всѣми разнакомиться.

— Чтѣ жъ такого?

— Вотъ онъ всегда такой спорщикъ, пожаловалась она на лекаря Андрееву.

— Еслибы я имѣлъ на васъ вліяніе, я не пустилъ бы васъ въ Петербургъ зимовать, сказалъ лекарь. — Хлѣбъ дешевъ, цѣны надо выждать, а цѣны, говорятъ, раньше весны не будутъ. Только васъ такими пустяками не удержишь.

— Вы поете одну пѣсню съ моимъ старостой, докторъ.

— Староста вамъ желаетъ добра-сь.

— Староста все мнѣ надоѣдаетъ, что нынѣшній годъ хлѣбъ хуже прошлогоднаго, а прошлогодній хуже третьягоднишняго. Іереминъ плачь.

Андреевъ засмѣялся.

— Неурожай вашего старосты называются «хозяйскими», замѣтилъ онъ: — мы, мужчины, всѣ такіе-то спорщики, какъ дов-

торъ. Поспоримъ съ вами, mesdames, и уступимъ. Андреевъ желалъ перевести этотъ разговоръ на болѣе мирный.

— И споримъ-то для того только, чтобы уступить вамъ, добавилъ лекарь съ ироніей, которую плохо поняли; по крайней-мѣрѣ, Анна Павловна не поняла ее, сказавши весело:

— Съ васъ, господа, довольно и того, что вы хоть на словахъ не дѣлаете по нашему...

— Такъ вообще оканчиваются подобные разговоры между мужчиной и женщиной, сказалъ Андреевъ:—по крайней-мѣрѣ въ нашей «варварской» Россіи — гдѣ увѣряютъ, что женщину не уважаютъ.

— Гдѣ она—несчастное, угнетенное созданіе, прибавилъ лекарь съ своей улыбкой.

— И гдѣ мужа — Раули, синія-Бороды, докончилъ Андреевъ.

— Э, э! лекарь весело посмотрѣлъ на сотоварища. — Да какъ же мы за себя стоимъ: молодцы.

— И мы за себя стоимъ, сказала Анна Павловна.

Она показала Андрееву дѣйствительно «цикантной», какъ выразился о ней лекарь. Черные глаза и черные волосы отбѣнили живой цвѣтъ лица. Живая, задорная улыбка открывала чудесные бѣлые зубы, и красиво приподымала углы розоваго рта; улыбка самолюбивая, съ той увѣренностью, которая возможна только въ свѣтской и независимой женщинѣ, перешедшей или достигающей своего тридцатилѣтія. Платье гавана безукоризненно сидѣло на ней.

— Вы хозяйинъ вѣрно? спросила она Андреева.

— Жить въ деревнѣ и не быть хозяиномъ нельзя, сказалъ онъ.

— Можно, и этому живой примѣръ я, сказала вдова. — Почтите меня хозяйству.

— Съ удовольствіемъ, только съ условіемъ: я вамъ передамъ тайны мужскаго хозяйства, а вы мнѣ — жецскаго. Оно у меня хромаетъ, а у васъ, вѣроятно, процвѣтаетъ.

— Хорошо, хорошо. Это взаимное обученіе ужъ тѣмъ выгодно, что обязуетъ насъ къ равному снисхожденію. Вы давно хозяйничаете?

— Три года.

— Столько же, сколько и я. Странная случайность, ш-г Андреевъ.

— Я не располагалъ остаться въ деревнѣ, пріѣхалъ сюда отдохнуть, тѣмъ отдыхомъ отдохнуть, который возможенъ только въ деревнѣ. Я слишкомъ долго и близко былъ съ людьми, въ свѣтъ, слѣдовательно много всякой лжи и всякой условности на мнѣ отразилось. Хотѣлъ провѣрить себя, съ самимъ собой пожить

поближе и поискреннѣе: хотѣлъ къ самому себѣ присмотрѣться и себя узнать, какъ слѣдуетъ. А то въ Петербургѣ, за служебными отношеніями и за обществомъ — исчезаешь, для самого себя стираешься, какъ тебя и нѣтъ. Тамъ незамѣтно, и поневолѣ перестаешь быть, напримѣръ, Андреевымъ, а становишься отраженіемъ извѣстныхъ общественныхъ патенъ и чертъ. Освѣжился — и остался. Хозяинъ теперь.

Андреевъ улыбнулся Аннѣ Павловнѣ, нашедшей, что онъ недурно говоритъ, неглупъ, и интересенъ.

— Я завидую вамъ, м-г Андреевъ. — Вы сьумѣли сдѣлаться деревенскимъ человѣкомъ.

— Деревню я люблю. Только не провинцію. Это совсѣмъ другое. Тутъ я, конечно, согласенъ съ Бѣлинскимъ, что «провинція ужасная вещь».

— Ужасная вещь, повторила за нимъ Бубнова; только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ ужасалась провинція.

Андреевъ засмотрѣлся на дѣвушку, шедшую впереди съ лекаремъ той легкой походкой, которой женщины ходятъ только въ молодости. Ея стройность бросалась въ глаза. Широкая, бѣлая юбка плавно волновалась, и съ какимъ-то дѣвственнымъ достоинствомъ шелестила своимъ шлейфомъ. Видно было, что она безъ корсета, и это придавало ей еще болѣе роскошный видъ. Русыя, двадцатилѣтнія косы тяжело падали назадъ свободно и красиво, безъ сѣтки, безъ украшеній. Простота и искренность ея движеній понравилась Андрееву. Съ лекаремъ она обращалась, какъ съ старымъ знакомымъ.

— О чемъ вы задумались? спросила она лекаря.

— Въ полѣ меня часто пронимаетъ тихая, покойная грусть, та самая, должно быть, русская грусть, что сложила пѣсню о полѣ:

Ужъ ты поле мое
 Поле чистое,
 Ты радольное мое
 Ты широкое,
 Ничего поле не породило,
 Порождало поле
 Часть рапировъ кустъ.

— Поэтически-грустная правда. Ее могло сложить только народное чувство. Проще и сильнѣе нельзя, кажется, высказать своего отношенія къ родному полю. Лиризмъ пѣсни неизмѣненъ, какъ никогда не измѣнится характеръ нашей природы, духъ нашей народности.

Дѣвушка слушала его съ участіемъ и, помолчавъ, замѣтила ему:

— Вы русскій человекъ.

— Мнѣ кажется. А вы иностранка?

— Нѣтъ, нѣтъ, я люблю Россію не меньше вашего.

— Ну, и хорошо. Пора вамъ, будетъ вамъ въ мадамъ Курдюковъ играть, право, въ эту тамбовскую француженку.

Дорога расширилась, и позволила идти всѣмъ рядомъ, чѣмъ и незамедлили воспользоваться. Андреевъ сказалъ своему кучеру ѣхать въ деревню. Тарантасъ уватилъ съ веселымъ колольчиномъ, волоча за колесами тонкую пыль. Анна Павловна, почувствовавъ маленькую усталость, взяла руку лекаря.

Какъ любезный молодой человекъ, Андреевъ обратился къ дѣвушкѣ, срывавшей у дороги полевые цвѣты, мимоходомъ, и очень серьезно. Въ рукахъ у нея пестрѣлъ порядочный букетъ.

— Вы, должно быть, охотница до солнца и до поля, замѣтилъ ей Андреевъ.

— Это, я думаю, по моему лицу видно: цыганка. Я не люблю зонтиковъ и не имѣю вуала, сказала она.

— Большая смѣлость съ вашей стороны.

— Это была бы смѣлость, еслибы я дорожила цвѣтомъ лица.

— Можетъ быть, вы сами знаете, что настоящій вашъ цвѣтъ лица идетъ къ вамъ.

— Я въ этомъ не убѣждена.

— Стало, вы къ себѣ равнодушны?

— Въ этомъ, и подобныхъ отношеніяхъ равнодушна.

— Вы хотите сказать, что вы «не барышня»?

Она внимательно на него взглянула.

— Вы чтó же такое называете «барышней»? спросила она.

— Существо плотоядное, весело объяснилъ за него лекарь:— боится загару и всего, чтó «неприлично» барышнѣ, продается на пуды...

Дѣвушка и Анна Павловна засмѣялись, а лекарь захохоталъ.

— Какія вы глупости говорите, сказала Анна Павловна. Вѣра сорвала василѣтъ.

— Вотъ вы всегда такъ, заступился пріятель за лекаря:— скажешь правду— глупость по вашему.

— Правда хороша, но она требуетъ... Анна Павловна затруднялась словомъ:— требуетъ...

— Вѣшняго приличія, чтó ли? подсказалъ лекарь.

— Да. Какъ это вы сказали: продается на пуды.

Всѣ смѣялись.

Какъ просѣла, вилась дорога въ густой ржи. Буйная рожь, сильно перепутанная недавней бурей и прилегшая отъ ливня,

золотистыми волнами припала къ дорогѣ, роняя подъ ноги тяжелые колосья. Вправо и влѣво, на огромное пространство, уходили неподвижныя, будто вдругъ оставшія въ своемъ разливѣ волны. Вдали сбѣгали синѣющійся гѣсъ.

— Знаете, какъ народъ называетъ такую дорогу? спросилъ Андреевъ дѣвушку, указывая на блестящія полосы.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ремённою. Не правда-ли, метко?

— Очень. Какъ все, что народъ называетъ. Это умный старикъ.

— Народъ старикъ?

— Да. Онъ опытенъ, какъ старикъ.

Тучная послѣ дождя, дорога весело блестяла противъ солнца, длинными, перекрещивавшимися ремнями.

По обѣ стороны дороги темнѣлся сильно-пахнущій конопляникъ. Подальше блестяла рѣка, надъ которой, темной курчавой шапкой гѣсъ нависъ. За соломенными крестьянскими дворами бѣлѣлась церковь.

— Запахъ конопли, сказала дѣвушка Андрееву, оставши нѣсколько, чтобы сорвать цвѣтокъ: — дѣтство мнѣ напоминаетъ.

— Вы его въ деревнѣ провели?

— Въ деревнѣ: спрячешься отъ няньки въ темную гущу, и рада, и страшно. Глянешь вверхъ, чуть-чуть качаются махры, а внизу цѣлый гѣсъ; все ровные, свѣтлые стволы. Острѣ пахнутъ. Я воображала себя не въ конопляникѣ, а въ чащѣ красиваго пальмовника, въ далекой странѣ, о которой читала...

Андреевъ съ удовольствіемъ ее слушалъ, и съ удовольствіемъ глядѣлъ на ея круглое лицо, если не грустное, то задумчиво-довѣрчивое. Большіе голубые глаза серьезно смотрѣли даже тогда, когда улыбались. Онъ не встрѣчалъ еще женскаго взгляда серьезнѣе и глубже. Подъ сивозившей кисейной пелеринной, скромно блестяла розоватая, упорная грудь; просторная, круглая улыбка ея была аппетитная, добрая. Здоровый загаръ блестялъ жаркой краской спѣлаго персика съ мягкимъ отливомъ, дѣлалась жарче посреднѣй цвѣтъ. Хорошенькій носъ придавалъ ей смышленное выраженіе.

Встрѣтивъ его оживившіяся и ободравшія ея взглядъ, дѣвушка немного сконфузилась и замолчала.

— Я тоже люблю свое дѣтство и, вообще, молодость, сказала Андреевъ.—Честная, несконверканная молодость, по моему, выше всего. Она паставляетъ и укрѣпляетъ. Встрѣтившись съ такой молодостью, и понимаешь, какъ много утеряно своего молодого, хорошаго. Слишкомъ свою молодость начинаетъ оглядываться на

самое себя и недоувѣряетъ себѣ. За этимъ недоувѣріемъ конецъ ея; за ней идетъ вторая молодость, далеко не такая полная и честная; эта ужъ меньше вноситъ въ жизнь своего, чѣмъ первая вносила; напротивъ, беретъ у жизни больше, чѣмъ та брала.

Андреевъ говорилъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ не всегда говорится. Эта спокойная, серьезная дѣвушка, чудесный закатъ и тихій вечеръ наводили его на свѣтлыя воспоминанія, сулили ему надежды, радость. Раскинувшаяся окрестность, казалось, обнимала всѣхъ этихъ людей широкими, родственными объятіями.

— Вотъ и Луговое наше, сказала Бубнова Андрееву.—Прошу любить и жаловать. Не правда-ли, мы порядочные ходоки съ Вѣрой. Версты за двѣ отошли.

— Не меньше.

Открылась барская усадьба, разметавшаяся по широкому выгону съ чисто-русской размашистостью.

Большой деревянный домъ съ антресолями и высокими крыльцами глядѣлъ угрюмымъ старикомъ. Когда-то, по шелѣвѣ, онъ былъ выкрашенъ банареечной краской съ бѣлыми колонками между окопъ и бѣлымъ карнизомъ. Только краски почти смылись, за то желѣзная крыша блестѣла зеленой краской. Толстая ограда съ осипавшейся штукатуркой и кое-гдѣ вывалившимися кирпичами, отдѣляла господскій дворъ отъ выгона. Алебастровые львы съ отбитыми рылами мрачно лежали на неуклюжихъ столбахъ. Посрединѣ двора кругъ изъ подстриженныхъ акацій. Убитая щебнемъ дорога вела къ дому.

— Миѣ этотъ старый домъ напоминаетъ «старыя хоромы» Некрасова, замѣтила Андрееву Анна Павловна.

— Почему же это? вмѣшался лекарь, пожелавшій точнѣе понять смыслъ ея словъ.

— Некрасовъ какъ будто списалъ съ прошедшаго видѣ именно этихъ вотъ старыхъ хоромъ.

Лекарь съ насмѣшливой улыбкой ждалъ, что вотъ вдовушка собьется на извѣстный тонъ свой противъ старины.

— Вы, вообще, недоброжелательно относитесь ко всякаго рода старинѣ, замѣтилъ онъ ей:—начиная со старика и кончая старымъ платьемъ.

— Послушайте, докторъ, вѣдь вы миѣ, кажется, дерзости говорите, сказала она ему очень весело, и улыбнулась Андрееву, какъ улыбаются хорошенькія, бадованныя женщины, вызывающія къ себѣ участіе.

— Иначе, какъ критически, нельзя относиться къ старой русской жизни, вступился Андреевъ.

Лекарь взглянулъ на него, какъ-бы приглашая его развить свою мысль.

— Я самъ ненавижу старую русскую жизнь, продолжалъ Андреевъ. — Въ ней начала тѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыми страдаемъ мы, нынѣшніе. Во всякой фамиліи легендѣ, вашей ли, моей ли, чьей бы то ни было—я не вижу ничего, не только сноснаго, ничего извинительнаго. Безобразіе правовъ, отсутствіе человѣческаго достоинства, ну, ничего отраднаго.

— Охота вамъ останавливаться на однѣхъ черныхъ сторонахъ старой жизни. Отсюда ваше неудовольствіе на нее, ваша несправедливость къ ней. Если она кажется вамъ сверной съ вашей точки зрѣнія, то для предковъ она не такой казалась.

— Не отставивайте предковъ, не стойте, горячился Андреевъ. — Я ихъ никакъ не могу оправдать.

— Очень имъ нужно ваше оправданіе или обвиненіе. Они жили—вотъ ихъ оправданіе; они сдѣлали, что умѣли, что могли, что хотѣли—вотъ ихъ сила.

— Они ничего не сдѣлали для насъ, подхватила Анна Павловна: — ничего.

— Все же больше сдѣлали для насъ, чѣмъ мы для нихъ. Мы и для себя-то ничего не сдѣлали. Северные предки оставили намъ чистенькія имѣнія, мы ихъ въ Опекунскомъ совѣтѣ заложили. И заложили-то для чего—на вздоръ, на тряпки.

— А они что сдѣлали? Анна Павловна не хотѣла уступить лекарю поля.

Лекарь показалъ рукой на старый домъ, на темный лѣсъ, на старинную церковь, на широкую усадьбу, и сказалъ:

— Богъ что они сдѣлали. Построили эти ненавистныя вамъ хоромы, въ которыхъ вы живете; эту церковь, возлѣ которой можете волю належаться, когда умрете. Они сберегли для васъ сотни десятинъ лѣсу. А мы увеличили предковскія имѣнія? намъ не до этого. Мы только бранимъ предковъ, что мало оставили, что мужики были, эгоисты. Жить, значить быть эгонстомъ.

— Это нѣсколько феѣрбаховское убѣжденіе, замѣтилъ Андреевъ.

— Обвинять предковъ, что они не такъ жили и думали, какъ мы живемъ и думаемъ, это, по моему, одно и то же, что, напримѣръ, деревню обвинять въ томъ, что она деревня, говорилъ лекарь, увлекаясь. — Гдѣ же историческое развитіе? жертвы не оправдываются, и вали на нихъ и ихнее и свое.

Стали подниматься на высокое старинное крыльцо.

— Вы не можете себѣ представить. м-г Андреевъ, какъ мнѣ надоѣли эти глупыя крыльца, обратилась Бубнова къ гостю, какъ-

бы извиняясь передъ нимъ за высоту крыльца.—Пожалуй, не взойдете съ непривычки.

— А петербургскія-то лѣстницы, я по нимъ побѣгалъ-таки, замѣтилъ Андреевъ.

— Не дождусь, когда я передѣлаю домъ. Невидаль нынче. Бубнова легко подымалась, приподнявъ спереди платье и обнаруживъ маленькую ногу въ щегольскомъ башмачкѣ. Напротивъ, Вѣра Николаевна все оглядывалась назадъ, на свое платье съ весьма скромной цѣлью.

На крыльцѣ лекарь вытеръ себѣ платкомъ мокрое лицо и шею, указывая глазами Андрееву на барскую усадьбу, сказалъ:

— Чего вамъ отъ Бога надо? Хорошо—дай хуже. Помѣдичьи легенды васъ смущаютъ тамъ, эманципироваться желаете отъ своего прошлаго. Ну, хорошо, эманципируйтесь. Только что же вы поставите позади себя, вмѣсто вашихъ кровныхъ и сословныхъ преданій? Бурсаковщину. Экъ, красиво, подумаешь, вспоминать! Дѣти мы.

Вошли въ домъ.

V.

Комнаты вполне соответствовали наружности стараго дома. Передняя мрачная, просторная, съ кониками кругомъ, расписанная туземнымъ *Вато ал фреско*. Залъ огромный, съ хорами для музыкантовъ, съ паркетомъ и тоже пестро разрисованный, мѣбель старинная.

Но гостиная Анны Павловны оказалась вполне достойной ея современныхъ вкусовъ. Мягкая мѣбель утонченныхъ фасоновъ, все блѣдный орѣхъ, нелакированный, матовые колпаки изящныхъ карселей, бананъ, роскошный кринъ, стройная юбка, огромный англійскій коверъ изъ угла въ уголь. Яхонтовые обои подъ цвѣтъ мѣбели и гардинъ. Хорошая копія съ Моллерова поцалул, въ жаркомъ освѣщеніи. На столахъ книги и книжки въ золоченыхъ переплетахъ; дорогія и изящныя бездѣлицы, безъ сомнѣнія, отъ Рабона, роаль Эрара и пр. Ко всему этому такъ подходила изящная Анна Павловна, какъ необходимое дополнение, какъ вѣнецъ этой гостиной.

Она опустилась на мягкій диванчикъ, и самой безпечной изъ женскихъ улыбокъ, открывшей бѣлые зубы и лѣстившей Андрееву, пригласила его сѣсть. Онъ незамедлилъ сѣсть и съ удовольствіемъ почувствовалъ себя прикрытымъ ея широкой юбкой. Она показала ему здѣсь, въ своемъ салонѣ, болѣе у себя, чѣмъ въ своемъ полѣ.

— Вы не знали моего покойнаго мужа? спросила она его.

— Нѣтъ.

— Прекрасный былъ человекъ. Она вздохнула, и взглянула на потолокъ.—Онъ былъ гораздо старше меня, по крайней мѣрѣ—двое. Но мы были очень дружны, очень. Я звала его папашей. Не правда ли, оригинальное имя для мужа?

— И обидное. Андреевъ смѣялся скромно.

— А ргоров, какого вы мнѣнія о дружбѣ?

— Сама по себѣ вещь хорошая, но въ иныхъ отношеніяхъ я не удовольствовалась бы одной дружбой.

Анна Павловна грустно улыбнулась и, разсѣянно играя лорнеткой, тихо сказала:

— Многие въ жизни мы дѣлаемъ противъ нашей воли. Бываютъ тяжелыя жертвы... тяжелыя... Все же, мужъ мой оставилъ по себѣ самое покойное воспоминаніе. И, нѣтъ худа безъ добра, я сохранила способность къ чувству, можетъ быть потому, что не знала еще чувства.

Анна Павловна говорила съ той кокетливой увѣренностью, которая скрашиваетъ хорошенькую женщину. Она помолчала ровно на столько, на сколько это было ей къ лицу, понтересничала маленькимъ раздумьемъ и съ свѣтской легкостью возобновила разговоръ.

— Вы все-таки не объяснили мнѣ свой взглядъ на дружбу? сказала она:—вѣдь въ ней есть и отрицательная сторона.

— Въ дружбѣ? Андреевъ ждалъ, чтобы она пояснила свою мысль.

— Дружба не даетъ прелести новизны, интереса первыхъ сообщеній.

— Но вѣдь прелесть первыхъ сообщеній въ свою очередь не можетъ дать дружбы?

— Всегда ли пріятна намъ дружба?

— Я васъ не понимаю.

— Я хочу сказать, что дружба тяжела иногда. Она такъ для иначе налагаетъ уже нѣкоторыя обязанности. Мнѣ кажется, свободного общенія не даетъ дружба.

— Такъ это не дружба. Дружба-то тѣмъ и хороша, что свободна.

— Можетъ быть. Сознаюсь, я люблю разнообразіе.

— Неудивительно: вы женщина.

— Вы, можетъ быть, подъ разнообразіемъ предполагаете непостоянство?

— Немножко.

— Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь.

— Это удѣлъ человека.

— Женщина только тогда непостоянна, когда не любить. Это, право, извинительное непостоянство. Впрочемъ, у васъ, messieurs, есть много словъ, которыми вы неточно опредѣляете свое понятіе о женщинѣ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, слово «кокетка». По моему, сказать «кокетка» все равно, что сказать: «пріятная женщина».

— И согласитесь, что мы, мужчины, охотно смѣшиваемъ слова «кокетка» и «пріятная женщина», если кокетка намъ нравится, разумѣется, но вы, mesdames, вы сами...

— Не говорите мнѣ о женскомъ мнѣніи, потому что я женщина и никогда не подчинюсь ему, какъ завистливому и мелочному. Женское порицаніе посягаетъ только на женское достоинство, а женская похвала касается только посредственности въ женщинѣ.

— Это, кажется, такъ. Въ такомъ случаѣ вы не должны имѣть много друзей въ женщинахъ?

— Ни одной.

— А между мужчинами много?

— Можетъ быть.

Анна Павловна скромно опустила глаза, но видѣла, что Андреевъ ею любитъся.

— Какое же мужское общество предпочитаете вы?

— Гдѣ мнѣ весело, гдѣ меня кто нибудь интересуешь.

— Это слишкомъ общее мѣсто.

— Извольте, перехожу къ частностямъ. Въ послѣднюю петербургскую зиму мнѣ было очень пріятно общество, въ которомъ я встрѣчала одного артиста.

— Это случается, интересный народъ.

— Сколько въ немъ таялось этого feu sacré! какъ онъ изощренно понималъ, какъ пѣлъ! говорила Анна Павловна, увлекаясь воспоминаніемъ:—у него былъ тепое ledjere.

— Одинъ вечеръ онъ былъ особенно поэтически настроенъ и объяснялъ мнѣ впечатлѣніе, которое сдѣлала на него статуя Прадѣ—Сафо, въ то мгновеніе, когда она импровизуетъ свою оду, составленную изъ вздоховъ и лобзаній. Не правда ли, хорошо сказалъ? милый.

— Эти артисты счастливый народъ, замѣтилъ Андреевъ.—Имъ легко даются сближенія съ женщинами, ихъ любятъ женщины.

— Это понятно. Если вы считаете насъ прекрасней половинной своей, тонкими цѣнителями красоты, то какъ же мы можемъ быть глухими и слѣпными къ лучшимъ чувствамъ и лучшимъ идеаламъ, которые предлагаютъ намъ артисты по праву своихъ из-

бранныхъ натуръ. Избранное стремится къ избранному. Анна Павловна засмѣялась.—Къ тому же, согласитесь, что жизнь артиста—это постоянная борьба духа съ обстоятельствами. Сколько тутъ драматизма часто! Видишь въ артистѣ жертву несправедливой судьбы, а жертвѣ сочувствуетъ женщина.

— Особенно, если у этой жертвы интересная личность, замѣтилъ Андреевъ.

— Этотъ упрекъ оба пола могутъ сдѣлать взаимно, безъ опасенія несправедливости. Да, волоса у него были удивительные, представьте себѣ цѣлый лѣсъ. Онъ носилъ усы и бороду à la Vandyk, это ему очень шло. Бѣлый отложной воротникъ и черный бархатный пиджакъ, очень интересный.

— Вы часто съ нимъ видѣлись?

— Почти ежедневно. Онъ у меня былъ принятъ коротко, и вообще въ нашемъ кружкѣ.

— И легко разстались?

— Не совсѣмъ. Онъ скучалъ послѣ меня, а знаю.

— Отчего же вы его не утѣшили?

— Какъ это?

— Попросто, отчего вы замужъ за него не вышли?

— Это было бы слишкомъ. Не забудьте, что я не артистка. Анна Павловна засмѣялась.—Да и порядочныя женщины въ дѣятельности только увлекаются артистами, а выходятъ за артистовъ только въ романахъ.

— Les femmes ont tué beaucoup d'artistes, et les artistes n'ont jamais tué des femmes, сказалъ Андреевъ.

— Французы вообще метки на опредѣленія женскихъ добродѣтелей, замѣтила не безъ лукавства Анна Павловна.

— Особливо, если эти женскія добродѣтели — грѣшки.

— У насъ съ нимъ случались серьезныя споры. Я разъ нарочно утверждала, что любви нѣтъ. Какъ онъ горячился. Напомнилъ о Пигмалюнѣ, просившемъ Венеру оживить статую красавицы, вышедшую изъ его рукъ, и оживленную взялъ себѣ въ жени.

Подошелъ лекарь, говорившій у роля съ Вѣрой.

— Пигмалюны есть-съ, сказалъ онъ серьезно Аннѣ Павловнѣ.—Современныя Пигмалюны схватываютъ каждый оживленный образъ, въ которомъ полагаютъ свою жизнь. А гдѣ эти оживленные образы. Гдѣ? кто? Кругомъ вообще мраморныя красавицы, а то просто глиняныя, или проще, булки.

— По вогтямъ левъ узнается, шепнула Анна Павловна Андрееву.

Конопельцовъ, не обращая вниманія на ея слова, которыя разслышалъ, отошелъ къ Вѣрѣ, слушавшей разговоръ и глядѣвшей на Андреева.

— Сыграйте-ка, сказала онъ ей: — это лучше переливань изъ пустого въ порожнее.

— Чтò-жь я вамъ сыграю?

— Чтò хотите. Для меня это все равно, лишь бы ваша музыка.

Вѣра сѣла за рояль, и взяла бѣглый аккордъ.

Андреевъ повернулся на своемъ мѣстѣ, и послѣ этого мастерскаго аккорда ждалъ настоящей музыки.

— Моя Вѣра хорошо играетъ, замѣтила ему Анна Павловна, элегантно откинувшись головой на спинку козетки и приготавливаясь слушать. Ея поза могла отчасти напомнить бельэтажные позы слушательницъ итальянской оперы.

Дѣвушка сыграла одну изъ пѣсенъ Мендельсона-Бартольди.

Капризная радость этой высокой музыки, слетающаяся съ капризной грустью и серьезнымъ настроеніемъ — увлекли за собой Конопельцова. Андрееву тоже понятно было, что дѣвушка любить музыку и отдается ей. Онъ у ней слышалъ серьезную школу, чувствовалъ, что это у нея «минута». У кого ихъ нѣтъ, кто играетъ? кто не исполняетъ любящими пьесы съ страстной задумчивостью и иногда съ слезами?

Выраженіе дѣвушки было серьезно и задумчиво. Тонкія брови опустились. Иногда, въ быстрыхъ пассажахъ, нижняя губа закусывалась. Вслѣдъ за послѣдней нотой, она подняла голову и оглянула гостиную.

Всѣ смотрѣли на нее, притихнувъ, и еще слушали со вниманіемъ, полнымъ уваженія. Нахмурясь и скрестя руки, лекарь стоялъ всторонѣ и смотрѣлъ на Вѣру, какъ на какую-то силу. По крайней-мѣрѣ, тагъ поняла его выраженіе Вѣра.

— Отлично! проговорилъ Андреевъ.

— Это *Lieder ohne Worte*, Мендельсона, замѣтила Анна Павловна, не трогаясь въ своей картинной позѣ и для того только, чтобы что-нибудь сказать.

Дѣвушка, не оборачиваясь къ нимъ, продолжала брать глубокіе, медленные аккорды, все еще подъ влияніемъ сыгранной пьесы. Лекарь не трогался, будто боясь выйдти изъ охватившаго его обаянія, и слушалъ ея капризные, выливавшіеся одинъ изъ другого мотивы, пѣвучіе и жалующіеся. Всмотривался въ ея взглядъ, сосредоточенный на клавишахъ, и въ задумчивую улыбку. Тихо, нечувствительно проникала его талантливая, блестящая импровизація. Глубинѣ, спокойствію, грусти и музыкальному огню нельзя было не отвѣчать своей внутренней музыкой. Расширялась передъ лекаремъ его трудовая и мелкая жизнь, и запертая въ тѣлѣ душа просилась къ своей вѣчной жизни, къ вѣч-

ному счастью. Казалось, дѣвушка всѣхъ ихъ забыла. Въ обаяніи звуковъ живыхъ и неповторяющихся, Конопельцовъ слышалъ цѣлый разговоръ сжатый и трогательно-простой. Ему казалось, что эта музыка рассказываетъ то, что у него самого спрятано на днѣ сердца, чего онъ ни за что и никому не рассказалъ бы словами. Онъ убѣжденъ былъ, что такія вещи и такъ невозможно говорить ежедневно. Онъ слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями ея чувства и выраженіемъ лица. Въ музыкѣ онъ старался понять минуту ея настроенія.

Андреевъ попросилъ Вѣру еще сыграть.

Вѣра встала и рѣшительно отошла отъ рояля.

— Послѣ, въ другой разъ, сказала она.

— Когда же это?

— Когда будемъ больше знакомы. Я не привыкла еще играть при васъ. Я вѣдь деревенщина.

— А вы скоро привыкнете къ новому человѣку?

— Не знаю. Это, мнѣ кажется, зависитъ отъ него столько же, сколько отъ меня. На сколько мы сходны или несходны.

— Ты сегодня сыграла отлично, ма сѣге, замѣтила ей Анна Павловна, привлекая ее къ себѣ и цалуя съ экспрессіей.—Я люблю ея музыку, Андрей Васильичъ. У нея большой талантъ.

— Огромный. Андреевъ разсматривалъ дѣвушку съ такимъ пріятнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ на человѣка, превзошедшаго вдругъ всѣ ожиданія.—Вы у кого учились?

Дѣвушка назвала своего учителя, неизвѣстнаго нѣмца-гувернера.

— И вы не были въ Петербургѣ или за границей? спрашивалъ ее Андреевъ, полный неподдѣльнаго участія къ ней.—Не слышали хорошихъ исполнителей?

— Не была и не слышала.

— Вѣра Николаевна только годъ у меня, замѣтила Анна Павловна.— Она безвыѣздно жила въ деревнѣ у своихъ родителей. Представьте себѣ, пропентала Анна Павловна на ухо Андрееву:— въ одинъ мѣсяць оба умерли, отецъ и мать. Я такъ ей рада. Она такая милая.

Вѣра подошла къ лекарю.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ ей.— Какъ вы играете! Мертваго подымите.

— Вы пристрастны къ моей игрѣ. Какимъ вы Наполеономъ стоите.

— Совой, прачушейся въ темный уголъ, поправилъ онъ ее.

— Мнѣ не нравится, когда вы говорите въ такомъ тонѣ.

— Жаль. Другого тона у меня нѣтъ и не будетъ.

— Еслибы я васъ не знала, сказала она, помолчавъ:—я подумала бы, что вы насмѣшникъ.

— Я смѣюсь, не надсмѣхаюсь.

— Зачѣмъ же вѣчно смѣяться?

— Смѣюсь затѣмъ я, что когда случатся Несчастія, и намъ судьба сердито Къ ногамъ подбросить то, что сердцу мило, И что она безжалостно разбила, И будетъ сердце ужъ само разбито, Тогда останется одно — смѣяться».

— Все Гейне?

— Все Гейне. Мой пріятель, вы знаете.

Подали чай. Разговоръ зашелъ о петербургскихъ зимахъ и оказался неистощимымъ въ хорошенькихъ устахъ хозяйки. Она съ видимымъ удовольствіемъ рассказывала объ оживленности и роскоши баловъ.

— Танцы—увлекательная вещь, закончила она:—хотя, я знаю, нашъ почтенный докторъ не совсѣмъ со мной согласенъ въ этомъ.

— Я имѣю свой взглядъ на балъ и на танцы, сказалъ Конопельцовъ.

— Можно его знать? спросилъ Андреевъ.

— На балъ мое внутреннее чувство обижается за это публичное декольте. Голыя руки и болѣе или менѣе открытыя груди, по моему—здѣванье надъ женской скромностью, надъ этой лучшей женской красой. Вѣдь это обнаженіе передъ молодыми и старыми мужчинами — своего рода выставка на продажу себя. Балъ съ своими разорительными претензіями на блескъ и всякую утонченность не можетъ имѣть смысла въ нашей обыденной и вообще недостаточной жизни. Небогатая дѣвушка ходитъ у себя дома, въ чемъ Богъ послалъ, и вдругъ является на балъ бабочкой, сквозная, недоступно-широкая, великолѣпная. И это иногда при тридцати градусахъ мороза. Что мудренаго, если наша женщина хилая. Упадокъ ея здоровья составляетъ повсемѣстный вопросъ медицины.

— Но танцы развиваютъ грацію, замѣтилъ Андреевъ.

— Балетъ для этого. Тамъ женская грація доведена до совершенства. Туда и ступай любитель этого рода женской граціи. Тамъ онъ найдетъ присяжныхъ ея почитателей: старичковъ-генераловъ военныхъ и статскихъ, восточныхъ посланниковъ и ремонтѣровъ.

— Посмотрите, наконецъ, на танцы, какъ на гимнастику, полезную здоровью, замѣтилъ Андреевъ.

— Безконечная мазурка въ корсетѣ не прибавитъ здоровья, возразилъ Конопельцовъ.

— Не трогайте мазурки, докторъ! Анна Павловна погрозила ему пальчикомъ. — Мазурка — это упоеніе, поэзія...

— У насъ вовсе нѣтъ мазурки. Мы ее не понимаемъ; она у насъ выходитъ не живая, задорная, съ огнемъ, какъ у поляковъ, а выходитъ у насъ какая-то мазурка Шопена, грустная, жалѣющая. Смотришь, тащить молодецъ даму изъ угла въ уголъ — и думаешь: по казенной надобности спѣшить съ «будущимъ» туда и обратно.

Всѣ засмѣялись.

— Докторъ любитъ говорить парадоксально, замѣтила хозяйка Андрееву.

— Строгий критикъ, отвѣтилъ этотъ.

VI.

Конопельцовъ только улыбался, насмѣшливо и не безъ раздраженія.

— Сила женщины не балъ, сказалъ онъ:—а семья — домашнее счастье. Ж.-П. Рихтеръ, совѣтуя приучить дѣвушку съ нѣжнаго возраста къ домашнимъ занятіямъ, говоритъ: «Облажайте землю корень, которымъ питается это нѣжное растение; только берегитесь, чтобы земля не попала въ его чашечку».

Конопельцовъ сказалъ это Вѣрѣ, слушавшей его очень внимательно, и не торопился отвести съ дѣвушки глазъ.

Ея лицо казалось ему симпатичнымъ своею простотою и своимъ чисто-русскимъ характеромъ. Такого лица онъ ни за что не промѣнялъ бы на высшую красоту; съ этой высокой красотой онъ готовъ былъ охотнѣе встрѣтиться въ картинахъ. По его убѣжденію, такая красота не подходитъ къ нашей русской жизни, особенно къ жизни небольшой, стѣсненной рѣшительно во всемъ. Ему казалось всегда страннымъ сознавать себя въ постоянномъ присутствіи идеальной красоты въ домашнемъ, будничномъ общеніи съ ней. Она, казалось ему, утомила бы его своею безусловной, строгой чистотой. «Богъ съ ней съ этой классической красотой», думалъ, бывало, лекаръ, какъ только касался этого предмета. «Ей надо синее небо, давай ей изящные портики на мраморныхъ колонахъ, жаръ и нѣгу южную. Ей, право, неприлично въ нашихъ деревянныхъ домахъ, часто подъ соломой. Къ нашему сѣроватому небу гораздо лучше подходятъ наши простыя, добрыя лица. И изъ всѣхъ этихъ лицъ, ни съ однимъ не сравнилъ бы лекаръ вѣрочкинова лица съ его живымъ, участливымъ выраженіемъ, съ спокойствіемъ глубокой и нѣжной души.

Заговорили о женскомъ вопросѣ, потомъ сбились на женщинъ-писательницъ, особенно о мисъ Бронте и о мисъ Эвансъ говорили.

Хозяйка объявила себя отчаянной жоржъ-зандисткой.

— На словахъ только, замѣтилъ ей лекаръ съ своей рѣзкостью.

Анна Павловна весело разсмѣялась.

— Вамъ я не отвѣчу, сказала она доктору: — но васъ, Андрей Василчъ, я спрошу, что значитъ ваша гримаса?

— Я давно не читаю Жоржъ-Занда.

— Отчего?

— Она производитъ на меня утомляющее впечатлѣніе, разслабляющее. Это поэзія какого-то заблужденія, какихъ-то младенческихъ сновъ. Это самоотверженіе и прощеніе слабости. Страдать и уступать во всемъ влеченіямъ сердца — вотъ ея доктрина.

— Развѣ это не высшая доктрина?

— Можетъ быть, и высшая, но время Жоржъ-Занда прошло для насъ, проникнутыхъ реализмомъ, односторонна хандращая идея, исключаящая все, кромѣ жизни души. Сознаніе Джоржа Эллиотъ гораздо сильнѣе и къ намъ ближе. Это поэзія правды, это самоотверженіе силы. Бороться за жизнь — вотъ ея доктрина.

— Согласитесь, что въ Жоржъ-Зандѣ бьется безконечно любящая душа, всепрощающая, страдающая отъ жизненныхъ оковъ. Въ энергическихъ слезахъ и задумчивыхъ жалобахъ сила, а не слабость, правда, а не заблужденіе. Тонкая способность Занда чувствовать, по моему, никогда не состарится и поймется женщиной другихъ поколѣній.

— Это такъ, сказалъ Андреевъ. — Но вѣдь въ современномъ обществѣ не найдется, на примѣръ, Октавіи, преклоняющейся предъ нравственной силой какого нибудь Жака. Напротивъ, наша Октавіа найдетъ, пожалуй, эту силу безсиіемъ. Впрочемъ, и Жаки теперь немислимы, и Господь съ ними.

— Это почему?

— Яснѣе, какъ и всѣ зандовскіе мужскіе идеалы, совершенно бѣденъ гражданскими сторонами. Ихъ у него вовсе нѣтъ.

— Какое дѣло Жоржъ-Занду до вашей политики, когда задача ея психологія? — Анна Павловна разгорѣлась, говорила съ увлеченіемъ и стояла, чтобы Андреевъ любовался ею въ эту минуту. — Что-жъ до того, что въ наше время не найдется Октавіи, то позвольте вамъ не вѣрить. — Я нѣмнѣшняя женщина,

но я не вигилистка, не Кувшина, и явись Ясque — я полюбила бы его.

— Что вы скажете на это, докторъ? Андреевъ улыбнулся ему.

— Что о вкусахъ не спорять, и что, по моему, нѣтъ женскаго идеала выше англійской женщины. Эти мисъ Флой, Гетти, Дилианъ, Мегги — чаруютъ меня глубиной своей и простотой. Сила образованной англичанки въ гармоніи съ ея жизнью. Примиреніе, наставленіе, поддержка, любовь — все въ ней.

— Да, сказалъ Андреевъ. — Бывши въ Англии, я убѣдился, что красоту женщины создала природа столько же, сколько и цивилизація. Англійская литература нисколько не идеализировала своихъ женщинъ. Я вѣрю въ черномазую Сисси Даяль и въ Рахиль, въ эту милую представительницу англійской домашней жизни Home life, блага, которое понималъ еще Уордсвортъ... Да, красавицы рѣдки въ обществѣ, мало выдвинувшемся, а въ Англии на каждомъ шагу.

Послѣднія слова Андреевъ обратилъ къ Вѣрѣ Николаевнѣ, подсѣвшей съ своей работой. Она нагнулась надъ шитьемъ и старательно строчила.

— Я давно не слыхалъ музыки, тихо сказалъ ей молодой человекъ: — и сегодня вполне вознагражденъ за это.

Она ничего не сказала.

— Сколько у насъ, на Руси, талантовъ всякихъ, продолжалъ онъ, съ удовольствіемъ глядя на хорошенькую голову дѣвушки и съ удовольствіемъ слыша, что Анна Павловна вошла въ споръ съ лекаремъ, позволяющій ему заняться дѣвушкой: — и, большей частью, таланты наши не развиваются, гибнутъ.

— Отчего же гибнутъ? спросила она, поднимая голову. — Отчасти отъ самихъ насъ зависитъ развитіе нашего таланта.

— Только отчасти. У васъ вотъ талантъ, большой, прекрасный. Выйдете сегодня замужъ, завтра бросите играть. Всѣ такъ дѣлаютъ.

— Я думаю, такъ дѣлаютъ тѣ, у которыхъ музыка или другое любимое искусство не составляло никогда серьезнаго содержанія, сильной внутренней потребности. Талантъ, какой бы то ни былъ, если только онъ въ насъ, не можетъ не беспокоить насъ, не можетъ не увлекать насъ за собой, не выразить себя...

— Но ему много вредныхъ препятствій, особенно таланту небогатой семейной женщины.

— Бѣдность и занятія семейныя могутъ только стѣснить, но не уничтожить талантъ, сказала дѣвушка съ убѣжденіемъ. — Это говорить исторія таланта.

— Но, согласитесь, только сила пробьется у насъ сквозь эту

заколдованную стѣну всякихъ препятствій. Посредственности нѣтъ хода...

— И прекрасно. Въ посредственности нѣтъ силы.

Андреевъ слушалъ ее съ большимъ удовольствіемъ.

— Приятно слушать такія убѣжденія, сказалъ онъ.— Скажите, что вы намѣрены дѣлать съ своей музыкой?

— Я чувствую ея слабость и хотѣла бы основательно заняться съ хорошимъ музыкантомъ. Не думайте, чтобы я рассчитывала сдѣлаться знаменитой пьянисткой. Дѣло гораздо проще: я бѣдная дѣвушка и должна имѣть въ себѣ какойнибудь личный ресурсъ. Я не имѣю институтскаго диплома, который даетъ право занять мѣсто гувернантки въ частномъ семействѣ, или класной дамы въ женскомъ заведеніи. Я хотѣла бы имѣть дипломъ консерваторіи: безъ него, говорятъ, трудно имѣть мѣсто или уроки.

— Вамъ бы за границу: въ Лейпцигъ, къ Мошелесу.

Дѣвушка остановила на Андреевѣ свои большіе синіе глаза и помолчала.

— У меня всего двѣ тысячи, оставшіяся отъ папѣ, сказала она.— На большее не могу рассчитывать.

— Этого очень достаточно, особливо для Германіи, петоропился онъ успокоить ее.— Желаю вамъ успѣха и не сомнѣваюсь въ немъ. Кажется, вы твердо пойдете къ своей цѣли.

— Если ничто не помѣшаетъ. Она опять нагнулась надъ работою.

— Что жъ можетъ помѣшать?

— Развѣ я знаю. Мало ли что. Она разсмѣлась.

— Замужъ, пожалуй, выйдете.

— Развѣ это препятствіе?

— Разумѣется, если выйдете за господина, который найдетъ вздоромъ и мечтаніемъ ваше желаніе усовершенствоваться въ музыкѣ и вообще.

— За такого господина я не пойду.

— Вы рѣшительная дѣвушка?

— Не знаю. Я себя во многомъ не знаю.

— Потому что многого еще не испытали.

— Можетъ быть, поэтому.

— Я не знаю, такъ ли трудно женщинѣ узнать самое себя, какъ трудно намъ, мужчинамъ, узнать женщину.

— Неужели ее такъ трудно узнать?

— Дѣ. Говорить, чтобы узнать женщину—надо ее полюбить.

Дѣвушка ничего не сказала. За то Анна Павловна не пропустила случая, чтобы не схватиться за такой милый афоризмъ.

— Таковую истину могъ сказать только величайшій знатогъ женскаго сердца, сказала она Андрееву весело, а лекарю съ маленькимъ упрекомъ за мизогинство, въ которомъ она его только что обвиняла.

— Этотъ величайшій знатогъ женскаго сердца не польстилъ женщинѣ, замѣтилъ лекарь съ своей усмѣшкой. — Человѣкъ можетъ любить въ жизни своей одну, много двѣ женщины. Ну, пожалуй, допустимъ три. Слѣдовательно, онъ можетъ узнать только три женщины изъ всѣхъ, встрѣчающихся ему въ жизни и окружающихъ его. Три только! немного!

— Немного, весело согласился съ нимъ Андреевъ.

— Вы страшный толкователь умныхъ афоризмовъ о женщинахъ, докторъ, сказала интересная хозяйка. — Вы насмѣшникъ. Вы вѣчно...

— Подмѣтите въ женщинѣ, чего она не желаетъ, досказалъ Андреевъ.

— Не то. Вы, докторъ, вѣчно выдумываете на женщинѣ.

— Изъ зависти, замѣтилъ лекарь такимъ тономъ, что всѣ, и Анна Павловна, засмѣялись.

— Неисправимый! сказала хозяйка Андрееву, показавъ ему глазами лекаря, какъ-бы жалуясь на него;— все оспариваетъ— что за пагубная привычка. Оспариваетъ даже... какъ бы вы думали, что?

Она кокетливо остановилась на Андреевѣ, играя лорнеткой.

— Ну, отгадайте?

— Плохъ я по этой части, Анна Павловна.

— Оспариваетъ красоту мадамъ Ивановой. Вообразите? называетъ ее фарфоровой куклой, отказываетъ ей въ выраженіи и т. д., говорила хозяйка тономъ, которымъ свѣтская женщина и вступается за свою отсутствующую знакомую, и наводитъ разговоръ на дальнѣйшія о ней подробности.

— Безпокойный человѣкъ, замѣтилъ Андреевъ лекарю, съ веселой серьезностью.

— Я съ вами несогласенъ, докторъ. Иванова — хорошенькая дамочка, хотя и притирается чѣмъ-то въ родѣ раковаго порошка.

Дѣвушка чуть замѣтно улыбнулась надъ своей работой.

— На чемъ же основано ваше подозрѣніе? обставала Иванову хозяйка: — на чемъ?

— На томъ, что со щокъ сыпется.

Андреевъ разсмѣялся.

— Это, конечно, больше ея дѣло, чѣмъ наше.

— Мадамъ Иванова милая женщина, а ее люблю, messieurs,

отстаивала ее хозяйка болѣе, можетъ быть, потому что, какъ извѣстно, маленькое противорѣчіе поддерживаетъ разговоръ.

Лекаръ взглянулъ на дѣвушку. Онъ зналъ, что она чувствовала себя неловко всякій разъ, какъ попадала въ атмосферу женскаго злословья, на видъ не только приличнаго, но даже нѣжничающаго, великодушничашаго. Она сказала ему какъ-то, что и мужское злословіе несносно; но то, по крайней-мѣрѣ, не принимается ничѣмъ, а грубить прямо.

VII.

— Вы, кажется, на меня не сердитесь за это знакомство? сказалъ Конопельцовъ своему новому пріятелю, уже въ тарантасѣ, на возвратномъ пути домой.

— Напротивъ, благодарю васъ, весело сказалъ Андреевъ, и еслибы не толчки и темнота, я пожалъ бы вашу руку, докторъ.

— Избавляю васъ отъ этого безпокойства.

— Съ вдовушкой нескучно, а дѣвушка прелесть, сказалъ Андреевъ.—Хотѣлось бы почаще къ нимъ ѣздить, и боюсь—опасно, пожалуй, полюбишь.

— Вотъ чего испугался! лекаръ засмѣялся, съ улыбкой, которая не понравилась бы молодому человѣку, еслибы онъ могъ ее видѣть.

— Эту дѣвушку не опасно полюбить. Въ ея содержаніи не обманешься, его хватить на цѣлую жизнь и имъ удовлетворится самый требовательный, развитый человѣкъ.

— Да, полноту душевную сейчасъ слышишь, докторъ.

— Она не барышня, тихо, но тепло говорилъ Конопельцовъ:— и безъ экзальтаціи Анны Павловны. Ну, что она, вдовушка-то, интересничала передъ вами высшими стремленіями. Небесная! Небесное-то это хорошо въ женщинѣ, когда оно освѣщаетъ ея жизнь, облагораживаетъ; а у нея это небесное на словахъ только и въ гостинной; за то она не жалѣетъ его тутъ; зная ее, тошно становится слушать; это все равно, что въ чай сахару переложить—приторно. Въ приторной женщинѣ смысла женскаго нѣтъ.

— Вы и ночью такой же злой, какъ днемъ, докторъ.

— По моему, продолжалъ Конопельцовъ, не обращая вниманія на замѣчаніе пріятеля:— порядочный человѣкъ выше всего поставитъ въ женщинѣ красоту нравственныхъ требованій. Только полюбя эту высшую женскую красоту, мужчина можетъ сдѣлать женщину счастливой. Тѣ же условія и для мужскаго счастья. Не забудьте, я говорю о людяхъ, а не о самцахъ и самкахъ. Для этихъ дѣло гораздо проще, и безъ этой роскоши пони-

манья обойдутся. У нихъ одни только физическіе и денежныя расчеты и, большею частью, не знаютъ на комъ женятся и за кого идутъ замужъ, и жизнь ихъ, разумѣется, кислая или кисло сладкая.

Конопельцовъ глядѣлъ въ черное поле, еле освѣщаемое первой полоской красной зарю.

— О чемъ вы задумались? спросилъ Андреевъ.

— О томъ, что такое счастье? Не можетъ же оно оставаться только одной возможностью, однимъ понятіемъ. Есть же оно на свѣтѣ.

— Противъ какой заповѣди грѣшите, докторъ? Андреевъ услыхалъ въ тонѣ Конопельцова неудовольствіе на долю.

— Зависть! сказалъ онъ:—можетъ быть. Завидовать, вѣдь значитъ понимать. Я не завидую, я понимаю. Я, напримѣръ, понимаю, что северная вещь бѣдность.

— Бѣдность не порокъ, весело замѣтилъ Андреевъ.

— Это было сказано въ золотой вѣкъ Аркадіи. Послѣ того принуждены были сознаться, что «бѣдность не порокъ, но и не добродѣтель», а нынче говорятъ: «бѣдность есть порокъ». Да-съ. Можетъ быть, гдѣ нибудь тамъ, подалеже, за морями, гдѣ образованія больше, она ничего себѣ. Но у насъ, въ Россіи, бѣдность—позоръ, униженіе, преступленіе; тина все всасывающая; взломаешь человѣка, сотреть въ тряпку.

— Жизнь устроена ужъ изъ противорѣчія человѣка и обстоятельство, замѣтилъ Андреевъ.

— Желалъ бы я, чтобы вы объяснили мнѣ нынѣ противорѣчія...

Молчали.

— Миѣ сорокъ лѣтъ, сказалъ лекарь:—я считаю себя чловѣкомъ не совсѣмъ глупымъ, и не могу сказать, что такое счастье. Выдумалъ себѣ чловѣкъ разныя умозрительныя опредѣленія и старается ими руководить свою мысль и поддержать ими свои нравственныя шатанія. Такимъ образомъ я увѣренъ, что въ погонѣ за счастьемъ—нѣтъ счастья, что оно возможно въ самомъ себѣ да возлѣ себя, что мудрить съ нимъ опасно. Я съ нимъ и не мудрю. Но я его не чувствую ни въ себѣ, ни возлѣ себя. Виновать я, разумѣется: чловѣкъ долженъ быть кузнецомъ своего счастья. Ну, прежде, молоде, пускай тянулся тамъ къ призраку. Слава-богу, совершеннѣйшій, жизнь хоть кого выправить, призракъ объяснился, а не живетъ. Бѣгаешь, лжешь изъ-за грошовой жизни; а иной разъ съ головой бы нырнулъ въ тишь, въ безлюдье. Да и они не мон.

Въ словахъ лекаря Андреевъ не могъ не слышать разлада,

неполногу душевную, словно ему не дано его собственнаго, его человѣческаго.

— Меньше требованій—больше счастья, сказала Андреевъ.— Человѣкъ, заботящійся только о себѣ и о близкихъ, право, счастливѣе человѣка, который, какъ нынче говорятъ, «оперируетъ надъ жизнію». Всякому свое.

— Печальное утѣшеніе. Лекарь засмѣлся.

— На чорта имъ человѣкъ, «оперирующий надъ жизнію»? заговорилъ онъ жолчно.—Въ этомъ обществѣ все цѣло, никакихъ вопросовъ, никакихъ стремленій. Какія въ немъ стороны разработаны? Порядочному человѣку въ немъ дѣлать нечего. Они другъ друга не терпятъ. Знаете ли вы, какъ трудно держаться порядочному человѣку въ уѣздномъ городѣ? Здѣсь не нужно ни ума, ни души, ни образованія. Здѣсь все опредѣляется аршиномъ, мѣрой и вѣсомъ. Завелся у нихъ человѣкъ, маломальски неподходящій къ нимъ, плохы! кричатъ.

— Вы строго смотрите на жизнь, докторъ, замѣтилъ Андреевъ.—Одна изъ серьезныхъ причинъ нашего неудовлетворенія заключается не въ жизни, а въ томъ, что мы смѣшиваемъ понятія и, обыкновенно, называемъ наши отношенія къ людямъ и наши неудовольствія не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Отсюда и преувеличиваніе нашихъ огорченій...

— Преувеличиваніе! Лекарь больше не возражалъ.

Андреевъ вернулся домой въ очень хорошемъ расположеніи, что сейчасъ же замѣтилъ его щеголеватый камердянеръ Парфентій, высадившій ихъ изъ тарантаса.

— Все у тебя благополучно, Парфентій Ѳеодорычъ? спросилъ баринъ.

— Благополучно все-съ.

Проходя передней, Андреевъ фамильярно положилъ руку на плечо лакея и сказалъ лекарю:

— Ходобъ по женской части.

Парфентій весело смѣлся.

— Не хочеть жениться; такъ, говоритъ, вольготнѣй.

— Что изволите приставлять обо мнѣ доктору, скромничаль Парфентій.—Они, пожалуй, повѣрятъ.

— Шутъ. Андреевъ потрениалъ его по полной щекѣ:—нѣшто не такъ?

Въ дверяхъ залы Андреевъ, подъ-руку съ лекаремъ, остановился и обернулся.

— Смотри же, братецъ, Алексѣю Алексѣичу угольную комнату, а все...

— Будьте покойны-съ.

Т. СЛXVI. — Отд. I.

1/425

— Я точно за нимъ покоенъ, сказала Андреевъ доктору, въ кабинетѣ, затопленномъ ярымъ, только что поднявшимся солнцемъ.

— Онъ у меня и камердинеръ, и метръ д'отель. Мажордомская должность, какъ и по исторіи видно, высшая въ штатѣ. У Парфентія въ рукахъ судьбы пыли, паутины, стаканы и самовары.

Конопельцовъ разсѣянно его слушалъ, помѣстясь на свое кресло, у раскрытаго окна.

Андреевъ происходилъ отъ «столбовныхъ» дворянъ. Въ дѣтствѣ, за нимъ, вмѣсто иностранныхъ гувернёровъ, ходилъ крѣпостной дядьба, старичокъ бѣлый какъ лунь, и румяный какъ яблоко, въ длинномъ сюртукѣ изъ домашняго сукна. Звали его Зиновиемъ. Любилъ онъ пѣвчихъ птицъ и держалъ въ своей камеркѣ клѣтки съ щеглами и соловьями. Бережно надѣвалъ и снималъ свою высокую старинную шапку изъ черной собачки, которую находилъ удобнымъ носить лѣто и зиму. Бережно выспалъ изъ своего платка, клѣтчатаго и въ табачныхъ пятнахъ, конопляное сѣмя, или прусаковъ для своихъ «птенцовъ». Все дѣлалъ онъ чрезвычайно бережно, а изъ чищенія господскаго платья выходило у него просто таинство. Въ извѣстный часъ утра, слыша перхоту стараго дядьки, Андрюша зналъ, что онъ войдетъ сейчасъ къ нему, приподыметъ одѣяло, пощекочетъ патки и скажетъ свое неизмѣнное: «здравствуйте, господа, и я пришелъ въ вамъ сюда». Или: «человѣкъ російскій принесъ вамъ поклонъ низкій». И слышитъ затѣмъ Андрюша, какъ дядька увѣряетъ его, конечно, къ его стыду: «започивалъ мой молодой баринъ, започивалъ». Андрюша раскрываетъ глаза. Жаркое утро бьетъ въ столбъ радужной, колеблющейся пыли. «Хорошо тутъ моему Андрею Василичу продолжаетъ очень сочувственно старикъ. — Главная причина мухъ нѣтъ. Я ихъ съ вечера въ окно подушкой выгналъ». Но тутъ кашель безжалостно душитъ старика. Справясь, наконецъ, съ кашлемъ, дядьба подстреваетъ питомца на дневные подвиги.

— Эхъ-мъ, говоритъ онъ, поздняя птичка глаза протираетъ, а ранняя птичка носокъ прочищаетъ. Вѣдь съ утра яблочки обираютъ.

И вскакивалъ Андрюша, а яблокъ никакихъ не обирали.

Росъ онъ больше за глазами, предоставленный, когда надо было, гувернёру, а то самому себѣ и людямъ. Въ лакейской и дѣвичьей онъ, вообще, пользовался репутаціей «простого барина» и, несмотря на свой задоръ въ играхъ съ ребятами, былъ любимъ. Сердце у него было доброе. Отдали его въ гимназію; изъ гимназіи пошелъ онъ въ университетъ, не совсѣмъ,

впрочемъ, охотно. Въ университетѣ онъ благоденствовалъ, какъ и вездѣ. У него были четыре комнаты, кухня, поварь и лакей, знакомый намъ Парфентій. Квартира его украсилась коврами, драпри и лампой. Собирался выписывать *свой* журналъ, да раздумалъ, найдя, что некогда ему читать за лекціями, которыя онъ пропускаетъ, и за театромъ и маскарадами, которые онъ не пропускалъ. Старикъ-хозяинъ его, какой-то отставной чиновникъ, говорилъ безъ всякой логики. Андреевъ, бывало, спроситъ его о дровахъ, онъ начнетъ о Паскевичѣ. Съ этимъ отвратительнымъ старикашкой мирила Андреева хозяйская дочь, вовсе непротивная брюнетка. Ходили слухи, что привязанность ея неразлучна съ наймомъ квартиры. Она прислала къ квартиранту то за книгой, то узнать, который часъ. Повару Андреева она жаловалась, что баринъ его слишкомъ смиренъ и на студента непохожъ. Потомъ, когда тотъ сталъ въ ея глазахъ походить на студента, разговаривала съ нимъ черезъ двери и записочки ему писала, хотя очень безграмотно. Началъ, впрочемъ, Андреевъ. Онъ написалъ ей *billet doux*, гдѣ объяснилъ, что она покорила его сердце, и просилъ или возратить эту потерю, или, по крайней-мѣрѣ, сдѣлать приличный размѣнъ сердцами. Податель этого билъе-ду, поварь, замѣтилъ, что «должно барыня учоная на записки, схватила ее и спрятала гдѣ слѣдуетъ». Черезъ минуту она прислала своему обожателю вотъ эту записку:

«Андрей Васильевичъ!

«Я не могу понять этого, какъ вамъ дать размѣнъ мое сердце; растолкуйте, какъ это нужно сдѣлать? Я не поѣду на «хуторъ».

На другой день она писала:

«Андрей Васильевичъ. Если вы хотите, то пойдемте посмотрѣть людоѣдовъ, здѣсь недалеко. Если вы не пойдете, то я не пойду. Андрей Васильевичъ, пожалуйста, не показывайте моихъ записокъ».

Далѣе она ему писала:

«Прошу васъ не обманывайте меня, я—не двухлѣтняя. Вы писали, что товарищи не будутъ знать, что я пишу къ вамъ, но вы даже записки пишете при нихъ. Я вовсе не сержусь; но мнѣ нельзя говорить черезъ дверь съ вами. А какъ ставни затворять, можно».

Къ чести этой непротивной брюнетки, когда за нее сватался квартальный, она пожелала напередъ узнать, «не голъ ли онъ въ перчаткахъ?»

Андреевъ держался болѣе веселыхъ, чѣмъ дѣльныхъ студентовъ. Посѣщалъ «Шустеръ» и любилъ маскарадъ. Сначала онъ держался роли сардоническаго наблюдателя человѣческой пошло-

сти, но товарищи тащатъ его въ буфетъ. Оттуда, веселый, онъ натывается на маску, всю запакованную въ клеенку.

Онъ спрашивалъ ее, не отправляютъ ли ее посылкой на почту? Средневъковой пажъ спрашиваетъ Андреева, угадалъ ли онъ его?

— Угадалъ.

— Почему?

— Не напрашивайся на правду, смѣется Андреевъ.

— Почему? добивается пажъ: — почему?

— По ушамъ.

Рыцарю Андреевъ изъявляетъ сожалѣніе, что теперь рыцарствомъ ничего не возьмешь, а напротивъ, и свое проиграешь. Черному домино замѣчаетъ, что оно, вѣроятно, трауръ по этому маскараду. Съ какойнибудь прозрачной маской онъ выдѣлываетъ разныя па болѣе храбро, чѣмъ искусно; такъ что визави и пречія дамы вполне могли оцѣнить его ловкость и несокрушимость тѣхъ частей тѣла, которыя добродушный Поль-де-Ковъ титулуетъ ради приличія «gros-thomas». Изъ маскарада Андреевъ обыкновенно уѣзжалъ съ убѣжденіемъ, что «напрасно думаютъ, будто маска, скрывая лицо, обнажаетъ истину».

Плохое занятіе курсомъ не помѣшало Андрееву выйти кандидатомъ. Нѣкоторое время онъ послужилъ въ Петербургѣ чиновникомъ особыхъ порученій при генерал-губернаторѣ.

В. МАРКОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Вѣроятныя послѣдствія предстоящей войны.—Ея вліяніе на политическія партіи.— Политика императора Наполеона и оксерская рѣчь.— Вѣсти о конгрессѣ.— Положеніе европейскихъ биржъ въ настоящее время.

Среди настоящаго тревожнаго положенія дѣлъ, война кажется единственнымъ исходомъ. Несмотря на заявляемую враждующими сторонами готовность прекратить военныя приготовления, вооруженія продолжаются и приняли такіе огромные размѣры, каковыхъ давно уже не было. Такой ненормальный ходъ дѣлъ отзывается самымъ вреднымъ образомъ на общественномъ благосостояніи. Громадныя капиталы расходуется правительствами непроизводительно, рабочія руки отрываются отъ занятій, сообщенія затрудняются, биржевые курсы падаютъ всюду и даже въ Англіи, непричастной еще военнымъ приготовлениямъ, произошло много банкротствъ. Короче можно сказать, что война, какъ общественное бѣдствіе, уже началась, хотя враги и не успѣли еще помѣраться силами на полѣ битвы.

Самая продолжительность военныхъ приготовленій грозитъ Европѣ упорною, а быть можетъ, и долгою борьбою. Враждующія стороны успѣли усилиться до такой степени, что первыя пораженія не ослабятъ ихъ и не заставятъ тѣмъ самымъ склониться въ миру. Каждая изъ воюющихъ сторонъ будетъ напирать всѣ усилія для того, чтобы ввать рѣшительный перевѣсъ надъ своимъ противникомъ. У всѣхъ будутъ имѣться въ виду, между прочимъ, и понесенныя на военныя приготовления расходы и, слѣдовательно, при этомъ условіи для вооружившихся государствъ будетъ прямымъ расчетомъ вознаграждать сдѣланныя затраты, испытывавъ удачу военнаго счастья до послѣдней крайности.

Нельзя также не имѣть въ виду и тѣхъ причинъ, которыми были вызваны предстоящія нынѣ столкновенія. Война угрожаетъ теперь Европѣ не вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго разлада и

внезапнаго взрыва неудовольствія между кабинетами. Она была подготовлена постепенно, и притомъ въ основаніе ея легли такія условія международныхъ отношеній въ Европѣ, которыя нельзя измѣнить иначе, какъ рѣшительнымъ переломомъ. Интересы европейскихъ кабинетовъ, возбуждающіе въ настоящее время всеобщую тревогу, слишкомъ важны для того, чтобъ можно было разрѣшить ихъ безъ особенныхъ усилій. Если исходомъ нынѣшняго положенія дѣлъ не будетъ рѣшительная борьба, то политическая вражда обратится какъ-бы въ хроническій недугъ, который своею продолжительностію можетъ постепенно истощить силы соперниковъ и даже государствъ, непрічастныхъ прямо ихъ враждѣ, гораздо чувствительнѣе, нежели война съ ея послѣдствіями. Одна Италия тратитъ теперь ежедневно 3,000,000 франковъ на военныя потребности!

Вражда между Австріей и Пруссіей безъ окончательной побѣды, доставшейся на долю одной изъ этихъ соперницъ, будетъ продолжаться попрежнему. Италия, какъ и прежде, будетъ подготавливаться для борьбы съ Австріей за Венецію. Положеніе приданайскихъ княжествъ едва-ли установится окончательно, если Австрія, освободясь отъ предстоящихъ ей ударовъ, почувствуетъ въ себѣ большую силу для поддержки своихъ интересовъ на Дунаѣ, подавнившихъ замѣтному вліянію Пруссіи. Точно такъ же при этомъ условіи замедлится разрѣшеніе венгерскаго вопроса, такъ-какъ австрійское правительство, нетревожимое извнѣ близкою войною, будетъ менѣе податливо на требованія венгерцевъ. Притомъ въ самой Пруссіи, безъ рѣшительнаго перелома во внѣшней политикѣ берлинскаго кабинета, раздоръ между палатою и королевскимъ правительствомъ представляется нескончаемымъ, потому что въ рущности министерство графа Бисмарка желаетъ усилиться внутри страны въ тѣхъ видахъ, чтобъ съ увеличеніемъ военныхъ средствъ Пруссіи, окончательно упрочить за собою первенствующее положеніе въ Германіи. Нельзя забывать, что упомянутый раздоръ и воинствъ прежде всего по поводу военной реформы, предложенной правительствомъ и влонившейся въ развитію могущества Пруссіи по дѣлаемъ внѣшней политикѣ. Трудно также предположить, чтобы до рѣшенія вопроса о томъ, кому принадлежитъ въ Германіи первенство, Австрія или Пруссія?—могла осуществиться реформа въ союзной конституціи. Между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса весьма важно не только для Германіи, но и для Европы вообще, такъ-какъ при настоящей организаціи Германскаго Союза, Германія, подчиняясь вліянію то Пруссіи, то Австріи, не можетъ располагать своею политикою самостоятельно. Обстоятельство это ставитъ два главныхъ вопроса, шлезвиг-голштинскій и венеціанскій, въ нерѣшительное положеніе, такъ-какъ неизвѣстно, чьей стороны будетъ держаться Германскій Союзъ—Австріи или Пруссіи.

Въ связи, хотя и не столь близкой, съ настоящимъ ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, находится и римскій вопросъ.

Нельзя не предвидѣть, что если Италія удастся овладѣть Венеціей, то въ такомъ случаѣ должна будетъ значительно измѣниться политика Франціи въ отношеніи къ папскому престолу. Италія, послѣ окончанія венеціанскаго вопроса, освободится отъ главнаго своего врага—Австріи, и національное единство Италіи будетъ упрочено. При этихъ условіяхъ она получитъ болѣе значенія въ глазахъ Франціи, для которой тогда уже не такъ будетъ удобно господствовать въ Римѣ, какъ въ ту пору, когда Римъ, при владычествѣ австрійцевъ въ венеціанской области, стоялъ въ политическихъ комбинаціяхъ флорентинскаго кабинета на второмъ планѣ. Притомъ, послѣ успѣшной для Италіи борьбы съ Австріей, послѣдняя будетъ чрезвычайно ослаблена, а между тѣмъ нельзя терять изъ виду, что Австрія, какъ одна изъ первенствующихъ католическихъ державъ въ Европѣ, является, послѣ Франціи, первой соперницей Италіи по римскому вопросу. Ослабленіе такой соперницы дастъ возможность Италіи дѣйствовать относительно Рима съ болѣею рѣшительностію и энергіею, потому что въ вопросѣ о поддержаніи свѣтской власти римскаго первосвященника Австрія должна будетъ отказаться отъ первенствующаго, послѣ Франціи, голоса.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ послѣдствія, которыхъ можно ожидать Европа, если въ предстоящей борьбѣ успѣхъ оружія склонится на сторону Италіи. Эти послѣдствія усложняются однако тѣмъ, что суда по всѣмъ совершившимся до сихъ поръ фактамъ, Италія будетъ бороться съ Австріей не одна, но въ союзѣ съ Пруссіей. Такимъ образомъ можно предвидѣть одновременное торжество обѣихъ союзныхъ державъ. Вслѣдствіе этого, должно будетъ измѣниться положеніе дѣлъ и на сѣверѣ Европы. Одолевъ окончательно Австрію, Пруссія упрочится вполне въ пріамльбскихъ герцогствахъ и утвердитъ свое исключительное преобладаніе надъ Германіей. Такой исходъ предстоящей войны не можетъ, не тревожить прочіе европейскіе кабинеты, которые будутъ поставлены въ необходимость ослабить вліяніе Пруссіи, особенно если она будетъ продолжать политику, усвоенную ею съ тѣхъ поръ, какъ внутренними и внѣшними ея дѣлами началъ, почти самовластно, управлять графъ Бисмаркъ.

Какия же мѣры придется принять тогда, чтобъ сдержать честолюбивые замыслы Пруссіи? Составится ли вооруженный противъ нея союзъ или европейскіе кабинеты обратятся къ такимъ комбинаціямъ, которыя, уменьшивъ территоріальное могущество Пруссіи, ослабили бы вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое ея вліяніе, показавъ, что она не осталась безусловной побѣдительницей? Составленіе вооруженнаго союза противъ Пруссіи не представляетъ большой вѣроятности, такъ что скорѣе всего придется подумать о другихъ мѣрахъ, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ выдвинутъ Франціею вопросъ о присоединеніи прирейнскихъ областей къ французской имперіи. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Франція съ своей стороны готова допустить Пруссію уси-

лится пріюльбскими герцогствами въ ущербъ выгодамъ Австріи и, пользуясь этимъ, вознаграждать себя и свою политику сдѣлками съ Пруссіей и Италіей. Вообще, если всмотрѣться въ то положеніе, въ которое поставлена нынѣ австрійская имперія, то трудно усомниться, чтобы она не была обречена если не на совершенную погибель, то все-таки на такія уступки, которыя отнимутъ у нея ея прежне политическое значеніе въ цѣлой Европѣ. Тогда закончится то вѣковое соперничество между Франціей и Австріей, которое не разъ вооружало значительную часть Европы и которое отражалось всего замѣтнѣе на судьбахъ Италіи. Ослабленная окончательно Австрія и Италія, вступившая на степень первоклассной европейской державы, будутъ такими фактами, которые дадутъ европейской политикѣ ходъ, совершенно отличный отъ того, какому она слѣдовала въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій.

Для того, чтобы по возможности опредѣлить будущіе результаты настоящихъ столкновеній, нужно также обратить вниманіе и на всеобщее настроеніе умовъ. Обыкновенно войны и предшествующее имъ время военныхъ приготовленій бывають въ жизни народовъ какими-то лихорадочными, напряженными періодами. Если воинственный жаръ, возбужденный вѣроятностію войны, иногда и скоро остываетъ въ массахъ, то все же впечатлѣнія предстоявшей войны, а тѣмъ болѣе самая война не скоро утрачивають произведенное ими вліяніе. Еще болѣе отзываются въ историческомъ развитіи и въ политическихъ стремленіяхъ государствъ истинными или знаменитыя побѣды или жестокія пораженія. И тѣ и другія не проходятъ безслѣдно, не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Никогда также не выражается такъ сильно самодѣятельность или, напротивъ, пассивность народовъ, какъ въ періодъ войнъ. Въ этихъ случаяхъ всего рѣзче пробивается наружу народный духъ и выдвигаются впередъ государственныя и социальныя интересы. Изъ образовавшихся въ государствѣ политическихъ партій одни ожидаютъ отъ войны удовлетворенія своихъ стремленій или, по крайней-мѣрѣ, болѣе удобствъ для исполненія своихъ замысловъ; другія же, напротивъ, предвидятъ затрудненія или даже совершенное уничтоженіе ихъ замысловъ. Вообще всѣ политическія партіи смотря на цѣль войны съ своей точки зрѣнія и, сообразно съ своими стремленіями, жаждутъ успѣха той или другой странѣ. Въ этомъ отношеніи Европа въ настоящее время представляетъ много весьма интереснаго.

Приготовленіе Италіи въ борьбѣ съ Австріей, во имя національнаго единства, можно считать торжествомъ такъ-называемой партіи дѣйствія. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ стремленія этой партіи были подавляемы не только правительствомъ, но и парла-

ментомъ, которые смотрѣли на ея замыслы какъ на какое-то безумное предпріятіе. Теперь партія эта стала во главѣ всѣхъ политическихъ партій Италіи. Въ то же время, однако, и реакціонная партія, въ виду войны, можетъ утѣшать себя мыслью о будущихъ побѣдахъ Австріи и надѣяться, что слѣдствіемъ ихъ можетъ быть восстановленіе Бурбоновъ въ Неаполѣ и Пармѣ, а также австрійскаго дома въ Моденѣ и Тосканѣ. Надежды, хотя и несбыточныя, легко увлекаютъ людей, и потому не будетъ ничего страннаго, если и реакціонная партія въ Италіи, пользуясь военными обстоятельствами, сдѣлаетъ попытку для осуществленія своихъ стремленій. Вообще война должна будетъ не только опредѣлить взаимныя отношенія государствъ, но и подавить или, наоборотъ, возвысить ту или другую существующую въ нихъ партію.

На политическихъ партіяхъ Пруссіи война и, въ особенности, ея результаты должны будутъ отозваться самымъ чувствительнымъ образомъ. Прусское правительство уже воспользовалось настоящими обстоятельствами: берлинская палата депутатовъ распущена съ тѣмъ, чтобъ были произведены новыя выборы депутатовъ. При обыкновенномъ положеніи дѣлъ графъ Бисмаркъ не рѣшился бы на подобную мѣру, такъ-какъ отъ нея нельзя было ожидать результатовъ въ томъ духѣ, въ какомъ она предпринята. Новыя выборы наполнили бы палату прежними непокорными депутатами, теперь же можно рассчитывать на патриотическое чувство пруссаковъ, которые въ трудную для правительства пору не захотятъ затруднить его внутренними раздорами. Графъ Бисмаркъ, повидимому, выбралъ самый удобный моментъ если не для совершеннаго уничтоженія, то для значительнаго ослабленія той партіи, которую онъ не могъ подавить прежде при всей своей энергіи и настойчивости. Въ донесеніи, представленномъ королю касательно распущенія палаты депутатовъ, объясняется, что мѣра эта вызвана необходимостію обратиться при настоящихъ столь важныхъ обстоятельствахъ къ содѣйствію страны и дать возможность высказаться законнымъ путемъ тѣмъ патриотическимъ чувствамъ, которыми воодушевленъ прусскій народъ. Если графу Бисмарку, при началѣ датской войны, удалось возбужденіемъ въ пруссакахъ патриотическихъ чувствъ примириться до нѣкоторой степени съ прежнею, упорно-противодѣйствовавшею ему палатою депутатовъ, то онъ еще съ большою увѣренностію можетъ рассчитывать на успѣхъ своихъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ. Теперь дѣло идетъ о вопросѣ самомъ щекотливомъ для національнаго чувства пруссаковъ, а именно о томъ, чтобы съ упадкомъ Австріи, Пруссія стала во главѣ германскаго единства. Пруссія предстоитъ въ этомъ случаѣ самая блестящая доля — создать современемъ единую и нераздѣльную Германію и тѣмъ осуществить самыя завѣтныя мечты нѣмецкихъ патриотовъ.

Правда, что германское единство, созданное Пруссіей, далеко отъ

того идеала, который составили себѣ на этотъ счетъ мечтательные нѣмецкіе политики. Но, съ одной стороны, графъ Бисмаркъ принялъ на себя инициативу національнаго германскаго парламента, а съ другой — можно предвидѣть, что вышшій дѣйствительный, но только не титулованный правитель Пруссіи, не всегда же будетъ держать въ своихъ рукахъ доставшуюся ему власть, а между тѣмъ онъ все-таки успѣетъ положить начало такому дѣлу, за которое принимались нѣмецкіе патриоты 1848 и 1849 годовъ. Вообще война съ Австріей послужитъ для графа Бисмарка средствомъ для привлеченія на его сторону людей изъ партіи, бывшей къ нему до сихъ поръ непріязненной.

Огромной политической и своеобразной партіей является въ Австріи Венгрія. Славяне тоже, по отношенію къ единству австрійской монархіи, ея конституціонному быту и преобладанію въ ней нѣмецкаго элемента, составляютъ особую партію, хотя эта партія, по своей слабости, и не такъ важна, какъ Венгрія. На обѣ эти партіи предстоящая война можетъ оказывать большое вліяніе и способствовать или къ окончательному перевѣсу Венгрии въ составѣ австрійской монархіи, или придать вѣнскому правительству рѣшимость подавить сепаратистскія стремленія венгерцевъ. Если надвигающаяся надъ Австріей грозная туча обойдетъ ее, то успокоившійся вѣнскій кабинетъ будетъ въ состояніи дѣйствовать противъ Венгрии съ большею энергіею, нежели прежде. Благополучный выходъ Австріи изъ настоящаго слишкомъ затруднительнаго положенія долженъ будетъ убѣдять венгерцевъ въ томъ, что Австрія или умѣетъ искусно отвращать отъ себя опасности, или что она даже такимъ сильнымъ союзникамъ, какъ Пруссія и Италія вмѣстѣ, кажется столь могущественной, что нападеніе на нее представляется опаснымъ предпріятіемъ, и что, слѣдовательно, Венгрія не въ силахъ бороться съ нею. Само собою разумѣется, что уступки Австріи, особенно безъ войны, въ пользу Италіи или въ пользу Пруссіи, весьма неблагоприятно отзовутся для нея и въ Венгрии, показавъ венгерцамъ слабость австрійскаго правительства и возбудивъ въ нихъ тѣмъ самымъ новыя надежды на успѣхъ ихъ политическихъ стремленій. Мы, вѣроятно, не ошибемся, если скажемъ, что одною изъ причинъ той рѣшимости, съ которою всегда уклончивая отъ войны Австрія готовится вступить одновременно въ борьбу и на югѣ и на сѣверѣ, должно считать и опасеніе потерять свое обаяніе надъ Венгріей. Вѣнскій кабинетъ не можетъ не предвидѣть, что высказанная имъ уступчивость передъ вышшними врагами значительно ободритъ внутреннихъ его враговъ, въ числѣ которыхъ національная венгерская партія занимаетъ первое мѣсто.

Австрійскіе славяне, несмотря на свою многочисленность, не успѣли, вслѣдствіе разобщенности и другихъ неблагоприятныхъ для нихъ условій, образовать изъ себя политической партіи, особенно опасной для австрійской монархіи. Предстоящая же война

вызвала въ Богеміи порывы государственнаго патриотизма, нелишеннаго, впрочемъ, и національныхъ увлеченій. Чехи неравносложны вообще къ нѣмцамъ, но такъ-какъ открытая вражда къ австрійскимъ нѣмцамъ не можетъ перейти извѣстныхъ предѣловъ, то богемцы рады направить эту вражду на пруссаковъ, какъ самыхъ видныхъ представителей нѣмецкой національности въ настоящее время. Этими чувствомъ, какъ кажется, и объясняются воинственныя порывы чеховъ, готовыхъ выступить, хотя бы и подъ австрійскими знаменами, противъ нѣмцевъ. Въ этомъ проявляется самое простое чувство человѣческой природы — равняться съ тѣми изъ враговъ, напасть на котораго представляется болѣе удобный случай. Трудно предположить, чтобы чехи готовились такъ усердно къ борьбѣ за Австрію, какъ за нѣмецкую державу; они руководятся другими чувствами.

Вліяніе военныхъ приготовленій не отразилось на политическихъ партіяхъ во второстепенныхъ и другихъ государствахъ германскаго союза, не вѣльзя не предполагать, чтобы вообще представители либеральныхъ партій могли сочувствовать поддержкѣ въ пользу Пруссіи. Въ послѣднее время Австрія, сравнительно съ Пруссіей, шла съ болышею добросовѣстностію на пути либеральнаго развитія, и хотя она не могла приобрести особыхъ симпатій германскихъ либераловъ, но за то и не навлекла на себя такой неприязни, какую питають германскіе либералы къ Пруссіи въ лицѣ графа Бисмарка.

Положеніе, принимаемое различными политическими партіями, въ виду предстоящей войны въ центрѣ Европы, имѣетъ весьма важное значеніе. Въ настоящее время, хотя правительства и руководятъ международными отношеніями, но такъ-какъ каждая война требуетъ особыхъ издержекъ и какъ вообще она должна прежде всего опираться на сочувствіе страны, то общественное мнѣніе и въ особенности заявленія представительныхъ учрежденій или даютъ правительствамъ необходимую какъ матеріальную, такъ и нравственную поддержку, или же, напротивъ, ослабляютъ тѣ силы, которыми они могутъ располагать для достиженія своихъ цѣлей.

При этомъ условіи война легко можетъ отозваться на внутреннемъ быту участвующихъ въ ней государствъ, и никакъ нельзя отвергать безусловно высказанное нѣкоторыми публицистами предположеніе, что война можетъ вызвать за собою революціонное движеніе, которое сдерживается съ болышею легкостію при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. Предполагаютъ также, и какъ кажется не совсѣмъ безосновательно, что такое движеніе можетъ быть вызвано и императоромъ Наполеономъ, если онъ по ходу войны найдетъ въ этомъ какую либо для себя выгоду, или графомъ Бисмаркомъ, если онъ встрѣтитъ противодѣйствіе въ германскихъ правительствахъ.

Если вообще, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, политика державъ, заинтересованныхъ въ вопросахъ, угрожающихъ, сильнымъ столкновеніемъ, достаточно выяснилась, то этого никакъ нельзя связать о политикѣ Франціи. Несмотря на заявленное императоромъ Наполеономъ намѣреніе сохранить нейтралитетъ, едва-ли можно вѣрить въ это, тѣмъ болѣе что и самый нейтралитетъ оный обусловливаетъ интересами Франціи. Интересы же Франціи слишкомъ обширны и разнообразны. Они начинаются съ территориальныхъ приобрѣтеній, въ расчетъ которыхъ входитъ и берегъ Рейна, и Сардинія, и кончаются весьма щекотливыми понятіями французовъ о военной чести. Эти понятія съ трудомъ могутъ сдерживать воинственныхъ французовъ, если только по сосѣдству съ ними завянуть ожесточенная война, а между тѣмъ французская армія не приметъ въ ней участія.

Газеты ежедневно наполняются множествомъ болѣе или менѣе основательныхъ догадокъ на счетъ той политики, которой будетъ держаться Франція въ случаѣ войны Италіи и Пруссіи съ Австріей. Общимъ, болѣе приблизительнымъ къ истинѣ выводомъ изъ всего этого можетъ быть тотъ, что императоръ Наполеонъ склонится на сторону Италіи и ея союзницы Пруссіи, и что оный намѣренъ допустить войну съ цѣлью ослабленія Австріи. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что ни одинъ фактъ не подалъ столько поводовъ къ тревожнымъ комментаріямъ на счетъ положенія Франціи, какъ нѣсколько словъ, сказанныхъ императоромъ въ Оксерѣ. Этой рѣчи, если только событія пойдутъ соотвѣтственно основному ея смыслу, суждено будетъ получить историческое значеніе. Ей, впрочемъ, и теперь придана такая важность, что, по словамъ г. Жярдена она должна будетъ отозваться въ Европѣ пушечными выстрѣлами.

Замѣчательная странность! Нѣсколько словъ императора Наполеона на привѣтственную рѣчь оксерскаго мэра, вызвавшую воспоминанія о первой имперіи, возбудили гораздо болѣе толковъ, нежели самая энергическая нота, и отодвинули на далекій планъ заявленія государственнаго министра Руэ о политикѣ Франціи, а также и манифестацію законодательнаго корпуса. Собственно же рѣчь эта не могла имѣть даже нивакого политическаго значенія, такъ-какъ она была сказана императоромъ при посѣщеніи имъ мѣстной выставки, въ одномъ изъ городовъ іонскаго департамента.

Напомнивъ городскому оратору о томъ, что мѣстное населеніе поддержало Наполеона I какъ во дни счастья, такъ во дни невзгодъ, нынѣшній императоръ сказалъ, что жители Оксера были одни изъ первыхъ, подавшихъ въ 1848 году голосъ въ его пользу. Къ этому оный добавилъ, что оксерцы, какъ и большинство французской націи, знали, что интересы Франціи соединены съ его собственными интересами, и что оный, какъ и они, презиралъ трактаты 1815 года, изъ которыхъ и нынѣ хотятъ сдѣлать основаніе для вѣншей политики Франціи.

Уменьшать значеніе такихъ словъ императора Наполеона только вслѣдствіе той скромной обстановки, при которой были они произнесены, не совсѣмъ основательно. Императоръ могъ предвидѣть, что слова, сказанныя имъ въ Оксерѣ, попадутъ въ прессу и разнесутся потомъ во всей Европѣ точно такъ, какъ и тѣ слова, которыя были бы сказаны имъ при другой обстановкѣ. Здѣсь имѣлась въ виду своего рода политическая демонстрація, и она достигла своей цѣли. Рѣчь оксерская принята кабинетами, заинтересованными трактатами 1815 года, какъ торжественный протестъ противъ этихъ трактатовъ, какъ жалоба на то уничиженіе, до котораго была доведена ими императорская Франція.

Если, однако, обратиться къ прошедшему, то окажется, что такой протестъ со стороны императора не только совершенно излишній, но что и мысль, высказанная имъ въ оксерской рѣчи, не представляетъ ничего новаго. Царствованіе наполеоновской династїи во Франціи служитъ самымъ сильнымъ и самымъ краснорѣчивымъ протестомъ противъ трактатовъ 1815 года. Нужно также вспомнить письма императора, разосланныя къ европейскимъ государямъ 4 ноября 1863 года, и сказанную имъ, на другой послѣ этого день, рѣчь сенату и законодательному корпусу. Въ обоихъ этихъ случаяхъ императоръ Наполеонъ заявилъ во всеуслышаніе Европы, что трактаты 1815 года перестали существовать, что они сдѣлались мертвою буквою и что нужно для спокойствія и благоденствія Европы замѣнить отжившіе договоры новыми, сообразными съ интересами и стремленіями народовъ.

Такимъ образомъ повтореніе старой новости получило теперь особенную важность, только въ силу готовящихся событій. Заявленіе императоромъ французомъ объ его личной политикѣ привѣщаютъ къ настоящему, угрожающему положенію дѣлъ и предвидятъ, что онъ, возстава противъ того порядка, который былъ установленъ трактатами 1815 года, думаетъ, пользуясь нынѣшними обстоятельствами, произвести большія передѣлки въ цѣлой Европѣ.

Газета «Constitutionnel», взявшаяся за объясненіе императорской рѣчи, замѣчаетъ, что императоръ презираетъ трактаты 1815 года по той причинѣ, которая сдѣлала ихъ предметомъ ненависти для всего міра.

«Эти трактаты — говоритъ упомянутая газета — нарушенные двадцать разъ, не имѣютъ уже нравственнаго авторитета. Нарушенія, которымъ они подвергались, служатъ примѣромъ и побужденіемъ для тѣхъ, кому выгодно нарушить ихъ еще разъ. Не обуздывая честолюбія кабинетовъ, трактаты эти составляютъ причину недовѣрія между народами. Было бы легко доказать — заключаетъ газета «Constitutionnel» — что они ежегодно обходятся Европѣ въ одинъ миллиардъ, издерживаемый не на что другое, какъ только на вооруженія, необходимыя для обузданія антагонизма и ненависти».

Трудно, однако, предположить существованіе такихъ тракта-

товъ, которые предотвратили бы международныя столкновѣнія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что и трактаты 1815 года не связываютъ на дѣлѣ политики европейскихъ кабинетовъ. Сила этихъ трактатовъ перестала существовать для Франціи послѣ восстановления имперіи и присоединенія къ ней Ниды и Савойи, для Италіи — послѣ присоединенія къ Пьемонту итальянскихъ государствъ, бывшихъ подъ властію бурбонскаго и габсбургскаго домовъ; для Англіи — послѣ отдачи Греціи іонійскихъ острововъ; для Пруссіи и Австріи — послѣ взятія ими у Даніи приэльбскихъ герцогствъ. Вообще можно сказать, что не трактаты 1815 года, а общее положеніе дѣлъ грозитъ опасностями Европѣ. Теперь пора убѣдиться, что трактаты слишкомъ слабо регулируютъ европейскую политику. Примѣрами тому могутъ служить лондонскій трактатъ 1852 года, обезпечивавшій приэльбскія герцогства за Даніей, и парижскій, устроившій новый порядокъ въ вридунайскихъ княжествахъ. Трактатъ хотя и представляетъ самъ по себѣ гарантію, какъ добровольный договоръ, но вѣтъ такого трибунала, который могъ бы преслѣдовать въ политическомъ мірѣ нарушителей условій, принятыхъ однажды на себя тою или другою державою. Разсчеты, страсти и честолюбіе таятся всегда позади трактатовъ и, при каждомъ удобномъ случаѣ, они отстраняютъ европейскую политику отъ того направленія, которое бываетъ придаютъ ей международныя трактатами.

Еслибы дѣйствительно трактаты 1815 года постоянно тревожили вышшняго императора французовъ, то онъ давно бы постарался уничтожить ихъ слѣды. Восточная война была самымъ удобнымъ для этого случаемъ. Съ точки зрѣнія императорской политики, дѣло въ сущности нейдетъ о трактатахъ 1815 года, но вообще о замѣшательствѣ въ Европѣ, могущихъ повлечь за собою большія разрушенія, которыя столь же необходимы для выполненія надеждъ Наполеона III, какъ разрушенія, производимыя имъ въ его столицѣ для созданія новаго Парижа. Трактаты 1815 года самп по себѣ не мѣшаютъ такимъ разрушеніямъ; Францію затрудняетъ не ея прошедшее, обусловленное этими трактатами, но то обстоятельство, что въ послѣднее время политическія дѣла въ Европѣ слишкомъ усложнились, а финансовыя средства французской имперіи, вслѣдствіе неудачной экспедиціи въ Мексику и другихъ громаднхъ затратъ, значительно ослабли, а между тѣмъ, при отсутствіи этихъ средствъ, нельзя съ большою увѣренностію отвѣчать политическими событіями.

Англія весьма вѣрно смотритъ на это условіе современной политической жизни, и потому, при каждомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ, старается прежде всего оградить свои матеріальныя интересы. Съ этою цѣлью она и приняла на себя инициативу общаго европейскаго конгресса.

Такъ-какъ обыкновенно въ дипломатической сферѣ весьма мало господствуетъ вѣры въ чистосердечность предложеній, то и предложеніе Англии о конгрессѣ отнесено къ категоріи такихъ комбинацій, подъ которыми таятся особые расчеты и замыслы. Нельзя, конечно, предполагать, чтобы Англія стала думать о конгрессѣ въ видахъ водворенія спокойствія и мира на континентѣ, еслибы настоящія событія имѣли одно только политическое значеніе. Напротивъ, даже по ея политическимъ расчетамъ предстоящая война съ ея вѣроятнымъ исходомъ, то-есть съ ослабленіемъ Австріи, можетъ быть ей очень сочувственна, такъ-какъ вслѣдствіе этого должна будетъ явиться у Россіи на Балтійскомъ морѣ новая соперница — Прусія, которая въ то же время сдѣлается болѣе опасной и для Франціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Англія не можетъ не предвидѣть, что вспыхнувшая въ Европѣ война нанесетъ громадный ущербъ ея торговымъ интересамъ. Поэтому, вѣтъ ничего удивительнаго, что меркантильная Англія, взвѣсивъ свои политическія комбинаціи и свои коммерческія выгоды, рѣшилась предпочесть послѣднія первымъ. При этомъ условіи Англія чистосердечно можетъ начать хлопотать о конгрессѣ, который долженъ будетъ устранить европейскую воину.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но въ виду сдѣланнаго предложенія объ общеевропейскомъ конгрессѣ, отъ кого бы такое предложеніе ни исходило, нельзя при настоящемъ положеніи дѣлъ не задаться существенными вопросами: во-первыхъ, о томъ, состоится ли конгрессъ, и, во-вторыхъ, къ какимъ онъ можетъ привести результатамъ?

Касаясь перваго изъ этихъ вопросовъ, должно сказать, прежде всего, что еврпейскіе кабинеты вообще весьма мало расположены къ конгрессамъ. Въ послѣднее время всѣ государства стремятся къ полной независимости въ своихъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ на конгрессъ необходимо подчинять свои дѣйствія постороннему влиянію. Притомъ, затрудненія по составленію конгресса оказались уже однажды и на опытѣ въ 1863 году, когда императоръ Наполеонъ заявилъ европейскимъ кабинетамъ подобное предложеніе. Конечно, противъ этого обстоятельства могутъ возразить тѣмъ, что европейскія державы опасались въ этомъ случаѣ выказать свою податливость Франціи; тогда-какъ, напротивъ, принятіе такого предложенія со стороны Англии будетъ имѣть другое значеніе. Это отчасти справедливо. Но развѣ императоръ Наполеонъ, потерпѣвшій самъ неудачу при своемъ предложеніи созвать общеевропейскій конгрессъ, согласится допустить Англію до такой важной дипломатической побѣды надъ Франціей, тѣмъ болѣе, что настоящее положеніе дѣлъ представляетъ всѣ удобства для того, чтобы разрушить политическое вліяніе Англии на континентъ Европы? Стоитъ только Франціи отклонить отъ себя сдѣланное Англіей предложеніе, и конгрессъ утратитъ свое значеніе, еслибы даже на него и явились представители другихъ первенствующихъ державъ. Правда, что разеты начали сообщать

теперь извѣстія о готовности Наполеона приступить къ конгрессу, но трудно вѣрить, чтобы въ такой готовности было искреннее желаніе, а не одна только формальность.

Сомнительно, и даже невѣроятно, чтобы Прусія, располагавшая въ послѣднее время своею внѣшнею политикою съ полною самостоятельностью; не обращая никакого вниманія на европейскіе кабинеты, захотѣла бы теперь подчиниться ихъ приговору, тѣмъ болѣе, что берлинскій кабинетъ не можетъ не предвидѣть того отпора своей политикѣ, который онъ встрѣтитъ на конгрессѣ, если только конгрессъ будетъ имѣть въ виду умиротвореніе Европы.

Прибавимъ къ этому, что и прочія державы принимаютъ предложеніе о конгрессѣ безусловно. Такъ, по газетнымъ извѣстіямъ, въ справедливости которыхъ, судя по предшествовавшему, нельзя сомнѣваться—Россія неначе готова принять предложеніе о конгрессѣ, какъ съ условіемъ, чтобы на немъ о Польшѣ не было и помину. Такое требованіе очень понятно. Конгрессъ есть не что иное, какъ дипломатическое обсужденіе спорныхъ политическихъ вопросовъ. Между тѣмъ, Россія съ своей стороны имѣетъ полное право считать нѣмѣ польскій вопросъ дѣломъ рѣшеннымъ въ области международныхъ отношеній и смотрѣть на него, какъ на внутренній вопросъ.

Съ своей стороны, флорентинскій кабинетъ согласится на конгрессъ только подъ тѣмъ условіемъ, что Италія будетъ продолжать свои вооруженія и что въ програму конгресса войдетъ уступка Венеціи. Отъѣзды Австріи и Прусіи объ участіи ихъ въ конгрессѣ еще неизвѣстны, но трудно сомнѣваться, чтобы по вопросу о Венеціи, Австрія не выразила желанія, противоположнаго желанію Италіи, и чтобы Прусія, считающая вопросъ о призьбскихъ герцогствахъ вопросомъ исключительно къ ней относящимся, не сдѣлала бы тоже какой-нибудь оговорки.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, какіе результаты можетъ доставить Европѣ предстоящій конгрессъ, замѣтимъ прежде всего, что на успѣшный исходъ конгрессовъ можно надѣяться только въ двухъ случаяхъ. Вопервыхъ, если конгрессъ составится еще въ ту пору, когда разладъ между нѣкоторыми враждующими сторонами не дошелъ до послѣднихъ крайностей, такъ что есть болѣе вѣроятности на разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ путемъ мирнаго соглашенія, а не силою оружія. Теперь же въ этомъ отношеніи представляются совершенно иные условія. Ходомъ дѣлъ задѣты не только матеріальные, но и нравственные интересы враждующихъ сторонъ, такъ что уступка, сдѣланная той или другой, должна равняться навесенному ей пораженію на поляхъ сраженій. Вторыхъ, на успѣхъ конгресса можно рассчитывать тогда, когда послѣ нѣсколькихъ битвъ силы соперниковъ значительно истощились, такъ что они, вслѣдствіе этого, бываютъ готовы склониться къ миру, или когда та или другая сторона, не считавъ въ равной степени неудачу и предвидя окончательное торжество своихъ непріятелей, считаетъ продолженіе войны гибельнымъ

предпріятіемъ. Между тѣмъ, теперь враги стоятъ другъ противъ друга въ полномъ вооруженіи и, конечно, не захотятъ отступить одинъ передъ другимъ, не отвѣдавъ боеваго счастья. Если даже слабая Данія рѣшилась дать отпоръ наступающимъ на нее могущественнымъ врагамъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что военная честь Австріи и ея значеніе, какъ одной изъ первенствующихъ европейскихъ державъ, побудитъ ее отвергнуть сдѣланныя ей предложенія насчетъ уступокъ и заставить ее недаромъ уступить то, чего отъ нея требуютъ.

Успѣхъ конгресса обуславливается также участіемъ въ немъ преимущественно нейтральныхъ державъ, которыя, умѣряя требованія враждующихъ сторонъ и оставаясь сами безучастными въ ихъ враждѣ, получаютъ то нравственное вліяніе, которое бываетъ необходимо для нихъ, какъ для примиряющихъ посредниковъ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ первоклассныхъ державъ могутъ считаться нейтральными только Россія и Англія, такъ-какъ нейтралитетъ Франціи очень сомнителенъ. Австрія же, Прусія, Італія и Германскій Союзъ поставлены въ такое положеніе, что соглашеніе между ними представляетъ немало затрудненій.

Вообще можно предполагать, что общеевропейскій конгрессъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не состоится, а еслибы даже и случилось обратное, то онъ не въ силахъ будетъ разрѣшить окончательно политическіе вопросы, которые волнуютъ теперь Европу.

Еще не грянулъ первый пушечный выстрѣлъ, а между тѣмъ финансовыя и торговныя дѣла пришли въ такое положеніе, которое грозитъ всеобщимъ разстройствомъ. Кажется, что въ этомъ случаѣ неизвѣстность будущаго гораздо страшнѣе, нежели самая война, которая уяснить, по крайней-мѣрѣ, многое изъ того, что теперь покрыто тайною. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ дѣйствовать въ потемкахъ, а это положеніе испытываютъ теперь всѣ европейскія биржи, пораженныя паникой. Безотчетный страхъ отцѣмаетъ у нихъ несравненно болѣе бодрости и увѣренности, нежели очевидная опасность, противъ которой можно принять болѣе или менѣе надежныя предосторожности.

Воинственное положеніе дѣлъ отозвалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ и рынкахъ. Извѣстно, что три вооружившіяся теперь державы: Австрія, Прусія и Італія не владѣютъ на столько наличными и запасными денежными средствами, чтобъ онѣ могли обойтись безъ новыхъ займовъ. То же самое можно сказать и о другихъ германскихъ державахъ, начавшихъ мобилизацію своихъ континентовъ. Въ виду такихъ займовъ и въ особенности при высочайшихъ дисконтахъ, всѣ бланковые кредиты сокращаются и даже прекращаются вовсе. Такое положеніе дѣлъ какъ нельзя болѣе ослабляетъ обороты биржъ и рынковъ.

Теперь банкротства быстро слѣдуютъ во всей Европѣ одно за другимъ; рента и другія государственныя бумаги падаютъ все ниже и ниже и возможность займовъ какъ для правительствъ, такъ и для торговыхъ домовъ и частныхъ лицъ, дѣлается все труднѣе и труднѣе. Вообще можно сказать, что настоящее время будетъ памятною эпохою въ финансовыхъ лѣтописяхъ Европы, если только въ близкомъ будущемъ финансовое положеніе не ухудшится еще болѣе.

Политическія обстоятельства настоящаго времени до такой степени повліяли на финансовое положеніе Европы, что даже прочнѣйшее въ мірѣ финансовое учрежденіе—англійскій банкъ былъ поставленъ въ необходимость возвысить свой дисконтъ до 10 процентовъ, и выпустить билетовъ на сумму, почти вдвое превышающую его металлическій фондъ. Правда, что и прежде англійскій банкъ прибѣгалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ подобному средству, желая удержать отливъ золота изъ Англій, но все же ни дисконтъ, ни перевѣсъ билетовъ надъ металлическимъ фондомъ банка не достигали никогда такихъ размѣровъ.

Первымъ обстоятельствомъ, поколебавшимъ спокойствіе европейскихъ биржъ, были распространившіеся въ концѣ марта слухи о войнѣ между Австріей и Пруссіей. Вслѣдствіе этого на лондонской биржѣ консоли понизились до $86\frac{5}{8}\%$, а въ Парижѣ 3% рента до 67 фр. 60 сант. Новый итальянскій внутренній заемъ увеличилъ еще болѣе опасеніе парижской биржи, такъ какъ она въ этомъ займѣ увидѣла приготовленія Италіи къ войнѣ. Вслѣдствіе этого не только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстахъ обороты всѣми денежными бумагами сдѣлались крайне ограничены.

Чуткія ко всякому слуху биржи стали вести свои дѣла совершенно съ тѣми вѣстями, какія распространялись касательно войны. Такъ, вслѣдствіе слуховъ о томъ, что конгрессъ состоялся, рента 29 апрѣля на парижской биржѣ поднялась, но въ концѣ биржи снова упала съ 4% до $3\frac{1}{2}\%$. Это показываеъ, что даже и при благопріятныхъ вѣстяхъ, все-таки преимущественно господствуетъ страхъ за будущее. Непріязненные расположенія германскихъ государствъ одного къ другому стали также оказывать въ началѣ мая вліяніе на ихъ денежные рынки: Такъ, на-примѣръ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, этомъ средоточіи всякаго рода бумажныхъ денегъ, нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, прусскія бумажныя деньги ходили постоянно съ лажемъ, но потомъ вмѣсто платежа на нихъ лажа, ихъ стали отдавать съ приплатою, а при частныхъ сдѣлкахъ стали отказываться въ Германіи отъ приема билетовъ прусскаго банка. Въ то же время, то-есть съ 29 апрѣля (11 мая), лейпцигскій банкъ возвысилъ свой дисконтъ до 9% , а гамбургскій отъ 8 до $8\frac{1}{2}\%$.

Приведенные нами факты достаточно показываютъ лихорадочное состояніе европейскихъ биржъ подъ вліяніемъ настоящей обстановки. Встревоженныя однажды биржи подчиняются теперь

всѣмъ отзывамъ въ ходѣ политическихъ событій, при чемъ вообще неблагоприятныя вѣсти отзываются чувствительнѣе, нежели добрыя. Это, впрочемъ, очень понятно, такъ-какъ надежда на миролюбивый исходъ остается весьма слабая, тогда какъ опасенія на счетъ войны возрастаютъ все болѣе и болѣе. Каждое извѣстие, выдающееся всередѣ, какъ предзнаменованіе близкой войны, отражается гораздо сильнѣе на европейскихъ биржахъ, нежели въ политическихъ кружкахъ. Тогда какъ эти кружки стараются истолковывать каждый фактъ, имѣющій примирительное значеніе, въ пользу мирной развязки, биржи не занимаются подобными истолкованіями и поддаются едва-ли не исключительно однимъ устрашающимъ извѣстіямъ. Такъ, оксерская рѣчь, назначеніе Гарибальди командующимъ двадцатью батальонами волонтеровъ, и слова короля Вильгельма III, сказанныя офицерамъ прусской гвардіи на парадѣ въ Потсдамѣ о томъ, что онъ принимаетъ начальство надъ арміей, произвели самое неблагоприятное впечатлѣніе на европейскихъ биржахъ, которыя увидѣли во всемъ этомъ вѣрныя признаки неизбежной войны.

Вообще постоянное пониженіе фондовъ на европейскихъ биржахъ, прекращеніе перевозки товаровъ по многимъ желѣзнымъ дорогамъ, особенно въ Австріи и въ Италіи, ожиданіе новыхъ займовъ на военныя издержки и общее недоувѣріе къ будущимъ событіямъ уже отразились огромными потерями и несостоятельностью. Такъ, напримѣръ, на парижской биржѣ, потери, понесенныя биржевыми маклерами, составляющими особенную привилегированную корпорацію, простираются, по крайней-мѣрѣ, до 50 миліоновъ франковъ, по нѣкоторымъ же слухамъ потери эти переходятъ за 100 миліоновъ франковъ. Въ виду такихъ потерь, биржевые маклера стали удерживать своихъ кліентовъ отъ всякихъ спекуляцій, а банкиры, которые съ досадою видятъ возвышеніе банковыхъ дисконтовъ, въ свою очередь отклоняютъ своихъ кліентовъ отъ всякихъ сдѣлокъ. Вообще финансовый міръ постигнутъ теперь страшными испытаніями и для него наступилъ дни плача и скрежета зубовъ.

Тревожное состояніе европейскихъ биржъ не могло не отозваться и на частныхъ коммерческихъ сдѣлкахъ. Торговля слѣшкомъ сильно чувствуетъ вліяніе биржеваго кризиса вслѣдствіе упадка рѣшительно всѣхъ денежныхъ бумагъ. Теперь нигдѣ уже не находится охотниковъ на шестимѣсячныя сроки. Вслѣдствіе этого, торговныя дѣла начинаютъ приходить въ такой застой, что въ добавокъ къ финансовому кризису, нужно ожидать еще и коммерческаго кризиса.

Особенно въ неблагоприятныхъ условіяхъ находятся финансовыя дѣла въ Австріи. Австрійское правительство намѣрено воспользоваться церковными имуществами для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ, предполагая отдать ихъ въ закладъ и тѣмъ самымъ облегчить хоть нѣсколько имѣющіяся въ виду государственныя заемъ. Оно рассчитывало также на выпускъ бумажныхъ

денегъ, но національный австрійскій банкъ энергически протестовалъ противъ этой мѣры.

Перехода къ нашимъ биржевымъ дѣламъ, нужно прежде всего замѣтить, что мы въ этомъ отношеніи находимся въ самой сильной зависимости отъ заграничныхъ финансовъ и торговыхъ дѣлъ. У насъ нѣтъ такихъ банкировъ, которые могли бы дѣйствовать съ полною независимостію, такъ что въ сущности ходомъ нашихъ биржевыхъ дѣлъ заправляютъ или прямо или косвенно иностранныя биржи. Уже давно нашъ биржевой курсъ находится въ плохомъ состояніи. Послѣднія политическія событія содѣйствовали еще болѣе его упадку. Одна изъ внутреннихъ, предпринятыхъ у насъ финансовъ мѣръ не прошла безслѣдно, а именно второй внутренней лотерейный заемъ сильно подорвалъ значеніе нашихъ государственныхъ бумагъ на заграничныхъ биржахъ. Ему, главнымъ образомъ, приписываютъ нѣкоторое постоянное, систематическое пониженіе нашего иностраннаго вексельнаго курса. Многія наша бумаги и акціи, начавшія-было оживляться въ январѣ, теперь совсѣмъ затихли и прашли въ упадокъ; а фонды нашихъ заграничныхъ займовъ почти совершенно утратили свою цѣнность, такъ что они остаются безъ всякаго движенія.

Въ первые три мѣсяца текущаго года, нашъ вексельный курсъ держался отъ 30 до 31, но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ сильно понизился подъ вліяніемъ политическихъ новѣстій изъ Германіи, вслѣдствіе значительныхъ платежей по займамъ и спекуляціи по вексельной запродажѣ. Впрочемъ, причину слишкомъ сильнаго упадка нашихъ курсовъ объясняютъ также и напряженнымъ положеніемъ нашего торговаго баланса, которое происходитъ отъ отсутствія трассентовъ, то-есть продавцовъ векселей за границу. Въ подтвержденіе этой догадки указываютъ на то обстоятельство, что траты выдають или за отправляемые за границу товары (считая въ томъ числѣ и золото), или въ бланкѣ, то-есть на кредитъ, или, наконецъ, за проданные за границей фонды и другія процентныя бумаги. Въ обыкновенное время банкиры трассируютъ и открываютъ кредиты за границей насчетъ своихъ бланковыхъ кредитовъ, и потомъ покрываютъ ихъ чужими тратами за товары, золотомъ или процентными бумагами. Въ настоящее же время трассентовъ за товары менѣе обыкновеннаго, или еще почти совсѣмъ нѣтъ, по той причинѣ, что спросъ на наши товары, вслѣдствіе хорошихъ видовъ на урожай въ Англіи и разныхъ другихъ обстоятельствъ, затихъ, между тѣмъ какъ зимою было куплено много русскихъ товаровъ по высокимъ цѣнамъ и съ большими задатками, за которые въ свое время уже трассировано. Слѣдовательно, пока закупленные товары не будутъ сбыты или не явятся внезапно значительнаго спроса, нельзя ожидать значительныхъ трассентовъ за товары.

Такое объясненіе о причинахъ упадка нашего заграничнаго вексельнаго курса мы встрѣтили въ «Торговомъ Сборникѣ», который отвергаетъ произведенное на этотъ упадокъ вліяніе со

стороны второго внутреннего займа и приписываетъ настоящимъ политическимъ событіямъ только нѣкоторое значеніе. Нельзя не пожелать, чтобы такіа соображенія приближались сколь возможно ближе къ истинному положенію нашихъ биржевыхъ дѣлъ, хотя и, признаемся, мы имѣемъ въ эти объясненія весьма мало вѣры. Если приводимыя «Торговымъ Сборникомъ» соображенія основательны, то намъ нечего опасаться еще большаго, противъ нынѣшняго, упадка нашихъ курсовъ. Напротивъ даже, война будетъ способствовать къ ихъ возвышенію, такъ-какъ изъ Россіи потребуются усиленный отпускъ товаровъ, составляющихъ потребность для воюющихъ армій.

Впрочемъ, еслибы это и случилось, то одно усиленіе нашихъ торговыхъ оборотовъ не скоро и не слишкомъ замѣтно можетъ подѣйствовать на улучшеніе нашего финансоваго положенія. Вообще улучшеніе это главнымъ образомъ зависить отъ всей системы нашего финансоваго хозяйства, и мы постараемся разсмотрѣть этотъ предметъ въ сколь-возможно большихъ подробностяхъ.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ФИЗИОЛОГІИ.

ЖИЗНЬ КЛѢТОЧКИ.

Органическое тѣло, какъ бы сложно ни было оно, развивается изъ клѣтки. Потому-то всякое дѣльное изслѣдованіе этихъ таинственныхъ, микроскопическихъ комочковъ студеистой матеріи должно приносить существенную пользу естествознанію. Къ сожалѣнію, природа и жизнь клѣтки, ея механическое устройство и физиологическія отправленія слишкомъ мало извѣстны. Казалось бы, что при недостаткѣ положительныхъ о ней свѣдѣній, рано еще приступать къ построенію сложныхъ гипотезъ, основанныхъ преимущественно на этихъ скудныхъ по числу и неудовлетворительныхъ по своей обработкѣ данныхъ. Но склонность къ умозрѣнію, желаніе предугадать ускользающіе отъ наблюденія факты такъ свойственны людямъ науки, и такъ полезны иногда по своимъ слѣдствіямъ, что безусловное порицаніе было бы въ этомъ случаѣ крайней несправедливостью. Не отрицая хорошей стороны такихъ гипотезъ, ученая критика требуетъ только, чтобы онѣ основывались на положительныхъ данныхъ, были послѣдовательны въ своемъ развитіи и чужды тѣхъ противорѣчій, которыя явнѣ всего обнаруживаютъ неспособность ума къ соединенію въ одномъ главномъ фокусѣ всѣхъ нитей разносторонняго соображенія. Мы не видимъ этихъ недостатковъ въ шпрокомъ взглядѣ професора физиологiи цюрихскаго университета г. Фика

Т. CLXVI. — Отд. II.

на «Жизнь клѣточек». Хотя со всѣми подробностями его теоріи и нелегко согласиться, но въ ней очень много такихъ фактовъ, отрицать дѣйствительность которыхъ въть никакой возможности. Не имѣя подъ рукою нѣмецкаго оригинала, мы заимствуемъ эту статью изъ апрѣльскаго № «Journal of Science» (1866 г.), гдѣ помѣщенъ переводъ ея, сдѣланный Рэй-Ланкестеромъ. Просимъ, однакоже, читатели не терять изъ виду, что, по мнѣнію автора, способны къ дальнѣйшему развитію вещественное и духовное начала человѣческой природы кроются въ этой основной клѣточкѣ каждаго отдѣльнаго организма, изъ которой вырастаютъ постепенно наше полное я, со всѣми его отличительными признаками.

Платонъ, глубочайшій мыслитель древне-греческаго міра—такъ начинается статья свою г. Физъ—сравнивалъ государство съ человѣческимъ организмомъ. По его мнѣнію, функціи различныхъ органовъ нашего тѣла сходны съ дѣятельностью гражданъ, исполняющихъ разныя общественныя обязанности.

Какъ ни фантастично это сравненіе, однакоже, его постоянно придерживались въ политикѣ, и въ послѣднее время извѣстный юристъ Блунчли основалъ на немъ свою систему выводовъ и умозаключеній.

Впрочемъ, сравненіе это заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе простой игры воображенія. Но вообще лучше объяснять способ существованія человѣческаго тѣла государствомъ, нежели наоборотъ. Предметы, которыхъ касается это уподобленіе, довольно ясны въ государствѣ, тогда какъ въ животномъ тѣлѣ они по большей части скрыты. Потому-то сравненіе государства съ человѣческимъ организмомъ болѣе даетъ полезнаго матеріала физиологу, нежели политику. Мысль наша обнаружится опредѣленнѣе при ея дальнѣйшемъ развитіи.

Мы думаемъ, что организмъ высшаго животнаго можно уподобить управляемой націи. Если взгляды нашъ не лишены дѣйствительнаго значенія, то онъ допускаетъ гипотезу, что тѣло высшаго животнаго состоитъ изъ особей, которыя, подобно отдѣльнымъ лицамъ, входящимъ въ составъ народа, управляемаго государственной властью, исполнѣ и существенно сходны между собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Эта гипотеза такъ невѣроятна съ перваго взгляда, что я долженъ прежде всего постараться ближе ознакомить съ нею моихъ читателей.

Что же именно въ животномъ тѣлѣ можетъ быть подобно людямъ? Отвѣтъ простъ: клѣточки.

Для доказательства, что не мною однимъ усвоено это мнѣніе, я могъ бы сослаться на извѣстнаго анатома, цюрихскаго профессора Фрея, который въ своемъ «Руководствѣ къ микроскопической анатоміи» говоритъ: «Клѣточки можно считать живыми существами, какъ относительно ихъ анатомической, такъ и физиологической индивидуальностей». Но что такое клѣточка? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ высшей степени трудно. Полное и ясное опредѣленіе клѣточки невозможно еще. Однакоже попы-

таемся, при помощи наблюденiя и анализа, объяснить, на сколько возможно, ея природу. Положительно извѣстно, что органы животныхъ и растенiй состоятъ не изъ одной массы, но изъ отдѣльныхъ частей, имѣющихъ опредѣленные формы и отличительныя качества. Элементарныя составы, какъ высшихъ животныхъ, такъ и растенiй, различны по своему характеру. Въ этой истинѣ убѣждаетъ насъ микроскопъ. Однѣ ткани состоятъ изъ плотныхъ волоконъ, другія изъ трубочекъ, наполненныхъ веществомъ, весьма отличнымъ отъ стѣнокъ сосудовъ, внутри которыхъ находится оно. Эти элементарныя части могутъ, при своемъ полномъ развитiи, чрезвычайно мало походить другъ на друга, но въ пору самаго начала ихъ жизни различiя незамѣтно въ нихъ.

Тамъ, гдѣ готовится развитiе ткани, является обыкновенно множество маленькихъ тѣлъ, которыя сначала бывають всегда удивительно сходны между собою по формѣ. Они имѣютъ видъ кругловатыхъ комочковъ, состоящихъ изъ густой, вязкой матерiи. Внутри каждаго комочка находится свѣтлый, хорошо-опредѣленный и порою прозрачный шарикъ, съ темной крапинкою въ срединѣ. Это тѣло называется вообще клѣточкою; прозрачный шарикъ внутри его — ядромъ, а темная крапинка въ срединѣ шарика — зернышкомъ. Образование самыхъ сложныхъ тканей животнаго тѣла происходитъ при помощи размноженiя основныхъ клѣточекъ, которое совершается—какъ обнаружили наблюденiя—только посредствомъ безрерывнаго процесса подраздѣленiя коренныхъ клѣточекъ. Ядро дѣлится такъ, что зернышко распадается на двѣ части, причемъ окружающая ихъ оболочка охватываетъ каждую вновь образовавшуюся массу, которая такимъ образомъ и становится отдѣльными другъ отъ друга комочками.

Здѣсь возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ, касающiйся нашихъ свѣдѣнiй объ органической природѣ, по поводу котораго возобновился въ послѣднее время очень жаркiй споръ. Спрашиваютъ: творятся ли индивидуальныя органическiя существа? Эта проблема получаетъ еще болѣе общую форму при вопросѣ: создаются ли отдѣльныя клѣточки? Самые внимательные изъ современныхъ наблюдателей согласны между собою въ томъ, что созданiя клѣточки въ животной ткани до сихъ поръ не было еще никѣмъ замѣчено, и что каждая изъ нихъ есть отпрыскъ другой клѣточки, отъ которой произошла она путемъ отдѣленiя. Въ этомъ фактѣ заключается уже очевидное доказательство, что на клѣточку должно смотрѣть, какъ на органическую особь.

Въ процесѣ развитiя ткани, число новыхъ клѣточекъ увеличивается посредствомъ ихъ подраздѣленiя. Онѣ, согласно съ характеромъ ткани, принимаютъ разныя формы и по большей части содержатъ матерiалы, выработанные ими въ пространствѣ, охваченномъ ихъ стѣнками. Вообще онѣ тѣсно сближаются между собою на поверхности органическаго тѣла и во многихъ вполне развитыхъ тканяхъ составляютъ главную ихъ массу. Однакоже, всегда, до тѣхъ поръ, пока живетъ ткань, должны

существовать и клѣтчки, въ точномъ смыслѣ этого слова, то есть маленькіе комочки той таинственной студенистой матеріи, которую въ новѣйшее время называли протоплазмой. Очень вѣроятно, что внутри этого вещества кроется конечная проблема органической жизни. Его характеристическія свойства заключаются въ немъ самомъ, а не въ наружномъ видѣ клѣтчки; и чѣмъ бы ни было это вещество, какая бы ни была его форма, во всякомъ случаѣ мы находимъ въ немъ проявленія органической жизни. *Химическія* и *физическія* качества протоплазма — на сколько они извѣстны въ настоящее время — оказываются чрезвычайно пассивными. Вѣроятно, опъ есть смѣсь разныхъ химическихъ тѣлъ, важнѣйшее мѣсто между которыми занимаютъ бѣлковинныя субстанціи. Потому-то всего замѣчательнѣе въ немъ его *физиологическія* дѣйствія. Прежде всего не надо терять изъ виду тотъ фактъ, что гдѣ бы ни была найдена растущая и развивающаяся отдѣльная часть этого вещества, она — согласно съ выше-объясненными условіями размноженія клѣтчекъ — есть непремѣнно отдѣлившаяся отъ другой массы протоплазма единица, впрочемъ и ни въ какомъ случаѣ неразвивающаяся произвольно изъ своихъ собственныхъ началъ, какъ доказываютъ относящіеся къ этому вопросу наблюденія.

Но что же даетъ намъ право на парадоксальное предположеніе, что каждый изъ этихъ протоплазмныхъ комочковъ съ его центральнымъ шарикомъ, или каждая клѣтчка въ животномъ есть отдѣльное тѣло, надѣленное индивидуальнымъ одушевленіемъ? Дѣйствительно, я приписываю каждой клѣтчкѣ не только животнаго, но также и растительнаго тѣла *одушевленность* въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Я увѣренъ, что клѣтчка, которая кажется намъ *объективно* крошечнымъ, микроскопическимъ комочкомъ, или узломъ студенистой матеріи, сама въ себѣ, *субъективно*, есть вещь, подобная нашему личному я, вещь, сознающая и вліяніе на себя другихъ предметовъ (*ощущающая*), и свое собственное вліяніе на нихъ (*обладающая волею*).

Я увѣренъ, что очень многіе изъ моихъ читателей поднимутъ брови и покачаютъ головою въ отвѣтъ на эту мысль. Материалистическій взглядъ очень широко распространенъ въ настоящее время; онъ овладѣлъ умами даже тѣхъ людей, которые постоянно отвергаютъ конечные выводы матеріализма. Но этотъ взглядъ представляетъ образецъ односторонности, потому что онъ допускаетъ существованіе только тѣхъ предметовъ, которые проявляются *объективно*. Материализмъ признаетъ ихъ чисто-пассивной массой матеріи, являющеюся вслѣдствіе сплетенія причинъ. Люди, смотрящіе на міръ съ этой точки зрѣнія, присвоиваютъ себѣ право отрицать мысль о возможности существованія въ самихъ себѣ такихъ *субъективныхъ* предметовъ, которые ускользаютъ отъ нашего опыта. Но я не намѣренъ ни вдаваться въ подробную критику этого взгляда на міръ, ни медлить развитіемъ своей собственной мысли. Надѣюсь также, что читатель допуститъ

предположеніе о дѣйствительномъ субъективномъ существованіи органической кѣлочкѣ, хотя и нельзя доказать положительно этой гипотезы, потому что внутреннее бытіе вещественныхъ предметовъ недоступно нашему опыту. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ доказать одушевленность другого человѣка, который, въ отношеніи къ опытамъ, является однимъ изъ безчисленныхъ предметовъ объективнаго для насъ наблюденія, то-есть чѣмъ-то таинвымъ, изъ чего исходитъ матеріальное вліяніе на другіе предметы, и что само повинуетъя великому сдѣленію причинъ. Однакоже, несмотря на это, никому изъ насъ не придетъ въ голову отрицать одушевленность людей.

Но что же заставляетъ насъ признать ее, когда не поддается она прямому, непосредственному опыту? Конечно, умозаключеніе, основанное на сходствѣ. Личное я есть не только внутреннее, субъективное, но также внѣшнее, матеріальное явленіе. Мы видимъ свои руки, ноги, слышимъ свой собственный голосъ; зрѣніе и слухъ знакомятъ насъ съ такими же внѣшними признаками другихъ людей, которые однакоже отличаются отъ нашихъ. Мы находимъ, что внѣшнія отправленія другихъ людей подобны отправленіямъ нашего собственнаго тѣла и, основываясь на этомъ сходствѣ, дѣлаемъ умозаключеніе: «Такъ-какъ я и другіе люди производимъ одни и тѣ же объективныя отправленія, то—слѣдовательно—мы должны быть подобны и субъективно; и такъ-какъ я сознаю себя одушевленнымъ существомъ, то—слѣдовательно—и другіе люди должны быть одушевленными существами».

Лишь только ступимъ мы на этотъ путь аналогіи, передъ нами откроется невозможность найдти предѣлъ въ длинной цѣпи жизни, не остановивъся на простѣйшихъ кѣлочкахъ. Человѣка нельзя считать таинвымъ предѣломъ—это признано всѣми. Высшія животныя, и особенно тѣ, которыя близки къ намъ, такъ похожи на насъ, что неразумно было бы отрицать ихъ одушевленность. Никто не удивится, вида, что мы приписываемъ собагѣ или обезьянѣ понятливость, способность размышлять и т. д. По мѣрѣ того, какъ спускаемся мы ниже въ каталогѣ животныхъ, признаки умственной или духовной жизни становятся, конечно, все менѣе и менѣе замѣтны. Однакоже ослабленіе такъ послѣдовательно, что рѣшительно нѣтъ возможности остановиться на какой-нибудь ступѣ этого реэстра и сказать: «Здѣсь конецъ одушевленности, и начало простого механизма».

Признавъ обезьяну одушевленнымъ существомъ, мы не можемъ отказать въ одушевленіи полипу или инфузориі. Нѣтъ ни одного здравомыслящаго человѣка, который не замѣчалъ бы огромной разницы въ степени одушевленности животныхъ. Никто не допуститъ предположенія, чтобы инфузориі могла составить ясное понятіе объ окружающихъ ее предметахъ. Для этого необходимы сложные аппараты, которыхъ не имѣетъ она. Ясность ея сознанія не можетъ сравниться даже съ тѣмъ сознаніемъ, какое свойственно человѣку во время глубочайшаго сна. Но какъ переходъ отъ сна

къ пробужденію сопровождается правильнымъ и постепеннымъ развитіемъ сознанія, то подобнымъ образомъ и въ разныхъ животныхъ проявляется послѣдовательность въ степени ихъ одушевленія. Разумѣніе умственныхъ предметовъ, количество сознанія, ясность идей, возбуждаемыхъ явлениями внѣшняго міра, разнообразны до безконечности. Но самая суть одушевленности остается все та же, какъ бы ни были низки созданія органическаго царства. Во всякомъ случаѣ она заключается въ чувствѣ индивидуальности, или самоотдѣленія отъ внѣшняго міра. Богѣе или менѣе сознающее себя существо чувствуетъ дѣятельное вліяніе на него окружающей природы и стремится произвести на нее съ своей стороны также вліяніе.

Эта мысль ясна для всѣхъ послѣдователей теоріи «Провсхожденія видовъ» Дарвина, которая, подобно древней религіи индѣйцевъ, соединяетъ весь органическій міръ узами братства. Однакоже я не буду основывать своихъ заключеній на доктринѣ этого учителя, потому что она не доказана еще положительно. Но какъ скоро будетъ допущена мысль, что одушевленность исходитъ въ низшія формы животнаго царства, то явится необходимость допустить *существованіе отдѣльныхъ клѣточекъ, какъ индивидуально одушевленныхъ существъ*, потому что есть безчисленное множество животныхъ, принадлежащихъ въ порядку инфузорій, которыя состоятъ каждое изъ одной только клѣточки. Напримѣръ, амѣба—маленькая, микроскопическая протоплазмная масса, съ ядромъ и зернышкомъ. Человѣкъ, разсматривающій ее при помощи микроскопа, видитъ, какъ по собственной волѣ измѣняетъ она формы своего тѣла, выпускаетъ въ разныя стороны свои продолговатые отростки, вытягивается, и такимъ образомъ переходить съ одного мѣста на другое. Подвергаясь внѣшнему раздраженію, амѣба свертывается обыкновенно въ круглый комочекъ и потомъ, снова расширивъ всѣ свои продолговатости, стремится впередъ. Часто видитъ, какъ всасываетъ она внутрь себя меньшія тѣла, и какъ они измѣняются въ ней, вслѣдствіе — можно сказать—пищеваренія, отчасти исчезая, отчасти выбрасываясь обратно неперевавленными. Это маленькое животное растетъ и плодится посредствомъ раздѣленія.

Клѣточка, входящая въ составъ тканей какого-нибудь высшаго животнаго, дѣйствуетъ точно такъ же, какъ и одно-клѣтчатая инфузорія. Напримѣръ, находящіяся въ крови у насъ такъ-называемые безцвѣтные или бѣлые шарики совершенно подобны этимъ животнымъ. Они вытягиваютъ произвольно свои продолговатости и оказываютъ противодѣйствіе, когда раздражаютъ ихъ. Въ образовавшейся ткани клѣточки обнаруживаютъ такой же образъ дѣйствій. Онѣ правильно вращаются въ ячейкахъ матерія, которую сами для себя выработали, и которая какъ-бы составляетъ ихъ жилище.

Особенно замѣчательно, что клѣточки, отдѣлившіяся отъ ткани, могутъ двигаться нѣкоторое время въ жидкости, обнаруживая всѣ описанныя дѣйствія. Эти факты принадлежатъ къ числу самыхъ

любопытныхъ открытiй, сдѣланныхъ въ послѣднее время при помощи микроскопа. Они долго ускользали отъ вниманiя наблюдателей, потому что животныя тѣани, подвергаясь изслѣдованiямъ, лишались тѣхъ условiй, подѣ влиянiемъ которыхъ находятся онѣ въ живомъ организмѣ. Было уже упомянуто, что клѣточки въ тканяхъ высоко-организованныхъ животныхъ растутъ и воспроизводятся такъ же точно, какъ одноклѣтчатые организмы. Для дополненiя тождества надобно прибавить, что клѣточки цѣлаго животнаго, дѣйствительно, составляютъ влеме одной только клѣточки, именно — яичка. Мы видимъ здѣсь произвольное движенiе и противодѣйствiе внѣшнему раздраженiю, то-есть передъ нами является то, что обыкновенно считаемъ мы характеристическими признаками одушевленнаго существа. И такъ, посредствомъ цѣлаго ряда сходствъ, неразрывно связанныхъ между собою, мы можемъ придти къ заключенiю, что каждая клѣточка — будетъ-ли она отдѣльнымъ, независимымъ животнымъ, или частью тканей высшаго организма — есть сама въ себѣ, *объективно*, одушевленное существо. Недостатокъ независимости въ клѣточкѣ, составляющей часть тканей высшаго животнаго, не превышаетъ въ дѣйствительности того недостатка самостоятельности, который нечуждъ свободно-живущей одноклѣтчатой инфузорiи. Каждый организмъ имѣетъ свои собственные условiя жизни. Если клѣточки тканей могутъ существовать только въ нѣкоторой жидкости, или въ той средѣ, которую сами онѣ сдѣлали для себя, и гдѣ живутъ онѣ, какъ сложный организмъ, то и одноклѣтчатая инфузорiя могутъ существовать только въ нѣкоторыхъ жидкостяхъ. Онѣ тоже умираютъ, какъ скоро подчинятъ ихъ условiямъ, несогласнымъ съ ихъ организацiею. Сверхъ того, я нисколько не думаю, чтобы клѣточка, отдѣленная отъ крови или тканей высшаго животнаго и перенесенная въ другую почву, при благоприятныхъ условiяхъ, не могла продолжать своего бытiя, какъ независимое животное, и быть родоначальницею поколѣнiя инфузорiй.

Смотря съ этой точки на организмъ, мы не можемъ назвать его индивидуальнымъ, какъ скоро состоитъ онъ болѣе нежели изъ одной клѣточки. Такой объективный предметъ походить несравненно болѣе на общество особей, обитающихъ въ жилищѣ, которое ими же сдѣлано. Клѣточки выдѣляютъ материалы для этого зданiя изъ своихъ собственныхъ тѣлъ. Ассоциация дѣлаетъ возможнымъ раздѣленiе труда. Она уничтожаетъ необходимость, которая могла бы заставить каждую клѣточку исполнять разныя работы: пищеваренiе, уподобленiе и т. д. Одна группа болѣе способна исполнять одно дѣло, другая — другое. Такимъ образомъ, частныя отправленiя становятся совершеннѣе, и дѣятельность цѣлаго организма получаетъ болѣе разнообразный характеръ.

Лучшiй типъ такой ассоциаци органическихъ особей представляетъ растенiе. Здѣсь видимъ мы разныя группы клѣточекъ, исполняющiя разныя работы, полезныя для всего растенiя. Одинъ разрядъ ихъ извлекаетъ материалы изъ почвы, другой перераб о

тываетъ ихъ; одна группа заимствуетъ углекислоту изъ воздуха, другая — производитъ новыя поколѣнія. Но высшихъ усилій физической дѣятельности мы не найдемъ, конечно, въ растеніи. Причину этого недостатка понять нетрудно.

Каждая отдѣльная клѣточка въ растеніи окружается непосредственно оболочкою такъ-называемой клѣтчатки, или того вещества, которое видимъ мы въ деревѣ, хлопкѣ и писчей бумагѣ. Въ этомъ веществѣ замыкаются клѣточки индивидуально, и хотя способность производить другъ на друга взаимное вліяніе, напримѣръ, передавать матеріалы и т. д., остается при нихъ, однакоже она довольно ограничена. Клѣточки растенія не могутъ дѣлаться между собою условіями, ощущеніями и — даже можно сказать — своей опытностью. Потому-то каждая изъ нихъ ограничена тѣснымъ кругомъ своихъ собственныхъ чувствованій (которые, по нашему мнѣнію, такъ же свойственны растительной, какъ и животной клѣточкѣ). Вслѣдствіе этого онѣ и не могутъ достигнуть высшей степени физической жизни. Словомъ, ихъ можно сравнить съ людьми, заключенными съ дѣтства въ тюрьму, гдѣ, будучи размѣщены по разнымъ комнатамъ, хотя и могли бы они производить другъ на друга очень важное вліяніе, но были бы лишены возможности имѣть между собою умственные сношенія. Такіе люди никогда не достигли бы довольно высокой степени духовнаго развитія.

Въ животныхъ высшаго разряда есть много группъ клѣточекъ, расположенныхъ подобно растительнымъ. Онѣ лежатъ близко другъ къ другу, но все же изолированы, хотя и не заключены въ такія кельи, какія охватываютъ ихъ въ растеніяхъ. Подобныя агрегаты клѣточекъ находятса, напримѣръ, въ крови и эпителиѣ (epithelium). Этимъ словомъ названы слои клѣточекъ, лежащіе въ видѣ пластовъ на всѣхъ поверхностяхъ органическаго тѣла, какъ въ кожицѣ, такъ и въ слизистой оболочкѣ, покрывающей внутренніе органы нашего тѣла. Многія другія тѣани принадлежатъ къ тому же роду клѣтчатыхъ массъ. Ихъ дѣйствіе долго называлось «растительнымъ» на основаніи сходства съ жизнью и организаціею растенія.

Къ этой группѣ въ высшихъ животныхъ присоединяется новая система клѣточекъ, расположенныхъ на совершенно другомъ планѣ. Она опредѣляетъ то, что называется собственно *животнымъ*. Разница между растеніемъ и животнымъ заключается не въ основныхъ элементахъ, изъ которыхъ они составлены. Оба эти царства природы построены изъ одинакихъ матеріаловъ — изъ клѣточекъ. Наблюдатели находились въ большомъ затрудненіи, не зная, къ которому изъ двухъ царствъ отнести простѣйшіе организмы, состоящіе изъ одной, или немногихъ клѣточекъ. Дѣйствительно, это — трудное дѣло. Различіе обнаруживается асно только тамъ, гдѣ видятъ сложнѣе организмы, составленные изъ многихъ клѣточекъ. Точную характеристику обоихъ царствъ природы можно замѣтить, наблюдая способъ строенія колоніи, соста-

вленной кѣлочками, и особенно ту, сейчасъ помянутую нами систему ихъ, которая даетъ отличительные признаки животному царству. Эту систему составляетъ рядъ кѣлочекъ, широко раскинутыхъ по всему тѣлу, въ которомъ протоплазмная матерiя соединяется повсюду тонкими и длинными волокнами. Это—нервная система. Всмотримся повнимательнѣе въ ея дивное устройство, какое имѣетъ она въ животнѣхъ. Кѣлочки нашей нервной системы соединяются вообще въ болѣе или менѣе сложныя группы, называемыя нервными узлами или ганглиями. Онѣ состоятъ также изъ протоплазмныхъ выростовъ съ ядромъ и зернышкомъ. Нервные узлы распространены по всему тѣлу, не въ равномъ, конечно, количествѣ—въ одномъ мѣстѣ ихъ больше, въ другомъ меньше. Соединяются они между собою тѣми же протоплазмными нитями, которыя связываютъ всегда между собою двѣ кѣлочки. Каждая изъ этихъ нитей заключена въ настоящій футляръ и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ то, что называется «нервнымъ волокномъ». Сверхъ того надобно замѣтить, что кѣлочки не только поодиночкѣ соединяются другъ съ другомъ, но часто одну изъ нихъ связываютъ нервныя волокна со многими кѣлочками.

Кромѣ этихъ волоконъ, обуславливающихъ взаимное сообщенiе нервныхъ кѣлочекъ, есть другія нити, соединенныя однимъ концомъ своимъ съ кѣлочкою, а другимъ съ различными органами нашего тѣла. Эти нити раздѣляются на двѣ категорiи, очень различныя по роду, а не по сущности своей природы. Одинъ разрядъ ихъ идетъ, въ строжайшемъ смыслѣ слова, къ внѣшнимъ поверхностямъ нашего тѣла изъ органовъ чувствъ и назначенъ для передачи внѣшнихъ впечатлѣній нервной системѣ. Другія же нити, кончающiяся въ мышечныхъ тканяхъ, приспособлены къ переносу дѣйствующаго влiянiя нервной системы во внѣшность.

Мы получимъ полную картину нервной системы животнаго, если прибавимъ, что въ немъ—равно какъ и въ четырехъ высшихъ классахъ животныхъ—огромное число нервныхъ элементовъ, т. е. нервныхъ кѣлочекъ и соединительныхъ нитей или волоконъ, собрано въ сплошныя массы и заключено въ каналѣ позвоночнаго столба и въ пустотахъ черепа. Эти большiя нервныя массы извѣстны подъ именемъ спинного и головного мозга.

Самое устройство нервной системы намекаетъ уже очень ясно, что здѣсь должно происходить нѣчто отличное отъ того, что происходитъ въ растительныхъ или подобныхъ имъ тканяхъ животнаго. Нервныя кѣлочки не могутъ дѣйствовать только внѣшнимъ образомъ, производя другъ на друга влiянiе посредствомъ измѣненiя жидкости, которая окружаетъ ихъ. Взаимодѣйствие ихъ можетъ быть несравненно прямѣе при помощи тѣхъ нитей протоплазма, которыми соединяются онѣ между собою. У нихъ есть возможность сообщать другъ другу свои условiя, которыя, какъ матеріальныя явленiя, называются условiями раздраженiя, но сами по себѣ суть чувствованiя или дѣйствiя воли. Здѣсь

находятся средства, позволяющія кліткѣ (то-есть органическому предмету) ощущать то, что дѣйствуетъ не только на нее одну, но на тысячи другихъ клітчекъ, неразрывно соединенныхъ съ нею. Такимъ образомъ ихъ опытность—если только не странно это выраженіе—можетъ учить ее. Этимъ-то путемъ одушевленность—начало нисколько не матеріальное, нисколько не тождественное съ самой матеріею—становится способною достигнуть того совершенства, вслѣдствіе котораго сознание приобретаетъ ясность, свойственную человѣческой природѣ.

Теперь сравненіе нашего тѣла съ государствомъ не имѣетъ уже прежней неопредѣленности. Исполняющія растительныя обязанности клітки составляютъ расу какъ-бы неразвитаго умственно народа, каждый членъ котораго живетъ затворникомъ, или отрѣзаннымъ ломтемъ, не зная ничего о своихъ сосѣдяхъ. Эпителичныя клітки желудка и кишокъ можно сравнить съ земледѣльческими классами, которые производятъ пищу для себя и для другихъ. Они передаютъ этотъ сырой матеріалъ кровянымъ кліткамъ, представляющимъ торговое сословіе, которыя распространяютъ его по всему государству. Но если взглянуть на нихъ съ коммерческой точки зрѣнія, то окажется, что торговля ихъ идетъ очень плохо, потому что онѣ свои дѣнные товары мѣняютъ постоянно на старые обноски, спѣша какъ можно скорѣе продать ихъ легкимъ и почкамъ.

Это трудолюбивое населеніе находится подъ властью аристократіи, которая управляетъ имъ. Я разумѣю нервную систему. Въ средѣ этой аристократіи строго удерживается система касты, или, если лучше такъ выразиться—бюрократической классификаціи. Въ мышечныхъ волокнахъ заключается ея военная сила, всегда готовая къ битвѣ, потому что для нашего государства никогда нѣтъ мирнаго времени. Оно ведетъ постоянную войну какъ съ другими государствами, такъ и съ силами природы. Высшія посты въ нашей аристократіи занимаютъ гангліиныя клітки большихъ полушарій головного мозга, составляющія высшую часть нервной системы. Здѣсь сходятся всѣ нити, здѣсь совершаются всѣ акты мышленія, и отсюда исходятъ важнѣйшіе указы для всей націи. Однакоже не должно думать, чтобы всѣ ощущающія нити наиболѣе чувствующихъ органовъ, напримѣръ кожи и другихъ, шли прямо къ кліткамъ большихъ полушарій головного мозга, и чтобы движущія нервныя нити тянулись отсюда непосредственно къ мышцамъ. Напротивъ, между периферіею, т. е. высшими предѣлами нашего тѣла, и помянутыми полушаріями помѣщены, какъ было уже сказано, низшія власти бюрократическаго механизма: собранія гангліиныхъ клітчекъ въ позвоночномъ столбѣ и среднемъ мозгу. Особенно въ этомъ послѣднемъ и въ такъ-называемомъ «medulla oblongata», куда проникаютъ большіе нервы чувствованія, находятся массы клітчекъ, представляющихъ высшую исполнительную власть. Здѣсь обрабатываются сырые матеріалы чувствованія. Здѣсь отрываются

новости изъ разныхъ частей государства, то-есть ощущенія отъ разнообразныхъ властей чувства, соединяются другъ съ другомъ и фабрикуются въ отвлеченныя понятія, которыя передаются потомъ вышей корпораціи. Она окончательно уже рѣшаетъ, что должно быть сдѣлано на основаніи этихъ понятій. Если рѣшеніе составилось по приговору большинства, то эти власти даютъ непосредственно предписаніе подчиненнымъ, не вдаваясь въ подробности. Рѣшеніе есть просто знакъ, данный низшимъ властямъ, которыя, получивъ его, вырабатываютъ подробности дѣйствія и вліяютъ на нервы, идущіе къ мышцамъ. Напримѣръ, рѣшено произнестъ какое нибудь слово въ минуту сильнаго страданія. Для этого необходимъ сложный рядъ движеній, послѣдовательно исполняемыхъ многими мышцами. Потому-то и должно быть послано головнымъ мозгомъ много движущихъ толчковъ по различнымъ линіямъ нервовъ. Однакоже эти движущіе толчки изойдутъ не изъ большихъ полушарій головного мозга, гдѣ составилось рѣшеніе. Оттуда будетъ данъ только простой знакъ, который точнѣе же поймется удивительно подготовленными къ своему дѣлу подчиненными. Эти исполнительныя чины представляются группами клѣточекъ въ «medulla oblongata», откуда исходятъ движущіе нервы дыхательнаго аппарата и языка. Здѣсь предписаніе, выраженное знакомъ, подраздѣляется правильно на нѣсколько отдѣльныхъ приказовъ, и быстрыя посланія летятъ по разнымъ линіямъ движенія, сообщая повелѣніе головного мозга.

Низшія власти нашего бюрократическаго механизма пользуются, однакожъ, нѣкоторой независимостью. Напримѣръ, есть группа клѣточекъ, относящихся къ дыхательному аппарату. Онѣ постоянно чувствуютъ необходимость вентиляціи для крови, и потому приводятъ легкія въ болѣе или менѣе быстрое движеніе, смотря по тому, какъ требуютъ обстоятельства. Очень вѣроятно, что головной мозгъ получаетъ свѣдѣнія о ихъ дѣятельности, потому что къ нему идутъ нити отъ этихъ клѣточекъ. Даже онъ можетъ принять несомнѣнное участіе въ ихъ дѣлѣ и остановить процессъ дыханія. Однакоже, подчиненные неохотно повинуются его эгоистическимъ приказаніямъ.

Второстепенныя власти могутъ также дѣйствовать независимо на вышія отправленія. Напримѣръ, нѣкоторыя вещества производятъ непріятное впечатлѣніе на обонятельный нервъ. Клѣточки въ medulla oblongata чувствуютъ это и приказываютъ подвластнымъ мышцамъ грудной полости оттолкнуть раздражающее вещество усиленнымъ выдѣленіемъ воздуха, или чихнуть, какъ говорится обыкновенно. Дѣйствія, могущія происходить безъ вмѣшательства большихъ полушарій головного мозга, называются «рефлективными» для отличія отъ произвольныхъ дѣйствій.

Ихъ изучили съ большей отчетливостію послѣ того, какъ стали вынимать изъ головъ мозговныя полушарія. Съ нѣкоторыми животными можно это сдѣлать, не вреда тѣмъ частямъ, которыя даютъ возможность имъ двигаться подъ вліаніемъ вышняго раз-

драженія. Но замѣчали, что животныя въ такомъ случаѣ движутся не такъ уже, какъ двигались они до операціи. Наблюденія доказали, что спинной мозгъ есть центръ одушевленности. Что же касается сдѣланныхъ нѣкоторыми философама возраженій противъ этого, то ихъ можно также точно направить противъ головного мозга, еслибы только были они дѣльными возраженіями. Говорятъ, что каждое изъ явленій одушевленности можетъ быть объяснено, какъ простое механическое дѣйствіе. Но мы увѣрены, что предметы имѣютъ бытіе, независимое отъ нашего опыта, и что въ органическихъ особяхъ оно есть чувство, воля, словомъ—одушевленіе.

Взглянемъ теперь на занимающій насъ вопросъ съ этой точки зрѣнія, которая хотя и не усвоена вообще въ области естествознанія, однакоже очень можетъ быть принята изслѣдователемъ природы, какъ скоро оставитъ онъ свой анатомическій ножъ. Нѣкоторыя относящіяся къ этому вопросу явленія могли бы дать намъ матеріалъ для новыхъ заключеній. Неповрежденное животное, напримѣръ лягушка, дѣлаетъ прыжокъ, когда раздражаютъ ей кожу, потому что въ клѣточкахъ большого мозга составилось предположеніе о возможности уйти отъ опасности посредствомъ прыжка; составилось же оно на основаніи опытности кожи и глазъ, которые подчинены головному мозгу. Но когда его полушарія будутъ вынуты изъ головы животнаго, то обязанность руководить механическими дѣйствіями организма принимаютъ уже на себя клѣточки спинного мозга. Однакоже, не имѣя въ своемъ распоряженіи такихъ познаній, какими обладалъ высшій органъ мышленія, и не получая отъ него указа, онѣ неспособны составить опредѣленнаго плана, относительно бѣгства, и привести его въ исполненіе. Онѣ могутъ дать только приказаніе ближайшему агенту удалить раздраженіе. Обыкновенно къ раздражаемому мѣсту подымается нога животнаго, для того чтобы удалить причину раздраженія. Такимъ образомъ центры большой системы спинного мозга становятся совершенно независимы при уничтоженіи высшихъ центровъ. Но въ теченіе нормальной жизни ихъ независимость, какъ было уже замѣчено, имѣетъ относительный характеръ, и потому данныя ими приказанія исполняются только въ то время, когда изъ головного мозга не исходитъ предписаній.

Несравненно большей независимостью пользуются всегда тѣ изъ подчиненныхъ нервныхъ центровъ, которые охраняютъ растительную дѣятельность животнаго организма, напримѣръ, ганглія сердца и кишечнаго канала. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, при весьма исключительныхъ обстоятельствахъ, дурныя вѣсти доходятъ оттуда до головного мозга. И наоборотъ, его клѣтки производятъ вліяніе на дѣятельность сердца только во время болѣзни, напримѣръ, горячки, или при необыкновенной бурѣ, которою сопровождаются сильныя страсти. Замѣчательно, что между соединительными волокнами, поддерживающими сла-

бое господство головного мозга надъ нервными центрами растительной жизни, находятся особы нити, имѣющія исключительное назначеніе передавать контр-предписанія противъ дѣйствія. Это — перехватывающіе нервы. Они способны сообщить сердцу такое раздраженіе, что оно перестанетъ биться.

Было говорено уже нами о раздѣленіи труда между низшими центрами нервной системы. Одни изъ нихъ вырабатываютъ ощущенія, производимыя свѣтомъ, въ ясныя представленія; другіе соединяютъ эти ощущенія съ чувствомъ осязанія; третьи имѣютъ дѣло съ рѣчью, четвертые приводятъ въ порядокъ движенія разныхъ обонечностей, пятые управляютъ сердцебиеніемъ и т. д. Рѣшительно нѣтъ ничего подобнаго въ высшемъ правительствующемъ органѣ — въ массѣ клѣточекъ большихъ полушарій головного мозга. Здѣсь каждая изъ нихъ можетъ принимать участіе во всемъ, что возбуждаетъ общую дѣятельность этого органа. Каждая часть его, какъ бы мала или велика ни была она, можетъ заставить дѣйствовать другія части, и особенно потому, что установлено опредѣленное отношеніе между обѣими большими половинами головного мозга. Это — положительные, недопускающіе сомнѣнія факты. Патологическія наблюденія доказываютъ, что люди, лишенные (вслѣдствіе дѣйствія на нихъ внѣшней причины, или разрушительнаго недуга) большей части своихъ мозговыхъ полушарій, не теряютъ умственной силы, наприимѣръ, памяти или дара слова, тогда какъ, судя по мѣстности поврежденія, они должны бы утратить эти способности. Человѣкъ, когда бываетъ повреждена у него бѣльшая часть головного мозга, продолжаетъ пользоваться такой же ясностью сознанія и разумнiя, какаа была свойственна ему и прежде. Еслибы вздорныя мысли фрепологовъ не были окончательно опровергнуты ихъ же неразумнымъ размѣщеніемъ такъ-называемыхъ духовныхъ силъ или умственныхъ способностей, то одни эти наблюденія могли бы доказать неосновательность подобнаго умозрѣнія.

Къ представленнымъ здѣсь фактамъ можно прибавить еще одно дѣльное замѣчаніе. Они показываютъ, что качество умственной силы зависитъ не отъ количества головного мозга, какъ вообще думаютъ, но что *энергія* и *неустойчивость* человѣческаго ума дѣйствительно обуславливаются объемомъ мозговой массы. Нашъ взглядъ на этотъ предметъ ведетъ необходимо къ заключенію, что при небольшомъ числѣ клѣточекъ, каждая изъ нихъ должна работать съ большимъ напряженіемъ, и что, наоборотъ, когда много ихъ, работа становится легче, потому что онѣ взаимно помогаютъ другъ другу. Въ первомъ случаѣ, вся масса клѣточекъ должна скоро приходять въ изнеможеніе.

Доказано, что величайшіе люди имѣли очень большія головы. Этотъ фактъ объясняется, впрочемъ, самымъ характеромъ знаменитыхъ дѣлъ, которыя требуютъ нетолько дѣятельности, но также энергіи и настойчивости въ ихъ исполненіи; а эти качества зависятъ уже просто отъ объема головного мозга. Я охотно

допускаю, что высказанныя мною мысли могутъ поднять трудный вопросъ: «Какимъ же образомъ наше собственное сознание кажется намъ личнымъ, тогда какъ, согласно съ высказаннымъ выше мнѣніемъ, оно должно бы скорѣе быть соединеннымъ сознаниемъ народа, т.-е. множества влѣточекъ? Для рѣшенія этой задачи, я могу только сослаться на «Критику чистаго разума» Канта. Вотъ это образцовое мѣсто:

«Одинъ упругій шаръ, поражая другой, раздѣляетъ съ нимъ весь свой моментъ и, слѣдовательно, всю фазу своего бытія. Предположимъ теперь, что собрано нѣсколько тѣлъ, состоящихъ изъ одинакой матеріи, и что они сообщаютъ другъ другу *мысли*. Легко представить себѣ цѣлый рядъ ихъ, въ которомъ первое тѣло передаетъ другому свои условія и свое сознание этихъ условій; второе поступаетъ такъ же точно въ отношеніи къ третьему, сообщая ему не только свои собственныя условія, но и то, что сообщено ему первымъ тѣломъ; третье передаетъ такимъ же образомъ своему сосѣду условія двухъ предшествующихъ ему тѣлъ вмѣстѣ съ своими собственными условіями, равно какъ и свое сознание ихъ. Очевидно, что послѣднее тѣло должно сознать всѣ фазы бытія тѣлъ, видоизмѣнявшіяся на пути къ нему, равно какъ и свои собственныя условія, потому что эти фазы переданы ему вмѣстѣ съ ихъ сознаниемъ. Не будетъ ли въ такомъ случаѣ послѣднее тѣло совершенно тождественно со всѣми фазами существованія всѣхъ данныхъ тѣлъ?»

Великій мыслитель какъ будто прозрѣлъ неоткрытое еще въ то время устройство нервной системы, съ ея *клеточками*, передающими другъ другу свои условія. Теперь только коснулись этой завѣсы. Но она лежитъ непроницаемымъ покровомъ надъ таинственной глубиною нашего внутренняго я, и никогда не удастся намъ поднять ее.

НОВОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русскій Архивъ, № 3-й и 4-й.—Московскія университетскія извѣстія, № 6.— Письмо В. А. Жуковскаго о холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ въ 1831 году.—Воспоминанія г. Снегирева о митрополитѣ Платовѣ.—Лордъ Малмсбери, о Потемкинѣ и Орловыхъ—Сношенія Россіи съ Франціею, въ началѣ революціи и мнѣніе о ней Еватерини II-й. —

Въ третьемъ выпускѣ «Русскаго Архива» напечатанъ любопытный отрывокъ изъ письма Жуковскаго объ извѣстномъ холерномъ возмущеніи 1831 года. Если не ошибаемся, это первый печатный въ Россіи разсказъ объ этомъ происшествіи. Въ свое время о немъ не было ничего упомянуто въ русскихъ газетахъ.

Приводимъ это письмо, писанное къ принцессѣ Луизѣ прусской 5 июля 1831 года:

«Пишу къ вашему высочеству окруженный скорбными сценами. Холера опустошаетъ Петербургъ. Мы въ Петергофѣ, въ достаточной безопасности отъ заразы. Все тихо вокругъ насъ. Погода великолѣпная; природа обычно-прекрасная, блистающая и спокойная, какъ будто съ людьми и не совершается никакою бѣды. И посреди этой всеобщей тишины безирестанно узнаемъ мы о кончинѣ кого либо изъ знакомыхъ людей. Здѣсь, на морскомъ берегу, есть пльнительный уголокъ, называемый *Монлезиромъ*; это небольшою дворецъ, въ Нормандскомъ стилѣ, построенный Петромъ-Великимъ. Возлѣ него терраса, освѣщенная вѣтвистыми липами, которыя теперь цвѣтутъ. Море разстилается передъ этою удивленною террасою; тутъ любятъ прекрасною картиною заходящаго солнца. Но, право, совѣстно наслаждаться даже красотою природы. Съ этой террасы видны на небосклонѣ съ одной стороны Петербургъ, съ другой—Кронштадтъ: оба заражены холерою, и воображеніе невольно переносится къ многочисленнымъ сценамъ страданій и горя; и прекрасная картина тишины, находящаяся передъ взорами, тотчасъ утрачиваетъ свою прелесть: тоска точитъ сердце, какъ червь. Но эти мрачныя чувства проявляются иногда передъ свѣтомъ особаго рода: я долженъ разсказать вашему высочеству одну сцену, которая по истинѣ рѣдко встрѣчается въ исторіи и которая не будетъ изложена въ газетахъ такъ, какъ бы слѣдовало. Петербургское населеніе, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми, и во всякомъ случаѣ побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ-знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ, на одной изъ петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа, но появляются строевыя войска, и сходбище разсыано. Весь Петербургъ въ тревогѣ; безпокойство овладѣваетъ жителями; ждуть общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой

его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, обруженный толпою отъ двадцати до двадцати-пяти тысячъ человекъ*. Тогда онъ встаетъ; представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій, звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь спящую въ своей смутѣ, и теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: «Внчаясь на царство, я поклялся поддерживать мою присягу. Я добръ для добрыхъ; они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца! Но горе злоначѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ, вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе: зараза! Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе: всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть, вы жалуетесь на меня; ну, вотъ я здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смиренныя, я вамъ вѣрю, и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ, и образумите матежниковъ! Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ. Къ вамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь, въ городѣ зараза! Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ! Если вы оскорбили меня своимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершенно было убійство! Невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобъ онъ васъ простилъ!» При этихъ словахъ онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего преступления. Минута единственная! И съ этой минуты все пришло въ порядокъ. Два дни еще опасались возобновленія смуты; но эти опасенія были ложны. Народъ успокоился, довѣріе восстановлено. Не препятствуютъ болѣе перевозить больныхъ въ лазаретъ, и самая болѣзнь начинаетъ утрачивать свою силу и напряженіе. Съ тѣхъ поръ императоръ еще два раза былъ въ Петербургѣ. Сопровождавшіе его передавали мнѣ, что какъ только замѣтятъ императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотреть на него поближе, что многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его. Это очень понятно. Рѣчь, которую я привелъ вашему высочеству, была мнѣ пересказана слово въ слово княземъ Меншиковымъ, находившимся въ коляскѣ съ императоромъ въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ народу, и потому имѣвшимъ возможность не проронить ни одного звука. Подобная сцена могла бы занять прекрасную страницу у Тита Ливія (но у Тита Ливія христіанина)...

* Это было 28-го іюня 1831 года.

Если повѣрять рассказъ этотъ преданіемъ, перешедшимъ и въ печать, напримѣръ, въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Гримма «Императрица Александра Федоровна», то онъ охватывается несовсѣмъ полнымъ; но во всякомъ случаѣ, письмо Жуковскаго крайне любопытно, какъ свидѣтельство и отзывъ современника.

Въ четвертомъ выпускѣ «Русскаго Архива» сообщены любопытныя подробности изъ нравовъ русскаго духовенства и высшаго общества при Екаторинѣ II.

Рассказы о старинномъ духовествѣ находятся въ «Воспоминаніяхъ И. М. Снегирева» и группируются около личности знаменитаго московскаго митрополита Платона, котораго г. Снегиревъ зналъ еще лично.

Платонъ приобрѣлъ себѣ народную любовь въ Москвѣ еще въ то время, когда онъ былъ воспитанникомъ богословскаго класса славяно-греко-латинской академіи. Москвичи любили восхвалять его объясненія на катехизисѣ въ академіи. Въ то время архіепископомъ московскимъ былъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, полумолдавчанинъ, полумалороссіанинъ. Онъ былъ человекъ строгій до жестокости: плети и розги служили у него обыкновенными средствами для исправленія подчиненныхъ; отъ нихъ не избавлялись даже священнослужители: «приносяшіе безкровную жертву, были сѣчены до крови.» Амвросію не нравилась ранняя слава молодого Платона; онъ потребовалъ къ себѣ его тетради и подъ предлогомъ, что нашелъ въ нихъ нѣчто предосудительное, хотѣлъ было всѣчь молодого человекъ при всѣхъ въ академической аудиторіи. За него вступился ректоръ и отстаивалъ невинность своего питомца.

Платонъ вступилъ въ монашество по совѣту архимандрита Троицкой Лавры Гедеона Кринова, знаменитаго проповѣдника и любимца императрицы Елизаветы. Этотъ архимандритъ отличался любовью къ роскоши. Въ его время соборные старцы и настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ серебряными и золотыми пряжками, обувались въ шелковые чулки; у Гедеона были пряжки на башмакахъ брильянтовыя, стоившія 10.000 руб. Роскошь его вошла въ пословицу. Про него говорили: «Гедеонъ нажилъ миллионъ.»

У Гедеона были свои особыя понятія о іерархической дисциплинѣ. Ему случилось замѣтить, что Платонъ, непившій ничего хмѣльнаго, мѣнялъ на деньги свою ежедневную порцію напитковъ, которая выдавалась въ лаврѣ каждому монаху и состояла изъ бутылки хорошаго кагору, штофу пѣннаго вина и кунгану меда, пива и квасу. Когда этихъ денегъ скопилось довольно, Платонъ сшилъ себѣ — впервые въ жизни — шелковую рясу. Однажды Гедеонъ взялъ съ собою Платона на корбуху; тамъ пошелъ съ нимъ по берегу пруда и все тѣснилъ его къ самому краю, пока наконецъ не столкнулъ въ воду. Платонова ряса — предметъ его радости и тщеславія — замочилась; но молодой человекъ не смѣлъ обнаружить своего неудовольствія передъ на-

чальникомъ, который привезъ его взмокшаго въ лавру. Когда вошли въ настоятельскіе покои, Гедeonъ сказалъ Платону: «Никогда не сердись, когда начальнигъ шутить съ тобою для испытанія твоего характера.» И съ этими словами настоятель подарилъ Платону двѣ расы изъ собственнаго гардероба.

Гедeonъ былъ великороссіанинъ и очень не любилъ малороссіянъ, изъ которыхъ, до царствованія Елизаветы Петровны, замѣшались всѣ высшія духовныя должности. Издавна въ лаврѣ одна половина монашествующихъ была великороссіане, другая — малороссіане. Оттого составились двѣ партіи, между собою враждебныя, и это нерѣдко вело къ разнымъ столкновениямъ. Преданія объ этихъ столкновенияхъ приобрѣли эпическій характеръ. «Однажды — говоритъ преданіе—монахъ москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробового, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые, имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному», а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце у нихъ полно злобы и лугавства, а карманъ—серебра и золота. Гробовой принялъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Въ другой разъ столкновение между великороссіанцами и малороссіанцами обнаружилось слѣдующимъ образомъ: архимандриту-малороссіанину дано было знать, что императрица Елизавета прибудетъ туда на богомолье. Онъ призвалъ къ себѣ своихъ земляковъ и сказалъ имъ: «Ея императорское величество изволить прибыть въ святую нашу лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословена богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь, братія, явиться предъ лицомъ ея императорскаго величества въ лучшихъ одеждахъ.» Москалямъ же, напротивъ того, онъ присовѣтовалъ явиться въ худшихъ одеждахъ, чтобы показать видъ смиренія. Такъ и было сдѣлано. Императрица замѣтила это рѣзкое различіе одежды и обратила на него вниманіе архимандрита: «Вѣдь лавра всѣмъ изобилуетъ — сказала она — отчего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?» — «Отъ того, ваше величество — отвѣчалъ ловкій архимандритъ — что первые малороссіане, люди трезвые, благоприличные, а другіе—москаль, люди невоздержные и нерадивые о себѣ.» И долго государыня оставалась въ такомъ мнѣніи о лаврскихъ монахахъ, пока не разъяснилъ ей хитрость архимандрита одинъ истопникъ, съ которымъ государыня любила разговаривать.

Въ елизаветинскія времена Троицкая Лавра, владѣя многими вотчинами, изобиловала всѣми благами. Не, кромѣ того, можно сказать, что тамъ жило весело. Лавра славилась своими меда-

дами, пивами и квасами; виноградная вина выписывались бочками, рыба свозилась съ ея рыбныхъ ловлей на рѣкахъ. Предъ всенощною, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія клиросныхъ, такъ «что правый клиросъ поеть, а лѣвый въ алтарь пиво пьетъ.» За всенощною въ алтарь, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величанье, что называлось, *на хвалителѣ*. Торжественно-забавнымъ бывалъ поѣздъ архимандрита на корбуху въ баню. Онъ ѣхалъ шестерею въ каретѣ, впереди его верхомъ дьяконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телега съ разными припасами, полъ въ банѣ устилался благовонными травами и цвѣтами. На каменку подавали венгерскимъ виномъ, которымъ означивался высокопреподобный.

Подобные обычаи водились въ лаврѣ до тѣхъ поръ, пока Платонъ вступилъ въ управление ею. Подъ его началомъ многое перемѣнилось къ лучшему. Извѣстно, что ему принадлежитъ преобразование духовной академіи. Разумными мѣрами своими онъ возвысилъ нравственный духъ лаврскаго монашества, а потомъ, когда сталъ московскимъ митрополитомъ, и всего московскаго духовенства. Москвичи очень любили служеніе и проповѣдь Платона. Издалека пріѣзжали, чтобы только его видѣть и слышать. Молва народная постоянно распространяла рассказы о его умныхъ и находчивыхъ отвѣтахъ при разныхъ случаяхъ. Говорили, напримеръ, что однажды, когда Платонъ, въ своемъ парадномъ экипажѣ, пріѣхалъ къ извѣстной нягинѣ Дашковой, она спросила его: «Пресвященный, васъ возять въ шесть коней, а Христось никогда не ѣдилъ въ такомъ экипажѣ, а всегда ходилъ пѣшкой?» — «Такъ—отвѣчалъ Платонъ—Христось ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали, а я ихъ не догоню и на шестернѣ.» Въ другой разъ случилось Платону идти служить въ Чудовъ монастырь, гдѣ при входѣ на стѣнѣ большой образъ страшнаго суда. На этотъ образъ смотрѣла въ ту пору одна графиня. Увидѣвъ митрополита, она обратилась къ нему и попросила благословенія. Митрополитъ спросилъ ее, что смотритъ она на образъ. «Смотрю—отвѣчала графиня—какъ архіерей идутъ въ адъ.» — «А вотъ поглядите-ка на это», возразилъ Платонъ, и показалъ ей на адскія мученія вольной женщины.

Сохранилось преданіе, что митрополитъ Платонъ не любилъ безпорядковъ и шума при богослуженіи, но тѣмъ не менѣе, никогда не запрещалъ впускать въ церковь простолюдиновъ во время своего служенія; въ такихъ случаяхъ, онъ съ негодованіемъ говорилъ полиціи: «Что вы, волки, разгоняете монахъ овецъ?» Однажды, когда Платонъ говорилъ проповѣдь въ Успенскомъ соборѣ, Беклешовъ, московскій главнокомандующій, заговорилъ громко съ какимъ-то генераломъ, пріѣзжимъ изъ Петербурга. Платонъ остановился, и когда Беклешовъ, по указанію своего адъютанта, тоже прямокъ, митрополитъ спросилъ его: «Кончили

ли вы, ваше высокопревосходительство? а я стану продолжать мое слово». Въ другой разъ, тоже во время службы и въ присутствіи Веклешова, Платону случилось сдѣлать довольно громко выговоръ протодіакону въ алтарѣ. Веклешовъ послалъ спросить митрополита: не нужна ли ему полиція? «Полиція, я здѣсь, возразилъ Платонъ:—онъ съ полиціей на площади».

Съ придворными нравами временъ Екатерины; «Русскій Архивъ» знакомитъ насъ на этотъ разъ въ извлеченіи изъ записокъ лорда Мальмсбюри о Россіи. Этотъ дипломатъ былъ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1778 по 1783 годъ. Таковыя маневры его политики оказались неуспѣшны, то онъ смотрѣлъ на русскій дворъ нѣсколько односторонне и чересчуръ строго. Но какъ умный и наблюдательный человѣкъ, онъ оставилъ въ своихъ бумагахъ замѣтки очень любопытныя и достойныя вниманія историковъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ то время, когда уже кончился «случай» Орловыхъ, и Потемкинъ былъ въ большой силѣ, но еще не зналъ—какъ себя держать въ отношеніи къ мелкимъ любящимъ. Вотъ нѣсколько разсказовъ лорда Мальмсбюри изъ этой эпохи:

Едва пріѣхавши въ Петербургъ, лордъ счелъ полезнымъ для себя провѣдать всѣ личныя придворныя отношенія. Онъ не хвалитъ Потемкина и другихъ, близкихъ къ императрицѣ лицъ потому, что они были противъ сближенія Россіи съ Англіею, котораго такъ желалъ англійскій дипломатъ. Лордъ Мальмсбюри ищетъ сближенія съ княземъ Г. Г. Орловымъ, какъ лицомъ враждебнымъ Потемкину и склоннымъ ходатайствовать за англійскій союзъ, но въ то же время сознается, что князь потерялъ всякое значеніе. Онъ ловитъ малѣйшее событіе, которое, по его мнѣнію, можетъ возвратить это значеніе князю.

«Нѣсколько дней тому назадъ—пишетъ лордъ въ маѣ 1778 года—князь Потемкинъ задумалъ отстранить Зорича... Какъ только ея величество удалалась, онъ (Зоричъ) съ неистовствомъ бросился на Потемкина, сталъ бранить его самыми грубыми словами и непремѣнно хотѣлъ съ нимъ драться. Потемкинъ отклонилъ такое предложеніе и велъ себя въ этомъ случаѣ, какъ человѣкъ, который заслуживаетъ обращенные къ нему упреки. По окончаніи представленія, Зоричъ послѣдовалъ за императрицею въ ея комнаты, бросился къ ея ногамъ, признался въ своемъ поступкѣ, сказалъ, что какъ ни велики почести и богатства, которыми она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія. Такой поступокъ произвелъ свое дѣйствіе. Когда Потемкинъ явился, его приняли очень дурно, а Зоричъ въ продолженіе одного или двухъ дней казался въ большой милости. Потемкинъ повиннулъ Царское и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, однако, Зоричъ былъ сюда присланъ, и императрица приказала ему позвать Потемкина на ужинъ «de rassembler l'affaire puisqu'elle n'aimait pas les tracasseries». Ужинъ этотъ происходилъ на дняхъ; они повидимому теперь друзья, но По-

теменинъ человекъ хитрый и непременно переселить оригинальнаго и угловатаго Зорича. Потемкинъ непременно добывается его отставка, а Зоричъ рѣшился перерѣзать горло своему сопернику».

Такъ поколебался-было кредитъ Потемкина. Это заставило его быть на сторожѣ и заботливо оберегать свое положеніе. Вдругъ, въ сентябрѣ того же 1778 года, въ Петербургъ пріѣзжаетъ графъ Алексѣй Орловъ. «Появленіе его—пикнетъ англійскій дипломатъ—звергло настоящихъ временщиковъ въ сильное недоумѣніе: онъ бесѣдовалъ уже неоднократно наединѣ съ императрицей. Потемкинъ притворяется чрезвычайно веселымъ и равнодушнымъ. Я имѣлъ на дняхъ честь играть за карточнымъ столомъ съ императрицею, въ присутствіи этихъ двухъ господъ. Перо мое не въ силахъ описать сцену, въ которой принимали участіе всѣ страсти, могущія только волновать человѣческое сердце, гдѣ дѣйствующія лица съ мастерствомъ скрывали эти страсти».

«Графъ Алексѣй былъ необыкновенно любезенъ со мной и увѣрялъ, что такой же искренній другъ Англии, какъ его братъ, но не столь лѣнивый». Долго лордъ Мальмсбюри не могъ узнать причинъ пріѣзда графа А. Орлова и обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Наконецъ, послѣ двухвѣдѣльныхъ развѣдковъ, дѣло стало ясно англійскому дипломату. Онъ отписалъ о немъ въ Лондонъ съ подробностью, можетъ быть, излишнею, ибо едва-ли лорду могли быть сообщены точныя извѣстія объ интимныхъ разговорахъ императрицы. Тѣмъ не менѣе, рассказъ его очень любопытенъ:

«Вскорѣ послѣ пріѣзда Орлова, императрица послала за нимъ, и послѣ самой лестной похвалы его характеру и самыхъ сильныхъ выраженій благодарности за прошедшія услуги, она сказала, что еще одной отъ него требуетъ, и что эта услуга для ея спокойствія важнѣе всѣхъ прежнихъ. «Будьте дружны съ Потемкинымъ—продолжала она—убѣдите этого необыкновеннаго человека быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, быть внимательнѣе къ обязанностямъ, налагаемымъ на него высокими должностями, которыми онъ правитъ, просите его стараться о приобрѣтеніи друзей и о томъ, чтобы не дѣлалъ изъ жизни моей одно постоянное мученіе, въ замѣнъ всей дружбы и всего уваженія, которыя я къ нему чувствую. Ради Бога—прибавила она—старайтесь съ нимъ сблизиться; дайте мнѣ новую причину быть вамъ благодарной, и столько же содѣйствуйте моему домашнему счастью, сколько уже вы содѣйствовали къ славлъ и блеску моего царствованія». Странны были эти слова отъ монархини въ подданному, но еще гораздо необыкновеннѣе отвѣтъ сего послѣдняго. «Вы знаете—сказалъ графъ—что я рабъ вашъ, жизнь моя въ услугахъ вашихъ; если Потемкинъ возмущаетъ спокойствіе души вашей—приказывайте, и онъ немедленно исчезнетъ; вы никогда о немъ болѣе не услышите! Но вышиваться въ придворныя интриги, съ моею правотою, при моей репутаціи; невать добро-

желательства такого лица, котораго я долженъ презирать какъ человѣка, на котораго я долженъ смотрѣть какъ на врага отечества — простите, ваше величество, если откажусь отъ подобнаго порученія!» Императрица тутъ залилась слезами; Орловъ удалился, но черезъ нѣсколько минутъ вернулся и продолжалъ говорить: «Я достовѣрно знаю, что у Потемкина нѣтъ истинной привязанности къ вашему величеству; его единственная цѣль — собственная выгода; его единственное замѣчательное качество — хитрость; онъ старается отвлечь вниманіе вашего величества отъ государственныхъ дѣлъ, погрузить васъ въ состояніе самоувѣренной и изнѣженной разбѣянности, для того, чтобы самому имѣть верховную власть. Онъ существенно повредилъ вашему флоту, онъ разорилъ вашу армію, и, что всего хуже, онъ унижилъ вашу репутацію въ глазахъ свѣта, лишилъ васъ привязанности вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Если вы хотите избавиться отъ такого опаснаго человѣка, располагайте моею жизнью; но если вы желаете повременить, то я ничѣмъ не могу послужить вамъ въ исполненіи порученій, для которыхъ необходимо дѣйствовать лестью, лицемеріемъ и обманомъ». Императрица была очень взволнована такою необыкновенною рѣчью, призналась въ вѣрности всего того, что сказано было о Потемкинѣ, благодарила графа въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ за предложенное имъ усердіе; но сказала, что она не можетъ вынести мысли о такихъ жестокихъ мѣрахъ; созналась, что ее характеръ весьма измѣнился и жаловалась на значительное расстройство своего здоровья. Она просила графа не думать о томъ, чтобы выѣзжать изъ Петербурга, ибо ей, конечно, будутъ необходимы его помощь и совѣты.

Несмотря, однако, на эти заключительныя любезности, какъ свидѣтельствуешь лордъ Мальмсбурп, послѣ разсказанныхъ переговоровъ, бредить Орловыхъ сталъ окончателно падать, и оба брата почувствовали, что нѣтъ никакой надежды снова овладѣть прежнимъ вліаніемъ: напротивъ того, авторитетъ Потемкина вполне утвердился, и до самой смерти этотъ государственный человѣкъ не встрѣчалъ себѣ значительныхъ соперниковъ при дворѣ Екатерины.

— Въ настоящее время, когда все болѣе и болѣе становится яснымъ, какъ важно для Россіи держаться въ отношеніи къ Западной Европѣ политики національной, свободной отъ вліанія той или другой державы европейской, составленіе подробной исторіи русской дипломатіи или, по крайней-мѣрѣ, изданіе документовъ о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ прежняго времени дѣлается настоятельною необходимою. Что въ документахъ этого рода врется богатый матеріалъ для историческихъ и политическихъ соображеній — это видно и по тѣмъ немногимъ, отрывочнымъ дипломатическимъ даннымъ, которыя повременамъ печатались въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ и сборникахъ. Еще недавно, г. Соловьевъ, въ своей «Исторіи паденія Польши» — показалъ высокій интересъ, представляемый систематической гру-

пировкой подобныхъ матеріаловъ. Но такъ-какъ они хранятся въ архивахъ, доступныхъ только для немногихъ дѣятелей исторической науки, и какъ по обширности своей они едва-ли бы могли быть изданы частнымъ лицомъ, то нельзя не желать, ради нуждъ какъ науки, такъ и политики, чтобы эти матеріалы появились въ свѣтъ починомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ начато было подобное изданіе, подъ названіемъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами». Но, къ сожалѣнію, оно остановилось на первыхъ томахъ. Возобновленіе этого сборника въ настоящее время было бы драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для нашей политической науки.

Въ примѣръ того интереса, который представляютъ собою дипломатическіе документы, представимъ нѣсколько извлеченій изъ извѣстій о сношеніяхъ Россіи съ Франціею въ началѣ революціоннаго періода, и о томъ, какъ императрица Екатерина смотрѣла на переворотъ, начавшійся на берегахъ Сены *.

Когда во Франціи началось революціонное движеніе, Россія находилась въ затруднительномъ положеніи: она вела войну со Швеціею и Турціею, опираясь на слабую поддержку Австріи и не вида нивакого почти содѣйствія отъ другой своей союзницы, Даніи; Прусія и Англія грозилъ ей войною. Тогда Екатерина рѣшилась на сближеніе съ французскимъ правительствомъ. Но послѣднему было не до общеевропейскихъ дѣлъ. «Полнѣйшая анархія продолжаетъ терзать Францію—писалъ императрицѣ русскій посланникъ въ Парижѣ Симолинъ, въ іюлѣ 1789 года—нѣтъ ни законовъ, ни власти исполнительной, не можетъ быть и рѣчи о внѣшней политикѣ, какъ будто бы это государство вычеркнуто изъ списка державъ европейскихъ; король и королева трепещутъ предъ слѣдствіями революціи, подобныхъ которой не представляетъ исторія: эти слѣдствія неисчислимы». Когда въ Россіи были получены эти извѣстія, Екатерина сказала своему статс-секретарю Храповицкому: «Со вступленія на престолъ, я всегда думала, что ферментация тамъ должна быть; нынѣ не успѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Фаета, *comme un ambitieux*, взяла бы въ себѣ и слѣдала своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлали здѣсь съ востешствіемъ?»

Въ началѣ 1791 года для Россіи стало еще осязательнѣе необходимою французскаго союза: Англія собиралась послать 35 линейныхъ кораблей въ Балтійское море, чтобы заставить Россію заключить миръ съ Турціею безъ всякихъ вознагражденій. Симолинъ старался убѣдить французское правительство вооружить флотъ, чтобы сдержать Англію, и потребовать объясненій у ан-

* «Московскіи университетскіи извѣстія» 1866 г., № 6, стр. 437: «Сношенія Россіи съ Франціею въ 1789—1791 гг.» г. Соловьева. Русскій Архивъ г. Вартевева, № 8: «Записка Екатерины II о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства».

гійскаго правительства о его намѣреніяхъ. Екатерина утверждала, что война есть для Франціи единственный выходъ изъ ея домашнихъ затрудненій. Но французскіе министры колебались послѣдовать русскому предложенію и наконецъ отклонили его. Императрица окончательно убѣдилась, что союзъ съ Франціею бесполезенъ и даже невозможенъ.

Когда Лудовикъ XVI рѣшился ѣхать изъ Парижа, то между парижанами распространился слухъ, что Симолинъ содѣйствовалъ этой погонѣ. Въ Палероалѣ и потомъ въ Елисейскія полякъ въ народной толпѣ было сдѣлано предложеніе схватить русскаго посланника и раздѣлаться съ нимъ. Иные въ толпѣ сочли это дерзкимъ нарушеніемъ народнаго права, но на ихъ замѣчаніе ить возразили: «А что намъ можетъ сдѣлать русская императрица?» Извѣщенный о такихъ намѣреніяхъ черни, Симолинъ просилъ охраны у начальника національной гвардіи Лафайета. У воротъ посланничьяго дома удвоили караулъ; рожокъ на Симолина прекратился.

Въ октябрѣ 1791 года Симолинъ прислалъ Екатеринѣ прокламацію Лудовика XVI по поводу принятія новой конституціи. Екатерина, читая ее, сдѣлала нѣсколько замѣчаній. Изъ нихъ видно, что императрица считала положеніе Франціи совершенно безнадежнымъ. Въ прокламаціи короля содержались однѣ громкія фразы, неспособныя произвести никакого впечатлѣнія на раздраженный народъ. Такъ, напримѣръ, король обращался къ національнымъ гвардейцамъ, убѣждая ихъ строго исполнять свои обязанности. «Это наставленія людямъ, которые его не поймутъ», отиѣтила Екатерина. «Судьи, старайтесь вмѣстѣ со мною восстановить миръ и господство законовъ!» говорилось въ прокламаціи. «Чтобы первая народная толпа принудила ихъ осудить кого ей угодно», добавила Екатерина.

Въ январѣ 1792 года Симолинъ оставилъ Парижъ. Еще въ половинѣ предыдущаго года эмигранты, и въ томъ числѣ братъ короля, графъ Артуа, рѣшились хлопотать въ европейскіхъ дворахъ для принятія ими мѣръ къ восстановленію порядка во Франціи. Екатерина приняла живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Она составила записку съ изложеніемъ мѣръ, которыя для того необходимы.

«Дѣло французскаго короля — писала императрица — есть дѣло всѣхъ государей. Для Европы важно, чтобы Франція снова заняла положеніе, подобающее великому государству. Въ настоящее время достаточно десяти тысячъ человекъ войска, чтобы пройти Францію отъ одного конца до другого. Имѣть такое войско — для этого нужно около полумиліона денегъ, сумма небольшая, которую можно достать въ Генуѣ. Современемъ Франція выплатила бы этотъ долгъ». Набрать это войско всего удобнѣе въ пререйнскихъ нѣмецкихъ государствахъ. «Къ набранному войску неминуемо присоединятся всѣ оставшіе родину французскіе дворяне, а можетъ быть, также и полки нѣмецкихъ государей. Посредствомъ

этого войска можно освободить Францію отъ разбойниковъ, возстановить монархію и монарха, разогнать самозванцевъ, наказать злодѣевъ, прибавить государство отъ угнетенія, тотчасъ же объявлять прощеніе и забвеніе всѣмъ, изъявляющимъ покорность и признающимъ законнаго государя». Императрица предполагаетъ, что многіе выборы, увидя поддержку порядка, перейдутъ на сторону власти и справедливости. Вынужденная присяга должна быть отмѣнена; епископы и папа отмѣнять церковное проклятіе. «Необходимо оберегать тщательно власть папы, потому что это все-таки властью больше, особливо въ землѣ римско-католическаго закона».

На первыхъ порахъ иностранныя войска могутъ быть полезнѣе природныхъ французскихъ. «Однако многого можно ожидать и отъ многочисленнаго французскаго дворянства, которое сядетъ на коней и со шпагою въ рукахъ провозгласитъ себя дружиною короля, дѣйствующею для освобожденія его и королевства, угнетенныхъ, разоренныхъ и ограбленныхъ тиранами и разбойниками. Генералы примутъ надъ нею начальство по мѣрѣ того, какъ она соберется. Такую королевскую дружину не слѣдуетъ распустить и на будущее время; вѣжета, что еслибы она существовала, то королевская власть не потеряла бы урона. Дѣло правое какъ нельзя больше; обстоятельства такъ важны, что сами собою воодушевляють къ мужеству и усердію. Разумѣется, что счастливый успѣхъ возвратитъ бы только законному государю подобающую ему власть надъ королевствомъ, почти погибшимъ. Но мудрымъ правленіемъ онъ сможетъ облегчить бѣдствія и восполнить ущербъ. Царствованія Генриха IV и Лудовика XIV тоже были ознаменованы великими несчастіями; но они сумѣли обновить государство, и то высокое общественное значеніе, которое придавъ Франція послѣдній изъ названныхъ государей, развѣ не продолжалось до самыхъ этихъ дней?»

Екатерина находить, что не слѣдуетъ уничтожать провинціальныхъ парламентовъ, противъ которыхъ многіе вооружались въ то время. Что же касается до возстановленія королевской власти, то, по мнѣнію Екатерины, не слѣдуетъ «ни уступать изъ нея, ни подымать ее больше, чѣмъ сколько потребуется благоразуміемъ, отнюдь не слабостью. Слѣдуя по пути среднему и умѣренности сопровождая мѣры сильныя, можетъ статься, и удалось бы подчинить всѣ партіи, тѣмъ болѣе, что онѣ утомлены и разстроены трехлѣтними раздорами и бѣдствіями». Для дальнѣйшихъ мѣръ полезно взять въ основаніе тѣ наказы, которые получены депутатами національнаго собранія отъ ихъ провинцій, о чемъ необходимо и объявлять. Можно быть увѣрену, что контрреволюціонная партія найдетъ себѣ большое сочувствіе во французскихъ благоразумныхъ: по существу своему, Франція — страна монархическая. «Уравновѣшенныя власти, каковы дворянства, духовенства и судебнаго сословія, не соединятся ли между собою вокругъ вождей, одушевленныхъ желаніемъ столь законнымъ,

столь справедливымъ, столь умѣреннымъ? Дворянство, духовенство, суды, принцы, войска, неужели не соединятся вновь для дѣла самаго существеннаго, то-есть освобожденія короля и королевскаго семейства изъ рукъ парижской черни? Неужели это такъ трудно? Если нѣтъ, то стоитъ только уговориться въ наиболѣе благоразумныхъ и надежныхъ способахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ миръ, порождоу всегда торжествовалъ надъ безпорядкомъ».

По вступленіи въ страну, контр-революціонная армія можетъ содержаться денежными средствами, собираемыми съ покорившихся областей; по мѣрѣ того, какъ войско будетъ подвигаться въ край, должно обезоружить общины и снова приводить ихъ къ присягѣ королю. «Въ манифестахъ неперемѣнно нужно провозгласить съ рѣшимостью, что такъ-называемое національное собраніе превысило полномочія, данныя ему его довѣрителями, которые предписывали своимъ депутатамъ сохранять монархическое правленіе; что вмѣсто того, чтобы держаться мудрыхъ и полезныхъ предписаній, составленныхъ въ провинціяхъ, выборные, самовольно и въ противность выбравшимъ ихъ, объявили себя безсмѣннымъ національнымъ собраніемъ; что всѣ ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлю уничтожить монархическій образъ правленія, установленный во Франціи уже тысячу лѣтъ; что они держатъ поминать даже объ отмѣнѣ христіанской религіи, и для того приступили къ измѣненіямъ въ обрадахъ римско-католическаго закона, установленныхъ вселенскими соборами; что на мѣсто древняго правительства, даровавшаго Франціи блескъ и твердость, страшные для ея завистниковъ, они предають государство разрушительной анархіи; что само національное собраніе поступаетъ по внушенію разбойниковъ, кои наполненъ Парижъ; что, заключивъ короля своего въ темницу, они насильно заставляютъ его соглашаться на все, что имъ угодно, дѣйствуя смутю и матажомъ; что между членами собранія господствуетъ раздоръ, засѣданія ихъ происходятъ безъ всякаго порядка и приличія, и со всякимъ булствомъ; въ нихъ нѣтъ благоразумія, мудрости и опытности, необходимыхъ для того, чтобы вести дѣла большаго государства; что собраніе, засѣдающее въ манежѣ, овладѣло всеми отраслями правленія и дѣйствуетъ лишь посредствомъ ужаса, безчеловѣчнаго и брובהаго деспотизма, каковому мало примѣровъ въ исторіи; что члены этого собранія набрали войско, вооружили общины и чрезъ то лишили всю Францію войскъ, необходимыхъ для защиты государства отъ внѣшнихъ непріятелей, и въ то же время дозволили гражданамъ взяться за оружіе для того, чтобы убивать другъ друга и вести безпрестанную междоусобную войну, во вредъ промышленности и торговлѣ, которые не находятъ для себя рукъ, такъ что люди, занимавшіе ими, лишены насущнаго хлѣба; сверхъ всего этого есть между членами собранія такіе, кои навлекають на себя подозрѣніе въ государственной измѣнѣ и въ оскорбленіи божескаго и

человѣческаго величества. Разумѣется (при составленіи манифеста), надо будетъ изъ всего вышеназложеннаго привести то, что наиболѣе пригодится въ данную минуту соотвѣтственно обстоятельствамъ».

Самымъ труднымъ дѣломъ для возстановителей порядка Екатерина считаетъ освобожденіе короля и королевскаго семейства. Парижъ, думаетъ она, образумится послѣдній: поэтому Людовикъ XVI долже всего будетъ находиться въ опасности. Самое же освобожденіе можетъ быть произведено разными способами; но только обстоятельства минуты могутъ указать, какіе способы всѣхъ надежныѣ.

Наконецъ, чтобы утвердить единство въ дѣйствіяхъ контр-революціонеровъ, Екатерина предлагаетъ, чтобы всѣ они были обязаны соединительнымъ актомъ, основами котораго могутъ быть слѣдующія начала: «1) поддерживать римско-католическую религію въ ея неприкосновенности, 2) хранить вѣрность королю, 3) освободить его, 4) возстановить правительство по единодушному желанію народа, выраженному въ областныхъ наказахъ, слѣдовательно въ поддержаніи трехъ сословій касательно ихъ сущности, собственности и безопасности, 5) всякую другую присягу объявить недействительною, 6) оказывать повиновеніе главѣ союза, 7) стараться о возстановленіи мира и общественнаго спокойствія, 8) хранить порядокъ и дисциплину».

Такъ думала Екатерина о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. Общественное значеніе переворота не могло быть ей ясно; но и изъ вышеназванной записки видно, что она понимала нѣкоторыя слабыя стороны обѣихъ партій: не безъ меткости замѣчаетъ она, что въ случаѣ рѣшительнаго нашествія контр-революціонной партіи, дѣятели революціи «либо вмѣсто дѣйствій пустятся въ безконечныя пренія, либо снабдить кого-нибудь властью для дѣйствія»; съ другой стороны, не чужда сознанию Екатерины и та нравственная несостоятельность, которая отличала эмигрантовъ: «не худо будетъ освободителю Франціи (безъ сомнѣнія, иностранному государю)—замѣчаетъ императрица—принять предосторожность на счетъ того, чтобы деньги и войска употреблялись по своему назначенію, то-есть для возстановленія монархіи и для поддержанія римско-католической религіи, а не на какую-нибудь другую потребу. Для этого небезполезно было бы условиться о нѣкоторыхъ предметахъ и заключить даже особую конвенцію съ выселившимися принцами».

Что же касается политическаго значенія идеи, высказанной Екатериною, именно идеи о необходимости иностраннаго вмѣшательства во французскія дѣла, то несомнѣнно, что тутъ она руководствовалась политическими условіями, въ которыхъ находилась Россія. Въ концѣ 1791 года она говорила Храповицкому: «Je me casse la tête, чтобы подвигнуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія... Je veux les engager dans les affaires, pour avoir les coudees franches; у меня много предпріятій

неконченныя, и надобно, чтобъ они были заняты, и мнѣ не мѣшали». Словомъ, возбуждая европейскія державы противъ Франціи, Екатерина хотѣла отвести вниманіе ихъ на западъ съ востока и здѣсь, пользуясь полной свободой дѣйствія, утвердить русскій авторитетъ. Вездѣ на первомъ планѣ были у нея выгоды Россіи!

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПОЛЯРНАГО ПОЛЮСА.

Изслѣдованіе сѣвернаго полярнаго полюса, впродолженіе многихъ лѣтъ не разъ предпринятое отважными мореходами, недавно было снова предметомъ обстоятельныхъ и весьма любопытныхъ обсужденій въ лондонскомъ королевскомъ географическомъ обществѣ, съ которыми мы и считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей на основаніи очень интересныхъ по этому поводу статей, помѣщенныхъ въ различныхъ номерахъ «Mittheilungen», издаваемыхъ Петерманомъ въ Готѣ, за 1865 годъ и №№ 1 и 2 1866 года, а также въ №№ 7, 9 и 11 «Морского Сборника» за 1865 годъ, и въ «Revue des deux Mondes» 1866 г. № 2 (статья Martins). Обсужденія эти были вызваны капитаномъ Шерардомъ Осборномъ, предложившимъ отправить два винтовныхъ судна весною 1866 года къ Бафинову заливу, котормя, по его соображенію, достигнуть въ августѣ мыса Горнъ. Затѣмъ одно изъ судовъ съ 25 матросами остается въ запасъ на мысѣ Изабеллы или около него, другое же съ 95 людьми должно подвигаться впередъ по западному берегу до мыса Парри (Parry), или по этому направленію, стараясь не удаляться болѣе 300 миль отъ своего товарища. Того же осенью южное судно имѣло бы сообщеніе посредствомъ депо съ сѣвернымъ, а сѣверное судно основало бы депо по направленію къ полюсу, чтобы приготовиться къ весеннимъ дѣйствіямъ. Въ 1867 и 1868 годахъ судно должно выслать санныя и шлюпочныя предпріятія по неизслѣдованной поверхности по направленію къ полюсу, а въ 1869 году на судахъ или на шлюпочахъ экспедиція удалится бы изъ Smith-Sound'a къ Upernivica's у (Уперनावикъ въ Гренландіи). Такимъ образомъ имъ пришлось бы пробыть въ экспедиціи только двѣ зимы и три лѣта—періодъ времени, который, какъ это показало уже опытъ, легко можетъ прожить человекъ въ полярныхъ странахъ съ должной осторожностью.

Записка капитана Осборна, написанная съ такою ясностію въ деталяхъ, что она вполнѣ удовлетворительно доказываетъ артистическимъ мореплавателямъ исполнимость путешествія, была встрѣ-

чена съ большимъ сочувствіемъ всѣми присутствовавшими въ собраніи, которые и согласились принять для экспедиціи къ полюсу путь, предложенный Осборномъ, именно изъ Бафинова залива чрезъ Smith-Sound (проливъ Смита). Только впоследствии уже извѣстный географъ Петерманъ предложилъ другой путь къ полюсу, именно чрезъ Шпицбергенъ. Какіе же доводы представляются въ пользу того или другаго предложенія?

Осборнъ въ пользу своего предложенія приводитъ слѣдующее:

Сѣверная полярная страна окружена на разстояніи 1,200 миль отъ ея центра тремя главными материками нашей планеты, и огромная, глетчерами покрытая, масса Гренландіи тянется къ полюсу на неизвѣстное пространство. Самыя ближайшія въ этой странѣ точки отъ полюса, намъ извѣстны — оконечности Шпицбергена и Сѣверной Гренландіи. Парри, въ экспедиціи, предпринятой имъ на кораблѣ изъ Шпицбергена въ 1827 году, доходилъ до 83° 45' сѣвер. шир., то-есть былъ въ 435 морскихъ миляхъ отъ полюса, но принужденъ былъ оставить всѣ усилія къ достиженію предпринятой имъ цѣли, потому что не могъ плыть съ такою скоростью и тащить силой свою лодку къ сѣверу, съ какою несло ее къ югу встрѣченное имъ ледяное море. Арктическое лѣто было въ самомъ разгарѣ и всѣ ледяныя массы были въ движеніи. Опыты послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что подобное путешествіе должно предпринимать не въ іюнь, а перезимовавъ въ Шпицбергенѣ отправиться на сѣверъ въ февралѣ, и притомъ въ саняхъ. Противъ всѣхъ усилій достигнуть полюса отъ Шпицбергена въ саняхъ возникаетъ множество возраженій. На его меридіанѣ и на сѣверъ отъ острова не существуетъ ни одной извѣстной страны, слѣдовательно *никакою* ностояннаго мѣста для склада провизіи. Это отсутствіе твердой земли доказывается тѣмъ, что приливы, достигающіе Шпицбергена съ сѣвера, не приносятъ съ собою ледяныхъ горъ, которыя являются созданіями земли, происходятъ не отъ моря, а отъ ледниковъ. Между тѣмъ Smith-Sound изобилуетъ этими ледяными горами, которыя, по замѣчанію доктора Кэна, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, не уменьшаются въ объемѣ, а увеличиваются, чего, конечно, не могло бы быть, еслибы земля вдругъ обрывисто оканчивалась въ 80° сѣвер. широты. Эти огромныя накопленія снѣга и свѣжей ледяной воды, образующія великолѣпное зданіе ледяныхъ горъ, свидѣлствуютъ намъ о существованіи обширныхъ странъ, покрытыхъ высокими горами и глубокими долинами, сохраняющими въ себѣ многолѣтніе снѣга и влажность. Это самое подаетъ надежду на продолженіе замерзшаго морского берега, что только и нужно нашимъ изслѣдователямъ для безопаснаго достиженія полюса. Предположеніе о протяженіи гренландскаго берега подтверждается дѣйствительнымъ опытомъ. Мортонъ, единственный человекъ, постигившій крайнюю точку Гренландіи, то-есть мысъ Конституціи, говоритъ, что вскарабкавшись на высоту отъ 300 до 500 футовъ, онъ видѣлъ къ сѣверу изрѣзанный берегъ, по его пред-

положенію покрытъ рядомъ горъ, удаляющихся во внутрь страны. Эта земля названа имъ, какъ извѣстно, Гринелевою, а мысъ — мысомъ Парри. Находясь подъ $81^{\circ}56'$ сѣвер. широты, то-есть въ разстояніи 484 миль только отъ полюса, мысъ этотъ представляетъ собою несравненно болѣе удобную точку отправленія для послѣдованія обширныхъ неизвѣстныхъ пространствъ, лежащихъ къ сѣверу, нежели мысъ Наклуудъ Head на Шницбергенѣ, находящійся на полтора градуса далѣе отъ полюса, то-есть въ разстояніи около 600 миль отъ него. — Разстояніе отъ мыса Парри до полюса и обратно, равное 968 милямъ, было многократно пройдено арктическими сайями и лодочными партіями, которые нерѣдко проходили и гораздо большія пространства, какъ, напримѣръ, въ 1854 году капитанъ Мешамъ прошелъ 1,157 миль въ продолженіе только 70 дней, а капитанъ Мак-Клинтонъ дѣйствительно совершилъ 1,330 миль. Кромѣ этого, будущіе изслѣдователи Smith-Sound'a имѣютъ возможность разнообразить свою пищу мясомъ оленей, медвѣдей, тюленей или дикихъ птицъ, которыя не встрѣчаются на дальнѣйшемъ пути изъ Шницбергена. Около этого же меридіана Smith-Sound'a встрѣчаются и люди, существующіе здѣсь въ высшей широтѣ, нежели на другомъ извѣстномъ протяженіи. Не говоря о томъ, что Россъ въ 1818 году открылъ впервые въ широтѣ $75^{\circ} 35' N$ племя арктическихъ диварей, жившихъ на сѣверѣ отъ большого леднига Мельвиллскаго залива, нельзя не напомнить, что дивари въ 1854 году положительно спасли доктора Кэна и его спутниковъ отъ голодной смерти въ широтѣ 80° . Арктическіе друзья не хотѣли везти Кэна за леднигъ Гумбольдта и, казалось, не имѣли никакого понятія о странахъ, лежащихъ къ сѣверу. Однако, Мортонъ нашелъ обломки эскимосскихъ саней на берегу между этимъ ледникомъ и мысомъ Конституціи. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что тамъ, можетъ быть, существуютъ другіе эскимосы? Невольно спрашиваешь себя, какъ далеко простирается человѣческая жизнь въ Smith-Sound'ѣ и не достигаетъ ли она гораздо ближе полюса, чѣмъ то мѣсто, гдѣ нашелъ ее Кэнъ. Но есть еще одна причина для предпочтенія этой дороги другимъ, именно та, что датскія колоніи простираются вдоль гренландскаго берега до 72° сѣвер. Кэнъ въ открытыхъ лодкахъ благополучно довезъ своихъ людей до Упернавива, и это могутъ сдѣлать и другіе мореплаватели, еслибъ какой нибудь несчастный случай постигъ ихъ суда въ Smith-Sound'ѣ.

Вотъ сущность доводовъ, приведенныхъ Осборномъ въ пользу предложенной имъ экспедиціи къ сѣверному полюсу, которая должна предпринять свои изысканія чрезъ Баффиновъ заливъ и проливъ Смита.

Въ пользу же шницбергенскаго пути, рекомендованнаго прежде, чѣмъ было извѣстно имя Петермана, генераломъ Сабиномъ, а также извѣстными арктическими путешественниками Бельчеромъ, Оманеємъ, Ричардсомъ, Ингельфиндомъ, приводятъ слѣдующее:

1) Море къ востоку и западу отъ Шпицбергена представляетъ самый кратчайшій путь изъ Великобританіи къ сѣверному полюсу; онъ почти на 1,500 миль короче, нежели путь чрезъ Smith-Sound.

2) Море отъ Шпицбергена образуетъ обширнѣйшій, въ дѣйствительности единственный океаническій путь къ центральному полярному странамъ и къ самому полюсу; оно свободно отъ льда на гораздо большее пространство, нежели какая либо другая часть арктическаго или антарктическаго моря. Здѣсь каждый годъ даже маленькія суда могутъ надежно и безопасно достигъ паралели 82° сѣвер. шир., тогда какъ въ Smith-Sound'ѣ, несмотря на всѣ усилія различныхъ экспедицій, достигли только на судахъ—78° 45' сѣв. шир., а на саняхъ — 81°.

3) Хотя море отъ Шпицбергена къ сѣверному полюсу бываетъ иногда покрыто плавающимъ льдомъ, но это не составляетъ большаго препятствія, чѣмъ въ другихъ моряхъ подобнаго же свойства. Въ морѣ около Шпицбергена находятъ гораздо меньше льда весною и осенью, нежели среди лѣта, а въ извѣстныхъ времена оно бываетъ совсѣмъ свободно отъ льда. Къ тому же, оно обширно и глубоко (лотъ въ 500 сажень не достигаетъ дна, какъ это утверждаетъ Парри), имѣетъ могучія теченія, непосредственно соединено съ теплымъ атлантическимъ бассейномъ, вслѣдствіе чего оно никогда, даже зимою, не замерзаетъ совершенно и не покрывается твердымъ льдомъ такъ, чтобы можно было ѣхать по немъ въ саняхъ. Парри, въ 1827 году, вмѣсто ледяной равнины, простирающейся, какъ увѣряли, до самаго полюса, встрѣтилъ только отдѣльный плавающий ледъ толщиной въ половину того, который находится у Melville Joland.

4) Всѣ факты, относящіеся до географіи арктическихъ странъ (наблюденіе морскихъ теченій, климата, плавающего льда и дерева), приводятъ къ заключенію, что страны отъ Шпицбергена до полюса состоятъ изъ обширнаго моря, а не изъ земли. Экспедиція Парри, достигнувшая дальнѣйшей точки изъ всѣхъ точекъ, до сихъ поръ достигнутыхъ полярными экспедиціями, именно 82° 45' сѣв. шир., въ морѣ Шпицбергена не открыла никакой земли, а видѣла свободное для плаванія судовъ море, простиравшееся далеко къ сѣверу. Отъ этой же точки до сѣвернаго полюса остается пространство въ 435 миль, которыя вѣроятно можно достигъ на судахъ во всякомъ случаѣ; санная же экспедиція, встрѣтивъ на пути своемъ воду, должна будетъ воротиться, не достигнувъ своей цѣли, какъ это случилось съ Парри, Кенотъ, Врангелемъ и Анжу.

5) На плаваніе свое изъ Темзы до этой крайней точки и обратно Парри употребилъ только шесть мѣсяцевъ, и можетъ ли это, говорятъ Петерманъ, привести какое-либо, хотя бы и мало уважительное доказательство, почему нельзя проплыть остальныя 435 англійскихъ миль (отъ крайняго пункта, достигнутаго Парри въ шпицбергенскомъ морѣ, до сѣвернаго полюса) съ тою же лег-

костю, какъ было прощито разстояніе въ 700 миль въ южномъ полушаріи, между дальнѣйшимъ пунктомъ экспедиціи Баллена (который, въ 1840 году, встрѣтивъ сплошную массу плавающего льда въ антарктическомъ морѣ, повернулъ на самомъ южномъ пунктѣ, къ-мъ-либо до него прежде достигнутомъ, именно на 69° южн. шир. и $172^{\circ} 11'$ долг.) и экспедиціею Джемса Росса, достигшаго въ теченіе двухъ лѣтъ $78^{\circ} 9' 30''$ южн. шир. — крайняго предѣла открытій въ антарктической области? Въ путешествіи своемъ Россъ, пробившись сквозъ поясъ плывучаго льда, вступилъ въ совершенно свободное отъ двигающагося льда море, и продолжая свое плаваніе, увидѣлъ два высокихъ, поднимающихся до 10—12,000 футовъ надъ уровнемъ моря вулкана, извергавшихъ дымъ и пламя, и наконецъ встрѣтилъ вертикальную ледяную стѣну, которая, безъ сомнѣнія, стояла на неизменной линіи берега этой вулканической области; этимъ ограждено было дальнѣйшее плаваніе Росса къ югу.

На основаніи этихъ доводовъ, Петерманъ полагаетъ, что новая экспедиція къ сѣверному полюсу должна отправиться черезъ Шпицбергенъ, войдя въ море въ началѣ марта, т.-е. ранѣе того времени, когда массы двигающагося льда съ береговъ Сибири наполняютъ море у Шпицбергена. Въ такомъ случаѣ, при выгодныхъ обстоятельствахъ, экспедиція могла бы дойти до сѣвернаго полюса въ 3 или 4 недѣли, именно въ то время, когда тамъ является солнце и начинается арктическое лѣто. Въ теченіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ можно бы изслѣдовать всю западную или американскую границу арктическаго бассейна, отъ известной сѣверной оконечности восточной Гренландіи до Берингова пролива, такъ-какъ азіатская сторона, благодаря русскимъ экспедиціямъ, уже достаточно известна. Въ сентябрѣ или октябрѣ можно бы отправить одно изъ судовъ съ извѣстіями о лѣтнихъ открытіяхъ; другое же судно осталось бы зимовать на мѣстѣ, лежащемъ какъ можно ближе къ полюсу, съ тѣмъ, чтобы проавести научныя наблюденія и тѣмъ дойти до настоящей сердцевины всей нашей метеорологической и физической системы арктическаго полушарія. Первое судно вернулось бы къ полюсу снова весною и подрѣпало бы зимовавшее тамъ всѣмъ необходимымъ для возвращенія на родину или продолженія дальнѣйшихъ изслѣдованій въ арктическомъ морѣ. Имѣя въ гаваняхъ Шпицбергена, въ широтѣ 80° N, твердый базисъ для постояннаго сообщенія съ Англіею, экспедиція эта представляетъ ничѣ менѣе опасности, чѣмъ прежде отправленныя въ эти страны; изъ Темзы, въ теченіе всего года, можно прибыть къ Шпицбергену въ 14 дней, сѣверный же полюсъ отстоитъ отъ шпицбергенскихъ гаваней всего только на разстояніи перехода въ нѣсколько дней.

Предложеніе Петермана было вполне одобрено знаменитымъ Мурчисономъ, гидрографомъ адмиралтейства Ричардсомъ, адмираломъ Фиц Роемъ и многими другими, вслѣдствіе чего проектъ его представленъ былъ на усмотрѣніе англійскаго правительства.

Между тѣмъ въ «Quarterly Review» за 1865 г., № 238, помѣщена статья, которая, опровергая выводы Петермана, высказывается въ пользу пути, предложеннаго Осборномъ. Неизвѣстный авторъ замѣчаетъ, что краткость пути представляетъ собою особенную важность для торговыхъ сношеній, но отнюдь не для ученой экспедиціи; что плавать въ моряхъ, постоянно покрытыхъ плавающими льдомъ, гораздо труднѣе, чѣмъ въ открытыхъ водахъ вдоль берега, покрытаго льдами, какъ въ Бафиновомъ заливѣ, и что опытъ всѣхъ мореплавателей, проходившихъ по этому меридіану, опровергаетъ предположеніе, что Шпицбергенскія моря свободнѣе отъ льда, чѣмъ другія полярныя страны; они всѣ безъ исключенія встрѣчали непроходимую ледяную преграду между Шпицбергеномъ и Новою Землею. До сихъ поръ еще ни одно судно не проникло черезъ громадные льды сѣвернѣе Шпицбергена, между тѣмъ какъ съ 1817 года цѣлыя флоты китолововъ ежегодно проходятъ черезъ ледъ, находящійся посреди Бафинова залива. Сѣвернѣе Шпицбергена находится сплошной ледъ паразитическихъ размѣровъ, и судно, избравшее свой путь, отдается произволу плавающего льда, тогда какъ въ Бафиновомъ заливѣ существуетъ береговой ледъ, подлѣ котораго судно можетъ пробираться въ то время, какъ сплошной ледъ носится посреди залива. Къ тому же, открытыя водныя мѣста, встрѣчающіяся въ моряхъ Шпицбергена, дѣлая невозможнымъ самое путешествіе, подвергаютъ большой опасности экипажъ и судно, зимующее среди льда. При вполнѣ неопредѣленномъ плаваніи судна во льду, если даже случится ему пробраться къ полюсу на значительное разстояніе, оно постоянно будетъ подвержено опасности быть запертымъ во льдахъ, гдѣ и должно будетъ зимовать, а опаснѣе подобнаго положенія трудно себѣ вообразить. Ледъ часто бываетъ въ движеніи зимою, когда отъ страшныхъ холодовъ плаваніе дѣлается невозможнымъ, и сильныя вѣтры сдвигаютъ отдѣльныя массы льда вмѣстѣ. Выйти же изъ этого положенія невозможно, потому что состояніе льда не позволяетъ прибѣгнуть къ санному путешествію, которое только одно бы и могло служить спасеніемъ. Чѣмъ болѣе я видѣлъ дѣйствіе льда, говоритъ Вельчеръ о полярномъ океанѣ, къ сѣверу отъ острововъ Парри, и обманчивые проходы къ временно открытымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что человекъ, удаляющійся отъ земли для отысканія прохода, навѣрное подвергаетъ жизнь свою опасности.

Происхожденіе открытыхъ водныхъ мѣстъ должно приписать сильнымъ теченіямъ и вѣтрамъ, приводящимъ въ движеніе полярныя льды. Поднимавшійся паръ, замѣченный Анжу, скорѣе является изъ ледяныхъ трещинъ, образуемыхъ океанскими приливами и отливами, чѣмъ указываетъ на существованіе *открытаго моря*; а небольшія открытыя мѣста, образуемая движеніями сплошныхъ полярныхъ льдовъ, могутъ происходить отъ тѣхъ влажныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые многимъ представляются загадочнымъ явленіемъ. Полярный бассейнъ можетъ существовать только какъ

временное слѣдствіе теченій и сильныхъ вѣтровъ, но принять его за постоянное, громадное море около полюса, удобное для плаванія — невозможно потому, что подобное мнѣніе рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ географическимъ фактамъ, извѣстнымъ въ настоящее время. Мнѣніе о существованіи такъ-называемаго полярнаго бассейна, господствовало въ познѣйшее время, особенно въ періодъ поисковъ Франлина. Утверждали, что голф-стремль своими теплыми водами образуетъ вокругъ сѣвернаго полюса открытое для плаванія море, свободное отъ льда большую часть года, и что теперь только, при входѣ въ это море, образуется небольшой поясъ льда, чрезъ который легко можно проникнуть; но капитанъ Скоресби и другіе моряки, плававшіе во льдахъ, показали, что утвержденіе это, противорѣчащее всѣмъ собраннымъ ими фактамъ, основано на временно-появляющихся открытыхъ водяныхъ пространствахъ, около арктическихъ береговъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, они доказали, что въ моряхъ, около Шпицбергена, ледъ образуется въ продолженіе *десяти* мѣсяцевъ, и что для его образованія нѣтъ надобности, какъ это полагали прежде, ни въ близости береговъ, ни въ тихой погодѣ. Процессъ замерзанія вовсе не требуетъ береговой помощи или убѣжища. Скоресби бывалъ очевидцемъ того, какъ образовывавшійся ледъ останавливалъ судно, при свѣжемъ вѣтрѣ, и даже дѣйствіе океанскихъ волнъ не могло препятствовать его замерзанію. Всѣ моряки, изслѣдовавшіе по какимъ-либо причинамъ ледяную преграду, какъ къ сѣверу отъ Шпицбергена, такъ и по направленію къ Новой-Землѣ, единогласно признали, что полярная ледяная преграда недоступна для парусныхъ судовъ, и это громадное число свидѣтельствъ ясно доказало невозможность *плаванія* къ сѣверному полюсу. Признавая вполнѣ всѣ преимущества парового судна, въ числѣ коихъ первое мѣсто по своей важности занимаетъ *быстрота*, съ которою пароходъ можетъ воспользоваться вдругъ открывшимся проходомъ, а также *громадное сбереженіе труда людей*, должно замѣтить, однако, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ ледяной преграды, пароходъ подвергнется тѣмъ же трудностямъ плаванія во льдахъ, какъ и парусное судно, и случись, что при образованіи льда обмерзнетъ винтъ, тогда въ немъ пользы очень мало. Успѣхъ вполнѣ зависитъ отъ счастливаго сезона. Все это приводитъ къ тому убѣжденію, что выполнить до чрезвычайности важное и интересное изслѣдованіе полярныхъ странъ, можно только помощію *саннаго путешествія по льду*.

Мы видимъ — говорить неизвѣстный авторъ — бесполезны усилія многихъ моряковъ, въ продолженіе *двухъ столѣтій* направленные къ тому, чтобы прорваться чрезъ могущественную ледяную преграду между Гренландіею и Новою-Землею. Въ Бафиновомъ же заливѣ суда, ежегодно встрѣчаясь съ менѣе страшнымъ льдомъ, всегда, конечно, не безъ борьбы, его преодолеваютъ, и эта ежегодная побѣда надъ льдомъ позволяетъ намъ выбрать здѣсь позицію удобную, какъ исходный пунктъ для предстоящаго

ислѣдованія полярныхъ странъ. Плаванію по Бафинову заливу препятствуетъ находящійся посреди его сплошной ледъ, на который указываютъ, какъ на невозможность пути чрезъ проливъ Смита. Но должно замѣтить, что движеніе обширныхъ массъ льда въ Атлантической океанъ образуетъ лѣтомъ и раннею осенью въ верхней части Бафинова залива, въ проливахъ Ланкастера и Смита, довольно широкую поверхность открытой воды, извѣстную подъ названіемъ *Сѣвернаго моря*. Между этимъ сѣвернымъ моремъ и проливомъ Дэвиса, постоянно плаваютъ массы льда отъ 170 до 200 миль шириною, образующія посреди залива такъ-называемый китоловами — *средній сплошной ледъ*, имѣющій только *одинъ* безопасный проходъ, извѣстный подъ именемъ сѣвернаго прохода, который всегда можно безопасно пройти, если не въ іюнѣ, то въ іюлѣ или августѣ. Съ достиженіемъ же сѣвернаго моря, превращаются всѣ препятствія для изслѣдованія неизвѣстной полярной экспедиціи, потому что лѣтомъ совершенно удобно для плаванія все пространство отъ мыса Горнъ до пролива Смита. Всѣмъ извѣстно, что 6-го іюля 1616 года, Бафинъ сдѣлалъ самое важное открытіе въ своемъ путешествіи, а именно открылъ входъ въ самый большой и широкій проливъ въ этомъ заливѣ, ведущій къ сѣверу, въ огромную неизвѣстную страну, и назвалъ его по имени перваго губернатора земель остиндской компаніи, Томаса Смита, покровителя путешествій Гудсона и Бафина. На всей параллели 80° сѣвер. широты, только въ одномъ этомъ мѣстѣ берега тянутся къ полюсу, но ни одинъ образованный человекъ не изслѣдовалъ и не высаживался на этотъ берегъ до 1853 года, когда Кэнъ, на небольшой шкунѣ Адвэнсъ, взялся провести американскую экспедицію къ сѣвернымъ странамъ. Открытія Кэна и Гейсса доказали, что Гренландія отдѣляется отъ архипелага, лежащаго отъ нея къ западу, проливомъ Смита, западный берегъ котораго тянется къ сѣверу на неизвѣстное разстояніе, такъ что проливъ Смита есть единственная мѣстность во всей полярной странѣ, гдѣ материкъ *не заканчивается*, а тянется ближе къ полюсу. Слѣдовательно, только *это мѣсто* можетъ быть избрано пунктомъ отправленія для сѣверной экспедиціи, планъ которой, по предложенію автора, долженъ быть слѣдующій:

Двѣ канонирскія лодки могутъ навѣрное достигнуть входа въ проливъ Смита, гдѣ, въ удобномъ мѣстѣ, останется одна изъ лодокъ, какъ главный магазинъ, тогда какъ другая отправится въ навигаціонный сезонъ, отыскивать на сколько возможно сѣвернѣе удобнаго пути, откуда бы можно было предпринять зимою самое путешествіе, посредствомъ котораго изслѣдована уже почти вся неизвѣстная страна полярнаго полюса Мак-Клинтонъ, первымъ саннымъ арктическимъ путешественникомъ. Трудъ полярныхъ изслѣдователей, принявшихъ проливъ Смита за базисъ своихъ операцій, долженъ увѣичаться успѣхомъ. Пройдя 600 миль по западному берегу, тянущемуся къ сѣверу, экспедиція достигаетъ сѣвернаго полюса, и то же разстояніе, пройден-

ное по восточному берегу, дать возможность открыть сѣверную часть материка Гренландіи, покрытаго ледниками. Въ то же время необходимы для главной экспедиціи, вспомогательныхъ партій можно высылать на короткое время для болѣе подробныхъ изслѣдованій мѣстности около судна. На слѣдующій годъ употребивъ тотъ же сезонъ на изслѣдованіе одною партією на протяженіи 600 миль широкаго пролива, открытаго Гейссомъ по западную сторону проливъ Смита, можно будетъ достигнуть полнаго открытія всей земли, находящейся въ неизвѣстной полярной странѣ къ западу отъ канала Кеннеди. Другая же партія отправится для изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, на которыхъ уважутъ открытія прошлагодняго сезона. Однимъ словомъ, только однимъ путемъ чрезъ проливъ Смитъ можно достигнуть безопасно и исполнѣ тѣхъ научныхъ результатовъ, которыхъ должно ожидать отъ полярнаго изслѣдованія, и только здѣсь возможно воспользоваться знаніемъ и гениемъ извѣстныхъ уже арктическихъ знаменитостей. Для науки изслѣдованія 50 миль берега южною партією, причемъ берега правильно наносятся на карту, подробно описывается фауна страны, ея флора, геологія, этнографія и т. д., несравненно полезнѣе пятисотъ миль, проплытыхъ на суднѣ, когда научныя наблюденія и замѣтки дѣлаются на скорую руку. Къ тому же, въ пользу пути черезъ проливъ Смитъ говорить и то, что здѣсь совершенно немислима для экспедиціи катастрофа, которая погубила Франклина и отъ которой можетъ пострадать экспедиція чрезъ Шпицбергенъ. Если въ крайне невѣроятномъ случаѣ, судно, остановившееся въ проливѣ Смита, не въ состояніи будетъ выйти изъ льда, то команда можетъ безопасно и легко отправиться на шлюпкахъ и саняхъ къ селенію Упернавикъ. Издержки этой полярной экспедиціи будутъ ничтожны сравнительно съ тѣми громадными выгодами, которыя отъ нея получатъ наука; только для экспедиціи нужно избрать то направленіе, которое обѣщаетъ доставить наиболѣе важныхъ результатовъ. Главною цѣлью экспедиціи не можетъ быть достиженіе сѣвернаго полюса, и это потому, что *полюсъ* есть математическая точка. Для науки необходимо изслѣдовать, на сколько возможно подробнѣе, *неизвѣстную полярную страну*. Предъ нами — неизвѣстное пространство въ 1.131,000 квадратныхъ миль, составляющее пробѣлъ на земной поверхности, говорить Осборнъ; намъ совершенно неизвѣстно, что тамъ находится, земля или вода, тихое, безмолвное, уединенное пространство, или открытое море, изобилующее животной жизнью. Много еще осталось ботаникамъ и географамъ открытій на полярной поверхности. Нетолько растительность этой земли, но моря, прѣсныя воды, озера и рѣки, стекающія съ ледниковъ этой вѣчно скованной льдомъ поверхности, представляютъ самое великое поприще для открытій. Ничего не можетъ быть интереснѣе, съ ученой точки зрѣнія, водробнаго ряда метеорологическихъ наблюденій въ полярной странѣ, а также свѣдѣнія объ ея животныхъ и растеніяхъ. Въ гео-

логія, особенно въ явленіи изумительныхъ ледниковъ, есть много, что можетъ вознаграждать труды будущихъ изслѣдователей полюса. А наблюденія надъ магнетизмомъ и сѣверными сіаніями, измѣреніе дуги меридіана, точное опредѣленіе длины магника на полюсъ и т. д. Но могутъ спросить: *Cui bono* предпринимаютъ эти сѣверныя путешествія? Еслибы они производились только для открытія прохода изъ Англіи въ Китай, а не для какой-нибудь другой цѣли, тогда можно было бы спросить объ ихъ пользѣ. Но когда приобрѣтеніе знанія служитъ основаніемъ всѣхъ инструкцій, съ которыми экспедиціи посылаются, когда отъ командировъ требуется производство постоянныхъ наблюденій, чтобы подвинуть каждую вѣтвь науки — астрономіи, навигаціи, гидрографіи, метеорологіи, включая и электричество и магнетизмъ, и составлять коллекціи предметовъ естественной исторіи — и вообще не терять ни одного случая для приобрѣтенія новыхъ и важныхъ свѣдѣній и открытій; когда обратятъ вниманіе на то, что эти путешествія даютъ занятіе офицерамъ и командамъ въ мирное время и дѣлаютъ изъ нихъ офицеровъ, которымъ нѣтъ подобныхъ ни въ какой отрасли службы — то на вопросъ *Cui bono* можно отвѣчать словами министра королевы Елизаветы: *Know ledge is power* (знаніе есть сила).

Всѣ вышеприведенные доводы заставили Martin въ статьѣ его въ «*Revue des deux Mondes*» высказать желаніе, чтобы въ предполагаемой вновь экспедиціи къ сѣверному полюсу приняла бы участіе и Франція, какъ одна изъ первостепенныхъ европейскихъ морскихъ державъ. Но кто же не знаетъ пословицы: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней, справедливость которой подтвердилась и въ этомъ случаѣ? Изъ № 2 «*Mettheilungen*» узнаемъ мы, что въ палату депутатовъ въ Берлинѣ представлена была изъ бранденбургской марки петиція, въ которой, между прочимъ, говорится, что для прусскаго флота въ мирное время наиболѣе національнымъ стремленіемъ является желаніе вступить въ общее число соревнователей въ изслѣдованіи сѣвернаго полюса и т. д., а потому нижеподписавшіеся просятъ правительство принять участіе въ предполагаемой экспедиціи, которая будетъ имѣть самое благотѣльное вліяніе на развитіе судоходства и торговли Пруссіи. Въ подтвержденіе послѣдняго приложена особая записка о состояніи торговыхъ сношеній Пруссіи съ Норвегією. Прошеніе это разсмотрѣли, похвалили подписавшихся за нихъ національныя стремленія и т. д., но, тѣмъ не менѣе, отказали въ ихъ просьбѣ за неимѣніемъ денегъ и по запутаннымъ политическимъ обстоятельствамъ королевства.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

Подъ этимъ заглавіемъ была приложена къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» очень любопытная брошюра г. Фонъ-Дервиза, одного изъ главныхъ распорядителей московской рязанской дороги, которая, позволимъ мы себѣ при этомъ замѣтить, оказывается въ настоящее время единственною, *самою выгодною* изъ всѣхъ гарантированныхъ нашимъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ, что мы заключаемъ изъ того, что изъ государственнаго казначейства не отпускаются уже необходимыя суммы для уплаты гарантированныхъ по ней процентовъ, которые сполна уплачиваются акціонерамъ изъ собираемыхъ съ дороги доходовъ, превышающихъ собою, несмотря на весьма недавнее по этой дорогѣ движеніе, полную сумму гарантированныхъ процентовъ. Къ подобному заключенію необходимо приводить слѣдующія слова министра: «въ доплату къ чистому доходу московско-рязанской желѣзной дороги, произведена лишь одна выдача въ 1863 году, въ 80,213 р. 76 к., и уже съ 1864 г. чистый доходъ этого общества превышалъ сумму гарантированнаго правительствомъ дохода» («Моск. Вѣд.» № 281). Цѣль брошюры—способствовать разрѣшенію вопроса о томъ, какъ устроить, чтобы Россія, безъ особенныхъ пожертвованій, получила въ ближайшемъ будущемъ хоть тѣ желѣзныя дороги, которыя представляются наиболѣе необходимыми, что ведетъ неизбѣжно къ разбору существующихъ у насъ системъ постройки дорогъ, именно акціонерными компаніями съ условною гарантіею правительства, и распоряженіемъ самой казны.

Въ первомъ случаѣ, частное лицо, или компанія, должны на собственный свой счетъ и рискъ произвести изысканія, на основаніи которыхъ можно сдѣлать оцѣнку всего предпріятія. Изысканія эти, вмѣстѣ съ просьбою о концесіи, представляются министру путей сообщенія, причѣмъ возникаютъ вопросы: 1) можно ли данныя, собранныя изысканіями, признать за фактъ, или должно скорѣе смотрѣть на нихъ какъ на фантазію учредителей дороги; 2) не слѣдуетъ ли, предварительно рассмотрѣнія просьбы и проекта, согласно закона, потребовать 5% залога со всей суммы, по концесіи нечисленной. Затрудненій случайныхъ тутъ не мало: внести громадныя заложья въ то время, когда осуществленіе финансовыхъ операцій еще далеко впереди, рѣшительно невозможно; удостовѣриться же въ проектѣ можно только тщательно, а потому, и медленною повѣркой онаго *на мѣстѣ*. По устраненіи всѣхъ затрудненій, начинается повѣрка и передѣлка расцѣпки,

причемъ возникаютъ новые вопросы, какъ-то о двойномъ или одиночномъ пути, о размѣрахъ станцій, числѣ вагоновъ, локомотивовъ и пр. и пр. Въ то же время, и *въ томъ же* министерствѣ, обсуживаются *финансовыя основанія* предпріятія, приноровленные учредителями, конечно, къ положенію финансовыхъ дѣлъ того дня, когда они подавали просьбу о концесіи. На разсмотрѣніе проекта идутъ мѣсяцы и годы, впродолженіе которыхъ положеніе финансовыхъ дѣлъ измѣняется нерѣдко весьма значительно, такъ что для учредителей оказывается иногда вовсе невозможнымъ воспользоваться дарованною концесіею на предложенныхъ ими же финансовыхъ основаніяхъ, потому что эти основанія совершенно измѣнились ко дню утвержденія концесіи. По разсмотрѣніи и одобреніи проекта министерствомъ путей сообщеній, онъ отсылается въ министерство финансовъ, которое предлагаетъ учредителямъ вопросъ: гдѣ тѣ деньги, на которыя предполагается строить дорогу? Отвѣтъ на это, различный въ формѣ, въ сущности одинъ и тотъ же бываетъ слѣдующій: дайте намъ концесію, тогда мы снѣмемъ деньги, которыя въ конецъ концовъ извлекаются все-таки изъ публики. Этимъ отвѣтомъ сперва удовлетворялись, вслѣдствіе чего печатныя концесіи русскаго правительства, одна другой выгоднѣйшая, распространялись по свѣту, оставаясь безъ всякихъ послѣдствій, за исключеніемъ того, что вредны кредиту Россіи. Вслѣдствіе этого стали выдавать непечатныя концесіи, и требовать предварительно отъ учредителей удостовѣренія, что нужный на дѣло капиталъ собранъ. Легко ли достать подобное удостовѣреніе? Для собранія за границей многомиллионныхъ капиталовъ недостаточенъ *частный* кредитъ каковыхъ бы то ни было русскихъ учредителей, неподдѣранный кредитомъ русскаго правительства. Основаніемъ всякой подобной денежной операціи всегда была и есть одна правительственная гарантія; чѣмъ она безусловнѣе, тѣмъ легче достать деньги.

Хотя при осуществленіи предпріятія и могутъ встрѣтиться тысячи случайностей, вызывающія чрезвычайныя мѣры для окончанія дѣла, но тѣмъ не менѣе правительство не можетъ и не должно принимать на себя всѣ эти случайности, и пополнять изъ казны недочеты частныхъ предпринимателей; другими словами, нельзя давать гарантію безусловно, нельзя обезпечивать всякую сумму, вложенную акціонерами въ предпріятіе. Но ограниченіе суммы показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что правительство не ручается за вѣрность помѣщенія капиталовъ, затрачиваемыхъ на постройку дороги, не ручается за то, что дорога будетъ на эти капиталы дѣйствительно выстроена. Поэтому всякій рѣшающійся дать деньги, рискуетъ не только получить на нихъ процентъ, меньшій того, который назначенъ по концесіи, но рискуетъ потерять и все деньги, потому что взаимныя требуемыхъ капиталовъ учредители ничего не представляютъ; они занимаютъ подъ залогъ дороги, которой еще нѣтъ, да которой можетъ и вовсе не оказаться. При такихъ условіяхъ деньги достать очень трудно; но до-

пустимъ, что снискался антрепренёръ для финансовой операціи и *онъ* даже въ обезпеченіе своей благонадежности нѣкоторый залогъ, который собственно обезпечиваетъ не исполненіе дѣла, а только желаніе быть исполнительнымъ; вся будущность предпріятія зависитъ отъ взгляда публики на дѣло. Контрактъ съ иностранными капиталистами представляется министру финансовъ, который, соображаясь съ достоинствами банкирскихъ фирмъ и съ современнымъ положеніемъ денежнаго рынка, рѣшаетъ, можно ли означенную бумагу (контрактъ) признать достаточнымъ удосто- вѣреніемъ въ томъ, что нужный на дѣло капиталъ найденъ, и принимаетъ этимъ самымъ на себя важную, нравственную конечно, отвѣтственность за *устыхъ* самаго дѣла. Въ случаѣ благопріятнаго приговора министра финансовъ, дѣло представляется, чрезъ комитетъ министровъ, на утвержденіе Государя Императора; концесія получаетъ форму закона, открывается подписка на бумаги общества, и начинается постройка. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ силу необходимости, постройка дѣйствительно начинается тотчасъ же, какъ только представится физическая къ тому возможность; еслибы строитель вздумалъ придерживаться буквы установленныхъ для его порядковъ, то онъ не *начался бы* и чрезъ нѣсколько лѣтъ. Онъ долженъ былъ бы выждать: а) окончанія соглашеній *со всеми* землевладѣльцами, чрезъ земли коихъ идетъ дорога, что просто нельзя предвидѣть, ибо нерѣдко нельзя отыскать владѣльцевъ, и б) утвержденія исполнительныхъ проектовъ, которые удобно составлять лишь по даннымъ, получаемымъ уже при работахъ, разсматривать же ихъ и утверждать беретъ немало времени. Работы все время находятся подъ надзоромъ правительственной инспекціи и многократно осматриваются, но къ моменту открытія дорога сама признается *de jure* никому неизвѣстною; для освидѣтельствованія ея назначается особая комисія, которая только даетъ *заключеніе*, можно ли открыть дорогу для публики, но окончательно разрѣшаетъ этотъ вопросъ министръ. Проволочекъ опять немало. Короче, за всѣми подобными предпріятіями нельзя не признать полнѣйшаго отсутствія твердой почвы въ области права, техники, составленія капитала и наконецъ въ области составленія разсчета, на основаніи которыхъ опредѣлялся размѣръ капитала, необходимаго для сооруженія желѣзной дороги.

Что же касается до построекъ дорогъ распоряженіемъ казны, то давно извѣстно, что казна—плохой хозяинъ и строитель. Удача или неудача постройки какой бы то ни было дороги зависитъ отъ исполнителей—инженеровъ, отъ многихъ случайностей, которыхъ нельзя предвидѣть и подчинить анализу, отъ направленія, даннаго дѣлу, требующаго, кромѣ разсудка и опытности, также энергіи и призванія—качества, которыя легче ожидать отъ трудящихся въ свою пользу и выгоду, нежели отъ работающихъ по назначенію, по обязанности. Кромѣ того, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ казною:

а) изысканія производятся и проекты составляются лицами, не имѣющими личнаго интереса въ выгодности проведенія линіи;

б) сдѣла, основанная на данныхъ такого проекта дороги, составляется по расцѣнкѣ, за которую составители проекта не отвѣчаютъ. Расходъ правительства на постройку дороги опредѣляется тогда уже, когда дорога готова; другими словами, является *неопредѣленное расходование* государственной казны и притомъ *безконтрольное*, потому что контроль, производимый по бумагамъ, по окончаніи постройки, не можетъ охранить казну отъ напрасныхъ расходовъ, которые уже сдѣланы ко времени контроля;

в) исполненіе дѣла поручается іерархіи мѣстныхъ инженеровъ, находящихся подъ главнымъ руководствомъ центральной желѣзнодорожной администраціи. Имѣя инициативу, они исполняютъ однако то, что имъ предпишутъ изъ Петербурга. При такомъ порядкѣ, скоро строить—мудрено, а строить медленно—значить хоронить миліоны въ землю;

г) наблюденіе за постройками и ихъ освидѣтельствованіе и приемка производятся представителями той же самой администраціи, которая распорядилась постройкой.

Говорятъ нерѣдко, что казенная дорога обойдется правительству дешевле, но при этомъ обыкновенно указываютъ на сумму, поверстно гарантируемую той или другой частной компаніи, и сопоставляютъ ей *надежду*, что казенная дорога обойдется *не дороже* этой суммы, упуская изъ виду, что поверстная стоимость дороги, опредѣляемая для гарантіи, объемлетъ всѣ расходы, а въ цѣну версты казенной постройки не входитъ издержка, сдѣланная на приобрѣтеніе капитала, и расходъ на уплату процентовъ на капиталъ во время постройки дороги. Имѣя тѣ же неудобства, какъ и вышеописанная постройка дороги частными компаніями, казенная постройка сверхъ того требуетъ отъ правительства большаго риска, большаго затрата денегъ и напрасной потери времени. Вслѣдствіе же одновременнаго примѣненія различныхъ способовъ постройки дорогъ, центральная желѣзнодорожная администрація является то самостоятельнымъ строителемъ, то наблюдателемъ за посторонними строителями, которые могутъ и по существу дѣла должны дѣйствовать успѣшнѣе. Но чѣмъ лучше будутъ ихъ дѣйствія, тѣмъ менѣе успѣшными покажутся дѣйствія казенныхъ строителей; отсюда очевидно, чего должны ожидать частные строители отъ центральной желѣзнодорожной администраціи.

Попытки улучшить такое положеніе дѣла, предлагаемыя человекомъ, близку на практикѣ съ нимъ знакомымъ, должны состоять въ слѣдующемъ:

1) въ начертаніи такой сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая, не оставявъ безъ вниманія ни одной мѣстности, дѣйствительно нуждающейся въ желѣзномъ пути, не допускала бы и напрасныхъ повтореній. Опубликованіе этой сѣти сдѣлало бы общензвѣстнымъ,

на постройку казихъ именно желѣзныхъ дорогъ правительство готово сдѣлать пожертвованія;

2) въ устраненіи затрудненій, встрѣчаемыхъ при испрошеніи концесіи, въ упрощеніи и обобщеніи условій, на основаніи которыхъ должна совершиться постройка, и въ категорическомъ отдѣленіи вопроса о приобрѣтеніи капитала отъ вопроса объ обращеніи сего капитала на желѣзную дорогу. Внести залогъ въ то время, когда собственно нѣтъ еще вовсе никакого предпріятія, слишкомъ затруднительно, а потому требованіе это всегда обходить. Если же можно и нужно обходить законъ, то лучше отиѣнить его вовсе. Настоящій, окончательный проектъ дороги, то-есть тотъ, которому будутъ соответствовать, работы составляется лишь по даннымъ, приобрѣтаемымъ во время производства работъ; пока онъ не утвержденъ администраціею, работы производятся на рискъ строителя, который, испрашивая концесію, можетъ представить не проектъ дороги, а только эскизъ. Правда, нельзя строить дороги, безъ проектовъ, утвержденныхъ правительствомъ, нельзя давать гарантію зря, на сумму, требуемую строителями безъ соображенія требованія съ дѣйствительно нужными на постройку дороги расходами. Но нѣтъ никакой необходимости утверждать проекты *по каждой желѣзной дорогѣ отдѣльно*, какъ скоро будутъ преподаны въ общее руководство всѣмъ строителямъ тѣ основныя начала постройки, которыми опредѣляется существенное достоинство сооруженій и принадлежностей дороги. Что же касается до капиталовъ, то приобрѣтеніе ихъ сопровождается всегда съ болѣе или менѣе значительными пожертвованіями, величина коихъ зависитъ отъ положенія денежнаго рынка и не можетъ быть опредѣлена заранее разъ навсегда. Это вопросъ чисто-финансовый, неизмѣющій ничего общаго съ постройкою дороги, а потому его и должно отдѣлить совершенно отъ соображенія объ издержкахъ на самия постройки и во время построекъ. Издержки эти распадаются на двѣ группы, изъ коихъ въ первую должны идти расходы *общіе* всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, а во вторую—расходы *особенные*, нужны только въ исключительныхъ случаяхъ. Точное опредѣленіе расходовъ первой группы ведетъ къ опредѣленію такой поверстной гарантіи, которую слѣдуетъ присвоить *всякому участку* желѣзной дороги и о которой, слѣдовательно, нѣтъ надобности договариваться; оно исключаетъ необходимость предварительныхъ сметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало бы окончательно ненужными и предварительные проекты дороги. Если будетъ найдено возможнымъ признать и назначить общую поверстную оцѣнку желѣзной дороги, при обыкновенныхъ условіяхъ постройки, если будетъ указанъ порядокъ для расцѣпки тѣхъ работъ, которыя даютъ право на увеличеніе гарантируемаго капитала, и если будетъ предоставлена строителю большая свобода дѣйствій, причеиъ будутъ приняты также мѣры, ограждающія государственный интересъ отъ случайностей и потерь—тогда постройка желѣзныхъ дорогъ въ Рос-

сін сдѣляется дѣломъ твердаго расчета, которое подойдет всякому капиталисту.

Перехода послѣ этого къ частностямъ, какъ-то къ проекту, размѣрамъ будущихъ сооружений и основаніямъ для работъ и расчетовъ, фонъ-Дервизъ опредѣляетъ и *нормальную цифру*, которая должна выразить дѣйствительную поверстную стоимость желѣзнаго пути со всѣми онаго принадлежностями, устроеннаго и снабженнаго согласно его предположеніямъ. Со включеніемъ всѣхъ придаточныхъ расходовъ, эта нормальная поверстная стоимость желѣзной дороги опредѣляется въ 59,175 рублей, причеиъ г. фонъ-Дервизъ ручается, что на протяженіи 300 верстъ къ юго-востоку и къ югу отъ Козлова, а также по направленію отъ Орла черезъ Курскъ къ Киеву (за исключеніемъ моста чрезъ Днѣпръ) желѣзная дорога можетъ быть выстроена на изложенныхъ имъ условіяхъ *безъ всякой надбавки къ выведенной имъ нормальной поверстной цѣнѣ*.

Мы вполне увѣрены, что важность затронутаго г. фонъ-Дервизомъ вопроса заставитъ обратить серьезное вниманіе на изданную имъ брошюру не только со стороны нашихъ частныхъ строителей, но и со стороны администраціи, которая, безъ сомнѣнія, незамедлитъ принять мѣры къ устраненію затрудненій и излишнихъ формальностей, встрѣчающихся при полученіи въ настоящее время концесій на постройку желѣзныхъ дорогъ, число которыхъ понемногу увеличивается и въ нашемъ отечествѣ. Такъ изъ Собранія Постановленій правительствующаго сената сего года узнаемъ мы, что 17-го декабря 1865 года утверждена концесія на ливію желѣзной дороги отъ Витебска до Орла на слѣдующихъ, между прочимъ, условіяхъ:

1) Сэръ Самуилъ Мортонъ Пито обязуется въ теченіе шести мѣсяцевъ по утвержденіи концесіи, составить общество для устройства на свой счетъ и рискъ желѣзной дороги отъ Витебска до Орла въ *одну путь*, со всѣми принадлежностями, причеиъ въ удостовѣреніе составленія общества и въ обезпеченіе надлежащаго устройства дороги представляетъ залогъ въ двѣсти тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

2) концесія эта дается на 85 лѣтъ, считая отъ совершеннаго окончанія работъ по устройству дороги, причеиъ общество обязано приступить къ работамъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ, считая со дня утвержденія концесіи, а всю ливію окончить и открыть для движенія до истеченія пяти лѣтъ;

3) на все время срока концесіи правительство гарантируетъ обществу 5% чистаго дохода на *нарицательный капиталъ* въ шесть миліоновъ пятьсотъ-восемьдесятъ-двѣ тысячи пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, образуемый выпускомъ акцій и облигацій. Сверхъ того гарантируется на все время дѣйствія концесіи ежегодно, начиная со времени открытія движенія по всей ливіи, $\frac{1}{12}$ часть процента съ означеннаго капитала для погашенія онаго въ продолженіе 85 лѣтъ. Каждая акція, по коей уплачено 80 фун-

товъ стерлинговъ (вмѣсто ста), считается акціею вполне оплаченною, и въ томъ выдается свидѣтельство; уступка эта не должна превышать 4 шиллинговъ съ фунта стерлинга. Акціи и облигаціи могутъ быть выражены и въ голандскихъ гульденахъ и прусскихъ талерахъ, но цѣвъ не выше 6 прусскихъ талеровъ 24 зильбергрошей и 11 голандскихъ гульденовъ 80 центовъ на каждый фунтъ стерлинга;

4) средняя цѣна версты полагается въ *тринадцать тысячъ сто шестьдесятъ-пять* фунтовъ стерлинговъ; длина всей линіи опредѣлена въ 500 верстъ, которыя и раздѣляются на 2 участка: отъ Витебска до Рославля, и отъ Рославля до Орла. Такимъ образомъ витебско-орловская дорога пройдетъ по всѣмъ вѣроятіямъ черезъ горела: Смоленскъ, Рославль, Брянскъ, Карачевъ до Орла, и поставитъ наши хлѣбородныя губерніи нетолько въ близкое соотношеніе съ губерніями западными, наиболѣе страдающими отъ неурожаевъ, но также будетъ способствовать увеличенію нашей отпущенной торговли изъ рижскаго порта, который въ непродолжительномъ времени соединится съ Витебскомъ, также желѣзною дорогою, доведенною уже чрезъ Динабургъ до Дриссы.

Коснувшись желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, мы не можемъ умолчать также объ одной просьбѣ получить концесію, возбужденной, однако, довольно значительную полемику въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ежедневныхъ журналовъ. Директоръ австрійской лемберго-черновидцкой дороги Оффенгеймъ просилъ, на весьма невыгодныхъ притомъ для насъ условіяхъ, концесію на устройство дороги вдоль Бессарабіи отъ Новоселица (нашего пограничнаго мѣстечка близъ Черновицы) до Тирасполя на Днѣстрѣ, куда уже устроена дорога отъ Одессы. Вслѣдствіе этого произведены были изысканія для соединенія Одессы какъ съ лембергскою дорогою черезъ Бессарабію, такъ и чрезъ *Подольскую* губернію въ направленіи на Тарнополь, лежащій между Лембергомъ и Черновиками, результаты которыхъ заставляютъ отдать полное преимущество линіи, идущей чрезъ Подольскую губернію, а не черезъ Бессарабію, что, конечно, очень не понравилось г. Оффенгейму и вызвало съ его стороны нѣсколько возраженій противъ подольской линіи, изъ коихъ главнѣйшія слѣдующія:

1) германскія желѣзныя дороги нужно соединить съ Одессою не чрезъ Подолію, а чрезъ Черновицы — что справедливо съ *австрійской* точки зрѣнія, но для Россіи нѣтъ причинъ и выгоды лишать сбыта хлѣбороднѣйшія свои губерніи, и предоставлять Австріи всѣ шансы къ подавленію нашей торговли на Черномъ морѣ и на востокѣ.

2) въ случаѣ постройки подольской линіи, Австрія поведетъ свою дорогу изъ Черновицы не по Бессарабіи, а чрезъ Молдавію, въ Галацъ (на Дунаѣ), и по ней уже будетъ отправлять свои грузы, чѣмъ и отвлечетъ отъ Одессы весь транзитъ Западной Европы въ Азію. На это замѣчаютъ совершенно основательно, что въ Галацъ не приходятъ морскія суда, слѣдовательно, пройди

200 верстъ на рѣчныхъ судахъ до моря, нужно будетъ перегружаться, а въ тому же, Дунай по крайней-мѣрѣ четыре мѣсяца въ году покрытъ льдомъ. Слѣдовательно, нѣтъ причинъ отдать предпочтеніе Галацу предъ Одессой, какъ скоро и она будетъ соединена подольскою желѣзною дорогою съ сѣтью австрійскихъ дорогъ. Что же касается выгодъ отъ транзита, то онъ въ отношеніи чужихъ товаровъ ограничивается только таможенными съ нихъ сборомъ, если таковой существуетъ, и платою за провозъ товаровъ на протяженіи 100 верстъ отъ Тирасполя до Днѣстра. Но съ этимъ вмѣстѣ уничтожается наша торговля на Востокъ, тогда какъ проведеніе дороги чрезъ Подолію не только привлечетъ транзитъ, но еще ускоритъ соединеніе Одессы съ Киевомъ, откроетъ сбытъ произведеніямъ нашихъ хлѣбородныхъ юго-западныхъ губерній, послужитъ въ развитію полезной производительности, увеличитъ нашъ отпускъ за границу, и тѣмъ будетъ содѣйствовать улучшенію нашего курса;

3) для бессарабской линіи компанія готова, а подольская линія — мечта. На дѣлѣ же оказывается, что нѣтъ компаній и для Бессарабской области. Изъ рѣчи самого же Оффенгейма, помѣщенной въ изданной бессарабскимъ статистическимъ комитетомъ книжечкѣ о направленіи одесско-лембергской желѣзной дороги, видно, что онъ самъ не капиталистъ, что онъ не можетъ собрать капиталы для проведенія дорогъ изъ Черновицъ къ Галацу, что англійскія фирмы отдадутъ предпочтеніе линіи, которая придетъ изъ Черновицъ къ Одессѣ чрезъ Бессарабію или Подолію *безразлично*. Но полное преимущество подольской линіи передъ бессарабской выказывается еще слѣдующими цифрами. На стоверстной въ ширину полосѣ, вдоль по подольской линіи, народонаселеніе составляетъ 4,073 человекъ на версту дороги, а на бессарабской — только 2,114 человекъ; количество обработанныхъ земель на первой 3,236 десятинъ, а на второй — только 1,331 десятина; лѣсовъ: на первой — 1,441 десятина, а на второй — 612. Отсюда очевидна и разница въ количествѣ грузовъ, какое пойдетъ съ окрестности той и другой дороги, и разница въ цѣнѣ топлива. Кромѣ того, принявъ бессарабскую линію, нужно будетъ построить 355 верстъ (отъ Черновицъ на рѣкѣ Прутѣ до Тирасполя или Парканъ на Днѣстрѣ, гдѣ она примкнетъ къ одесско-балтской дорогѣ); произвести земляныхъ работъ по 5,330 куб. сажени на версту, и издержать 29.587,000 руб., тогда какъ по *подольской линіи* придется построить съ того пункта, гдѣ она отдѣляется отъ кievской дороги, только 197 верстъ, сдѣлать только 3,246 куб. саж. земляныхъ работъ на версту, и издержать только 10.000,000 руб. сереб. Цифры эти служатъ самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу *подольской* линіи, постройка которой является крайнею необходимостью и въ военномъ стратегическомъ отношеніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Австрія устроила уже себѣ такую дорогу на нашихъ юго-западныхъ границахъ. Вся лемберго-черновидцкая дорога — австрійская военная дорога, отнюдь не комер-

ческая, и продолженіе ея въ Одессѣ будетъ также австрійскою военною дорогою. Она задумана была въ 1863 году, во время дипломатической кампаніи противъ Россіи, и сближенія Австріи съ двумя западными державами, и вотирована была не только правительствомъ, но и австрійскою имперскою думою, причѣмъ акціонерамъ дана гарантія, неслышанная въ Австріи — въ 7 процентовъ. Такая щедрость объясняется тѣмъ лишь, что Австрія нельзя было медлить; и необходимость заставляла давать такіе проценты, чтобы открыть себѣ военные ворота въ Молдавію, ближайшее къ Россіи изъ двухъ дунайскихъ княжествъ, и чтобы обезпечить себѣ возможность занять эти княжества прежде, нежели займутъ ихъ русскія войска, сдѣлавъ чрезъ это послѣднимъ занятіе княжествъ затруднительнымъ. Это все на случай недоразумѣній по восточному вопросу; а по какимъ-либо другимъ европейскимъ дѣламъ, можетъ принести немалую пользу и другой конецъ дороги. Оканчиваясь Лембергомъ, соединеннымъ со всѣми желѣзными дорогами австрійскими и германскими, и отстоящимъ отъ границы Люблинской губерніи верстъ на 80, дорога эта упирается почти что не въ самое Царство Польское*, этогъ пороховой боковой, самымъ легкимъ образомъ воспламеняемый искрою какого-либо посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе непріятельскимъ вторженіемъ въ наши предѣлы. Можемъ ли мы послѣ всего этого медлить сооруженіемъ подольской желѣзной дороги, которое не представляется особенно значительнымъ даже, какъ скоро Балта будетъ соединена съ Кіевомъ желѣзною дорогою, что должно послѣдовать въ скоромъ времени, какъ узнаемъ мы это изъ №№ 60 и 71 «Русскаго Инвалида». По соглашенію министерствъ военнаго и путей сообщенія, въ настоящемъ году три дивизіи пѣхоты будутъ употреблены для работъ по устройству полотно желѣзной дороги отъ Кіева до Балты: одна дивизія начнетъ работы близъ Балты (отъ деревни Борщи до Слободзей), другая близъ Кіева по направленію къ Борщаговкѣ, а третья близъ г. Винницы. Такому исполнѣ полезному въ мирное время употребленію войска на одну изъ самыхъ существенныхъ государственныхъ потребностей можно, по нашему мнѣнію, лучше всего выразить полное свое сочувствіе искреннимъ желаніемъ возможно бѣльшаго примѣненія на дѣлѣ этого совершенно новаго у насъ явленія. До сихъ поръ войска никогда въ нашемъ государствѣ не назначались на подобныя полезныя предпріятія.

Въ заключеніе мы можемъ сообщить читателямъ, что по словамъ той же газеты, окончательно утверждена 8-го февраля курско-харьковско-таганрогско-ростовская желѣзная дорога и учредители компаніи приступили къ дѣлу; и что, соображаясь съ ходомъ работъ по постройкѣ южной желѣзной дороги, можно надѣяться, что паровое движеніе, открываемое на части дороги въ

* Лембергъ отстоитъ въ 80 верстахъ отъ Томашева (нашего таможеннаго пограничнаго пункта), находящагося въ ста верстахъ отъ Люблина.

теченіе осени настоящаго года, въ концѣ 1867 года соединить Москву съ Курскомъ. Одну четверть земляныхъ работъ по этой линіи предположено произвестъ арестантами гражданскаго вѣдомства и штрафными нижними воинскими чинами.

НО ВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Собраніе сочиненій Герберта *Спенсера*, выпускъ 1-й, заключающій въ себѣ научные, политическіе и философскіе опыты. Ц. 1 р. 75 к. Спб. 1866 г. Въ книжной торговлѣ Тиблена.

Тиндаль. Устройство вселенной; въ книжномъ магазинѣ Печатинова. Спб. 1866 г. Ц. 20 к.

Анатомія лягушки, соч. *Эккера*, профессора анатоміи и сравнительной анатоміи въ Фрейбургѣ, переводъ С. Ламанскаго, изданіе книжнаго магазина Яковлева, выпускъ 1-й. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія новороссійскаго драгунскаго полка, составлена капитаномъ Потто. Спб. 1866 г. Ц. 5 р.

Новая Земля въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Ц. 2 р. Спб. 1866 г., изданіе императорскаго русскаго географическаго общества.

Записки по отдѣленію статистики. Томъ I, заключающій въ себѣ изслѣдованія о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи, сочиненіе *Гылъровскаго*. Ц. 1 р. 50 к., изданіе импер. русск. географ. общества. Спб. 1866 г.

Карлъ *Фогтъ*. Статьи по естествовѣдѣнію и другія, переводъ Конради, одинъ томъ. Ц. 1 р. Спб. 1866 г. Изданіе Генкеля.

Подробный сравнительный обзоръ четвероевангелія, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ пособіе къ основательному изученію евангельской исторіи. Составилъ протоіерей *Гречулевичъ*. Выпускъ 3-й (окончаніе 2-й части). Цѣна за обѣ части въ трехъ выпускахъ 3 р. 50 к. Спб. 1866 г.

Изслѣдованіе о возрастномъ составѣ женскаго православнаго населенія Россіи. В. Я. *Буняковскаго*, дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. 1866 г. Спб. Ц. 80 к.

Приложенія къ сочиненію Миттермайера: 1) О необходимости для юристовъ судебной медицины, сочиненіе *Лимана*, профессора берлинскаго университета. Границы между судейской и судебно-медицинской дѣятельностью, *Пфотенауера*, профессора берлинскаго университета. Цѣна за выпускъ 60 к.

Трактатъ Гринингера о холерѣ, переводъ съ нѣмецкаго *Ботословскаго*, просмотрѣнный профессоромъ *Варвинскимъ*. Москва. 1866 г. Ц. 1 р.

Омъ тѣмъ *Anatomy of Vertebrates. Vol. 1. Fishes and Reptiles.* By Richard *Owen*. (Объ анатоміи позвоночныхъ. Томъ 1. Рыбы и пресмыкающіяся, Ричарда *Оуена*).

Внотан, and the Story of the Doogar War, including Sketches of Three Months' Residence at the Himalayas. By D. F. *Rennie*. (Ботанъ, и исторія дуарской войны, съ очерками трехмѣсячной резиденціи въ Гималайскихъ горахъ, Д. Ф. *Ренни*).

CAST AWAY on the Auckland Isles. From the Journal of Captain Thomas *Musgrave*. (Кораблекрушение близъ Ауکلандскихъ острововъ. Изъ журнала капитана Т. Мусгрева).

CELEBRATED Naval and Military Trials. By Peter *Burke*. (Знаменитые морские и военные процессы, П. Борка).

THE CONSTITUTIONALISM of the Future. By J. *Lorimer*. (Конституционализмъ будущаго времени, Дж. Лоримера).

A CRITICAL History of Christian Literature and Doctrine, from the Death of the Apostles to the Nicene Council. By James *Donaldson*. (Критическая исторія христіанской литературы и доктринъ, со времени смерти апостоловъ до никейскаго собора, Джамса Дональдсона).

A HISTORY of the Gipsies; with Specimens of the Gipsy Language. By Walter *Simson*. (Исторія цыганъ; съ образцами ихъ языка. Уальтера Симсона).

AN INQUIRY into the Causes of the Poverty and Discontent in Ireland, with Suggestions for their Removal. By F. M. *Jennings*. (Исследование причинъ бѣдности и недовольства въ Ирландіи, съ предположеніями какъ бы уничтожить ихъ, Ф. М. Дженнингса).

INTRODUCTION to Modern Chemistry, Experimental and Theoretic. By A. W. *Hofmann*. (Введеніе въ новую химию, экспериментальную и теоретическую, А. В. Гофмана).

THE MASTERY of Languages; or the Art of Speaking Foreign Tongues Idiomatically. By Thomas *Prendergast*. (Умѣнье владѣть языками, или искусство говорить на иностранныхъ языкахъ согласно съ духомъ ихъ, Томаса Прендергаста).

NOTES on Cholera: its Nature and Treatment. By George *Johnson*. (Замѣчанія о холерѣ, ея природа и леченіе, Джорджа Джонсона).

THE PHYSICAL History of the Earth. Meditations by a Student. (Физическая исторія земли. Размышленія студента).

THE PROPHETS of Israel and Judah during the Assyrian Empire. By Rowland *Williams*. (Пророки Израиля и Иуды во время Ассирійской имперіи, Р. Уильямса).

QUIDAN; a Cruise in Japanese Waters, and the Fight on the Peiho. By Captain *Osborne*. (Кведа: плаванье въ японскихъ водахъ, и сраженіе на Пейхо, капитана Осборна).

SWISS PICTURES Drawn with Pen and Pencil. The Illustrations by E. *Whymper*. (Виды Швейцаріи, нарисованные перомъ и карандашомъ. Иллюстраціи Э. Уимпера).

TEN YEARS in Sarawak. By Charles *Brooke*. (Десять лѣтъ въ Саравакѣ, Чарльса Брука).

THOUGHTS on the Future of the Human Race By W. *Ellis*. (Мысли о будущемъ человѣческаго рода, Уил. Эллиса),

THE TREASURY of Bible Knowledge, being a Dictionary of the Books, Persons, Places, Events and other matters of which mention is made in Holy Scripture, intended to Establish its Authority and illustrate its Contents. By John *Ayre*. (Сокровищница библейскаго знанія, или словарь книгъ, лицъ, мѣстъ, событій и другихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ св. Писаніи, составленный для поддержанія авторитета библии и объясненія того, что содержится въ ней, Джона Айра).

THE TREASURY of Botany: a Popular Dictionary of the Vegetable Kingdom. Edited by John *Lindley* and Thomas *Moore*. (Сокровищница ботаники: популярный словарь растительнаго царства, изданный Линдлеемъ и Муромъ).

ON WAKERFULNESS. With an Introductory Chapter on the Physiology of of

gleep. By W. A. Hammond. (Бодрствованіе, долготерпимое вступательной главою о физиологіи сна, У. А. Гамонда).

AMÉRIQUE ÉQUATORIALE; son histoire pittoresque et politique, sa géographie et ses richesses naturelles, son état présent et son avenir, par Don Henrique V-te Onfroy de-Thoron. (Экваторіальная Америка, ея исторія, географія, естественныя богатства, настоящее и будущее состояніе, г. Торона).

LE CAPITALISME Sauvage, par M. Jules Noriac.

CONSIDÉRATIONS GÉNÉRALES sur les animaux fossiles de Pikermi, par M. A. Gaudry. (Общій взгляд на ископаемыхъ животныхъ Пикерми, А. Годри).

LE DOUTE et ses victimes dans le siècle présent, par M. l'abbé Louis Buisson. (Сомнѣніе и его жертвы въ текущемъ вѣкѣ, абата Луи Буиссона).

ESTHÉTIQUE GÉNÉRALE et appliquée, contenant les règles de la composition dans les arts plastiques, par David Sutter. (Общая и прикладная эстетика, содержащая правила композиціи въ пластическихъ искусствахъ, Д. Сюттера).

ÉTUDES sur les beaux-arts en France et en Italie, par M. V-te Henri Delaborde. (Этюдъ объ изящныхъ искусствахъ во Франціи и Италиі, Генри Делаборда).

ÉTUDES historiques sur les traités publics chez les Grecs et chez les Romains, depuis les temps les plus anciens jusqu'aux premiers siècles de l'ère chrétienne, par E. Egger. (Историческіе этюдъ объ общественныхъ трактатахъ у грековъ и римлянъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до первыхъ вѣковъ христіанской эры).

ÉTUDES sur le but de la vie, ou défense du christianisme contre les principales erreurs modernes, par F. V. Roger. (Этюдъ о цѣли жизни, или защита христіанства противъ главныхъ заблужденій нашего времени, Ф. В. Рожера).

LA FRANCE sous Louis XV, par M. Alphonse Jobes. (Франція въ царствованіе Людовика XV, А. Жобе).

GALERIE historique des comédiens de la troupe de Talma, par E. D. de Manne. (Историческая галерея актеровъ, составлявшихъ труппу Тальмы, Э. Д. Манна).

GUIDE théorique et pratique de l'amateur de tableaux, étude sur les imitateurs et les copistes des maîtres de toutes les Ecoles dont les oeuvres forment la base ordinaire des galeries, par Théodore Lejeune, artiste peintre. (Теоретическое и практическое руководство для любителя картинъ, Т. Лезжена).

HISTOIRE de Charles VII, roi de France, et son époque (1404—1461), par M. Vallet de Viriville. (Исторія французскаго короля Карла VII, и его эпоха, г. Виривилля).

LETTERS inédites de Dianne de Poytiers, publiées d'après les manuscrits de la bibliothèque impériale, par M. G. Guiffrey. (Неизданныя письма Діаны де-Пуатье, напечатанныя по рукописямъ императорской библіотеки. Ж. Гуффрей).

MÉLANGES sur l'Art contemporain, par Henri Delaborde. (Кое что о современномъ искусствѣ, Г. Делаборда).

DE LA MÉTHODE d'observation dans son application aux sciences morales et politiques, par P. A. Dufau. (О методѣ наблюденія, прилагаемомъ къ нравственнымъ и политическимъ наукамъ, П. А. Дюфо).

LA POLICE sous Louis XIV. Procès de Fouquet. La Reynie. D'Argenson. La Chambre des Poisons. Les Protestants. Les Famines. Les Emeutes etc., par M. Pierre Clément. (Полиція въ царствованіе Людовика XIV, Пьера Клемана).

LA SATIRE en France ou la littérature militante au XVI siècle, par M. C. Lenient. (Сатира во Франціи, или воинственная литература въ XVI вѣкѣ. г. Леньяна).

BAUERNS' Flota, von A. F. Bernard. (Баварская флота, А. Ф. Бернарда).
 BEITRÄGE zur Naturgeschichte der Hydromedusen, von D. Ernst Häckel. (Къ естественной исторіи гидромедузъ, Д. Э. Геккеля).

Das Criminalrecht der römischen Republik, von A. W. Zumpt. (Уголовное право римской республики, А. В. Цумпта).

FÜHRE durch den Schwarzwald, von Dr. K. W. Schnars. (Проводникъ по Шварцвалду, К. В. Шнарса).

GRUNDRIß der allgemeinen und speciellen Gewebelehre des Menschen, von Theodor Hessling. (Основанія общей и частной теоріи тканей человѣческаго тѣла, Т. Гесслинга).

LEBEN des Albrecht von Sachsen, als Reichsmarschall, von Alfred v. Vissot. 11 Band. (Герцогъ Альбрехтъ саксонскій, какъ маршалъ имперіи, А. Виссома).

Das Hochgebirge von Grindelwald. Naturbilder aus der schweizerischen Alpenwelt, von Dr. Christoph Alby. (Гриндельвальдскія горы. Картины природы изъ міра швейцарскихъ Альпъ, Хр. Альбы).

DIE INDO-AUSTRALIENISCHE Lepidopteren-Fauna in ihrem Zusammenhang mit der europäischen nebst den 8 Hauptfaunen der Erde, von Gabriel Koch. (Индо-австралійскія чешуекрылы, Г. Коха).

DES KREISLAUF des Wassers auf der Oberfläche der Erde, von H. W. Dove. (Кругообращеніе воды на земной поверхности, Г. В. Дове).

DAS LEBEN des Feldmarschalls Grafen Reithardt von Gneisenau, von G. H. Perts, 11 Band.

DIE MÄHNISCHEN des Siddhi Kür. Kalmükischer Text mit deutschen Uebersetzung und einem kalmükischen Wörterbuch. Herausgegeben von B. Jürg. (Сказки Саид-кюра. Калмыцкій текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ и калмыцкимъ словаремъ, В. Юльга).

DES POLIZEI-SPION. Roman aus dem Leben eines Wiener Polizeiagenten, von K. Haffner. (Полицейскій шпионъ. Романъ изъ жизни агента вѣской полиціи, К. Гафнера).

DIE RECHTE der Israeliten, Athener und Römer mit Rücksicht auf die neuen Gesetzgebungen, von Dr. Samuel Mayer. (Права евреевъ, афинянъ и римлянъ съ отношеніемъ ихъ къ новѣйшимъ законодательствамъ, С. Майера).

SHAKESPEARESTUDIEN, von Gustav Rümelin. (Этюдъ о Шекспирѣ, Г. Рюмелина).

SKLAVEREI und Emancipation der schwarzen Race in den Vereinigten Staaten von Nordamerika, von C. Gödel. (Рабство и освобожденіе отъ него черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, К. Гёдела).

TAGEBUCH einer italienischen Reise, von Max Nohl. (Дневникъ путешествія по Италіи. Макса Ноля).

Ursprung und die Verhütung der Seuchen. Erläutert durch das Beispiel der ansteckenden Cholera, von Dr. W. F. P. Kiehl. (О происхожденіи и отвращеніи эпидемій. Соображенія, основанныя примѣромъ заразной холеры, В. Кийля).

VOVRSCHULE der Botanik für den Gebrauch an höheren Classen der Mittelschulen, von M. Wretschke. (Начала ботаники для высшихъ классовъ среднихъ училищъ, М. Вречке).

DAS WESTRÖMISCHE Reich, besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus (375—388), von Dr. Heinrich Richter. (Западно-римская имперія, особенно въ царствованіи императоровъ Граціана и т. д., Г. Рихтера).



ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домъ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

Новости для одного фортепьяно:

Piano solo.

- ARBAN. Polka de l'Opéra «Un Ballo in Maschera» 60 к.; Polka brillante de l'Opéra «Le Capitaine Henriot» 60 к.; Quadrille militaire de l'Opéra «Le Capitaine Henriot». 60 к.
- ARDITI, L. E amor del mondo, Valse arr. par *J. Rummel*. 60 к.
- ASCHER, J. Les Sylphes des Bois, Caprice Féérique. Op. 119, 1 p. 50 к.; Vision, Caprice fantastique. Op. 120, 1 p. 35 к.; Volhynia, Mazurka de Concert. Op. 121, 1 p.; Souvenir Théâtral, Fantaisie sur des motifs de l'op. «Lara». Op. 122, 1 p. 20 к.; Rita, Mazurka, 1 p.
- BAUMANN, E. Transcription variée sur la Romance «La Charité» de *Mercier*. Op. 23, 90 к.
- BERNARD, P. Ay Chiquita, Chanson espagnole, transcrite et variée. Op. 79, 75 к.
- BRASSIN, L. Choeur des Soldats de l'Opéra «Faust» de *Gounod*. Transcription de Concert. Op. 27, 1 p. 20 к.
- BURGMÜLLER, FRÉD. La Flûte enchantée, Valse de Salon, 1 p.
- CRAMER, H. Marche brillante sur des motifs de l'op. «Lara», 60 к.; Potpourris sur des motifs d'opéras favoris: № 157. *Meyerbeer*. «L'Africaine», 90 к.
- CROISEZ, A. Ranz des Vaches suisse et le Ranz des Chèvres. Divertissement champêtre. Op. 144, 90 к.; Le Mal du pays, Fantaisie. Op. 146, 90 к.; Petit Caprice sur «La fille du Régiment». Op. 147, 90 к.
- DAUSSOIGNE-MÉHUL, A. 4 Romances sans paroles. Op. 63, 1 p. 35 к. Séparément: № 1. Solitude, 45 к.; № 2. Hymne, 30 к.; № 3. Le Retour, 45 к.; № 4. Régrets, 45 к.; Badinage, Caprice. Op. 65, 75 к.
- DUCCI, CH. La Graziosa, Caprice élégant. Op. 7, 90 к.; A Toi. Romance sans paroles. Op. 19, 45 к.
- DUPONT, A. 1-re Ballade. Op. 43, 90 к.; 2-me Ballade. Op. 44, 1 p.
- DUVERNOY, J. B. Fantaisie sur des motifs de l'op. «L'Africaine» de *Meyerbeer*. Op. 280, 90 к.
- FAUCONIER, B. C. L'italienne, Etude mélodique. Op. 82, 1 p.
- GERVILLE, L. P. Vermont, Grand Galop-brillant. Op. 99, 60 к.
- GERVILLE, L. P. Coquetterie, Impromptu brillant. Op. 100, 1 p.
- GEVAERT, F. A. Le Capitaine Henriot, Ouverture, 75 к.; Le Capitaine. Henriot, Chant de Guerre, Transcription, 45 к.

- GODEFROID, F. Le Carnaval de Rome. Op. 124, 1 p. 35 к.; Grande Valse. Op. 125, 90 к.; Rondo russe. Op. 126, 1 p. 35 к.
- GODFREY, D. Les Gardes de la Reine, (The Guards Waltz), Valse, 1 p.
- HESS, J. Ch. Halte militaire, Chant du Bivouac de *Kücken*, Divertissement. Op. 91, 90 к.; Bouquet fané, Réverie. Op. 92, 75 к.; Les Rameaux, Hymne. Op. 93, 90 к.; Fantaisie des Clochettes de «la Flûte enchantée». Op. 95, 90 к.; Pamina, Polka brillante sur «la Flûte enchantée». Op. 96, 75 к.
- KÉLER-BÉLA. Entre Paris et Wiesbaden, Polka. Op. 71, 30 к.
- KETTERER, E. «Macbeth», Opéra de *Verdi*, Fantaisie-Transcription. Op. 157, 1 p. 20 к.; Douce Espérance, Nocturne. Op. 158, 90 к.; Soirée polonaise. Op. 159, 90 к.; Le Chant du Nautonnier. Op. 160, 75 к.; Nuit d'Orient, Réverie. Op. 161, 75 к.; Noël, Chant religieux, transcrit. Op. 162, 1 p.; Caprice militaire sur des motifs de l'op. «Le Capitaine Henriot». Op. 163, 90 к.; «Les Absents», Opéra de *Poise*, Fantaisie-Transcription. Op. 163-bis, 90 к.; Souvenirs mélodiques de la «Flûte enchantée», Fantaisie. Op. 164, 90 к.; Fantaisie brillante sur des motifs de l'op. «Le Saphir» de *David*. Op. 167, 1 p.; Valse fantastique sur des motifs de l'op. «Macbeth» de *Verdi*. Op. 168, 1 p.; Fantaisie élégante sur des motifs de l'op. «Crispino e la Comare», de *Ricci*. Op. 169, 1 p.; Fantaisie de Salon sur des motifs de l'op. «L'Africaine» de *Meyerbeer*. Op. 170, 1 p. 20 к.
- KREMER, J. La Fileuse, Caprice. Op. 45, 90 к.
- KRÜGER, W. Douce Souvenance, Andante-Nocturne. Op. 130, 75 к.; Allégresse, Caprice brillant. Op. 131, 1 p.; «La Flûte enchantée», Transcription variée. Op. 132, 1 p.
- KUHE, W. Les Gardes de la Reine (The Guards Waltz), Valse, Transcription élégante, 1 p.
- LABÍTZKY, J. Palerme, Suite de Valses (Palermo-Walzer), Op. 264, 75 к.; Marie, Quadrille. Op. 265, 60 к.
- LECARPENTIER, A. «Un Ballo in Maschera», Petite Fantaisie Op. 234, 90 к.
- LEYBACH, J. Fantaisie sur «Roland de Roncevaux», Opéra de Mermet. Op. 71, 1 p. 20 к.; Tarentella. Op. 72, 1 p.; Cantilena. Op. 73, 90 к.; Les Amarantes, Caprice-Mazurke. Op. 74, 1 p. 20 к.; «La Flûte enchantée», Fantaisie élégante. Op. 77, 1 p. 20 к.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать съ музыкальными сочиненіями, иль и какъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

А. Дарного Ин-та

